

РУССКАЯ МЫСЛЬ

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

6
ГОДЪ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

КНИГА VII.

МОСКВА.

—
1895.

P Slav 605.10
~~Slav 30.11~~

HARVARD COLLEGE LIBRARY
GIFT OF
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
6 FEB 1925

Москва, типо-литогр. Высочайше утвержд. Т-ва М. Н. Кушнеревъ и К°.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	<i>Стр.</i>
I. ХЛѢБЪ. (Романъ). <i>Продолженіе</i> .—Д. Н. Мамина-Сибиряка	1
II. МАРЧЕЛЛА. Романъ жистрісь Уордъ. Переводъ съ англійскаго А. С. М. <i>Продолженіе</i>	52
III. СЧАСТЛИВЫЙ. (Разсказъ).—И. Н. Потапенка	83
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—Н. Д. Бальмонта	144
V. БАМО ГРЯДЕШИ? (QUO VADIS). Романъ изъ времянь Нерона. Генрика Сенкевича. Переводъ съ польскаго В. М. Л. <i>Продолженіе</i>	145
VI. ЦЕЗАРЬ ЛОМБРОЗО, КАЕЪ УЧЕНЫЙ И МЫСЛИТЕЛЬ. — И. Д — ова	1
VII. АНГЛІЙСКАЯ ПУГАЧЕВЩИНА. <i>Продолженіе</i> . — М. М. Ковалевскаго	24
VIII. КОРОЛЬ ЛИРЪ. Георга Брандеса. Переводъ съ датскаго В. М. С.	56
IX. НОВЫЙ ТРУДЪ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. (<i>Проф. А. И. Незеленовъ</i> : «Исторія русской словесности». 4-е изданіе. Спб., 1895 г.).—Вл. В. Калаша	64
X. ИСТОРИЧЕСКІЙ МЕТОДЪ ВЪ БІОЛОГИИ. VI. Разрѣшеніе морфологическаго задачи.—К. А. Тимирязева.	72
XI. СОВѢСТЬ И ЗНАНІЕ.—М. О. Меньшикова	90
XII. РОССИЯ И ДАНИЯ ПРИ ИМПЕРАТРИЦѢ ЕКАТЕРИНѢ I. (По документамъ датскаго архива). <i>Продолженіе</i> .—А. Г. Брикнера.	104
I. КЪ ВОПРОСУ О МЕЛКОМЪ СЕЛЬСКО - ХОЗЯЙСТВЕННОМЪ БРЕДИТѢ.—М. Я. Герценштейна	119

	Стр.
XIV. ИСТОРИЧЕСКАЯ ЭВОЛЮЦИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКІЕ ЗАКОНЫ.— В. А. Гольцева	136
XV. ОЧЕРКИ ПРОВИНЦІАЛЬНОЙ ЖИЗНИ.—И. И. Иванонова . .	145
XVI. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—В. А. Г.	166
XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ: Новый уставъ крестьянскаго земельнаго банка. — Коммисія по вопросу объ отхожихъ промыслахъ на сельско-хозяйственныя работы. — Задолженность частнаго землевладѣнія въ Россіи. — Новый уставъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ.—† М. П. Драгомановъ.—† С. Н. Терпигоревъ.—† Д. А. Ровинскій.—† Д. Я. Наумовъ .	175
XVIII. БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ: I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія и біографія.—Географія, этнографія и путешествія.—Политическая экономія и финансы.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники и дѣтскія книги.—Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Русскій Вѣстникъ», <i>апрѣль — июнь</i> . — «Сѣверный Вѣстникъ», <i>июнь</i> . — «Русское Богатство», <i>май</i> . — «Дѣтское Чтеніе», <i>кн. I—V</i> . — «Игрушечка», <i>кн. I—V</i> . III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала «Русская Мысль» съ 1 іюня по 1 іюля 1895 г.	315
XIX. ОБЪЯВЛЕНІЯ	375

Х Л Ъ Б Ъ *).

(Романъ).

IV.

Докторъ Кочетовъ переживалъ ужасное время. Онъ дошелъ до того состоянія, когда люди стараются не думать о себѣ. Въ немъ точно жили нѣсколько человѣкъ: одинъ, который существовалъ для другихъ, когда докторъ выходилъ изъ дому, другой, когда онъ бывалъ въ редакціи *Запольскаго Курьера*, третій, когда онъ возвращался домой, четвертый, когда онъ оставался одинъ, пятый, когда наступала ночь, — этотъ пятый просто мучилъ его. Мысль о сумасшествіи появлялась у доктора уже раньше, онъ начиналъ слѣдить за каждою своею мыслью, за каждымъ словомъ, за каждымъ движеніемъ, но потомъ все проходило. Эти припадки мнительности начали повторяться все чаще и принимали все болѣе мучительную форму. Успокоеніе давала только мадера. Въ бубновскомъ домѣ царилъ какой-то духъ мадеры. Докторъ пилъ потихоньку, какъ это дѣлалъ покойный Бубновъ и какъ сейчасъ это дѣлала Прасковья Ивановна.

Окончательнымъ поворотнымъ пунктомъ въ психологіи доктора послужило открытіе, что Прасковья Ивановна устроилась по-новому. Сначала докторъ получилъ анонимное письмо, раскрывавшее ему глаза на отношенія жены къ Мышникову, получилъ и не полюбилъ, приписавъ его проявленію тайной злобы. Потомъ получено было второе письмо, третье, четвертое, — тайный врагъ не дремалъ и заботился о немъ, какъ самый лучший другъ. Невольно докторъ началъ слѣдить за женой и убѣдился въ томъ, что тайный корреспондентъ былъ правъ. Онъ зналъ, когда жена уходила на свиданіе,

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

зналъ, когда она ждала Мышникову, зналъ, когда она рассчитывала, что онъ уйдетъ изъ дому, — зналъ и скрывался. Теперь роли переменялись: раньше Прасковья Ивановна ухаживала за Мышниковымъ, а сейчасъ наоборотъ. Дѣло дошло до того, что всеильный Мышниковъ даже ухаживалъ за нимъ. Доктору дѣлалось стыдно за любовниковъ, за себя, за тотъ позоръ, который густымъ облакомъ покрывалъ всѣхъ. Вѣдь, и самъ онъ не лучше другихъ.

Больше всего пугало доктора то, что его ничто не интересовало. Не все ли равно? Сегодня жена обманываетъ его, завтра будетъ онъ ее обманывать, — только небольшая перемена ролей. Онъ давно пересталъ бывать у Стабровскихъ, незнакомился почти со всѣми и никого не желалъ видѣть. Для чего? Оставалась, правда, газета, но и тутъ дѣло сводилось на простую инерцію и на отдѣлъ привычныхъ движеній. Сначала докторъ стѣснялся приходить въ редакцію въ ненормальномъ видѣ, а потомъ и это чувство простого физическаго приличія исчезло. Не все ли равно? Опъ приходилъ теперь въ редакцію съ красными глазами, опухшимъ лицомъ и запойнымъ туманомъ въ головѣ. Что же, пусть всѣ видятъ, удивляются, презираютъ, жалѣютъ. Въ глубинѣ души докторъ, все-таки, не считалъ себя безнадежнымъ алкоголикомъ, а пилъ такъ, пока, чтобы на время забыться. Иногда у него являлась спасительная мысль бѣжать изъ проклятаго Заполя куда глаза глядятъ, но, вѣдь, это послѣднее средство было всегда въ его распоряженіи. Его, все-таки, что-то удерживало, какое-то смутное чувство собственнаго угла, какаго-то неисполненнаго дѣла. Что-то такое еще оставалось впереди, неопредѣленное и смутное.

Одной ночи докторъ не могъ вспомнить безъ ужаса. Онъ выпилъ вечеромъ цѣлыхъ двѣ бутылки мадеры. Долго ходилъ онъ по кабинету, думалъ вслухъ, ложился на диванъ и снова вставалъ, чтобы шагать по кабинету. Онъ зналъ, что не уснетъ до самаго утра. Вдругъ, лежа на диванѣ, онъ почувствовалъ, какъ въ немъ стынетъ вся кровь и сердце перестаетъ биться. Его охватила ужасная мысль, вѣрнѣе — ощущеніе, точно онъ раздвигался и переставалъ уже быть самимъ собой. Да, онъ это чувствовалъ всѣмъ своимъ тѣломъ, опухшими отъ пьяной водянки ногами, раздутою печенью. Онъ больше не былъ онъ, докторъ Кочетовъ, а тотъ, другой, Бубновъ, который вотъ такъ же лежалъ на диванѣ, опухшій отъ пьянства и боявшійся каждаго шороха. Докторъ боялся пошевелиться, открыть глаза, точно его что придавило. Да, онъ превратился въ Бубнова.

Галлюцинаціи продолжались до самаго утра, пока въ кабинетъ

не вошла горничная. Цѣлый день потомъ докторъ просидѣлъ у себя и все время трепеталъ: вотъ-вотъ войдетъ Прасковья Ивановна. Теперь ему начинало казаться, что въ немъ уже два Бубнова: одинъ мертвый, а другой умирающій, пьяный, гнилой до корня волосъ. Онъ забылся, только принявъ усиленную дозу хлораль-гидрата. Проснувшись ночью, онъ услышалъ, какъ кто-то хриплымъ шепотомъ спросилъ его:

— Ты здѣсь?

Это былъ бубновскій голосъ, и докторъ въ ужасѣ спряталъ голову подъ подушку, которая казалась ему Бубновымъ, мягкимъ, холоднымъ, безформеннымъ. Вся комната была наполнена этимъ Бубновымъ и онъ даже принужденъ былъ имъ дышать.

Цѣлыхъ три дня продолжались эти галлюцинаціи, и докторъ освобождался отъ нихъ, только уходя изъ дому. Но роковая мысль и тутъ не оставляла его. Сидя въ редакціи *Запольскаго Курьера*, докторъ чувствовалъ, что *онъ* стоитъ сейчасъ за дверью и что маленькія частицы *его* постепенно насыщаютъ воздухъ. Конечно, другіе этого не замѣчали, потому что были лишены внутренняго зрѣнія и потому что не были Бубновыми. Холодный ужасъ охватывалъ доктора, онъ весь трясся, блѣднѣлъ и дѣлался страшнымъ.

— Вамъ дурно, докторъ? — спрашивала Устиньга, сидѣвшая за своимъ столикомъ съ корректурами. — Я принесу воду.

— Ради Бога, не двигайтесь, — умолялъ докторъ шепотомъ.

Ему казалось, что стоило Устиньгѣ подняться, какъ всѣ міриады частицъ Бубнова бросятся на него и онъ растворится въ нихъ, какъ крушинка соли, брошенная въ стаканъ воды. Эта сцена закончилась глубокимъ обморокомъ. Очнувшись, докторъ ничего не помнилъ. И это мучило его еще больше. Онъ теръ себѣ лобъ, умоляюще смотрѣлъ на ухаживавшую за нимъ Устиньгу и мучился, какъ приговоренный къ смерти.

Память вернулась только ночью, когда докторъ лежалъ у себя въ кабинетѣ и мучился безсонницей.

Такъ продолжалось изо дня въ день и докторъ никому не могъ открыть своей тайны, потому что это равнялось смерти. Муки достигали высшей степени, когда онъ слышалъ приближавшіеся шаги Прасковьи Ивановны. О, онъ такъ же притворялся спящимъ, какъ и дѣлалъ Бубновъ, такъ же затаивалъ отъ страха дыханіе и нечего успокоивался только тогда, когда шаги удалялись и онъ подвигался къ завѣтному шкафику съ мадерой и глоталъ новую порцію отравы съ жадностью отчаяннаго пьяницы!

Когда пришел навѣстить его старикъ Бацманъ, произошла совсѣмъ дикая сцена.

— Ну, что, collega, какъ вы себя чувствуете? — спрашивалъ Бацманъ, нюхая пропитанный мадерой воздухъ.

— Ничего, отлично.

— А дайте-ка вашъ пульсъ.

Эта фраза привела Бочетова въ бѣшенство. Кто смѣетъ трогать его за руку? Онъ страшно кричалъ, топалъ ногами и грозилъ убить проклятаго жида. Старикъ докторъ покачалъ только головой и молча вышелъ изъ комнаты.

Однажды ночью, когда Бочетовъ шагалъ по своему кабинету, прибѣжала какая-то запыхавшаяся женщина и Христомъ Богомъ молила его ѣхать къ больной.

— Охъ, у смерти конецъ, родненькій! — причитала она. — Заплась наша-то барыня... Лежить, глазки закатила... Охъ, смертынька!

— Да какая барыня, говори толкомъ?

— А Серафима Харитоновна.

— Какая Серафима Харитоновна?

— Ахъ, ты, Господи!... Ну, которая за Колобовымъ, за Галактіономъ Михеичемъ. Еще пароходы у него.

Докторъ давно не практиковалъ, но тутъ по какой-то инерціи согласился и поѣхалъ.

Въ маленькомъ домикѣ Колобова, гдѣ жила Серафима съ дѣтьми, шелъ страшный переполохъ. Доктора встрѣтила въ передней Харитина, блѣдная, но спокойная.

— Простите, что мы потревожили васъ, Анатолій Петровичъ. Съ сестрой плохо, а Бацманъ самъ болѣнъ.

Проходя мимо двери въ столовую, Бочетовъ увидѣлъ Галактіона, который сидѣлъ у стола, схватившись за голову.

Больная лежала въ спальнѣ на своей кровати со стиснутыми зубами и закатившимися глазами. Около нея стояла дѣвочка-подростокъ и съ умоляющимъ отчаяніемъ посмотрѣла на доктора.

— Мама умерла... — прошептала она, точно боялась кого разбудить.

Докторъ приложилъ ухо къ груди больной. Сердце еще билось, но очень слабо, точно его сжимала какая-то рука. Это была полная картина алкоголизма. Жертва запольской мадеры умирала.

Пущены были въ ходъ холодные компрессы, ледъ, нашатырный спиртъ и обтиранья, пока больная не вздохнула и не открыла глазъ.

— Принесите сюда мадеры, — шепнулъ докторъ Харитинъ.

Черезъ минуту въ спальню вошелъ съ только что откупоренною бутылкой вина Галактіонъ, налилъ рюмку и подалъ больной. Она взглянула на него, отрицательно покачала головой и проговорила слабымъ голосомъ:

— Вы, кажется, считаете меня за пьяницу, а я совсѣмъ не пью...

Какъ докторъ ни уговаривалъ ее, больная осталась при своемъ. Галактіонъ понялъ, что она стѣсняется его, и вышелъ. Харитина приподняла больную на подушки, но у нея голова свалилась на сторону.

— Посылайте скорѣе за священникомъ, — шепнулъ докторъ.

— Да, вѣдь, мы старовѣры... Никого изъ нашихъ стариковъ сейчасъ нѣтъ въ городѣ, — съ ужасомъ отвѣтила Харитина, глядя на доктора широко раскрытыми глазами. — Ужели она умретъ?... Спасите ее, докторъ... ради всего святого... докторъ...

— Отъ паралича сердца спасенія нѣтъ.

— Докторъ... докторъ!...

Но докторъ уже шелъ въ столовую съ бутылкой въ одной рукѣ и съ рюмкой въ другой. Галактіонъ сидѣлъ у стола.

— Идите, проститесь съ женой, — сказалъ докторъ, усаживаясь къ столу и ставя передъ собой бутылку. — Все кончено.

Галактіонъ взглянулъ на него, раскрылъ ротъ, чтобы сказать что-то, и выбѣжалъ изъ столовой. Докторъ проводилъ его глазами, улыбнулся и спокойно налилъ себѣ рюмку мадеры.

Больная полулежала въ подушкахъ и смотрѣла на всѣхъ осмысленнымъ взглядомъ. Очевидно, она пришла въ себя и успокоилась. Галактіонъ подошелъ къ ней, заглянулъ въ лицо и понялъ, что все кончено. У него задрожали колѣни, а передъ глазами пошли круги.

— Серафима, благослови дѣтей! — проговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.

Больная наморщила лобъ и тревожно посмотрѣла кругомъ, бо-го-то отыскивая. Галактіонъ понялъ этотъ взглядъ и подвелъ дочь Милочку.

— Серези нѣтъ... онъ уѣхалъ въ гимназію... Благослови Милочку.

Дѣвушка зарыдала, опустила на колѣни и припала головой къ слабо искавшей ее материнской рукѣ. Губы больной что-то шептали и она снова закрыла глаза отъ сдѣланнаго усилія. Въ это время Харитина привела только что поднятую съ постели двѣнадцатилѣтнюю Катю. Дѣвочка была въ одной ночной кофточкѣ и ни-

чего не понимала, что дѣлается. Увидѣвъ плакавшую сестру, она тоже зарыдала.

Больная благословила дѣвочку и сдѣлала глазами Харитинѣ знакъ, чтобъ увели дѣтей. Когда Харитина вернулась, она посмотрѣла на нее, потомъ на Галактіона и проговорила съ удивительною твердостью:

— Пожалуйте дѣтей... я... я не буду никому больше мѣшать.

Харитина всхлипывала и, припавъ головой къ изголовью умиравшей, шептала:

— Сима, прости... Сима... Сима...

Галактіонъ стоялъ и не чувствовалъ, какъ у него катились по лицу слезы. Харитина подвела его къ постели и заставила встать на колѣни.

— Сима... я... меня... — бормоталъ Галактіонъ, точно каждое слово приросло къ горлу и онъ долженъ былъ его отдирать. — Нѣтъ намъ прощенья, Сима... я... меня...

Умирающая уже закрыла глаза. Грудь тяжело поднималась. Послышались мертвые хрипы. Въ горлѣ что-то клокотало и переливалось.

— Матушка ты наша... касатушка, — причитала около кровати точно изъ-подъ земли выросшая Аграфена. — Голубушка барышня...

Въ дверяхъ стоялъ Харитонъ Артемьичъ. Онъ прибѣжалъ изъ дому въ одномъ халатѣ. Сѣдые волосы были всклоочены и старикъ имѣлъ страшный видъ. Онъ подошелъ къ кровати и молча началъ крестить «отходившую». Хрипы дѣлались меньше, клокотанье остановилось. Въ дверяхъ показались перепуганныя дѣтскія лица. Аграфена продолжала причитать, обхвативъ холодѣвшія ноги покойницы.

— Матушка ты наша барышня... на кого ты насъ, сиротокъ, оставляешь?

Докторъ продолжалъ сидѣть въ столовой, пилъ мадеру рюмку за рюмкой и совсѣмъ забылъ, что ему здѣсь больше нечего дѣлать и что пора уходить домой. Его удивляло, что столовая дѣлалась то меньше, то больше, что буфетъ дѣлалъ напрасныя попытки твердо стоять на мѣстѣ, что потолокъ то уходилъ вверху, то спускался къ самой его головѣ. Онъ очнулся только когда къ нему на плечо легла чья-то тяжелая рука и сердитый женскій голосъ проговорилъ:

— Ты это што за моду придумалъ лагать винище въ этакой-то часъ, безстыжіе твои глаза? Ступай домой, горькій...

Это была Аграфена. Она въ слѣдующій моментъ взяла доктора

подъ руку и повела изъ столовой. Онъ попробовалъ сопротивляться, но, посмотрѣвъ на бутылку, увидѣлъ, что она пуста, и только махнулъ рукой.

— *Finita la comedia...* Да, горькій... именно... Галактіонъ обманывалъ свою жену, а она умерла... и Прасковью Ивановну тоже обманывалъ, а она жива... Не правда ли, какъ это странно?

V.

Смерть жены для Галактіона являлась только продолженіемъ разныхъ другихъ неудачъ. Ему, вообще, не везло въ послѣднее время. На Иртышѣ затонула баржа съ незастрахованнымъ чужимъ товаромъ, пароходъ *Первинка* напоролся на подводный камень и цѣлое лѣто простоялъ безъ работы, было нѣсколько запоздавшихъ грузовъ, за которые пришлось платить неустойку, — однимъ словомъ, одна неудача за другой. Въ банкѣ положеніе Галактіона тоже пошатнулось. Забравшій силу Мышниковъ пробовалъ на немъ свое вліяніе. Даже старикъ Стабровский, покровительствовавшій Галактіону до сихъ поръ, замѣтно охладѣлъ къ нему безъ всякой видимой причины. Послѣднее особенно беспокоило Галактіона, хотя онъ брѣлся и никому ничего не высказывалъ. Все складывалось противъ него какъ разъ съ того момента, когда онъ сошелся съ Харитиной. Въ этомъ было что-то роковое... Впрочемъ, сама Харитина давно это замѣтила и тоже мучилась.

— Это я тебѣ принесла несчастье, — повторяла она, глядя на Галактіона виноватыми глазами.

Послѣднее его бѣсило каждый разъ. Да и прежней Харитины, веселой, сумасбродной, красивой русалочкою красотою, уже не было, — можетъ быть, она измѣнилась, можетъ быть, постарѣла, а, можетъ быть, просто онъ привыкъ къ ней. О ея красотѣ онъ могъ теперь судить только по тому впечатлѣнію, какое она производила на другихъ. Но его злило и это, когда эти другіе любовались Харитиной, точно и въ этомъ былъ какой-то скрытый обманъ. Особенно не шло къ Харитинѣ, когда она дѣлалась печальной, начинала жаловаться и вообще хныкала. Галактіонъ возмущался, говорилъ ей дерзости, доводилъ до слезъ, а потомъ начиналъ жалѣть, не имѣя силъ проявить свою жалость активно.

Теперь все служило поводомъ къ домашнимъ сценамъ, недоразумѣніямъ и настоящимъ ссорамъ. Обыкновенно начиналъ Галактіонъ, котораго одинаково возмущало, если Харитина раздражалась и оставалась хладнокровной. Онъ успокоивался только тогда,

когда Харитина выходила изъ себя и начинала рвать и метать. Нѣсколько разъ она бросалась на него прямо съ ножомъ. Галактіонъ не сомнѣвался, что она въ такомъ состояніи можетъ зарѣзать кого угодно. Но именно такое бѣшенство его удовлетворяло, снимая съ души какую-то тяжесть. Какъ ни былъ несправедливъ Галактіонъ къ Харитинѣ, но одного достоинства онъ не могъ не признать за ней: ни одинъ посторонній глазъ не видалъ ея слезъ, никто не слышалъ ея жалобъ. Она для другихъ была только въ хорошемъ или дурномъ настроеніи, что еще не давало повода дѣлать какія-нибудь предположенія объ ея интимной жизни.

Въ сущности, Харитина была глубоко несчастна, потому что продолжала любить Галактіона, и любила его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше онъ охладѣвалъ къ ней. Есть такія натуры, чувства которыхъ требуютъ препятствій, особенно такое чувство, какъ любовь. Если бы Галактіонъ любилъ ее попрежнему, Харитина, навѣрное, не отвѣчала бы ему тою же монетой, а теперь она боялась даже проявить свою любовь въ полной мѣрѣ и точно прятала ее, какъ причуть отъ солнца нѣжное растеніе. Въ то же время, она отлично понимала, что такое Галактіонъ и что любить его не стоитъ. Вѣдь, онъ всю жизнь думалъ только о себѣ и своихъ планахъ, а женщины для него являлись только печальною необходимостью. Въ сущности, онъ никого и не въ состояніи любить, какъ всѣ эгоисты. И, все-таки, зная все это, Харитина радостно вся вздрагивала, когда онъ входилъ въ комнату. О, она такъ ждала его каждый разъ, точно онъ приходилъ къ ней прощаться навсегда! Да, ждала и ненавидѣла себя именно за это, какъ ненавидитъ каторжникъ свои цѣли.

Послѣднею каплей въ этой чашѣ испытаній для Харитины было появленіе въ Запольѣ мужа. Галактіонъ пріѣхалъ изъ города въ Городище и заявилъ съ злорадствомъ:

— Твой Илья Фирсычъ пріѣхалъ, т.-е. пришелъ пѣшкомъ... Въ полной формѣ: и котомка, и палочка. Только недостаетъ кошелька...

— Какой же онъ мой?—тихо отвѣтила Харитина, боясь обидѣться.

— А чей же? Конечно, твой... Вотъ онъ придетъ къ намъ въ гости и попроситъ хлѣбца, какъ бродяжка.

Харитина молчала. Ее возмущала до глубины самый тонъ, какимъ говорилъ съ ней Галактіонъ. Точно это она желала, чтобы Полуяновъ вернулся изъ ссылки.

— Да, твой, твой, твой!—уже кричалъ Галактіонъ, впадая въ

бѣшенство.—Вѣдь, ты сама его выбрала въ мужа, никто тебя не неволилъ, и выходить, что твой... Ты его цѣловала, ты... ты... ты...

Онъ задыхался отъ ярости, сжималъ кулаки и, кажется, готовъ былъ броситься на Харитину и убить ее однимъ ударомъ. О, какъ онъ ревновалъ ее къ ея прошлому, какъ ненавидѣлъ ее и съ радостью растопталъ бы ее, какъ топчуть змѣю!

— Зачѣмъ же онъ придетъ къ намъ?—замѣтила Харитина.

— Зачѣмъ? Придетъ за своею законною женой. Онъ въ своемъ полномъ правѣ. Ты забыла, чья ты жена.

Харитина молчала, что уже окончательно взбѣсило Галактіона. Онъ схватилъ ее за руку и крикнулъ задыхавшимся голосомъ:

— Вѣдь, ты... ты любила его... да! Ты его цѣловала и онъ...

Закончилась эта дикая сцена тѣмъ, что Галактіонъ избилъ Харитину, звѣрски избилъ, какъ бьютъ своихъ женъ только пьяные мужики, а потомъ взялъ и заперъ въ комнатѣ, точно боялся, что она убѣжитъ и будетъ жаловаться на него. Это былъ ужасный моментъ. Харитина цѣлый день просидѣла въ темномъ углу, какъ затравленный звѣрь, и вся дрожала, когда слышались чьи-нибудь шаги. Ей казалось, что Галактіонъ вернется и убьетъ ее. О, какъ она была рада умереть, заснуть, найти вѣчный покой, когда ничто не будетъ тревожить, волновать и мучить! Это была смертная жажда покоя. Харитина не плакала, а сидѣла молча, уничтоженная, жалкая, несчастная.

— За что?—повторяла она про себя, закрывая глаза.—Господи, за что?

Изъ всѣхъ чувствъ оставалось только физическое чувство страха, то чувство, которое заставляетъ собаку лизать только что наказавшую ее руку.

Галактіонъ билъ ее уже не въ первый разъ, но тогда было другое. Опомнившись, Харитина пришла къ тому заключенію, что ей даже некуда дѣваться. Ни близкихъ знакомыхъ, ни друзей, ни родныхъ — никого. Съ сестрами она совсѣмъ не видѣлась, да и не любила никого. Значить, оставалось опять жить съ Галактіономъ и терпѣть новые побои,—она сознавала, что нынѣшній лень только начало еще худшихъ дней. Что же дѣлать? Броситься въ воду? А онъ будетъ радоваться, что избавился отъ обузы... да, потомъ женится... Въ сердцѣ Харитины закипѣла дикая ненависть именно къ этой другой, а въ воображеніи пронеслась страшная картина убитаго Галактіона, любя убитаго, вперёдъ оплаканнаго и ще болѣе дорогого. Одна земля будетъ разлучницей. Харитина праралась не думать объ этомъ, даже принималась со страха мо-

литься, а въ головѣ стояла одна мысль, эта же мысль наполняла всю комнату и, какъ ночная птица, билась съ трепетомъ въ окно.

Теперь изъ-за Полуянова начали повторяться постоянныя исторіи. Галактіонъ не только не чувствовалъ угрызений совѣсти, но выскидывалъ всевозможные случаи, чтобы придрататься къ Харитинѣ. Смерть жены на время прекратила это ожесточенное настроеніе, и Галактіонъ точно отмягъ. На первый планъ выступили теперь сироты-дѣти. Нужно было ихъ куда-нибудь пристраивать. Со смертью матери-пьяницы рушился послѣдній призракъ своего дома. Харитина боялась предложить взять ихъ къ себѣ въ Городище. Она потихоньку отъ Галактіона написала Агніи, умоляя ее всѣми святыми не оставлять сиротъ. Агнія очень ловко повела дѣла и уговорила Галактіона. У нея было уже двое своихъ дѣтей.

— Мнѣ, вѣдь, все равно съ ребятами-то сидѣть,—убѣждала она.—Заодно ужъ хлопотать... Да и твои большіе совсѣмъ.

Галактіонъ долго не соглашался, хотя и не зналъ, что ему дѣлать съ дѣтьми. Агнія убѣдила его тѣмъ, что дѣти будутъ жить у дѣдушки, а не въ чужомъ домѣ. Это доказательство хоть на что-нибудь походило, и онъ согласился. Съ Харченкомъ онъ держалъ себя какъ посторонній человѣкъ и дѣлалъ видъ, что ничего не знаетъ объ его обличительныхъ корреспонденціяхъ.

Все-таки, когда Галактіонъ перевезъ дѣтей къ дѣдушкѣ, его охватило мучительное чувство пустоты. Что-то такое порвалось, чего уже нельзя было соединить никакими силами. И обидно, и грустно. Сколько разъ Галактіонъ раньше думалъ о томъ, какъ было бы хорошо, если бы Серафима умерла. И сама не мучилась бы, и ему развязала бы руки. Вотъ теперь ея нѣтъ, и нѣтъ свободы. Мысль о дѣтяхъ стала являться все чаще и чаще, заставляя провѣрять себя. Конечно, Галактіонъ давалъ на ихъ содержаніе много денегъ, но это было еще не все. Именно дѣти вставали теперь передъ его глазами живымъ упрекомъ, напоминая всѣ несправедливости прошлаго. Подъ давленіемъ этой мысли онъ даже къ Харитинѣ сдѣлался добрѣе, т. е. не притѣснялъ ее, и держалъ себя такъ, точно ея совсѣмъ не было и на свѣтѣ.

Въ грустный день помѣщенія дѣтей у дѣда Галактіонъ остался въ Запольѣ и рѣшительно не зналъ, что ему дѣлать. Ѣхать въ Городище тоже не хотѣлось. Именно въ этотъ критическій моментъ онъ вспомнилъ про старика Луковникова. Строгій былъ человѣкъ, правильной жизни. Галактіону мучительно захотѣлось, чтобы кто-нибудь его бранилъ, попребалъ, говорилъ строгія слова. Онъ вечеромъ отправился къ Луковникову именно подъ этимъ

настроениемъ. Старикъ встрѣтилъ его довольно непривѣтливо и смотрѣлъ такими глазами, что зачѣмъ де пожаловалъ незваный гость.

— Давненько не видались, Галактіонъ Михеичъ.

— Да, давненько, Тарасъ Семенычъ. Все собирался какъ-нибудь завернуть.

— Ужь и собирался? Перестань пустыя-то слова говорить... На что вамъ меня, старика?

— Самы не молодые, Тарасъ Семенычъ.

Сначала старикъ подумалъ, что не пріѣхалъ ли Галактіонъ занимать у него денегъ, вѣдь, слава богатаго человѣка еще оставалась за нимъ, а потомъ догадался по выраженію лица Галактіона и по тону разговора, что дѣло совсѣмъ не въ этомъ. Въ послѣднее время онъ сильно не долюбливалъ Галактіона и теперь не могъ побороть въ себѣ этого чувства. Такъ бы вотъ, кажется, все и отпечаталя... На, слушай. Галактіонъ пробовалъ что-то говорить, но разговоръ не вязался. И гость, и хозяинъ молчали. Луковниковъ поднялся, прошелся по комнатѣ, разгладилъ сѣдую бороду и проговорилъ какъ-то въ упоръ:

— Что, Галактіонъ Михеичъ, худо?... То-то вотъ и есть... И сказалъ себѣ человѣкъ: напольшу житницы, накоплю сокровища. Пей, душа, воселись!... Такъ я говорю? Эхъ, Галактіонъ Михеичъ! Вѣдь, вотъ умные люди, до всего, кажется, дошли, а этого не понимаютъ.

— А развѣ виноватъ человѣкъ, если онъ не понимаетъ, Тарасъ Семенычъ?

— Кругомъ виноватъ... На то ему данъ разумъ,—не умъ, а разумъ. Богатство, это—ножъ... Имъ можно много хорошаго сдѣлать, а дѣлаютъ больше зла... да.

— Опять-таки, Тарасъ Семенычъ, и злой человѣкъ себѣ худа не желаетъ... Все лучше думаетъ сдѣлать.

— Да, для себя... По пословицѣ, и воръ Богу молится, только какава это молитва? Будемъ говорить прямоенько, Галактіонъ Михеичъ: нехорошо. Вѣдь, я знаю, зачѣмъ ты ко мнѣ-то пріѣхалъ... Сначала я, грѣшнымъ дѣломъ, подумалъ, что за деньгами, потомъ и вижу, что совсѣмъ другое.

— Да, другое,—отлегибнулся Галактіонъ, точно эхо.—Сегодня съ дѣтей къ теткѣ Агнии свезъ.

— И будешь возить по чужимъ дворамъ, когда дома угарно бойсь, стыдно передъ дѣтьми свое звѣрство показывать... Вотъ къ-то, Галактіонъ Михеичъ. А, вѣдь, они, дѣти-то, и совсѣмъ

большія выростуть... Вырости - то выростуть, а къ отцу путь-дорога заказана. Ахъ, нехорошо!... Жену не жалѣлъ, такъ хоть дѣтей бы пожалѣлъ. Я тебѣ по-стариковски говорю... И обидно мнѣ на тебя, и жаль. А какъ жалѣть, когда самъ человѣкъ себя не жалѣеть?

— А какъ вы думаете, Тарасъ Семенычъ, бываютъ на свѣтѣ проклятые люди? Такъ, отъ рожденія...

Луковниковъ хотѣлъ что-то отвѣтить, но въ этотъ моментъ вошла Устинька сказать, что чай готовъ. Она очень удивилась, когда увидала Галактіона, и раскланялась съ нимъ издали.

— Чай готовъ, папа.

— Что же, дѣло хорошее. Пойдемъ, Галактіонъ Михеичъ.

Галактіонъ тоже смутился. Онъ давно не видалъ Устиньки. Теперь это была совсѣмъ взрослая дѣвушка, цвѣтущая и съ такимъ смѣлымъ лицомъ. Въ столовой нѣсколько времени тянулась самая неловкая пауза.

— Галактіонъ Михеичъ, я сегодня видѣла вашихъ дѣтей,—заговорила первой Устинька.—Дѣвочка такая милая и мальчижь...

— Да?—спросилъ Галактіонъ, не понимая.—Ахъ, да, дѣти!...

Наступила опять пауза. Устинька упорно отмалчивалась и старалась не смотрѣть на гостя, а потомъ торопливо выпила свою чашку и вышла.

— Ты вотъ что, Галактіонъ Михеичъ,—заговорилъ Луковниковъ совсѣмъ другимъ тономъ, точно старался сгладить молодую суровость дочери.—Я знаю, что дѣла у тебя не совсѣмъ... Да и у кого они сейчасъ хороши? Всѣ на волоскѣ висимъ... Знаю, что Мышниковъ тебя давитъ. А ты вотъ какъ сдѣлай... да... Ступай къ нему прямо на домъ, объясни все на чистоту и... однимъ словомъ, онъ же тебѣ все и устроитъ.

— Мышниковъ?

— Да, Мышниковъ. Ужъ я-то его вотъ какъ хорошо знаю.

VI.

Когда Галактіонъ ушелъ, Устинька напала на отца съ необыкновеннымъ азартомъ.

— Папа, я рѣшительно не понимаю, какъ ты можешь принимать такихъ ужасныхъ людей, какъ этотъ Болобовъ. Онъ заколотилъ въ гробъ жену, бросилъ собственныхъ дѣтей, потомъ эта Харитина, которую онъ бьетъ... Ужасный, ужасный челевѣкъ!... У Стабровскихъ его теперь не принимаютъ... Это какой-то дикарь.

— И я его тоже не хвалю... да. А мнѣ его жаль. Вѣдь, умница и характеръ—желѣзо. Только какъ-то вся жизнь у него вверх дномъ. Однимъ словомъ, несчастный человекъ.

— Онъ? Несчастный?

— Совсѣмъ несчастный! Чуть-чуть бы по другому судьба сложилась, и онъ бы другой былъ. Такие люди не умѣютъ гнуться, а прямо ломаются. Тогда много грѣха на душу взял старикъ Михай Зотычъ, когда насильно женилъ его на Сарафимѣ. Прежде-то всегда такъ дѣлали, а по нынѣшнимъ временамъ говорятъ, что свои глаза есть. Михай-то Зотычъ думалъ лучше сдѣлать, чтобы Галактионъ не сдѣлалъ такъ, какъ братъ Емельянь, а оно вонъ что вышло.

— И Михай Зотычъ тоже дрянной. Вѣдь, это онъ мельницы свои сжегъ?

— Ну, это еще неизвѣстно, Устинька. Могли и сами сгорѣть. Мало ли что зря болтаютъ.

— Ты, папа, всегда и всѣхъ защищаешь, а такъ нельзя.

— Поживешь съ мое, такъ и сама будешь то же говорить. Мудрено, вѣдь, живого человека судить... Взять хоть твоего Стабровскаго: онъ ли не умень, онъ ли не хорошъ у себя дома—такого человека и не сыщешь,—а вышелъ на улицу—разбойникъ... Безъ ножа зарѣжетъ. Вотъ тутъ и суди.

Для такой философіи у Луковникова было достаточно матеріала. Особенно въ послѣднее время пошатнулся народъ, и совсѣмъ не разберешь, гдѣ кончается хорошій человекъ и гдѣ начинается дурной. Да и, вообще, кругомъ дѣлалось Богъ знаетъ что. Не замѣтишь, какъ и самъ попадешь въ негодяи. Раздумывая о самомъ себѣ, Луковниковъ приходилъ именно къ такому заключенію. Его дѣла съ вальцевой мельницей затягивались въ какой-то проклятый узелъ. Всѣ операціи давно вышли изъ всякихъ предварительныхъ смѣтъ и намѣченныхъ бюджетовъ. Сама по себѣ мельница стоила около трехсотъ тысячъ, затѣмъ около семисотъ тысячъ требовалось ежегодно на покупку зерна, а самое скверное было то, что готовый товаръ приходилось реализовать въ разсрочку, что составляло еще около полумилліона рублей. Около дѣла, такимъ образомъ, сосредоточивался въ общей сложности капиталъ въ полтора милліона рублей. Такихъ денегъ налицо у Луковникова не было и добрую половину приходилось добывать въ кредитъ. Обоимъ этихъ трехъ капиталовъ, которые представляла собой мельница, зерно и готовый товаръ, шли съ неравномѣрной скоростью рудно было подводить общій торговый балансъ. Иногда какихъ-нибудь двѣ недѣли стоили десятковъ тысячъ, потому что все хлѣб-

ное дѣло постепенно перешло въ какую-то азартную игру. Рвалъ куши тотъ, кто умѣлъ поймать моментъ. Кромѣ того, въ верховьяхъ Ключевой выстроены были двѣ новыхъ вальцевыхъ мельницы, представлявшихъ очень опасную конкуренцію какъ при закупкѣ зерна, такъ и при сбытѣ крупчатки. На рынокъ выдвигались страшные капиталы, которые безпощадно давили хлѣбную мелюзгу, какъ крупные хищники давятъ хлѣбныхъ мышей. Сплетались тысячи условій, которыя трудно было предугадать, и выдвигались съ каждымъ годомъ все новыя.

Особенно характеренъ былъ для хлѣбнаго дѣла прошлый годъ, когда въ полосѣ Зауралья, прилегавшей къ горамъ, случился недородъ, благодаря дождливому лѣту. Произошла крупная игра на хлѣбъ степной полосы. Скупались миллионныя партіи, и мелко-травчатые мельники, какъ старикъ Колобовъ, остались совсѣмъ безъ зерна. Нечего было молотъ. Шла именно игра, спекуляція, съ миллионнымъ рискомъ, а не обыкновенное промышленное дѣло. Тутъ выяснился въ первый разъ роковой вопросъ, что золотое дно, какимъ до сихъ поръ считалось Зауралье, не можетъ обеспечивать равномерно хлѣбомъ работу всѣхъ мельницъ. До сихъ поръ рынокъ пополнялся изъ старыхъ крестьянскихъ запасовъ, а сейчасъ ихъ уже не было и приходилось жить однимъ годомъ. Производитель зерна жилъ отъ одной осени до другой и весь находился въ полной зависимости отъ одного урожая. Этого раньше не было.

Окончательно достукала зауральскаго мужика только что открытая уральская желѣзная дорога. Это открытіе совпало съ неурожаемъ въ Поволжьѣ, и зауральскій хлѣбъ полился широкою волной въ далекую Россію. Отъ этой операціи нажились, главнымъ образомъ, верховые мельники, стоявшіе въ самомъ горлѣ, т.-е. у желѣзной дороги. Они сбыли миллионныя партіи и нажили цѣлыя состоянія. Мельница Луковникова тоже работала отлично, хотя и въ менѣе выгодныхъ условіяхъ, проигрывая на лѣтней перевозкѣ гужомъ, — верховые мельники подвезли зерно по дешевой зимней дорогѣ. Особенно одинъ случай остался въ памяти Луковникова, какъ зловѣщій признакъ. Онъ еще съ осени законтрактовалъ партію въ тридцать тысячъ мѣшковъ дешеваго сибирскаго хлѣба, которую Галактіонъ обязался доставить на своихъ пароходахъ въ Тюмень. Весна вышла неопредѣленная и по официальнымъ бюллетенямъ объ урожай трудно было судить, что еще будетъ. Въ общемъ ожидался средній урожай и цѣны на муку не поднимались. Луковниковъ задержалъ партію на всякій случай, выжидая цѣну. Насту-

пилъ юнь, а цѣны не поднимались. Тогда Луковниковъ послалъ въ Рыбинскъ своего довѣреннаго и запродавъ всю паргію чуть не за свою цѣну. Но не прошло двухъ недѣль, какъ цѣна сразу поднялась на два рубля съ мѣшка, — другими словами, подожди онъ двѣ недѣли, и это дало бы шестьдесятъ тысячъ чистаго барыша. Однимъ словомъ, шла самая отчаянная игра, и крупные мельники рѣзались не на животъ, а на смерть. Двѣ-три неудачныхъ операціи разоряли въ лоскъ и миллионныя состоянія лопались, какъ мыльные пузыри. А тутъ еще помогаль банкъ, закрывая кредитъ пошатнувшимся фирмамъ и увеличивая ссуды тѣмъ, которыя и безъ этой помощи шли въ гору.

Естественнымъ результатомъ такого обострившагося порядка вещей было то, что по Ключевой началось сплошное разореніе средней величины мельниковъ, какъ старикъ Колобовъ. Это были жертвы даже не конкуренціи, а биржевой игры на хлѣбъ. У нихъ былъ отнять и зерновой рынокъ, и кредитъ, и заперть семью печатями оптовый сбытъ. Кое-кто еще держался, торгуя по мелочамъ, но въ общемъ дѣло было конченное. Вопросъ теперь заключался въ томъ, что будетъ съ полсотней крупчаточныхъ мельницъ, построенныхъ на Ключевой. Первую мельницу крупчатку поставилъ старикъ Колобовъ и онъ же показалъ выходъ, когда застраховалъ двѣ новыхъ мельницы и сжегъ ихъ. Это точно послужило сигналомъ. Мельничные пожары начали изъ года въ годъ повторяться съ математическою точностью, такъ что знатоки дѣла впередъ предсказывали, чьи теперь мельницы должны были горѣть. И обреченныя мельницы въ указанный срокъ загорались.

Развѣзая по своимъ дѣламъ на Ключевой, Луковниковъ по пути завернулъ въ Прорывъ къ Михею Зотычу. Но старика не было, а на мельницѣ оставались только сыновья, Емельянъ и Симонъ. По первому взгляду на мельницу Луковниковъ опредѣлилъ, что дѣла идутъ плохо, и мельница быстро принимала тотъ захудалый видъ, который говоритъ краснорѣчивѣе всякихъ словъ о внутреннемъ разрушеніи.

— Ну, какъ вы тутъ поживаете, Емельянъ Зотычъ? — спрашиваетъ гость.

— А ничего... Помаленьку.

— Чего тутъ помаленьку! — вступился неутерпѣвшій Спъ. — Совсѣмъ конецъ приходитъ, Тарасъ Семенычъ... Тятеньго забралъ всѣ деньги за сгорѣвшія мельницы и ушелъ съ ними сшиты, а мы вотъ тутъ и выворачивайся, какъ знаешь.

— Слышалъ, слышалъ, — уклончиво отвѣтилъ Луковни-

ковъ. — Что же, надо терпѣть, пока молоды. Подъ старость будетъ за то легче.

— А я уйду, какъ сдѣлалъ Галактіонъ... Вотъ и весь разговоръ. Наймусь куда-нибудь въ прикачки, Тарасъ Семенычъ, а то буду арендовать самую простую раструсочную мельницу, какъ у нашего Ермилыча. У него всегда работа... Свое зерно мужички привезутъ, смелютъ, а ты только получай денежки. Барыши не велики, а за то и убытковъ нѣтъ. Самое вѣрное дѣло...

— Правильно, Симонъ Зотычъ. Это точно... да. Вотъ и нашимъ вальцевымъ мельницамъ туго приходится... А Ермилыча я знаю. Ничего, оборотистый мужичонко и не любить, гдѣ плохо лежить. Только, все равно, онъ добромъ не кончить.

— Всѣ мы плохо кончимъ... На людяхъ и смерть красна.

Луковникову нравился этотъ молодой задоръ Симона. Вотъ такъ же Устинька любить спорить... Да, малому трудненько было жить на разоренной мельницѣ ни у чего. И жаль, и помочь нечѣмъ.

— И Галактіону не сладко приходится, — сказалъ Луковниковъ, чтобъ утѣшить чѣмъ-нибудь Симона. — Даже и совсѣмъ не сладко.

— Все-таки, Галактіонъ у своего дѣла, Тарасъ Семенычъ. Самъ большой, самъ маленькій... А мы съ Емельяномъ, какъ говорится, ни къ шубѣ рукавъ.

— А тятеньку-то забылъ? Онъ теперь за всѣхъ въ скитахъ своихъ вотъ какъ молится... Не ропщи, молодецъ.

Проѣзжая мимо Суслона, Луковниковъ завернулъ къ старому благопріятелю, попу Макару. Уже въ большихъ годахъ былъ попъ Макарь, а все оставался такой же. Такой же худенькій и хоть бы одинъ сѣдой волосъ. Только съ каждымъ годомъ старикъ дѣлался все ниже, точно его гнула рука времени. Попъ Макарь ужасно обрадовался дорогому городскому гостю и подъ руку повелъ его въ горницы.

— Вотъ ужъ угодилъ, можно сказать... — бормоталъ онъ. — Рѣдкій гость, во-первыхъ, а во-вторыхъ...

Поповскій языкъ точно замерзъ. Попъ Макарь придержалъ гостя и шепотомъ сообщилъ:

— А, вѣдь, тамъ у меня того... значить, въ горницѣ-то, нечестивый Ахавъ сидитъ.

— Какой Ахавъ?

— А Полуяновъ? Вмѣстѣ съ мельникомъ Ермилычемъ пріѣхалъ, потребовалъ сейчасъ водки и хвалится, что засудитъ меня, т.-е. за мое показаніе тогда на судѣ. Мнѣ, говорить, нечего те-

рять... Понадья со страховъ убѣжала въ сусѣди, а я вотъ сижу съ ними, да слушаю. Конечно, во-первыхъ, я нисколько его не боюсь, нечестиваго Ахава, а, во-вторыхъ, все-таки, страшно...

«Нечестивый Ахавъ», дѣйствительно, сидѣлъ въ поповской горницѣ, весь красный отъ выпитой водки. Дорожная котомка и палка лежали рядомъ на стулѣ. Полуяновъ не разставался съ своимъ ссыльнымъ рубищемъ, щеголяя своимъ убожествомъ. Ермилычъ тоже пилъ водку и тоже краснѣлъ. Неожиданное появленіе Луковникова немного всполошило гостей, а Ермилычъ сдѣлалъ движеніе спрятать бутылку съ водкой.

— Не тронь... — остановилъ Полуяновъ. — Сіе посохъ странническій.

По Зауралю Луковниковъ слылъ за миллионера, а затѣмъ онъ былъ уже четвертое трехлѣтіе городскимъ головой. Вообще, именитый человѣкъ, и Ермилычъ трепеталъ.

— Здравствуйте, господа, — просто поздоровался Луковниковъ. — Какъ это ты сюда попалъ, Илья Фирсычъ?

— Я-то? А даже очень просто... Пѣшкомъ пришелъ сказать вотъ попу Макару и Ермилычу, что скручу ихъ въ бараній рогъ... да. Я не люблю изподтишка, а прямо дѣйствую.

— Не прежнія времена, Илья Фирсычъ, чтобы рога-то показывать, — отвѣтилъ попъ Макаръ, на всякій случай отступая къ стѣнкѣ. — Во-первыхъ...

— Что-о? — зарычалъ Полуяновъ. — Да я... я... я вотъ сейчасъ выпью рюмку водки... а. Всѣхъ предупреждаю... Я среди васъ какъ убогій Лазарь, хуже, — у того хоть свое собственное гноище было, а у меня и этого нѣтъ.

— Богатство тоже къ рукамъ, Илья Фирсычъ, — замѣтилъ Луковниковъ, подсаживаясь къ столу. — И голова къ мѣсту, и деньги къ рукамъ... Да и считать въ чужихъ карманахъ легче, чѣмъ въ своемъ.

— Ха-ха! — замылся Полуяновъ. — А вотъ я въ свое время отлично зналъ, какія у кого и въ какихъ карманахъ деньги были. Зналъ-съ... И всѣ меня трепетали. Страхъ, трепеть и землетрясе...

— Да будетъ тебѣ... — останавливалъ его Ермилычъ.

— Что-о?

— Въ самомъ дѣлѣ, довольно, — заговорилъ Луковниковъ. — Въ самомъ дѣлѣ, никому не страшно. Да какъ-то оно и нехорошо: въ бородѣ сѣдая, а говоришь разныя пустыя слова. Прошлаго и не протистишь.

— Нѣтъ, постойте... Вотъ ты, попь Макарь, предалъ меня, и ты, Ермилычъ, и ты, Тарасъ Семенычъ, тоже... да. И я свою чашу испилъ до самаго дна и понялъ, что есть такое суета суеть, а вы этого не понимаете. Взгляните на мое рубище и поймете: оно молча вопиеть... И у васъ будетъ своя чаша... да. Можетъ быть, похуже моей... Я-то ужь смирился, перегорѣлъ душой, а вы еще преисполнены гордыни... И перваго я пона Макара низведу въ полное ничтожество. Слышишь, попь?

— Охъ, слышу!... Пилъ бы ужь ты лучше свою водку, Илья Оирсычъ, да прилежъ отдохнуть.

— Не понравилось? Х-ха!... Не любите? Х-ха!... Не согласны? Х-ха!...

Запасъ энергіи Полуянова вдругъ исчезъ, онъ уже машинально выпилъ залпомъ двѣ рюмки и заснулъ тутъ же на диванѣ.

УП.

Изъ своей «поѣздки по уѣзду» Полуяновъ вернулся въ Заполье самымъ эффектнымъ образомъ. Онъ подкатилъ къ малыгинскому дому въ щегольскомъ дорожномъ экипажѣ Ечкина, на самой лихой почтовой тройкѣ. Ечкинъ отнесся къ бывшему исправнику рѣшительно лучше всѣхъ и держалъ себя такъ, точно везъ прежняго Полуянова.

— Вотъ не ожидалъ... да...— откровенно удивлялся Полуяновъ.— Прежніе-то дружки смотрѣть не хотятъ, два пальца подають, а то и прямо отвертываются... да. Только въ несчастіи узнаешь людей.

— И всѣ по-своему правы, Илья Оирсычъ,— объяснялъ Ечкинъ.— Вѣдь, всѣ люди, если разобрать, одинаковы, потому что всѣ—мерзавцы.

— Именно!

— Поэтому истинный философъ никогда не огорчается... Вотъ посмотрите на меня: чего я ни перенесъ? Бавихъ гадостей про меня ни говорили? А я все терплю и переносу.

— Именно!... И я тоже много испыталъ, Борисъ Яковичъ... Царствовалъ, можно сказать, а сейчасъ яго Ювъ многострадаальный... Претерпѣлъ, можно сказать, до конца. И не рошщу... Только вотъ проклятаго пона извести и конецъ всему дѣлу.

Харитонъ Артемьичъ, ждавшій возвращенія Полуянова съ дѣскимъ нетерпѣніемъ, такъ и ахнулъ, когда увидѣлъ, какъ онъ прѣхалъ въ одномъ экипажѣ съ Ечкинымъ. Что же это такое? Обѣщаль засудить Ечкина, а самъ съ нимъ по уѣзду катается...

— Ты это что, Илья Ойрсычъ, никакъ совсѣмъ сбѣился? — навинулся старикъ на Полуянова. — Обѣщаль судиться съ Ечкинымъ, а самъ...

— Погоди, старче, гусей по осени считаютъ.

— Да ты мнѣ не заговаривай зубовъ! Мнѣ, вѣдь, на свои глаза свидѣтелей не надо... Ежели ты въ другихъ зятъевъ пойдешь, такъ, вѣдь, я и на тебя управу найду. Я, братъ, теперь все равно какъ медвѣдь, котораго изъ берлоги подняли.

— А ты не сказывай никому... Сказанное слово серебряное, а не сказанное — золотое. Такъ я говорю? А потомъ, какъ ты полагаешь, ежели, напримѣръ, этотъ самый Ечкинъ мнѣ мѣсто предлагаетъ? Да-съ.

— Мѣсто? О-хо-хо!... На подсудимую скамью вмѣсто себя, али въ острогъ? О немъ давно острогъ-то плачетъ.

— Да ты слушай: настоящее мѣсто. Онъ будетъ въ Запольѣ желѣзную дорогу строить, а я смотрителемъ.

— Другъ на дружбу будете смотрѣть да любоваться? Охъ, прокураты!

— Ну, ладно... Смѣется послѣдній, какъ говорятъ французы. Понимаешь, вѣдь, это настоящій постъ: смотритель запольской желѣзной дороги. Чуть-чуть поменьше министра... Ты вотъ пойдешь по желѣзной дорогѣ, а я тебя за шиворотъ: стой! куда?

— Охъ, уморилъ!... Охъ, смертынька!... Вамъ надо съ Ечкинымъ тятръ открывать, да представленіе представлять. Охъ, животики надорвали!

Полуяновъ даже обидѣлся. Ечкинъ, дѣйствительно, предложилъ ему мѣсто на будущей желѣзной дорогѣ и онъ съ удовольствіемъ согласился послужить. Что же, онъ еще въ силахъ и можетъ быть полезнымъ, особенно, гдѣ требуется порядокъ. Его, братъ, не проведутъ... Х-ха! Полуянова провести, — нѣтъ, еще такой шельмы не родилось на бѣлый свѣтъ. Съ другой стороны, Полуяновъ и не нуждался даже въ этомъ мѣстѣ, а принималъ его просто по дружбѣ. У него и другихъ мѣсть достаточно. Сдѣлайте милость, дѣлайте сколько угодно. Во-первыхъ, Замараевъ предлагаетъ въ мое мѣсто бухгалтера, потомъ Харченко предлагаетъ въ мое мѣсто работать.

Харченко, дѣйствительно, имѣлъ виды на Полуянова, — онъ тебѣ на всѣхъ людей смотрѣлъ съ точки зрѣнія завятаго газетнаго редактора. Миръ дѣлился на двѣ половины: людей, нужныхъ для газеты, и — людей бесполезныхъ.

— Голубчикъ, вѣдь, вы для насъ настоящей владѣ, — увѣрялъ онъ Полуянова. — Вѣдь, никто не знаетъ такъ края, какъ вы.

— Да, немножко знаю... Съ завязанными глазами пройду пять уѣздовъ.

— И по исторіи у васъ много есть интересныхъ фактовъ.

— Чего лучше: самъ исторія съ географіей.

Выборъ между этими предложеніями было сдѣлать довольно трудно, а тутъ еще тяжба Харитона Артемьича да свои собственные дѣла съ попомъ Макаромъ и женой. Полуяновъ досталъ у За-мараева «законы» и теперь усердно зубрилъ разныя статьи. Харитонъ Артемьичъ ходилъ за нимъ по пятамъ и съ напряженіемъ слѣдилъ за каждымъ его шагомъ. Старика охватила сутяжническая горячка, и онъ на-яву бредилъ будущими подвигами.

— Мнѣ бы только начать, — мечталъ онъ, — а тамъ ужъ я и самъ какъ-нибудь изловчился бы.

— Ну, это, братъ, дудки! — огорошивалъ Полуяновъ. — Какіе тебѣ законы, когда ты фамилію свою съ грѣхомъ подписываешь?

— А я словесно.

— Нѣтъ, твоей словесности не требуется, а надо все по формѣ.

— Охъ, ужъ эта мнѣ форма!... Зарѣзъ. Всѣ по формѣ меня надували, а зятя лучше всѣхъ... Гдѣ же правда-то? Вѣдь, есть же она, матушка? Меня грабятъ по формѣ, а я долженъ молчать... Нѣтъ, шалишь!

Полуяновъ могъ только улыбаться, слушая этотъ бредъ, под-водимый имъ подъ рубрику «покушеній съ негодными средствами». Онъ, вообще, усвоилъ себѣ постепенно покровительственный тонъ, разговаривая съ Харитономъ Артемьичемъ, какъ говорятъ съ капризничаящими дѣтьми. Чтобъ утѣшить старика, Полуяновъ при самой торжественной обстановкѣ составлялъ проекты будущихъ прошеній, жалобъ и разныхъ докладныхъ записокъ.

— Ты у меня какъ волчій зубъ, — льстилъ Харитонъ Артемьичъ, благоговѣя передъ искусствомъ зятя, — да... Охъ, ежели бы да меня учить, — сколько во мнѣ этой самой злости!... Прямо, бери и сади на цѣпь.

— Тутъ злостью ничего не возьмешь. Пусти тебя въ судъ, ты первымъ бы дѣломъ всѣхъ обругалъ.

— Охъ, обругалъ бы!... А тамъ хотъ расколи на части... Только бы сердце сорвать.

— Вотъ то-то и есть. Какой же ты адвокатъ? Тебѣ оглоблю надо дать въ руки, а не законъ.

Никогда еще у Полуянова не было столько работы, какъ те-

перь. Даже въ самое горячее время исправничества онъ не былъ такъ занятъ. И, главное, вездѣ нуженъ. Хоть на части разрывайся. Это сознание собственной нужности приводило Полуянова въ горделивое настроеніе и онъ въ откровенную минуту говорилъ Харитону Артемьичу:

— Безъ меня, братъ, какъ безъ поганого ведра, тоже не обойдешься... И тутъ нуженъ, и тамъ нуженъ, и здѣсь нуженъ. Вотъ тебѣ и лишенный особенныхъ правъ и преимуществъ... Х-ха!... Вотъ только не знаю, куда окончательно пристроиться.

— А ты не разбѣгайся, — совѣтовалъ Харитонъ Артемьичъ. — Ломи въ одну точку, и шабашъ. Значить, наваливай по одному мѣсту.

— Не безпокойся, охулки на руку не положимъ.

— То-то... Первое дѣло, будемъ добывать проклятаго писаря, а тамъ загорчимъ и другихъ.

Полуяновъ долго не рѣшался сдѣлать окончательный выборъ дѣятельности, пока дѣло не рѣшилось само собой. Разъ онъ дѣлалъ моціонъ передъ обѣдомъ, — онъ приобрѣталъ благородныя привычки, — и увидѣлъ новую вывѣску на новомъ домѣ: «Главное управленіе Запольской желѣзной дороги». Полуяновъ остановился, протеръ глаза, еще разъ перечиталъ вывѣску и сказалъ всего одно слово:

— Эге!

На другой день онъ, одѣтый съ иголки во все новое, уже сидѣлъ въ особой комнатѣ новаго управленія за громаднымъ письменнымъ столомъ, заваленнымъ гроссбухами. Ему нравилась и солидность обстановки, и какая-то особенная дѣловая таинственность, а больше всего самъ Ечкинъ, всегда веселый, вѣчно занятый, энергичный и неутомимый. Одна квартира чего стоила, министерская обстановка, служащіе, и все явилось, какъ въ сказкѣ, по щучьему велѣнью. Въ первый моментъ Полуяновъ даже смутился, отозвалъ Ечкина въ сторону и проговорилъ:

— А я думаю, Борисъ Яговличъ, очки себѣ купить... дымчатія, въ золотой оправѣ... да.

— Развѣ у васъ глаза слабы?

— Нѣтъ... Но въ очкахъ какъ-то солиднѣе. Стабровскій носитъ очки, Мышниковъ, — однимъ словомъ, всѣ серьезные люди.

— Отчего, можно и очки, — милостиво согласился Ечкинъ, авшій совѣтъ о другомъ. — Да, конечно, очки...

— Купцы, и тѣ нынче въ очкахъ ходятъ. Вонъ Евграфъ Огинь... да.

На слѣдующій день Полуяновъ явился въ золотыхъ очкахъ и даже подстригъ бороду à la графъ Шамборъ. Нельзя, дѣло было слишкомъ серьезное и каждая мелочь имѣла свое значеніе.

Всѣ, знавшіе Ечкина, смѣялись въ глаза и за глаза надъ его новою затѣей, и для всѣхъ оставалось загадкой, откуда онъ могъ брать денегъ на свою контору. Кромѣ долговъ, у него ничего не было, а изъ векселей можно было составить приличную бібліотеку. Вообще, Ечкинъ представлялъ собой какой-то непостижимый фокусъ. Его новая контора служила нѣсколько дней темой для самыхъ веселыхъ разговоровъ въ правленіи запольскаго банка, гдѣ собирались Стабровскій, Мышниковъ, Штоффъ и Драке.

— Это какое-то безуміе, — говорилъ Мышниковъ. — Я на мѣстѣ Ечкина давно бы повѣсилса, а онъ желѣзную дорогу строить придумаль.

— Будеть стеариновыя свѣчи возить съ закрытаго завода, — вышучиваль Штоффъ. — Даже можно такъ и назвать: стеариновая дорога...

— Что-нибудь тутъ кроется, господа, — увѣряль Стабровскій. — Я давно знаю Бориса Яковлича. Это то, что называютъ гениемъ безъ портфеля. Ему недостаетъ только денегъ, чтобы быть вполне порядочнымъ человѣкомъ. Я часто завидую его уму... Вѣдь, это удивительная голова, въ которой фейерверкомъ сыплются самыя удивительныя комбинаціи. Вѣдь, нужно было придумать дорогу...

— Да, геній... — соглашалса Мышниковъ. — Совсѣмъ новаго типа геній: вексельный. Ему все равно терять нечего... Недостаеть только, чтобы онъ объявилъ какую-нибудь войну.

— Какую войну? — не понималь, по обыкновенію, Драке.

— Мало ли какою... Была же кабая-то война за испанское наслѣдство. Вотъ бы Ечкину примазаться въ самый разъ.

Вообще, банковскіе воротилы имѣли достаточно времени для подобныхъ разговоровъ. Дѣла банка шли отлично и банковскія акціи уже поднялись въ цѣнѣ въ два съ половиной раза.

Пока банковскіе заправила шутили, Ечкинъ неутомимо хлопоталь. Онъ то пропадалъ изъ Заполя, то снова появлялся, точно метеоръ. И только одинъ Полуяновъ, сохранившій чутье стараго сыщика, поняль, наконецъ, въ чемъ дѣло. Ечкинъ, потихоньку отъ всѣхъ, «разрабатываль» неприступнаго милліонера Нагибина. Какими путями онъ пробралса къ нему, чѣмъ заслужилъ довѣріе этого никому не вѣрившаго скряги, — оставалось неизвѣстно. Но Полуяновъ отлично зналь, что по вечерамъ, когда стемнѣеть, Еч-

винъ ѣздилъ къ Нагибину, жившему на краю города, и проводилъ тамъ по нѣскольку часовъ. Конечно, даромъ Ечкинъ не сталъ бы терять свое золотое время. Онъ, впрочемъ, не одинъ разъ возвращался въ изнеможенномъ отчаяніи, бралъ Полуянова за пуговицу его сюртука и говорилъ:

— Вѣдь, я—святой человѣкъ, Илья Ойрсычъ, святой по терпѣнію... Господи, чего только я ни терплю? Нѣтъ, кажется, такой глупости, которую не приходилось бы продѣлывать. И, ей-Богу, не для себя хлопочу, а для другихъ...

— Глупый народъ, Борисъ Яковличъ... Ничего не понимаютъ. Я тоже натерпѣлся вполне достаточно...

— Да, да... Напримѣръ, деньги—что такое деньги, когда онѣ лежатъ безъ всякой пользы? Это все равно, если хорошенькую женщину завязать въ мѣшокъ... да. Хуже: это—развратъ.

— Совершенный развратъ, Борисъ Яковличъ.

— Нужно быть сумасшедшимъ, чтобы не понимать такой простой вещи. Деньги—то же, что солнечный свѣтъ, воздухъ, вода, первые поцѣлуи влюбленныхъ,—въ нихъ скрыта животворящая сила и никто не имѣетъ права скрывать эту силу. Деньги должны работать, какъ всякая сила, и давать жизнь, проливать эту жизнь, испускать ее лучами.

— Я то же самое всегда думалъ, Борисъ Яковличъ.

Таинственные визиты Ечкина къ Нагибину закончились совершенно неожиданно. Даже выдавшій всякіе виды на своемъ вѣку Полуяновъ ахнулъ, когда Ечкинъ однажды утромъ заявилъ ему:

— Илья Ойрсычъ, вы мнѣ сегодня нужны. Вѣдь, вы умѣете быть шаферомъ?

— Случалось. Только я-то сейчасъ не гожусь. Шаферемъ бываютъ молодые, неженатые люди, а я... гм...

— Э, пустяки!... Тамъ гдѣ-то нужно что-то такое расписаться,—однимъ словомъ, глупая формальность.

— Свидѣтелемъ могу быть.

— Дѣло въ слѣдующемъ... да. Вѣдь, вы знаете, что у этого милліонера Нагибина есть дѣвица дочь. Ей уже за тридцать... да, вѣдь, женщина тоже капиталъ, который необходимо реализовать. Хорошо. Вы помните, что есть молодой человѣкъ Колобовъ, монъ? Онъ сидитъ на отповской мельницѣ совсѣмъ безъ дѣла и зить мухъ. Я и поѣхалъ къ нему на мельницу и все объяснилъ. И онъ женится на Нагибиной, у него будетъ все. Понимаете?... , конечно, молодой человѣкъ и сначала ничего не понималъ... въ же пришлось ему объяснять, что ранняя молодость и женская

красота въ семейной жизни еще не составляютъ счастья, а нужно искать душу... Понимаете?... Ломался-ломался, а я, все-таки, его привезъ и прямо къ Нагибинымъ. Пришлось быть сватомъ. Безъ меня у нихъ ничего бы не вышло. Такъ вотъ, будетъ свадьба, такая—безъ шума и вы будете свидѣтелемъ.

Полуяновъ смотрѣлъ на Ечкина съ раскрытымъ ртомъ, потомъ схватилъ его за руку и восторженно проговорилъ:

— Борисъ Яковличъ... Вѣдь, это что же такое, а?... Это... это... Вамъ бы по настоящему сибирскимъ исправникомъ быть!

УШ.

Мы уже сказали выше, что за время отсутствія Полуянова въ Запольѣ было открыто земство. Въ сосѣднихъ губерніяхъ земскія учрежденія дѣйствовали уже давно и успѣли пережить первую горячую пору увлеченій, такъ что запольскіе земцы уже не увлекались ничѣмъ. Да и контингентъ гласныхъ былъ почти тотъ же, что и въ думѣ, съ прибавкой нѣсколькихъ мужиковъ, писарей и деревенскихъ поповъ, какъ о. Магаръ изъ Суслона. Въ Запольскомъ уѣздѣ не было ни одного помѣщика, поэтому земство получило отчасти купеческій характеръ. Изъ новыхъ людей выдались сразу Замараевъ, двоюродный братъ Прасковьи Ивановны Голяшкинъ, повторявшій, какъ эхо, чужія слова, Евграфъ Огибенинъ и уже извѣстные дѣльцы, какъ Мышниковъ, Штоффъ и компанія. Въ числу новыхъ людей можно было отнести Стабровскаго. Его даже выбаллотировали въ предсѣдатели земской управы, но онъ великодушно отказался въ пользу кандидата, которымъ былъ Огибенинъ. И здѣсь, какъ въ думѣ, подавлялъ всѣхъ Мышниковъ, но его вліяніе въ земскихъ дѣлахъ уже не имѣло той силы, какъ въ купеческой думѣ. Въ земствѣ составилъ совершенно самостоятельный кружокъ гласныхъ, не зависѣвшихъ отъ запольскаго банка, и Мышниковъ получалъ отпоръ при каждой попыткѣ проявить свой деспотизмъ. Онъ свои неудачи теперь вымѣщалъ на Огибенинѣ, котораго преслѣдовалъ по пятамъ. Въ земскихъ дѣлахъ особенную силу получила гласность. Харченко попалъ въ число гласныхъ и работалъ по земскимъ вопросамъ съ какимъ-то ожесточеніемъ. Его прочили уже въ члены управы. Недостатокъ людей чувствовался въ земствѣ еще больше, чѣмъ въ думѣ, и работала небольшая кучка. Вообще, дѣятельность земства проявила себя съ очень хорошеі стороны, а, главное, дѣло шло совершенно независимо отъ всякихъ постороннихъ вліяній.

Дѣятельность этого новаго земства, главнымъ образомъ, выразилась въ развитіи народнаго образованія. Въ уѣздѣ школы открывались десятками, а въ большихъ селахъ, какъ Суслонь, были открыты по двѣ школы. Пропагандировалъ школьное дѣло Харченко и ему даже предлагали быть инспекторомъ этихъ школъ, но онъ отказался. Газета, типографія и бібліотека отнимали почти все время, а новыхъ помощниковъ было мало, да и тѣ были преимущественно женщины, какъ Устинька.

— Было бы дѣло, а люди будутъ,— увѣренно повторялъ Харченко.

По земскимъ дѣламъ Харченко особенно близко сошелся со старикомъ Стабровскимъ. Этому сближенію много способствовала Устинька. Она знала, что Стабровскій увлекается земствомъ и въ качествѣ вліятельнаго человѣка можетъ быть очень полезенъ. Вышла довольно комичная сцена перваго знакомства.

— Мы съ вами враги по части банковскихъ и винокуренныхъ дѣлъ,— откровенно объяснилъ Стабровскій,— но думаю, что будемъ друзьями въ земствѣ.

— Это будетъ видно.

— Я почти увѣренъ... Здѣсь наши интересы вполне совпадаютъ.

Стабровскій никогда и ничего не дѣлалъ даромъ, и Устинька понимала, что, сближаясь съ Харченкой, онъ, съ одной стороны, проявлялъ свою полную независимость по отношенію къ Мышникову, съ другой—удовлетворялъ собственному тяготѣнію къ общественной дѣятельности и съ третьей—организовалъ для своей Диди общество содержательныхъ людей. Въ логикѣ Стабровскаго все, въ концѣ-концовъ, сводилось къ этой Дидѣ, которая была уже взрослою барышней.

— Сморокъ какой-то,—резюмировала Дидя свое впечатлѣніе, познакомившись съ Харченкой. — Я удивляюсь пристрастію папы къ разнымъ монстрамъ.

Устинька бывала у Стабровскихъ довольно часто, хотя и съ перерывами. Но стоило ей не быть съ недѣлю, какъ старикъ встрѣлялъ ее ворчаньемъ и выговорами. Онъ вообще замѣтно старился, даясь требовательнѣе и брюзжалъ, какъ настоящій старикъ. Тиньку забавляло, какъ онъ ревновалъ ее ко всѣмъ и требовалъ чаго подробнаго отчета въ поведеніи, точно отецъ. Съ другой стороны, это упорное вниманіе трогало и поддевало ее. Она такъ любила Стабровскаго, когда онъ былъ у себя дома. Въ немъ было только какой-то неудовлетворенной жажды дѣятельности, особен-

ной теплоты и еще болѣе особенной польской культурности. Никто такъ не умѣлъ взвѣснить и оцѣнить во всѣхъ мельчайшихъ подробностяхъ всякое новое явленіе, какъ Стабровскій. Въ земской дѣятельности онъ хотѣлъ точно искупить самого себя и отдавался ей съ жаромъ молодого человѣка.

— Ахъ, какъ я завидую вамъ, молодымъ людямъ! — повторялъ онъ съ какою-то тоской. — Вѣдь, передъ вами цѣлая жизнь впереди. Жаль подумать, въ какое время намъ пришлось прожить свою молодость. Я тебѣ какъ-нибудь расскажу, Устинька. Да, тяжелое было время. Когда говорятъ о недостаткахъ и недочетахъ настоящаго, я всегда вспоминаю это далекое прошлое, безправное, несправедливое и темное. Вѣдь, теперь каждая земская школа является уже свѣтлымъ лучомъ, знаменіемъ времени, залогомъ будущаго... Впереди — грамотная Россія, свободный трудъ, нарождающаяся культура!

Насколько самъ Стабровскій всѣмъ интересовался и всѣмъ увлекался, настолько Дидя оставалась безучастной и равнодушной ко всему. Отецъ утѣшалъ себя тѣмъ, что все это результатъ ея болѣзненнаго состоянія, и не хотѣлъ и не могъ видѣть дѣйствительности. Дидя была представителемъ вырождавшейся семьи и не понимала отца. Она могла по цѣлымъ мѣсяцамъ ничего не дѣлать и ея интересы не выходили за черту собственнаго дома.

Когда приходила Устинька, Стабровскій непременно заводилъ рѣчь о земствѣ, о школахъ и разныхъ общественныхъ дѣлахъ, и Устинька понимала, что онъ старается втянуть Дидю въ кругъ этихъ интересовъ. Дидя слушала изъ вѣжливости нѣкоторое время, а потомъ старалась улизнуть изъ комнаты подъ первымъ предлогомъ. Старикъ провожалъ ее печальными глазами и грустно качалъ головой.

Разъ среди самаго серьезнаго разговора Устинька неожиданно спросила старика:

— Скажите, Болеславъ Брониславичъ, вы очень не любите Галактіона Михенча?

— Да, не люблю.

— Не будетъ съ моей стороны нескромнымъ вопросомъ, если спрошу: за что?

— Причинъ достаточно, а главная — та, что изъ него вышло совсѣмъ не то, что я предполагалъ. Впрочемъ, это часто случается, что мы въ людяхъ не любимъ именно собственные ошибки. А почему тебя это интересуетъ?

— Да такъ... Онъ нынче бываетъ у отца и я возмущалась, что отецъ его принимаетъ.

— Ахъ, это совсѣмъ другое дѣло! Мы, старики, въ силу вещей, относимся къ людямъ снисходительнѣе, хотя и ворчимъ. Молодость нетерпима, а за старостью стоитъ громадный опытъ, который говорить, что на землѣ совершенства нѣтъ и что все относительно. У стариковъ, если хочешь, своя логика.

Устинька не безъ ловкости перевела разговоръ на другую тему, потому что Стабровскому, видимо, было неприятно говорить о Галактіонѣ. Ему показалось въ свою очередь, что дѣвушка чего-то не договариваетъ. Это еще былъ первый случай недомолвки. Стабровскій продумалъ всю сцену и пришелъ къ заключенію, что Устинька пришла специально для этого вопроса. Что же, это ея дѣло. Когда дѣвушка уходила, Стабровскій съ особенною нѣжностью простился съ ней и два раза поцѣловалъ ее въ голову.

— Умница ты моя... — повторялъ онъ взволнованно.

Разъ, когда Устинька была одна, неожиданно появился Галактіонъ. Она встрѣтила его довольно сурово, но онъ, кажется, совсѣмъ былъ нерасположенъ что-нибудь замѣчать.

— Папы нѣтъ дома.

— Нѣтъ? А я его подожду.

— Какъ хотите.

Онъ говорилъ такимъ тономъ, какимъ говорятъ съ прислугой. Устинька обидѣлась и вышла изъ комнаты. Пусть сидитъ одинъ, невѣжа! Галактіонъ, дѣйствительно, сидѣлъ у стола и ничего не хотѣлъ замѣчать. Устинька два раза посмотрѣла на него въ щель двери и совсѣмъ разсердилась. Въ самомъ дѣлѣ, это нахальство — явиться въ домъ, сѣсть и не обращать ни на кого вниманія. Устинька волновалась. Ея раздраженіе достигло высшей степени, когда она услышала, что Галактіонъ сидитъ и смѣется. Нѣтъ, это ужъ слишкомъ... Она вышла къ Галактіону и увидѣла, что онъ сидитъ съ послѣднимъ номеромъ *Запольскаго Курьера* и хохочетъ.

— Можетъ быть, вамъ что-нибудь нужно передать папѣ?

— Ахъ, это вы, барышня! — удивился Галактіонъ, продолжая смѣяться.

— Чему вы смѣетесь?

— Да очень ужъ смѣшно въ газетѣ пишутъ.

— Ничего смѣшного нѣтъ.

— Да вы не читали... Вотъ посмотрите, цѣлая статья: *Наши мѣи*. Начинается такъ: «Въ нашемъ Запольѣ городское общество дѣлится на двѣ партіи: старонавозная и новонавозная». Вѣдь, смѣшно? Пишетъ докторъ Кочетовъ, потому что дума не согла-

силась съ его доглядомъ о необходимыхъ санитарныхъ мѣрахъ. Очень смѣшныя слова докторъ придумалъ.

— А по-моему такъ это просто неприличныя слова... Вѣроят-но, и докторъ придумалъ ихъ въ ненормальномъ состоянiи.

— Ничего вы не понимаете, барышня,—довольно рѣзко отвѣ-тилъ Галактiонъ уже серьезнымъ тономъ. — Да, не понимаете... Писалъ-то докторъ, дѣйствительно, пьяный и барышнѣ такія слова, можетъ быть, совсѣмъ не подходятъ, а только все это правда. Ужь вы меня извините, а дѣйствительно мы такъ и живемъ... по-на-возному. Зарылись въ своей грязи и знать ничего не хотимъ... да. И еще намъ же смѣшно, вотъ какъ мнѣ сейчасъ.

— Кто же вамъ велитъ такъ же жить?

— Кто велитъ?... Вотъ видите, барышня, какъ я съ вами бу-ду разговаривать... Если вамъ сказать все прямо, такъ вы, пожа-луй, и обидитесь.

— Можно все говорить, если серьезно.

— Да? Такъ... Хорошо. Прежде всего, всѣ мы звѣри. Вы ска-жете: «ахъ, это мужчины звѣри, а женщины бѣдныя» и прочее. Такъ? Хорошо. Отчего же теперь постоянно такая вещь выходитъ: вотъ я вдовець, у меня дѣти, я жениюсь на хорошей дѣвушкѣ, а эта хорошая дѣвушка и начинаетъ изживать со свѣту моихъ дѣ-тей?... Однимъ словомъ, мачиха. Вѣдь, такихъ случаевъ сколько угодно-съ... да. Значить, у мужчины одно звѣрство, а у женщины другое, а вмѣстѣ намъ одно названiе: звѣри. Конечно, есть такiе особенные хорошия люди, да лиха бѣда, что ихъ очень ужъ мало... Вотъ переберите-ка свои поступки и обдумайте... да. Такъ-то вотъ я часто про себя думаю... Думаешь-думаешь и даже страшно сдѣ-ляется. Да развѣ это я? да развѣ я такой?... Если бы про другого рассказали это, такъ не повѣрилъ бы... да.

— И я не вѣрю.

— Кому?

— Вамъ... Да, не вѣрю. Вы—нехорошiй человѣкъ... Вамъ этого никто не смѣетъ сказать, а я скажу, чтобы вы и сами зна-ли. Вѣдь, каждый человѣкъ умѣетъ очень хорошо оправдывать только самого себя.

Дѣвушка раскраснѣлась и откровенно высказала все, что сам знала про Галактiона, кончая несчастнымъ положенiемъ Харити-ны. Это былъ цѣлый обвинительный актъ, и Галактiонъ совсѣмъ смутился. Что другiе говорили про него—это онъ зналъ давно, а тутъ говорить дѣвушка, которую онъ зналъ ребенкомъ и которая не должна была даже понимать многого.

— Да, да, да... — азартно повторяла Устинька, точно Галактионъ съ ней спорилъ. — И я удивляюсь, какъ вы рѣшаетесь приходите къ намъ въ домъ. Папа такой добрый, такой довѣрчивый... да. Я ему говорила то же самое, что сейчасъ говорю вамъ въ глаза.

Галактионъ поднялся блѣдный, страшный, что-то хотѣлъ отвѣтить, но только махнулъ рукой и, не простившись, пошелъ къ двери. Устинька стояла посреди комнаты. Она задыхалась отъ волненія и боялась расплакаться. Въ этотъ моментъ въ гостиную вошелъ Тарасъ Семенычъ. Онъ посмотрѣлъ на сконфуженнаго гостя и на дочь и не зналъ, что подумать.

— Галактионъ Михенчъ, куда же ты бѣжишь?

Галактионъ обернулся и, показывая на Устиньку, проговорилъ всего одно слово:

— Она права.

У Луковникова произошло довольно неприятное объясненіе съ дочерью.

— Устинька, такъ нельзя. Наконецъ, какое ты имѣла право оскорблять человѣка въ своемъ домѣ?

— А если я не могу, папа?... Вѣдь, вы все молчите, а я взяла и сказала. Я ему все сказала.

— И онъ тоже все сказалъ... Вѣдь, хорошій бы человѣкъ изъ него могъ быть, если бы такая голова къ мѣсту пришлась.

По своему характеру Луковниковъ не могъ никого обидѣть и поведеніе Устиньки его серьезно огорчило. Въ кого она такая уродилась? Права-то она права, да только, все-таки, не слѣдовало свою правоту показывать такимъ манеромъ. И, притомъ, дѣвушка, — она и понимать-то не должна Харитининыхъ дѣлъ. Старикъ почти не спалъ всю ночь и за утреннимъ чаемъ еще разъ замѣтилъ:

— А я, все-таки, не согласенъ съ тобой, Устинька. И правдѣ бываетъ не мѣсто. Какіе мы съ тобой судьи? Ты думаешь, онъ самъ хуже нашего понимаетъ, гдѣ хорошо и гдѣ не хорошо?

Устинька выслушала все и ничего не отвѣтила. Тарасъ Семенычъ только пожалъ плечами и по пути въ свою думу заѣхалъ къ Стабровскому. Онъ очень волновался, рассказывая все подробно дѣла.

— Ахъ, милая, милая! — восхищался Стабровскій. — Господи, чѣмъ у меня была такая дочь? Вѣдь, это молодое, чистое золото Тарасъ Семенычъ... Да я сейчасъ же поѣду къ ней и разцѣлю Бѣдняжку, навѣрное, теперь волнуется.

— Нѣтъ, этого вы, пожалуйста, не дѣлайте, Болеславъ Бровлавичъ. Пусть ужь лучше она одна про себя раздумается.

IX.

Галактионъ приходилъ къ Луковникову съ специальною цѣлью поблагодарить старика за хорошей совѣтъ относительно Мышниковъ. Все устроилось въ какой-нибудь одинъ часъ наилучшимъ образомъ и многолѣтняя затаенная вражда закончилась дружбой. Галактионъ шелъ къ Мышникову съ тяжелымъ сердцемъ и не ожидалъ отъ этого похода ничего хорошаго, а вышло все наоборотъ. Сначала Мышниковъ отнесся къ нему недовѣрчиво и съ обычною грубоватостью, а потомъ, когда Галактионъ откровенно объяснилъ свое критическое положеніе, какъ-то сразу отмякъ.

— Что же вы мнѣ раньше ничего не сказали?— замѣтилъ Мышниковъ съ укоромъ дѣловаго человѣка. — Безъ Стабровскаго можно обойтись, и даже очень.

— Да, вѣдь, вы, Павелъ Степанычъ, знали положеніе дѣла. Что тутъ было говорить? Потому мнѣ казалось, что вы относились ко мнѣ...

— Вздоръ!... Никакъ я не относился... У меня ужъ такой характеръ, что всѣмъ кажется, что я отношусь какъ-то нехорошо. Ваше дѣло хорошее, вѣрное, и я даже съ удовольствіемъ могу вамъ помочь.

Собственно дѣловой разговоръ занялъ очень немного времени.

— Вы понимаете, что если я даю свои средства, то имѣю въ виду воспользоваться извѣстными правами,—предупреждалъ Мышниковъ.—Просто подъ проценты я денегъ не даю и не желаю быть ростовщикомъ. Другое дѣло, если вы мнѣ выдѣлите извѣстный пай въ предпріятіи. Повторяю: я вѣрю въ это дѣло, хотя оно сейчасъ и даетъ только одни убытки.

Это былъ самый лучший исходъ, и деньги Мышникова не ложились на пароходство займомъ, а входили живымъ капиталомъ. Главное, не было никакихъ нравственныхъ обязательствъ и отвѣтственности. Подсчитавъ активъ и пассивъ, Мышниковъ рѣшилъ такъ:

— Скажу вамъ откровенно, Галактионъ Михеичъ, что всѣхъ своихъ денегъ я не могу вложить въ пароходство, а то, что могъ вложить, все-таки, мало. Вѣдь, все дѣло въ расширеніи дѣла только тогда оно сдѣлается выгоднымъ. Такъ? Отчего вы не обратились къ Штоффу, тѣмъ болѣе, что онъ не чужой вамъ человѣкъ?

— Вотъ именно послѣднее и служить препятствіемъ, Павелъ Семенычъ. Съ постороннимъ человѣкомъ всегда какъ-то легче вести дѣло и даже получить отказъ не обидно.

— Въ такомъ случаѣ, позвольте мнѣ съ нимъ переговорить. Я думаю, что наша компанія всего лучше устроится на такихъ основаніяхъ: у васъ два пая, а у меня со Штоффомъ по одному.

Галактіону приходилось только соглашаться. Да и какъ было не согласиться, когда все дѣло висѣло на волоскѣ? Конечно, было жаль выпускать изъ своихъ рукъ цѣлую половину предпріятія, но за то можно было расширить дѣло. А главное заключалось въ томъ, что компаніоны - парходчики составляли большинство въ банковскомъ правленіи и могли, въ случаѣ нужды, черпать изъ банка, сколько желали.

Однимъ словомъ, все дѣло устроилось наилучшимъ образомъ, и Галактіонъ не смѣлъ даже мечтать о такомъ успѣхѣ. Оставалось только оформить договоръ и приступить къ дѣлу уже «сильною рукой», какъ говорилъ Павелъ Степанычъ. Именно подъ этимъ впечатлѣніемъ Галактіонъ и отправился къ Луковникову, чтобы подѣлиться со старикомъ своею радостью, а вмѣсто этого получился такой разгромъ, какого онъ еще не испытывалъ. Бто угодно выскажи ему то же самое, что говорила Устинька, не было бы такъ обидно, а тутъ ударъ былъ нанесенъ такою чистою и хорошею рукой.

Выйдя отъ Луковникова, Галактіонъ рѣшительно не зналъ, куда ему идти. Раньше онъ предполагалъ завернуть къ тестю, чтобы повидать дѣтей, но сейчасъ онъ не могъ этого сдѣлать. Въ немъ все точно повернулось. Наконецъ, ему просто было совѣстно. Идти на квартиру ему тоже не хотѣлось. Онъ безъ цѣли шелъ изъ улицы въ улицу, пока не остановился передъ ссудною кассой Замараева. Начинало уже темнѣть, и кое-гдѣ въ окнахъ мельгали огни. Галактіонъ позвонилъ, но ему отворили не сразу. За дверью слышалось какое-то предупреждающее шшшуканье.

— Дома Флегонтъ Васильичъ? — спросилъ Галактіонъ горничную.

Горничная посмотрѣла на него какими-то оторопѣлыми глазами и потомъ убѣжала. Галактіонъ снялъ пальто и вошелъ въ гостиную. Гдѣ-то захлопали двери и послышался сердитый шепотъ.

«Они, кажется, здѣсь съ ума сошли?» — невольно подумалъ Галактіонъ.

Въ этотъ моментъ открылась дверь хозяйскаго кабинета и въ коридорѣ показался Голяшкинъ, одѣтый во фракъ, бѣлый галстугъ и бѣлыя перчатки. Онъ поманилъ гостя пальцемъ къ себѣ.

— Ну, Галактіонъ Михеичъ, ты намъ всю обѣдню испортилъ, — потому что заявилъ Голяшкинъ, запирая за собой дверь. — Ни раньше, ни послѣ тебя принесло. Горничной - то прямо было наказано

никого не принимать, а она увпала тебя и обѣжала. Извѣстно, дура.

— Буда это ты вырядился-то пѣтухомъ галландскимъ?

— Я-то? А мы на свадьбу.

Голяшкинъ зажалъ себѣ ротъ и изобразилъ ужасъ.

— Охъ, продалъ проклятый языкъ! — виновато забормоталъ онъ, озираясь на запертую дверь. — Вѣдь, сегодня твоего брата Симона женимъ... да.

— Симона?

— Его самого... Въ томъ родѣ выходитъ, что не невѣста убѣгомъ выходитъ замужъ, а женихъ. Совсѣмъ особенное дѣльце.

— Ничего не понимаю.

— И я тоже... Спроси Ечкина: онъ все оборудовалъ.

Теперь Галактіонъ уже рѣшительно ничего не понималъ. Его выручилъ появившійся Замараевъ. Онъ еще въ первый разъ въ жизни надѣлъ фракъ и чувствовалъ себя, какъ молодая лошадь въ хомутѣ.

— Накрылъ ты насъ, Галактіонъ Михеичъ, — заговорилъ онъ, стараясь придать голосу шуточный тонъ. — Именно, какъ снѣгъ на голову. Мы-то таимся, а ты тутъ, какъ тутъ.

Послѣ нѣкотораго ломанья Замараевъ разсказалъ всѣ подробности предстоявшей свадьбы. Галактіонъ выслушалъ и спросилъ только одно:

— А отецъ ничего не знаетъ?

— Никто и ничего не знаетъ. Ечкинъ обернулъ дѣло ужъ очень скоро. Симонъ-то на отчаянность пошелъ. Всего и свидѣтелей трое: мы съ Голяшкинымъ да Полуяновъ. Въ томъ родѣ, какъ бываютъ свадьбы-самокрутки.

— Отчего же Симонъ мнѣ ничего не сказалъ? Вѣдь, не чужіе.

— А ужъ объ этомъ ты его спроси самъ.

— Хорошо, я спрошу. Вмѣстѣ съ вами поѣду на свадьбу. Впередъ не обманывайте добрыхъ людей.

— Чего же тутъ обманывать? Слава Богу, Симонъ-то Михеичъ не двухъ лѣтъ по третьему. Въ своемъ умѣ паренѣкъ.

— Оно и похоже, что въ своемъ.

— Да, вѣдь, и ты, Галактіонъ Михеичъ, женился не по своей волѣ. Не все ли одно, ежели разобратъ? А я такъ полагаю, что отъ своей судьбы человекъ не уйдетъ. Значить, ужъ Симону Михеичу выпала такая часть, а суженой конемъ не объѣдешь.

На этотъ разговоръ вышла Анна Харитоновна и начала угрожать Болобова не ѣздить на свадьбу. Но эта политика сусло

своей писарихи имѣла какъ разъ обратное дѣйствіе. Галактіонъ заявилъ рѣшительно, что побѣдетъ.

— Ну, какъ знаете, Галактіонъ Михеичъ, — обидѣлась Анна. — Я, значить, вамъ же добра желаю. Прежде-то сосѣдями живали, такъ оно тово...

Замараевъ едва успѣлъ придумать предупредительную мѣру, — онъ потихоньку послалъ Голяшкина впередъ, а самъ побѣхалъ вмѣстѣ съ Галактіономъ.

— Я васъ на своей лошади подвезу, Галактіонъ Михеичъ.

— А Голяшкина загонщикомъ послалъ? Не бойся, будутъ рады.

— Миѣ - то что же? Не къ чужому человѣку ѣдете, а я только такъ... вообще...

Предупрежденный Симонъ встрѣтилъ брата спокойно, хотя и съ затаенною готовностью дать отпоръ. Свадьба устраивалась въ нагибинскомъ домѣ, и всѣ переполошились, когда узнали, что ѣдетъ Галактіонъ, особенно сама невѣста, уже одѣвавшаяся къ вѣнцу. Это была типичная старая дѣвица съ землистымъ цвѣтомъ лица и кислымъ выраженіемъ рта.

— Гдѣ Ечкинъ? — спрашивала она, бросая свои наряды.

Какъ на грѣхъ, Ечкинъ, вертѣвшійся все время на глазахъ, куда-то пропалъ. Старикъ Нагибинъ совершенно растерялся и спрятался со страха.

— Позовите сюда Галактіона Михеича, — рѣшила невѣста. — Я сама съ нимъ поговорю. А, главное, чтобъ онъ не оставался съ глазу на глазъ съ Симономъ.

Посредникомъ явился все тотъ же Голяшкинъ, точно онъ готовъ былъ вылѣзть изъ собственной кожи.

— Галактіонъ Михеичъ, васъ невѣста зоветъ. Пожалуйте къ нимъ въ комнату. Онѣ вамъ хотятъ словечко сказать... очень просили.

Такъ братья и не успѣли переговорить. Впрочемъ, взглянувъ на Симона, Галактіонъ понялъ, что тутъ всякіе разговоры излишни. Онъ опоздалъ. По дорогѣ въ комнату невѣсты онъ встрѣтилъ тскаго старца Анеима, — время проходило, минуя этого человѣка, чь оставался такимъ же чернымъ, какъ въ то время, когда вѣнчалъ Галактіона. За нимъ въ скитъ былъ посланъ нарочный гонецъ, царецъ только что пріѣхалъ.

Когда Галактіонъ вошелъ въ комнату, его встрѣтила невѣста и дала первую сухую и костлявую руку.

— Милости просимъ, Галактіонъ Михеичъ, — заговорила она,

подавляя невольное волненіе.—Вы это очень хорошо сдѣлали, что пріѣхали къ намъ на свадьбу. Я даже не знала, что вы въ городѣ.

— И я тоже случайно узналъ про вашу свадьбу. Извините, я даже не знаю, какъ васъ зовутъ.

— Натальей, а отца Осипомъ—значить вышла Наталья Осиповна.

Невѣста говорила уже теперь совсѣмъ смѣло, овладѣвъ собой. Она сдѣлала Голяшкину знакъ глазами, чтобъ онъ убирался.

— Садитесь,—предложила она.—У насъ все такъ скоро случилось, что даже не успѣли оповѣстить родныхъ. Ужь вы извините. Вѣдь, и ваша свадьба тоже скороспѣлкой вышла. Это прежде тинули по полугоду, да и Симонъ Михеичъ очень ужъ торопиль.

— Что же, я ничего не говорю. Вамъ жить съ Симономъ, вамъ и знать, какъ и что.

— О насъ не беспокойтесь,—съ улыбкой отвѣтила невѣста.—Проживемъ не хуже другихъ. Счастье не отъ людей, а отъ Бога. Можетъ быть, вы противъ меня, такъ скажите впередъ. Время еще не ушло.

— Я? Нѣтъ, я ничего не могу сказать. Конечно, оно какъ-то неловко, что Симонъ женится тайкомъ, а, впрочемъ, все равно.

— Онъ стыдится, что беретъ жену старше себя, — объяснила невѣста безъ заминки.

Невѣста понравилась Галактіону своимъ рѣшительнымъ характеромъ. Именно такую жену и нужно безхарактерному и податливому Симону. Эта будетъ держать его въ рукахъ.

Когда женихъ, а потомъ невѣста уѣхали въ моленную, явился Ечгинъ, весь сіявшій румянцемъ и брилліантами. Увидѣвъ шагавшаго по пустой гостиной Галактіона, онъ радостно крикнулъ:

— Бого я вижу! Вотъ удружилъ, что самъ догадался пріѣхать! А я нарочно разыскивалъ тебя по всему городу.

— Не ври ты, пожалуйста, — оборвалъ его Галактіонъ. — Ты это все устроилъ потихоньку. Не беспокойся, понимаю, что тебѣ нужно. Обработываешь этого стараго дурня?

— Тсс... Ради Бога, тише!... Просто, не могу видѣть мертвый капиталъ, а каждая дѣвушка и молодой человекъ именно мертвы² капиталъ.

— Перестань морочить. Одно скажу: ловко. Да, очень ловко.

Пока происходило длинное раскольничье вѣнчаніе, старикъ Нагибинъ заперся въ своей собственной моленной и все время молился, откладывая земные поклоны. Онъ даже прослезился и все шепталъ: «Слава Тебѣ, Господи!»

Изъ свидѣтелей запоздалъ къ обряду одинъ Полуяновъ, но за то онъ вернулся изъ моленной первымъ. Его встрѣтилъ на крыльцѣ Нагибинъ, расцѣловалъ и все повторялъ:

— Слава Тебѣ, Господи!

— Что же, дѣло правильное, Осипъ Григорьичъ. И въ Писаніи сказано: не хорошо жити единому.

Противъ общаго ожиданія, скороспѣлый свадебный столъ прошелъ очень оживленно. Невѣсту провожали совершенно неизвѣстныя Галактіону раскольничьи дѣвушки, вырядившіяся въ старинныя парчевыя сарафаны, а одна даже была въ кокошникѣ. Старецъ Анѳимъ за столомъ попалъ между Полуяновымъ и Ечкинымъ и подъ столомъ нѣсколько разъ перекрестилъ «жида». Молодая держала себя очень свободно, просто и смотрѣла на мужа уже съ чувствомъ собственности. Приѣхавшая къ свадебному столу Анна Харитоновна не могла удивиться: давно ли вотъ эта самая Наташа была такая тихая да застѣнчивая, а тутъ откуда прыть взялась. Мужчины скоро подвыпили, и поднялось свадебное галдѣнье. Выпилъ и самъ старикъ Нагибинъ. Пошатываясь, онъ обходилъ всѣхъ гостей, всѣхъ цѣловалъ и всѣмъ повторялъ одно и то же:

— Слава Тебѣ, Господи! Родимые мои, слава Тебѣ, Господи!

Ечкинъ сидѣлъ рядомъ съ Галактіономъ и нѣсколько разъ толкалъ его локтемъ.

— Посмотри на Замараева и Голяшкина: эти два плута далеко пойдутъ, — шепталъ онъ.

— Не дальше тебя, Борисъ Яковличъ.

Галактіонъ все время молчалъ, находясь подъ впечатлѣніемъ давешней сцены съ Устинькой. Еслибъ она увидала этотъ пиръ благочестивыхъ разбойниковъ, — вѣдь, всѣ разбойники, какъ одна масть, и невѣста разбойница.

Х.

Свадьба Симона, какъ и свадьба Галактіона, закончилась крупнымъ скандаломъ, хотя и въ другомъ родѣ. Еще за свадебнымъ столомъ Замараевъ нѣсколько разъ подталкивалъ Симона и шепталъ:

— Ты смотри, не дай маху. Сейчасъ же требуй денегъ съ тестя.

— Да неловко какъ-то, Флегонтъ Васильичъ. Какъ-нибудь ошь.

— А ты не будь дуракомъ. Эхъ, голова—малина! У добрыхъ ей такъ дѣлается: какъ ѣхать къ вѣнцу — пожалуйте, миленьятяенька, денешки изъ руки въ руку, а то не поѣду. Вотъ какъ «стоящему-то. Сколько по уговору слѣдуетъ получить?»

— Никакого угодова не было. Вѣдь, одна ночь.

Замараева встала и обругала мальницу.

— Убилъ ты добра. Сидишь... да. Ну, не дурачь ли ты носъ этого, а? Да, вѣдь, тебя какъ бить намъ, а?

Сидишь обидѣла и обругала Замараева.

— Да, вѣдь, я тебѣ добра желаю, какъ ты березинка! Вотъ ужо поживешь моя добрымъ слезотъ.

Молодые должны были быть на мельнику въ Кривень черезъ два дня. Замараева купила клужие извѣсткіе Сидона, и онъ забѣгалъ къ нему нѣсколько разъ за сарафаномъ. Эти криканы начали тревожить Сидона. Онъ купцовому вынулъ для храбрости похваку и рѣшилъ объясниться со старикомъ на чистоту.

— Тютенька, какъ значитъ, я съ женой уѣзжаю завтра на мельницу, такъ намъ надо, значитъ... Бомбю, на счетъ капиталовъ.

У Нагибина сейчасъ же съдѣлось испуганное лицо и онъ, по обыкновенію, прикинулся непонимающимъ и даже клужимъ.

— Какіе капиталовъ?—переспросилъ онъ.

— Вѣдь, у васъ, тютенька, одна дочь и, значитъ, должны вы ее наградить.

— За что это награждать-то, ильнѣ зать?

— Да уль такъ ведется.

— А, ты вотъ про что! Ну, это ты даже совсѣмъ напрасно. Приданое за дочьрью я далъ въ полной формѣ, а что касасно капиталовъ, такъ у меня нтъ и у самого-то нтъ.

Сидонъ обѣщалъ и не звалъ, что ему говорить.

— Нтъ у меня ничего,—уѣбралъ старикъ.—Вотъ хоть сейчасъ образъ со стѣнъ сниму. Зря про меня болтають. Я-то женился самъ на босовожѣ, только что на себѣ было, а ты вотъ капиталовъ требуешь.

Этихъ всѣ разговоры и кончились. Сидонъ отправился къ Замараеву и передалъ свой разговоръ съ тестемъ.

— Вреть, все вреть!—взялся Замараевъ всѣми святими.—А ты прямо на горло ему наступи. Эхъ, горе ты лжковое! Ты его, стараго чорта, припусти хорошенько. Да нтъ, у тебя ничего не выйдетъ. Томе свадьба называется! Вотъ что, вѣдь, вы ѣдете въ Суслонъ и старикъ туда же притащится? Ну, и я поѣду. У насъ с Голяшенинымъ зубъ разыгрался. Мы ужъ на мельницѣ выправим настоящую-то свадьбу. И старика прижмемъ. Скажи прямо: такъ и такъ, богоданный тютенька, очень я задолжалъ Замараеву и грозить онъ меня въ острогъ засадить. Вотъ погляди, какъ жена-то за тебя уцѣпится.

Симонъ чуть не плакалъ. Онъ надѣялся черезъ женитьбу вырваться съ мельницы, а тутъ выходило такъ, что нужно было возвращаться туда же со старою «молодой». Получался одинъ срамъ. Оставалась послѣдняя надежда на Замараева.

Принялъ участіе въ дѣлѣ и Голяшкинъ, считавшій себя до извѣстной степени прикосновеннымъ къ дѣлу лицомъ, какъ участникъ. Даже былъ вызванъ Полуяновъ для необходимаго совѣщанія.

— Это, вѣдь, мы подвели парня, — говорилъ Голяшкинъ. — Надо его выручать.

— Трудненько выручать-то, — соображалъ Полуяновъ. — Вотъ ежели бы была устроена рядная запись или ежели бы я былъ исправникомъ. Тогда бы я ему пок-казалъ! Я бы его выворотилъ на лѣвую сторону!

На этотъ конгрессъ попалъ даже Харитонъ Артемьичъ, размыскававшій Полуянова по всему городу. Старикъ одолевая своего повѣреннаго и успѣлъ ему надоѣсть.

— А, свидѣтели! — сообразилъ Харитонъ Артемьичъ. — Чужое наслѣдство дѣлите? Ловко васъ обзатылилъ Осипъ - то Григорьичъ. Эхъ, вы, горькіе!

— Вотъ видите? — огорчился Голяшкинъ. — Теперь надъ нами всѣ будутъ смѣяться.

— Летать любите, а садиться не умѣете, — не унимался старикъ. — То-то. А знаете пословицу: свату первая палка. Наступите на жиды: его рукъ дѣло.

— И то, братцы! — спохватился Замараевъ. — Что же это мы дураковъ валяемъ?

Полуяновъ скромно отмахивался, какъ лицо заинтересованное. Выходило настоящее похмѣлье въ чужомъ пиру. Да и такъ онъ не посовѣтовалъ бы посылать Ечкина для переговоровъ. Какъ разъ онъ получить деньги, да себѣ въ карманъ и положить, какъ было съ стеариновою фабрикой. Хорошій человекъ, а деньги показывать нельзя.

— Давайте я схожу къ старику, — предлагалъ Харитонъ Артемьичъ.

— Нѣтъ, тятенька, вамъ никакъ невозможно, — протестовалъ лараевъ. — Извѣстно, какой у васъ неукротимый характеръ. Еще югаете, а то и въ рукопашную пойдете.

Пока шли эти конференціи, дѣло разрѣшилось само собой. Моя узнала объ этихъ недоразумѣніяхъ слишкомъ поздно и пришла стыдить мужа.

— Ты это что придумалъ-то? Вѣдь, я одна дочь у отца и все

мнѣ достанется. Зачѣмъ грѣшить прежде времени? Папаша ужь старичокъ и, того гляди, помретъ. Однимъ словомъ, пустяки.

Она скрыла отъ мужа свой разговоръ съ отцомъ. Дѣло было довольно крупное.

— Вы, папаша, въ самомъ дѣлѣ, дайте денегъ, — заявила она отцу. — Не мужу, а мнѣ. Вѣдь, я у васъ одна дочь.

— Не дамъ ни гроша... Помру, тогда все твое. Да и нѣтъ у меня денегъ.

— Да, вѣдь, я-то знаю, сколько у васъ ихъ вездѣ напратано. Пожалуйста, не запирайтесь.

— Ну, хорошо. Поѣзжайте теперь на мельницу съ Богомъ, а потомъ я самъ привезу. Въ банкѣ у меня деньги.

— А не обманете?

— Наташка, проклянуп!

— Вы лучше деньги-то дайте, а проклясть всегда успѣете.

— Ей-Богу, привезу, только поѣзжайте.

Молодой и самой хотѣлось до смерти поскорѣе вырваться изъ Заполя, и она согласилась. Провожая молодыхъ, Нагибинъ проследилъ и все повторялъ:

— Слава Тебѣ, Господи! Родимые мои, слава Тебѣ, Господи!

Когда экипажъ скрылся изъ виду, старикъ хихикнулъ и даже закрылъ ротъ горстью, точно самыя стѣны могли подслушать его родительскую радость.

Вечеромъ въ каморѣ Нагибина, — старикъ занималъ самую северную комнату во всемъ домѣ, — сидѣлъ Ечкинъ. Милліонеръ, чтобъ отблагодарить благодѣтеля, вытащилъ полбутылки мадеры, оставшейся отъ свадьбы.

— Вѣдь, я не пью, Осипъ Григорьичъ.

— Охъ, отлично дѣлаешь! — стоналъ Нагибинъ. — Вѣдь, за мадерцу деньги плачены. И что только мнѣ стоила эта самая Наташка!... Теперь возьми, — вѣдь, одѣть ее надо? Потомъ одинъ-то я и старыхъ штець похлебаю или рѣдечкой закушу, а ей подавай котлетку... такъ? Да тутъ еще свадьбу справляй... Одно разореніе. А теперь пусть кормить и одѣваетъ мужъ... Такъ я говорю?

— Конечно, Осипъ Григорьичъ.

— Слава Тебѣ, Господи!... А ужь тебя не знаю, чѣмъ и благодарить. По гробъ жизни не забуду... И въ поминанье даже запишу, хоть ты и некрещеный.

— Мнѣ ничего не нужно, Осипъ Григорьичъ.

— Вотъ, вотъ... Еще перваго такого-то человѣка вижу... да.

А я теперь вольный козакъ. По рукамъ и по ногамъ вязала дочь. Ну, много ли мнѣ одному нужно? Слава Тебѣ, Господи!

По городу ходила молва, что Ечкинъ обрабатываетъ выживавшаго изъ ума милліонера, и всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали, чѣмъ вся эта исторія разыграется. Увѣряли, что Ечкинъ уже втянулъ Нагибина въ свою концессию и черпаетъ деньги, какъ изъ своего кармана. Другіе клялись, что брѣнокъ Нагибинъ и ничего изъ этого не выйдетъ. Всѣ соглашались только въ одномъ, что очень ужъ ловко Ечкинъ поддѣлъ старика, высватавъ дочери молодого жениха. Ужъ лучше этой штуки и не придумаешь. А приданое, конечно, Ечкинъ получить за свои труды. Въ этомъ тоже никто не сомнѣвался. Изъ-за чего же онъ хлопоталъ да беспокоилъ себя?

Избавившись отъ дочери, Нагибинъ повелъ жизнь совершенно отшельническую. Изъ дому онъ выходилъ только раннимъ утромъ, чтобы сходить за провизіей. Его скупость росла, кажется, по часамъ. Дѣло дошло до того, что онъ пересталъ покупать провизію въ лавкахъ, а заходилъ въ обжорный рядъ и тамъ на нѣсколько копѣекъ выторговывалъ себѣ печенки, вареную баранью голову или самую дешевую соленую рыбу. Даже торговки изъ обжорнаго ряда удивлялись отчаянной скупости Нагибина и прозвали его Кашеємъ.

Къ себѣ Нагибинъ не принималъ и жилъ въ обществѣ какой-то глухой старухи-кухарки. Сосѣди видѣли, какъ къ нему прїѣзжалъ нѣсколько разъ Ечкинъ, потомъ приходилъ Полуяновъ и, наконецъ, видѣли разъ, какъ рано утромъ отъ Нагибина выходилъ Лидоръ. Дальнѣйшія извѣстія о Нагибинѣ прекратились окончательно. Онъ пересталъ показываться даже на улицѣ.

Прошло послѣ свадьбы не больше мѣсяца, какъ по городу разнеслась страшная вѣсть. Нагибинъ скорострительно умеръ. Было это вскорѣ послѣ обѣда. Онъ поѣлъ какой-то ухи изъ соленой рыбы и умеръ. Когда кухарка вошла въ комнату, онъ лежалъ на полу уже похолодѣвшій. Догадкамъ и предположеніямъ не было конца. Всего удивительнѣе было то, что послѣ милліонера не нашли никакихъ денегъ. Имущество было въ полной сохранности, амки всѣ цѣлы, а кухарка показывала только одно, что хозяйинъ лъ за часъ до смерти уху.

Судебное слѣдствіе ничего не могло выяснитъ. Осмотръ трупа чего не далъ, насильственныхъ знаковъ на тѣлѣ не оказалось. оряча врачи рѣшили, что старикъ отравился рыбнымъ ядомъ. Но ло было опровергнуто докторомъ Бочетовымъ, который въ *Запольскомъ Курьерѣ* напечаталъ цѣлую статью о томъ, что рыбный

ядь заключаютъ въ себѣ только голопокрывныя рыбы, а Нагибинъ тѣлъ уху изъ соленой головы максуна, то-есть рыбы чешуйчатой. Пришлось сдѣлать вскрытіе тѣла и анализъ внутренностей показалъ присутствіе стрихнина. Этого было достаточно, чтобы сейчасъ же были арестованы по подозрѣнію Ечкинъ и Полуяновъ, а потомъ Ліодоръ.

Городъ ужасно волновался. Ходили упорныя слухи, что отравилъ старика никто другой, какъ Ечкинъ. Весь вопросъ заключался только въ томъ, черезъ кого онъ отравилъ, — видѣли Полуянова и видѣли Ліодора. Во всякомъ случаѣ, всѣ трое были одинаково подозрительны, особенно Ечкинъ. Вѣдь, онъ нарочно устроилъ эту свадьбу, чтобъ удалить изъ дому дочь, потомъ, что значили его таинственные визиты къ Нагибину, наконецъ, какую роль игралъ ссыльный Полуяновъ? Дѣло запутывалось. Общественное мнѣніе было противъ Ечкина, отнесшагося къ своему аресту совершенно спокойно, какъ человѣкъ, уже подготовившійся ко всякимъ случайностямъ.

Еще больше смуты внесла пріѣхавшая «молодая». Она рвала и метала, обвиняя настойчиво во всемъ Ечкина.

— Какъ же вы можете говорить такъ увѣренно? — удивлялся слѣдователь. — Во всякомъ случаѣ, дѣло совершенно темное.

— Некому больше, — съ женскою логикой отвѣчала свидѣтельница. — Онъ и меня просваталъ, чтобы лучше было отравить папашу... Это вамъ всякій скажетъ.

Слѣдователя сбивало многое. Во-первыхъ, Ечкинъ держалъ себя слишкомъ ужъ спокойно и слишкомъ съ достоинствомъ, какъ настоящій крупный преступникъ. Ясно было, что все было устроено черезъ Ліодора, который путался въ показаніяхъ и завирался на глазахъ. Но опять странно, что такой умный и дальновидный человѣкъ, какъ Ечкинъ, довѣритъ исполненіе безпутному и спившемуся Ліодору.

— Я дѣйствительно заходилъ къ Нагибину, — показывалъ Ліодоръ. — Надо было опохмѣлиться... Ну, а онъ меня прогналъ.

Это было слишкомъ наивно. Загадку представлялъ собой и Полуяновъ, какъ слишкомъ опытный человѣкъ, въ свое время самъ производившій тысячи дознаній и прошедшій большую школу. Но онъ былъ тоже спокоенъ, какъ Ечкинъ, и слѣдователь приходилъ въ отчаяніе. Получалась какая-то сплошная нелѣпость. Въ качествѣ свидѣтелей были вызваны даже Замараевъ и Голяшкинъ, которые испугались больше подсудимыхъ и несли невозможную оклеветанную, такъ что слѣдователь махнулъ на нихъ рукой.

— Это мой зятекъ Замараевъ стравилъ Нагибина! — кричалъ Харитонъ Артемьичъ прямо на улицѣ. — Прямо въ острогъ его, подлеца!... Да и другихъ зятьевъ тоже! Весь альбомъ въ острогъ.

XI.

Мышниковъ бывалъ въ бубновскомъ домѣ почти каждый день, что его тяготило, возмущало и заставляло молча негодовать. Мышниковъ, всесильный и заставлявшій всѣхъ чувствовать свою тяжелую руку, ничего здѣсь не могъ подѣлать. Такъ хотѣла Прасковья Ивановна. Стоило ей прислать безграмотно нацарапанную записку, и онъ безпрекословно исполнялъ каждую букву, кажется, даже непетовыя грамматическія ошибки. Прасковья Ивановна писала: «сводни», «намедни», «дѣлашь», «гуфня», «леменація» и т. д. Мышниковъ дошелъ до того, что былъ въ восторгѣ отъ такого правописанія. Вѣдь, это писала Прасковья Ивановна, а все, что она дѣлала, конечно, хорошо. Однимъ словомъ, получалась картина полного рабства. Прасковья Ивановна черезъ Мышникова имѣла большое вліяніе въ самомъ банкѣ и открывала и закрывала кредитъ по своему усмотрѣнію. Мышникова поражало, что она могла предвидѣть событія. Последнимъ случаемъ въ этомъ отношеніи было обращеніе Галактіона за помощью къ своему врагу, какимъ былъ Мышниковъ. У нея было что-то вродѣ спорта ставить людей въ неловкія положенія, причемъ Мышникову доставалось больше всѣхъ. Такъ было и тутъ.

— Галактіонъ придетъ къ тебѣ, вотъ посмотри, — увѣряла она.

— Нѣтъ, не придетъ... Не такой человекъ.

— А я тебѣ говорю: придетъ. Ты его ревнуешь ко мнѣ?

— Я?... Нисколько.

— Вѣдь, Галактіонъ умница, и ему можно довѣрить какой угодно капиталъ. Ты ему дашь денегъ?

— Не знаю... гм... какъ тебѣ сказать.

— Вотъ и вышло, что ревнуешь... да. Развѣ я не знаю, какъ ты его все время жмешь?... Однимъ словомъ, онъ придетъ и ты дашь ему денегъ.

Галактіонъ пришелъ. Только когда все было кончено, Мышникову пришла проклятая мысль, что не подослала ли его сама же Прасковья Ивановна. Отъ нея всего можно было ожидать.

Однимъ только не могъ Мышниковъ помириться: это — съ визитомъ въ бубновскій домъ. Каждый разъ, когда онъ ѣхалъ туда, ей собирали самую тупую злость. Вѣдь, всѣ пальцами указыва-

ютъ: вонъ Мышниковъ покатишь къ своей сударушкѣ. Затѣмъ, его коробила мысль о соперничествѣ съ пьяницей докторомъ. Это было что-то уже окончательно невозможное. Мышниковъ каждый разъ испытывалъ такое чувство, точно онъ что-то воруетъ, и, притомъ, дрянно воруетъ. Есть крупные воры и мелкіе воршкы, — онъ причислялъ себя къ послѣдней категоріи. Сколько разъ Мышниковъ предлагалъ Прасковѣ Ивановнѣ разойтись съ мужемъ и жить съ нимъ по-настоящему.

— Да ты никакъ съ ума сошелъ? — удивлялась Прасковья Ивановна. — Теперь-то я мужняя жена, а тогда пришей хвостъ кобылѣ... Прикачки засмѣютъ.

— Все равно, и теперь всѣ знаютъ про наши отношенія.

— Болтать болтаютъ, а знать никто ничего не знаетъ... Вѣдь, не про насъ однихъ судачать, а про всѣхъ. Сегодня вотъ ты пріѣхалъ ко мнѣ, а завтра я могу тебя и не принять... Съ мужнею-то женой трудно разговаривать, не то, что съ своею любовницею. Такъ-то, Павелъ Степанычъ... Хоть и плохой, а, все-таки, мужъ.

Послѣднею штукой Прасковьи Ивановны было то, что она задумала ѣхать гостить къ Харитинѣ, которая жила въ Городищѣ и въ Заполье не показывала глазъ.

— Что-то я стосковалась по ней, — коротко объяснила она Мышникову. — И ты поѣдешь... Ну, будто пристань посмотрѣть, — теперь свое дѣло на половину. Вотъ тебѣ и задѣлье, а не зря поѣдешь.

Злѣйшій врагъ не придумалъ бы для Мышникова болѣе неприятнаго положенія. Съ одной стороны, онъ давно старался не встрѣчаться съ Харитиной, на которую сердился за свое неудачное ухаживанье, затѣмъ онъ подозрѣвалъ Галактіона въ нѣкоторыхъ успѣхахъ у Прасковьи Ивановны, — однимъ словомъ, какъ ни поверни, а выходило неудобно и такъ, и этакъ. И, все-таки, Мышниковъ поѣхалъ, презирая собственное подчиненіе Прасковѣ Ивановнѣ. Онъ придумалъ только одно — предупредить Штоффа о поѣздкѣ. Хитрый нѣмецъ долженъ былъ служить въ качествѣ какаго-то изолирующаго элемента.

Когда Мышниковъ съ Прасковьей Ивановной пріѣхали въ Городище, Штоффъ былъ уже тамъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что пріѣхалъ случайно. Хозяева встрѣтили гостей очень радушно, а особенно былъ веселъ Галактіонъ. Такимъ ужъ давно его не видали. Харитина была блѣдна и молчалива, но Прасковья Ивановна, несмотря на самое точное изслѣдованіе, не нашла и слѣдовъ тѣхъ синяковъ, о которыхъ рассказывали въ Запольѣ. Это даже огорчило гостей,

которой хотѣлось видѣть Харитину именно въ синякахъ. Очень бы ужь это было хорошо. Прасковья Ивановна не могла забыть, какъ Харитина отбила у нея Галактіона. Кто знаетъ, можетъ быть, овдовѣвшій Галактіонъ и женился бы на ней, на Прасковью Ивановну?

Харитина въ свою очередь отнеслась къ гостѣ съ большимъ подозрѣніемъ. Не проста эта мудрая птица прилетѣла. Но она сдѣлала видъ, что ничего не подозрѣваетъ, и нѣсколько разъ принималась обнимать и цѣловать гостью, а разъ подвела гостью къ зеркалу и проговорила:

— Посмотри, Паша, какія мы съ тобой старыя, да некрасивыя стали... Вотъ у тебя морщины около глазъ и волосъ скоро сѣдѣть будетъ. Совсѣмъ состарились.

— Ты можешь стариться, а я не согласна, — обидѣлась гостья.

Мужчины были заняты осмотромъ пристани, складовъ, баржей и новаго парохода *Компанія*. Галактіонъ увлекся и не замѣчалъ, что компаньоны уже порядочно утомились и нѣсколько разъ посматривали на часы. Наконецъ, Штоффъ не вытерпѣлъ:

— Вотъ что, Галактіонъ... И пристань, и пароходъ, и амбары, — все это отлично, а хорошо и рюмочку водки выпить.

— И закусить кусочкомъ хлѣба съ масломъ, — прибавилъ Мышниковъ, пародируя любимое выраженіе Штоффа.

— Да вотъ что, мы будемъ обѣдать прямо на пароходѣ, — предлагалъ Галактіонъ. — Черезъ часъ пары будутъ готовы.

Все общество отнеслось къ этому предложенію съ большимъ сочувствіемъ. День былъ прелестный. Можно проѣхать вверхъ по Блужевоу верстѣ на сорокъ, почти до самаго Заполя.

Дамы приняли эту затѣю хотя и безъ особеннаго восторга, но съ удовольствіемъ. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо прокатиться по рѣкѣ. *Компанія* была выстроена по-новому — на половину буксирный и на половину пассажирскій, такъ что была общая каюта, рубка и кухня.

— Хоть одинъ разъ пообѣдаемъ за свои денежки, — шепнулъ Штоффъ на ухо Мышникову. — Бываютъ такіе обѣды.

— Не варкай, нѣмецкая душа! — тоже шепотомъ отвѣтилъ Мышниковъ.

Харитина какъ-то сразу оживилась и бойко принялась со-
 ставить все необходимое. Она когда-то умѣла такъ мило хлопотать,
 да была и молода, и красива, и счастлива. Прасковья Ивановна
 дила за ней улыбающимися глазами и думала: вотъ отчаянная
 Харитина, какъ увидѣла постороннихъ мужчинъ, такъ и за-
 пала брынскою козой.

Мышниковъ тоже наблюдалъ хозяйку и про себя жалѣлъ ее. И похудѣла она, и подурнѣла, и какая-то запуганная, и глаза смотрять какъ у наказанной только что собаки. Порядочная скотина этотъ Галактіонъ, если разобрать. Давешнее безпокойство Мышникова относительно неловкости этого визита совершенно улеглось, благодаря ловкости Штоффа, умѣвшаго занять какое угодно общество. Сдѣлалось даже совсѣмъ весело, когда въ ожиданіи парохода мужчины вышли и закусили. Прасковья Ивановна пила вмѣстѣ съ другими рюмка за рюмкой, а Харитина наотрѣзъ отказалась.

— Галактіона боишься?—травила ее гостья.

— Никого я не боюсь, а такъ, не хочется.

— Прежде-то вмѣстѣ пивали? — не отставала Прасковья Ивановна.

— Мало ли что было прежде.

Харитина даже покраснѣла и опустила глаза. Она начинала ненавидѣть торжествовавшую за ея счетъ Прасковью Ивановну. Въ довершеніе всего, выпившій Галактіонъ, — онъ пилъ рѣдко и поэтому хмѣлѣлъ быстро, — началъ ухаживать за гостьей довольно откровенно.

— А вы все еще молодцомъ, Прасковья Ивановна, — говорилъ онъ немного прилипавшимъ языкомъ. — А моя Харитина на ободранную кошку скоро будетъ походить.

— Значить, вы плохо ее бережете, Галактіонъ Михенчъ.

— Ну, ужъ это пусть она сама себя бережетъ.

— Женщина—деликатное существо и требуетъ самаго нѣжнаго ухода.

— Что-то какъ будто не видалъ такихъ.

— Ужъ будто и не видали?

Прасковья Ивановна загадочно улыбнулась.

Штоффъ въ свою очередь наблюдалъ всѣхъ остальныхъ, улыбаясь и думалъ: «Нечего сказать, хорошенькія двѣ семейки!» Его больше всего смѣшило то, какъ Мышниковъ ревнуетъ свою Прасковью Ивановну. Тоже нашелъ занятіе... Да, видно, правда, что каждый дуракъ по-своему съ ума сходить.

— Ты это чему смѣешься?—привязался къ нему Мышниковъ

— Я? А я думаю, что намъ недостаетъ только Ечкина и Полуянова.

— Ты глупъ, нѣмецъ.

— Я? Я человѣкъ вѣжливый и давно уступилъ совершенствъ другимъ. По-моему, даже обидно быть совершеннымъ въ обществѣ

людей съ недостатками... А, впрочемъ, каждый глупъ какъ разъ настолько, насколько это нужно.

— Прилично глупъ?

— Нужно соблюдать приличія и въ умѣ.

Интересная бесѣда была прервана появившимся штурманомъ, который пришелъ сказать, что пароходъ готовъ. Всѣ обрадовались, потому что начинало уже накопляться какое-то скрытое недовольство.

— Ахъ, какъ я люблю воду!—повторяла Прасковья Ивановна, съ восторгомъ хлопая ладонями.—Плыть, плыть безъ конца!

— А еще коньяку желаете выкушать? Я замѣтилъ, что вы вообще неравнодушны къ жидкостямъ,—приставалъ Штоффъ.

— Отстаньте, невѣжа!

Прасковья Ивановна находилась въ кокетливомъ настроеніи и съ намѣреніемъ старалась побѣсить Мышниковъ, начинавшаго ревновать ее даже къ Штоффу. Да, этихъ мужчинъ всегда слѣдуетъ немного выдерживать, а то они привыкаютъ къ женщинамъ, какъ ребенокъ къ своей куклѣ, которую можно колотить головой о полъ и по дѣльнымъ днямъ забывать гдѣ-нибудь подъ диваномъ. Живой примѣръ—Харитина.

Поѣздка на пароходѣ удалась на рѣдкость. Особенно развеселился Галактіонъ. Онъ рѣдко пилъ, а тутъ разрѣшилъ. Обѣдали на открытой палубѣ и перебирали текущія новости, среди которыхъ первое мѣсто занимала таинственная смерть Нагибина, связанная самымъ глупымъ образомъ съ глупою женитьбой Симона.

— Нѣтъ, скажите мнѣ, куда дѣвались деньги?—приставалъ ко всѣмъ подвыпившій Штоффъ.—Вѣдь, онѣ были... да. И всѣмъ это извѣстно... И какая публика подобралась: Ечкинъ, Полуяновъ, Ліодоръ... Ха-ха!... Ліодоръ всѣхъ путаетъ.

— Я увѣренъ, что Ечкинъ тутъ рѣшительно не причемъ,—увѣрялъ Мышниковъ.—А Полуяновъ трусъ... Ліодоръ глупъ. Помоему, все это устроилъ кто-нибудь четвертый.

— Ясно одно, что все дѣло сдѣлано своимъ человѣкомъ, который зналъ все, а, главное, зналъ, куда старикъ пряталъ деньги. Да, почему сказать, дѣльце интересное!

Когда всѣ подвыпили, Штоффъ дѣлалъ нѣсколько попытокъ къ лампѣ, но его останавливалъ Мышниковъ.

— Перестань, Карла... Все равно, никто тебѣ не повѣритъ.

— Ахъ, да!—соглашался Штоффъ.

— Вѣдь, все свои и смѣшно будетъ самому слушать свои собственные глупости.

Штоффъ соглашался, а потомъ забывалъ и дѣлалъ новую попытку разразиться спичемъ. Это смѣшило всѣхъ. Время, вообще, летѣло незамѣтно и всѣ удивились, когда штурманъ пришелъ сказать, что дальше подниматься вверхъ по Блючевой опасно. До Заполяя оставалось всего версть пятнадцать.

— Э, пустанки!—заявлялъ Галактіонъ.—Я самъ поведу пароходъ.

Его едва уговорили не братья за руль, а предоставить дѣло штурману, какъ болѣе знающему и опытному. Этимъ моментомъ и воспользовался Штоффъ.

— Господа, всего два слова на отвлеченную тему... Я хочу сказать о томъ, что такое герой... да. Вы не смѣйтесь.

— Герой, это—пьяный нѣмецъ,—вышучивалъ Мышниковъ.

— Нельзя ли безъ остроумія, отъ котораго столько же вреда, сколько отъ жеваной бумаги? И такъ, mesdames и messieurs, что такое герой? Герой не тотъ завоеватель, который съ вооруженнымъ полчищемъ разоряетъ беззащитную страну, не тотъ, кто, по выраженію Шекспира, за парами славы готовъ залѣзть въ жерло орудія, не хитрый дипломатъ, не модный поэтъ, не артистъ, не ученый съ своимъ послѣднимъ словомъ науки, не благодѣтель чело-вѣчества на бумагѣ,—нѣтъ, герои этого разбора покончили свое существованіе. Другое время, другія птицы и другія пѣсни... Нынѣшній, настоящій герой не имѣетъ даже имени, исторія не занесетъ его въ свои скрижали, благодарное потомство не будетъ чтить его памяти... Самъ по себѣ онъ даже не интересенъ и даже лучше его совсѣмъ не знать, ибо онъ весь растворяется въ своемъ дѣлѣ онъ ферментъ, бродильное начало, та закваска, о которой говорит-ся въ Писаніи... да. Однимъ словомъ, я говорю о Галактіонѣ.

— Вотъ такъ фунтъ!—ахнулъ Мышниковъ.—Барла, если бы ты меня возвелъ въ такіе герои, я на тебя подалъ бы жалобу мировому... Галактіонъ, хочешь я вчиню искъ объ оскорбленіи? Сви-дѣтели налицо... Все дѣло поведу на свой рискъ. Ха-ха!... Герой оптомъ... Раньше герои имѣли значеніе въ розницу, а теперь опто-вый герой, безпаспортный.

— Говорите, говорите!—поощряла Прасковья Ивановна.—Это интересно!

— Позвольте мнѣ кончить, господа... Дѣло не въ названіи, а въ сущности дѣла. Такъ я говорю? Поднимаю бокалъ за того, а о открываетъ новые пути, кто срываетъ завѣсу съ народныхъ б-гатствъ, кто ведетъ насъ впередъ... Я сравнилъ бы нашъ бапъ съ громадною паровою машиной, причемъ роль пара замѣняетъ

питаль, а вотъ этотъ пароходъ, на которомъ мы сейчасъ плывемъ— это только одинъ изъ приводовъ, который подчиняется главному двигателю... Геній заключается только въ томъ, чтобы воспользо- ваться уже готовою силой, а поэтому я предлагаю тостъ за...

Штоффу сегодня было суждено не кончить. Съ самый интерес- ный моментъ, когда уже стаканы были подняты, съ капитанскаго мостика раздался голосъ штурмана:

— Галактионъ Михенчъ, пожаръ!

Всѣ поднялись разомъ. Гдѣ пожаръ? Что случилось? Всѣхъ больше перепугался Штоффъ,—перепугался до того, что готовъ былъ броситься въ воду. Скоро дѣло разъяснилось: пожаръ былъ впереди, въ той сторонѣ, гдѣ чуть брезжило Заполье.

— Заполье горить!—вырвалось у всѣхъ.

Галактионъ самъ сталъ у штурвала, чтобы проѣхать какъ мож- но дальше. Ненагруженный пароходъ сидѣлъ всего на четырехъ четвертяхъ, а воды въ Ключевой, благодаря ненастью въ горахъ, было достаточно. Но не прошло и четверти часа, какъ на одномъ поворотѣ *Кампанія* врѣзалась въ мель.

— Ну, теперь кончено!—ахнулъ Штоффъ.—Господи, всего- то оставалось верстъ двѣнадцать... Батюшки, что же мы будемъ дѣлать?... Посмотрите, господа, вѣдь, это наша Московская улица горить!

По прямой линіи до Заполья было всего верстъ шесть. Съ ка- питанской рубки картина пожараща развертывалась съ каждою минутой все шире. Громадные клубы дыма поднимались уже въ четырехъ мѣстахъ, заволакивая даль грозною багровою пеленой.

— Если бы лошадь... Боже мой, дайте мнѣ лошадь!—оралъ Штоффъ, въ бессильной ярости бѣгая по палубѣ.—Вѣдь, у меня все тамъ осталось.

— Господа, идемте пѣшкомъ,—предлагалъ Галактионъ.—Это будетъ вдвое скорѣе, если мы станемъ подниматься на лодкѣ вверхъ по теченію.

— И я съ вами,—заявляла Прасковья Ивановна.

— Нѣтъ, ужъ, извините, мадамъ,—рѣзко отвѣтилъ Штоффъ.—
Куда вы съ своими юбками? Васъ же придется нести на рукахъ.

Галактионъ и Мышниковъ были того же мнѣнія.

— Свиныи!—обругала всѣхъ Прасковья Ивановна.

Когда мужчины переѣхали на спасательной лодкѣ на берегъ и кой побѣжали прямо полями, она еще разъ обругала ихъ.

пожаръ разливался съ каждою минутой все сильнѣе и черезъ ми-нибудъ часъ Заполье представляло изъ себя одинъ сплошной
арь.

XII.

Пожаръ начался въ городскомъ предмѣстьѣ Теребиловкѣ, гдѣ зашла мѣщанская голь пережатая. Загорѣлась какая-то несчастная баня. Съ бани огонь перекинулся на сосѣднюю стройку, а потомъ уже охватилъ разомъ цѣлый порядокъ. Пожарная команда оказалась въ неисправности, какъ и слѣдуетъ быть пожарной командѣ, — прогрессъ еще не дошелъ до нея. Бочки разохлись, рукава полопались, помпы не желали выкидывать воды, — однимъ словомъ, все какъ и должно быть. Стоявшая засуха дѣлала изъ деревянныхъ мѣщанскихъ построекъ какую-то подтопку, и огонь захватывалъ одну улицу за другой. Самое главное неудобство заключалось въ томъ, что нельзя было проѣхать за водой къ Блючевой. Рѣка была на виду, а добраться до нея нельзя. Сдѣлавшія отчаянную попытку бочки пожарнаго обоза застряли въ трясинѣ, да еще на бѣду сломался ветхій мостикъ черезъ болото. Получалась картина полной безпомощности.

Когда изъ Теребиловки перекинуло на главную Московскую улицу, всѣхъ охватила настоящая паника. Спасенья не было. Не прошло часа, какъ городъ уже былъ охваченъ пламенемъ. Теперь сразу горѣло въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Въ видѣ отчаянной мѣры, были выпущены даже арестанты изъ острога. А пожаръ все разливался. Носились тучи искръ, огонь перебрасывало черезъ нѣсколько кварталовъ, а тутъ еще поднялся настоящій вихрь, точно ополчилось на беззащитный городъ само небо. Горѣлъ хлѣбный рынокъ, горѣлъ Гостиный домъ, новые магазины, земская управа, женская гимназія, зданіе запольскаго банка. Картина получалась страшная. Большинство домовъ были деревянные и, притомъ, по амбарамъ вездѣ хранилась пенька, ленъ, льняное сѣмя и т. д. Вездѣ по улицамъ грудями валялось вытащенное изъ домовъ добро и не было свободнаго проѣзда. Одурѣвшая скотина лѣзла въ огонь. У воротъ стояли старики и старухи съ образами на рукахъ.

Отдѣльныя сцены производили потрясающее впечатлѣніе. Горѣло десятками лѣтъ нажитое доброе, горѣло благосостояніе нѣсколькихъ тысячъ семей. И тутъ же рядомъ происходили тѣ комедіи, когда люди теряютъ отъ паники голову. Такъ, Харитонъ Антемичъ бѣгалъ около своего горѣвшаго дома съ кипой газетныхъ бумаги въ рукахъ — единственное, что онъ успѣлъ захватить.

— Вѣдь, говорилъ Михай-то Зотычъ! — кричалъ онъ, накидываясь на встрѣчныхъ. — Онъ все говорилъ!... Чего наша дума смтрѣла? Гдѣ пожарные? Гдѣ подъѣздъ къ рѣкѣ?... Бить надо... всѣмъ надо бить!

Домъ, въ которомъ жилъ Стабровский, тоже занялся. У подъезда стояла коляска, потомъ вышли Стабровский съ женой и Дидей, но отъездъ не состоялся, благодаря миссъ Дудль. Англичанка схватила горшокъ съ олеандромъ и опрометью бросилась вдоль по улицѣ. Ее остановилъ какой-то оборванецъ, выдернулъ олеандръ и принялся имъ хлестать несчастную англичанку.

— Разъ такое теперь время, штобы цвѣты таскать?!

Стабровский не хотѣлъ уѣзжать безъ миссъ Дудль, и это все разстроило. Около экипажа уже образовалась цѣлая толпа и слышались угрожающіе голоса:

— Поляки подожгли городъ!.. Видишь, какъ ловко наглаголись уѣзжать! Ребята, не пуцай!

Произошло замѣшательство.

— Папа, стрѣляй! — кригнула обезумѣвшая отъ страха Дидя.

Трудно было предвидѣть, чѣмъ бы закончилась эта дикая сцена. Въ такіе моменты не разсуждаютъ и самые выдержанные люди теряютъ голову. Стабровский по опыту зналъ, что такое возбужденная толпа. Его чуть не разорвали въ клочья, когда онъ занимался подрядами въ Сибири. А тутъ еще Дидя съ своею сумасшедшею фразой... Всѣхъ спасла миссъ Дудль, которую привели подъ руки. Она такъ смѣшно сопротивлялась, кричала и вообще произвела впечатлѣніе. Толпа разступилась, и Стабровский воспользовался этимъ моментомъ. Онъ увелъ всѣхъ во дворъ, велѣлъ затворить сейчасъ же ворота и огородами вывелъ всѣхъ уже на другую улицу.

— Въ огонь ихъ надо было бросить! — жалѣли въ оставшейся у воротъ толпѣ. — Видишь, подожгли городъ, а сами бѣжать!

Магнату пришлось выбраться изъ города пѣшкомъ. Извозниковъ не было и за лошадь съ экипажемъ сейчасъ не взяли бы горы золота. Важно было уже выбраться изъ линіи огня, а куда — все равно. Когда Стабровскіе уже были за чертой города, произошла встрѣча съ бѣжавшими въ городъ Галактіономъ, Мышниковымъ и Штоффомъ. Произошелъ горячій обмѣнъ новостей. Пани Стабровская, истощившая послѣдній запасъ силъ, заявила, что дальше не можетъ идти.

— Спасайтесь вы на пароходъ, а я умру здѣсь, — спокойно сказала она. — Мнѣ все равно не дойти.

— Я сейчасъ достану лошадь, — вызвался Галактіонъ. — Подождите меня.

Мышниковъ и Штоффъ задыхались отъ усталости.

Тебѣ я не совѣтую идти въ городъ, — говорилъ Стабровский

едва бѣжавшему Штоффу.—Народъ потерялъ голову... Какъ разъ и въ огонь бросать.

Галактіонъ сдержалъ слово и черезъ полчаса вернулся въ простой крестьянской телѣгѣ. Это было уже величайшее счастье. Пани Стабровскую, Дидю и миссъ Дудль усадили кое-какъ, а Стабровский помѣстился на облучкѣ кучеромъ. Галактіонъ указалъ, по какому направленію имъ ѣхать къ пароходу. Черезъ часъ телѣга подѣвзжала уже къ Блючевой и съ парохода подавали лодку.

— Хорошо то, что хорошо кончается,—замѣтилъ Стабровский, соображая всѣ обстоятельства дѣла.

Пароходныя дамы встрѣтили гостей съ распростертыми объятіями: онѣ сторали отъ нетерпѣнія узнать послѣднія новости.

Когда банковскіе дѣльцы вошли въ городъ, все уже было кончено. О какомъ-нибудь спасеніи не могло быть и рѣчи. Въ центральныхъ улицахъ сосредоточивалось теперь главное пекло. Горѣли каменные дома.

— Вотъ это такъ кусочекъ хлѣба съ масломъ!—ворчалъ Мышниковъ, задыхаясь отъ далекой ходьбы.—Положимъ, у меня все имущество застраховано.

— И у меня тоже,—отозвался Штоффу.—Интересно, выдержать ли наши патентованные негоряемые шкафы въ банкѣ... Меня это всего больше занимаетъ. Вѣдь, все равно, когда-нибудь мы должны были сгорѣть.

Это хладнокровіе возмутило даже Мышникова. Кстати, патентованные негоряемые шкафы не выдержали опыта и въ нихъ все сгорѣло. За то Вахрушка спасъ свои капиталы и какую-то дрянъ, спрятавъ все въ печкѣ. Это, кажется, былъ единственный поучительный результатъ всего заподьскаго пожара и находчивость банковскаго швейцара долго служила темой для разговоровъ.

Единственный человѣкъ, который не тревожился, ничего не спасалъ и ничего не боялся, это былъ докторъ Кочетовъ. Когда къ нему въ кабинетъ вбѣжала горничная съ извѣстіемъ о пожарѣ, онъ даже не шевельнулся на своемъ диванѣ, а только махнулъ рукой. Пожаръ? Что такое пожаръ? Онъ, Кочетовъ, уже давно сгаль самого себя на медленномъ огнѣ... За послѣдніе дни галлцинаціи приняли обостренную форму, и онъ все время страшно мучился, переживая свои превращенія въ Бубнова. Боже, какъ это было и тяжело, и страшно, и безвыходно!... Пожаръ? Что таковъ пожаръ? У него уже давно разливался этотъ пожаръ въ крови и мозгу: это, дѣйствительно, страшно, потому что отъ такого

жара никуда не убъжишь. И потомъ, какъ могъ убъжать Бочетовъ, когда на дорогѣ могъ превратиться въ Бубнова?

— Докторъ, уходите! — умоляли его прибѣжавшіе изъ магазина прикащики.

— Хорошо, хорошо. Не беспокойтесь.

И горничная, и прикащики не замѣтили, что съ ними говорилъ не докторъ Бочетовъ, а няница Бубновъ. Докторъ Бочетовъ могъ только смѣяться надъ этою мистификаціей. Впрочемъ, о немъ скоро забыли. Онъ стоялъ у открытаго окна и любовался пожаромъ. Вѣдь, это очень красиво, когда такая масса огня... Огонь — очищающее начало. Вонъ уже загораются сосѣдніе дома... Тоже очень недурно. Становилось жарко. Въ окна врывалась струя вѣдкаго дыма, а докторъ все стоялъ, любовался и дико хохоталъ, когда пламя охватило его собственный домъ. Онъ хохоталъ потому, что теперь для него сдѣлалось все совершенно ясно. Да, именно ясно, ясно, какъ день... Стоя у окна, онъ нѣсколько разъ превращался въ Бубнова и этотъ Бубновъ ужасно трусилъ, трусилъ до смѣшного, — Бубнову со страху хотѣлось бѣжать, выпрыгнуть въ окно, молить о помощи.

— Ага, наконецъ-то ты мнѣ попался, голубчикъ! — злорадовался докторъ, потирая руки. — Я тебя живого сожгу... Ха-ха!

Бубновъ струсилъ еще больше. Чтобы онъ не убѣжалъ, докторъ заперъ всѣ двери въ комнаты и опять всталъ у окна, — изъ окна-то онъ его уже не выпустить. А тамъ, на улицѣ, сбѣжались какіе-то странные люди и кричали ему, чтобъ онъ уходилъ, т.-е. Бубновъ. Это уже было совсѣмъ смѣшно. Глупцы они, только теперь увидѣли его! Докторъ стоялъ у окна и раскланивался съ публикой, прижимая руку къ сердцу, какъ оперный пѣвецъ.

— Извините, господа, а я не могу *его* выпустить.

Потомъ ему пришла уже совсѣмъ смѣшная мысль. Онъ расхохотался до слезъ. Эти люди, которые бѣгаютъ подъ окномъ по улицѣ и стучать во всѣ двери, чтобы выпустить Бубнова, не знаютъ, что стоило имъ крикнуть всего одну фразу: «Прасковья Ивановна тлеуетъ!» — и Бубновъ бы вылетѣлъ. О, онъ все можетъ... да!

— Ага, голубчикъ, попался! — хохоталъ докторъ, продолжая кланяться съ публикой. — Я очень радъ съ тобой покончить... вѣдь, мнѣ, говоря правду, порядочно надоѣлъ.

Сумасшедшій сгорѣлъ живымъ.

Д. Машинъ-Сибирякъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

МАРЧЕЛЛА*).

Романъ мистрисъ Уордъ.

У.

Осенній день уже склонялся къ вечеру, когда Альдъ Раборнъ возвращался съ охоты.

Хотя онъ былъ поглощенъ своими чувствами, но не могъ противустоять обаянію природы. Торжественная тишина вечера, перемены тоновъ заката, обширный видъ вокругъ невольно привлекли его вниманіе. Онъ поднялся на небольшую возвышенность и оттуда обозрѣвалъ окрестности.

Вся эта обширная страна современемъ будетъ принадлежать ему, въ сущности, и теперь уже онъ въ ней полный хозяинъ, такъ какъ старикъ-дѣдъ безгранично ему преданъ и во всемъ безусловно ему довѣряетъ. Небольшія церкви, разбросанныя тамъ и здѣсь, селенія, сгруппировавшіяся вокругъ нихъ, рабочіе, живущіе въ этихъ селеніяхъ и обрабатывающіе эти безконечныя поля, фермы, тонущія въ зелени, отдѣльныя хижины, тамъ и сямъ выглядывающія изъ-за лѣса, — все это, весь строй жизни и бытъ сельскаго населенія, не преувеличивая можно сказать, принимая во вниманіе экономическія условія современной Англіи, будетъ зависѣть отъ него одного, будетъ держаться его умомъ и совѣстью.

Во дни юности эта мысль наполняла сердце его и гордостью, и счастьемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ онъ поступилъ въ Кембриджъ и въ послѣднее время будущая судьба его стала представлять ему въ видѣ тяжелой и отвѣтственной задачи, а никакъ не наслажденія. Впечатлительный, добросовѣстный, съ анализирующимъ умомъ, онъ постоянно мучился всякими сомнѣніями и угрызеніями.

---

*) *Русская Мысль*, кн. VI.

совѣсти, которыя его предкамъ не приходили и въ голову. Во время пребыванія въ колледжѣ, благодаря одному ближайшему другу, онъ былъ вовлеченъ въ размышленія объ общественныхъ вопросахъ. Радикальныя теоріи объ устраненіи имущественнаго и политическаго неравенства, либеральныя идеи о широкихъ правахъ самоуправленія столкнулись въ его головѣ съ наследственными торійскими традиціями объ отеческомъ управленіи избраннаго меньшинства; онъ долженъ былъ пережить борьбу между вліяніями семьи и ранняго воспитанія и внушеніями друга, передъ которымъ благоговѣлъ.

Въ одинъ годъ съ Рѣборномъ въ Trinity-college вступилъ одинъ молодой человекъ, который быстро сталъ вожакомъ лучшихъ и самыхъ способныхъ своихъ товарищей. Онъ былъ бѣденъ и плохо подготовленъ. Скоро стало очевидно, что здоровье его не выдержитъ обычной школьной рутинѣ и что, несмотря на блестящія дарованія, онъ не можетъ конкурировать съ другими. Послѣ нѣкоторой внутренней борьбы, онъ отказался отъ честолюбивыхъ плановъ и выбралъ себѣ болѣе скромную карьеру. Его слабый организмъ могъ выдержать только два часа серьезной умственной работы въ день. Онъ проводилъ это время въ занятіяхъ исторіей и социологіей; всѣ его размышленія и разговоры съ товарищами вращались тоже въ кругу историческихъ или общественныхъ вопросовъ; онъ имѣлъ въ виду приготовить къ чтенію публичныхъ лекцій, которыя организовали въ послѣднее время оба старѣйшіе англійскіе университета въ промышленныхъ и провинціальныхъ городахъ. По своему происхожденію и семейнымъ вліяніямъ, онъ какъ нельзя болѣе подходилъ для такой просвѣтительной дѣятельности. Отецъ его былъ очень извѣстный фабричный инспекторъ, прославившійся проведеніемъ многихъ гуманныхъ реформъ въ фабричномъ законодательствѣ; сынъ наследовалъ отъ отца гуманныя стремленія, при этомъ онъ былъ такъ обаятеленъ, такъ умѣлъ покорять сердца, что вскорѣ сталъ крупною силою не только между товарищами, но и вообще во всемъ университетѣ. Онъ обладалъ замѣчательною способностью во всякое время, среди самой пестрой компаніи, переводить разговоръ отъ пустыхъ обыденныхъ предметовъ къ вопросамъ первостепенной важности и злобы дня, превращать мелкія пререканія въ вые, полныя интереса споры и вообще напрягать умственные нравственные силы собесѣдниковъ, задѣвая ихъ за живое, но ѣмъ не личными нападками, а исключительно теоретическими раженіями. При этомъ у Эдуарда Голлена—такъ звали его—не было ни позировки, ни одной фальшивой нотки,—онъ всего дости-

галь единственно силой искренняго юношескаго увлеченія. У многихъ, бывшихъ въ колледжѣ въ то время, неизгладимыми чертами вѣзалась въ память его тонкая фигура, прекрасная голова, энергичныя, слегка раскрытыя губы, блестящія, вдохновенныя глаза и быстрыя, порывистыя движенія.

На Альда Рэборна Голленъ произвелъ сразу сильное впечатлѣніе. Соціальныя вопросы, которымъ былъ преданъ Голленъ, и его намѣреніе основательно изучить бытъ англійскаго пролетарія, въ одно и то же время, и раздражали, и заманивали Рэборна.

Въ сущности, оба они были совершенно различными людьми. Рэборнъ былъ вѣрнымъ сыномъ своихъ отцовъ, впитавшимъ въ себя утонченныя инстинкты аристократической расы, включая глубокое презрѣніе къ здравому смыслу толпы и ко всѣмъ пошлостямъ ходячей народной реторики; онъ раздѣлялъ мельчайшіе предразсудки своего сословія и былъ полонъ хотя скрытой, но глубокой гордости своимъ родомъ. Быстрыя и рѣшительныя сужденія и заключенія Голлена приводили его въ смущеніе и вызывали недовѣріе. Кембриджская школьная дисциплина еще болѣе развила въ немъ природныя наклонности къ размышленію и выработала изъ него добросовѣстнаго и тонкаго мыслителя; его умъ работалъ медленно, но съ необыкновенною точностью. Наконецъ, холодныя, сдержанныя манеры представляли рѣзкій контрастъ съ подвижною и экспансивною натурой Голлена.

Голленъ вышелъ изъ Кембриджа, получивши право на чтеніе лекцій, и собирался читать лекціи по экономическимъ и промышленнымъ вопросамъ въ сѣверныхъ городахъ Англїи. Рэборнъ оставался еще годъ, сталъ классикомъ, получилъ премію за греческое стихотвореніе и, отказавшись отъ профессуры, возвратился къ дѣду помогать ему по управленію имѣніемъ; родня его рассчитывала, что черезъ нѣсколько лѣтъ практическихъ занятій сельскимъ хозяйствомъ онъ вступитъ въ парламентъ и начнетъ политическую карьеру. Съ тѣхъ поръ уже прошло пять или шесть лѣтъ, онъ изучилъ всѣ статьи обширнаго хозяйства, исполнялъ обязанности судьи, наблюдалъ за исполненіемъ законовъ о бѣдныхъ, былъ членомъ всевозможныхъ обществъ — благотворительныхъ, народнообразовательныхъ и т. п. Онъ не гнушался и спортомъ, охотился за курь патками, какъ принято у людей его круга. Сосѣди чувствовали въ немъ опредѣленную личность, но находили его черезъ-чуръ сдержаннымъ и не простымъ; его уважали, но не любили, также какъ и его дѣда; интересовались тѣмъ, на комъ онъ женится и каку составитъ себѣ карьеру, но вообще занимались имъ мало.

Между тѣмъ, для Альда Рѣборна жизнь въ замкѣ его дѣда прошла далеко не бесплодно. Приѣзды Голлена, ихъ совмѣстныхъ путешествій за границу почти каждый годъ, живая и серьезная переписка, частыя просьбы его друга или пожертвовать денегъ, или употребить свое вліяніе для какихъ-нибудь общественныхъ цѣлей, — всѣ эти вліянія, на ряду съ непосредственными впечатлѣніями окружающей обстановки, ставили передъ нимъ самыя настоятельныя жизненные вопросы. По своимъ вкусамъ, привычкамъ, симпатіямъ онъ принадлежалъ старому порядку; но старинное міровоззрѣніе уже было поколеблено въ немъ во многихъ пунктахъ. Онъ совершенно не могъ себѣ представить, какъ онъ будетъ дѣйствовать въ качествѣ землевладѣльца и политика; одно только было ему ясно, что философствовать теперь, когда есть неотложныя практическія дѣла, по меньшей мѣрѣ безсмысленно.

Такъ, минуты размышленія всегда были отравлены у него всякаго рода терзаніями. Ему часто казалось, что еслибъ онъ не былъ Альдомъ Рѣборномъ, не имѣлъ опредѣленныхъ связей и отношеній, не занималъ извѣстнаго положенія, ему гораздо легче было бы разрѣшить свою жизненную задачу.

Но сегодня всѣ эти безпокойные вопросы и сомнѣнія совсѣмъ его не тревожили. Онъ совершенно преобразился, чувствовалъ себя бодрымъ, молодымъ, съ восторгомъ привѣтствовалъ зарожденіе новаго сильнаго чувства, котораго онъ давно жаждалъ.

Полтора мѣсяца тому назадъ онъ въ первый разъ увидалъ ее, высокую, стройную Марчеллу Бойсъ. Онъ закрылъ глаза, чтобы возстановить въ воображеніи ея фигуру въ бѣломъ легкомъ платьѣ, съ глазами, блескѣвшими изъ-подъ широкой шляпки, съ улыбкой, выказывавшей рядъ мелкихъ бѣлыхъ зубовъ, и съ живыми, быстрыми движеніями. Какая интересная, очаровательная дѣвушка! Какъ смѣло и свободно она себя держитъ, и, между тѣмъ, нѣтъ ни малѣйшей рѣзкости, — напротивъ, сколько мягкости, женственности, глубокаго чувства! Какъ прямо предложила она ему свои рискованные вопросы!

Теперь Рѣборнъ даже готовъ былъ радоваться, что онъ занимаетъ вліятельное положеніе въ мѣстномъ обществѣ: съ помощью идей онъ можетъ повернуть общественное мнѣніе въ пользу Бойсъ. Онъ былъ увѣренъ, что отецъ Марчеллы не запятналъ себя чѣмъ-нибудь безусловно низкимъ, и хотя не можетъ быть рѣчи о новомъ возстановленіи отношеній, во всякомъ случаѣ, Марчелла и мать должны быть всюду приняты съ честью, разъ Марчелла это желаетъ. Прежде всего, онъ постарается склонить своего

дѣда, къ мнѣніямъ котораго прислушивается весь околотоубъ; затѣмъ онъ близокъ съ двумя или тремя свѣтскими дамами, которыя пользуются вліяніемъ и ради него сдѣлаютъ все, что отъ нихъ зависить. А такія дѣла лучше всего устраивать съ помощью женщинъ.

Онъ чувствовалъ себя безконечно счастливымъ. Все въ ней казалось ему необыкновенно привлекательнымъ — ея порывистость, отзывчивость, великодушіе. Пусть только она довѣрится ему, — онъ дастъ ей возможность осуществлять ея утопіи и будетъ ей помогать. Человѣкъ, запутавшійся въ логическихъ тонкостяхъ мысли, съ наслажденіемъ вспоминалъ ея наивное стремленіе преобразовать общество по указаніямъ ея гуманныхъ чувствъ. Онъ окружалъ ее ореоломъ поэзіи и идеализма.

Звонъ колокола, раздавшійся въ долину, оборвалъ его мечты; онъ спрыгнулъ съ кучки камней, на которой сидѣлъ въ темнотѣ, и быстро направился къ дому.

VI.

По мѣрѣ того, какъ Рѣборнъ приближался къ замку, повышенное настроеніе его все болѣе и болѣе падало, и все яснѣе выступала передъ нимъ трудность его положенія. Онъ не могъ настраивать дѣда въ пользу Бойсовъ, не раскрывши ему своихъ чувствъ и плановъ. Кромѣ того, Рѣборны были очень сдержанны съ посторонними, но по отношенію другъ къ другу они держались старыхъ родовыхъ традицій — безусловнаго довѣрія и откровенности, такъ что Альдъ Рѣборнъ считалъ себя обязаннымъ рассказать все дѣду.

Но онъ отлично понималъ, что, по крайней мѣрѣ, съ перваго раза дѣдъ отнесется къ этому несочувственно. Съ другой стороны, совмѣстная жизнь долгіе годы послѣ страшныхъ потерь настолько сблизила ихъ, что Альдъ Рѣборнъ ни одной минуты не боялся какихъ-нибудь рѣзкихъ выходовъ и рѣшительнаго сопротивленія со стороны дѣда.

Было уже почти совсѣмъ темно, когда Альдъ Рѣборнъ вошелъ въ замокъ.

Освѣдомившись, гдѣ находится лордъ Максвелъ, и узнавши, что онъ въ библиотекѣ, Альдъ Рѣборнъ направился туда. Онъ прохдилъ по длинному корридору, уставленному греко-римскими статуями и саркофагами. Въ открытыя двери видны были большія, высокія, ярко освѣщенные комнаты, украшенныя картинами и уставленныя книгами.

Альдъ Раборнъ чувствовалъ себя не совсѣмъ спокойно, подходи къ дверямъ библіотеки.

— Какъ ты загулялся, Альдъ! — сказалъ лордъ Максвелъ, быстро обернувшись на скрипъ дверей. — Что тебя задержало такъ долго?

Старикъ сидѣлъ у ярко пылавшаго камина, съ раскрытою книжкой *Edinburgh Review* на колѣняхъ. При свѣтѣ лампы и камина выдѣлялась его изящная голова, съ большою шапкой волнистыхъ сѣдыхъ волосъ, зачесанныхъ назадъ, длинное лицо съ тонкими правильными чертами, крѣпкая и сильная фигура.

— Дичи было мало и мы долго бродили, — сказалъ Альдъ, подходя къ камину. — Рикманъ также задержалъ меня на фермѣ безконечными разглагольствованіями о томъ, что ему нужно сдѣлать.

— Ахъ, этотъ несносный Рикманъ! — сказалъ лордъ Максвелъ, улыбаясь. — Онъ платитъ ренту съ тѣмъ, чтобы потомъ получить ее обратно. Право, скоро землевладѣніе станетъ одною изъ самыхъ безкорыстныхъ формъ благотворительности. Однако, для тебя тутъ есть новости. Вотъ письмо отъ Бартона, — это была фамилія его стариннаго друга, бывшаго въ то время министромъ. — Прочти. Онъ пишетъ, что министерство едва ли продержится дольше января. Въ ихъ партіи очень много необузданныхъ элементовъ, и билль С... несомнѣнно подорветъ ихъ. Парламентъ соберется въ январѣ, и онъ думаетъ, что поправка къ адресу окончательно ихъ потопитъ. Само собою разумѣется, что онъ сообщаетъ все это конфиденціально. И такъ, милый мой, тебѣ предстоитъ много работать нынѣшнею зимой. Два или три вечера въ недѣлю — меньшимъ тебѣ не отдѣлаться. Бартонъ сообщаетъ также, что онъ слышалъ, будто молодой Уартонъ выступитъ кандидатомъ отъ Дорнфольскаго округа. Онъ надѣлаетъ много непріятностей намъ и Ливенамъ, въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Еще слава Богу, что мать его умерла недавно, а то мы бы узнали, чего можно потерпѣться отъ свирѣпой женщины!

Старикъ взглянулъ на внука съ веселою улыбкой. Альдъ стоялъ передъ каминомъ и смотрѣлъ разсѣянно.

— Да ну же, Альдъ, — сказалъ лордъ Максвелъ съ оттѣнкомъ нетерпѣнія, — будетъ тебѣ строить философа! Хотя я и становлюсь старъ, но будущее правительство не можетъ не принять меня въ свои ряды. Мы съ тобой, я думаю, сумѣемъ провести въ будущей парламентѣ двѣ или три вещицы, для насъ важныя. Я убѣжденъ, что будущіе выборы доставятъ нашей партіи такое выгодное положеніе, какаго она не имѣла въ послѣднія 30—40 лѣтъ. Видишь, мы съ тобой можемъ ликовать!

Альдъ вдругъ улыбнулся такою улыбкой, которая привела его дѣда въ изумленіе. Онъ думалъ, что имѣеть дѣло съ зрѣлымъ человекомъ, передъ которымъ открывається возможность составить себѣ блестящую карьеру, а, между тѣмъ, эта блаженная улыбка показываетъ, что передъ нимъ легкомысленный юноша.

— Все это прекрасно, — сказалъ Альдъ, слегка повысивъ голосъ, — но дѣло въ томъ, что мои мысли теперь очень далеко отъ политики, и ты долженъ мнѣ дать время настроить себя на этотъ ладъ. Я вернулся не прямо домой, — я долженъ былъ испытать себя и удостовѣриться, прежде чѣмъ говорить съ тобой. Не такъ давно...

— Ну, продолжай, продолжай! — крикнулъ лордъ Максвелль.

Но Альдъ затруднялся. Ему вдругъ показалось нелѣпнымъ повѣрять то, что еще не совсѣмъ опредѣлилось, и онъ запнулся. Но, съ другой стороны, онъ уже сказалъ слишкомъ много, чтобъ отступать назадъ. Лордъ Максвелль вскочилъ и схватилъ его за руку.

— Ты влюбленъ, другъ мой? Договаривай же скорѣе!

— Я встрѣтилъ женщину, единственную, на которой бы хотѣлъ жениться, — сказалъ Альдъ, краснѣя. — Согласится ли она, я не знаю. Но для меня это было бы большимъ счастьемъ. А такъ какъ ты можешь кое-что для насъ сдѣлать, — для нея и для меня, — то я и не считалъ себя вправѣ скрывать отъ тебя свои чувства. Да, наконецъ, я просто не привыкъ... — его голосъ слегка дрогнулъ. — Ты всегда обходился со мной, какъ съ сыномъ...

Лордъ Максвелль горячо сжалъ его руку.

— Мой дорогой мальчикъ! Да не томи же меня такъ долго: скажи мнѣ скорѣе, кто она?

И въ умѣ лорда Максвелля промелькнули двѣ или три вѣроятныя фамиліи.

Альдъ произнесъ твердо и медленно:

— Марчелла Бойсъ. Дочь Ричарда Бойса. Я познакомился съ ней полтора мѣсяца назадъ.

— Господи Боже мой! — воскликнулъ лордъ Максвелль, отступая назадъ и съ изумленіемъ смотря на Альда. — Развѣ ты не знаешь его исторіи, Альдъ?

— Нѣтъ, въ подробностяхъ не знаю. Было бы хорошо, если бы ты мнѣ рассказалъ все, что знаешь. Само собой разумѣется, вижу, что ты и сосѣди чуждаются его, и для миссъ Бойсъ и матери я хотѣлъ бы найти выходъ изъ этого положенія.

— Боже мой! — говорилъ лордъ Максвелль, шагая по комнатѣ заложивши назадъ руки и опустивши голову. — Боже, какая ужасная, непріятная исторія!

Онъ остановился передъ Альдомъ.

— Гдѣ ты встрѣтился съ ней, съ этою барышней?

— У Гарденовъ, потому иногда въ деревнѣ Меллоръ. Она часто ходитъ по крестьянскимъ хижинамъ.

— Ты ей еще не дѣлалъ предложенія?

— Я еще самъ въ себѣ не былъ увѣренъ до нынѣшняго дня. Да потомъ это было бы слишкомъ самонадѣнно съ моей стороны: она никогда ничего мнѣ не показывала, кромѣ дружескаго расположенія.

— Неужели ты думаешь, что она тебѣ откажетъ? — воскликнулъ лордъ Максвелъ и не могъ скрыть саркастической интонаціи въ голосѣ.

Альдъ взглянулъ на дѣда грустными глазами.

— Вѣдь, ты не знаешь ея!

Лордъ Максвелъ началъ опять шагать взадъ и впередъ по комнатѣ, стараясь подавить волненіе. Несомнѣнно, Альда завлекли; дѣвица играла на его состраданіи, рыцарскихъ чувствахъ, — понятно, съ какими намѣреніями. Альдъ пытался успокоить его, объяснить, но лордъ Максвелъ ничего не слушалъ. Въ концѣ-концовъ, онъ бросился на кресло съ глубокимъ вздохомъ.

— Подожди немного, Альдъ, подожди. Мысль, что ты женишься на дочери этого человѣка, просто ошеломила меня.

Наступило молчаніе. Затѣмъ онъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ:

— Остается еще полчаса до обѣда. Сядемъ и обсудимъ дѣло.

Разговоръ, начатый такимъ образомъ, продолжался долго, прерывался на время обѣда и затѣмъ возобновился опять въ библиотекѣ. Это былъ по большей части монологъ со стороны лорда Максвелля, прерываемый время отъ времени замѣчаніями его внука. Лордъ Максвелъ старался изобразить передъ нимъ во всѣхъ подробностяхъ тѣ основанія, по которымъ дочь Ричарда Бойса ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть подходящею женою для Рэборна.

Впрочемъ, Альдъ и раньше зналъ воззрѣнія дѣда на этотъ предметъ. Максвелли не должны держать себя высокомерно и относиться снисхожденіемъ къ другимъ, кто бы они ни были, крестьяне, купцы или дворяне. Но если дѣло коснется брака, то тутъ уже они строго слѣдуютъ за тѣмъ, чтобы «фамилія» не потерпѣла какого-нибудь урона и униженія.

Что же касается самой исторіи, то она заключалась въ слѣдующемъ. Ричардъ Бойсъ былъ младшимъ и любимымъ сыномъ у отца. Онъ былъ способный и благовоспитанный мальчикъ, въ про-

тивуположность своему чудаковатому старшему брату. На его образование не жалѣли денегъ; онъ былъ юристомъ. Когда онъ выступилъ кандидатомъ въ парламентъ, расходы по его избранію были щедро оплачены отцомъ, и въ послѣдствіи отецъ постоянно присылалъ ему денегъ, сколько могъ собрать съ имѣнія, что вызывало большой ропотъ со стороны старшаго сына, Роберта. Между тѣмъ, Ричардъ, повидимому, дѣлалъ большіе успѣхи, по крайней мѣрѣ, на политическомъ поприщѣ. Онъ говорилъ легко и свободно, и первые два года въ Вестминстерѣ онъ старался пристроиться къ разнымъ комиссіямъ, исполнялъ въ нихъ черновую работу и этимъ снискалъ расположеніе вождей торійской партіи. Онъ прекрасно зналъ языки и въ рѣчахъ касался, главнымъ образомъ, вопросовъ иностранной политики, такъ что когда была образована очень важная восточная комиссія, по поводу смуть на Балканскомъ полуостровѣ, онъ попалъ въ нее, отчасти по собственнымъ заслугамъ, отчасти вслѣдствіе хлопотъ отца.

Во главѣ комиссіи стоялъ замѣчательный человѣкъ, ей поручено было важное дѣло, и за ея дѣятельностью слѣдила вся Европа. По окончаніи работъ члены комиссіи были осыпаны почестями, ихъ чествовали всюду въ Лондонѣ. Въ то время старикъ-отецъ пріѣзжалъ изъ Меллора полюбоваться на успѣхи Ричарда.

И любовь, какъ обыкновенно бываетъ, присоединилась къ торжеству успѣха. Одна молоденькая, свѣженькая дѣвушка, Эвелина Мерритъ, которая уже блистала своею красотой на балахъ этого сезона, познакомилась съ Ричардомъ Бойсомъ какъ разъ въ то время, когда онъ былъ на виду и передъ нимъ открывались широкія перспективы. Она была очень юна и такъ же непорочна, какъ нарциссы ея сомерсетширской родины; ни другіе, ни она сама не знали еще въ то время, какой у нея сложный характеръ и какъ много она таитъ въ себѣ стоицизма. Ричардъ Бойсъ былъ окутанъ для нея поэтическимъ туманомъ; идеализируя его, она доходила до полного самоуничженія и была въ безумномъ восторгѣ, когда онъ сдѣлалъ ей предложеніе.

Послѣ женитьбы прошло еще пять лѣтъ парламентской дѣятельности и затѣмъ наступилъ крахъ. Это довольно обычная грязная исторія, которая стала трагической только благодаря личности жены и отчаянію отца. Прежде всего, желаніе поддержать свое положеніе, играть роль въ обществѣ съ помощью своей красавицы жены, а на биржѣ—при помощи своей высоко цѣвившейся репутации; затѣмъ покровительство разнымъ подозрительнымъ предпріятіямъ ради взятокъ, наконецъ, открытое мошенничество, котораго по частямъ вскрывалось тамъ и здѣсь и производило ошеломляющіе

дѣйствіе. Но это еще не все. Когда Ричардъ Бойсъ со всѣхъ сторонъ получалъ предостереженія, что ему грозитъ разореніе, онъ вздумалъ поправить свои дѣла карточною игрою въ клубахъ. Когда и тутъ ему не повезло, а безпокойство жены и измѣнившееся обращеніе знакомыхъ показало ему, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, на сцену явилась маленькая хористка и еще болѣе запутала и затруднила его положеніе. Пошлая, низкая исторія!

— Какъ живо вспоминаю я этого бѣднаго старика Джона Бойсъ! — сказалъ лордъ Максвелль, покачивая своею величавою сѣдою головою. — Я видѣлъ его въ тотъ день, когда онъ возвратился послѣ неудачной попытки затушить дѣло. Я встрѣтилъ его на дорогѣ и не могъ удержаться, чтобы не остановить и не спросить его. Мнѣ такъ было больно за него, мы съ нимъ были старинными друзьями. «Ради Бога, не трогайте и не спрашивайте меня!» — закричалъ онъ, когда увидалъ меня. Онъ стегнулъ лошадь и ускакалъ. Я удивился, — этотъ здоровый, румяный человѣкъ былъ блѣденъ, какъ полотно. Больше я уже не видалъ его въ живыхъ. Началось слѣдствіе, и Ричардъ Бойсъ отсидѣлъ три мѣсяца въ тюрьмѣ; другихъ, замѣшанныхъ съ нимъ виѣстѣ, постигла гораздо болѣе суровая кара, такъ какъ адвокаты, чтобы облегчить его участь, воспользовались несоблюденіемъ мелкихъ формальностей и сдѣлали все, что было можно; но всѣ мы, и публика тоже, были увѣрены, что Ричардъ Бойсъ въ нравственномъ отношеніи нисколько не выше тѣхъ. Затѣмъ газеты подхватили извѣстіе о его карточныхъ долгахъ и о той женщинѣ. Она явилась къ нему въ клубъ въ то время, когда онъ былъ на порукахъ, и произвела тамъ скандалъ, и все, такимъ образомъ, выплыло наружу. Однимъ словомъ, это одинъ изъ самыхъ крупныхъ скандаловъ, случившихся на моей памяти.

Старикъ замолчалъ; его лицо было мрачно и сурово. Альдъ тоже молчалъ. Несомнѣнно, исторія была плоха, — гораздо хуже, чѣмъ онъ думалъ.

— А жена и дочь? — вдругъ спросилъ онъ.

— О, эти несчастныя созданія!... Онѣ исчезли виѣстѣ съ нимъ, когда онъ отбылъ срокъ своего заключенія. Конечно, избиратели собирали митинги, выражали негодованіе. Онъ сложилъ свои полномочія, отецъ опредѣлилъ ему небольшое ежегодное содержаніе; кромѣ того, у жены были свои небольшія средства, на которыхъ они и держались, вѣроятно, пока былъ живъ братъ Робертъ. Некоторые изъ родственниковъ жены уговаривали ее бросить его, такъ какъ по отношенію къ ней его поведеніе было особенно возмутительно. Но она не хотѣла. Точно также она не хотѣла выслу-

шивать ни сочувствія, никакихъ разговоровъ. Мнѣ не пришлось ее видѣть ни разу потомъ, со времени перваго года ихъ женитьбы, когда она была блестящею, красивою дамой. Но по тому, какъ она вела себя въ то время, можно думать, что она замѣчательная женщина. Одинъ изъ родственниковъ говорилъ мнѣ, что она порвала со всею родней. Она прекратила отношенія со всѣми, кто былъ противъ ея мужа. Также она ни отъ кого не хотѣла брать денегъ, хотя они страшно нуждались, и самъ Ричардъ Бойсъ былъ не особенно щепетилень. Она покорилась своей участи безропотно, стала жить съ нимъ въ маленькихъ квартиркахъ въ деревнѣ или за границей. А между тѣмъ было ясно, что жизнь ея разбита. Дѣйствительно, она обнаружила страшное напряженіе во всей этой исторіи, но за то потомъ у нея ничего не осталось,—не осталось даже интереса къ маленькой дочкѣ.

Альдъ сдѣлалъ движеніе.

— Мнѣ кажется, намъ пора поговорить о ней,—сказалъ онъ.

Лордъ Максвелъ остановился, собрался съ мыслями и черезъ нѣкоторое время сказалъ:

— Да, можетъ быть, я отклонился въ сторону. Ну, поговоримъ теперь о миссъ Бойсъ. Сколько разъ ты съ ней видѣлся? Насколько серьезно твое чувство?... Не удивляйся, другъ мой, что я такъ растерялся. Еще бы! Ввести въ нашу семью этого человѣка,—его, этого подлеца!... Представь себѣ, мы не могли уговорить его пріѣхать проститься съ умирающимъ отцомъ. Джонъ все забылъ, простилъ ему—и умиралъ изъ-за него, изъ-за этого Ричарда, котораго онъ обожалъ. Съ большимъ трудомъ я разузналъ его адресъ и употребилъ всѣ усилія, чтобъ его вызвать. Напрасно! Онъ пріѣхалъ, когда отецъ уже не узналъ его, за часъ до смерти. Вѣроятно, ему было тяжело, однако, не настолько, чтобъ онъ не могъ присутствовать при чтеніи духовнаго завѣщанія. Я не могу и не хочу простить ему этой жестокости по отношенію къ старику-отцу!

И лордъ Максвелъ опять началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, чтобъ овладѣть своими нервами.

Альдъ смотрѣлъ уныло; онъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ въ своихъ чувствахъ: дѣдъ слишкомъ долго занимался Ричардомъ Бойсъ и забылъ о томъ, что волнуетъ его внука.

— Я вижу теперь, что у тебя есть серьезныя основанія, что презирать ея отца,—сказалъ онъ вдругъ, вставая. — Я подумаю, въ какой степени все это касается меня. А завтра ты позволь мнѣ поговорить съ тобой о миссъ Бойсъ. Во всякомъ случаѣ, она совсѣмъ неповинна во всѣхъ этихъ продѣлкахъ. Теперь же я

хочу тебя задерживать дольше. Ты помнишь, какъ горячо Бларкъ предостерегалъ тебя въ прошлый разъ, чтобы ты не утомлялъ себя передъ сномъ.

Лордъ Максвелль быстро обернулся.

— Что съ тобой, Альдъ, дорогой мой?... Я тебя обидѣлъ? Ахъ, я, старый дуракъ!

И, подойдя къ внуку, онъ ласково положилъ ему руку на плечо и заговорилъ взволнованнымъ голосомъ:

— Передъ тобой великая задача, Альдъ, вопросъ цѣлой жизни. Немудрено, что это такъ взволновало меня,—завтра я буду спокойнѣе. О какой-нибудь ссорѣ между нами не можетъ быть и рѣчи. Ты не юноша, а я не самодуръ. Что касается денегъ, ты знаешь, я на это не обращаю вниманія. Но все мое существо перевертывается, когда я подумаю, что *твоя* жена внесетъ съ собою къ намъ въ домъ эту гнусную исторію!

— Я понимаю,—сказалъ Альдъ, хмурясь.—Но ты долженъ съ ней познакомиться. Еще разъ повторяю: не думай, что она желаетъ меня женить на себѣ. Она необыкновенно чиста, пряма, безъ всякихъ заднихъ мыслей.

— Да, но у тебя слишкомъ много преимуществъ. Я думаю, что ни одна женщина не можетъ просмотрѣть этого, развѣ только она глупа или совершенный ребенокъ. Ей около двадцати лѣтъ?

— Да.

Лордъ Максвелль подождалъ нѣсколько минутъ, затѣмъ поднялъ плечи съ видомъ притворнаго отчаянія.

— Послушай, Альдъ, несомнѣнно, ты охладѣлъ ко мнѣ. Какъ же я до сихъ поръ не знаю, блондинка она или брюнетка?

Разговоръ не клеился. Альдъ сдѣлалъ надъ собой усиліе.

— Она очень темная брюнетка, нѣсколько похожа на свою мать. Мнѣ она представляется самою красивою женщиной, какую я когда-либо видѣлъ. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она очень умна и ясно понимаетъ вещи, въ другихъ—совершенный ребенокъ. Гардены говорятъ, что она помогаетъ, чѣмъ можетъ, несчастнымъ крестьянамъ Меллора.

— И такъ, ты говоришь, она красива, умна и добра? Вѣдь, она поселится здѣсь, она должна занять мѣсто твоей матери и бабушки.

Альдъ разъ или два пытался что-то сказать, но не рѣшался.

— Еслибъ я не былъ увѣренъ, что она достойна любви и уваженія,—сказалъ онъ, наконецъ, принужденнымъ тономъ,—я бы не позвалъ ее въ нашъ домъ.

Опять наступило молчаніе. Но Альдъ инстинктивно чувствовалъ, что настроеніе дѣда смягчилось, и онъ воспользовался моментомъ.

— Изъ всего этого разговора мнѣ ясно одно,—сказалъ онъ, слегка улыбаясь,—что ты, если захочешь, можешь оказать мнѣ и миссъ Бойсъ великую услугу.

Лордъ Максвелль быстро повернулся и внимательно прислушивался; его живые, пронизательные глаза рѣзко выдѣлялись на поблекшемъ морщинистомъ лицѣ.

— Ты можешь, если захочешь, значительно облегчить положеніе матери и дочери,—сказалъ Альдъ, опасаясь, какъ бы не раздражить дѣда.—Ты бы могъ, еслибъ захотѣлъ, не вступая въ личныя отношенія съ самимъ Бойсомъ, устроить такъ, чтобы мнѣ было удобно пригласить ее сюда.

Лицо старика омырилось.

— Какъ, ты хочешь, чтобы я взялъ назадъ свое письмо? Я никогда съ такимъ удовольствіемъ ничего не писалъ въ своей жизни!

— Да, въ этомъ родѣ,—сказалъ Альдъ спокойно.—Вѣдь, Ричардъ Бойсъ удовлетворится очень немногимъ.

— И, кромѣ того, ты думаешь,—сказалъ лордъ Максвелль, прерывая его,—что твоя тетя должна поѣхать къ нимъ пригласить ее?

— Я думаю, что иначе невысказано позвать сюда миссъ Бойсъ.

— Можетъ быть, ты также рассчитываешь, что я замолвлю за нихъ словечко передъ Винтерборнами и Ливенами?

— Непремѣнно,—сказалъ Альдъ.

Лордъ Максвелль задумался, затѣмъ всталъ.

— Теперь я намѣренъ успокоить тѣнь Кларка и пойду спать (Кларкъ былъ постояннымъ докторомъ у лорда Максвелля).

— Надѣюсь, что я не слишкомъ утомилъ тебя,—сказалъ Альдъ и тронулся, чтобы погасить лампу.

Вдругъ дѣдъ позвалъ его.

Альдъ обернулся и увидалъ величественную фигуру дѣда во весь ростъ; взволнованный видъ его встревожилъ Альда.

— Ты понимаешь, Альдъ, что за эти двадцать лѣтъ, съ тѣ поръ, какъ умеръ твой отецъ, ты былъ радостью и счастьемъ моей жизни. Пожалуйста, не говори ничего, мой милый: я не въ состояніи вынести столько волненій. Я говорилъ съ тобой жестко, но совсѣмъ не такъ чувствую. Мнѣ не хотѣлось уйти отъ тебя непонятымъ,—пожалуйста, не думай, что на свѣтѣ есть что-нибудь для меня дороже твоего счастья и твоей будущей судьбы.

Благородный старикъ крѣпко сжалъ руку Альда, которую онъ держалъ въ своей, затѣмъ быстро направился къ двери и затворилъ ее за собою.

Черезъ часъ Альдъ сидѣлъ въ своей комнатѣ въ нижнемъ этажѣ и писалъ.

Комната вся была уставлена книгами, философскими и политико-экономическими. На столахъ лежали послѣднія книжки экономическихъ журналовъ, англійскихъ и иностранныхъ, и нѣсколько томиковъ новѣйшихъ критиковъ, поэтовъ и романистовъ.

Надъ каминомъ висѣлъ портретъ его матери, молодой женщины въ открытомъ платьѣ и легкомъ муслиновомъ шарфѣ; въ художественномъ отношеніи это простое обыкновенное лицо не представляло ничего особеннаго, но для Альда оно было связано съ самыми дорогими воспоминаніями, которыя онъ хранилъ въ душѣ, какъ святыню. Она умерла отъ родовъ, когда ему было девять лѣтъ, черезъ два года за ней послѣдовалъ и отецъ. Дѣтство Альда протекло подъ впечатлѣніемъ этихъ грустныхъ событій, которыя преждевременно состарили его дѣда, а на немъ сосредоточили всѣ заботы и любовь окружающихъ. Благодаря этому, въ его нервномъ и чувствительномъ темпераментѣ были подавлены всѣ естественные задатки веселости и живости, и онъ сталъ серьезенъ не по лѣтамъ.

Теперь онъ сидѣлъ и писалъ письмо Эдуарду Голлену; волненія и впечатлѣнія нынѣшняго дня мало-по-малу улеглись въ немъ. Онъ придвинулъ къ себѣ миниатюрный портретъ матери, когда она была дѣвочкой, и фотографію Голлена, и писалъ.

Онъ уже сообщалъ Голлену о Марчеллѣ, обрисовавши ее симпатичными чертами, какъ интересную и прелестную дѣвушку, возбуждающую сочувствіе по своему ненормальному положенію въ обществѣ. Сегодня онъ долженъ былъ обсуждать планъ внутренней колонизаціи, составленный Голленомъ, а вмѣсто того писалъ исключительно о Марчеллѣ.

«Мнѣ интересно, покажется ли она тебѣ красивой. Она, во всякомъ случаѣ, не имѣетъ ничего общаго съ тѣми красавицами, которыми тетва моя заставляла меня любоваться въ Лондонѣ. Она поминаетъ итальянку, только не современную. Если ты помнишь, сди фресокъ времени Возрожденія встрѣчаются прекрасныя, бла- гонравныя и выразительныя лица, съ черными волнистыми волосами просто и гладко зачесанными, съ тонкими и мягкими чертами. Но такое же лицо, необыкновенно красивое, по-моему,—и по выраженію, и по выраженію, и такое же неправильное, какъ должна

быть красота, составляющая переходную ступень отъ античной строгости къ современному типу. Выраженіе лица то глубоко встревоженное, грустное, то безконечно счастливое, восторженное. Однимъ словомъ, это въ высшей степени художественная красота, представляющая сочетаніе гармоніи и диссонанса, что такъ высоко цѣнится утонченнымъ искусствомъ.

«Ей, по всей вѣроятности, 20 лѣтъ или немножко болѣе. Способности у нея очень богатыя и разнообразныя; она часто приходитъ къ вѣрнымъ заключеніямъ, съ помощью особаго высшаго чутья, перескакивая черезъ всю цѣпь логическихъ выводовъ. Зачѣмъ такому существу книжная мудрость? При такой прозорливости достаточно одного житейскаго опыта. А, между тѣмъ, она, несомнѣнно, много читала, главнымъ образомъ, поэтовъ, затѣмъ кое-какія политико-экономическія сочиненія, также Матью Арнольда, Рускина, Карлейля. Она воспринимаетъ все необыкновенно живо, горячо, тотчасъ сближаетъ съ жизнью и повѣряетъ житейскими впечатлѣніями. Она возмущается многими явленіями современной жизни и жаждетъ широкой гуманной дѣятельности. Теперь она помогаетъ разореннымъ крестьянамъ ихъ имѣнія. То, что она говоритъ, часто представляется мнѣ наивнымъ и даже сумасброднымъ, но внутренній смыслъ ея словъ, настроеніе, которое въ нихъ заключается, покоряетъ меня.

«Удивляйся всему этому, если хочешь, но только пиши мнѣ и пріѣзжай сюда какъ можно скорѣе. Я не могу и не хочу ничего скрывать отъ тебя, и поѣтому ты мнѣ повѣришь, если я скажу тебѣ, что между нами ничего не рѣшено, и хотя я надѣюсь, но, въ то же время, и боюсь неудачи. Но какъ бы тамъ ни было, я стала совершенно другимъ человѣкомъ, и все мнѣ представляется свѣтлымъ и радостнымъ».

Альдъ Рѣборнъ всталъ со стула и въ раздумьи подошелъ къ огню.

Образъ Марчеллы носился передъ нимъ, ея голосъ звучалъ въ его ушахъ.

Затѣмъ онъ подошелъ къ столу, взялъ письмо, прочиталъ его, потомъ разорвалъ и бросилъ въ каминъ.

— Нѣтъ, милый, старый другъ, даже тебѣ не довѣрю я! — сказалъ онъ при этомъ.

УП.

Прошло три дня. На четвертый, возвращаясь передъ вечеромъ домой, Марчелла увидала въ передней на столѣ что-то бѣлое. О

подошла и схватила кучку визитныхъ карточекъ. «Виконтъ Максвелъ», «Мистеръ Рэборнъ», «миссъ Рэборнъ», «леди Винтербурнъ» и «барышни Винтербурнъ», на двухъ карточкахъ «лордъ Винтербурнъ», — прочитала она въ радостномъ возбужденіи.

— Это, несомнѣнно, его дѣло. Я просила — и онъ устроилъ. — Карточки выпали у нея изъ рукъ на столъ; она стояла и смотрѣла на нихъ, испытывая пріятное чувство удовлетворенной гордости; къ этому примѣшивалось еще болѣе пріятное сознаніе своей силы надъ человѣкомъ, который, какъ ей казалось, не легко поддавался чужому вліянію, особенно женскому.

— Марчелла, это ты? — послышался голосъ ея матери.

Марчелла обернулась, и мистрисъ Бойсъ увидела ея раскрасѣвшееся и оживленное лицо.

— Есть какія-нибудь письма? — спросила она.

— Нѣтъ, но вотъ нѣсколько карточекъ. Ахъ, вотъ и письмо, я не замѣтила! Это тебѣ, мама, изъ замка.

Мистрисъ Бойсъ взяла письмо и карточки и медленно перебирала ихъ одну за другой, не говоря ни слова.

Марчелла, между тѣмъ, сгорала отъ нетерпѣнія.

— Ахъ, мама, да читай же скорѣе письмо!

Мистрисъ Бойсъ сдѣлала гримасу, какъ будто дочь оглушила ее, и распечатала письмо; прочитавши, она передала его Марчеллѣ.

— Я должна заварить чай, — сказала она небрежнымъ, холоднымъ тономъ и прошла въ гостиную, гдѣ былъ поданъ чай.

Марчелла послѣдовала за нею, читая письмо; оно было отъ миссъ Рэборнъ и заключало въ себѣ приглашеніе для мистрисъ Бойсъ и ея дочери въ замокъ къ завтраку въ слѣдующую пятницу. Письмо было очень вѣжливо и любезно написано.

«Какъ мама отнесется къ этому? — со страхомъ думала Марчелла. — Въ письмѣ нѣтъ ни слова о папѣ!»

Когда Марчелла вошла въ гостиную, она увидела свою мать въ раздумьи стоящей у стола. Она разсѣяннo держала въ рукахъ маленькую серебряную чайницу и смотрѣла въ окно; Марчелла уловила страдальческій взглядъ изъ-подъ ея нахмуренныхъ бровей; но какъ только она засмышала шаги Марчеллы, она моментально оправилась и занялась чаемъ со своею обычною аккуратностью.

Тебѣ придется подождать, — сказала она, — потому что вода еще кипитъ.

Марчелла подошла къ камину, стала на колѣни и начала по-
пра... дрова.

— Мама, ты поѣдешь въ замокъ? — вдругъ спросила она, будучи не въ состояніи дольше удерживаться.

Мистрисъ Бойсъ помолчала нѣсколько времени, затѣмъ проговорила сухимъ тономъ:

— Маневры миссъ Рэборнъ довольно неожиданны. Мы здѣсь живемъ уже четыре мѣсяца, всего въ разстояніи двухъ миль отъ нихъ, и ей ни разу не пришло въ голову пригласить насъ. А теперь она насъ приглашаетъ прямо къ завтраку. Странно, что она такъ мало обращала на насъ вниманія прежде и такъ необыкновенно внимательна теперь, — какъ ты думаешь?

Марчелла колебалась. Признаться или нѣтъ? Вдругъ ей представилось, что она черезъ-чуръ далеко и небрежно держитъ себя по отношенію къ матери.

— Мама!

— Что?

— Я спросила въ прошлый разъ мистера Рэборна, всё ли здѣсь такъ враждебно относятся къ намъ?... Папа сказалъ мнѣ, что онъ получилъ отъ лорда Макевила очень нелюбезное письмо, и...

— Какъ, ты спросила мистера Рэборна? — быстро заговорила мистрисъ Бойсъ.

Марчелла обернулась и встрѣтила сверкающей взглядъ матери.

— Я больше не могла этого выносить, — заговорила она торопливо, низкими нотами. — Мнѣ казалось такъ ужаснымъ, что всё отъ насъ сторонится; мы вмѣстѣ съ нимъ гуляли, онъ былъ очень добръ и любезенъ, я и попросила его объяснить...

— Понимаю, — сказала мистрисъ Бойсъ. — Онъ сказалъ своей тетускѣ, та отправилась къ Винтербурнамъ, насъ пожалѣли, и вотъ въ результатѣ эти карточки. Благодарю тебя за твои заботы о насъ, Марчелла!

Марчелла вдругъ почувствовала страхъ передъ пронизывающимъ холодною ироніей взглядомъ матери, ее смутило гордое, властное выраженіе лица матери. Но черезъ нѣсколько минутъ у Марчеллы вырвался крикъ наболѣвшей души.

— Ты къ этому привыкла, мама! Но я чувствую себя з... какъ бы приговоренною къ смерти, всѣми отталкиваемой, безъ друзей, безъ общества. И прежде было плохо, — неужели и здѣсь н... но терпѣть?

Мистрисъ Бойсъ поблѣднѣла.

— Я предвидѣла, конечно, что ты захочешь рано или поздно узнать, — заговорила она густымъ рѣшительнымъ голосомъ. —

роятно, мистеръ Рэборнъ сказалъ тебѣ, хотя, конечно, ты должна была догадываться и раньше, что общество относится къ намъ враждебно и имѣетъ на то свои причины. Я не отрицаю, что причины эти основательны. Я никого не обвиняю и ни на кого не сержусь. Но вопросъ вотъ въ чемъ: приму ли я сожалѣніе? Я всегда отвергала его. Хотя ты очень непохожа на меня, но я думаю, что и для тебя лучше всего поступать такъ же.

— Я жажду имѣть друзей, — сказала тихо Марчелла. — Мнѣ такъ многое хотѣлось бы сдѣлать здѣсь, но что я могу сдѣлать одна, когда всѣ противъ меня? Если мы съ тобой сблизимся съ здѣшнимъ обществомъ, то черезъ насъ и папа. Нѣкоторые къ намъ очень расположены, я это навѣрное знаю, — прибавила она, вспоминая о Рэборнѣ. — Неужели мы гордо оттолкнемъ руку, которую намъ протягиваютъ, и отвѣтимъ отказомъ на такое милое и любезное письмо?

— Ты поѣдешь, — сказала мистрисъ Бойсъ, — ты хочешь, и поѣзжай, не взирая ни на что. Я напишу миссъ Рэборнъ записку и отправлю тебя въ каретѣ. Я могу отговориться нездоровьемъ, — относительно меня это очень правдоподобно. Я постараюсь не стѣснять тебя, Марчелла. Если ты хочешь вести свою линію и искать здѣсь друзей, хорошо, я не буду мѣшать тебѣ до тѣхъ поръ, пока ты не потребуешь, чтобъ я измѣнила свою жизнь, а для этого, моя милая, я слишкомъ нервна и стара.

Марчелла вдругъ прониклась глубокимъ сочувствіемъ и состраданіемъ къ матери, котораго она никогда не испытывала раньше.

— Мама, развѣ ты никуда со мной не будешь ѣздить?

Въ голосѣ ея послышались нѣжные, почти дѣтскіе звуки; она какъ бы напрашивалась на установленіе нормальныхъ отношеній между нею и матерью. Но на мистрисъ Бойсъ это не произвело впечатлѣнія; она привыкла считать Марчеллу самостоятельной, не нуждающейся въ посторонней помощи.

— Во всякомъ случаѣ, я не поѣду съ тобой въ замокъ, и въ твоихъ, и въ моихъ интересахъ. Ты одна произведешь гораздо болѣе пріятное впечатлѣніе, такъ какъ я совсѣмъ одичала. Я, конечно, отпущу эти карточки назадъ... А на твоемъ мѣстѣ, Марчелла, я бы не трогивала семейныхъ вопросовъ ни съ кѣмъ постороннимъ, ни съ мистеромъ Рэборномъ, ни съ кѣмъ другимъ.

Его острый и холодный взглядъ ея смутилъ Марчеллу.

Вѣдь, ты не позволяешь мнѣ, мама, говорить съ тобой о семейныхъ дѣлахъ, — сказала она послѣ минутнаго молчанія.

Я не могу, — быстро проговорила мистрисъ Бойсъ. Черезъ

нѣсколько времени она продолжала: — Въ скоромъ времени, Марчелла, ты проложишь себѣ собственную дорогу и увидишь, что на твоёмъ пути нѣтъ никакихъ препятствій. Я только хочу дать тебѣ одинъ совѣтъ. Пожалуйста, держи себя гордо съ ними, съ миссъ Рэборнъ и другими. Ты, повидимому, очень цѣнишь то, что принадлежишь къ фамиліи Бойсовъ. Такъ помни, что въ тебѣ есть и другая кровь, и что никогда Мерриты не выносили ничего покровительства и сожалѣнія.

Марчелла была удивлена: никогда прежде въ разговорахъ съ ней мать не упоминала о своей роднѣ. Она знала, что между ними и Мерритами давно произошелъ разрывъ. Иногда изъ газетъ она узнавала кое-что о Мерритахъ, такъ какъ это были все важные и богатые люди, но ни одинъ изъ нихъ съ давняго времени не переступалъ порога ихъ дома.

Впервые мистрисъ Бойсъ позволила Марчеллѣ заглянуть въ свою душу, и теперь Марчелла стала присматриваться къ ней съ тревожнымъ любопытствомъ. Она привыкла считать мать узкою, сухою женщиной, не выходящею изъ тѣснаго круга семейныхъ интересовъ, вообще довольно безличною. Но въ послѣднее время, при болѣе близкомъ соприкосновеніи, мать значительно выросла въ ея глазахъ, но осталась непонятной, загадочной.

Между тѣмъ, слышались шаги, и мистеръ Бойсъ вошелъ усталый, забрызганный грязью и, повидимому, въ дурномъ настроеніи.

— Что ты намѣрена дѣлать съ этими карточками? — рѣзко прервалъ онъ жену, когда та предлагала ему чаю. Онъ чувствовалъ себя плохо и былъ слишкомъ измученъ, чтобы стѣснять себя присутствіемъ Марчеллы.

— Я отошлю ихъ назадъ, — сказала мистрисъ Бойсъ спокойно.

— Я вовсе не нуждаюсь въ ихъ драгоценномъ обществѣ, — раздраженно заговорилъ онъ. — Имъ бы слѣдовало раньше объ этомъ подумать. Какая это честь? Это — оскорбленіе!

Марчелла переводила глаза то на мать, то на отца. Въ ней боролась злоба за прошлое съ все возрастающею нѣжностью къ родителямъ.

— Папа, ты весь промокъ, — сказала она, — не лучше ли тебѣ переодѣться?

— Нѣтъ, у меня все въ порядкѣ. Охотиться здѣсь — это значитъ тратить время и трепать обувь. Больше никогда не пойду. Все мѣсто начисто опустошено этими скотами, твоими деревенскими друзьями, Марчелла. Бстати, Эвелина, я сейчасъ встрѣтилъ Уартона.

— Какого? Я не помню.

— Да либерального кандидата изъ округа, — съ неудовольствіемъ сказалъ онъ. — Тебѣ не мѣшало бы быть болѣе освѣдомленной въ этихъ вещахъ. Онъ говорилъ мнѣ, что цѣлый день гоняеть, какъ лошадь. Додгсонъ, кандидатъ Рэборновъ, опередилъ его; но этотъ молодой человѣкъ употребляетъ всѣ усилія, чтобъ обогнать его. Мнѣ онъ нравится. Я бы не сталъ за него вотировать, но меня интересуетъ эта борьба. Я пригласилъ его къ намъ въ субботу къ чаю. Съ нимъ нужно обойтись полюбезиѣе.

Мистеръ Бойсъ всталъ и гордо выпрямился.

Онъ не легко переносилъ обрушившуюся на него общественную гару. Первое время по пріѣздѣ въ Меллоръ онъ жилъ въ трепетномъ ожиданіи, что старые друзья его отца вновь признаютъ его и простятъ ему его заблужденія. Разнаго рода примирительные планы мелькали въ его головѣ. Онъ покажетъ всѣмъ окружающимъ, что онъ хорошій сосѣдъ, вовсе не похожъ на своего полоумнаго брата Роберта. Прошлое такъ далеко назади; теперь онъ вполне почтенный и порядочный человѣкъ. Онъ былъ очень впечатлителенъ и чувствителенъ, и теперь иногда слезы выступали у него на глазахъ, когда онъ воображалъ себя вновь среди общества реабилитированнымъ, отчасти благодаря собственнымъ усиліямъ, отчасти благодаря прелестямъ и любезности жены и дочери. Вѣдь, послѣ такой катастрофы большинство людей свихнулось бы окончательно. А онъ, напротивъ того, исправился, не пилъ, не кутилъ и не покидалъ своей семьи. По правдѣ сказать, это воздержаніе происходило не отъ самообузданія, а отъ физической слабости и вялости, которыя съ годами все болѣе и болѣе овладѣвали имъ. Онъ замѣчалъ и нѣкоторые признаки того, что его расчеты не безосновательны. Такъ, его женщины дѣлаютъ свое дѣло. Въ то время, когда онъ получилъ оскорбительное письмо отъ лорда Максвеля, онъ узналъ, что Марчелла въ очень хорошихъ отношеніяхъ съ его внукомъ и наследникомъ. А сегодня утромъ онъ встрѣтилъ лорда Винтербурна и лорда Максвеля; они узнали его, остановились и пожали ему руку. И, наконецъ, они прислали свои карточки.

Вопреки мнѣнію Рэборна, мистеръ Бойсъ не согласенъ былъ удовлетвориться немногимъ. Польщенный вначалѣ поклономъ лорда Максвеля и Винтербурна, онъ потомъ раздумался о холодности и формальности ихъ тона. «Чортъ бы ихъ побралъ со всѣмъ ихъ факельствомъ!» Онъ досадовалъ на то, что они застали его врасплохъ, а то онъ не подаль бы имъ руки; въ будущемъ онъ покажетъ имъ, что онъ не согласенъ подбирать крохи, падающія съ ихъ стола.

Въ такомъ настроеніи для него было большимъ удовольствіемъ встрѣтить Уартона, опаснаго соперника кандидата Рэборновъ. Обыкновенно это мѣсто всегда занималось избранникомъ Максвеллей. Но теперь молодой Уартонъ приобрѣталъ все болѣе и болѣе сторонниковъ. Мистеръ Бойсъ радовался этому; хотя онъ былъ тори, но желалъ всяческихъ успѣховъ этому пріятному и почтительному молодому человѣку.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія Марчелла вышла изъ комнаты. Когда дверь затворилась за ней, мистрисъ Бойсъ взяла записку миссъ Рэборнъ и передала мужу.

— Они приглашаютъ Марчеллу и меня къ завтраку, — сказала она. — Я не поѣду, но пошлю ее.

Онъ прочиталъ записку, и она произвела на него совсѣмъ иное впечатлѣніе.

— Почему же ты не поѣдешь? — строго спросилъ онъ.

— Потому, что я совсѣмъ отвыкла выѣзжать, — сказала она спокойно, — и слишкомъ стара для того, чтобы опять привыкать.

— Какъ, ты хочешь сказать, что не намѣрена исполнять обязанности, которыя на тебя налагаетъ твое положеніе? — спросилъ онъ раздраженнымъ, повышеннымъ голосомъ.

— У меня только и есть обязанности по дому и по имѣнію; другихъ я не знаю. Къ чему мы будемъ мѣнять нашъ образъ жизни? Мы такъ хорошо устроились въ послѣднее время, и у меня нѣтъ никакой охоты рисковать тѣмъ, что приобрѣтено съ такими усилиями.

Онъ взглянулъ на нее быстрыми, мигающими глазами. Ея блѣдное, изящное лицо съ годами оказывало на него все болѣе сильное дѣйствіе: раздраженіе улеглось и смѣнилось унылымъ настроеніемъ.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ ты отпускаешь Марчеллу? Съ какой стати она будетъ ѣздить одна? Ее сочтутъ дурно воспитанной и будутъ относиться къ ней съ пренебреженіемъ.

— Это будетъ зависѣть отъ того, какъ повести дѣло. Я думаю, я съ умѣю это устроить. Женщинѣ всегда легко сослаться на нездоровье. Это будетъ понято такъ, что я не выѣзжаю, но кто-нибудь изъ нихъ — миссъ Рэборнъ или леди Винтербурнъ — все равно могутъ видѣть меня и Марчеллу здѣсь.

— Если бы дѣло шло о моемъ здоровьѣ, то это было бы гораздо болѣе правдоподобно, — сказалъ онъ со странною непослѣдовательностью. И, поднявъ свои отяжелѣвшія вѣки, онъ посмотрѣлъ на нее широко-раскрытыми глазами.

Она подошла къ нему.

— Тебѣ опять плохо сегодня? Почему ты не переодѣлся? Не послать ли за докторомъ Бларкомъ?

Она стояла сзади него и почти касалась его своими изящными руками, которыя онъ въ былыя времена любилъ украшать кольцами. Онъ почувствовалъ къ ней приливъ страсти. Онъ зналъ, что она приласкаетъ и поцѣлуетъ его, если онъ захочетъ; но онъ этого не хотѣлъ: онъ чувствовалъ, что прежняго страстного чувства она уже не можетъ ему дать.

Такая нравственная неудовлетворенность перешла у него въ физическое недомоганіе.

— Нѣтъ, Бларкъ мнѣ не поможетъ. Пойду и попробую справиться самъ, — и онъ всталъ и вышелъ.

Оставшись одна, мистрисъ Бойсъ положила руки на выступъ камина, наклонила на нихъ голову и въ такомъ положеніи оставалась довольно долгое время. Была полная тишина, ни откуда не доносилось ни звука. Здѣсь въ безмолвіи ночи ея гордая, надломленная душа искала умиротворенія и набиралась новыхъ силъ для перенесенія своей тяжкой доли.

«Я непременно поѣду къ нимъ, ради насъ всѣхъ, — думала Марчелла поздно вечеромъ, сидя у своего полуразвалившагося туалетнаго столика и расчесывая волосы. — Странно было бы намъ гордиться».

Она почувствовала приливъ тоски и горькой жалости къ отцу, матери и къ самой себѣ. Со времени осторожныхъ разоблаченій Рэборна, она часто поддавала этому настроенію, но сегодня послѣ разговора съ матерью это чувство жгучей тоски и стыда еще усилилось.

Но скоро сознаніе своей независимости и полной неприкосновенности ко всему, сдѣланному отцомъ, овладѣло ею; ей стало досадно на свою слабость и распущенность, и она рѣшительно стряхнула съ себя свое настроеніе.

«Конечно, мы не имѣемъ права держать себя гордо... Значитъ, все, что говорилъ Рэборнъ, вѣрно, а, можетъ быть, было и еще многое другое. Бѣдная, бѣдная мама! Но, тѣмъ не менѣе, изъ-за того не слѣдуетъ жить въ отчужденіи отъ всѣхъ, тѣмъ болѣе, что случилось такъ давно».

Она стояла и разсѣянно смотрѣла на свое отраженіе въ зеркало. Ея думы перенеслись на Рэборна. Онъ очень поторопился усилить ей; не можетъ быть сомнѣнія, что онъ интересуется ею. всѣмъ признакамъ можно заключить, что чувство его серьезно: если онъ сдѣлаетъ ей предложеніе?

При этой мысли легкая дрожь пробѣжала по ней. Больше всего ее радовала при этомъ возможность осуществить свои честолюбивыя мечты — имѣть въ своемъ распоряженіи судьбу людей и устроить ихъ счастье, приобрести довѣріе друзей, стать выдающеюся женщиной и достигнуть всего этого самымъ естественнымъ романическимъ способомъ; всѣ другіе пути казались ей непривлекательными, трудными и ходульными, пришлось бы работать вмѣстѣ или даже быть въ зависимости отъ людей, которые не способны понять ваши идеи.

Безъ сомнѣнія, если она выйдетъ замужъ за Рэборна, будутъ говорить, что она его на себѣ женила, ради его денегъ и общественнаго положенія. Пусть говорятъ. Низкіе люди, конечно, все будутъ объяснять въ дурную сторону; на нихъ не слѣдуетъ обращать вниманія. Тѣ, которые будутъ ея друзьями, хорошо поймутъ, для какихъ цѣлей ей нужно богатство, власть и поддержка такого человѣка и, вообще, это замужество. Ея реалистически-настроенное воображеніе не находило въ этомъ ничего шокирующаго, только бы окунуться поглубже въ жизнь, воспользоваться рѣдкою и блестящею возможностью дѣйствовать.

Она заложила руки за голову въ счастливомъ возбужденіи.

«Я возстановлю здѣсь забытое ремесло — плетеніе изъ соломы; я ихъ научу лучшимъ способамъ и дамъ имъ лучшіе образцы. Брестьянскія хижины должны быть перестроены. Папа охотно передастъ мнѣ на попеченіе деревню, если у меня будутъ деньги. Мы откроемъ приходское попечительство о бѣдныхъ, и Гарденъ примнуетъ къ намъ съ удовольствіемъ. Старикамъ мы будемъ выдавать пенсію и такимъ образомъ они не будутъ считаться тяжелымъ бременемъ, не будутъ находиться въ унижительной зависимости. Мы попробуемъ ввести коопераціи въ сельскомъ хозяйствѣ. И не въ одномъ только Меллорѣ: можно перестроить и преобразовать полграфства».

Затѣмъ въ ея памяти промелькнулъ цѣлый рядъ деревенскихъ типовъ и картинъ, которые она наблюдала сегодня во время своего обычнаго обхода вмѣстѣ съ Мэри Гарденъ. И среди этихъ воспоминаній она заснула, убаюкиваемая грѣзами, въ которыхъ Рэборнъ занималъ далеко не первое мѣсто.

VIII.

На другой день Марчелла прочитала въ мѣстной газетѣ, что въ сосѣднемъ мѣстечкѣ требуются работники, и она отправилась въ деревню къ Джиму Гордъ сообщить объ этомъ. Отворивъ

дверь въ хижину, она застала въ тѣсной комнатѣ цѣлое общество за чайнымъ столомъ. Хозяйка, мистрисъ Гордь, нѣсколько смутилась, увидавши Марчеллу, но тотчасъ пригласила ее войти и назвала своихъ гостей.

— Вотъ мистрисъ Брунтъ, она пришла помочь мнѣ выстирать бѣлье, а я тороплюсь окончить свое плетенье, чтобы завтра торговка могла отвезти его въ городъ. А это старикъ Паттонъ съ женой, — вы знаете ихъ, барышня? Они живутъ въ приходскомъ домѣ прирѣчья. А это мистрисъ Джеллисонъ, вы навѣрное о ней слышали: она извѣстная чудачка.

Мистрисъ Джеллисонъ, очень немолодая уже женщина, славилась въ деревнѣ своимъ остроуміемъ и теперь занимала всю компанію шутливыми разговорами.

Разговоръ шелъ о домашнихъ дѣлахъ и семейномъ положеніи присутствующихъ. Марчелла узнала, что мистрисъ Брунтъ недавно похоронила свою болѣзненную дочь, что зять мистрисъ Джеллисонъ, Уэсталь, былъ лѣсничимъ у лорда Максвеля, что онъ крутой, безсердечный человекъ и беспощадно преслѣдуетъ охоту въ заповѣдныхъ рощахъ.

— А развѣ многіе изъ этой деревни охотятся на недозволенныхъ мѣстахъ? — спросила Марчелла.

Водворилось мертвое молчаніе. Всѣ смотрѣли на Марчеллу недовѣрчиво и не произносили ни слова.

Марчелла вспыхнула.

— Ахъ, пожалуйста, не думайте, что я хочу что-нибудь вывѣдать и что я кому-нибудь передамъ, что услышу здѣсь! Я знаю, что изъ-за охоты происходитъ много неудовольствій и ссоръ, и мнѣ просто хотѣлось бы знать, какъ народъ смотритъ на это дѣло.

Такъ какъ всѣ продолжали молчать, Марчелла обратилась къ старику Паттону:

— Скажите, пожалуйста, если вы не знаете, какъ происходитъ теперь, то какъ было раньше, при моемъ дѣдѣ? Такъ же ли строго преслѣдовалась недозволенная охота? Часто ли бывали столкновения и драки съ лѣсниками, и, вообще, какъ вы думаете, охотятся ли здѣшніе крестьяне изъ нужды или ради спорта?

Отвѣтъ Паттона выражалъ, что отчасти молодые крестьяне охотятся изъ-за спорта, другіе, семейные, отъ нужды, наконецъ, нѣкоторые изъ-за того, чтобы получить долю участія въ благахъ, которыми пользуются богатые. Въ этомъ послѣднемъ пунктѣ въ старикъ сказался радикалъ былыхъ временъ.

Марчелла горячо подтвердила справедливость послѣдняго требо-

ванія и сказала негодующую рѣчь противъ ненормальностей современнаго общественнаго строя.

Вопреки непосредственному впечатлѣнію, Паттонъ смотрѣлъ на Марчеллу съ недоумѣніемъ. Извѣстно, что отецъ ея скупъ и безчеловѣченъ; съ тѣхъ поръ, какъ онъ владѣетъ Меллоромъ, онъ не сдѣлалъ никакого улучшенія въ положеніи крестьянъ; три раза съ него брали штрафъ за дурное содержаніе крестьянскихъ жилищъ, и онъ ни гроша не истратилъ на деревню, исключая тѣхъ крохъ пищи, которыя молодая барышня приноситъ и раздаетъ въ деревнѣ. Къ чему она теперь допрашиваетъ ихъ о запрещенной охотѣ? Не можетъ быть, чтобъ она не знала, что деревня Меллоръ такъ разорена, что изъ нея выходятъ охотники и въ сосѣднія имѣнія, и лѣсники лорда Максвелла и лорда Винтербуерна хорошо знаютъ, что похитителей дичи нужно искать въ Меллорѣ. Очевидно, она выпытываетъ у нихъ. И онъ замолчалъ, какъ ни старалась мистрисъ Джеллисонъ вызвать его на разговоръ.

А, между тѣмъ, Марчелла была возбуждена мыслью, что всѣ эти старые, увѣчные люди прожили свою жизнь при тяжелыхъ условіяхъ и не увидятъ лучшихъ временъ, которыя, конечно, скоро должны наступить. Но удивительно: несмотря на скудный заработокъ, на постоянную тяжелую работу, лишенія, болѣзни, потерю дѣтей, эти люди могутъ отъ души шутить, болтать и смѣяться даже надъ собственными несчастіями, собравшись вмѣстѣ за чашкой чая у сосѣда.

Огонь едва мерцалъ; его красноватый свѣтъ дрожалъ на темныхъ фигурахъ стариковъ.

Кто-то постучалъ въ дверь. Мистрисъ Гордъ встала отпереть.

— Мама, я пришла проводить тебя, если ты собираешься домой, — послышался рѣзкій голосъ.

Это была мистрисъ Уэсталь, дочь мистрисъ Джеллисонъ. Марчеллу поразило то, что она вошла и никому не поклонилась, а мистрисъ Гордъ, какъ только увидала ее, тотчасъ повернулась къ ней спиной и отошла въ противоположный уголъ комнаты.

Мистрисъ Джеллисонъ съ дочерью вышли, вскорѣ за ними ушли и остальные гости. Марчелла осталась наединѣ съ хозяйкой.

— Благодарю васъ, милая барышня, благодарю васъ, — сказал мистрисъ Гордъ, отирая фартукомъ выступившія слезы, когда Марчелла показала ей объявленіе въ газетѣ. — Конечно, мужъ пойдетъ навѣдаться. Только я не думаю, чтобъ изъ этого что-нибудь вышло.

И вдругъ эта терпѣливая, покорная женщина не выдержала: разразилась рыданіями.

— Ахъ, какъ мнѣ хотѣлось бы умереть! Да чтобъ и дѣти умерли со мной!

Марчелла наклонилась къ ней, охваченная состраданіемъ, и старалась утѣшить и ободрить ее. Мистрисъ Гордъ нѣсколько оправилась и сказала, что мужъ ея сегодня еще до разсвѣта отправился на одну ферму, гдѣ, какъ онъ слышалъ, есть работа.

— Но онъ не получить работы, навѣрное, не получить, — сказала она, сжимая руки съ видомъ отчаянія. — Мы ужъ такіе неудачники.

Въ это время послышались шаги, мистрисъ Гордъ отворила дверь, и на порогѣ показалась коротенькая фигурка калѣки съ большою головой и рыжими волосами; онъ былъ весь забрызганъ грязью и, очевидно, утомленъ отъ долгой ходьбы.

Онъ остановился и вглядывался въ темноту.

— Это миссъ Бойсъ, Джимъ, — сказала его жена. — Ты нашелъ что-нибудь?

— Ничего, — коротко отрѣзалъ онъ и опустился на стулъ.

Онъ слегка кивнулъ головой Марчеллѣ, которая, очевидно, ожидала поклона. Съ самаго своего пріѣзда Марчелла принимала постоянное участіе въ его семьѣ. Она часто заходила къ нимъ, старалась войти въ ихъ жизнь, находя ее чуждой и, вмѣстѣ, любопытной. Она скоро открыла или вообразила, что Гордъ гораздо образованнѣе своихъ односельчанъ. Во всякомъ случаѣ, онъ охотно слушалъ ея разсужденія о политическихъ и общественныхъ вопросахъ, сидя около нея и покуривая трубку, и хотя онъ большею частью молчалъ, Марчелла была увѣрена, что онъ всегда радъ ея приходу и читаетъ тѣ газеты и брошюры, которыя она приноситъ.

Но сегодня его хмурое, усталое лицо, блуждающіе глаза, плотно сжатые губы и раздутыя ноздри показывали, что онъ недоволенъ ея присутствіемъ.

Марчелла, задавшаяся цѣлью устроить ихъ жизнь, была оскорблена такимъ отношеніемъ къ ней и, вопреки его нѣмому протесту, не уходила, а продолжала спрашивать и давать совѣты. Что касается газеты съ объявленіемъ, онъ отложилъ ее въ сторону, чтѣ не посмотрѣвши. «Тамъ до него уже успѣетъ побывать сто повѣкъ», — все, что онъ сказалъ на это. Затѣмъ Марчелла спрашала, справлялся ли онъ у управляющаго экономіей лорда Максвелла, нѣтъ ли тамъ работы. Онъ не отвѣчалъ, а мистрисъ Гордъ, кто замѣтила, что хотя тамъ зимой будетъ новый наборъ работы, но всѣ мѣста, конечно, будутъ заняты своими.

— Но, вѣдь, теперь началась охота на фазановъ; имъ, несо-

миѣнно, понадобятся лишніе люди для этого. Я пойду и спрошу Уэстала, — я съ нимъ немножко знакома.

Мистрисъ Гордъ сдѣлала испуганное движеніе, а мужъ ея ментально вскочилъ съ мѣста.

— Благодарю васъ, барышня, не извольте беспокоиться. Я не желаю имѣть никакого дѣла съ Уэсталею.

Марчелла съ удивленіемъ смотрѣла то на того, то на другого.

— Я расскажу, Джимъ, — заговорила, наконецъ, мистрисъ Гордъ. — Я знаю, что миссъ Бойсъ пойметъ, какъ слѣдуетъ...

Джимъ Гордъ быстро обернулся и пристально посмотрѣлъ на жену. Но она настаивала на своемъ.

— Видите ли, барышня, Джимъ и Джорджъ Уэсталь въ ссорѣ между собой. Когда Джимъ былъ мальчикомъ, онъ работалъ вмѣстѣ съ Джорджемъ въ Меллорѣ, подъ руководствомъ отца Джорджа. Джорджъ всегда наущничалъ, доносилъ и возстановлялъ своего отца противъ тѣхъ, которые ему не уступали. И вотъ онъ однажды поступилъ безсовѣстно съ Джимомъ... Джимъ, я расскажу! Почему ты не хочешь?

Въ это время Джимъ всталъ, строго посмотрѣлъ на жену, затѣмъ сердито повернулся и вышелъ изъ хижины въ садъ.

Мистрисъ Гордъ въ волненіи помолчала нѣсколько времени, затѣмъ сказала:

— Онъ не можетъ выносить разговора объ Уэсталь. Это его раздражаетъ до безумія.

— Но, вѣдь, это случилось очень давно? — спросила Марчелла.

— Да, давно, но такія вещи не забываются, барышня. И, кромѣ того, Уэсталь и до сихъ поръ остался такимъ же, какимъ былъ. О, чего-чего только ни позволялъ себѣ Уэсталь по отношенію къ Джиму! Онъ бранилъ, толкалъ его, иногда принимался бить и колотилъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не приходилъ и не отнималъ его. Потомъ онъ ябедничалъ своему отцу на него, и вотъ однажды старикъ Уэсталь избилъ Джима ремнемъ до полусмерти изъ-за клеветы Джорджа. Бѣдняга пролежалъ цѣлый день въ канавѣ, потому что онъ не могъ ходить, а ночью онъ приползъ домой на четверенькахъ. И послѣ того онъ больше не ходилъ на работу

— И онъ никому не жаловался? — спросила Марчелла съ негодваніемъ.

— Какой же былъ бы толкъ изъ этого? — сказала мистрисъ Гордъ. — Ему никто бы не повѣрилъ. Онъ пришелъ и рассказалъ все мнѣ. Я въ это время жила въ горничныхъ у леди Ливенъ, онъ и его отецъ были дружны съ нашею семьей. По воскресеньямъ

Джорж Уэсталь любил гулять со мной, былъ чрезвычайно любезенъ, приносилъ моей матери кроликовъ и исполнялъ все, чего я ни попрошу. Я и сказала ему, что это — звѣрство такъ поступать съ больнымъ товарищемъ, который не можетъ ему отплатить. Это ему было очень неприятно, а когда Джимъ сталъ проводить со мной воскресенья, то это его бѣсило все больше и больше. А потомъ Джимъ присватался ко мнѣ, и я согласилась. Вы понимаете теперь, барышня, почему Джимъ не желаетъ имѣть никакого дѣла съ Уэсталемъ?

Марчелла отвѣтила утвердительно.

— Я могу поговорить съ однимъ человѣкомъ, — сказала она, собираясь уходить и набрасывая на себя накидку. — И я непременно это сдѣлаю. — Противъ воли она слегка покраснѣла. — А теперь вы не отчаивайтесь. Повѣрьте мнѣ, я что-нибудь сдѣлаю.

И она пожала руку мистрисъ Гордъ съ ласковою улыбкой.

Когда Марчелла вышла, мистрисъ Гордъ подошла къ огню и поправила его, постоянно вздыхая; лицо у нея было заплаканное и грустное.

Дверь отворилась и вошелъ Джимъ съ нѣсколькими картофелинами въ запачканныхъ землею рукахъ.

— Ты хочешь разогрѣть кусочекъ зайца? Отлично, поскорѣе, потому что я страшно голоденъ. Чего она такъ долго торчала здѣсь? Ну, скорѣе! Я раздую огонь, — чортъ бы побралъ этотъ хворостъ, весь мокрый, словно вытасченъ изъ воды!

Тѣмъ не менѣе, черезъ минуту она замѣтила, что онъ успокоился и пришелъ въ лучшее настроеніе.

— Что ты рассказала ей? — рѣзко спросилъ онъ.

— Чтò, ты думаешь, я ей рассказала? Я старалась устроить, какъ лучше. Я всегда думаю о тебѣ, — сказала она со слезами въ голосъ. — Намъ, пожалуй, скоро будетъ еще хуже, — хуже, чѣмъ теперь.

Онъ держалъ въ рукахъ старые мѣхи и задумчиво смотрѣлъ въ огонь. Уродливый, запачканный грязью, съ голубыми глазами, смуглою морщинистою кожей и съ каймой рыжихъ волосъ, онъ имѣлъ видъ страннаго гнома.

— Ей-Богу, я не понимаю, о чемъ ты хлопочешь, — сказалъ послѣ нѣкотораго промежутка. — Мнѣ вовсе не плохо живется, и бы ты только не гоняла меня понапрасну каждый день. Не бшивайся, пожалуйста, я съумѣю и безъ твоихъ хлопотъ заработать достаточно для тебя и дѣтей. А сама не волнуйся и приживай свой языкъ.

— Что же я буду дѣлать съ дѣтьми, Джимъ, когда тебя посадятъ въ тюрьму?—съ жаромъ проговорила она.

— Меня не возьмутъ въ тюрьму, успокойся. Тѣмъ не менѣе, сегодня утромъ Уэсталь поймалъ меня.

За этимъ послѣдовалъ крикъ ужаса и дикій взглядъ, устремленный на него; всего этого онъ ожидалъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ потупился. Грубость его была притворная: онъ употреблялъ ее какъ маску, чтобы жена не приставала къ нему и не мѣшала ему идти своею дорогой.

— Ну, не трусь: я вовсе не такъ простъ, чтобы попасться Уэсталу. Я скорѣе застрѣлю его или себя. Онъ засталъ меня, когда я осматривалъ силокъ, — былъ туманъ, и я не замѣтилъ, какъ онъ подошелъ ко мнѣ. Это было у самой тропинки, и силокъ былъ не мой. «Джимъ, другъ мой, — сказалъ онъ насмѣшливо, — мнѣ очень грустно, но я долженъ тебя обыскать, ужь не взыщи». Я ничего не сказалъ, стоялъ смиренно, и онъ съ злорадствомъ запустилъ свои безобразныя лапы ко мнѣ въ карманы. И что, ты думаешь, онъ тамъ нашелъ?

— Что?—сказала она, едва переводя духъ.

— Ничего!—и онъ разсмѣялся.—Я спряталъ двухъ кроликовъ, которыхъ убилъ прошлою ночью, и всѣ свои снасти въ канаву далеко отъ тѣхъ мѣстъ, которыя онъ обхаживаетъ. Тогда я посмѣялся ему въ глаза и сказалъ: «Я подамъ на тебя въ судъ за напрасное нападеніе и драку, проклятое животное!»—и ушелъ. Не бойся, я не попадусь ему въ руки!

Но мистрисъ Гордъ не успокоилась, она продолжала ныть и жаловаться. Онъ не обращалъ на нее вниманія, сидѣлъ у огня и думалъ. Третьяго дня въ кабакъ ему предложили вступить въ извѣстную шайку браконьеровъ, которая намѣтила себѣ заказное мѣсто для охоты на фазановъ, находившееся какъ разъ въ участкѣ Уэстала, — предложили ему быть тамъ сторожемъ. Хотя это было очень опасное дѣло, но послѣ того, какъ онъ проработалъ въ полѣ весну и лѣто, его тянуло къ его любому занятію охотой.

Всхлипыванія жены заставили его съ сердцемъ обернуться къ ней.

— Ну, скажи, что бы ты съ дѣтьми дѣлала, еслибъ я охотился? Вѣдь, вы бы всѣ подошли съ голоду! Развѣ не правда?

— Я боюсь только одного, что Уэсталь или Дженгинсъ (мѣстный полицейскій) засадятъ тебя въ тюрьму; отъ этой мысли у меня кровь стынетъ въ жилахъ. Никто изъ нашего рода никогда не

дѣль въ тюрьмѣ, и если это случится съ тобой, я просто умру отъ стыда.

— Ты бы лучше взяла и почитала газеты, которыя она принесла,—и онъ указаль пальцемъ по направленію къ Меллору,—ты тамъ нашла бы кое-что о томъ, что стыдно имѣть такіе законы объ охотѣ, а вовсе не нарушать ихъ. Однако, мнѣ все это надоѣло. Гдѣ дѣти?

И онъ отворилъ дверь и сталъ смотрѣть на улицу. А мистрисъ Гордъ старалась овладѣть собой, утерла слезы и пыталась заставить себя быть веселой. Но ей было очень тяжело. Она происходила изъ хорошей семьи и была лучшаго воспитанія, чѣмъ ея мужъ. Многіе годы послѣ свадьбы онъ во всемъ подчинялся ей. Онъ былъ необыкновенно кротокъ, трудолюбивъ, былъ нѣжнымъ отцомъ и мужемъ. Ссора съ Уэсталею, повидимому, вышла у него изъ головы, по крайней мѣрѣ, онъ никогда не вспоминалъ о ней. Скудный заработокъ, частыя дѣти, дурныя санитарныя условія ихъ жилья,—все это превращало ихъ жизнь въ постоянную, трудную борьбу. Но онъ сносилъ свою участь терпѣливо, и оба они были счастливы.

Все такъ шло до послѣдней зимы, когда фермеры окончательно разорились, и наиболѣе сильные и здоровые люди отправились на заработки въ Лондонъ, а Гордъ пошелъ однажды и поймалъ зайца на землѣ Меллора. Онъ никогда не забудетъ той животной радости, которую испытали они всѣ, голодные, поѣдая зайца, а потомъ слѣдующей ночи, когда онъ принесъ три шиллинга, продавши мѣстному скупщику зайца и двухъ броликовъ.

Но послѣ первыхъ восторговъ на жену нашель страхъ, такъ какъ въ Гордѣ проснулась его старинная страсть къ охотѣ. Онъ сдѣлался какимъ-то возбужденнымъ, несговорчивымъ. Скоро Меллоръ уже пересталъ удовлетворять его, ибо тамъ, послѣ смерти Гарольда, сторожа были распущены и дичь вся перебита. Ему захотѣлось попробовать охоты на землѣ лорда Максвелля. Здѣсь-то онъ и столкнулся со своимъ старымъ врагомъ Уэсталею, который былъ на службѣ у лорда Максвелля, и онъ искусно организовалъ охоту отъ браконьеровъ. Ему скоро стало извѣстно, что Гордъ воруетъ дичь у него.

Гордъ умѣлъ такъ хитро плутовать, что Уэсталь тщетно его преслѣдовалъ. Между тѣмъ, старая вражда вновь возгорѣлась. Эту зиму Гордъ началъ сильно пить; это было необходимо, чтобы поддѣлать добрыя отношенія со скупщиками дичи, и Горду казалось, что Уэсталь слѣдитъ за нимъ даже въ притонахъ и кабакахъ.

Этотъ большой, толстый, самодовольный человѣкъ обращался къ нему грубо-покровительственнымъ тономъ, и ненависть къ нему Горда все росла и приняла чудовищные размѣры. Браконьерство стало для него не только средствомъ пропитанія, но также и местию этому тирану его дѣтскихъ лѣтъ.

Теперь онъ стоялъ у открытой двери и звалъ дѣтей:

— Вилли! Дэзи! Нелли!

Двѣ маленькія фигурки пробѣжали по улицѣ, а третья, запыхавшись, тоже торопилась за ними.

Дѣвочки, смѣясь и болтая, подбѣжали къ матери, а мальчишка отецъ взялъ на руки.

— Гдѣ ты былъ, Вилли? Зачѣмъ ты гуляешь по такой сырости? Я принесъ тебѣ цѣлый карманъ орѣховъ и еще кое-чего вкуснаго.

Онъ поднесъ его къ пню и посадилъ къ себѣ на колѣни. Маленькій, худенькій мальчишка съ наслажденіемъ щелкалъ орѣхи или жевалъ ломтики груши. Вся семья собралась и съ нетерпѣніемъ ждала, когда будетъ готовъ ужинъ: запахъ лука и жаренаго зайца возбуждалъ аппетитъ. Семейныя чувства и удовлетвореніе самыхъ простыхъ физическихъ потребностей—въ этомъ состоитъ счастье бѣдняка, и Горды въ эту минуту чувствовали себя счастливыми.

А, между тѣмъ, Марчелла, проходя уединенною тропинкой домой, встрѣтила высокаго, широкоплечаго человѣка съ ружьемъ за плечами и съ собакой, карманы оттопырились у него съ обѣихъ сторонъ, онъ имѣлъ побѣдоносный видъ и слегка приподнял шляпу, когда проходилъ мимо нея.

Марчелла кивнула головой.

«Тиранъ и забіака!—подумала она, вспоминая разсказъ мистрисъ Гордъ.—Несомнѣнно, онъ очень нужный человѣкъ для лорда Максвелля, и тому не хотѣлось бы лишиться его. Наши порядки создаютъ такихъ людей и только держатся ими».

Топотъ лошадей прервалъ ея мысли. Маленькая, не молодая уже барышня въ широкополой шляпѣ проскакала мимо нея въ сумракѣ и поклонилась. Для Марчеллы это было такъ неожиданно, что она едва отвѣтила на поклонъ. Посмотрѣвши вслѣдъ экипажу, она узнала миссъ Рэборнъ.

— До завтра!

А.

(Продолженіе слѣдуетъ).

С Ч А С Т Л И В Ы Й.

(Разсказъ).

I.

Стоялъ нестерпимо жаркій лѣтній день. Даже отъ моря вѣяло не прохладой, а теплою, какъ отъ огромнаго котла съ нагрѣтою водой. На небѣ ни облачка. Воздухъ разрѣженъ и Богъ знаетъ какъ далеко видны плывущія по гладкой, невозмутимой поверхности моря суда, съ высоко поднятыми бѣлѣющими парусами. Въ двухъ верстахъ отъ дачнаго мѣста, носившаго названіе «Золотые Пески», отъ земли поднимался широкій туманный столбъ, въ нѣдрахъ котораго открывались неясно очерченныя зданія большого города, съ церковными колокольнями, съ пожарными каланчами, съ ровными, хорошо вымощенными улицами, усаженными цвѣтущими акаціями, а по краямъ этого столба, гдѣ облако было не такъ густо, виднѣлись безпорядочно разсыпанные маленькіе, хилые домики предмѣстій, окружавшихъ городъ съ трехъ сторонъ съ суши. И слышался оттуда, изъ этого туманнаго царства, непрерывный, пеумолкающій смѣшанный гулъ человѣческихъ голосовъ, стукъ экипажныхъ колесъ, катящихся по гранитной мостовой, шумъ дѣятельной, суетливой жизни большого города.

А здѣсь было тихо, какъ будто поселокъ былъ давно оставленъ людьми и омертвѣлъ. Ни малѣйшаго звука, ни движенія. Въ красиль, пестрыхъ, вычурныхъ дачахъ ставни были наглухо притворены. Мирныя дачники попрятались отъ жары и слишкомъ яркаго нечнаго свѣта. Только мальчишки безъ рубашенокъ бѣгали по желтому песку морского берега, отыскивая въ немъ краснораквины, то погружаясь въ воду, то ложась въ горячій песокъ и наслаждаясь теплою. Было около двухъ часовъ дня.

этотъ часъ дня по широкому, гладкому шоссе, направляясь

отъ города, быстрою походкой шелъ небольшой человѣкъ. Издали онъ походилъ на какую-то ярко-желтую птицу. Онъ былъ весь въ парусинѣ, не исключая и фуражки и даже мелвихъ полуботинокъ, выше которыхъ подъ короткими брюками открывались пестрые чулки. На ходу онъ суетливо размахивалъ руками; съ лица его катилась потъ. Узкая сѣденькая борода торчала впередъ; въ маленькихъ глазкахъ игралъ безпокойный, но не тревожный блескъ. Довольно крупный носъ, почти безъ переносицы, съ легкою горбинкой, выражалъ энергію. Съ шоссе онъ повернулъ въ небольшой переулокъ къ морю и остановился у красивыхъ, массивныхъ желѣзныхъ воротъ, на которыхъ стояла отчетливая надпись золотыми буквами: «Дача дѣйствительнаго статскаго совѣтника Виктора Сергѣевича Гайдукова». Обширный садъ былъ обнесенъ высокою чугунною рѣшеткой. Собственно дача не была отсюда видна, она скрывалась за густыми деревьями сада, изъ-за которыхъ выглядывали только двѣ башенки со шпицами. По тщательно утрамбованнѣмъ, хорошо окопаннымъ широкимъ аллеямъ, какъ тѣни, бродили люди, то въ бѣлыхъ длинныхъ фартукахъ, то въ пиджакахъ, то въ коротенькихъ курткахъ, то просто въ жилеткахъ, повидимому, слуги, страдавшіе и отъ жары, и оттого, что имъ нечего было дѣлать. Красивый рыжій сетеръ перебѣгалъ отъ одного къ другому, онъ тоже страдалъ отъ жары и разыскивалъ наиболѣе тѣнистое, прохладное мѣсто. Маленькій человѣкъ не безъ труда отворилъ тяжелую калитку и вошелъ въ садъ. Люди, которымъ нечего было дѣлать, тотчасъ же всѣ заинтересовались этимъ явленіемъ и повернулись къ нему. А онъ подошелъ къ первой попавшейся скамейкѣ, сѣлъ, вынулъ изъ кармана платокъ и началъ вытирать вспотѣвшее лицо.

— А что, — какъ бы между прочимъ, скороговоркой спросилъ онъ подошедшаго къ нему бритаго лакея, въ коротенькой курткѣ, — его превосходительство дома?

— Да они въ этотъ часъ не принимаютъ, — отвѣтилъ лакей.

— Ихъ примутъ, — замѣтилъ издали старый лысый слуга въ бѣломъ фартукѣ, и произнесъ онъ это такимъ тономъ, въ которомъ слышалось какъ бы удивленіе, что ихъ превосходительство, да въ такіе часы, все-таки, примутъ этого маленькаго человѣка, котораго и ботинки не блещутъ глянецомъ и искривлены какъ — ? внутрь, и брючки коротки, и обшивка по краямъ парусиннаго пиджака потрепана. Все это изумляло его и, тѣмъ не менѣе, онъ былъ убѣжденъ, что ихъ превосходительство непременно примутъ этого страннаго, неказистаго гостя.

Люди, которымъ нечего было дѣлать, въ сущности, даже были рады появленію гостя. Все-жь-таки имъ пришлось произвести нѣкоторыя обязательныя движенія, — надо бы подойти къ дачѣ, сообщить швейцару, который скажетъ камердинеру, а кромѣ того представился случай поговорить о странномъ, непонятномъ капризѣ его превосходительства, который въ эти часы не принялъ бы самого губернатора и охотно принималъ невзрачнаго маленькаго человѣка.

Викторъ Сергѣевичъ Гайдуковъ уже около получаса ходилъ по обширнымъ высокимъ комнатамъ своей дачи въ верхнемъ этажѣ. Вернувшись изъ благотворительнаго учрежденія, гдѣ онъ часа два проскучалъ надъ чтеніемъ входящихъ бумагъ, которыя его не интересовали, а также выслушиваньемъ и подписываньемъ бумагъ исходящихъ, которыя интересовали его нисколько не болѣе, онъ переодѣлся въ свой необыкновенный пестрый домашній костюмъ и спускался дома, выжидая, пока пройдетъ самая жаркая пора дня. Это было нужно ему не для того, чтобы заниматься какимъ-нибудь неотложнымъ дѣломъ, а единственно для того, чтобы легче было дышать. Пять большихъ, высокихъ комнатъ, идущихъ вряду, были совершенно достаточны для этой цѣли. Внизу разстилалось море съ низкимъ золотистымъ берегомъ; онъ часто останавливался у окна и глядѣлъ вдаль. Когда ему это надоѣдало, онъ садился въ кресло и смотрѣлъ въ потолокъ, тихонько барабани пальцами по рѣзной ручкѣ. Но и это скоро надоѣдало ему, тогда вдругъ ему начинало казаться, что въ головѣ его родилась важная мысль, онъ протягивалъ руку къ пуговкѣ звонка и надавливалъ ее. Почти въ тотъ же мигъ появлялся слуга.

— Приказалъ ли ты, Сидоръ, садовнику завтра утромъ нарѣзать букетъ для губернаторши? — спрашивалъ онъ съ такимъ видомъ, какъ будто рѣчь шла о необыкновенно важномъ дѣлѣ.

— Тотъ же часъ приказалъ, ваше превосходительство, какъ изволили сказать, — отвѣчалъ слуга почтительно и серьезно.

— Гм... Хорошо... Ступай!

И ему, прежде чѣмъ ушелъ слуга, становилось уже ясно, что за этого не стоило его звать. А время шло медленно, какъ бы всегда, когда человѣкъ не знаетъ, куда дѣвать его. Солнце никогда не торопясь, плыло по небу и внизу въ каждомъ листѣ, въ каждой травкѣ въ саду, въ каждой песчинкѣ на берегу была видна истома отъ палящаго зноя. Гайдуковъ опять поднялся и опять ходилъ по комнатамъ и глядѣлъ въ окно, и вновь садился въ кресло, и вновь надавливалъ пуговку и справлялся у

лакая о чемъ-нибудь совершенно ненужномъ и, получивъ отъ него удовлетворительный отвѣтъ, тоскливо зѣвалъ.

Часовъ около двухъ въ комнатѣ, гдѣ Гайдуковъ стоялъ у окна и глядѣлъ на море, появилось новое лицо, но это былъ не гость, а, очевидно, свой человѣкъ, потому что одѣтъ онъ былъ по-домашнему и на ногахъ его были, расшитыя шелкомъ, пестрыя туфли. Гайдуковъ даже не слышалъ, когда именно онъ вошелъ, и съ удивленіемъ поднялъ глаза, увидѣвъ передъ собой высокую, стройную фигуру племянника.

— А, ты, наконецъ, проснулся! — воскликнулъ онъ и на губахъ его заиграла ироническая усмѣшка. — Нельзя сказать, чтобы рано.

— За то я легъ рано, милый дядя, — сказалъ племянникъ.

— Это какъ?

— Ровно въ восемь часовъ. У вашего подъѣзда стояла коляска, вы собирались выѣхать въ городъ.

Онъ сѣлъ въ кресло, потянулся и пригладилъ свои рѣдкіе волосы, съ необыкновенно глубокими заливками надъ высокимъ бѣлымъ лбомъ. У него было красивое, блѣдное, истомленное лицо, съ морщинками вокругъ глазъ, на лбу и надъ углами рта, съ тщательно выбритыми щеками и подбородкомъ, съ густыми темными усами. Въ голосѣ его было что-то мужественное, твердое, во взглядѣ большихъ, красивыхъ глазъ много самоувѣренности.

— Что за невѣроятный образъ жизни! Ты разъ на всегда превратилъ день въ ночь и ночь въ день!

— Да, вѣдь, это очень скучно, дядя, когда ночь идетъ за ночь, а день за день, вотъ какъ у васъ, напримѣръ. Вѣдь, вы смертельно скучаете. Ахъ, — протянулъ онъ, откинувшись на спинку развалистаго кресла, вытянувъ передъ собой ноги и мечтательно закрывъ глаза, — еслибъ я былъ на вашемъ мѣстѣ, если бы ваши три милліона были моими!

— О, они давно перестали бы быть твоими, а принадлежали бы содержателямъ ресторановъ, кафешантаннымъ пѣвицамъ и коткамъ! — съ лѣнивымъ, какимъ-то безжизненнымъ, усталымъ смѣхомъ замѣтилъ Гайдуковъ.

Молодой человѣкъ морывисто выпрямился въ креслѣ и хлопнулъ себя ладонью по колѣну.

— Пусть такъ! Что же изъ этого? По крайней мѣрѣ, у меня было бы пріятное впечатлѣніе, я зналъ бы, что моя жизнь горѣ на настоящемъ горячемъ огнѣ. Я, быть можетъ, оставшись съ о нимъ рублемъ въ карманѣ, ощущалъ бы эти три милліона въ иг

шломъ, въ каждомъ моемъ вздохѣ, въ каждомъ биеніи моего сердца. А то, вѣдь, это что? Вы обладатель трехъ милліоновъ и чѣмъ же ваша жизнь отличается отъ жизни перваго встрѣчнаго чиновника, доктора, профессора, мелкаго буржуа, который живетъ на грошевые доходы или заработки? Право, не стѣдуетъ быть милліонеромъ, чтобы вести такую жизнь. И вамъ скучно, дядя, право же вамъ очень скучно!

— Ну, хорошо, ты кончаешь свою ночь въ восемь часовъ утра и начинаешь свой день въ три часа... Но, вѣдь, все равно, тебѣ точно также скучно. Разница только въ томъ, что я начинаю скучать въ восемь часовъ утра, а ты въ три часа дня.

— Совсѣмъ нѣтъ, разница совсѣмъ въ другомъ: вы проводите скучный день и у васъ рѣшительно ничего нѣтъ впереди, кромѣ такого же скучнаго дня, а я, проведя веселую ночь, мечтаю о слѣдующей, такой же веселой ночи.

— И на повѣрку выходитъ, мой другъ;— съ усмѣшкой промолвилъ Гайдукъ, — что если моя жизнь скучна, то твоя пуста. Право, не знаю, что лучше.

— Можетъ быть, и пуста, но меня она достаточно занимаетъ. А занимаетъ ли это другихъ, мнѣ это рѣшительно все равно, потому что, вѣдь, и другимъ до меня тоже рѣшительно все равно.

Племянникъ зѣвнулъ, а дядя поднялся съ кресла и опять заходилъ по комнатамъ. Они провели вмѣстѣ не болѣе пяти минутъ и уже надоѣли другъ другу. Имъ больше не о чемъ было говорить.

Вошелъ лакей и доложилъ:

— Ваше превосходительство, тамъ господинъ Рябченко пришелъ.

— Ага, Рябченко! — съ какою-то веселою живостью произнесъ Гайдукъ и сталъ даже потирать руки, видимо съ удовольствіемъ. — Ну, давай его сюда!

Въ глазахъ у лакея промелькнуло изумленіе, онъ какъ бы хотѣлъ сказать, но не смѣлъ: «И что въ немъ, въ этомъ маленькомъ человѣчкѣ, для васъ любопытнаго, ваше превосходительство?» Но, вмѣсто того, онъ сказалъ: «Слушаю-съ!» — и удалился.

— Вотъ тоже черта, — заговорилъ молодой человѣкъ, покачнулся въ креслѣ. — Повидимому, вы такъ охотно принимаете этого повѣга потому, что онъ много говоритъ и, такимъ образомъ, занимаетъ ваше время ни на что ненужными словами. Вы даже ошались, вы, ваше превосходительство, первый богачъ въ городѣ, среди которыхъ всѣ снимаютъ шапку и считаютъ за честь позвать

вашу руку, вы рады, что какой-то господинъ Рябченко сдѣлалъ вамъ честь своимъ посѣщеніемъ.

— Ты не ошибся, — я всегда радъ этому человѣку.

— Но почему?

— Потому что вижу въ немъ широту мысли, дѣятельность и искренность. Это такъ рѣдко встрѣчается.

— Очень вамъ это нужно!

— Да, очень нужно, — коротко сказала Гайдуковъ и пошелъ на встрѣчу вошедшему Рябченкѣ. — А, Рябченко, Рябченко, очень радъ васъ видѣть! — съ замѣтною живостью восклицалъ онъ, протягивая ему, однакожь, не правую, а лѣвую руку. — Ну-те, ну-те, расскажите что-нибудь новенькое! У васъ, вѣдь, вѣчно голова полна новыми идеями. Садитесь!

— Бѣ сожалѣнію, ваше превосходительство, изъ этихъ моихъ идей ничего не выходитъ, — сказалъ Рябченко, скромно садясь на предложенный стулъ и мелькомъ поклонившись молодому человѣку.

— Вы развѣ не знакомы? — спросилъ Гайдуковъ. — Вотъ господинъ Рябченко, мой другъ и собесѣдникъ, а это мой племянникъ Сергѣй Николаевичъ Любощинскій, сынъ моей покойной сестры.

— Я имѣлъ честь однажды... — скромно кланяясь, промолвилъ Рябченко, а Сергѣй Николаевичъ иронически перебилъ его и, кланяясь ему какъ-то свысока, повернувъ въ его сторону только голову, сказалъ:

— Да, я тоже имѣлъ честь однажды...

— Какъ же вы говорите, что ничего не выходитъ, — поспѣшно заговорилъ Гайдуковъ, видимо стараясь сгладить грубость своего племянника, — а вашъ садъ, развѣ это не осуществленная идея?

— Ваше превосходительство, мой садъ дѣйствительно великая идея, — съ горячимъ убѣжденіемъ отвѣтилъ Рябченко, — но, чтобъ устроить его какъ слѣдуетъ, нужны люди, а чтобъ достать людей, ваше превосходительство, нужны деньги.

— А, ха, ха, ха! Вонъ то-то и оно! — саркастически воскликнулъ Любощинскій.

— Да-съ, то-то и оно, — повторилъ Рябченко. — Это вы совершенно правильно. Для всякаго дѣла нужны двѣ силы: идея и средства, чтобъ ее осуществить. Идей-то у меня много...

— А денегъ нѣтъ? — прежнимъ тономъ подхватилъ Любощинскій. — Я могу сказать о себѣ то же самое. Дайте мнѣ денегъ у меня заведутся такія идеи, какихъ господину Рябченку во всю жизнь не выдумать.

Рябченко усмѣхнулся.

— Нѣтъ-съ, у васъ никакихъ идей не заведется. Отъ денегъ идеи не заводятся, Сергѣй Николаевичъ. Тому есть не мало при-
мѣровъ.

— Вы полагаете?—грубовато спросилъ Сергѣй Николаевичъ.

— Да-съ, я глубоко убѣжденъ въ этомъ.

— Но какъ же вашъ садъ?—спросилъ Гайдуковъ.—Мнѣ каза-
лось, что у васъ дѣло пошло отлично.

— Пошло отлично, ваше превосходительство, но я одинъ, одно-
го меня не хватаетъ. Если посчитать, то въ городѣ найдется до де-
сяти тысячъ такихъ дѣтей, которымъ негдѣ и не съ кѣмъ поиграть
здоровыми, толковыми играми. А я же не могу собрать всѣхъ во-
кругъ себя, у меня и то теперь ихъ до тысячи, и если бы вы видѣ-
ли, какъ они рады, какъ они хорошо ведутъ себя, какимъ счастье-
емъ сияютъ ихъ глазки!... Да, ваше превосходительство, это вели-
кая идея, но у меня есть другая, только ужь объ этой и заикаться
не стѣбитъ.

— А что?

— Да, ужь если тутъ нужны деньги, то тамъ, ваше превосхо-
дительство, цѣлый капиталъ.

— Ну, сколько же, напримѣръ?

— Меньше милліона, ваше превосходительство, не обойдется.

— Ха, ха, ха, ха!—звонко засмѣялся Любощинскій и всталъ.—
Да, въ самомъ дѣлѣ, это, должно быть, великая идея! Милліонъ—
деньги хорошия... Вы сегодня обѣдаете дома, дядя? У васъ обычные
гости? Меня не зовете?

— Напротивъ, очень буду радъ.

— Такъ пока до свиданія.

Онъ слегка поклонился Рябченку и скрылся въ пятой комнатѣ.

— Ну-съ, въ чемъ же ваша новая идея, Рябченко?—спросилъ
Гайдуковъ, дружески хлопывая его по плечу.

— А вотъ, ваше превосходительство, если бы вы захотѣли,
чтобы жизнь ваша оставила глубокой слѣдъ и никогда бы не забы-
лась, такъ совершите это дѣло... Вотъ у меня и расчетъ состав-
ленъ... Не самъ составлялъ, а опытный архитекторъ... Вотъ-съ!—
и Рябченко вынулъ изъ кармана и развернулъ довольно толстый
локъ бумаги, исписанный мелкимъ почеркомъ.—Вотъ-съ, ваше
осходительство, я уже пять недѣль ношу въ головѣ эту штуку
таюсъ, мучаюсь... Знаете, трудно одному все продумать, а по-
говаться не съ кѣмъ, никто не понимаетъ. Они не могутъ себѣ
идею представить, какъ это такъ: какой-нибудь Рябченко, бѣднякъ, пе-
ремѣльный человѣкъ, репортериска, какъ они называютъ,—по-

чему, ваше превосходительство, купецъ — такъ купецъ, чиновникъ — такъ чиновникъ, а репортеръ — такъ непременно репортершига? Да, и чтобъ у такого человѣка въ головѣ явилось что-нибудь широкое и дѣльное... Какъ ты можешь разговаривать о миллионномъ дѣлѣ, когда у тебя въ карманѣ всего рубль? И имъ смѣшно... Да-съ, такъ вотъ въ чемъ дѣло: называется это «домъ труда». Исходная точка: трудъ есть потребность человѣческаго организма — это, вѣдь, такъ, ваше превосходительство, и тѣ, которые шляются по улицамъ безъ дѣла и просятъ милостыню, будучи здоровыми, бродятъ по кабакамъ и притонамъ, они бы непременно трудились, но такъ сложилась жизнь, что они не нашли себѣ труда по вкусу. Трудъ долженъ быть по вкусу, тогда только онъ не противенъ. А у насъ всегда вотъ какъ: онъ по природѣ музыкантъ, а его случайно кузнецомъ сдѣлали. А другой по природѣ, скажемъ, слѣсарь, а смотришь, родители его отдали въ обученіе къ башмашнику. И живетъ въ человѣкѣ какая-то неудовлетворенность, ищетъ онъ чего-то и самъ не знаетъ чего, а дѣло изъ рукъ валится, вотъ его и выбрасываютъ на улицу, и пополняютъ онъ собою ряды бездѣльниковъ. Я и говорю: этотъ «домъ труда», это — мастерская всѣхъ ремеселъ и разныхъ простыхъ искусствъ. Приходи и дѣлай то дѣло, которое тебѣ по душѣ, и тебѣ обезпеченъ заработокъ, потому что «дому» обезпеченъ сбытъ, а если тебѣ никакое дѣло по свободному выбору не нравится, то, значитъ, ты больной человѣкъ, тебя надо лечить. Это основная мысль, ваше превосходительство. Я позволю себѣ оставить вамъ это. Вы заинтересуетесь, вы сейчасъ же заинтересуетесь.

— Хорошо, хорошо, благодарю васъ, Рябченко, я непременно прочитаю, — съ доброю улыбкой промолвилъ Гайдуковъ. — Но скажите, мой другъ, вѣдь, это взяло у васъ порядочно времени! Вѣдь, вы — человѣкъ работающій, у васъ семья. Какъ васъ на это хватаетъ?

— Но что такое время, ваше превосходительство? Время — деньги только для того, у кого онѣ есть... И я, вѣдь, не могу иначе. Когда идея у меня родилась, я ужъ не могу ни спать, ни ѣсть спокойно, она меня мучаетъ, мучаетъ, пока я ее не обработаю, не придамъ ей ясный видъ... Ну, вотъ... Такъ вы, ваше превосходительство, прочитайте. Я вамъ говорю, что это дѣло достойное васъ. Вы увидите. А теперь я пойду, — у меня тоже и свои дѣла есть.

— Не забывайте же меня, Рябченко, заходите, я всегда охотно радъ васъ видѣть, — сказалъ Гайдуковъ, прощаясь съ нимъ.

Когда Рябченко ушелъ, Гайдуковъ долго ходилъ по комна-

испытывая пріятное волненіе. Этотъ маленькій человѣкъ всегда производилъ на него какое-то странное дѣйствіе: онъ просвѣтлялъ его голову, какъ струя свѣжаго воздуха.

Въ пять часовъ слуга напомнилъ ему, что пора купаться, онъ сошелъ внизъ, отправился на берегъ, гдѣ стояла хорошенькая, миниатюрная купальня, въ которую никто, кромѣ него, не входилъ, и съ наслажденіемъ взялъ морскую ванну.

П.

Рябченко возвращался въ городъ прежнимъ путемъ. Но дневной жаръ ослабѣлъ и ему теперь было легче идти. Въ головѣ его роились пріятныя мысли. Наивный и вѣрующій, неисправимо вѣрующій, несмотря на то, что жизнь его была полна невзгодъ и разочарованій, онъ радовался тому, что проектъ его теперь находится въ рукахъ человѣка, которому ничего не стѣдуетъ изъ трехъ милліоновъ употребить одинъ на великое дѣло. Ему казалось это такимъ простымъ и естественнымъ шагомъ. Къ чему человѣку держать у себя такую огромную сумму, такому человѣку, какъ Гайдуковъ, который не занимается торговыми дѣлами, у котораго нѣтъ семьи? О себѣ самомъ онъ думалъ такъ: «Еслибъ у меня было три милліона, то я себѣ оставилъ бы только пятьдесятъ тысячъ. Пятьдесятъ тысячъ для одной семьи, вѣдь, это страшныя деньги, и зачѣмъ бы мнѣ было больше? Я просто не понимаю, куда бы я ихъ дѣвалъ! И въ чемъ тутъ наслажденіе, что деньги, которые лежатъ гдѣ-нибудь въ банкѣ, считаются твоими?» Но такъ онъ думалъ о себѣ самомъ, а Гайдукову онъ дѣлалъ снисхожденіе. Гайдуковъ съ самыхъ пеленокъ былъ милліонеромъ, онъ привыкъ быть милліонеромъ, и потому Рябченко оставлялъ ему два милліона, а на свое дѣло требовалъ только одинъ. Былъ ли такой случай, чтобы, на глазахъ у него, Гайдуковъ или какой-нибудь другой богачъ отвалилъ такую крупную сумму на хорошее дѣло? Нѣтъ, не было. Но что-жъ изъ этого? Вѣдь, тутъ нѣтъ ничего невозможнаго, а неисправимому идеалисту такъ пріятно вѣрить въ добро. И Рябченко вѣрилъ.

Рябченко пошелъ не домой. Онъ сегодня ничего еще не заработалъ. Въ страховомъ обществѣ ему обѣщали любопытныя свѣдѣнія о движеніи страхового дѣла за послѣднія десять лѣтъ. Онъ сходилъ туда и получилъ свѣдѣнія. Потомъ зашелъ въ редакцію и нашелъ замѣтку. Тутъ же онъ прикинулъ, что она дастъ ему. Въ три рубля на полтора, и онъ былъ совершенно доволенъ. Такія заботы не часты. Редакторы норовятъ всегда сократить на поло-

вину, а изъ этой ничего нельзя выбросить,—все цифры да цифры. Это—гарантія.

Отсюда онъ пошелъ за городъ, гдѣ былъ его «садъ». Большая площадь была засажена рѣдкими, чахлыми деревьями. Ихъ поливали не часто, такъ какъ поливка стоила дорого и жители предмѣстья этого не заслужили. Часть площади была обнесена канатомъ, укрѣпленнымъ на невысокихъ кольяхъ, наскоро вбитыхъ въ землю. Какой-то мужикъ ходилъ по этому небольшому пространству и неторопливо дѣйствовалъ метлой. Въ сторонкѣ, на толстыхъ столбахъ, стоялъ навѣсъ, куда можно было спрятаться отъ дождя. Никакихъ другихъ приспособленій здѣсь не было. Все это было до послѣдней степени просто и незатѣйливо. Но Рябенко обвелъ взоромъ свой «садъ» и въ глазахъ его свѣтилось такое торжество, какъ будто здѣсь были тысячи волшебныхъ приспособленій для тонкихъ занимательныхъ игръ. Вѣдь, это было его созданіе, оно стоило ему много трудовъ, хлопотъ и сердечной боли. Онъ обратился къ мужику, который остановился и приподнялъ шапку:

— Мети, мети, Іона (такъ звали мужика). Завтра за это тебѣ будутъ благодарны тысяча дѣтишекъ!

— Неужто тысяча, Григорій Михайловичъ?

— Къ этому подбирается, Іона.

Да, онъ мечталъ о тысячѣ, а, можетъ быть, и больше. Вѣдь, сами придутъ, никто ихъ не собираетъ, никакими афишами онъ не сзываетъ ихъ. Съ годъ тому назадъ, когда дѣло еще только начиналось, ему приходилось посѣщать дома и дворы въ предмѣстьяхъ и всякаго рода уголки и соблазнять. Чѣмъ онъ могъ соблазнить? Какія прелести онъ могъ посулить ободраннѣмъ дѣтямъ? Свѣжій воздухъ, дѣтское общество, пѣсни, игры! Сколько на это онъ потратилъ труда! Никто не вѣрилъ. Никто не хотѣлъ допустить, что онъ безкорыстно, безъ всякой личной цѣли, горячо занялся чужимъ дѣломъ, никто не хотѣлъ понять, да и не могъ. Городъ весь былъ проникнутъ торговлей, здѣсь всякій что-нибудь покупалъ или продавалъ; каждый старался урвать у другого грошъ, тѣмъ и жилъ; и у всѣхъ было глубокое убѣжденіе, что иначе и нельзя. А ему это казалось такимъ простымъ дѣломъ. Ему пришла въ голову идея, хорошая идея, добрая, человѣчная, и ужъ онъ сдѣлался ея рабом. Вотъ и все.

Репортеру приходится всюду шататься. Въ городѣ былъ са . . .
 большой, густой, хорошо разросшійся садъ. Его называли «каз . . .
 нымъ». Базна здѣсь была не при чемъ и садъ никогда не прини . . .
 лежалъ ей. Но обыватель все, что лично ему не принадлежитъ, и . . .

зывается казеннымъ. Сады содержало городское управленіе. Тутъ было отдѣленіе, приспособленное для дѣтскихъ игръ, устроили дорожки, возвели горку для катанья, помость для танцевъ. По праздникамъ сюда собиралась масса дѣтей. Наставники приводили дѣтей изъ гимназій, бонны и гувернеры—изъ семейныхъ домовъ. Являлся учитель пѣнія, другой руководилъ танцами. Съ утра до вечера раздавалась музыка и не смолкалъ веселый шумъ отъ дѣтскаго крика, пѣнія, бѣготни, занятій гимнастикой и всякаго рода игръ. Дѣти были въ восторгѣ и это сдѣлалось ихъ любимымъ мѣстомъ. Такъ какъ для дѣла требовались кое-какія средства, то была установлена ничтожная плата: брали по двѣ копейки.

Однажды Рябченко сидѣлъ въ саду на скамейкѣ и глядѣлъ на дѣтей, входившихъ на игры. Эти радостно спѣшавшія, оживленные лица доставляли ему удовольствіе и въ головѣ его, любившей дѣлать сопоставленія, роились мысли о гимнастическихъ упражненіяхъ въ древней Греціи, мысли очень скудныя, потому что онъ мало зналъ древнюю Грецію. Мысли эти превратились въ мечты, какъ всегда, очень широкія и свободныя, о томъ, чтобы завести въ городѣ что-нибудь вродѣ олимпійскихъ игръ. Вдругъ онъ обратилъ вниманіе на странную сцену. Къ воротамъ дѣтскаго сада подошелъ мальчикъ лѣтъ девяти. На немъ была страшно затасканная, слишкомъ длинная сѣрая блуза, очевидно, съ плеча другого мальчика побольше ростомъ, короткіе штанишки, изъ-подъ которыхъ выглядывали голыя ноги безъ чулокъ и большіе, порядкомъ стоптанныя женскіе башмаки. У мальчика было блѣдное, испитое лицо, но его темные глаза горѣли такимъ же страстнымъ нетерпѣніемъ, какъ и у другихъ дѣтей. Онъ подошелъ къ кассѣ и протянулъ руку съ деньгами. Кассиръ осмотрѣлъ его съ ногъ до головы и сказалъ:

— Тебѣ, молодецъ, нельзя.

— Отчего нельзя? — спросилъ мальчикъ. — Вотъ двѣ копейки.

— Нѣтъ, нельзя, — повторилъ кассиръ, — ты грязно одѣтъ; у насъ этого нельзя по правиламъ.

— Мнѣ хочется, — сказалъ мальчикъ.

Но такъ какъ въ это время къ кассѣ подошли другія дѣти и въ виду надо было заняться ими, то мальчика взялъ подъ свое покровительство стоявшій тутъ для порядка городской. Онъ довольно быстро охватилъ его за талію и отвелъ въ сторону.

- Уходи, братъ, уходи, — покровительственно сказалъ онъ

е — Боли нельзя, такъ нельзя. Видишь, тутъ все чистый народъ х
ль. Самъ понимаешь—невозможно.

ища мальчика въ сторону, городской пошелъ на прежнее

мѣсто исполнять свои обязанности. Мальчикъ стоялъ съ опущенною головою, растерянный, убитый, оскорбленный и вытиралъ рукавомъ выступившія на глазахъ слезы.

Рябченко вскочилъ съ своего мѣста и, полный негодованія, съ сверкающими глазами, побѣжалъ туда.

— Это возмутительно, это возмутительно! — кричалъ онъ, стуча кулаками по маленькому столику, за которымъ сидѣлъ кассиръ. — Вы оскорбили ребенка!... За что вы его оскорбили?

— Позвольте, — вступился за себя кассиръ, — у насъ правила... Мы не имѣемъ права.

— Чортъ бы васъ побралъ съ вашими правилами!... Нѣтъ такого правила, чтобъ оскорблять невиннаго ребенка!...

— Господинъ, здѣсь шумѣть нельзя, — замѣтилъ городской, — здѣсь публика.

— Да, да, здѣсь публика и вы не стѣсняйтесь при публикѣ дѣлать безобразія... А возмущаться нельзя!... Послушайте, — снова обратился онъ къ кассиру, — вы должны впустить мальчика, вы должны дать ему удовлетвореніе.

— Но не могу же я противъ правилъ... Сами посудите, — объяснялъ кассиръ, который зналъ въ лицо Рябченка и, дорожа своимъ мѣстомъ, боялся раздражать репортера, — сами посудите: здѣсь бываютъ дѣти изъ гимназій, приличныя, чистыя дѣти... Вѣдь, они не станутъ ходить, ихъ не пустятъ, если среди нихъ появится грязный уличный мальчишка.

— Такъ вы напишите, напишите большими буквами на вашихъ этихъ афишахъ, чтобы всякій видѣлъ, тогда онъ и не придетъ, этотъ мальчикъ, и не будетъ надобности оскорблять его. А то, вѣдь, у васъ написано «для дѣтей», у васъ не сказано — для чистыхъ дѣтей или тамъ какихъ-нибудь расфуфыренныхъ...

— Право же, господинъ Рябченко, — просительно промолвилъ кассиръ, — я здѣсь не при чемъ, это отъ меня не зависитъ. Вѣдь, это отъ управы. Членъ управы приказалъ. Ужь вы сдѣлайте милость, не чините скандала, а то, вѣдь, достанется мнѣ.

Рябченко махнулъ рукой и оставилъ въ покоѣ кассира, городской же самъ ушелъ отъ грѣха, такъ какъ въ глубинѣ души раздѣлялъ мнѣніе Рябченка.

Мальчикъ стоялъ невдалекѣ и глядѣлъ на спорившихъ, какъ еще не теряя надежды, что его дѣло выгоритъ и онъ попадетъ въ садъ. Рябченко подошелъ къ нему.

— Ну ихъ къ чорту! — сказалъ онъ. — Не стѣдить, братъ, и

кать! Пойдемъ! Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, они подневольные, что съ нихъ возьмешь?

Онъ взялъ мальчика за руку и повелъ его вонъ изъ сада.

— Ты чей же? — спросилъ онъ мальчика.

— Бюпкинь, — отвѣтилъ тотъ.

— Ага, Бюпкинь, это, значить, твоя фамилія, фамилія твоего отца. А кто онъ такой, твой отецъ?

— Столяръ.

— А мать что дѣлаешь?

— Бѣлье стираетъ. Она — прачка.

— А гдѣ живешь?

— Тутъ, недалеко, подъ городомъ, на Пескахъ.

— Кто же тебѣ сказалъ про этотъ садъ?

— Самъ прочиталъ.

— А, значить, ты грамотный?

— У насъ школа есть, — отвѣтилъ мальчикъ, — я три мѣсяца ходилъ.

— Три мѣсяца? Отчего же ты пересталъ ходить?

— Отецъ взялъ. Съ него три рубля платы потребовали, такъ онъ сказалъ — наплевать, и взялъ.

— Что-жь ты теперь дѣлаешь?

— А ничего. Дома сижу. Отецъ весь день на работѣ, мать тоже гдѣ-нибудь стираетъ, а я дома сижу.

— И все одинъ?

— Дома-то одинъ, а когда надоѣстъ, на улицу выбѣгу, тамъ другіе мальчишки бываютъ, такъ съ ними.

— Что-жь вы дѣлаете?

— Разное. Больше за собаками гоняемся. Собакъ-то на улицѣ много, вотъ мы и дразнимъ ихъ. А то въ карты играемъ.

— Какъ въ карты? Въ какія карты? Развѣ у тебя есть карты?

— Нѣтъ, у меня нѣту, гдѣ мнѣ взять? А у Васьки всегда въ карманѣ есть карты.

— Кто же это Васька?

— Прачкинь, Анюткинь сынъ. Онъ большой, съ васъ ростомъ, то и побольше. И другой съ нимъ, Федька, онъ у обойщика пидова въ мальчишкахъ... Ну, и тоже убѣгаетъ. Такъ у нихъ тогда карты есть.

— Гдѣ же вы играете?

— Гдѣ-нибудь подъ навѣсомъ, а то въ развалинахъ, — у насъ есть развалины. Карты-то старыя, засаленныя, ничего и не отличишь на нихъ.

- Въ какую же вы игру играете?
 — Какъ въ какую? Въ три листика или въ носки.
 — Такъ, — сказалъ Рябченко. — Такъ ты, я вижу, опытный человекъ. А сколько тебѣ лѣтъ?
 — Девять десятый.
 — Мужчина! А водку пьешь?
 — Нѣтъ, я не пью, — рѣшительно возразилъ мальчикъ. — Васъ-га пьеть, а Федька, такъ тотъ такъ хлещеть, что ой, ой, ой!
 — Гдѣ же они берутъ?
 — Воруятъ. Они мастера на это.
 — А у тебя много денегъ?
 — Четыре копѣйки.
 — Гдѣ же ты укралъ ихъ?
 — Я не укралъ. Я у мамки выглянчилъ: двѣ копѣйки на садъ, а двѣ на бублики.
 — А очень тебѣ обидно, что въ садъ не пустили?
 — Очень обидно.

Въ это время они вошли въ узенькій переулокъ и остановились у грязнаго двухъэтажнаго дома. Рябченко опять взялъ мальчика за руку и ввелъ его во дворъ.

— Ты вотъ зайди ко мнѣ, — сказалъ онъ, — да погормись; у меня тоже ребятишки есть, поиграй съ ними.

Мальчуганъ, нисколько не смущаясь, принялъ предложеніе, побѣдалъ съ большимъ аппетитомъ, но играть съ дѣтьми Рябченко отказался. Онъ торопился домой.

Заряженный негодованіемъ, Рябченко тотчасъ же написалъ громовую статью, въ которой разнесъ «сытое общество, погрязшее въ эгоизмѣ, заботящееся только о своихъ прихотяхъ и презрительно отталкивающее отъ себя менѣе счастливыхъ, забывая, что подъ этими рубищами скрывается такая же человѣческая душа». Статья была написана необыкновенно горячимъ тономъ, но въ ней не было еще ничего, кромѣ негодованія. Только на другой день, когда Рябченко прочиталъ свою статью въ газетѣ, въ головѣ его вдругъ зародилась идея. «Ага, — говорилъ онъ самъ себѣ, — они себѣ устроили садъ, — ну, и пусть ихъ, а оборванцы должны устроить св² садъ, вотъ и великолѣпно! Дѣти всѣ одинаковы, — грязныя и обрванныя такъ же хотятъ весело и беззаботно играть, какъ и лично одѣтыя».

Идея зародилась и Рябченко сталъ мучиться ею. Онъ всюду носилъ ее съ собой, она проникала во всю его жизнь, сквозила его разговорахъ, придавала особую окраску его газетнымъ замѣ-

камъ. Для него это было нѣчто вродѣ вопроса чести или самолюбія, только не его собственнаго, а тѣхъ оборванныхъ мальчишекъ, которые, въ лицѣ блѣднаго столярова сына, были оскорблены «сытымъ обществомъ». Онъ говорилъ: «Какое страшное отношеніе къ дѣлу! Сколько тутъ безсердечія! Ребенку подчеркивается, что онъ бѣденъ и плохо одѣтъ и потому недостойнъ тѣхъ благъ, которыми пользуются дѣти хорошо одѣтыя! А, вѣдь, онъ никогда и не думаетъ объ одеждѣ и даже, можетъ быть, не знаетъ, хорошо онъ одѣтъ или плохо. Они первые заставляютъ его обратить на это вниманіе, стыдиться своей одежды и завидовать тѣмъ, у кого есть получше. Да, это проклятое, роковое раздѣленіе людей на козлищъ и овецъ начинается уже здѣсь, на зарѣ жизни, и начинается официально, при помощи городского!»

Наконецъ, идея была уже достаточно выношена въ его душѣ и онъ составилъ проектъ. Денегъ у него не было, да и немного ихъ было надо. Что нужно этимъ мальчишкамъ? Дѣтское общество, воздухъ и просторъ, вотъ и все.

Онъ пошелъ прямо къ Гайдукову и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Онъ обладалъ способностью передавать другимъ свое негодованіе и ему удалось сразу завоевать Гайдукова. Это было сдѣлать тѣмъ легче, что денегъ требовалось немного. Гайдуковъ горячо пожалъ ему руку и сказалъ:

— Одобряю, одобряю, Рябченко! Слѣдуетъ, слѣдуетъ! Денегъ я вамъ дамъ.

— Ваше превосходительство, деньги, конечно, важны и за нихъ вамъ спасибо, но еще важнѣе выхлопотать разрѣшеніе у властей. Дѣло, знаете, новое, оригинальное.

— Н-да, вы правы.

И Гайдуковъ задумался. Онъ больше всего на свѣтѣ боялся возбуждать какія-либо сомнѣнія у властей. Деньги онъ давалъ Рябченку, но своего имени не давалъ. Здѣсь же онъ явно подчеркивалъ свое покровительство. А кто ихъ знаетъ, какъ они посмотрятъ на это дѣло? Можетъ быть, они признаютъ его вреднымъ? И, обсудивъ положеніе, Гайдуковъ наотрѣзъ отказался. Онъ соглашался дать денегъ вдвое больше, чѣмъ нужно, выхлопотать у города часть городской площади, но только просилъ избавить его отъ сношеній с начальствомъ.

— Ужь вы какъ-нибудь сами, Рябченко, а то, знаете... это неприятно.

Такимъ образомъ дѣло затянулось. Рябченко, разумѣется, не оробѣлъ и пошелъ къ начальству. Пошли запросы въ управу,

въ министерство, начались справки о его личной благонадежности, все это отняло мѣсяца полтора и, наконецъ, Рябченко одержалъ побѣду: ему разрѣшили. Тогда онъ торжественно обнесъ отведенное ему мѣсто канатомъ, укрѣпивъ его на высокихъ кольяхъ, выстроилъ навѣсъ для защиты отъ дождя, расчистилъ и выровнялъ землю при помощи Юны и затѣмъ самолично отправился по домамъ предмѣстій собирать оборвышей.

III.

Рябченко зналъ, что къ нему не пойдутъ по первому слову. Съ какой стати? Чтò онъ такое? Какія у него на это права? Явился какой-то неизвѣстный, невзрачный господинъ, не особенно внушительнаго вида, невѣдомо откуда, и дѣлаетъ предложеніе. И какое странное предложеніе: приглашаетъ чужихъ ему дѣтей играть съ нимъ! Почему вдругъ этому странному человѣку понадобилось, чтобы дѣти съ нимъ играли? И почему онъ такъ горячо убѣждаетъ въ этомъ? Никогда никто еще не заботился объ этихъ оборванныхъ дѣтяхъ. Всегда они были предоставлены случайности и некому было о нихъ подумать. Вѣчно сидѣли они въ тѣсныхъ квартирахъ, нерѣдко въ подвалахъ, съ затхлымъ и спертымъ воздухомъ. Когда родители были дома, то они не слышали отъ нихъ ничего, кромѣ грубыхъ ругательствъ и ничѣмъ не прикрытыхъ разсказовъ о тѣхъ пошлыхъ сторонахъ жизни, которыя неизбежны въ этой жалкой обстановкѣ. Для дѣтей въ этомъ не было ничего поучительнаго. Они только слишкомъ рано становились взрослыми, потому что узнавали преждевременно ожидающую ихъ жизнь. Когда родители уходили на работу, — а это случалось каждый день съ утра до вечера, — дѣти оставались дома и были всецѣло предоставлены самимъ себѣ. Чтò они тамъ дѣлали? Чтò они могли дѣлать при тѣхъ грубыхъ вкусахъ, какіе они усвоивали у родителей? Чѣмъ занимались? Чѣмъ наполняли свои досуги? Богъ знаетъ. Но что-то темное, мрачное наполняло эти затхлые углы и среди этихъ непривѣтливыхъ стѣнъ легко развивались дурныя привычки, переходившія въ пороки.

И вотъ, вдругъ, откуда ни возьмись, является неизвѣстный человекъ и говоритъ объ играхъ, пѣсняхъ, о какихъ-то тѣлесныхъ упражненіяхъ, и говоритъ такъ горячо, какъ будто отъ этого для него будетъ большая выгода. Люди, не привыкшіе, чтобы имъ къ нибуудъ дѣлалъ добро безъ выгоды для себя, естественно, должны были смотрѣть на него подозрительно и думать: «Нѣтъ, тутъ ч

то не такъ, тутъ что-нибудь скрывается!» И ему давали неопредѣленные отвѣты, изъ которыхъ онъ заключалъ, что ему не довѣряютъ.

Но Рябченко не терялъ вѣры въ свое дѣло. Онъ настаивалъ, а кого могъ, тащилъ почти насильно, и ему удалось собрать вокругъ себя съ полсотни мальчугановъ.

Онъ никогда не былъ педагогомъ и никогда не случилось ему играть съ дѣтьми, кромѣ своихъ собственныхъ. Казалось бы, ему предстояла сложная задача, но онъ совсѣмъ не задумывался. Что тутъ собственно надо? Развѣ необходимо придумывать какія-нибудь тонкія, вычурныя игры? Зачѣмъ имъ это? Побѣгать съ ними, продѣлать какія-нибудь здоровыя движенія, научить какой-нибудь пѣснѣ, составить простую общую игру. Главное тутъ было: хорошій воздухъ, просторъ и дѣтское общество. Если каждый изъ этихъ мальчугановъ былъ достаточно испорченъ, то въ обществѣ онъ уже становился лучше.

Рябченко очень скоро освоился съ своею ролью и какъ-то совсѣмъ слился съ своими новыми друзьями. Несмотря на пробивающуюся въ бородѣ сѣдину, онъ бѣгалъ взапуски съ ребятишками и съ увлеченіемъ пѣлъ имъ пѣсни, заставляя повторять мотивъ и въ тактъ размахивая руками. Глядѣвшіе на это со стороны находили его смѣшнымъ, но онъ, осуществлявшій свою идею, не придавалъ этому значенія и даже не замѣчалъ этого.

Богъ знаетъ, какъ это случилось, но дѣти, сперва смотрѣвшія на него искоса, съ мрачнымъ недовѣріемъ, а инныя съ глубокимъ убѣжденіемъ, что онъ непременно сдѣлаетъ имъ какое-нибудь зло, вдругъ всѣ почувствовали въ немъ друга и подъ конецъ дня довѣрчиво обращались къ нему и принимали къ свѣдѣнію его замѣчанія.

Въ слѣдующій разъ число мальчиковъ учетверилось и дѣло сразу наладилось. Оборванцы оказались живыми и восприимчивыми дѣтьми. Рябченку нечего было изобрѣтать. Они сами, съ удивительною находчивостью, изобрѣтали для себя игры, а ему только приходилось руководить выборомъ, слѣдя за тѣмъ, чтобы игры не были опасны и вредны, чтобы дѣти не бранились тѣми словами, какими бранились ихъ родители, чтобы неизбѣжная драка не доходила до синяговъ и разбитыхъ носовъ.

Это было совершенно новое явленіе въ городѣ и потому объ этихъ странныхъ, шумныхъ и веселыхъ сборищахъ оборванцевъ, подъ предводительствомъ маленькаго, невзрачнаго человѣка, въ «елтой парусинѣ», много говорили и писали въ газетахъ. Обыва-

тели приходили смотрѣть, какъ на зрѣлище, въ особенности же заинтересовались этимъ жители предмѣстій, большею частью отцы и матери оборванцевъ.

Его одобряли, но рѣшительно никто не могъ понять, по какимъ побужденіямъ онъ это дѣлаетъ?

— Да, это хорошо, это благородно, — говорили ему пріятель, — но зачѣмъ вамъ это, Григорій Михайловичъ?

— Зачѣмъ, зачѣмъ? — возвращалъ онъ имъ этотъ вопросъ. — Да я, право, не понимаю даже вопроса. Если, какъ вы говорите, это хорошо и благородно, то въ этомъ заключается и отвѣтъ.

— Добрая душа у Рябенка, — говорили теперь про него. — Надо быть добрякомъ, чтобы такъ отдаваться чужому дѣлу.

Эти восклицанія доходили и до Григорія Михайловича и возмущали его.

— Причемъ тутъ доброта, скажите, пожалуйста? — говорилъ онъ. — И совсѣмъ я не добрый и очень даже радъ, что не добрый. Это добры вонъ тѣ... много ихъ на свѣтѣ, — ну, вотъ, хоть эти дамы. Онѣ плачутъ въ театрѣ, когда видятъ что-нибудь трогательное, когда актеръ обижаетъ актрису, и онѣ знаютъ навѣрное, что это именно актеръ актрису обижаетъ, а въ дѣйствительности этого ничего нѣтъ... тогда онѣ плачутъ. Онѣ рыдаютъ, — отъ доброты, конечно, — когда видятъ на улицѣ въ мукахъ издыхающую отравленную собаку, а потомъ приходятъ домой и спокойно вычитаютъ изъ жалованья кухарки рубль за разбитую рюмку или, изъ-за грошевой шпильки, дѣлаютъ сцену мужу и отравляютъ ему жизнь. Вотъ онѣ добры, а я не добръ, я нисколько не добръ!

Вѣдь, и самое его предпріятіе, этотъ «садъ оборванцевъ», какъ онъ самъ его называлъ, возникло далеко не отъ доброты, а скорѣе изъ злобы противъ жестокой несправедливости. Развѣ въ ту минуту, когда онъ заступился за мальчика, котораго не впустили въ садъ, онъ не ненавидѣлъ этихъ людей, создавшихъ такія несправедливыя правила? Развѣ имъ руководило не одно только негодованіе, когда онъ писалъ статью объ этомъ? Нѣтъ, онъ не добръ, у него есть идея, только идея, и въ этомъ вся суть. Вотъ почему у нихъ, добрыхъ, ничего не получается, кромѣ ненужныхъ слезъ, а у него, не добраго, вышло хорошее, разумное и полезное дѣло.

Рябенко, въ самомъ дѣлѣ, не принадлежалъ къ тѣмъ людямъ, которые называются добряками. Напротивъ, въ отношеніяхъ съ людьми онъ скорѣе былъ черствъ. Онъ не умѣлъ съ ними сдѣлаться. Его всѣ считали человѣкомъ неуживчивымъ. Быть можетъ

поэтому, въ жизни его было такъ много неудачъ, и эти неудачи преслѣдовали его съ самаго дѣтства.

У него были всѣ шансы устроить себѣ блестящую жизнь, но онъ какъ-то не сумѣлъ воспользоваться ими. Отецъ его былъ полковникъ и хотѣлъ, во что бы то ни стало, сдѣлать и его военнымъ, но уже девятилѣтнимъ мальчикомъ онъ питалъ какое-то нерасположеніе къ военной службѣ. Онъ протестовалъ пассивно, какъ ребенокъ, мнѣнія котораго не спрашиваютъ. Протестъ его заключался въ томъ, что въ военной школѣ, куда его отдали, онъ отвратительно учился. Тѣмъ не менѣе, онъ благополучно дошелъ до пятаго класса, ему было тогда пятнадцать лѣтъ и тутъ вдругъ имъ овладѣло упорство и онъ наотрѣзъ отказался продолжать ученье въ военной школѣ.

— Ты просто сумасшедшій мальчикъ,—говорили ему отецъ и вся родня,—ты лишаешь себя карьеры, ты уже такъ недалеко къ цѣли... развѣ ты можешь найти что-нибудь лучшее?

А онъ отвѣчалъ твердо, съ глубокимъ убѣжденіемъ:

— Я не хочу учиться убивать.

— Откуда ты набрался такихъ мыслей?

— Да, я наблюдалъ и я видѣлъ, что вся жизнь солдата заключается въ изученіи искусства, одного только искусства, въ случаѣ крайней нужды, убивать наиболѣе вѣрнымъ способомъ.

Послѣ этого съ нимъ нечего было и разговаривать. Это ужъ слишкомъ противорѣчило взглядамъ, принятымъ въ томъ кругу, гдѣ онъ выросъ. Отецъ его былъ суровъ и настойчивъ, и такъ какъ послѣднее качество въ сильной степени обнаруживалъ и сынъ, то полковникъ вышелъ изъ себя и отказалъ ему въ поддержкѣ, и вотъ, съ пятнадцати лѣтъ уже, Рябченко былъ принужденъ самъ о себѣ промышлять. Онъ пробовалъ поступить въ гимназію, но оказалось, что плохое ученье въ военной школѣ оставило въ его головѣ слишкомъ мало знаній, и это ему не удалось. Нужда, наступившая слишкомъ быстро послѣ обезпеченной жизни въ семьѣ, заставляла его бросаться изъ стороны въ сторону. Ему приходилось плохо и, можетъ быть, жизнь совсѣмъ затерла бы его, еслибъ ему не помогла глубоко сидѣвшая въ немъ и присущая его натурѣ вѣра въ лучшее. Онъ перебивался нѣсколько лѣтъ, потомъ поступилъ куда-то писаремъ, но скоро, возмущенный какою-то несправедливостію, до него не касавшеюся, оставилъ это мѣсто. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ перемѣнилъ множество профессій. Случалось ему быть и прикащикомъ, и надсмотрщикомъ надъ постройками, и страховымъ агентомъ, и даже почтальономъ, и отовсюду его изгоняла мысль, что это

не такъ дѣлается, что дѣло могло бы быть поставлено лучше, справедливѣе; онъ старался убѣдить въ этомъ другихъ и, конечно, никто съ нимъ не соглашался.

Въ этой постоянной борьбѣ, онъ не замѣтилъ, какъ ему перевалило за сорокъ и въ бородѣ его появилась сѣдина. Тутъ онъ случайно попалъ на занятіе, которое наиболѣе подошло къ его характеру. Онъ сдѣлался репортеромъ. Писалъ онъ очень плохо, но зато не пропускалъ ни одного случая къ какому-нибудь сообщенію о самомъ ничтожномъ фактѣ пристегнуть свои задушевные взгляды. Ему было пріятно сознавать, что онъ не одинъ, что у него есть аудиторія, что волей-неволей его мысли будутъ прочитаны и, можетъ быть, одному изъ тысячи западутъ въ душу.

Его называли наивнымъ человѣкомъ и онъ, въ самомъ дѣлѣ, былъ наивенъ. Его мораль была очень несложна. Онъ проповѣдывалъ самыя простыя истины, добиваясь всюду только справедливости. Когда онъ видѣлъ, что съ кѣмъ-нибудь поступаютъ несправедливо, хотя бы это было въ самой мелкой, будничной средѣ, онъ подымалъ крикъ и говорилъ возвышенные слова, какъ будто бы дѣло шло о чемъ-нибудь великомъ.

Когда онъ загорался негодованіемъ или проповѣдывалъ какое-нибудь, по его мнѣнію, полезное, важное и справедливое дѣло, онъ волновался и чувствовалъ повышенное настроеніе. Оттого и слова, которыя онъ употреблялъ въ этихъ случаяхъ, были нѣсколько громки и крикливы, но онъ иначе не могъ. «Справедливость» была основнымъ мотивомъ всей его жизни, и всё удивлялись, что онъ всегда и на каждомъ шагу громко повторялъ это слово. Между тѣмъ, въ этомъ не было ничего удивительнаго. Рябченко не обладалъ широкимъ умомъ, кругъ его понятій былъ узокъ и бѣденъ. Онъ всю жизнь во всемъ добивался справедливости и никогда не могъ добиться ея. Его мозгъ непрестанно работалъ въ этомъ направленіи и всё его планы вертѣлись около справедливости. Для него не было ничего внѣ ея. Она была ему такъ необходима, какъ здоровая пища, тепло и воздухъ, поэтому всякое чужое дѣло, въ которомъ онъ увидѣлъ бы хоть тѣнь стремленія къ справедливости, тотчасъ становилось для него своимъ. И вотъ на этой-то справедливости и были основаны его отношенія къ Гайдукову, — странныя отношенія и миліонеру, пріятно оживлявшемуся всякій разъ, когда ему докладывали о приходѣ бѣдняка репортера, перебивавшагося грошевою пстрочною платой.

Дѣятельность Рябченка была незамѣтная. Онъ, въ сущности, ничего опредѣленнаго и не дѣлалъ. Дѣтскій садъ былъ его первымъ

осуществленнымъ планомъ. Раньше же, въ теченіе многихъ лѣтъ, онъ только негодовалъ, наталкиваясь на какую-нибудь несправедливость, и тотчасъ же начиналъ строить планы объ устраненіи ея. Въ сожалѣнію, его планы были слишкомъ широки, и потому неосуществимы. Такъ какъ у него денегъ не было, то онъ въ своихъ проектахъ свободно распоряжался милліонами. Это было необходимо потому, что онъ хотѣлъ уничтожить зло въ корнѣ. Всѣ его замѣтки носили энергическія заглавія, соотвѣтствовавшія его направленію. У него постоянно повторялись такія слова: «возмутительная несправедливость», «безчеловѣчная жестокость», «оскорбленіе чело-вѣческаго достоинства»... и онъ какъ бы сдѣлалъ своею специальностью разыскиваніе случаевъ, гдѣ проявлялись бы эти—возмутительная несправедливость, безчеловѣчная жестокость и оскорбленіе чело-вѣческаго достоинства. Въ городѣ всего этого было, разумѣется, вдоволь, и у Рябченка было много работы. Мальчишка-ремесленникъ, избитый своимъ патрономъ-сапожникомъ до полусмерти; жена, угнетаемая пьяницей мужемъ; калѣка нищій, прогнанный блюстителемъ порядка съ церковной паперти,—все это служило содержаніемъ его репортерскихъ замѣтокъ, и такъ какъ редакторъ не питалъ особаго расположенія къ этимъ скучнымъ предметамъ, то замѣтки его безжалостно сокращались или не попадали въ газету вовсе. Рябченко воевалъ изъ-за нихъ и иногда ему удавалось выручать какую-нибудь небольшую замѣтку въ десять строчекъ.

Одно изъ такихъ открытій сдѣлало его чрезвычайно популярнымъ чело-вѣкомъ въ городѣ, хотя, въ то же время, доставило ему много хлопотъ.

Однажды въ зимній холодный вечеръ онъ встрѣтилъ на улицѣ, прижавшагося къ стѣнѣ, дрожавшаго отъ холода и боязливо оглядывавшегося по сторонамъ, нѣтъ ли гдѣ по близости городского, мальчугана, одѣтаго въ невѣроятныя рубища. Несмотря на изрядный морозъ, ноги его были обнажены, изъ-подъ лохмотьевъ выглядывали острия колѣни, а внизу изъ какихъ-то рваныхъ калошъ торчали голые пальцы. Рябченко видалъ на своемъ вѣку много нищеты, но никогда еще не встрѣчалъ такого жалкаго явленія. Онъ заинтересовался и остановился.

— Подайте копѣецку сироткѣ... два дня ницево не кусалъ, —
го и жалобно пропущалъ мальчикъ, протягивая къ нему руку.

Рябченко подошелъ къ нему ближе и спросилъ:

— Ты давно здѣсь стоишь?

— Съ самаго со вчерасняго вечера, — прежнимъ тономъ отвѣ-
мальчикъ и боязливо посмотрѣлъ на него.

— А ты не врешь?—сказалъ Рябченко. —Вѣдь, это невозможно—со вчерашняго вечера, вѣдь, ты бы тутъ замерзъ!

— Ей-Богу, со вчерашняго, добрый господиень.

— Ну, ну, ладно, —сказалъ Рябченко и ласково потрепалъ его по плечу, —а коли со вчерашняго вечера ты не ѣлъ, такъ тебя надо накормить, —пойдемъ ко мнѣ.

— Я боюсь, —отвѣтилъ мальчикъ.

— Чего же ты боишься?

— Я не отъ себя стою.

— А отъ кого же?

— А отъ хозяина, онъ злющій и можетъ меня вѣрно наказать.

Мальчикъ, очевидно, почувствовалъ уже нѣкоторое довѣріе къ собесѣднику, потому что пересталъ шепелявить.

— Ну, голубчикъ, наплюй ты на своего хозяина. Коли хочется ѣсть, такъ хозяина нечего вспоминать. Вѣдь, хозяинъ, небойсь, тоже ѣсть, когда ему хочется. А у меня ты обогрѣешься.

По лицу мальчика было видно, что предложеніе это казалось ему заманчивымъ. Онъ только безпомощно посмотрѣлъ на свой костюмъ, какъ бы объясняя этимъ взглядомъ, что въ такомъ видѣ онъ не можетъ нигдѣ появиться.

— Ты вотъ что, —сказалъ Рябченко, — ты здѣсь постой еще минутки двѣ, а я добуду тебѣ кое-какую одежонку.

Мальчикъ кивнулъ головой. Къ счастью, квартира Рябченка была въ нѣсколькихъ шагахъ, онъ зашелъ домой и скоро принесъ оттуда свое старое пальто, которое закрыло мальчика до самыхъ пятъ, и повелъ его къ себѣ. Здѣсь онъ обогрѣлъ его, накормилъ, и когда мальчикъ, повидимому, освоился съ новою для него обстановкой, началъ изучать его.

— Такъ ты, значитъ, отъ хозяина?—спросилъ онъ.

— Извѣстно, отъ хозяина, —отвѣтилъ мальчикъ.

— Гдѣ-жь онъ тебя нашель?

— На улицѣ.

— Что же, развѣ у тебя не было отца?

— Нѣтъ, не было. Мамба была, да ее колесами придушило.

— Какими колесами?

— На улицѣ... Она шла пьяная... она постоянно пьяная была... Она таскалась съ солдатами... Шла это пьяная, да подъ лом вого и свалилась... А ломовой тоже былъ пьяный... Вотъ онъ ее переѣхалъ... Въ больницу взяли, тамъ она и померла.

— А ты видѣлъ ее, когда помирала?

— Нѣтъ, не видалъ... Я голодный сидѣлъ... Пошелъ это на улицу и сталъ просить подавннн... А тутъ хозяинъ меня подозвалъ и повелъ къ себѣ... Да такъ, съ тѣхъ поръ, у него и живу.

— Кто же онъ такой, этотъ хозяинъ?

— Хозяинъ! Такъ и есть хозяинъ, больше ничего.

— А какъ же его зовутъ?

— Да такъ хозяиномъ и зовутъ. Мы его всѣ такъ и называемъ.

— Развѣ ты не одинъ?

— Одинъ? Какже это одинъ? Насъ больше десяти.

— Вотъ какъ! Значить, вы всѣ у хозяина живете? Такъ. Гдѣ же онъ васъ держитъ?

— А на чердакѣ. У него свой домъ. Такъ онъ внизу жисеть, а мы на чердакѣ.

— Всѣ вмѣстѣ?

— Всѣ вмѣстѣ. Такъ покотомъ и спимъ.

— Что же тамъ холодно, на чердакѣ-то?

— А извѣстно, холодно. Зимой прямо снѣгъ падаетъ, а вѣтеръ такъ и свиститъ.

— Ну, значить, онъ васъ кормитъ и одѣваетъ?

— Кормитъ, — какъ-то иронически произнесъ мальчигъ, — такъ кормитъ, что и собака не захотѣла бы ѣсть. А одѣвать... вотъ она наша одежда и есть. Спимъ на соломѣ. На всѣхъ насъ шесть штукъ вотъ такихъ лохмотьевъ. Вотъ мы по очереди и надѣваемъ ихъ. Бому надо на улицу идти, тотъ и надѣваетъ.

— Зачѣмъ же на улицу?

— А милостыню просить. Для того и держитъ насъ. Съ утра весь день дома сидимъ, потому очень видно. А какъ смеркаться станеть, такъ и выходимъ, сперва одна партія, потомъ другая. И каждый долженъ ему вечеромъ по сорока копѣекъ отдать. А ежели не соберешь, то такъ отдуеть, что въ другой разъ и украсть согласенъ, только бы принести ему.

— Почему же вы не уходите отъ него?

— Какъ же можно уйти? Куда же въ этакомъ видѣ можно сунуться? Да и хозяинъ говорить, что ежели котораго полициѣ споймаеть, такъ до смерти засѣкутъ. Онъ говорить, что мы безпашпортные.

— А сколько времени ты у него живешь?

— Да ужъ года два будетъ.

— Знаешь, — замѣтила жена Рябченка, — это невѣроятно. Я боюсь, не сочиняеть ли онъ. Вѣдь, они испорчены и часто врутъ югъ знаетъ что.

— А ей-Богу не вру! — воскликнул мальчикъ. — Да вы сами посмотрите. Въ намъ никто никогда и не заходитъ. А вы вотъ зайдите, такъ и увидите. Только вы съ утра, потому хозяина цѣлый день дома не бываетъ, а вечеромъ онъ за выручкой приходитъ.

— Въ какомъ же это мѣстѣ?

— Да въ Глухой улицѣ.

Глухая улица славилась своими притонами. Въ грязныхъ, неблагоустроенныхъ домахъ ея ютилась нищета и всякій сбродъ. Въ ночное время тамъ часто бывали кровавыя приключенія. Мальчикъ болѣе точно указалъ домъ, въ которомъ онъ жилъ: «Какъ войдете во дворъ, сейчасъ узенькая деревянная лѣсенка. По ней и попадете къ намъ».

Было уже довольно поздно; въ окна глядѣла зимняя ночь. Мальчикъ тревожно подошелъ къ окну и взглянулъ во дворъ.

— А что, — спросилъ Рябенко, — тебѣ, небойсь, пора уходить?

— Пора бы, — отвѣтилъ мальчикъ.

— Господи, — воскликнула хозяйка, въ сотый разъ оглядывая его жалкія рубища, изъ-подъ которыхъ выглядывало голое тѣло, — неужто онъ такъ и пойдетъ по улицѣ? Вѣдь, холодъ!

— Я привыченъ, — сказалъ мальчикъ.

— Привыченъ, — съ горечью повторила г-жа Рябенко, — но теперь послѣ того, какъ онъ посидѣлъ въ теплой комнатѣ, холодъ покажется ему невыносимымъ.

— А мы дадимъ ему пальто, — замѣтилъ Григорій Михайловичъ.

— Нѣтъ, не давайте, — почти съ испугомъ возразилъ мальчикъ, — отниметь.

— Кто отниметь?

— Хозяинъ. Иной разъ которому-нибудь на улицѣ платоги подадутъ, либо изъ одежды, такъ онъ сейчасъ набросится, какъ собака, и себѣ возьметъ... нѣтъ, ужъ я такъ пойду.

Г-жа Рябенко всплеснула руками.

— Это совершенно какъ въ какой-нибудь страшной сказкѣ, — воскликнула она, — какіе ужасы дѣлаются на свѣтѣ! Когда узнаешь это, то кажется, что ты дѣлаешь преступленіе, живя въ трехъ теплыхъ маленькихъ комнатахъ и тепло одѣваясь.

Мальчуганъ, между тѣмъ, выражалъ нетерпѣніе и все заглядывалъ въ окно. Ему пора было идти.

— Ну, такъ ты отправляйся, — сказалъ ему Рябенко, — завтра утромъ я приду посмотрѣть на вашъ дворецъ. Только смотри, никому не разболтай. Мы твоего хозяина подлеца прихлопнемъ

— А мы куда дѣнемся?—спросилъ мальчикъ.

— Ну, и вамъ найдется мѣсто немного получше. Жаль мнѣ тебя, что ты опять пойдешь въ такомъ видѣ на морозъ, да что дѣлать, коли нельзя, ужь пострадай сегодня въ послѣдній разъ. Ну, отправляйся.

Но мальчикъ не двигался съ мѣста. Повидимому, онъ что - то хотѣлъ сказать, но не рѣшался.

— Ты что же? Тебѣ что-нибудь надо?

— У меня не хватаетъ, — тихо промолвилъ мальчикъ.

— Чего не хватаетъ?

— Выручки.

— А гдѣ же твоя выручка?

— А вотъ.

Онъ порылся въ складкахъ своей одежды и отыскалъ гдѣ - то дыру, которая служила ему карманомъ, вынулъ оттуда и положилъ на столъ небольшую кучку мѣди. Рябенко принялся считать и насчиталъ двадцать семь копѣекъ.

— Что же, это мало?—спросилъ онъ.

— Мало. Ежели не принесешь сорокъ, такъ прибить.

— Ну, такъ и быть, дополнимъ.

Рябенко додалъ ему тринадцать копѣекъ. Мальчикъ забралъ мелочь и ушелъ.

На другой день Григорій Михайловичъ захватилъ изъ дому на всякій случай узелокъ со съѣстнымъ, зашелъ къ двумъ друзьямъ и, пригласивъ ихъ съ собою, отправился въ притонъ. Улица была ему хорошо знакома. Днемъ здѣсь жизнь какъ бы замирала. Дѣла, которыя дѣлались на этой улицѣ, были такого рода, что не выносили дневного свѣта. За то она оживлялась съ того момента, когда спускалась ночь. Въ маленькихъ невзрачныхъ домикахъ зажигались яркіе огни, въ кабакахъ раздавались пьяныя пѣсни, въ другихъ мѣстахъ, еще менѣе приличныхъ, звуки разбитаго фортепіано, топотъ танцевъ и дикіе крики.

Рябенко съ друзьями очень скоро нашли домъ, указанный мальчикомъ, вошли во дворъ, отыскивали лѣсенку и поднялись наверхъ съ опасностью для жизни, такъ какъ ступеньки были покрыты какою - то полужидкою гадостью. Дойдя до самой верхней ступеньки, они уперлись въ низенькую деревянную дверь и распахнули ее. Глазамъ ихъ представилось необычайное зрѣлище. Это была не комната, а чердакъ, въ букввальномъ смыслѣ этого слова. Стѣны его съуживались кверху, а небольшое количество свѣта попадало въ него черезъ полукруглую дыру, закрытую грязнымъ

стекломъ. На полу валялась грязная солома, а на соломѣ лежали, сидѣли и ходили совершенно обнаженные, грязныя существа. Ихъ было пятнадцать душъ и все это были дѣти. Худыя, изможденные, неуклюжія, бостлявыя, они были худосочны и блѣдны и взоры ихъ были бессмысленны и дики. Въ ту минуту, когда посѣтителы вступили въ это жилище, раздался громкій, свирѣпый лай и на первый планъ выступили двѣ огромныхъ мохнатыхъ собаки. Это было неожиданно, — мальчикъ не предупредилъ Рябченко о собакахъ. Тутъ-то и пригодился, захваченный дома, узелокъ со съѣстнымъ. Григорій Михайловичъ вынулъ изъ него нѣсколько кусковъ хлѣба, бросилъ ихъ собакамъ и подкупилъ ихъ такъ же точно, какъ нѣсколько минутъ послѣ онъ мясомъ подкупилъ мальчугановъ. И тѣ, и другія были одинаково голодны, и тѣ, и другія были одинаково дики. Когда собаки были усмирены, вошедшіе могли, наконецъ, ориентироваться и разглядѣть обитателей чердака. Всѣ они прижались въ разныхъ углахъ, очевидно, подозрѣвая со стороны гостей какую-нибудь угрозу. Нѣкоторые сидѣли на землѣ, двое трогательно обнялись съ собаками. Рябченко принялся было спрашивать ихъ по очереди, какъ зовутъ, сколько лѣтъ, по ничего не могъ добиться. Только вчерашній мальчуганъ кое-что отвѣчалъ ему, но и то неохотно и нерѣшительно, — очевидно, со вчерашняго дня и имъ уже овладѣли сомнѣнія и надъ всѣми его мыслями взяло верхъ старое, выработанное житейскимъ опытомъ убѣжденіе, что нѣтъ на свѣтѣ такого человѣка, который принесъ бы имъ съ собою что-нибудь, кромѣ зла. У нихъ не было рѣшительно никакой надежды, за исключеніемъ тѣхъ рубищъ, которыя они надѣвали для выхода на улицу. Спали они въ повалку, прижимаясь другъ къ другу и согрѣвая другъ друга своимъ тѣломъ. Тутъ же вмѣстѣ съ ними спали и собаки, которыя, очевидно, были ихъ единственными друзьями. Все это казалось невѣроятнымъ и, тѣмъ не менѣе, не подлежало сомнѣнію.

— Никто не повѣритъ, — сказалъ Рябченко, обращаясь къ своимъ пріятелямъ, — вотъ подите расскажите это кому-нибудь и всѣ скажутъ: выдумалъ, злостнымъ фанатикомъ назовутъ. Нѣтъ, это надобно какъ-нибудь увѣковѣчить. Богъ знаетъ, какъ это могло нѣсколько лѣтъ существовать и никто, кому слѣдуетъ, не зналъ объ этомъ. Но разъ мы открыли, узнаютъ и тогда все исчезнетъ. Вотъ что, — прибавилъ онъ, — вы тутъ оставайтесь минутъ десять, а сбѣгаю, у меня тутъ по близости знакомый фотографъ есть, Аспратовъ, — у репортера, вѣдь, всюду знакомые есть. Онъ ихъ съ удовольствіемъ сниметъ и еще потомъ заработаетъ.

И онъ, въ самомъ дѣлѣ, минутъ черезъ десять притащилъ ф

тографа вмѣстѣ съ его аппаратомъ. Мальчиковъ, которые уже нѣсколько освоились и примирились съ посѣтителями, усадили въ два ряда, присоединивъ къ нимъ и собакъ, и сняли. Освѣщеніе было тусклое и крайне невыгодное, но лучшаго достать было неоткуда.

— Ну, теперь мы уйдемъ,—сказалъ Рябченко, обращаясь къ мальчикамъ,—а вы смотрите, никому не говорите про насъ, а особенно хозяину. Завтра уже вамъ будетъ лучше, за это я ручаюсь.

Дикіе мальчуганы уже почувствовали, что Рябченко и его приятели неспособны сдѣлать имъ зла. Въ немъ было что-то такое, что внушало довѣріе. Они обѣщали молчать.

— Знаете,—говорилъ Рябченко по дорогѣ домой своимъ пріятелямъ,—я просто не знаю, какими словами все это описать. Нѣтъ такихъ словъ,—ну, что я скажу про этихъ мальчиковъ? Что они несчастныя дѣти? Но, вѣдь, это слабо, слабо, это не выражаетъ ихъ положенія. Это что-то сверхъестественно-безчеловѣчное.

Придя домой, онъ засѣлъ за бурную статью. Онъ долго ходилъ по комнатѣ и ломалъ голову надъ заглавіемъ и, наконецъ, написалъ: «Чудовищно-вопиющая человѣческая подлость», и затѣмъ, въ тѣхъ невѣроятно-сильныхъ выраженіяхъ, какія онъ употреблялъ даже въ простыхъ случаяхъ, онъ описалъ все, что видѣлъ. Въ заключеніе статьи онъ восклицалъ: «Человѣческое общество! Если ты, погруженное тѣломъ и душой въ свои мелкіе, эгоистическіе интересы, могло до сихъ поръ объяснять свою постыдную апатію невѣдѣніемъ, то теперь, когда тебѣ указываютъ на это проявленіе безчеловѣчнаго звѣрства, на этотъ жесточайшій опытъ надъ юными человѣческими существами, ты не можешь болѣе молчать и не двинуть пальцемъ, ты должно заклеймить презрѣніемъ своего недостойнаго собрата, ты должно извлечь изъ его грязныхъ рукъ этихъ жалкихъ, ни въ чемъ неповинныхъ дѣтей и наказать преступника, потому что нѣтъ большаго преступленія, какъ жестокое издѣвательство надъ единымъ изъ малыхъ сихъ! Проснись же, общество, проснись и устыдись собственнаго дѣла, потому что ты одно виновато въ этомъ! Въ чистой водѣ никогда не заводятся северные гады, они рождаются и живутъ только въ болотахъ, грязь испаренія которыхъ составляютъ для нихъ воздухъ».

Замѣтка въ тотъ же еще день произвела сенсацію въ редакціи, Рябченко отказывались вѣрить, но онъ обѣщалъ завтра показать имъ свое открытіе. Онъ говорилъ: надо, чтобъ общество само видѣло, застало ихъ врасплохъ.

Замѣтку помѣстили и на другой день въ городѣ, въ самомъ дѣлѣ, поднялась горячка. Многіе изъ тѣхъ, кто успѣлъ прочитать ра-

но, ходили по указанному адресу и не вѣрили своимъ глазамъ, точно также какъ раньше не вѣрили замѣткѣ: Въ редакцію посыпались запросы и пожертвованія. Сильныя слова, которыхъ Рябченко не пожалѣлъ въ своей статьѣ, мѣтко попали въ цѣль и произвели должное дѣйствіе. Общество ветрепенулось, по крайней мѣрѣ, на нѣсколько дней. Фотографъ Аспиратовъ едва успѣвалъ печатать карточки и нажилъ на нихъ не одну сотню, которая, по внушительному совѣту Рябченко, торжественно пожертвовалъ въ пользу мальчишекъ.

Судьба этихъ несчастныхъ, такимъ образомъ, была облегчена, но для самого Рябченка послѣдствія были менѣе пріятны. Уже тѣ изъ читателей его замѣтки, которые собрались посмотреть на чудо около десяти часовъ утра, ничего тамъ не нашли. Полиція, прочитавшая замѣтку позже всѣхъ, такъ какъ у нея было много другихъ болѣе важныхъ дѣлъ, устремилаь туда и моментально забрала и мальчишекъ, и хозяина. Полиція обидѣлась, что не она сама, а какой-то репортеръ сдѣлалъ столь важное открытіе. Еслибъ это сдѣлала она, то общество ничего не узнало бы объ этомъ. Наконецъ, высказывалось сомнѣніе и въ томъ, что она могла этого не знать, высказывались подозрѣнія въ попустительствѣ и въ кое-чемъ похуже. Когда обыватели начали громко высказывать эти подозрѣнія, полиція окончательно разсердилась, налетѣла на Рябченка, забрала и его и, второпяхъ, какъ бы не разобравъ, въ чемъ дѣло, выслала его изъ города, какъ вреднаго и безпокойнаго человѣка. Только заступничество Гайдукова, которому Рябченко написалъ изъ изгнанія, черезъ нѣсколько дней вернуло его въ городъ.

IV.

Послѣ морской ванны Гайдуковъ почувствовалъ здоровый аппетитъ и съ какимъ-то радостнымъ ощущеніемъ прошелся по аллеѣ сада. Косые лучи вечерняго солнца посылали на землю мягкое тепло. Аллея, по которой онъ прогуливался, была обсажена каштанами, которые тщательно культивировались его опытнымъ ученымъ садовникомъ-нѣмцемъ, хорошо акклиматизировались и вѣржили довольно суровую зиму. Аллея была совершенно прямая и на обоихъ концахъ ея, а также въ нѣсколькихъ пунктахъ на пути, скрытые въ вѣтвяхъ кустарниковъ, недвижно стояли и чулу прислушивались къ каждому шагу хозяина лакеи. Если бы Гайдукову пришла въ эти минуты какая-нибудь мысль, то ему стоило только щелкнуть пальцами, и передъ нимъ тотчасъ же выросла

фигура, готовая исполнять его приказанія. Этого, разумѣется, никогда не случалось, Гайдуковъ въ эти пріятные часы не думалъ ни о приказаніяхъ, ни о лакейскихъ услугахъ и, кажется, даже не зналъ о присутствіи здѣсь этихъ людей. Но надо же было этому большому количеству ненужныхъ слугъ чѣмъ-нибудь оправдать свое существованіе въ этомъ домѣ.

Голова его была въ томъ чрезвычайно пріятномъ состояніи, когда у человѣка съ одной стороны нѣтъ рѣшительно никакихъ заботъ, о которыхъ необходимо было бы думать, а съ другой стороны нѣтъ и привычки предаваться какимъ бы то ни было безпокойнымъ размышленіемъ. Если бы такая мысль случайно и попала въ его голову, то, повертѣвшись въ ней недолго и убѣдившись, что ей тамъ нечего дѣлать, она сама поспѣшила бы испариться. И онъ собственно ни о чемъ и не думалъ. Онъ только ощущалъ удовольствіе отъ только что принятой прохладной морской ванны, отъ ощущенія ослабѣвшей дневной жары, отъ окружавшей его тишины и отъ предстоявшаго ему легкаго, вкуснаго обѣда. Последній онъ представлялъ себѣ вполне реально, такъ, какъ будто бы кушанья проносились передъ нимъ на блюдахъ, съ поднимающимся отъ нихъ паромъ.

Несмотря на то, что у него въ домѣ было множество слугъ, которые умирали отъ бездѣлья, онъ никому не уступалъ пріятной обязанности каждый день заказывать обѣдъ. Эта обязанность, благодаря удовольствію, которое она ему доставляла, была для него правомъ. Завтраку онъ не придавалъ значенія. Онъ почти никогда не завтракалъ дома, такъ какъ эти часы проводилъ въ благотворительномъ учрежденіи и ему туда приносили что-нибудь легкое изъ ресторана. Но обѣдъ составлялъ для него одинъ изъ самыхъ пріятныхъ моментовъ жизни.

Вставалъ онъ очень рано и при этомъ требовалъ, чтобы слуги не обращали на это вниманія и не поднимались ради него, тѣмъ болѣе, что въ это время дня, какъ и во всякое остальное, они были бы для него совершенно бесполезны. Въ шесть часовъ онъ уже былъ на ногахъ, бралъ непродолжительную ванну, окунаясь въ воду не болѣе двухъ разъ, гулялъ минутъ двадцать въ своей аллеѣ, а въ семь часовъ ему подавали кофе и онъ требовалъ къ себѣ доктора.

Поварь былъ у него совсѣмъ особенный и пользовался особымъ почетомъ въ домѣ. «Питаніе, — любилъ шутя говорить Гайдуковъ, — самое важное дѣло въ жизни, а потому и тотъ, кто питаетъ, — важный человѣкъ». Повара всѣ называли не иначе, какъ Родіономъ

Ивановичемъ, и въ его распоряженіи въ городскомъ домѣ и на дачѣ была квартира нисколько не хуже и не меньше, чѣмъ у управляющаго домами Гайдукова. Самъ Гайдуковъ если и не подавалъ ему руки, то лишь потому, что Родіонъ Ивановичъ ни за что не взялъ бы ее. Ему было лѣтъ семьдесятъ слишкомъ, но онъ сохранилъ полную бодрость. Искусство свое онъ зналъ уже въ теченіе пятидесяти лѣтъ и постоянно развивалъ и совершенствовалъ его. Въ нѣкоторыхъ кушаньяхъ онъ дѣйствительно достигалъ поразительнаго эффекта. Онъ умѣлъ самымъ простымъ вещамъ, приготовленнымъ съ виду незатѣйливо, придавать необыкновенный вкусъ. Отличительною чертой его кухни было умѣнье такъ искусно маскировать составныя части соусовъ, что всякій, находя ихъ чрезвычайно вкусными, никогда не могъ опредѣлить, изъ чего они сдѣланы. Благодаря Родіону Ивановичу, столъ Гайдукова пользовался въ городѣ репутаціей единственнаго, несравненнаго. Онъ стоялъ внѣ всякой конкуренціи. Поэтому Гайдуковъ чрезвычайно дорожилъ своимъ поваромъ, дѣлавшимъ ему славу, а поваръ въ свою очередь дорожилъ хозяиномъ.

И въ этотъ день Гайдуковъ въ семь часовъ утра велѣлъ пригласить къ себѣ Родіона Ивановича. Онъ сидѣлъ одинъ на широкой террасѣ, выходящей къ морю, за маленькимъ тяжелымъ столикомъ, на которомъ стоялъ кофейный приборъ. Внизу тихо плескалось море, на востокъ поднялось солнце и спокойно плыло по безоблачному небу. Онъ чувствовалъ свѣжесть тѣла и бодрость духа.

Родіонъ Ивановичъ явился изъ сада, взобравшись на террасу по узенькой лѣсенкѣ.

— Добраго утра, ваше превосходительство, — сказалъ онъ, почти вовсе не кланяясь, потому что станъ его уже былъ нѣсколько согбенъ и голова его была въ такомъ положеніи, какъ будто онъ застылъ въ поклонѣ.

— Добраго утра, мой почтенный Родіонъ Ивановичъ, — открытымъ, веселымъ голосомъ отвѣтилъ Гайдуковъ. — Такъ ли вы хорошо сегодня чувствуете себя, какъ вчера?

— Покорно васъ благодарю, ваше превосходительство. Я е помсотни лѣтъ проживу, чтобы служить и угождать вамъ.

— О? Жаль, что я-то не проживу такъ долго.

— Дай Богъ и больше прожить вашему превосходительству.

— Нѣтъ, Родіонъ Ивановичъ, что-то на то не похоже; во ночью спина болѣла, да и нога правая что-то неприятные разворы заводитъ.

— А вы бы, ваше превосходительство, приказали бальзамомъ се растереть.

— Какимъ бальзамомъ?

— А есть такой бальзамъ, только вотъ забылъ какъ называется.

— Ну, вотъ и отлично, вы вспомните, Родіонъ Ивановичъ, и скажете мнѣ, тогда я стану этимъ бальзамомъ мазаться и, можетъ быть, тоже еще пятьдесятъ лѣтъ проживу.

Это было, такъ сказать, вступленіе, а главный разговоръ оставался еще впереди. Такъ какъ дѣло вступало въ серьезный фазисъ, то Гайдуконъ предложилъ повару:

— Садитесь-ка, Родіонъ Ивановичъ, мнѣ жалко вашихъ ногъ, онѣ вамъ нужны.

Родіонъ Ивановичъ считаетъ это предложеніе за великую честь, но не отказывается, ибо, съ одной стороны, онъ знаетъ, что разговоръ на столь важную и серьезную тему будетъ долгій, а съ другой—честь только тогда и лестна, когда мы ею воспользовались.

Онъ садится на стулъ, который собственно для него здѣсь поставленъ.

— Ну-съ,—говоритъ Гайдуконъ,—позвольте вамъ доложить, Родіонъ Ивановичъ, что сегодня у насъ обѣдаютъ: Роничъ, Алабаковъ, Степанъ Ильичъ и Ришаръ—французскій консулъ, да Сергѣй Николаевичъ мой племянникъ.

— Слѣдовательно, пять персонъ, ваше превосходительство?

— Совершенно вѣрно. Что же вы можете предложить на сегодняшній день?

— На закуску, ваше превосходительство... теперь имѣются превосходнѣйшіе раки и ежели ихъ бордозомъ облить...

— Вы думаете бордозъ, Родіонъ Ивановичъ? А не находите ли вы, что лучше бы татарскій соусъ?

— Ваше превосходительство, въ прошлую субботу у насъ обѣдалъ господинъ консулъ Ришаръ и у насъ былъ тартаръ... Такъ неудобно будетъ.

— А въ самомъ дѣлѣ... Экая у васъ память, Родіонъ Ивановичъ!

— У меня, ваше превосходительство, на всѣ событія слабая память. Спросите меня, какъ зовутъ по порядку всѣхъ моихъ внуговъ,—ихъ у меня одиннадцать, ваше превосходительство,—а я не жму вамъ, забылъ, а что касается блюдъ, то-есть кто когда что, все помню... А къ ракамъ, ваше превосходительство, приба-

виль редисъ съ масломъ. У насъ вотъ какой редисъ выросъ... И потомъ рыжій грибокъ. Грибы собственно для господина Роница, они любятъ.

— Прекрасно! Дальше! — поощрительно говорилъ Гайдуковъ.

— А супъ мы дадимъ, если прикажете, ваше превосходительство, алёзель... У насъ также превосходнѣйшій щавель есть... Алёзель съ пашотомъ и къ нему маленькія ватрушечки, совѣмъ маленькія, какъ бы для одного только виду. А послѣ того...

— Ахъ, да, недурно бы телятины! Я давно мечтаю о телятинѣ.

— Телятина, ваше превосходительство, не хороша... Это еще съ мѣсяцъ обождать надо. Филей у насъ вчерашняго дня былъ.

И Родіонъ Ивановичъ задумался, очевидно, поставленный въ нѣкоторое затрудненіе. Но скоро глаза его прояснѣли, — онъ придумалъ.

— Я думаю, ваше превосходительство, возьмемъ грудинку бульи, обставимъ ее брюквой и морковкой, и сельдереемъ, и хрѣнцу къ ней подадимъ.

— Что-жь, это хорошо, это очень хорошо, — съ искреннимъ одобреніемъ промолвилъ Гайдуковъ.

— Рыба, ваше сіятельство... ужь не иначе, какъ скумбрія, потому теперь ея время... Я такую скумбрію видѣлъ, что даже сомнѣніе меня взяло, настоящая ли? Вотъ какая, ваше превосходительство!

И онъ показалъ руками дѣйствительно очень почтенный размѣръ скумбріи.

— И мы ее сдѣлаемъ просто фри, съ лимономъ, ваше превосходительство... Хотя господинъ Алабѣковъ и кушали у насъ скумбрію въ воскресенье, но та была обыкновенная, а такой, какъ я достану, они никогда и не видали... И тогда она была подъ бернуаромъ, ваше превосходительство. Что касается птицы, то птицу въ теперешнее время хорошую достать трудно, кромѣ цыплятъ. Дичины еще недѣли двѣ не будетъ, а цыплята теперь въ самомъ, что ни на есть, соку, ваше превосходительство.

— Ничего не имѣю противъ цыплятъ, — заявилъ Гайдуковъ живо представивъ себѣ нѣжнаго молодого цыпленка, зажареннаго въ сухарикахъ.

— А для сладкаго, ваше превосходительство, что-нибудь сладкое, — продолжалъ Родіонъ Ивановичъ.

— Сдѣлайте пуншъ.

— Пуншъ-глясе, ваше превосходительство?

— Именно.

Родионъ Ивановичъ высказалъ еще нѣсколько общихъ взглядовъ по поводу фруктовъ. Онъ находилъ, что персики, присылаемые моремъ изъ Константинополя, слишкомъ тяжелы и, къ тому, же во время путешествія теряютъ аромат, поэтому онъ предложилъ исключить ихъ изъ десерта и дожидаться мѣстныхъ персиковъ, которые еще не поспѣли, а пока замѣнить ихъ черешнями.

Гайдуковъ вполне раздѣлялъ этотъ взглядъ и вообще въ это утро ихъ мнѣнія во всемъ совпадали. Родионъ Ивановичъ ушелъ, чтобы приступить къ исполненію своихъ важныхъ обязанностей, а Гайдуковъ приготовился начать свой дѣловой день.

Съ такимъ удовольствіемъ заказанный обѣдъ продолжалъ быть для него главнымъ пріятнымъ мотивомъ всего дня. Въ восемь часовъ была подана коляска и онъ уѣхалъ въ городъ, въ благотворительное учрежденіе, гдѣ онъ состоялъ предсѣдателемъ.

Это благотворительное учрежденіе, какъ всё на свѣтѣ, благотворительныя учрежденія, занималось тѣмъ, что помогало бѣднымъ. Оно существовало давно и дѣятельность его вполне опредѣлилась. Средства его составлялись изъ пожертвованій и среди жертвователей всегда находился одинъ, который давалъ больше всѣхъ. Онъ и былъ обыкновенно предсѣдателемъ. Гайдуковъ съ давнихъ поръ поставилъ себя за правило жертвовать въ это общество по нѣскольку тысячъ въ годъ. Это давало ему право на предсѣдательство, и, кромѣ того, на многочисленныя, мелкія, назойливыя просьбы, которыми его забрасывали бѣдняки, онъ съ полнымъ правомъ могъ отвѣчать: идите въ благотворительное общество!

Въ хорошо организованномъ обществѣ были распорядители по разнымъ частямъ, секретарь, казначей, экономъ, и дѣло, давно налаженное, шло гладко и исправно.

Когда Гайдуковъ кончалъ свой утренній кофе, у него являлась мысль, что ему совершенно необходимо ѣхать въ благотворительное учрежденіе. Онъ думалъ такъ вполне искренно, но, въ сущности, эта мысль была необходима только ему одному. Она гнала его вонъ изъ дому. Если бы ея не было, онъ, пожалуй, остался бы на и умиралъ бы отъ незнанія, куда дѣвать себя и свое время. Мысль есть, она приходитъ каждый день и слава Богу, что приходитъ: она спасаетъ его отъ невыносимой скуки. Онъ на-ааетъ увѣрять себя, что ему никакъ нельзя опоздать, и потому опится. Это немного волнуетъ его, а онъ благодаритъ судьбу за свое волненіе.

Онъ пріѣзжаетъ въ благотворительное учрежденіе и тутъ же,

прежде всего, убѣждается въ томъ, въ чемъ могъ убѣдиться вчера и третьяго дня, и раньше каждый день, въ теченіе всей его десятилѣтней дѣятельности въ обществѣ: что ему здѣсь нечего дѣлать, что, въ сущности, безъ него здѣсь дѣла шли бы также, какъ и съ нимъ.

Дѣло происходитъ слѣдующимъ образомъ. Во-первыхъ, онъ пріѣзжаетъ слишкомъ рано. Дѣятели благотворительнаго общества не привыкли такъ рано начинать дѣловой день, да въ этомъ и нѣтъ надобности. Даже сторожъ, только издали завидѣвъ его коляску, едва успѣваетъ напялить присвоенную его званію ливрею. Гайдуковъ, въ ожиданіи «дѣла», ходитъ изъ угла въ уголь по двумъ комнатамъ правленія, устланнымъ мягкимъ ковромъ. Иногда ему это надоѣдаетъ и онъ начинаетъ говорить съ сторожемъ, расспрашивая его о томъ, сколько ему лѣтъ, давно ли онъ служитъ въ обществѣ, какое получаетъ жалованье, женатъ ли онъ и сколько у него дѣтей, хотя давнымъ-давно все это знаетъ, такъ какъ тысячу разъ сторожъ развлекалъ его отвѣтами на эти вопросы. Но вотъ является секретарь и приноситъ ему почту, т.-е. бучу пакетовъ, адресованныхъ въ благотворительное учрежденіе.

— Ого,—говоритъ Гайдуковъ, съ удовольствіемъ потирая руки,—какая ихъ пропасть!

— Да, ваше превосходительство, порядочно вамъ будетъ работы,—отвѣчаетъ хитрый секретарь, тщательно скрывая подъ усами ироническую усмѣшку, и почтительно оставляетъ его.

Гайдуковъ садится за столъ и не торопясь раскрываетъ пакеты. Вотъ здѣсь, въ этой бумагѣ, просятъ о пріемѣ мальчика въ пріютъ. Гайдуковъ подымаетъ голову и старается припомнить, кто именно завѣдуетъ этою частью, и, припомнивъ, пишетъ на поляхъ: «Передать завѣдывающему воспитательною частью, для соображеній», затѣмъ онъ кладетъ штемпель, съ обозначеніемъ числа и мѣсяца, и бумагу откладываетъ въ сторону. Изъ слѣдующаго пакета появляется на свѣтъ бумага, въ которой просятъ принять пожертвованіе въ сто рублей. Просьба эта, безъ сомнѣнія, легко исполнима, но Гайдуковъ старается все дѣлать по формѣ, а потому и тутъ припоминаетъ, кто вѣдаетъ этого рода дѣлами, и, припомнивъ, пишетъ: «Принять пожертвованіе, передать казначею и благодѣтелю жертвователя». Тутъ онъ, какъ и въ первой бумагѣ, водѣжаетъ полностью свою подпись: «предсѣдатель Гайдуковъ», водѣжаетъ штемпель и откладываетъ бумагу уже на другое мѣсто, обѣщая такимъ образомъ и безъ того не трудную работу секретарю. Десятки бумагъ еще проходятъ черезъ его руки и испытываютъ ту же судьбу.

Все это, конечно, съ гораздо большимъ успѣхомъ и знаніемъ дѣла могъ бы сдѣлать секретарь. Но если бы это дѣлалъ секретарь, то Гайдуковъ каждый день въ теченіе, по крайней мѣрѣ, пяти часовъ былъ бы несчастнымъ человѣкомъ. Ему рѣшительно нечего было бы дѣлать въ эти часы.

Есть счастливые люди, которые могутъ спать до полудня. Еслибъ онъ принадлежалъ къ такимъ, то этимъ была бы разрѣшена половина трудныхъ житейскихъ вопросовъ. Но онъ не могъ и не имѣлъ права. Доктора предписали ему гигиеническій образъ жизни. Онъ сложенъ нѣсколько плотнѣе, чѣмъ слѣдуетъ, у него короткая шея... а жизнью, вѣдь, онъ дорожить и ему надо рано ложиться и рано вставать и дѣлать побольше движеній. И вотъ за эти-то пять часовъ въ сутки, которые такъ хорошо помогаетъ ему провести благотворительное учрежденіе, Гайдуковъ и платитъ нѣсколько тысячъ въ годъ.

Разсмотрѣніе бумагъ продолжается часа полтора. Когда штемпель положенъ на послѣднюю бумагу, онъ звонитъ, приглашаетъ секретаря, который уносить прочь бумаги. Опять столъ пустъ, Гайдуковъ одинъ и безъ опредѣленнаго дѣла, и онъ переживаетъ минуту затрудненія. Нѣсколько туровъ изъ угла въ уголь, изъ одной комнаты въ другую не выручаютъ его, но за то на выручку является новое лицо. Въ передней происходитъ движеніе, кто-то снимаетъ пальто и разговариваетъ со сторожемъ. У Гайдукова является въ сердцѣ надежда. И въ самомъ дѣлѣ входитъ завѣдующій воспитательною частью. Это человѣкъ очень почтеннаго вида, хлѣбный торговецъ, никогда не скучающій и очень хорошо знающій, куда дѣвать свое время. Но ему извѣстно также, что Гайдуковъ этого не знаетъ и какъ разъ въ это время испытываетъ муки, и такъ какъ онъ очень уважаетъ Гайдукова, какъ крупнаго жертвователя, предсѣдателя общества и, — и это главнымъ образомъ, — милліонера, то заходитъ въ этотъ часъ нарочно, чтобы развлечь его.

— А, Ѳеодоръ Прокофьевичъ! — радостно встрѣчаетъ его Гайдуковъ. — Очень радъ васъ видѣть! Ну, что хорошаго? Сбыли вашъ грузъ, а?

Ѳеодоръ Прокофьевичъ очень польщенъ тѣмъ, что Гайдуковъ интересуется его дѣлами. Въ послѣдніе дни онъ дѣйствительно озабоченъ судьбой своего паруснаго судна, которое ушло съ большимъ грузомъ въ Марсель. Онъ что-то долго не получалъ о немъ извѣстій.

Благодарю васъ, я получилъ извѣстіе... Маленькая аварія, общемъ все благополучно.

— Ну, вот и слава Богу! — говоритъ Гайдуковъ и уже начинаетъ думать, о чемъ бы такому еще спросить этого господина. — Ну, вот и отлично, отлично, — повторяетъ онъ, — я очень радъ, что все такъ хорошо кончилось! Ну, и что же, выгодно продали вашъ грузъ?

— О, да, теперь пшеница въ цѣнѣ! Я всегда знаю благоприятный моментъ. Я никогда не тороплюсь.

— Гм... да, да... Это хорошо... Никогда не слѣдуетъ торопиться... А скажите, Ѳеодоръ Прокофьевичъ... Вотъ что-то такое я хотѣлъ у васъ спросить?... Экая у меня память!... Да... ваша супруга пріѣхала изъ Москвы?

— Да она не уѣзжала въ Москву.

— Какъ? Не уѣзжала? Такъ это я спуталъ.

— Ну, да, это жена Антонова уѣзжала въ Москву и она, кажется, вернулась.

— Въ самомъ дѣлѣ, въ самомъ дѣлѣ. Да, это Антонова!

Такимъ образомъ Гайдуковъ напрягалъ свою изобрѣтательность въ теченіе получаса и, все-таки, былъ доволенъ, потому что такъ или иначе, а время уходило болѣе или менѣе благополучно, но у Ѳеодора Прокофьевича были неотложныя дѣла, онъ скоро простился и ушелъ.

Гайдуковъ опять начинаетъ ходить по комнатамъ и всякій разъ, когда проходитъ мимо оконъ, останавливается и внимательно глядитъ на улицу, самъ не замѣчая, что страстно ждетъ, не забредетъ ли кто-нибудь изъ членовъ общества или хотя бы изъ постороннихъ лицъ, будь то даже самый жалкій проситель.

А, вотъ принесли бумагу! Гайдуковъ слышитъ въ передней движеніе и видитъ въ полураскрытую дверь какого-то казеннаго разсылнаго, и сердце его начинаетъ биться сильнѣе, какъ будто ему предстоитъ пріятное свиданіе. Вотъ сторожъ, росписавшись въ книгѣ, отпустилъ разсылнаго, принесъ пакетъ и положилъ его на столъ.

— Бумага, ваше превосходительство, — говоритъ сторожъ, принимающій серьезное участіе въ его радости, такъ какъ ему очень хорошо извѣстно, что Гайдуковъ скучаетъ.

— А, бумага! Великолѣпно! Вотъ мы ее сейчасъ посмотримъ, — съ растяжкой говоритъ Гайдуковъ, но не беретъ пакетъ тотчасъ и не распечатываетъ его, стоя у стола, а обходитъ столъ, садится въ кресло, кладетъ пакетъ передъ собой, придвигаетъ себѣ штемпель и только тогда добываетъ изъ пакета бумагу. Первая часть первой части второго участка сообщаетъ, что у стѣны

ята, содержимаго благотворительнымъ обществомъ, съ улицы, лежить сорная куча и онъ покорнѣйше просить правленіе общества, чтобъ эту кучу немедленно убрали, такъ какъ она заражаетъ воздухъ и портитъ общій видъ.

«Въ чемъ же это вѣдѣніи?» — думаетъ Гайдуковъ и по достаточномъ размышленіи приходитъ къ заключенію, что это находится въ вѣдѣніи эконома. Тогда онъ дѣлаетъ обычную надпись съ своею подписью и откладываетъ бумагу впредь до прихода секретаря.

Сорная куча волнуетъ его минутъ десять, но затѣмъ мысль о ней исчезаетъ изъ его головы, и въ головѣ этой опять образуется пустота. Но ему сегодня везетъ. Явился эконокъ. Онъ тоже былъ человѣкъ почтеннаго вида, но въ лицѣ его было что-то хитрое и нездоровое. Экономъ былъ человѣкъ бѣдный и много работающій. На лбу его красовались глубокія складки, — слѣды мучительныхъ думъ о добываніи хлѣба, а хитрость, которая свозила въ его глазахъ, была несомнѣнно для него важнымъ орудіемъ въ борьбѣ за существованіе.

— А, Петръ Ивановичъ, я очень радъ васъ видѣть! — говоритъ и ему Гайдуковъ, и это правда, потому что онъ теперь радъ всякому. — Ну, что, какъ? Что хорошаго? Какъ ваша супруга, Петръ Ивановичъ? Родила? Кажется, она собиралась...

— Родила, ваше превосходительство, восьмого.

— Неужели восьмого? — съ ужасомъ воскликнулъ Гайдуковъ.

— Восьмого, ваше превосходительство.

— Но, вѣдь, это вамъ трудно.

— Да, не легко. Вообще трудно жить на свѣтѣ, ваше превосходительство, бѣдному человѣку.

— Гм... Да, конечно, — говоритъ Гайдуковъ, нѣсколько тронутый этимъ заявленіемъ. — А вы какое получаете жалованье?

— Шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, ваше превосходительство.

— Это не много. Да, я думаю, что на эти деньги трудно содержать восемь душъ дѣтей.

— Не трудно, ваше превосходительство, а невозможно. Въ долги вхожу, а чѣмъ платить буду — не знаю.

— А, это нехорошо! Вамъ надо просить прибавки.

Экономъ махнулъ рукой.

Все равно не дадутъ, ваше превосходительство. Члены правленія не очень-то щедры для служащихъ. Да и то сказать, если бы они могли входить въ положеніе каждаго?

Гайдуковъ уже явственно ощущаетъ въ своей груди что-то горькое. Вдругъ на него находитъ порывъ великодушія и онъ,

можетъ быть, зная, какъ такого рода порывы быстро у него проходятъ, торопится высказаться.

— Ну, а скажите, Петръ Ивановичъ, — говорить онъ съ замѣтною теплотой въ голосѣ, — только такъ, по совѣсти, какъ истинно расположенному къ вамъ человѣку... Вы говорите, что у васъ есть долги?

— Есть, ваше превосходительство, какъ имъ не быть?

— Ну, сколько же, сколько? — торопить его Гайдуковъ.

Экономъ дѣлаетъ видъ, что мысленно сосчитываетъ свои долги, но въ дѣйствительности онъ занятъ совсѣмъ другою душевною работою. Онъ колеблется, какъ понимать этотъ вопросъ. Зная уже много лѣтъ Гайдукова, онъ догадывается, что тутъ пахнетъ добромъ. Не часто это бываетъ, но случается, что Гайдукову вдругъ придетъ фантазія выбросить какую-нибудь сумму. Долги его, какъ онъ очень хорошо знаетъ, равнялись, примѣрно, пяти сотнямъ. Но надо же воспользоваться случаемъ, чтобъ и себѣ заработать, по крайней мѣрѣ, столько же. Это составитъ тысячу. Да надо еще что-нибудь запросить, потому что Гайдуковъ какъ бы ни былъ великодушно настроенъ, никогда не дастъ столько, сколько просятъ, и какъ будто торгуется. Самъ Гайдуковъ объяснялъ эту свою манеру такимъ образомъ: «Вѣдь, это единственный способъ, посредствомъ котораго я дѣлаю экономію. Вѣдь, я могъ бы дать все, что у меня просятъ, но я даю меньше, и вотъ разница между тѣмъ, что просятъ, и тѣмъ, что я даю, и составляетъ мой барышъ».

— Ну, сколько же, сколько, Петръ Ивановичъ? — повторилъ Гайдуковъ, какъ бы боясь, что тотъ опоздаетъ съ отвѣтомъ. — Какъ же это вы, такой аккуратный, и не можете сразу опредѣлить вашихъ долговъ.

— Тысячу пятьсотъ рублей, ваше превосходительство.

— О-о! Цифра порядочная! — говорить Гайдуковъ, для котораго эта цифра, въ сущности, такъ мала, что представляетъ чисто-теоретическій интересъ.

— Что-жъ дѣлать, ваше превосходительство! Трудно жить, восьмой ребенокъ! Трехъ уже воспитываю... Вѣдь, это обязанности, ваше превосходительство, священные обязанности! Ихъ не исполнять.

— Знаете, мнѣ очень хочется услужить вамъ, Петръ Ивановичъ, но такая сумма мнѣ не по средствамъ, — съ усмѣшкой прибавляетъ онъ. — Я дамъ вамъ займы тысячу рублей.

— Ваше превосходительство, я такъ вамъ благодаренъ, такъ благодаренъ, — дрожащимъ голосомъ говорить экономъ.

— Ну, полно-те, пустое... Садитесь-ка, да пишите росписку. Экономъ готовъ написать сотню росписокъ. Было бы смѣшно, еслибъ онъ вздумалъ платить Гайдукову. Еслибъ онъ это сдѣлалъ, то Гайдуковъ первый посмѣялся бы надъ нимъ.

Между тѣмъ, Гайдукову крайне необходима росписка. Надо, чтобъ это имѣло видъ, что онъ не разбрасываетъ деньги какъ-нибудь глупо. Онъ столько разбрасывалъ ихъ на своемъ вѣку, что это ему, наконецъ, надоѣло.

Экономъ сѣлъ за столъ и съ видомъ покорности обозначилъ на бумагѣ, что онъ готовъ во всякое время по требованію Гайдукова уплатить ему тысячу рублей, которую взялъ у него взаймы. Гайдуковъ взялъ у него росписку, сложилъ и положилъ въ карманъ, затѣмъ вынулъ изъ кармана чековую книжку, написалъ чекъ на тысячу рублей и передалъ его торжествующему эконому, и такъ какъ рыцарское настроеніе у него еще продолжалось, онъ захотѣлъ перемѣнить разговоръ, чтобы не оставлять эконома въ щекотливомъ положеніи человѣка, только что получившаго деньги.

— Что я такое хотѣлъ вамъ сказать?... Позвольте, позвольте! Ахъ, да! Вотъ бумага насчетъ какой-то сорной кучи, вѣдь, это по вашей части... Надо убрать, — знаете, неловко...

Экономъ началъ извиняться по поводу сорной кучи и приводить какія-то оправданія. Въ это время Гайдукову принесли изъ ресторана завтракъ, но онъ едва прикоснулся къ нему. Онъ берегъ свой аппетитъ для обѣда. Пріятное ожиданіе его не покидало Гайдукова цѣлый день.

V.

Около половины перваго кучеръ, хорошо знающій свои обязанности, подалъ коляску. Гайдуковъ увидѣлъ это въ окно и воображеніе нарисовало ему обычную программу его дальнѣйшаго дня: пріѣздъ домой, двухчасовое избѣганіе жары въ мягкихъ и широкихъ одеждахъ, отказъ отъ приѣма кого бы то ни было, потомъ морская ванна, моціонъ, обѣдъ... Вдругъ на него отъ этой программы ѣяло скукой и ему захотѣлось сдѣлать хоть маленькое уклоненіе. Его неизобрѣтательный умъ былъ неприхотливъ и довольствоваться пустяками: хоть что-нибудь не такъ, какъ вчера.

Онъ позвонилъ; вошелъ сторожъ.

— Скажи моему Семену, чтобы ѣхалъ домой.

· Безъ васъ, ваше превосходительство? — съ удивленіемъ силъ сторожъ.

— Ну, да, пусть сейчас ъдетъ.

Сторожъ виѣстъ съ приказаніемъ передалъ кучеру и свое изумленіе. Кучеръ пожалъ плечами, но повиновался. Коляска укатила.

Гайдуковъ еще нѣсколько разъ прошелся по комнатамъ, затѣмъ надѣлъ пальто, взялъ свою палку и вышелъ. Онъ пошелъ пѣшкомъ, толкаясь среди уличныхъ пѣшеходовъ; это его развлекало и доставляло ему удовольствіе. Онъ останавливался у оконъ магазиновъ и съ любопытствомъ разсматривалъ самыя ничтожныя, грошовыя вещи. Ему ужасно хотѣлось что-нибудь купить, то-есть испытать этотъ процессъ, когда входишь въ магазинъ, спрашиваешь вещь, торгуешься и чувствуешь себя покупателемъ. Но ему рѣшительно ничего не нужно, у него есть все. Онъ напрягаетъ мозгъ, стараясь изобрѣсти что-нибудь. Сперва онъ убѣждаетъ себя, что ему необходимы перчатки, галстукъ, запонки, но затѣмъ это кажется ему слишкомъ ужъ нелѣпымъ, такъ какъ всего этого у него въ изобиліи. Но вотъ онъ останавливается у витрины антикварія и смотритъ внутрь магазина сквозь большое цѣльное стекло. Среди множества оригинальныхъ вещицъ на него какъ-то упорно и настойчиво смотритъ стоящая отдѣльно и на почетномъ мѣстѣ старинная севрская ваза. Въ этихъ дѣлахъ онъ кое-что понимаетъ и ясно видитъ, что ваза интересна и достойна его кармана. Тутъ у него является мысль, что именно этой самой севрской вазы ему не доставало. Онъ даже опредѣляетъ ей мѣсто въ своей городской квартирѣ. Ну, да, ему давно казалось, что въ гостиной на каминѣ чего-то не хватаетъ, и не хватаетъ-то именно этой самой севрской вазы. Даже больше, онъ совершенно увѣренъ, что уже нѣсколько лѣтъ мечтаетъ объ этой севрской вазѣ. Нѣтъ ничего легче, какъ убѣдить въ какой угодно фантазіи ничѣмъ не занятую голову. И онъ направляется въ магазинъ.

Антикварій прекрасно знаетъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло. Гайдуковъ внимательно разсматриваетъ вазу и убѣждается въ ея достоинствахъ.

— Жаль только, что она мнѣ не нужна, — говоритъ онъ, желая, по своему обыкновенію, и на этой тратѣ «сдѣлать экономію», — да, очень жаль... Чудная вещица, но я просто не зналъ бы, куда ее дѣвать.

Антикварій начинаетъ убѣждать его, что для такой вещи все-таки можно найти мѣсто, что она можетъ служить лучшимъ украшеніемъ въ любой комнатѣ, но Гайдуковъ слушаетъ его равнодушно и въ глубинѣ души убѣжденъ, что очень искусно разыгрываетъ роль хладнокровнаго покупателя.

— Ну, а цѣна какая?— какъ бы мимоходомъ спрашиваетъ онъ.

— Цѣна небольшая, три съ половиной тысячи. Мало охотниковъ нынче на такія вещи. Въ прежнее время за нее можно было бы десять тысячъ взять.

— Да, еслибъ она была мнѣ нужна, то я далъ бы за нее тысячи двѣ,—возражаетъ Гайдуковъ, а антикварій уже видитъ, что ваза задѣла его за живое, и опредѣляетъ, что три тысячи онъ во всякомъ случаѣ получитъ. Гайдуковъ торгуется и поражаетъ антикварія своею скупостью. Тотъ уже отступилъ отъ трехъ тысячъ и дошелъ до такой цифры, ниже которой идти уже не можетъ. Гайдуковъ видитъ, что ниже этой цифры тотъ никогда не спустится, но ни за что не хочетъ прибавить лишнихъ пятьдесятъ рублей и уходитъ изъ магазина, не купивъ вазы. Но антикварій знаетъ, что, въ концѣ-концовъ, онъ ее купитъ. Гайдуковъ тоже это знаетъ. Онъ просто оставляетъ себѣ маленькую зацѣпку для пріятнаго волненія. Двѣ недѣли онъ будетъ мечтать о вазѣ, иногда заглядывать въ магазинъ, торговаться и затѣмъ, наконецъ, ваза-таки будетъ стоять у него на каминѣ.

Послѣ этого Гайдуковъ доставляетъ себѣ высочайшее наслажденіе: онъ ѣдетъ за городъ на конкѣ. Вся ѣдущая съ нимъ публика знаетъ его и не можетъ надивиться, почему Гайдуковъ, у котораго свои чудныя лошади, предпочитаетъ сидѣть на скамейкѣ рядомъ съ какимъ-то оборванцемъ въ открытой конкѣ, предоставляя себя солнечной жарѣ и пыли. А онъ это видитъ или, скорѣе, чувствуетъ, и ему пріятно, что онъ ведетъ себя такъ, какъ всѣ простые люди. Кондукторъ испытываетъ даже нѣкоторое затрудненіе. Какъ съ миллионера взять десять копѣекъ? Онъ совершенно правильно рассуждаетъ, что для человѣка, привыкшаго всю жизнь платить за удовольствія тысячи, десятки и сотни тысячъ, заплатить десять копѣекъ такъ же трудно, какъ большому кораблю проплыть по узкой, мелкой рѣчонкѣ.

Иногда Гайдуковъ доставляетъ себѣ еще большее удовольствіе, отправляясь изъ города домой на самомъ северномъ извожикѣ, на пролетѣ, металлическія части которой поютъ на разные голоса, образуя какой-то дивій оркестръ. Въ прежнее время случалось, что онъ это путешествіе совершалъ пѣшкомъ, по послѣ того, какъ перевалило за пятьдесятъ, его ужъ на это не хватаетъ.

Но вотъ, наконецъ, онъ достигъ своей дачи, онъ дома, приключенія кончились и время, оставшееся до обѣда, онъ проводитъ обыкновенно образомъ.

— въ обѣду съѣзжаются гости. У него каждый день обѣдаютъ

знакомые. Еслибъ ему пришлось хоть разъ въ жизни пообѣдать одному, то онъ почувствовалъ бы желаніе повѣситься. Во всякомъ случаѣ, у него не было бы аппетита, какія вкусныя вещи ему ни предлагалъ бы Родіонъ Ивановичъ.

Первымъ является Степанъ Ильичъ. Онъ живетъ въ городѣ и всегда пріѣзжаетъ на конкѣ, такъ какъ у него нѣтъ своихъ лошадей. У этого человѣка, конечно, есть фамилія, но ее никто никогда не произноситъ. И это не потому, чтобы она была неблагозвучна или непочтенна, но просто въ ней нѣтъ надобности. Всѣ называютъ его Степаномъ Ильичемъ и подъ этимъ именемъ знаетъ его весь городъ. Онъ обѣдаетъ у Гайдукова каждый день. Безъ него столъ былъ бы неполонъ и гости чувствовали бы себя неловко. Они съ Гайдуковымъ давніе пріятели, они друзья дѣтства, юности и всѣхъ остальныхъ періодовъ жизни. У Степана Ильича когда-то было состояніе. Ему было лѣтъ двадцать пять, когда оно перешло въ его руки, а Гайдуковъ въ это время былъ уже полновластнымъ распорядителемъ отцовскихъ милліоновъ. Года четыре молодые люди кутили вмѣстѣ, не отдыхая ни одной минуты. Когда они вздумали остановиться и перевести духъ, то оказалось слѣдующее: у Гайдукова были милліоны и потому онъ устоялъ, а у Степана Ильича были только сотни тысячъ и онѣ всѣ испарились. Съ тѣхъ поръ Гайдуковъ сдѣлалъ Степана Ильича своимъ вѣчнымъ пансіонеромъ. Онъ давалъ ему на всѣ нужды, чтобы можно было поддерживать вполне приличное существованіе, а въ возмездіе за это взялъ съ него слово, что тотъ будетъ обѣдать съ нимъ каждый день, такъ какъ Гайдуковъ не могъ бы провести безъ пріятеля ни одного дня. Когда Гайдуковъ ѣздилъ за границу на воды или къ морю, Степанъ Ильичъ отправлялся съ нимъ. У нихъ были одинаковые вкусы и даже одинаковыя болѣзни. Они пили однѣ и тѣ же воды и купались въ однихъ и тѣхъ же моряхъ.

Другія «персоны» за обѣденнымъ столомъ мѣнялись каждый день, а Степанъ Ильичъ былъ неизмѣненъ и, какъ мы видѣли, онъ настолько былъ уважаемъ въ этомъ домѣ, что даже Родіонъ Ивановичъ принималъ въ расчетъ его вкусы.

За обѣдомъ Гайдуковъ видимо оживлялся. Его нѣсколько одуховитыя щеки, сѣровато-блѣднаго, нездороваго цвѣта, покрывали румянцемъ, глаза, обыкновенно слишкомъ спокойныя, съ взгдомъ человѣка, какъ бы разъ навсегда убѣдившагося, что въ мірѣ нѣтъ ничего интереснаго и что все произойдетъ именно такъ, какъ должно произойти, и никакихъ уклоненій отъ этой нормы не будетъ, — загорались блескомъ и онъ начиналъ усиленно обраца-

вниманіе своихъ гостей на закуски, на соусъ, поданный къ ракамъ, на миниатюрныя ватрушки, которыя Родіонъ Ивановичъ сдѣлалъ только «какъ бы для виду», на необыкновенную скумбрію, открытую тѣмъ же Родіономъ Ивановичемъ и зажаренную такъ, что она таяла во рту... И въ продолженіе всего обѣда имя Родіона Ивановича непрерывно упоминалось и прославлялось.

Онъ также обращалъ вниманіе гостей на прекрасныя вина, на удивительный коньякъ, поданный къ кофе, на необыкновенную мадеру и на рѣдкія сигары, появившіяся послѣ обѣда. И при этомъ его искреннее увлеченіе было почти безкорыстно. Самъ онъ выпивалъ только одинъ маленькій стаканчикъ бургонскаго. Все остальное было разъ навсегда отвергнуто его желудкомъ. Но онъ любилъ смотрѣть, какъ гости пьютъ и наслаждаются дѣйствительно превосходными напитками. Въ особенности онъ любилъ наблюдать въ это время Степана Ильича, который былъ художникомъ по части всего, что относилось къ питью. Онъ какъ-то особенно наливалъ вино въ стаканъ и подносилъ его къ губамъ и пробовалъ и при этомъ дѣлалъ такую соблазнительную мину, что всѣмъ тотчасъ хотѣлось пить. Онъ былъ истинный знатокъ и цѣнитель.

Послѣ обѣда всѣ выходятъ на террасу и тамъ завязывается общий разговоръ. Гайдуковъ сидитъ въ креслѣ, куритъ сигару и молча слушаетъ. Тутъ ему рѣшительно все равно, о чемъ бы ни говорили гости. Онъ теперь наслаждается какъ бы сознаниемъ съѣденнаго тонкаго обѣда и ароматомъ сигары. Онъ выкуриваетъ только одну сигару въ день. Когда послѣ сильнаго припадка его болѣзни, которою онъ страдалъ уже нѣсколько лѣтъ, доктора нашли вредной для него и эту одну сигару и хотѣли запретить ее, Гайдуковъ возразилъ имъ съ глубокимъ чувствомъ и несомнѣнно отъ самаго сердца:

— Господа, вы хотите отнять у меня единственное истинное наслажденіе, какое я получаю отъ жизни... Нѣтъ, пусть это будетъ мнѣ вредно, пусть это уменьшитъ мою жизнь на нѣсколько лѣтъ, но я буду курить мою одну сигару послѣ обѣда.

И ему разрѣшили.

Когда сигара подходитъ къ концу, Гайдуковъ незамѣтно переходитъ въ забвеніе и, въ то время, какъ гости продолжаютъ бесѣду о разныхъ городскихъ, большею частью торговыхъ дѣлахъ, онъ, сидя въ креслѣ, дремлетъ минутъ десять и видитъ при этомъ во что-нибудь успокоительно-пріятное: прохладную ванну въ жаркій лѣтній день или свѣжій мирный швейцарскій пейзажъ. И въ лѣтъ и затѣмъ на яву, когда онъ просынается, онъ чувствуетъ себя глубоко удовлетвореннымъ.

— А что же, дядя, — говорит племянникъ его Любощинскій, — вы познакомились съ проектомъ этого господина?

— Съ какимъ проектомъ и какого господина? — спросилъ Гайдуковъ, которому не легко было сразу перенестись отъ своего послѣобъденнаго очарованія въ мѣръ обычныхъ интересовъ.

— Да вотъ этого вашего рыцаря печальнаго образа?

— А, Рябченка? Нѣтъ, я еще не прочиталъ. Но это меня очень интересуетъ.

— Представьте себѣ, — обратился Любощинскій къ гостямъ, — этотъ господинъ... вы, можетъ быть, его знаете?

— Это тотъ, который открылъ голыхъ мальчиковъ? — спросилъ Роничъ.

— Я не знаю, что онъ открылъ, и не интересуюсь этимъ. Любопытно только то, что онъ распоряжается чужими милліонами, какъ своими.

— Онъ распоряжается ими не для себя, а для другихъ, — заступился Гайдуковъ за своего пріятеля.

— Ну, да вы, дядя, пристрастны къ нему. У васъ къ этому господину какое-то болѣзненное влеченіе. Можно подумать, что онъ васъ загниотизировалъ. А, впрочемъ, *les extrémités se touchent*.

— Почему же *les extrémités*?

— Да очень просто: дядя богатъ, а Рябченко бѣденъ.

— Такихъ противоположностей можно найти много, но онѣ далеко не всѣ сходятся, — возразилъ Гайдуковъ.

— Во всякомъ случаѣ, — саркастически продолжалъ Любощинскій, — въ тотъ моментъ, когда богатый отсчитываетъ и даетъ бѣдному нѣкоторую сумму, а бѣдный протягиваетъ руку, чтобы взять ее, они такъ или иначе сойдутся.

— Я охотно далъ бы Рябченку порядочную сумму, чтобы облегчить его существованіе, но онъ ни за что не возьметъ, — съ убѣжденіемъ сказалъ Гайдуковъ.

— А вы пробовали, дядя?

— Нѣтъ, и не попробую. Онъ не возьметъ. Я это совершенно явственно чувствую.

— Дядя наивенъ. Неужели вы серьезно думаете, что всѣ проекты о милліонныхъ благотворительныхъ дѣлахъ, которые того и составляются въ милліонномъ масштабѣ, чтобы никто серьезно не могъ къ нимъ отнестись, неужели вы думаете, что они для того только и пишутся, чтобы выманить у васъ нѣкоторую сумму денегъ подъ этимъ благовиднымъ предлогомъ? Онъ, этотъ господинъ, конечно, не такъ наивенъ, чтобы рассчитывать на

лионы. Милліонъ тутъ поставленъ такъ себѣ, для внушительно-сти,—не все ли равно ему, у котораго и три рубля-то не всегда бывають въ карманѣ, не все ли равно ему тысяча, сто тысячъ, милліонъ, сто милліоновъ? Онъ обращается съ этими милыми цифрами такъ же легко и свободно, какъ ребенокъ съ оловянными солдатами, заставляя ихъ воевать, побѣждать и обращаться въ бѣгство и зная очень хорошо, что это никому не грозитъ опасностью. Но повѣрьте, что онъ не только не откажется, а даже поблагодарить, если вы дадите ему всего только пять сотенныхъ и скажете: вотъ это вашей женѣ на булавки или вашимъ дѣтямъ на пеленки.

— Никогда, никогда!—съ необычною горячностью воскликнулъ Гайдуковъ.—Ты просто клеветашь на этого человѣка. Я не люблю, когда даже съ нѣкоторымъ основаніемъ говорятъ о комъ-нибудь дурно, а ты дѣлаешь это безъ всякихъ основаній. Мнѣ это неприятно.

— Я не понимаю, дядя, почему это васъ такъ трогаетъ. Я вовсе не хотѣлъ огорчать васъ.

— Да, это меня трогаетъ, потому что Рябченко—честный человекъ.

— Но позвольте, дядя, вотъ вы говорите, что я безъ основаній, но какія же у васъ основанія утверждать, что онъ честный человекъ?

— Это чувствуется во всемъ.

— О! Чувствуется! Ну, это слишкомъ шаткое основаніе! Вамъ чувствуется такъ, а мнѣ какъ разъ наоборотъ.

— Наконецъ, его поступки: онъ исключительно по благороднымъ побужденіямъ устроилъ игры для бѣдныхъ дѣтей и отдаетъ имъ свой трудъ и свое время.

— Это реклама, просто человѣку надо чѣмъ-нибудь выдвинуться. Ни способностей, ни талантовъ Богъ не далъ, вотъ онъ и играетъ на сердечныхъ струнахъ.

— А эти голые нищѣ, для которыхъ онъ такъ много сдѣлалъ?

— Реклама, все реклама! Не даромъ же онъ репортеръ!

— Можно подумать, что ты задался цѣлью во что бы то ни было сегодня противорѣчить мнѣ.

— Но, дядя, право же, такой цѣли у меня не можетъ быть. Это это мое глубокое убѣжденіе. И если хотите, я вамъ это скажу.

— Какимъ образомъ?

— Очень просто. Я предлагаю вамъ пари: въ слѣдующій разъ, когда онъ къ вамъ придетъ, вы, безъ всякихъ предисловій, просто

предложите ему, лично ему для его нужд... ну, тамъ какую-нибудь тысячу рублей,—вась это не разорить, и вы увидите, какъ глаза его умаслятся и онъ весь превратится въ благодарность и послѣ этого онъ долго-долго не будетъ надождать вамъ своими проектами. Помните, вы очень интересовались однимъ рѣдкимъ экземпляркомъ драцены, который видѣли, кажется, въ Кіевѣ. Это будетъ моя ставка. Если я проиграю, я вамъ во что бы то ни стало достану его и онъ украситъ вашу террасу.

— А моя ставка?

— Ad libitum.

— Ad libitum съ моей стороны?

— Нѣтъ, съ моей дядя.

— Ого!

— Но вы не беспокойтесь. Я не поставлю вась въ затрудненіе. Я буду очень скромнень.

Гайдуковъ понялъ это, какъ косвенную просьбу нѣкоторой изрядной суммы денегъ, которая понадобилась племяннику и которую онъ далъ бы ему и безъ этого пари. Онъ согласился.

VI.

Гайдуковъ и самъ не ожидалъ, что разговоръ съ племянникомъ заставитъ его испытывать такое волненіе. Это пари было для него не только предметомъ обсужденія, но и мученія.

Онъ давно привыкъ смотрѣть на себя по отношенію къ людямъ, какъ на мѣшокъ съ золотомъ, около котораго всѣ ходятъ и всякій норовитъ запустить въ него руку и хоть что-нибудь вытащить для себя. Поэтому-то людское общество давно уже не доставляло ему никакого удовольствія. Какъ умильшій членъ какого-нибудь общества или кружка каждымъ произнесеннымъ имъ словомъ непременно даетъ что-нибудь остальнымъ, такъ и онъ на каждомъ шагу чувствуетъ, что всякій, кто такъ или иначе сталкивается съ нимъ, непременно зависить отъ него или могъ бы зависѣть, еслибъ онъ захотѣлъ.

На каждомъ шагу, гдѣ только было возможно, его останавливали люди съ трагическими лицами, рассказывали ужасныя исторіи про свою жизнь и просили помощи. Съ двадцатилѣтняго вѣраста онъ былъ вѣчно заваленъ просительными письмами с вдовъ и сиротъ и всякаго рода бѣдныхъ и обиженныхъ. И ужъ давно привыкъ смотрѣть на все это, какъ на камушки, неизбѣжно попадающіеся по дорогѣ на мостовой. Они мѣшаютъ ходить, портятъ обувь и дѣлаютъ больно ногамъ, но ихъ слишкомъ мн

и нельзя ради каждаго нагибаться и поднимать его, чтобъ откинуть въ сторону. Въ послѣдніе годы у него даже явилась какая-то подозрительность къ людямъ. Какъ-то роковымъ образомъ случилось, что почти каждый изъ его знакомыхъ, старыхъ и новыхъ, по истеченіи извѣстнаго времени, непремѣнно просилъ у него денегъ и услугъ. Все шло хорошо, но, въ концѣ-концовъ, неизбѣжно случались какія-нибудь роковыя обстоятельства. И когда онъ смотрѣлъ на человѣка, хотя бы и незнакомаго ему, то онъ думалъ: вотъ и этотъ когда-нибудь попроситъ у меня денегъ. Это отравляло его жизнь, это лишало искренности его отношенія къ людямъ. У него не было друзей, кромѣ Степана Ильича, съ которыми его связывало прошлое, да, вѣдь, и въ этой дружбѣ были у нихъ отношенія дающаго и берушаго деньги.

И вотъ этотъ Рябченко, этотъ странный человѣкъ, добровольно посвятившій свою жизнь на разработку проектовъ усовершенствованія жизни другихъ, произвелъ на него впечатлѣніе человѣка, который для себя лично никогда не заглядывалъ въ его карманъ, — человѣка, равнодушно проходящаго мимо золотого мѣшка. Да, онъ готовъ былъ бы взять весь мѣшокъ цѣликомъ, это правда, но только съ тою цѣлью, чтобъ употребить его на исполненіе своихъ широкихъ плановъ для другихъ, но лично себѣ онъ не взялъ бы ни одной капли золота.

Почему же это ему такъ казалось? Можетъ быть, потому, что Рябченко никогда не говорилъ съ нимъ о своихъ личныхъ дѣлахъ, никогда не жаловался на обстоятельства, на то, что у него дѣти и мало средствъ. Онъ всегда говорилъ съ нимъ только о какомъ-нибудь фантастическомъ предпріятіи, которое должно было разомъ осчастливить всѣхъ бѣдняковъ. Его голосъ всегда дрожалъ, когда онъ говорилъ объ этихъ планахъ, и глаза вдохновенно горѣли.

Сколько разъ самому Гайдукову приходилось заговаривать съ нимъ объ его обстоятельствахъ и удивляться, что онъ, человѣкъ нуждающійся и работающій, отдаетъ такъ много времени этимъ чужимъ дѣламъ. Сколько, значить, у Рябченка было поводовъ сказать, какъ сказалъ бы ему въ такихъ случаяхъ всякій другой:

— Да, ваше превосходительство, мнѣ приходится трудно и бо вы одни можете облегчить мою участь.

Но онъ проходилъ мимо этого съ такою легкостью, какъ будто и него реальны были его планы, а его домашнія дѣла, жена и ги были лишь плодами его фантазій. И Гайдуковъ окончательно навѣкъ смотрѣлъ на Рябченка, какъ на человѣка, который ни-гда для себя не попроситъ у него денегъ.

Гайдуковъ не даромъ подержалъ пари и не даромъ это волновало его, какъ какое-нибудь важное событіе его собственной жизни. Человѣкъ, который за пятьдесятъ восемь лѣтъ жизни встрѣтилъ, наконецъ, другого человѣка, который, пользуясь его благосклонностью, ни разу не заикнулся о своихъ личныхъ нуждахъ и не попросилъ у него денегъ, долженъ былъ сильно встревожиться мыслью, что, быть можетъ, это было заблужденіе, до поры до времени ловко разыгрываемая комедія, только для того, чтобы спросить побольше. И тогда оказалось бы, что такого человѣка, о которомъ онъ мечталъ, нѣтъ въ природѣ.

Часовъ въ девять вечера гости разошлись. Въ одиннадцать часовъ Гайдукову надо было лежать въ постели; отъ этого правила онъ не отступалъ никогда, съ тѣхъ поръ, какъ почувствовалъ, что организмъ его сталъ изнашиваться, старѣть и въ немъ появились болѣзни, о которыхъ онъ прежде не имѣлъ понятія.

Тотчасъ по уходѣ гостей Гайдуковъ потребовалъ своего секретаря и попросилъ его прочитать вслухъ проектъ Рябченка.

Это былъ молодой человѣкъ съ лицомъ смуглымъ, обросшимъ и глуповатымъ. Его навязала Гайдукову губернаторша, такъ какъ онъ былъ неудачникъ въ школьныхъ наукахъ и, кромѣ того, приходился родственникомъ ея пріятельницы. Онъ причислялъ себя къ обществу и старался держаться такъ, чтобы и другіе раздѣляли этотъ взглядъ. Идеалъ его былъ Любоцинскій, которому онъ рбски подражалъ во всѣхъ виѣшнихъ пріемахъ и манерахъ. Когда онъ усѣлся за столъ и началъ читать проектъ Рябченка, то съ его губъ все время не сходила ироническая усмѣшка. Онъ слышалъ отзывы Любоцинскаго объ этомъ проектѣ и вполне усвоилъ его взглядъ.

За то его поражало отношеніе къ тому же дѣлу Гайдукова. Онъ никакъ не могъ понять, почему Гайдуковъ, обыкновенно равнодушный ко всему на свѣтѣ, съ такимъ глубокимъ вниманіемъ вслушивается въ каждое слово и постоянно дѣлаетъ короткія замѣчанія.

— Ага, это дѣльно! Это очень важно! Подчеркните карандашомъ. Объ этомъ надо будетъ поговорить.

Проектъ, однако же, былъ слишкомъ великъ, чтобы его можно было прочитать въ одинъ вечеръ, но уже и прочитаннаго было достаточно, чтобы судить о главной задачѣ Рябченка: облагодѣтствовать человѣчество.

Утромъ, передъ тѣмъ какъ ѣхать въ благотворительное учденіе, Гайдуковъ послалъ въ городъ къ Рябченку записку, въ

торой просилъ его зайти часа въ два поболтать. И ужь онъ затѣмъ все утро испытывалъ волненіе совершенно особаго рода. Помимо любопытства, у него было еще какое-то тревожное чувство, какъ будто онъ собирался совершить какое-то недоброе дѣло. Стоило только на минуту допустить, что Любошинскій неправъ, какъ становилось яснымъ, что онъ просто-на-просто собирается оскорбить Рябченка и, что всего хуже, съ этою цѣлью приглашаетъ его къ себѣ въ гости любезною запиской. Это походило на предательство.

Около двухъ часовъ дня Рябченко совершенно такъ, какъ вчера, быстрою походкой двигался по ровному шоссе, напоминая большую желтую птицу. Получивъ записку Гайдукова, онъ, разумѣется, тотчасъ же вообразилъ Богъ знаетъ что. Ему представилось, что проектъ его произвелъ потрясающее впечатлѣніе и что милліонъ уже готовъ для его предпріятія. Поэтому онъ былъ болѣе аккуратень, чѣмъ когда бы то ни было, и ровно въ два часа отворилъ калитку сада.

На этотъ разъ ему не пришлось заявлять о желаніи повидаться съ Гайдуковымъ. Его просто пригласили въ домъ и безъ доклада ввели въ ту комнату, гдѣ принималъ его Гайдуковъ вчера.

— Я васъ побезпокоилъ, — встрѣтилъ его Гайдуковъ, здороваясь и приглашая садиться, — но надѣюсь, что вы не очень разсердитесь на меня.

— Это по поводу проекта, ваше превосходительство?

— Да, я прочелъ его вчера вечеромъ. Онъ очень, очень интересень.

— Я это говорилъ вамъ, — съ сіяющимъ лицомъ замѣтилъ Рябченко.

— Да, да, Рябченко, онъ очень интересень. Я, признаюсь, не окончилъ его, но тамъ уже есть надъ чѣмъ подумать... Я отмѣтилъ карандашомъ... Видите ли... Это очень широко... Но надъ нимъ надо еще поработать... Очень много... А основная мысль совершенно вѣрна. Я прямо скажу вамъ, что ради такого дѣла, если бы его поставить практически, стоило бы пожертвовать не милліонъ, а больше. Мы съ вами еще потолкуемъ по этому поводу.

Онъ слѣдилъ за Рябченко и видѣлъ, какъ у него загорались глаза. Рябченко, въ самомъ дѣлѣ, испытывалъ высокое блаженство. Конечно, онъ не безъ надежды принесъ свой проектъ Гайдукову. Тамъ нуженъ былъ милліонъ, онъ и принесъ его туда, гдѣ ли милліоны. Но въ глубинѣ души не могъ же онъ, въ самомъ дѣлѣ, серьезно быть увѣреннымъ, что тотъ такъ вотъ возьметъ и броситъ милліонъ. Разстаться съ милліономъ! О, это должно

быть очень трудное дѣло для человѣка, вся жизнь котораго держится на обладаніи этимъ миллиономъ! Онъ сживается съ своимъ обладателемъ, срастается съ его плотью и кровью и его пришлось бы отрывать съ болью отъ самаго сердца.

И вдругъ его мечта какъ бы близка уже къ осуществленію. Если Гайдуковъ настолько заинтересовался, что позвалъ его къ себѣ, то, значитъ, это задѣло его за живое. Однимъ словомъ, въ головѣ его пронесся цѣлый рядъ мыслей, которыя способны мечтателя сдѣлать счастливымъ. Онъ былъ взволнованъ, ходилъ по комнатѣ, произносилъ восторженные восклицанія, а Гайдуковъ сидѣлъ и слѣдилъ за нимъ.

— Да, — сказалъ Гайдуковъ, — мы еще объ этомъ поговоримъ, Рябченко, мы поговоримъ объ этомъ основательно, а теперь о другомъ...

И голосъ у Гайдукова слегка дрожалъ, потому что въ эту минуту онъ чувствовалъ себя предателемъ:

— Вотъ видите ли, вчера я упомянулъ объ этомъ... помните, я высказалъ удивленіе, какъ вы, человѣкъ занятой и совершенно не обезпеченный, можете тратить такъ много времени и вниманія на чужое дѣло.

— Да, я помню это.

— Да, такъ это я не безъ цѣли... Мнѣ давно уже хочется... Ну, какъ вамъ сказать?... Вы не подумаете ничего дурного... Вѣдь, вы же знаете, какъ я расположенъ къ вамъ... Да, такъ мнѣ хотѣлось бы оказать вамъ дружескую услугу, Рябченко... Конечно, я не рѣшился бы предложить вамъ что-нибудь такъ... Но я хотѣлъ бы какъ-нибудь вознаградить вашъ трудъ.

— Позвольте, ваше превосходительство, но если вы его одобряете, если вы даете мнѣ надежду, что мой планъ можетъ быть осуществленъ, то какое же найдется для меня высшее вознагражденіе? Право, я былъ бы болѣе чѣмъ счастливъ, еслибъ увидѣлъ это дѣло осуществленнымъ.

— Нѣтъ, я говорю о вашемъ времени и трудѣ, — съ чуть замѣтнымъ смущеніемъ возразилъ Гайдуковъ, — я хотѣлъ бы вознаградить васъ лично.

— Меня? Развѣ я работалъ для васъ? Развѣ вы мнѣ заказали эту работу?

— Конечно, нѣтъ, но (смущеніе Гайдукова увеличивалось хотѣлъ бы по-пріятельски и въ формѣ для васъ необходимой... могъ бы дать вамъ займы, на примѣръ, нѣкоторую сумму... Пятисотъ тысячъ двѣ.

Рябченко какъ-то холодно усмѣхнулся.

— Смѣшно было бы, ваше превосходительство, еслибъ я взялъ у васъ такую сумму займа. Еслибъ я прожилъ еще сто лѣтъ, и то не былъ бы въ состояніи уплатить ее.

— Но этого и не надо, — посмѣшно возразилъ Гайдуковъ. — Вы же понимаете, что я не нуждался бы...

— Простите меня, ваше превосходительство, — какъ-то вдумчиво промолвилъ Рябченко, — но у меня есть на это свой особенный взглядъ.

— Пожалуйста, скажите его.

— Я, конечно, далеко стою отъ того круга, въ которомъ вы вращаетесь, но все же немного знаю его. Я знаю, что вамъ всё должны, можете быть, за самыми рѣдкими исключеніями. Ну, можете быть, губернаторъ не долженъ или какое-нибудь другое высокое должностное лицо, и то потому, что ему неловко. И я полагаю, что вамъ это тяжело, — потому тяжело, что вы не можете уважать людей и относиться къ нимъ просто и довѣрчиво. Еслибъ это было со мной, я страдалъ бы, потому думаю, что и вы страдаете. Можеть быть, это смѣло, но мнѣ кажется, что меня вы уважаете. Иначе, почему бы вы меня, такого незначительнаго человѣка, стоящаго такъ далеко отъ вашего круга, принимали бы и выслушивали? Ну, такъ вотъ я очень благодаренъ вамъ за желаніе оказать мнѣ услугу, но предпочитаю ваше уваженіе. Притомъ же, мнѣ и не надо. Я зарабатываю немного, но на мои скромныя нужды мнѣ хватаетъ.

Гайдуковъ, въ какомъ-то неудержимомъ порывѣ, вскочилъ, бросился къ нему, протянулъ ему обѣ руки и обнялъ его, чѣмъ окончательно поразилъ Рябченка.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я вамъ благодаренъ за сегодняшній день! — воскликнулъ онъ, совершенно растроганный. — Да, вы правы, я потерялъ бы многое, если бы вы согласились на мое предложеніе. Спасибо вамъ. А о вашемъ проектѣ мы еще подумаемъ и поговоримъ. Въ немъ дѣйствительно есть что-то широкое, но много и наивнаго. Надо показать его специалистамъ.

Гайдуковъ недѣли двѣ былъ чрезвычайно холоденъ съ своимъ партнеромъ. Тотъ, съ своей стороны, былъ недоволенъ результатами пари. Ему пришлось взять у дяди денегъ, чтобы достать пари драцену.

VII.

Лѣто близилось къ концу и уже появились первые признаки ранней осени. Листья акацій какъ бы торопились пожелтѣть, свернуться и упасть на землю; море зашевелилось и со стороны его по ночамъ доносился глухой шумъ; откуда-то издалека гнало высокія волны съ бѣлѣющими на вершинахъ пѣнистыми гребнями; вечера сдѣлались прохладны; дачники перебрались въ городъ на свои старыя насиженные мѣста.

Гайдуковъ остался на дачѣ; онъ имѣлъ обыкновеніе жить тамъ до тѣхъ поръ, пока не ударитъ крѣпкій морозъ, что случалось не раньше декабря. Садъ, обржавшій дачу, несмотря на то, что и въ немъ листва на деревьяхъ рѣдѣла съ каждымъ новымъ днемъ, былъ еще красивъ и представлялъ достаточно прелести, чтобъ въ немъ было приятно гулять по его широкимъ аллеямъ. Здѣсь было не мало диковинныхъ кустарниковъ, сохранявшихъ зелень до самой зимы; поздніе цвѣты еще красовались на грядкахъ и клумбахъ; нѣмецъ-садовникъ искусно поддерживалъ свѣжую зелень травы. Домъ, построенный въ этомъ саду, былъ проченъ, массивенъ и теплъ, какъ городской. Только море было для Гайдукова такимъ же, какимъ оно было для другихъ. Оно уже не манило окунуться въ его воды, а своимъ шумомъ какъ бы предостерегало отъ опасности. Даже купальня была разобрана и составлявшія ее части были снесены въ сарай.

Гайдуковъ боялся осени. Это было время, когда, при малѣйшей неосторожности съ его стороны, обострялась его скверная болѣзнь, которую врачи называли нефритомъ. Тогда онъ ложился въ постель и его нѣсколько недѣль не выпускали изъ спальни. Это было для него мучительное состояніе. Ему все время казалось, что тамъ, въ домѣ, въ благотворительномъ учрежденіи, даже на улицѣ, его присутствіе необходимо, что безъ него всѣ дѣла какъ-то вдругъ приостановились. Въ здоровомъ состояніи онъ нерѣдко сознавалъ, что у него, въ сущности, никакихъ дѣлъ нѣтъ и что жизнь на всѣхъ поприщахъ безъ него идетъ такъ же, какъ и съ нимъ. Но въ дни болѣзни желаніе поскорѣе освободиться изъ этой, устроенной для него, въ его собственномъ домѣ, тюрьмы заставляло его думать ина-

Между тѣмъ, жизнь въ городѣ уже не могла быть такою независимой, какъ на дачѣ. Здѣсь онъ могъ отказаться отъ какихъ-то ни было пріемовъ, лечь спать рано и рано вставать. Такого этого нельзя было сдѣлать. Кромѣ того, надо было ѣздить къ своимъ знакомымъ и въ театръ. Последнее было для него всего опаснѣе.

Въ городѣ каждую зиму пѣли итальянцы, а Гайдуковъ былъ ихъ неизмѣннымъ поклонникомъ. Онъ не признавалъ драмы, считая этотъ родъ искусства скучнымъ; онъ также не признавалъ иной музыки, кромѣ музыки итальянскихъ арій, на которыхъ онъ изощрилъ свой вкусъ, такъ какъ въ свое время въ столицахъ и въ самой Италиі слышалъ всѣхъ оперныхъ свѣтилъ, которыя въ прежнее время блистали, а теперь почему-то перестали нарождаться. Все это были поводы схватить простуду и такимъ образомъ обострить болѣзнь. Но главное, что заставляло его подольше оставаться на дачѣ, это—воздухъ, дѣйствительно, чудный свѣжій морской воздухъ, который нельзя было сравнивать съ городскимъ. Народу на его дачѣ толпилось множество; кромѣ того, каждый день онъ приглашалъ къ себѣ изъ города обычныхъ «пять персонъ» къ обѣду и эти персоны непременно являлись. Такимъ образомъ, онъ не былъ одинокъ. Но, несмотря на все это, осень была для него крайне несчастна и онъ уже въ сентябрѣ почувствовалъ легкое безпокойство. Болѣзнь никогда не укладывала его сразу, а подходила къ нему издали и изподтишка. Прекрасное расположеніе духа, которое не покидало его все лѣто, начало портиться, но онъ крѣпился и не звалъ докторовъ. Даже своему домашнему врачу онъ ничего не говорилъ о своей тревогѣ и въ глубинѣ души надѣялся, что это пройдетъ такъ, само собой и ни во что не разыграется. Но надежда его не оправдалась: какія-нибудь двѣ недѣли доказали ему, что тревожиться слѣдуетъ даже больше, чѣмъ обыкновенно.

Явились врачи и тотчасъ уложили его въ постель. Покой, тишина, воздержаніе отъ какихъ бы то ни было движеній, скучная, однообразная пища,—все это было Гайдукову не по душѣ.

— Ну, что же, господа? Долго ли вы меня продержите въ постели?—спрашивалъ онъ докторовъ.

Они овѣчали:

— О, скоро, очень скоро мы васъ выпустимъ!

Но въ третьей комнатѣ они совѣщались тихо и тревожно, и довольно было взглянуть на нихъ издали, чтобы не ждать ничего хорошаго.

Скоро болѣзнь приняла опасные размѣры, и вотъ однажды Рябенко прочиталъ въ газетѣ замѣтку, въ которой сообщалось, что нашъ извѣстный благотворитель Гайдуковъ опасно заболѣлъ» и что врачи очень мало надѣются на благопріятный исходъ.

Прочитавъ эту замѣтку, Рябенко вскочилъ, наскоро одѣлся и брался на дачу къ Гайдукову.

- Почему ты такъ спѣшишь?—спросила его жена.

— Но, вѣдь, у него мой проект... Онъ обѣщаль подумать надъ нимъ и дать мнѣ окончательный отвѣтъ.

— Неужели ты думаешь, что онъ можетъ дать такую сумму?

— А почему же нѣтъ? При жизни ему трудно было разстаться съ своими милліонами. Вѣдь, онъ съ ними родился, все равно, какъ я, напримѣръ, родился съ двумя руками. Но передъ смертью чело-вѣкъ начинаетъ видѣть яснѣе и дальше. Можетъ быть, въ эти-то минуты онъ и пойметъ.

— И ты думаешь, что онъ дастъ милліонъ для твоего «дома труда»?

— Да, вѣдь, не возьметъ же онъ ихъ съ собой?

— Конечно, нѣтъ; но у него есть наслѣдники.

— Да, этотъ Любоцинскій, который въ одинъ мѣсяць про-пуститъ все его состояніе. Ну, я думаю, не очень онъ его обидитъ, если урветъ одинъ милліонъ на такое великое дѣло.

— Но примутъ ли тебя? Я думаю, теперь къ нему никого не выпускаютъ.

— О, меня впускаютъ, меня къ нему всегда выпускаютъ!... Дай-ка мой посохъ и фуражку! Я пойду! Полагаю, что двухверстная прогулка пѣшкомъ будетъ мнѣ полезна.

Ему дали палку и шапку и онъ отправился пѣшкомъ на дачу Гайдукова.

Гайдуковъ, между тѣмъ, чувствовалъ себя дурно. У него явились какія-то осложненія, и совѣщанія докторовъ стали еще таинственнѣе и еще мрачнѣе. Доктора были въ полной увѣренности, что больной не подозрѣваетъ опасности, но Гайдуковъ видѣлъ и чувствовалъ все необыкновенно ясно, какъ можетъ чувствовать это только умирающій. Всѣ поняли это, когда онъ попросилъ позвать къ себѣ Степана Ильича и Ронича, который тоже былъ довольно близокъ съ нимъ. Имъ онъ объявилъ, что вечеромъ хочетъ составить завѣщаніе и проситъ ихъ присутствовать и подписаться.

Тогда дача Гайдукова приобрѣла мрачный видъ. Люди ходили по саду, какъ тѣни, останавливаясь гдѣ-нибудь вдвоемъ и обсуждая положеніе. Всѣ задавались вопросомъ, что съ ними теперь будетъ. При Гайдуковѣ имъ нечего было дѣлать, но за то у кажда была увѣренность, что мѣсто ему обезпечено до тѣхъ поръ, по онъ самъ не разрушитъ довѣрія, а теперь кто будетъ ихъ держать?

— Кто будетъ держать такую свору дармоѣдовъ?— спрашивали они другъ у друга. — Племянникъ, ежели наслѣдуетъ, сейча всѣхъ разгонитъ. На что ему? Онъ и то по цѣлымъ днямъ и ноща дома не бываетъ.

Такъ грустили люди, которымъ нечего было дѣлать; грустилъ и самъ Гайдуковъ. Уже для него не было никакого сомнѣнія въ томъ, что пришла смерть. Это было видно изъ того, какъ всё ходило, какъ вели отрывочные разговоры, какъ глядѣли. Да, наконецъ, у него въ душѣ было чрезвычайно ясное сознаніе, что онъ уже болѣе не встанетъ съ постели.

Цѣлые дни онъ проводилъ одинъ въ своей спальнѣ. Въ сосѣдней комнатѣ, разумѣется, прислушивались къ каждому шороху, но къ себѣ онъ никого изъ слугъ не допускалъ, а пріятели, за исключеніемъ Степана Ильича и Ронича, ни разу во время болѣзни не заглянули къ нему.

И много въ головѣ его за эти дни одиночества перебивало думъ. У него вдругъ явилась потребность оглянуться назадъ и легкими штрихами, едва касаясь ихъ, пройти по всѣмъ главнымъ, наиболѣе обозначеннымъ трактатъ своей жизни.

И вотъ воспоминанія роемъ налетѣли на него.

Онъ родился въ купеческой семьѣ. Отецъ его и мать были люди простые. Отецъ былъ грамотенъ лишь настолько, чтобы не дать прикащикамъ въ его обширномъ торговомъ дѣлѣ обчитать его. Мать умѣла читать только по складамъ. У нихъ были сынъ и дочь, которые, навѣрное, остались бы на той же ступени образованія, еслибъ въ дѣло не замѣшалось тщеславіе. Старикъ Гайдуковъ отлично велъ свои сложныя дѣла, несмотря на весьма малую ученость. Поэтому ему неоткуда было усвоить сознанія, что ученость почему-либо необходима. И онъ не говорилъ, что даетъ дѣтямъ образованіе потому, что оно очень важно для человѣка, онъ не объяснялъ это даже требованіемъ времени, когда всякій отставной унтеръ-офицеръ знаетъ больше, чѣмъ онъ, хозяинъ огромнаго дѣла. Онъ говорилъ просто: «Развѣ я не могу дать образованіе своимъ дѣтямъ? Развѣ я могу допустить, чтобы они были хуже другихъ?» И на этомъ основаніи онъ предоставилъ дѣтямъ всё средства къ тому, чтобы они были не только не хуже, но и лучше другихъ. Въ домѣ толкались цѣлыя тучи всякаго рода лицъ, на обязанности которыхъ лежало образовывать молодыхъ Гайдуковыхъ, а такъ какъ не хотѣлось имъ лоскъ и вообще дѣлать ихъ не хуже, а лучше другихъ. Ни изъ этого выходило немного, потому что не было ни программы, ни сколько-нибудь определенныхъ требованій. Всякій дѣлалъ, чему хотѣлъ, и единственное, что безусловно привилось къ молодымъ людямъ, это—иностранные языки, которыми они научились владѣть въ совершенствѣ.

Когда молодому наслѣднику милліоновъ стало четырнадцать

дѣтъ, явилась мысль о томъ, чтобъ отдѣть его въ учебное заведеніе. Тутъ оказалось, что онъ не годится ни въ какой классъ. Никто не утверждалъ, что онъ ничего не знаетъ, — напротивъ, нѣкоторыми знаніями его даже поражались, но онъ зналъ все какъ-то такъ, что это не подходило къ программѣ. И пришлось посвятить цѣлый годъ на то, чтобы привести къ программѣ его знанія.

Особенныхъ способностей онъ не обнаружилъ, но не оказалъ и тупости. Вѣрнѣе будетъ сказать, что у него не было умѣнья быть внимательнымъ и всѣ свѣдѣнія, какія ему сообщали, скользили по его мозгу, оставляя незначительный слѣдъ.

И ему, несмотря на дѣятельную помощь всякаго рода учителей, пришлось раза два задержаться въ классѣ по два года. Тѣмъ не менѣе, онъ кончилъ гимназію и затѣмъ благополучно прошелъ университетскій курсъ. Эти четыре года вольной жизни среди вѣчно-волнующейся, одушевленной неопредѣленными благородными мечтаніями молодежи какъ-то не оказали ни малѣйшаго вліянія на его душу. Онъ ни съ кѣмъ не сошелся, ничѣмъ не заинтересовался, не испыталъ никакого увлеченія. И это не потому, чтобъ онъ обладалъ глухимъ, неотзывчивымъ сердцемъ или неподвижнымъ умомъ, а единственно потому, что его положеніе слишкомъ не походило на положеніе остальныхъ товарищей. Онъ походилъ на путешественника, къ услугамъ котораго на каждомъ шагу удобный экипажъ, быстрые кони и усердные слуги. Едва онъ достигъ одного пункта, какъ ужь его посадили въ другой экипажъ и мчатъ дальше, и такъ безъ конца. И все, что попадаетъ ему на пути, мелькаетъ передъ его глазами, не оставляя опредѣленнаго впечатлѣнія; величественные замки и лачуги, таинственные рощи и дорожные столбы сливаются въ нѣчто однообразное и смутное. А тѣ идутъ пѣшкомъ и успѣваютъ разглядѣть все ясно. Великое и благородное наполняетъ ихъ сердца восторгомъ, а низкое и подлое вызываетъ въ нихъ негодованіе. Можно смѣло сказать, что Гайдуковъ за всю свою жизнь не испыталъ ни истиннаго восторга, ни настоящаго негодованія.

Степанъ Ильичъ подходилъ къ нему тѣмъ, что для него намѣчалась такая же легкая жизнь, какъ и для Гайдукова. И они вольствовались другъ другомъ.

Послѣ университета они ѣздили за границу, но видѣли тамъ только отели, рестораны, театры и женщинъ, которыхъ можно было купить.

Они были еще связаны и пользовались всѣмъ этимъ скромно. Но скоро они почувствовали себя на полной волѣ и дѣлали то, что

самое, только въ большемъ масштабѣ. Это былъ непрерывный рядъ безумствъ, ничѣмъ между собою не связанныхъ и вытекавшихъ не изъ темперамента, который искалъ бы выхода, а единственно изъ того обстоятельства, что у нихъ было много денегъ. Напоить до пьяна шампанскимъ случайно подобравшуюся компанію, состоящую на девять десятыхъ изъ неизвѣстныхъ имъ людей, кушать за баснословныя деньги наѣздницу, актрису, казавшуюся недоступной, поднять на ноги всю полицію какимъ-нибудь невѣроятнымъ безумствомъ, чтобы потомъ откупиться отъ нея золотомъ, — вотъ въ чемъ заключалось ихъ тщеславіе.

Оглянувшись назадъ и остановиться ихъ заставило обстоятельство, близко касавшееся Степана Ильича: у него ничего не осталось, все ушло на глупости, которыя, кажется, ему даже удовольствія не доставили. А остановившись, они вдругъ столь же просто сдѣлались солидными гражданами, какъ раньше — безумцами. Въ дѣйствительности въ ихъ натурахъ не было достаточныхъ данныхъ ни для того, ни для другого. Они — или, по крайней мѣрѣ, одинъ изъ нихъ, Гайдуковъ — просто были добрые малые, не надѣленные ни способностями, ни характеромъ, ни сколько-нибудь выдающимся умомъ. Еслибъ у Гайдукова не было исключительныхъ средствъ и ему пришлось бы бороться за кусокъ хлѣба, то въ этой борьбѣ его затерли бы, отодвинули бы на задній планъ и ему пришлось бы удовольствоваться какою-нибудь жалкою ролью. Но средства помогли ему удержаться на высотѣ.

На другой день послѣ того, какъ рѣшено было «остепениться», въ Гайдуковѣ уже не было ни вчерашняго легкомыслія, ни той кажущейся оригинальности, которую придаетъ человѣку широкій размахъ, способность дѣлать хотя бы пошлыя глупости въ гораздо большемъ масштабѣ, чѣмъ дѣлаютъ всѣ. Онъ сразу вспомнилъ, что ничего еще не сдѣлалъ для своего положенія въ обществѣ, поступилъ на службу и сталъ достигать чина. Служилъ онъ, разумѣется, безъ особеннаго усердія, но этого никто отъ него не требовалъ. Родіонъ Ивановичъ уже тогда существовалъ у него и обѣды Гайдукова уже славились. Онъ, разумѣется, не хотѣлъ подкупать то бы то ни было своими обѣдами, но ничто такъ не располагалъ людей въ пользу другъ друга, какъ хорошій обѣдъ, съѣденный вмѣстѣ, — таково уже свойство человѣческой природы.

Жизнь Гайдукова теперь шла спокойно и мягко, доставляя ему гребенныя удовольствія. Всѣ его эстетическія потребности какъ-то сосредоточились въ одной любви къ итальянской оперѣ и онъ всѣмъ годъ давалъ прогоравшему антрепренеру деньги на покры-

тіе убытковъ и составленіе новой труппы. Это была почти единственная страсть, оставшаяся въ немъ отъ прежняго времени. Всѣ остальные, какъ ни казались безумными и сильными, какъ-то сразу отлетѣли отъ него. Это и понятно, такъ какъ въ натурѣ его не было ни одной истинной сильной страсти, а все было умѣренно и обыкновенно. Его не тянуло никуда и ни къ чему. Самъ онъ не занимался торговлей, которой былъ поглощенъ весь городъ; онъ обратилъ все свое имущество въ дома и деньги и спокойно получалъ доходы. Въ городѣ не было рѣшительно ничего, что могло бы привлекать человѣка, не связаннаго торговыми интересами. Человѣкъ, мало-мальски освободившійся отъ нихъ, тотчасъ стремился куда-нибудь вонъ—въ Москву, въ Петербургъ, за границу, гдѣ не все пропитано одиѣми цифрами, гдѣ есть какая-нибудь духовная жизнь. А Гайдуконъ нашелъ въ себѣ силы наслаждаться покоемъ въ этомъ городѣ и у него не было никакихъ желаній лучшаго.

Такъ прошла жизнь. Бѣ пятидесяти годамъ онъ получилъ чинъ, который далъ ему право называться «превосходительствомъ», и это доставляло ему истинное удовольствіе. Въ этотъ же періодъ ему какъ будто первый разъ въ жизни пришелъ въ голову вопросъ: почему онъ не женился? Это произошло вовсе не оттого, что одиночество сдѣлалось для него тягостно,—нисколько. Онъ несъ его легко и считалъ благомъ. А просто—онъ видѣлъ, что всѣ непременно почему-то женятся и размножаются. Но когда онъ вообразилъ себѣ, что это могло и съ нимъ случиться, то пріятности семейной жизни потускнѣли передъ преимуществами личной свободы, которую онъ могъ потерять, и онъ не пожалѣлъ о томъ, что остался одинокъ. Ему незачѣмъ было заботиться о наслѣдникахъ. Сестра его давно вышла замужъ и мужъ успѣлъ порядочно уменьшить ея состояніе. Племянники съ полнымъ успѣхомъ сыграютъ роль его наслѣдниковъ и замѣнятъ дѣтей.

И вотъ теперь, когда онъ почувствовалъ, что конецъ, быть можетъ, близокъ, на него нашло не то раздумье, не то сожалѣніе. Передъ нимъ неотвязно стояла мысль: «Что я сдѣлалъ? Гдѣ то дѣло, на которомъ могло бы остановиться и отдохнуть мое вниманіе, утомленное однообразными мелочами жизни? Для кого я былъ истинно полезенъ? Для моихъ знакомыхъ, которые каждый день меня обѣдали? Для тѣхъ, кому я давалъ подачки, когда мнѣ приходила такая фантазія? Для сиротъ, въ пользу которыхъ я жертвовалъ по нѣсколько тысячъ въ годъ? Но это все не то. Все это ушло въ мелочахъ, тутъ ничего нѣтъ такого, про что я могъ сказать: вотъ это мое дѣло... Мое, кровное!»

И какъ разъ въ тотъ моментъ, когда голову его давили эти размысленія, тихо, на цыпочкахъ вошелъ лакей и доложилъ:

— Ваше превосходительство, тамъ господинъ Рябченко желаютъ васъ видѣть. Мы не посмѣли отказать имъ, такъ какъ ваше превосходительство приказали, чтобъ для нихъ всегда былъ пріемъ.

Гайдуковъ сдѣлалъ усилие и приподнялся на локтѣ. Лицо его, изнуренное тяжелою болѣзью, просіяло, въ глазахъ заблестала тихій, но, въ то же время, радостный огонекъ.

— Рябченко!... Рябченко!—слабымъ голосомъ повторилъ онъ.— Прости его скорѣй... Онъ... онъ мнѣ необходимъ.

Лакей поторопился выйти и, не скрывая своего удивленія, сообщилъ Рябченку, что его превосходительство давно ждетъ его и очень желаетъ видѣть. Рябченко вошелъ.

Гайдуковъ протянулъ ему исхудалую руку.

— Садитесь, дорогой мой Рябченко... Вы пришли вмѣстѣ съ моими мыслями.

— Ваше превосходительство, что это съ вами?—съ участіемъ спросилъ Рябченко.

— Умирать собираюсь, голубчикъ.

— Полноте! Васъ спасутъ!

— Нѣтъ, ужъ врядъ ли... Я, голубчикъ мой, знаю, что мой организмъ испорченъ. Въ молодости я не жалѣлъ его... И главное, что и удовольствія-то настоящаго себѣ не доставилъ.

— Вамъ вредно такъ много говорить, ваше превосходительство.

— Нѣтъ, мнѣ легче, когда я говорю съ вами, Рябченко. Скажите: вотъ вы—человѣкъ бѣдный, всю жизнь боролись съ нуждой; жизнь должна была измучить васъ, обозлить. У васъ никакихъ средствъ, и вотъ вы создали такое святое дѣло, какъ этотъ вашъ садъ для бѣдныхъ уличныхъ дѣтей... А сколько я за свою жизнь потратилъ денегъ, Рябченко! Еслибъ сосчитать! А что послѣ меня останется?

— Ваше превосходительство, вы можете еще это исправить!...

— Ахъ, нѣтъ!... Гдѣ ужъ? Теперь некогда! Но я не объ... Я говорю: почему это такъ случилось? Почему? Человѣкъ безъ всякихъ средствъ сдѣлалъ большое дѣло, а человѣкъ съ милліонами ничего не сдѣлалъ.

— Можетъ быть, это оттого и произошло, что у меня не было средствъ. Я боролся, ваше превосходительство, я страдалъ за себя, и отъ этого научился понимать чужую душу... А вы, вы для себя не

боролись, вамъ ничего не надо было завоевывать, и потому вздохъ людского горя звучали для васъ глухо, они не могли подвинуть васъ ни на какое рѣшительное дѣло... И еще, ваше превосходительство...

— Ну-те?

— Еще то, что у васъ, въ вашей жизни, не было никакой идеи. Я скажу вамъ прямо: я всегда думалъ, что всякій и во всемъ долженъ добиваться справедливости, и я добивался. Это привело меня и къ дѣтскому саду, это заставило меня открыть полтора десятка жалкихъ голяковъ, которымъ вы же, ваше превосходительство, помогли устроить судьбу... Я добиваюсь ея и теперь и оттого въ моей головѣ постоянно роятся мысли и планы. Это только кажется, ваше превосходительство, что я фантазёръ, а я не фантазёръ; я всегда и во всемъ стою у своего мѣста: я ищу справедливости... Вотъ я и маленькій человекъ, и незамѣтный, а изъ подъ моихъ рукъ кое-что плодотворное само собой выходитъ. Надо копать землю, ваше превосходительство, иначе никогда не откроете тѣхъ сокровищъ, которыя лежатъ въ землѣ. Дѣлать ихъ не надо, они сдѣланы природой, надо только копать—и они выйдутъ на свѣтъ. А оттого, ваше превосходительство, что мы будемъ прогуливаться по землѣ, сокровища никогда не будутъ открыты.

— Да, да, да, я именно прогуливался... Какъ вы правы, Рябченко! Какой вы счастливый, что у васъ есть идея, какъ вы говорите!

— Да, я этимъ счастливъ. Я никогда не чувствую и не почувствую пустоты въ жизни. Она для меня всегда наполнена. Но, ваше превосходительство, вы слишкомъ волнуетесь. Вамъ нуженъ покой. Я прочиталъ въ газетахъ о вашей болѣзни и захотѣлъ навѣстить васъ. Вотъ только и всего. Теперь уйду. А у васъ есть еще мой проектецъ. Конечно, вамъ теперь не до этого...

— Напротивъ... Оставьте его у меня... Оставьте совсѣмъ...

— Ваше превосходительство, одно ваше слово можетъ превратить его въ живое, великое дѣло, которое послѣ васъ останется!

— Оставьте его у меня, Рябченко... Спасибо вамъ, что зашли,—и онъ, утомленный разговоромъ, слабо пожалъ его руку.

Рябченко, уходя, узналъ, что положеніе Гайдукова почти безнадежно, и въ головѣ его зародились такія мечты о судьбѣ его проекта, которыя никогда еще не появлялись въ ней. Онъ видѣлъ передъ собой человека, вающагося въ пустотѣ и бесплодности своей жизни. За плечами у него стоитъ смерть, и хорошо, что онъ созналъ это во-время. Если жизнь его была бесплодной, то, можетъ

быть, плодотворной окажется смерть. И думалось ему, что Гайдуковъ не ограничится однимъ милліономъ, а дастъ, по крайней мѣрѣ, два. Всѣмъ извѣстно, что состояніе его равняется тремъ милліонамъ. Но развѣ недостаточно этимъ Любоцинскимъ и другимъ родственникамъ, которые, вѣроятно, тотчасъ найдутся, одного милліона? Вѣдь, все равно, они просадятъ его на какія-нибудь ничтожныя удовольствія, а тутъ—великое дѣло, которое съ такимъ фондомъ, какъ два милліона, разовьется широко и будетъ вѣчнымъ...

И когда онъ возвращался домой по широкому шоссе, походка у него была нервная. Онъ точно подпрыгивалъ, то прибавляя шагу, то ускоряя. Это были самыя счастливыя минуты въ его жизни.

Гайдуковъ умеръ черезъ недѣлю послѣ свиданія съ Рябенко. Въ послѣдніе дни домъ его наполнился родственниками. Кромѣ семейства сестры, которая пріѣхала со всѣми дѣтьми, явились и таіе, которыхъ Гайдуковъ никогда и не видалъ. Каждый день съ утра до вечера его окружали внуки. Онъ испыталъ такую заботливость, какою никогда еще не испытывалъ.

Послѣ похоронъ всѣхъ интересовало духовное завѣщаніе, которое было составлено за два дня до смерти. Рябенко ходилъ въ эти дни какъ помѣшанный, не будучи въ состояніи написать самую простую замѣтку для газеты. Онъ ни о чемъ не могъ думать, какъ только о своемъ проектѣ, который при помощи двухъ милліоновъ Гайдукова долженъ былъ облагодѣтельствовать человечество.

Наконецъ, послѣ совершенія всѣхъ формальностей, духовное завѣщаніе вскрыли. Послѣ длиннаго списка родственниковъ, которымъ покойный назначилъ разныя суммы, въ концѣ завѣщанія былъ слѣдующій пунктъ: «Григорію Михайловичу Рябенко на его полезныя благотворительныя предпріятія назначаю двѣ тысячи рублей серебромъ»...

И. Потапенно.

Б о л о т н ы я л и л и и.

Поблѣднѣвшіе, нѣжно-стыдливые,
Распустились въ болотной глуши
Бѣлыхъ лилій цвѣты молчаливые,
И вокругъ нихъ шелестятъ камыши.

Бѣлыхъ лилій цвѣты серебристые
Вырастаютъ съ глубокаго дна,
Гдѣ не свѣтятъ лучи золотистые,
Гдѣ вода холодна и темна.

И не манять ихъ страсти преступныя,
Ихъ волненья къ себѣ не зовутъ:
Для нескромныхъ очей недоступныя,
Для себя онѣ только живутъ.

Проникаясь рѣшимостью твердою—
Жить мечтой и достичь высоты,
Распускаются съ пышностью гордою
Бѣлыхъ лилій нѣмые цвѣты.

Разцвѣтутъ—и поблѣкнуть, безстрастныя,
Далеко отъ владѣній людскихъ,
И распустятся снова прекрасныя,
И никто не узнаетъ о нихъ.

К. Бальмонтъ.

КАМО ГРЯДЕШИ?)

(QUO VADIS).

Романъ изъ времянь Нерона.

Генрика Сенкевича.

XVI.

Хилонъ не показывался такъ долго, что Виницій въ концѣ не зналъ, что думать объ этомъ. Напрасно онъ повторялъ себѣ, что поиски, если должны довести дѣло до желаннаго конца, не могутъ производиться особенно быстро. И его кровь, и его порывистая натура возмущались противъ голоса разсудка. Но дѣлать нечего, ждать, сидѣть, сложа руки, — все это было такъ несогласно съ его обыкновеніями, что онъ никоимъ образомъ не могъ примириться съ этимъ переодѣваніемъ; бѣготня по отдѣльнымъ переулкамъ города, — именно потому, что не приводила ни къ какимъ послѣдствіямъ, — показалась ему только самообманомъ и не могла удовлетворить его. Отпущенники его, люди ловкіе, которымъ онъ приказалъ производить поиски отдѣльно отъ Хилона, оказывались во сто разъ менѣе опытными, чѣмъ грекъ. А тѣмъ временемъ, на ряду съ любовью, которую онъ питалъ къ Литіи, въ немъ еще нарождалась страсть игрока, который хочетъ выиграть. Виницій всегда былъ такимъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ осуществлялъ все, что хотѣлъ, съ горячностью человѣка, который не понимаетъ, какъ ему можетъ что-нибудь не удался, что нужно иногда отказываться отъ чего-нибудь. Правда, военная дисциплина на время заючила въ извѣстные предѣлы его своеволие, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, членила въ него убѣжденіе, что всякій приказъ, который онъ дастъ оимъ подчиненнымъ, долженъ быть исполненъ непремѣнно, а

долгое пребываніе на Востоѣ, среди людей гибкихъ и привыкшихъ къ рабскому повиновенію, только утвердило его въ увѣренности, что его «хочу» нѣтъ границъ. Теперь его самолюбіе получило жестокой ударъ. Въ этихъ противорѣчіяхъ, въ этомъ сопротивленіи, въ самомъ бѣгствѣ Лигіи для него крылось что-то непонятное, какая-то загадка, надъ разрѣшеніемъ которой онъ мучительно ломалъ голову. Онъ чувствовалъ, что Актея говорила правду и что Лигія не была къ нему равнодушна. Но если это такъ, то почему же она предпочла скитальчество и нищету его любви, его ласкамъ, пребыванію въ его роскошномъ домѣ? На этотъ вопросъ онъ не умѣлъ найти отвѣта и доходилъ только до неяснаго сознанія, что между нимъ и Лигіей, между ихъ понятіями, между міромъ его и Петроніи, между міромъ Лигіи и Помпоніи Гречины существуетъ какое-то различіе, какое-то недоразумѣніе, глубокое, какъ пропасть, которую ничто не въ состояніи наполнить. Тогда ему представлялось, что онъ долженъ утратить Лигію, и при этой мысли онъ терялъ остатки равновѣсія, которое желалъ водворить въ немъ Петроній. Были минуты, когда онъ не зналъ, любитъ ли Лигію, или ненавидитъ, и понималъ только то, что долженъ найти ее, и предпочелъ бы провалиться съвозъ землю, чѣмъ отказаться отъ надежды видѣть ее и обладать ею. Сила воображенія иногда такъ ясно рисовала ее его глазамъ, что какъ будто она стояла передъ нимъ; онъ припоминалъ каждое слово, сказанное имъ, и каждое слово, услышанное имъ отъ Лигіи. Онъ чувствовалъ ея близость, чувствовалъ ее у себя на груди, въ своихъ объятіяхъ, и тогда страсть охватывала его какъ пламя. А когда онъ вспоминалъ, что и она любила его и могла добровольно исполнить все, что онъ требовалъ отъ нея, то имъ овладѣвало тяжелое, непреборимое горе и какая-то великая жалость, словно гигантская волна, заливала его сердце. Но бывали минуты, когда онъ блѣднѣлъ отъ бѣшенства и наслаждался мыслью объ униженіи и мукахъ, какимъ онъ подвергнетъ Лигію, когда найдетъ ее. Онъ хотѣлъ не только обладать ею, но и обладать ею, какъ униженною невольницей, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, что еслибъ ему предоставили выборъ—или быть ея рабомъ, или не видать ее ни разу въ жизни—онъ предпочелъ бы быть ея рабомъ. Бывали дни, когда онъ думалъ о знакахъ, какіе оставила бы плеть на ея розовомъ тѣлѣ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣлъ бы цѣловать эти слѣды. Ему приходило въ голову, что онъ былъ бы счастливъ, еслибъ могъ убить ее.

Въ этомъ внутреннемъ разладѣ, въ этихъ страданіяхъ, неуверенности онъ терялъ здоровье и даже свою красоту. Теперь

сдѣлался недоступнымъ и жестокимъ господиномъ. Невольники, даже и отпущенники съ трепетомъ приближались къ нему, а когда наказанія сваливались на нихъ безъ всякой вины, наказанія столь же жестокия, какъ и незаслуженныя, начинали въ глубинѣ души ненавидѣть его. Виницій понималъ это и, чувствуя свое одиночество, мстилъ еще страшнѣе. Теперь онъ сдерживался только съ однимъ Хилономъ, изъ опасенія, чтобы тотъ не прекратилъ своихъ поисковъ, и Хилонъ, сообразивъ это, началъ овладѣвать имъ и становился все болѣе и болѣе требовательнымъ.

Сначала каждый разъ онъ увѣрялъ Виниція, что дѣло пойдетъ легко и быстро, а теперь самъ изобрѣталъ затрудненія и, не переставая ручаться за несомнѣнный исходъ поисковъ, не скрывалъ, однако, что они не могутъ окончиться скоро.

Наконецъ, онъ пришелъ съ такимъ унылымъ лицомъ, что молодой человекъ поблѣднѣлъ при видѣ его и, подскочивъ къ нему, едва нашель силы спросить:

— Ея нѣтъ среди христіанъ?

— Напротивъ, господинъ, — отвѣтилъ Хилонъ, — но между ними я нашель и Главка.

— О чемъ ты говоришь, и кто онъ такой?

— Ты забылъ, господинъ, — о старцѣ, съ которымъ я путешествовалъ отъ Неаполя въ Римъ и защищая котораго потерялъ два пальца, вслѣдствіе чего не могу писать. Разбойники, которые похитили его жену и дѣтей, ранили его ножомъ. Я оставилъ его умирающимъ въ харчевнѣ подъ Минтурнами и долго оплакивалъ его. Увы, я убѣдился, что онъ живъ до сихъ поръ и принадлежитъ къ христіанской общинѣ Рима.

Виницій, который не могъ догадаться, въ чемъ дѣло, понялъ только то, что этотъ Главкъ представлялъ какое-то препятствіе въ его поискахъ, и, подавивъ свой гнѣвъ, сказалъ:

— Если ты защищалъ его, то онъ долженъ быть признательнымъ и помогать тебѣ.

— Ахъ, достойный трибунъ, даже боги не всегда бываютъ признательны, — что ужъ говорить о людяхъ! Да, онъ долженъ быть признателенъ мнѣ. Къ несчастію, это старикъ съ умомъ слабымъ, омраченнымъ отъ лѣтъ и огорченій, и вотъ поэтому-то онъ не только не благодаритъ меня, но, какъ я узналъ отъ его единовѣрца, обвиняетъ меня въ томъ, что я сговорился съ разбойниками, что я и есть главная причина его злоключеній. Вотъ мнѣ надо за мои два пальца!

Я увѣренъ, негодяй, что такъ и было, какъ онъ говоритъ.

— Тогда ты знаешь больше него, господинъ, — съ достоинствомъ отвѣтилъ Хилонъ, — онъ только допускаетъ, что такъ было; это, впрочемъ, не помѣшало бы ему призвать христіанъ и жестоко отомстить мнѣ. Онъ несомнѣнно сдѣлалъ бы такъ, а другіе такъ же несомнѣнно помогли бы ему, — къ счастью, онъ не знаетъ моего имени, а въ молитвенномъ домѣ, гдѣ мы встрѣтились, онъ не узналъ меня. Я-то узналъ его сразу и въ первую минуту хотѣлъ броситься ему на шею, но меня удержала разсудительность и привычка обдумывать каждый шагъ, который я намѣреваюсь сдѣлать. И вотъ, послѣ выхода изъ молитвеннаго дома я началъ разспрашивать о немъ и тѣхъ, которые его знаютъ, сказали мнѣ, что это чело-вѣкъ, которому измѣнилъ его товарищъ по путешествію изъ Неаполя въ Римъ. Иначе я даже не зналъ бы, что онъ такъ рассказываетъ.

— Какое мнѣ дѣло до этого? Говори, что ты видѣлъ въ молитвенномъ домѣ?

— Тебѣ, господинъ, дѣла нѣтъ, но мнѣ это дѣло настолько важно, насколько важна собственная шкура. А такъ какъ я хочу, чтобы мое ученіе пережило меня, то предпочитаю скорѣе отказаться отъ награды, которую ты обѣщалъ мнѣ, чѣмъ жертвовать жизнью для мамы, безъ которой я, какъ истинный философъ, съумѣю жить и отыскивать божественную правду.

Виницій съ зловѣщимъ лицомъ приблизился къ греку и заговорилъ сдавленнымъ голосомъ:

— А кто сказалъ тебѣ, что отъ руки Главка тебя скорѣе встрѣтитъ смерть, чѣмъ отъ моей? Почему ты знаешь, собака, не сейчасъ ли тебя закопаютъ въ моемъ саду?

Хилонъ былъ трусъ и теперь, при одномъ взглядѣ на Виниція, сразу понялъ, что еще одно неосторожное слово — и онъ пропадетъ безповоротно.

— Я буду искать, господинъ, и найду ее! — поспѣшно воскликнулъ онъ.

Наступило молчаніе, во время котораго слышно было только ускоренное дыханіе Виниція, да отдаленная пѣсня невольниковъ, которые работали въ саду.

И лишь спустя немного грекъ, замѣтивъ, что молодой и-ціей нѣсколько успокоился, заговорилъ:

— Смерть прошла около меня, а я смотрѣлъ на нее съ такою же спокойствіемъ, какъ и Сократъ. Нѣтъ, господинъ, я не сказалъ, что отказываюсь отъ поисковъ дѣвушки, я хотѣлъ только сказать тебѣ, что эти поиски теперь сопряжены съ великою

ностью для меня. Одно время ты сомнѣвался, существуетъ ли на свѣтѣ Эврицій, и хотя собственными глазами удостовѣрился, что сынъ моего отца говорилъ тебѣ правду, ты теперь подозреваешь меня, что я выдумалъ Главка. Увы, еслибъ онъ былъ только вымысломъ, еслибъ я могъ съ полною безопасностью ходить среди христіанъ, какъ ходилъ раньше, то я отдалъ бы ту жалкую, старую невольницу, которую купилъ три дня тому назадъ, для того, чтобъ она пеклась о моихъ преклонныхъ годахъ и моемъ недужествѣ. Но Главкъ живъ, господинъ, и еслибъ разъ онъ увидалъ меня, ты больше никогда уже не видѣлъ бы меня, а въ такомъ случаѣ кто отыскалъ бы дѣвушку?

Онъ снова замолкъ, отеръ слезы и, немного погодя, заговорилъ вновь:

— Но пока Главкъ живъ, какъ же мнѣ искать ее, когда я могу каждую минуту встрѣтить врага, а если встрѣчу его, то погибну, и вмѣстѣ съ тѣмъ пропадутъ мои поиски?

— На что ты намекаешь, какой исходъ изъ этого, и что ты намѣреваешься предпринять?—спросилъ Виницій.

— Господинъ, Аристотель учить насъ, что меньшимъ должно жертвовать для большаго, а царь Пріамъ говорилъ часто, что старость—тяжелое бремя. И вотъ бремя старости и несчастій угнетаетъ Главка такъ давно, что смерть была бы для него благодѣяніемъ. А что такое, по мнѣнію Сенеки, смерть, какъ не освобожденіе?...

— Дурачься съ Петроніемъ, а не со мной и говори прямо, чего ты хочешь?

— Если добродѣтель—дурачество, то да даруютъ мнѣ боги на весь вѣкъ остаться дуракомъ. Я, господинъ, хочу отстранить Главка, потому что, пока онъ живъ,—и моя жизнь, и мои поиски подвергаются постоянной опасности.

— Коли такъ, то найми людей, которые заколотятъ его палками,—я заплачѣ.

— Они сдерутъ дорого, господинъ, а потомъ будутъ угрожать открытіемъ тайны. Мерзавцевъ въ Римѣ столько, сколько песчинокъ на аренѣ, но ты не повѣришь, какъ они дорожатся, когда по какому челоуѣку понадобятся ихъ услуги. Нѣтъ, достойный трибуналъ. А ну, какъ вигилы схватятъ убійцу при убійствѣ? Тѣ непременно признаются, кто ихъ нанялъ, и ты не оберешься неприятелей. На меня они не укажутъ, потому что имъ я имени своего не открылъ. Плохо ты дѣлаешь, что не вѣришь мнѣ, ибо, не говоря уже о моей добросовѣстности, помни, что здѣсь дѣло идетъ о

двухъ вещахъ—о моей собственной шкурѣ и о наградѣ, которую ты мнѣ обѣщала.

— Сколько тебѣ нужно?

— Мнѣ нужно тысячу сестерцій¹⁾. Обрати вниманіе, что я долженъ найти добросовѣстныхъ мерзавцевъ, такихъ, которые, взявъ задатокъ, не исчезли бы вмѣстѣ съ нимъ безъ вѣсти. За хорошую работу—хорошая плата! И мнѣ осталось бы что-нибудь для утolenія моихъ слезъ, которыя я пролью отъ горя по Главкѣ. Беру въ свидѣтели боговъ, какъ я его любилъ. Если я сегодня получу тысячу сестерцій, черезъ два дня душа его будетъ въ Гадесѣ, и только тамъ, — если души сохраняютъ память и даръ мысли, — онъ узнаетъ, какъ я его любилъ. Людей я найду сегодня и объявлю имъ, что съ завтрашняго вечера за каждый день жизни Главка я буду уменьшать ихъ вознагражденіе на сто сестерцій. У меня теперь зарождается планъ, который мнѣ кажется безошибочнымъ.

Виницій еще разъ обѣщала ему потребную сумму, но запретила больше говорить о Главкѣ, за то сталъ разспрашивать, какія другія новости приносить онъ, гдѣ былъ въ это время, что видѣлъ и что открылъ. Но Хилонъ немного новаго могъ сказать. Онъ былъ еще въ двухъ молитвенныхъ домахъ, внимательно разсматривалъ всѣхъ, а въ особенности женщинъ, но не встрѣтилъ ни одной, которая была бы похожа на Лигію. Христіане, однако, считаютъ его своимъ, а съ тѣхъ поръ, какъ онъ далъ денегъ на выкупъ сына Эвриція, его считаютъ человѣкомъ, который идетъ по слѣдамъ «Хрестоса». Хилонъ узналъ отъ христіанъ, что одинъ изъ великихъ законодателей, нѣкто Павелъ Тарсійскій, находится въ Римѣ, заключенъ въ темницѣ, вслѣдствіе жалобы, поданной евреями, и рѣшилъ познакомиться съ нимъ. Но еще больше его обрадовало другое извѣстіе, что верховный жрецъ всей секты, который былъ ученикомъ Христа и которому Онъ поручилъ управлять христіанами всего свѣта, также съ часу на часъ долженъ прибыть въ Римъ. Очевидно, всѣ христіане захотятъ его видѣть и слушать его поученіе. Предполагаются какія-то великія собранія, на которыхъ и онъ, Хилонъ, будетъ присутствовать, а такъ какъ въ толпѣ скрыться легко, то онъ поведетъ съ собою Виниція. Тогда-то они ужь непременно найдутъ Лигію. Разъ Главкѣ устранился, то не будетъ даже сопряжено съ большою опасностью. Конечно, мстить отомстили бы и христіане, но вообще это люди спокойные.

Тутъ Хилонъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ началъ рассказы-

¹⁾ Около 50 рублей.

что не замѣчалъ никогда, чтобы христіане предавались разврату, отравляли колодцы и фонтаны, чтобы они были врагами рода человеческого, поклонялись ослу или питались мясомъ дѣтей. Нѣтъ, онъ не видалъ этого. Навѣрное, между ними онъ найдетъ и такихъ, которые за деньги упрячутъ Главка, но ученіе ихъ, насколько ему извѣстно, ни къ какимъ преступленіямъ не поощряеть, —напротивъ, повелѣваетъ прощать обиды.

Виницій вспомнилъ, что ему у Агтеи сказала Помпонія Грецина, и вообще съ радостью слушалъ Хилона и, хотя его чувство къ Лигіи по временамъ принимало видъ ненависти, онъ испытывалъ облегченіе, слыша, что ученіе, которому она и Помпонія слѣдуютъ, не заключало въ себѣ ни злодѣйства, ни разврата. Въ немъ зарождалось какое-то неясное представленіе, что именно оно, это неизвѣстное ему и таинственное преклоненіе передъ Христомъ, и вырыло пропасть между нимъ и Лигіей, и начиналъ, въ одно и то же время, и бояться этого ученія, и ненавидѣть его.

ХVII.

Хилону дѣйствительно нужно было устранить Главка, человека хотя и пожилого, но вовсе не немощного старца. Въ томъ, что Хилонъ рассказывалъ Виницію, была значительная доля правды. Когда-то онъ зналъ Главка, измѣнилъ ему, продалъ его разбойникамъ, лишилъ семьи, имущества и предалъ на смерть. Воспоминанія объ этихъ обстоятельствахъ онъ выносилъ легко, потому что покинулъ его, умирающаго, не въ заѣзжемъ домѣ, а въ полѣ подъ Минтурнами, и не предвидѣлъ только одной вещи, что Главкъ излечится отъ ранъ и прибудетъ въ Римъ. И вотъ, когда онъ увидалъ его въ молитвенномъ домѣ, то дѣйствительно ужаснулся и въ первую минуту хотѣлъ не на шутку отказаться отъ искушенія отыскивать Лигію. Но, съ другой стороны, Виницій утратилъ его еще больше. Хилонъ понялъ, что долженъ выбирать между боязнью передъ Главкомъ и преслѣдованіемъ и местию могущественнаго патриція, на помощь которому непременно явится другой, еще болѣе сильный, Петроній. Сообразивъ все это, Хилонъ пересталъ бороться. Онъ подумалъ, что врагами лучше имѣть малыхъ, чѣмъ льшихъ, и хотя его трусливая натура содрогалась при мысли о оравыхъ мѣрахъ, онъ призналъ неизбѣжнымъ убить Главка при помощи чужихъ рукъ. Теперь его занималъ только выборъ людей, къ этому-то собственно относился тотъ планъ, о которомъ онъ упоминалъ Виницію. Проводя ночи по большей части въ винныхъ пещерахъ, среди людей безъ пристанища, безъ чести и безъ рели-

гин, онъ легко могъ бы найти такихъ, которые взялись бы за всякую работу, но еще легче наткнулся бы на такихъ, которые, пронохавъ деньги, работу начали бы съ него, Хилона, или, взявъ задатокъ, выпудили бы у него всѣ деньги, подъ угрозой отдать его въ руки вигиловъ.

Наконецъ, въ послѣднее время Хилонъ чувствовалъ отвращеніе къ голытьбѣ, къ омерзительнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ страшнымъ фигурамъ, которыя гнѣздились въ подозрительныхъ домахъ Субурры или Затибрской части города. Мѣряя все собственною мѣркой, недостаточно познакомившись ни съ христіанами, ни съ ихъ ученіемъ, онъ думалъ, что между ними онъ найдетъ послушное орудіе, а такъ какъ они казались ему добросовѣстиѣе другихъ, то и рѣшилъ отправиться къ нимъ и въ такомъ видѣ представить дѣло, чтобъ они взялись за него не только изъ-за денегъ, но и изъ усердія.

Съ этою цѣлью вечеромъ онъ отправился къ Эврицію, о которомъ зналъ, что старикъ преданъ ему всею душой и сдѣлаетъ все, чтобы помочь ему. Но, осторожный по натурѣ, Хилонъ и не думалъ открывать ему своихъ истинныхъ намѣреній, которыя, наконецъ, стояли бы въ явномъ противорѣчій съ увѣренностью старика въ его добродѣтели и богобоязненности. Онъ хотѣлъ имѣть готовыхъ на все людей и только съ ними уговориться о дѣлѣ такъ, чтобъ они ради самихъ себя сохранили его въ вѣчной тайнѣ.

Эврицій, выкупивъ сына, нанялъ одну изъ тѣхъ маленькихъ лавочекъ, которыя во множествѣ тѣснились около Circus Maximus, чтобы продавать оливки, бобы и подслащенную медомъ воду зрителямъ, являющимся на ристалище. Хилонъ засталъ его за устройствомъ лавочки и, привѣтствовавъ его во имя Христа, началъ говорить о дѣлѣ, которое его привело сюда. Оказавъ услугу, онъ рассчитывалъ, что и ему отплатятъ благодарностью. Ему нужно двухъ или трехъ человекъ, сильныхъ и смѣлыхъ, для предотвращения опасности, угрожающей не только ему, но и всѣмъ христіанамъ. Правда, онъ бѣденъ, потому что почти все, что у него было, онъ отдалъ Эврицію, но и этимъ людямъ заплатилъ бы за ихъ услуги, подъ условіемъ, чтобъ они вѣрили ему и точно исполняли то, что онъ прикажетъ имъ.

Эврицій и сынъ его Квартъ чуть не на колѣнахъ слушали съ его благодаренія. Они оба заявили, что сами готовы исполнить все, чего онъ отъ нихъ потребуетъ, вѣря, что такой святой мужъ можетъ требовать дѣяній, которыя не были бы согласны съ ученіемъ Христа.

Хилонъ увѣрилъ ихъ, что это такъ и есть, и, поднявъ очи горѣ, казалось, началъ молиться, а въ дѣйствительности раздумывалъ, не принять ли ему ихъ жертву, которая могла бы сохранить ему тысячу сестерцій, но, послѣ минутнаго размышленія, отвергъ это. Эврицій былъ старикъ, можетъ быть, не столько угнетенный годами, сколько истощенный горестями и болѣзнями. Квартъ насчитывалъ всего 16 лѣтъ, а Хилону нужно было людей ловкихъ и, прежде всего, сильныхъ. Что касается тысячи сестерцій, то онъ рассчитывалъ, что, благодаря своему плану, онъ, во всякомъ случаѣ, сумеетъ сохранить значительную часть этихъ денегъ. Нѣкоторое время они настаивали, но когда Хилонъ отказалъ рѣшительно, перестали просить. Квартъ сказалъ тогда:

— Я знаю пекаря Демаса, у котораго за жерновами работаютъ невольники и наемные люди. Одинъ изъ этихъ наемниковъ такъ силенъ, что его хватило бы не за двоихъ, а за четверыхъ. Я самъ видѣлъ, какъ онъ поднималъ камни, которые четверо чловѣкъ не могли сдвинуть съ мѣста.

— Если этотъ чловѣкъ богобоязненный и способный пожертвовать собою за братьевъ, познакомь меня съ нимъ, — сказалъ Хилонъ.

— Онъ христіанинъ, — отвѣтилъ Квартъ, — потому что у Демаса работаютъ по большей части христіане. Тамъ есть работники ночные и дневные; тотъ, о которомъ я говорю тебѣ, принадлежитъ къ ночнымъ. Ты могъ бы свободно переговорить съ нимъ, если бы мы пошли сейчасъ, — мы какъ разъ попали бы къ ужину. Демасъ живетъ около Эмпорія.

Хилонъ охотно согласился. Эмпорій лежалъ у подножія Авентинскаго холма, — значить, не особенно далеко отъ Большаго цирка. Можно было, не обходя холма, отправиться вдоль рѣки, черезъ Porticus Aemilia, что еще болѣе сокращало дорогу.

— Я старъ, — сказалъ Хилонъ, когда они вошли въ колоннаду, — по временамъ на меня находитъ затменіе памяти. Да! Нашего Христа предалъ одинъ изъ его учениковъ, но имени предателя я никакъ не могу припомнить въ настоящую минуту..

— Иуда, онъ потомъ удавился, — отвѣтилъ Квартъ, немного лаясь въ душѣ, какъ можно не помнить этого имени.

— Ахъ, да! Иуда! Благодарю тебя, — отвѣтилъ Хилонъ.

Дойдя до Эмпорія, который былъ уже запертъ, они миновали и, обойдя амбары, изъ которыхъ выдавали народу хлѣбъ, сверчили налѣво, къ домамъ, которые тянулись вдоль Via Ostiensis вплоть

до холма Тестацейскаго и *Forum Pistorium*¹⁾). Остановились они передъ деревянною постройкой, изнутри которой доходилъ стукъ жернововъ. Квартъ вошелъ въ дверь, а Хилонъ, который не любилъ показываться большому количеству людей и который находился постоянно въ опасеніи, что судьба можетъ столкнуть его съ Главкомъ, остался на улицѣ.

«Занимаетъ меня этотъ Геркулесъ, который служить за мельника, — говорилъ онъ себѣ, поглядывая на яркій мѣсяць. — Если это негодяй и человѣкъ умный, онъ будетъ стоять мнѣ чего нибудь, а если добродѣтельный христіанинъ и дуракъ, онъ сдѣлаетъ мнѣ задаромъ все, чего я отъ него ни пожелаю».

Дальнѣйшія его размышленія перервало появленіе Квартъ, который вышелъ изъ постройки съ другимъ человѣкомъ, одѣтымъ только въ тунику, называемую экомисъ и скроенную такъ, что правая рука и правая сторона груди оставались обнаженными. Таковую одежду, ничѣмъ не стѣсняющую свободу движеній, преимущественно носили рабочіе. Хилонъ вздохнулъ изъ глубины груди, — во всю жизнь онъ не видалъ такой руки и такого плеча.

— Вотъ братъ, котораго ты хотѣлъ видѣть, — сказалъ Квартъ.

— Да будетъ съ тобою миръ Христовъ, — отозвался Хилонъ. — Квартъ, скажи этому брату, заслуживаю ли я довѣрія, а потомъ съ Богомъ отправляйся домой, ибо не годится оставлять почтеннаго отца такъ долго въ одиночествѣ.

— Это святой человѣкъ, который отдалъ все достояніе, чтобы выкупить изъ неволи меня, незнакомаго ему человѣка, — сказалъ Квартъ. — Да уготоваетъ ему Господь нашъ Избавитель за это награду на небесахъ.

Гигантъ-работникъ, услыхавъ это, поклонился и поцѣловалъ руку Хилона.

— Какъ твое имя, братъ? — спросилъ грекъ.

— При святомъ крещеніи, отецъ, мнѣ дали имя Урбана.

— Урбанъ, братъ мой, есть ли у тебя время, чтобы свободно говорить со мною?

— Работа наша начинается въ полночь, а теперь намъ только готовить ужинъ.

— Значить, времени достаточно, пойдемъ къ рѣкѣ, тамъ ты выслушаешь мои слова.

На каменной набережной было тихо, только издали доходилъ шумъ жернововъ, да внизу плескались волны рѣки. Хилонъ до

¹⁾ Булочный рынокъ.

всмагривался въ лицо работника, которое, несмотря на грозное и печальное выраженіе, какимъ обыкновенно отличались лица варваровъ, живущихъ въ Римѣ, показалось ему добрымъ и искреннимъ.

«Такъ и есть, — сказалъ онъ про себя, — это человекъ добрый и глухой и задаромъ убьетъ Главка».

Потомъ онъ спросилъ:

— Урбанъ, любишь ли ты Христа?

— Люблю всею душой и сердцемъ, — отвѣчалъ работникъ.

— А братьевъ своихъ, а сестеръ, а тѣхъ, которые научили тебя правдѣ и вѣрѣ Христовой?

— И ихъ также люблю, отецъ.

— Тогда да будетъ миръ съ тобой.

— И съ тобой, отецъ.

Снова наступило молчаніе, только въ отдаленіи гремѣли жернова, а внизу журчала рѣка.

Хилонъ вперилъ глаза въ мѣсяцъ и медленнымъ, тихимъ голосомъ началъ говорить о смерти Христа.

Говорилъ онъ не Урбану, а какъ будто самъ для себя вспоминалъ эту смерть или какъ будто ея тайну повѣрялъ уснувшему городу. Въ этомъ было что-то трогательное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественное. Работникъ плакалъ, а когда Хилонъ началъ стонать и скорбѣть о томъ, что въ минуту смерти Избавителя не было никого, кто защищалъ бы Его если не отъ распятія, то, по крайней мѣрѣ, отъ издѣвательствъ солдатъ и евреевъ, гигантская грудь варвара начала сжиматься отъ горя и подавленнаго бѣшенства. Смерть Христа только растрогивала его, но при мысли о толпѣ, издѣвающейся надъ пригвожденнымъ къ кресту Агнецемъ, вся его простая душа волновалась и имъ овладѣвала дикая жажда мести.

Вдругъ Хилонъ спросилъ:

— Урбанъ, ты знаешь, кто былъ Іуда?

— Знаю, знаю, но онъ удавился! — воскликнулъ работникъ.

И въ голосѣ его слышалось сожалѣніе, что предатель самъ придумалъ себѣ кару и не можетъ попасть въ его руки. А Хилонъ продолжалъ:

— Однако, еслибъ онъ не удавился и если бы кто-нибудь изъ христіанъ встрѣтилъ его на сушѣ или на морѣ, не долженъ ли онъ былъ отмстить за мѣрку, кровь и смерть Избавителя?

— Кто бы не отомстилъ, отецъ!

— Миръ съ тобою, вѣрный слуга Агнца. Можно прощать соблазныя обиды, но кто имѣетъ право прощать оскорбленія, наве-

сенныя Богу? Но какъ змѣй плодитъ змѣя, какъ злоба плодитъ злобу и измѣна—измѣну, такъ изъ яда Іуды возродился другой предатель, и какъ тотъ предалъ евреямъ и римскимъ воинамъ Избавителя, такъ этотъ, который живетъ между нами, хочетъ предать волкамъ Его паству, и если никто не предупредитъ измѣны, если никто заблаговременно не сотретъ главы змія, всѣхъ насъ ждетъ гибель, а съ нами вмѣстѣ погибнетъ и слава Агнца.

Работникъ смотрѣлъ на него съ сильнѣйшею тревогою, какъ будто бы не отдавая себѣ отчета въ томъ, что слышалъ. Грекъ покрылъ голову угломъ плаща и началъ повторять голосомъ, какъ будто бы выходящимъ изъ-подъ земли:

— Горе вамъ, слуги истиннаго Бога, горе вамъ, христіане и христіанки!

И снова наступило молчаніе. Снова былъ слышенъ только стукъ жернововъ, глухое пѣніе работниковъ на мельницѣ и шумъ рѣки.

— Отецъ,—спросилъ, наконецъ, работникъ,—что это за измѣнникъ?

Хилонъ поникъ головой.

— Что это за измѣнникъ? Сынъ Іуды, сынъ его яда, который притворяется христіаниномъ и ходитъ въ молитвенные дома только для того, чтобы обвинять братьевъ передъ цезаремъ, будто они не хотятъ признавать его богомъ, будто они отравляютъ фонтаны, убиваютъ дѣтей и хотятъ разрушить этотъ городъ такъ, чтобы не оставалось камня на камнѣ. И вотъ черезъ нѣсколько дней преторіанцамъ будетъ выданъ приказъ, чтобы они сковали старцевъ, женщинъ и дѣтей, и повели ихъ на казнь, такъ, какъ были посланы на смерть невольники Педанія Секунда. И все это сдѣлалъ тотъ, второй Іуда. Но если перваго никто не наказалъ, если никто не отомстилъ ему, если никто не защитилъ Христа въ часъ его мученій,—кто-жъ захочетъ покарать этого, кто сотретъ змія, прежде чѣмъ цезарь выслушаетъ его, кто его уничтожитъ, кто отвратитъ гибель братьевъ и вѣры Христовой?

Урбанъ, который до сихъ сидѣлъ, вдругъ вскочилъ съ мѣста и сказалъ:

— Я сдѣлаю это, отецъ.

Хилонъ всталъ также, съ минуту смотрѣлъ на лицо работника освѣщенное блескомъ луны, потомъ протянулъ руку и медлен опустилъ ладонь на его голову.

— Иди къ христіанамъ,—торжественно сказалъ онъ,—иди въ молитвенные дома и освѣдомься у братьевъ о Главѣ, а когда о тебѣ покажутъ его, тогда, во имя Христа, убей!...

— Главкъ? — повторилъ работникъ, какъ бы желая запечатлѣть въ памяти это имя.

— Ты знаешь его?

— Нѣтъ, не знаю. Христіанъ цѣлыя тысячи въ Римѣ и не все знаютъ другъ друга. Но завтра въ Остраніи ночью соберутся братья и сестры до одного человѣка, потому что прибылъ великій апостоль Христовъ, который будетъ поучать тамъ, и тамъ братья укажутъ мнѣ Главка.

— Въ Остраніи?—спросилъ Хилонъ,—значить, за городскими воротами? Братья и все сестры? ночью? за воротами, въ Остраніи?

— Да, отецъ. Это наше кладбище между *via Salaria* и *Nomen-tana* ²⁾. Развѣ тебѣ не извѣстно, что тамъ будетъ поучать великій апостоль?

— Я не былъ два дня дома, поэтому не получилъ его письма и, кромѣ того, не зналъ, гдѣ находится Остраній, потому что недавно прибылъ сюда изъ Боринеа, гдѣ я учреждаю христіанскую общину... И такъ, если Христосъ вдохновилъ тебя, ты, мой сынъ, пойдешь ночью въ Остраній, тамъ между братьями отыщешь Главка и убьешь его на обратномъ пути въ городу, за что тебѣ будутъ отпущены все грѣхи. А теперь да будетъ миръ съ тобою.

— Я слушаю тебя, слуга Агнца.

На лицѣ работника отразилось смущеніе. Онъ недавно убилъ человѣка, можетъ быть, и двухъ, а ученіе Христа запрещаетъ убивать. Убилъ онъ ихъ не при своей защитѣ, но и этого нельзя. Епископъ далъ ему братьевъ для помощи, но убивать не приказалъ, а онъ убилъ нечаянно, потому что Богъ наказалъ его черезъ - чуръ большою силой, и теперь онъ тяжело кается. Другіе поютъ за своими жерновами, а онъ, несчастный, думаетъ о своемъ грѣхѣ и объ обидѣ Агнца. Какъ онъ молился, какъ плакалъ, какъ просилъ Агнца! И, все-таки, чувствуетъ до сихъ поръ, что покаяніе его недостаточно. А теперь онъ снова обѣщалъ убить предателя—и хорошо! Только собственные обиды можно прощать; онъ убьетъ его, хотя бы на глазахъ всехъ братьевъ и сестеръ, которые завтра будутъ въ Остраніи. Но пусть сначала Главкъ будетъ осужденъ старшими братьями, епископомъ или апостоломъ. Убить не велика вещь, а убить предателя не и приятно, какъ волка или медвѣдя, а ну, какъ Главкъ порадаеть невинно? Какъ братъ на совѣсть новое убійство, новый грѣхъ и новую обиду Агнца?

— Для суда пѣтъ времени, мой сынъ, — отвѣтилъ Хилонъ, —

²⁾ Обѣ эти дороги начинаются у Коллинскихъ воротъ въ сѣверо-восточной части ма; первая дорога идетъ почти прямо на сѣверъ, вторая—на сѣверо-востокъ.

потому что измѣнникъ прямо изъ Остранія отправится къ цезарю въ Антій или скроется въ домъ нѣкоего патриція, у котораго находится въ услуженіи. Но я тебѣ дамъ удостовѣреніе; когда послѣ убійства Главка ты покажешь его, и епископъ, и великій апостоль благословятъ твой поступокъ.

Онъ досталъ изъ-за пояса ножъ, вынулъ сестерцію, начертилъ на ней знакъ креста и подалъ ее работнику.

— Вотъ приговоръ Главка и твое удостовѣреніе. Когда, послѣ убійства, ты покажешь его епископу, онъ отпуститъ тебѣ и прежнее убійство, которое ты совершилъ нечаянно.

Работникъ невольно протянулъ руку за монетой, но въ немъ еще черезъ-чуръ была жива память о первомъ убійствѣ и онъ почувствовалъ что-то вродѣ страха.

— Отецъ, — сказалъ онъ почти умоляющимъ голосомъ, — ты берешь на свою совѣсть это дѣло, ты самъ слышалъ, какъ Главкъ продаетъ братьевъ?

Хилонъ нашель, что нужно представить какія-нибудь доказательства, назвать какія-нибудь имена, ибо иначе въ сердце гиганта можетъ вкратиться подозрѣніе.

— Слушай, Урбанъ, — сказалъ онъ, — я живу въ Коринѣ, но происхожу изъ Коса и здѣсь, въ Римѣ, просвѣщаю ученіемъ Христовымъ одну дѣвушку изъ моей страны, по имени Эвнику. Она служитъ, какъ «vestiplica», въ домѣ друга цезаря, нѣкоего Петронія. И вотъ въ этомъ домѣ я слышалъ, какъ Главкъ брался выдать всѣхъ христіанъ, а, кромѣ того, обѣщалъ другому наперснику цезаря, Виницію, что найдетъ среди христіанъ дѣвушку...

Онъ оборвался и съ изумленіемъ посмотрѣлъ на работника, у котораго глаза засвѣтились вдругъ, какъ глаза звѣря, а лицо приняло выраженіе дикаго гнѣва и угрозы.

— Что съ тобой? — спросилъ онъ почти со страхомъ.

— Ничего, отецъ, — завтра я убью Главка.

Грекъ умолкъ, но черезъ минуту, взявъ работника за плечи, повернулъ его такъ, чтобы лунный свѣтъ падалъ прямо на его лицо, и началъ внимательно всматриваться въ него. Было видно что онъ колебался въ душѣ, спрашивать ли его дальше и вести все наружу, или не ограничиться ли пока тѣмъ, что онъ узналъ.

Въ концѣ врожденная осторожность Хилона взяла верхъ, и глубоко вздохнулъ, потомъ, положивъ руку на голову работника спросилъ торжественнымъ, медленнымъ голосомъ:

- Такъ при святомъ брещеніи тебѣ дали имя Урбана?
- Да, отецъ.
- Тогда, да будетъ съ тобою миръ, Урбанъ.

ХVІІІ.

Петроній Виницію:

«Плохо тебѣ, carissimе! Очевидно, Венера помutilа твой умъ, отняла разсудокъ, память и способность мыслить о чемъ-нибудь, промѣ любви. Перечитай когда-нибудь то, что ты отвѣтилъ мнѣ, и ты увидишь, какъ твой умъ сталъ равнодушенъ ко всему, за исключеніемъ Лигіи, какъ ты занимаешься только ею, къ ней возвращаешься постоянно и кружишь надъ нею, какъ ястребъ надъ высмотрѣнною добычей. Блянусь Поллуксомъ! найди же ты ее поскорѣй, иначе, если пламя твоей страсти не сожжетъ тебя въ пепель, ты обратишься въ египетскаго сфинкса, который, какъ говорятъ, влюбившись въ блѣдную Изиду, сталъ ко всему глухъ, равнодушенъ и ждетъ только ночи, чтобы смотрѣть на возлюбленную своими каменными глазами.

«Объѣгай по вечерамъ городъ въ чужой одеждѣ, посѣщай даже, со своимъ философомъ, молитвенные дома христіанъ (все, что убиваетъ время и возбуждаетъ надежду—желательно), но, ради дружбы ко мнѣ, сдѣлай одно: Урсъ, невольникъ Лигіи, кажется, обладаетъ необыкновенною силой, такъ ты найми себѣ Бротона и принимай экспедиціи втроемъ. Такъ будетъ безопаснѣе и разумнѣе. Христіане, коль скоро къ числу ихъ принадлежатъ Помпонія Грецина и Лигія, вѣроятно, не такіе негодяи, какими ихъ считаютъ повсюду, но, однако, при похищеніи Лигіи они доказали, что съ ними шутки плохи, если дѣло касается какой-нибудь овцы изъ ихъ стада. Когда ты увидишь Лигію, то, я знаю, не съумѣешь сдержаться и захочешь увести ее съ собою тотчасъ же,—какъ же ты это сдѣлаешь съ однимъ Хилонидомъ? А Бротонъ постоитъ за себя, хотя бы ее защищали десятокъ такихъ лигійцевъ, какъ Урсъ. Хилону не позволяй выманивать много, но на Бротона денегъ не жалѣй. Изъ всѣхъ совѣтовъ, которые я могу послать тебѣ, этотъ самый лучший.

дѣсь уже перестали говорить о маленькой Августѣ и о томъ, что она умерла отъ колдовства. Вспоминаетъ объ этомъ иногда Помпея, но умъ цезаря занятъ совсѣмъ другимъ, тѣмъ болѣе,—не знаешь ли, правда ли это,—что *diva Augusta* снова находится въ извѣстномъ положеніи. Мы вотъ уже нѣсколько дней въ Неаполѣ, или,

вѣришь, въ Байяхъ. Еслибъ ты былъ способенъ думать о чемъ-нибудь, то отголосокъ нашего пребыванія здѣсь долженъ былъ бы дойти до твоихъ ушей, потому что цѣлый Римъ, по всей вѣроятности, ни о чемъ другомъ и не говоритъ. Мы пріѣхали прямо въ Байи, гдѣ, прежде всего, нами овладѣли воспоминанія о матери и упреки совѣсти. Но знаешь ли ты, до чего дошелъ Агенобарбъ? До того, что даже матереубійство служить ему только темою для стиховъ и поводомъ для разыгрыванія шутовски-трагическихъ сценъ. Неподдѣльные угрызения совѣсти прежде онъ испытывалъ постольку, поскольку онъ трусъ, а теперь, когда убѣдился, что весь міръ, — какъ это было и раньше, — лежитъ у его ногъ, и никакое божество не отомстило ему, то онъ притворяется, для того только, чтобы растрогивать людей своею судьбой. Иногда ночью онъ вскакиваетъ и утверждаетъ, что его преслѣдуютъ фурии, будить насъ, тщательно наблюдаетъ за собою, принимаетъ видъ комедіанта, играющаго роль Ореста, — да еще плохого комедіанта, — декламируетъ греческіе стихи и смотритъ, удивляемся ли мы. Мы, конечно, удивляемся, и, вмѣсто того, чтобы сказать ему: иди спать, шутъ! — также настраиваемся на трагическій тонъ и защищаемъ великаго артиста отъ фурій. Клянусь Касторомъ! дошло до тебя, по крайней мѣрѣ, что мы уже выступали публично въ Неаполѣ? Сигнали всѣхъ греческихъ бездѣльниковъ изъ Неаполя и окрестныхъ городовъ, и эти бездѣльники такъ провоняли всю арену испареніями чеснока, что я благодарилъ боговъ, что, вмѣсто того, чтобы сидѣть въ первыхъ рядахъ съ августіанами, я былъ съ Агенобарбомъ за сценой. Повѣришь ли ты мнѣ, онъ боялся. Увѣряю тебя, боялся! Онъ бралъ мою руку и прикладывалъ къ своему сердцу, которое билось, дѣйствительно, ускореннымъ біеніемъ. Дыханіе его стало прерывистымъ, и въ ту минуту, когда нужно было выходить, онъ поблѣднѣлъ, какъ пергаментъ, и лобъ его покрылся каплями пота. А, вѣдь, онъ зналъ, что во всѣхъ рядахъ сидятъ преторіанцы, вооруженные палками, которыми обязаны, въ случаѣ надобности, возбудить энтузіазмъ въ слушателяхъ. Но надобности не представилось. Никакое стадо обезьянъ изъ окрестностей Картагины не сѣмѣетъ такъ выть, какъ эта голытьба. Я говорю тебѣ, что запахъ чеснока долеталъ даже до сцены. Агенобарбъ расплачивался, прижималъ руки къ сердцу, посыпалъ слезными душными поцѣлуи и плакалъ. Потомъ онъ, какъ пьяный, ворвался къ намъ за сцену съ крикомъ: «Что значать триумфы цезаря въ сравненіи съ моимъ триумфомъ!» А тамъ голытьба все еще выла и хлопала въ ладоши, зная, что выхлопаетъ себѣ милости, пода...

пиры, лотерейные билеты и новое зрѣлище съ шутомъ-цезаремъ. Я даже не удивляюсь, что они рукоплескали, — до сихъ поръ этого никто не видалъ. А Неронъ повторялъ каждую минуту: «Вотъ что значить греки! вотъ что значить греки!» И кажется мнѣ, что съ этой минуты его ненависть къ Риму еще болѣе возросла. Несмотря на это, въ Римъ были посланы нарочные гонцы съ извѣстіемъ о триумфѣ и на-дняхъ мы ожидаемъ благодарности отъ сената. Тотчасъ же послѣ перваго выхода Нерона здѣсь случилось странное обстоятельство: театръ обвалился сразу, но тогда, когда люди уже всѣ вышли. Я былъ на мѣстѣ происшествія, но не видалъ, чтобъ изъ-подъ развалинъ извлекли хоть одинъ трупъ. Многіе, даже изъ числа грековъ, смотрятъ на это, какъ на гнѣвъ боговъ за униженіе императорской власти, но онъ, наоборотъ, утверждаетъ, что здѣсь проявляется милость боговъ, которые, очевидно, покровительствуютъ и его пѣнію, и тѣмъ, кто слушаетъ его. Поэтому—жертвы во всѣ храмы и великое благодареніе, а для него—новое поощреніе ѣхать въ Ахайю. Однако, нѣсколько дней тому назадъ онъ говорилъ мнѣ, что боится, что скажетъ на это римскій народъ, не взбунтуется ли онъ, какъ изъ-за любви къ нему, такъ и изъ-за опасенія, какъ бы его не обдѣлили хлѣбомъ и не лишили зрѣлищъ во время отсутствія цезаря?

Все-таки, отсюда мы идемъ въ Беневентъ, смотрѣть на башмачническую роскошь, которою щегольнетъ передъ нами Ватиній, а оттуда, подъ покровительствомъ божественныхъ братьевъ Елены¹⁾, въ Грецію. Что касается меня, то я замѣтилъ одну вещь: когда я нахожусь среди сумасшедшихъ, то самъ становлюсь сумасшедшимъ, и даже болѣе—нахожу нѣкоторую прелесть въ безуміи. Греція и путешествіе съ цѣлыми тысячами народу—какое-то триумфальное шествіе Вакха среди нимфъ и вакханокъ, увѣнчанныхъ миртами и виноградными листьями, колесницы, запряженные тиграми, цвѣты, тирсы, вѣнки, крики «евое!», музыка, поэзія и рукоплещущая Эллада,—все это хорошо, но мы питаемъ еще болѣе смѣлый замыселъ. Намъ хочется создать какую-то восточную сказочную имперію, — царство пальмъ, соляна, поэзіи, дѣйствительности, обращенной въ сонъ и въ непрерывное наслажденіе, намъ хочется забыть о Римѣ, а мировое тяготѣніе перемѣстить куда-нибудь между Греціей, Азіей и Египтомъ, жить жизнью не людей, а демоновъ, не зная ничего обыденнаго, скользить въ золотыхъ галерахъ, подъ сѣнью пурпуровыхъ парусовъ, по Архипелагу, быть

¹⁾ Елена была дочь Юпитера и Леды, сестра Диоскуровъ, Кастора и Поллукса, которые считались покровителями мореплавателей.

Аполлономъ, Озирисомъ и Вааломъ въ одною лицѣ, краснѣть вмѣстѣ съ зарею, золотиться съ солнцемъ, серебриться съ луною, царствовать, пѣть, дремать... И повѣришь ли, что я, у котораго еще сохранилось на сестерцію ума, а на ассъ здраваго размышленія, еще позволяю себя увлекать этимъ фантазіямъ и потому именно, что онѣ если и не осуществимы, то, по крайней мѣрѣ, велики и необыкновенны... Однако, такая сказочная имперія была бы чѣмъ-нибудь такимъ, что по простествіи длинныхъ вѣковъ показалось бы людямъ золотымъ сномъ. А если Венера не приметъ обличія какой-нибудь Лигіи или даже невольницы Эвники, если ее не украситъ искусство, то жизнь ничего не стоить и часто напоминаетъ лицо обезьяны. Но мѣднобрадый не осуществитъ своихъ мечтаній хотя бы потому, что въ этомъ сказочномъ царствѣ поэзіи и Востока не должно быть мѣста для измѣны, подлости и смерти, а въ Неронѣ подъ личиной поэта сидитъ скверный комедіантъ, глуповатый кучеръ и пошлый тиранъ. И вотъ мы душимъ людей, когда они намъ помѣшаютъ какимъ-нибудь образомъ. Бѣдный Торкватъ Силанъ теперь уже тѣнь. Онъ открылъ себѣ жилы нѣсколько дней тому назадъ. Леканій и Лициній со страхомъ берутся за консульство, старикъ Тразеа не избѣгнетъ смерти, потому что осмѣливается быть честнымъ. Тигеллинъ до сихъ поръ не можетъ добиться приказа, чтобъ я открылъ себѣ жилы. Я еще нуженъ не только какъ «*elegantiae arbiter*», но и какъ человекъ, безъ совѣта и вкуса котораго путешествіе въ Ахайю могло бы не удался. Все-таки, я иногда думаю, что раньше или позже дѣло тѣмъ и кончится, и знаешь ли, что меня больше всего занимаетъ? — именно то, чтобы мѣднородому не достался тотъ мирренскій сосудъ, который ты знаешь и которымъ ты восхищаешься. Если въ минуту моей смерти ты будешь при мнѣ, я отдамъ его тебѣ, а если будешь далеко, то разобью. Но теперь передъ нами башмачническій Беневентъ, олимпійская Греція и Фатумъ, который для всякаго пролагаетъ неизвѣстный и непредвидѣнный путь. Будь здоровъ и найми Бротона, иначе у тебя во второй разъ похитятъ Лигію. Хилонда, когда онъ не будетъ нуженъ тебѣ, пришли ко мнѣ, гдѣ бы я ни находился. Можетъ быть, я сдѣлаю изъ него другого Ватинія, можетъ быть, консулярные мужи и сенаторы станутъ дрожать передъ нимъ, какъ дрожатъ передъ тѣмъ героемъ драгвы. Стоило бы дожидаться такого зрѣлища. Когда ты найдешь Лигію, дай мнѣ знать, чтобъ я принесъ за васъ жертву изъ двухъ лебедей и двухъ голубей въ здѣшнемъ кругломъ храмѣ Венеры. Недавно я видѣлъ во снѣ, что Лигія сидитъ у тебя на колѣняхъ и ищетъ твоихъ о-

дѣлуевъ. Постарайся, чтобъ этотъ сонъ былъ пророческимъ. Пусть на твоёмъ небѣ не будетъ тучъ, а если и будутъ, то только цвѣта и запаха розы. Будь здоровъ и прощай!»

XIX.

Едва Виницій кончилъ письмо Петронія, какъ въ его библіотеку безъ всякаго оповѣщенія проскользнулъ Хилонъ, потому что прислуга получила приказъ допускать его во всякое время дня и ночи.

— Да будетъ божественная мать твоего великодушнаго предка Энея ¹⁾ такъ же благосклонна къ тебѣ, какъ былъ благосклоненъ ко мнѣ божественный сынъ Майи ²⁾! — сказалъ онъ.

— И это значить? — спросилъ Виницій, вскакивая изъ-за стола, за которымъ онъ сидѣлъ.

Хилонъ поднялъ голову и отвѣтилъ:

— Eureka!

Молодой патрицій взволновался такъ, что долгое время не могъ проговорить ни слова.

— Ты видѣлъ ее? — наконецъ, сказалъ онъ.

— Я видѣлъ Урса, господинъ, и говорилъ съ нимъ.

— И ты знаешь, гдѣ она скрывается?

— Нѣтъ, господинъ. На моемъ мѣстѣ одни изъ самолюбія дали бы Урсу понять, что отгадали, кто онъ, другіе старались бы выпытать, гдѣ онъ живетъ, и получили бы или ударъ кулакомъ, послѣ котораго всё земныя дѣла потеряли бы для нихъ значеніе, или возбудили бы недовѣріе гиганта и сдѣлали бы то, что дѣвушку сегодня же переселили бы въ другое убѣжище, а я поступилъ не такъ. Мнѣ достаточно знать, что Урсъ работаетъ у мельника вблизи Эмпорія, что мельника зовутъ Демасомъ, также какъ твоего отпущенника, и мнѣ этого достаточно. Теперь любой твой невольникъ можетъ утромъ пойти по слѣдамъ Урса и открыть его убѣжище. Я только приношу тебѣ увѣренность, что коль скоро Урсъ находится здѣсь, то и божественная Лигія живетъ въ Римѣ, и, кромѣ того, извѣстіе, что сегодня чуть не навѣрное она будетъ въ Остраніи...

— Въ Остраніи? что это? — перебилъ Виницій, высказывая намереніе сейчасъ же бѣжать на упомянутое мѣсто.

¹⁾ Эней былъ сыномъ Анхиза и Везеры. Послѣ разрушенія Трои онъ переселился въ Италію. Его сынъ Асканій (по римскимъ сказаніямъ Юлій) сдѣлался родоначальникомъ знатнѣйшихъ римскихъ фамилій.

²⁾ Меркурій былъ сыномъ Зевса и Майи.

— Это старый *hyrogeum* ³⁾ между *via Solaria* и Номентаной. Тотъ верховный жрецъ христіанъ, о которомъ я говорилъ тебѣ и котораго ожидали значительно позже, уже пріѣхалъ и сегодня же ночью будетъ крестить и поучать на этомъ кладбищѣ. Они скрываются со своимъ учениемъ, и хотя до сихъ поръ не было никакихъ эдиктовъ, которые запрещали бы его, должны быть осторожны, потому что народъ ненавидитъ ихъ. Самъ Урсъ говорилъ мнѣ, что всѣ до одного сегодня соберутся въ Остраніи, потому что каждому хочется слышать и видѣть того, кто былъ первымъ ученикомъ Христа и кого они зовутъ Посланикомъ. А такъ какъ у нихъ женщины наравнѣ съ мужчинами слушаютъ поученія, то изъ женщинъ отсутствовать будетъ развѣ только одна Помпонія, — та не могла бы объяснить Авлу, поклоннику старыхъ боговъ, зачѣмъ она покидаетъ домъ ночью, Лигія же, которая состоитъ подъ покровительствомъ Урса и старшинъ общины, несомнѣнно пойдетъ вмѣстѣ съ другими.

Виницій, который до сихъ поръ жилъ словно въ горячкѣ и подкрѣплялъ себя только надеждой, теперь, когда эта надежда казалась близкою къ осуществленію, вдругъ почувствовалъ такую слабость, какую испытываетъ человѣкъ послѣ непосильнаго пути, хотя онъ и приблизился къ цѣли. Хилонъ видѣлъ все и рѣшилъ воспользоваться этимъ.

— Господинъ, твои люди, дѣйствительно, наблюдаютъ за воротами, а христіане должны знать объ этомъ. Но для нихъ ворота не нужны. Тибръ также не требуетъ воротъ, и хотя по рѣкѣ до Остраніи далеко, для «великаго апостола» можно и продлить свою дорогу. Наконецъ, у нихъ должны быть тысячи способовъ обходить городскія ворота и я знаю, что они обладаютъ этими способами. Въ Остраніи ты, господинъ, найдешь Лигію, а если бы даже, чего, впрочемъ, я не предполагаю, ея не было бы тамъ, — тамъ будетъ Урсъ, потому что онъ обѣщалъ мнѣ убить Главка. Онъ самъ говорилъ, что будетъ и убьетъ его тамъ, — слышишь ли ты, благородный трибунъ? И вотъ ты или пойдешь вслѣдъ за нимъ и узнаешь, гдѣ живетъ Лигія, или прикажешь своимъ людямъ схватить его, какъ убійцу, и, держа его въ рукахъ, извлечешь изъ него признаніе, куда онъ скрылъ Лигію. Я свое сдѣлалъ! Другой сказалъ бы тебѣ, что выпилъ съ Урсомъ десять *кантаровъ* ⁴⁾ самого дорого вина, прежде чѣмъ добился отъ него толку, или что проигралъ ему тысячу сестерцій въ *scriptae duodecim*. Я знаю, ты возвѣ

³⁾ Кладбище.

⁴⁾ Кружка.

тилъ бы это мнѣ вдвойнѣ, но я хоть разъ въ жизни... то-есть, я хотѣлъ сказать, что какъ и всегда въ жизни, буду честнымъ, ибо утѣшаю себя мыслью, что, какъ утверждалъ великодушный Петропій, твое великодушіе превзойдетъ всѣ мои издержки и ожиданія.

Виницій, какъ солдатъ, привыкъ не только справляться съ собою въ разныхъ положеніяхъ, но и дѣйствовать. Онъ и теперь подавилъ свою временную слабость и сказалъ:

— Ты не разочаруешься въ моемъ великодушіи, но сначала пойдешь со мной въ Остраній.

— Я? Въ Остраній?—переспросилъ Хилонъ, который не имѣлъ ни малѣйшаго желанія идти туда.—Я, благородный трибунъ, обѣщаль тебѣ показать Лигію, но не брался похищать ее. Подумай, господинъ, что случилось бы со мной, еслибъ этотъ лигійскій медвѣдь, растерзавъ Главка, тотчасъ же убѣдился бы, что онъ растерзалъ его не совѣмъ справедливо? Не счелъ ли бы онъ меня (хотя совершенно несправедливо) за виновника совершеннаго убійства? Памятуй, господинъ, что чѣмъ больше философскія способности человѣка, тѣмъ ему труднѣе отвѣчать на глупые вопросы невѣждъ; что же я отвѣтилъ бы ему, еслибъ онъ спросилъ у меня, почему я обвинилъ Главка? Если ты думаешь, что я обманываю тебя, тогда я скажу тебѣ: заплати мнѣ лишь тогда, когда я уважу тебѣ домъ, въ которомъ живетъ Лигія, а сегодня излей на меня хоть частицу своей щедрости, ибо если и ты господинъ (да сохранять тебя всѣ боги отъ этого!) подвергнешься какой-нибудь случайности, то я совѣмъ останусь безъ награды. Твое сердце никогда не вынесло бы этого.

Виницій подошелъ къ шкатулкѣ, стоящей на мраморномъ подножій и называемой «агса», и, вынувъ изъ нея мѣшокъ, бросилъ его Хилону.

— Это «скрупулы»,—сказалъ онъ,—а когда Лигія будетъ въ моемъ домѣ, ты получишь такой же мѣшокъ съ «авреями»⁵⁾.

— Юпитеръ!—воскликнулъ Хилонъ.

Но Виницій нахмурилъ брови.

— Здѣсь тебѣ дадутъ ѣсть, потомъ ты отдохнешь. До вечера не двинешься отсюда, а когда настанетъ ночь, будешь сопровождать меня въ Остраній.

На лицѣ Хилона съ минуту видѣлись страхъ и колебаніе, но потомъ онъ, однако, успокоился и сказалъ:

⁵⁾ *Scrupulum* или *scrupulum*—мелкая золотая монета, равняющаяся третьей части золотого динарія—*aureus*.

— Кто может противустоять тебѣ, господинъ? Прими эти слова за доброе пророчество, какъ принялъ ихъ нашъ великій герой въ храмъ Олимпа. Что касается меня, то эти скрупулы перевѣсили мои предубѣжденія, не говоря уже о твоей компаніи, которая для меня составляетъ верхъ счастья и наслажденія.

Виницій нетерпѣливо перебилъ его и началъ спрашивать о подробностяхъ разговора съ Урсомъ. Изъ разспросовъ выяснилось одно, что въ эту ночь будетъ открыто убѣжище Лигіи или ее самой можно будетъ похитить на обратномъ пути изъ Остранія. И при этой мысли Виниціемъ овладѣвала бѣшенная радость. Теперь, когда у него была почти увѣренность, что онъ найдетъ Лигію, и гнѣвъ его, и озлобленіе, которые онъ питалъ къ ней, исчезли. Именно за эту-то самую радость онъ и отпустилъ ей всѣ вины. Онъ думалъ только о ней, какъ о дорогомъ и желанномъ существѣ, и испытывалъ такое впечатлѣніе, какъ будто она должна была возвратиться изъ далекаго путешествія. Его брала охота призвать невольниковъ и приказать имъ убрать домъ зелеными гирляндами. Въ эту минуту онъ не сердился даже на Урса, онъ готовъ былъ простить всѣмъ и все. Хилонъ, къ которому до сихъ поръ, несмотря на его услуги, онъ питалъ нѣкоторое отвращеніе, въ первый разъ показался ему человѣкомъ забавнымъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дюжиннымъ. Благодаря Хилону, въ его домѣ сдѣлалось свѣтло, и глаза Виниція и лицо его просвѣтлѣли. Онъ снова почувствовалъ молодость и радость жизни. Прежнее мрачное страданіе не давало еще ему достаточнаго понятія, какъ сильно онъ любитъ Лигію. Онъ понималъ это теперь, когда ему блеснула надежда обладать ею. Влеченіе къ ней пробуждало его, какъ весною пробуждается земля, пригрѣтая солнцемъ, но страсть его теперь была менѣе слѣпа и дива, болѣе нѣжна и радостна. Онъ ощущалъ въ себѣ безграничную энергію и былъ убѣжденъ, что лишь только увидитъ собственными глазами Лигію, то ее не отнять у него не только христіане всего міра, но даже и самъ цезарь.

Хилонъ, ободренный его радостью, заговорилъ снова и началъ давать ему совѣты. По его мнѣнію, дѣло еще не слѣдовало считать выиграннымъ и необходимо сохранить насколько возможно большу осторожность, безъ которой все можетъ пропасть. Онъ заклиналъ Виниція не похищать Лигію изъ Остранія. Они должны будутъ идти туда съ капюшонами на головахъ, съ закрытыми лицами и ограничиться наблюденіемъ изъ какаго-нибудь темнаго угла за всѣми присутствующими. Когда онъ, наконецъ, увидитъ Лигію, самое лучшее будетъ пойти за нею въ нѣкоторомъ отдаленіи, замѣтить, въ ка-

домъ она вошла, а на другой день, на разсвѣтѣ, окружить его невольниками и взять ее уже днемъ. Такъ какъ она заложница и принадлежитъ, собственно, цезарю, то все это можно сдѣлать безъ опасенія нарушенія закона. Въ случаѣ, еслибъ ее не нашли въ Остраніи, пусть пойдутъ вслѣдъ за Урсомъ и послѣдствія получатся точно такія же. На гладбище съ большимъ количествомъ людей отправиться нельзя, они легко могутъ обратить на себя вниманіе, а тогда христіанамъ нужно будетъ только погасить всѣ огни, какъ они сдѣлали это при первомъ похищеніи, и разсыпаться или спрятаться въ тайникахъ, извѣстныхъ только имъ однимъ. Но вооружиться не мѣшаетъ, а еще лучше взять съ собою двухъ вѣрныхъ и сильныхъ людей, чтобы, въ случаѣ необходимости, воспользоваться ихъ помощью.

Виницій призналъ полную справедливость словъ Хилона и, вспомнивъ при этомъ совѣтъ Петронія, отдалъ приказаніе, чтобъ къ нему привели Кротона. Хилонъ, — онъ зналъ всѣхъ въ Римѣ, — значительно успокоился, услыхавъ имя знаменитаго атлета, нечеловѣческой силѣ котораго онъ дивился не разъ, и объявилъ, что пойдетъ въ Остранію. Мѣшокъ, набитый авреями, въ особенности при помощи Кротона, показался ему болѣе легкою добычей.

Въ хорошемъ расположеніи духа онъ усѣлся за столъ, къ которому его немного погодя призвалъ начальникъ атрія, и во время обѣда разсказывалъ невольникамъ, какъ онъ доставляетъ ихъ господину чудодѣйственную мазь; достаточно намазать ею копыта самыхъ плохихъ лошадей, чтобъ они оставили позади себя всѣхъ другихъ. Приготовлять эту мазь его научилъ одинъ христіанинъ, потому что христіанскіе старшины больше знакомы съ чарами и чудесами, чѣмъ даже ессалійцы, хотя Фессалія славится своими колдуньями. Христіане питаютъ къ нему необыкновенное довѣріе, а почему именно — легко догадается всякій, кто знаетъ, что такое значить рыба. Говоря такъ, онъ пристально наблюдалъ за лицами невольниковъ, въ надеждѣ открыть между ними христіанина и донести объ этомъ Виницію. Но когда эта надежда обманула его, онъ усердно принялся пить и ѣсть, не щадя похвалъ повару и увѣряя, что постарается купить его у Виниція. Спокойствіе Хилона нарушила только одна мысль, что ночью нужно было идти въ Остранію, но онъ ободрялъ себя тѣмъ, что будетъ переодѣтъ, а товарищами его будутъ два человѣка, изъ которыхъ одинъ, по своей силѣ, — божество всего Рима, а другой — патрицій и воинъ высокаго званія. «Хотя бы Виниція и открыли, — говорилъ онъ самому себѣ, —

но они не осмѣлятся поднять на него руки, а что касается меня, то хитеръ будетъ тотъ, кто увидитъ хоть конецъ моего носа».

Онъ вспомнилъ свой разговоръ съ работникомъ и это внушило ему еще большую бодрость. У него не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что работникъ этотъ—Урсъ. По рассказамъ Виниціа о тѣхъ, которые сопровождали Лигію изъ дворца, Хилонъ зналъ о необыкновенной силѣ лигійца, а такъ какъ онъ спрашивалъ Эвриціа только о людяхъ исключительно сильныхъ, то не было ничего мудренаго, что ему указали на Урса. Дальше, замѣшательство и гнѣвъ работника при упоминаніи о Виниціи и Лигіи не позволяли сомнѣваться, что эти лица представляютъ для него особое значеніе. Работникъ упоминалъ о покаяніи за убійство человѣка, а Урсъ убилъ Атацина; наконецъ, примѣты работника совершенно соответствовали тому, что Виницій говорилъ о лигійцѣ. Одно только измѣненное имя могло возбуждать сомнѣніе, но Хилонъ уже зналъ, что христіане при крещеніи часто принимаютъ новыя имена.

«Если Урсъ убьетъ Главка,—говорилъ себѣ Хилонъ,—то будетъ хорошо, а не убьетъ, то это также добрый признакъ, потому что окажется, какъ дорого стѣитъ христіанину убійство. Я представилъ этого Главка какъ родного сына Іуды и предателя всѣхъ христіанъ; я былъ такъ краснорѣчивъ, что даже камень растрогался бы и обѣщалъ бы свалиться на голову Главка, но и при всемъ этомъ едва склонилъ этого лигійскаго медвѣдя, чтобъ онъ обѣщалъ мнѣ наложить на него свою лапу... Онъ колебался, не хотѣлъ, рассказывалъ о своихъ угрызенияхъ и покаяніи. Очевидно, въ ихъ средѣ это не въ обычаѣ... Свои обиды нужно прощать, за чужія мстить не особенно дозволяется,—его, разсуди, Хилонъ, что можетъ угрожать тебѣ? Главку нельзя отомстить тебѣ... Урсъ, если не убьетъ Главка за такое большое преступленіе, какъ измѣна всему христіанству, то тѣмъ болѣе не убьетъ тебя за такое малое, какъ преданіе на смерть одного христіанина. Наконецъ, если я разъ покажу этому похотливому дикому голубю гнѣздо его горлицы, то я умываю руки и возвращаюсь назадъ въ Неаполь. Христіане говорятъ о какомъ-то умываніи рукъ,—очевидно, это способъ, которымъ, если имѣешь дѣло съ ними, можно покончить все. Какіе добрые люди, эти христіане, а какъ дурно говорятъ о нихъ! О, богъ такова-то справедливость на свѣтѣ! Я люблю это ученіе за то, что оно не дозволяетъ убійства. Но если оно не дозволяетъ убивать, то, вѣроятно, не дозволяетъ ни красть, ни обманывать, ни свидѣтельствовать ложно, а поэтому я не скажу, чтобъ ему легко бы слѣдовать. Очевидно, оно не только учитъ достойно умирать, ка

это дѣлають стоики, но и достойно жить. Если когда-нибудь я разбогачу, буду имѣть такой домъ, какъ этотъ, и столько же невольниковъ, то, можетъ быть, сдѣлаюсь христіаниномъ на столько времени, пока это будетъ мнѣ на руку. Богатый можетъ позволить себѣ все, даже добродѣтель... Да, это — религія богатыхъ, и я не понимаю, какимъ образомъ она насчитываетъ столько бѣдныхъ послѣдователей. Что имъ изъ этого прибудеть и зачѣмъ они дозволяютъ добродѣтели связывать себѣ руки? Я долженъ когда-нибудь подумать объ этомъ. А теперь, слава тебѣ, Гермесь, что ты помогъ мнѣ отыскать этого барсука. Но если ты сдѣлалъ это ради двухъ телиць, бѣлыхъ однолѣтожь съ позолоченными рогами, то я не узнаю тебя. Стыдись, аргусоубійца ⁶⁾!... Такой мудрый богъ и заранѣе не предвидѣлъ, что ничего не получить! Я общаю тебѣ за это свою признательность, а если ты моей признательности предпочитаешь двухъ скотовъ, тогда самъ ты — третій, и, въ лучшемъ случаѣ, долженъ быть пастухомъ, а не богомъ. Берегись, однако, чтобъ я, какъ философъ, не довелъ до свѣдѣнія людей, что тебя совсѣмъ не существуетъ, — тогда всѣ перестали бы приносить тебѣ жертвы. Съ философомъ лучше жить въ дружбѣ».

Разговаривая такимъ образомъ съ собою и съ Гермесомъ, Хилонъ вытянулся на скамьѣ, положилъ себѣ подъ голову плащъ и, когда невольники убрали посуду, заснулъ. Проснулся онъ или, вѣрнѣе, разбудили его лишь тогда, когда пришелъ Кротонъ. Тогда Хилонъ пошелъ въ атрій и съ удовольствіемъ началъ любоваться могучею фигурой ланисты, ех-гладіатора, который, казалось, своею громадностью наполнялъ весь атрій. Кротонъ уже уловился въ цѣпъ и въ эту минуту говорилъ Веницію:

— Блянусь Геркулесомъ! Хорошо, господинъ, что ты сегодня призывалъ меня, — завтра я отправляюсь въ Беневентъ, куда меня пригласилъ благородный Ватиній, чтобъ я въ присутствіи цезаря состязался съ нѣкимъ Сифаксомъ, самымъ сильнымъ негромъ, какого когда-либо породила Африка. Представляешь ли ты себѣ, господинъ, какъ его позвоночный хребетъ хруснетъ въ моихъ рукахъ, но, кромѣ того, я разможжу его черную челюсть.

— Я увѣренъ, что ты такъ сдѣлаешь, Кротонъ, — отвѣтилъ Веницій.

— И превосходно поступишь, — добавилъ Хилонъ. — Да!... Брѣвѣ того, разможи ему челюсть. Это хорошая мысль и подвигъ, достойный тебя. Только уместись масломъ, мой Геркулесь, и опо-

⁶⁾ Меркурій убилъ стоглазого Аргуса, которому Юнона поручила смотрѣть за Зевсомъ — Ио.

яшься, — знай, что ты можешь имѣть дѣло съ настоящимъ Какусомъ 7). Человѣкъ, оберегающій дѣвушку, которая требуется достойному Виницію, обладаетъ, дѣйствительно, исключительною силой.

Хилонъ говорилъ такъ для возбужденія амбиціи Кротона, но Виницій присоединился къ нему:

— Да, — сказалъ онъ, — я не видалъ его, но мнѣ говорили, что, схвативъ быка за рога, онъ можетъ повести его, куда хочетъ.

— Ой! — воскликнулъ Хилонъ, который не воображалъ, чтобы Урсъ могъ быть такъ силенъ.

Но Кротонъ презрительно улыбнулся.

— Я берусь, достойный господинъ, — сказалъ онъ, — схватить вотъ этою рукой кого ты мнѣ прикажешь, а другою защищаться отъ семерыхъ такихъ лигійцевъ и принести къ тебѣ въ домъ дѣвушку, хотя бы всѣ римскіе христіане гнались за мной, какъ калабрійскіе волки. Если я не исполню этого, я позволю побить себя палками вотъ на этомъ имплювіи.

— Не позволяй ему этого, господинъ! — воскликнулъ Хилонъ. — Начнутъ насъ угощать камнями, а на что тогда пригодится его сила? Не лучше ли извлечь дѣвушку изъ дома и не обречь ни ее, ни себя на гибель?

— Такъ и должно быть, Кротонъ, — сказалъ Виницій.

— Твои деньги — твоя воля! Только помни, господинъ, что завтра я ѣду въ Беневентъ.

— У меня пятьсотъ невольниковъ въ одномъ Римѣ, — отвѣтилъ Виницій.

Онъ сдѣлалъ знакъ, чтобы всѣ удалились, а самъ отправился въ бібліотеку, сѣлъ за столъ и написалъ Петронію слѣдующее:

«Хилонъ нашелъ Лигію. Сегодня вечеромъ я отправлюсь вмѣстѣ съ нимъ и Кротономъ въ Остраній и похищу ее или оттуда, или завтра изъ дома. Да изолюютъ на тебя боги всѣ блага! Будь здоровъ, carissime, — радость не позволяетъ мнѣ писать больше».

И, положивъ тростникъ, онъ зашагалъ по комнатѣ быстрыми шагами. Бромъ радости, которая заливала его душу, его снѣдало нетерпѣніе. Онъ говорилъ себѣ, что завтра Лигія будетъ уже въ этомъ домѣ, и не зналъ, какъ поступить съ нею, хотя и чувствовалъ, что если она захочетъ любить его, то онъ будетъ ей слугою. Онъ вспомнилъ увѣренія Актеи, что Лигія любитъ его, и волновался до глубины души. Значить, дѣло только въ томъ, чтобы побѣ-

7) Какусъ — гигантъ, полу-человѣкъ, полу-сатиръ, сынъ Вулкана.

какой-то дѣвичій стыдъ и устранить требованія, которыя, очевидно, предъявляетъ христіанское ученіе? Но если это такъ, то разъ Лигія будетъ въ его домѣ и уступить убѣжденію или силѣ, то должна будетъ сказать себѣ: «свершилось!» — и потомъ уже будетъ снисходительнѣе.

Приходъ Хилонъ прервалъ теченіе радостныхъ мыслей Виниція.

— Господинъ, — сказалъ грекъ, — мнѣ вотъ что еще пришло въ голову: а ну, какъ у христіанъ есть какой-нибудь пароль, какія-нибудь «тессеры»⁸⁾, безъ которыхъ въ Остраніи никого не пропустить? Я знаю, что такъ бываетъ въ молитвенныхъ домахъ, и досталъ такую «тессеру» у Эвриція. Позволь мнѣ пойти къ нему, разспросить поподробнѣе и узнать пароль, если это окажется необходимымъ.

— Хорошо, благородный мудрецъ, — отвѣтилъ весело Виницій, — ты говоришь, какъ человекъ разсудительный, и тебѣ за это слѣдуетъ похвала. Ты пойдешь къ Эврицію или куда тебѣ будетъ угодно, но для вѣрности оставишь вонъ на томъ столѣ мѣшокъ, который ты получилъ сегодня.

Хилонъ, который всегда неохотно расставался съ деньгами, поморщился, но исполнилъ приказаніе Виниція и ушелъ. Отъ Каринъ до цирка, возлѣ котораго находилась лавочка Эвриція, было не особенно далеко, и поэтому грекъ возвратился еще задолго до вечера.

— Вотъ знаки, господинъ. Безъ нихъ насъ не пропустили бы. Я разспросилъ подробно о дорогѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ сказалъ Эврицію, что знаки нужны только для моихъ друзей, а самъ я не пойду, — для меня, старика, этотъ путь черезъ-чуръ далекъ, — да, наконецъ, я завтра увижу великаго апостола, который повторитъ мнѣ лучшія мѣста изъ своей проповѣди.

— Какъ не будешь? Ты долженъ идти! — сказалъ Виницій.

— Я знаю, что долженъ, но пойду переодѣтый, и вамъ совѣтую то же, иначе мы можемъ спугнуть птицу.

Дѣйствительно, они вскорѣ начали собираться, потому что на дворѣ уже темнѣло. Взяли они галльскіе плащи съ капюшонами, взяли фонари; Виницій вооружился самъ и вооружилъ товарищей короткими кривыми ножами, а Хилонъ надѣлъ парикъ, который купилъ по дорогѣ отъ Эвриція. Нужно было торопиться, чтобы дойти до отдаленныхъ Номентанскихъ воротъ, прежде чѣмъ ихъ закроютъ.

⁸⁾ Тессера—дощечка, на которой писали пароль, раздаваемый солдатамъ.

XX.

Дорога Виниція лежала черезъ Vicus Patricius, вдоль Винцинала, къ Винцинальскимъ воротамъ мимо площади, на которой впоследствии Діоклетіанъ возвелъ великолѣпныя бани. Виницій и его спутники миновали остатки стѣны Сервія Туллія и почти уже пустыми переулками дошли до Номентанской дороги, а затѣмъ, свернувъ направо къ Саларіи, очутились среди холмовъ, усѣянныхъ кладбищами и служившихъ для добыванія песка. Тѣмъ временемъ уже совсѣмъ стемнѣло, а такъ какъ луна еще не взошла, то Виницію довольно трудно бы было отыскивать дорогу, если бы, согласно предсказанію Хилона, ее не указывали сами христіане. Дѣйствительно, и направо, и направо, и впереди видѣлись темныя фигуры, осторожно приближающіяся къ песчанымъ пригоркамъ. Одни несли фонари, однако, скрывая ихъ, по возможности, подъ плащами, другіе, знающіе лучше дорогу, шли безъ огня. Опытный солдатскій глазъ Виниція отличалъ по движеніямъ молодыхъ мужчинъ отъ стариковъ, плетущихся при помощи палки, и отъ женщинъ, старательно закутанныхъ въ длинныя стѣлы. Рѣдкіе прохожіе и крестьяне, выѣзжающіе изъ города, очевидно, принимали этихъ ночныхъ путниковъ за рабочихъ, направляющихся къ аренаріямъ, или за членовъ погребальныхъ братствъ, которые совершали свои обрядовые агапы¹⁾ ночью. Но по мѣрѣ того, какъ молодой патрицій и его товарищи подвигались впередъ, вокругъ нихъ мельгало все больше огоньковъ и число людей увеличивалось. Нѣкоторые изъ нихъ въ полголоса пѣли пѣсни, которыя Виницію представлялись преисполненными скорбью. По временамъ его ухо улавливало отдѣльныя слова или цѣлую фразу, какъ, на примѣръ: «Возстани спящій!» «Возстани изъ мертвыхъ!» Имя Христа повторялось и женщинами, и мужчинами, но Виницій мало обращалъ вниманія на слова; въ голову ему пришла мысль, что, можетъ быть, въ числѣ этихъ темныхъ фигуръ находится Лигія. Иныя, проходя мимо, говорили: «Миръ съ вами» или «Слава Христу», а Виниція охватывало безпокойство и сердце его начинало биться сильнѣе, — ему казалось, что онъ слышитъ голосъ Лигіи. Сколько-нибудь подходящая фигура сбивала его съ толку и, только удостоверившись въ своихъ ошибкахъ, онъ пересталъ довѣрять глазамъ.

Дорога казалась ему длинною. Окрестности онъ зналъ хорошо, но въ темнотѣ не могъ разобратся въ нихъ. Каждую минуту

¹⁾ Пиршества для бѣдныхъ у древнихъ христіанъ.

попадались то какіе-то узкіе проходы, то части стѣнъ, то постройки, и Виницій не помнилъ, чтобы видѣлъ это когда-нибудь возлѣ города. Наконецъ, край луны показался изъ громады тучъ и освѣтилъ все мѣсто лучше слабыхъ фонарей. Вдали что-то засвѣтилось, словно костеръ или походный факель. Виницій наклонился къ Хилону и спросилъ, не Остраній ли это?

Хилонъ, на котораго ночь, отдаленіе отъ города и эти фигуры, похожія на видѣнія, очевидно, производили сильное впечатлѣніе, отвѣтилъ немного невѣрнымъ голосомъ:

— Не знаю, господинъ, я никогда не бывалъ въ Остраніи. Но они могли бы славить Христа гдѣ-нибудь поближе къ городу.

И, чувствуя потребность поговорить и поддержать свою отвагу, онъ добавилъ:

— Они сходятся, словно разбойники, а, вѣдь, убивать имъ не дозволяется... Не могъ же этотъ лигіецъ такъ безсовѣстно обмануть меня.

Виниція, несмотря на то, что онъ все время думалъ о Лигіи, также удивила осторожность и таинственность, съ которой собираются христіане для того, чтобы слушать поученія своего верховнаго жреца, и онъ отвѣтилъ:

— Эта религія, какъ и всѣ другія, насчитываетъ между нами много своихъ поклонниковъ, но христіане — еврейская секта. Зачѣмъ они собираются здѣсь, когда въ Затибрской части города есть еврейскіе храмы, гдѣ евреи среди бѣлаго дня совершаютъ свои жертвоприношенія?

— Нѣтъ, господинъ. Евреи — то и есть самыя ожесточенныя враги христіанъ. Мнѣ говорили, что уже при нынѣшнемъ императорѣ дѣло чуть не дошло до войны между ними. Цезарю Клавдію такъ надоѣли эти ссоры, что онъ изгналъ всѣхъ евреевъ, но теперь этотъ одиетъ отмѣненъ. Но христіане, все-таки, скрываются отъ евреевъ и отъ народа, который, какъ тебѣ извѣстно, подозрѣваетъ ихъ въ вѣ преступленіяхъ и ненавидитъ.

Послѣ минутнаго молчанія, Хилонъ, страхъ котораго увеличился по мѣрѣ удаленія отъ городскихъ воротъ, сказалъ еще:

— Возвращаясь отъ Эвриціи, я взялъ у одного цирюльника паръ и засунулъ себѣ въ ноздри два бобовыхъ зерна. Меня не должны узнать, но если и узнаютъ, то не убьютъ. Это люди не злые. Это даже очень добрые люди, которыхъ я люблю и цѣню.

— Не привлекай ихъ къ себѣ преждевременными похвалами, — отвѣтилъ Виницій.

Они теперь вошли въ узкій оврагъ, точно заключенный между

двумя окопами, через которые был переброшенъ авведукъ. Въ это время луна вышла изъ-за тучъ и Виницій въ концѣ оврага увидалъ стѣну, обильно покрытую плющомъ, осеребреннымъ свѣтомъ мѣсяца. То былъ Остраній.

Сердце молодого патриція забилось чаще.

У воротъ два фоссора ²⁾ отбирали пропускные знаки. Черезъ минуту Виницій и его товарищи очутились на довольно обширномъ пространствѣ, со всѣхъ сторонъ огражденномъ стѣною. Кое-гдѣ видѣлись отдѣльные памятники, а въ серединѣ находился собственно *hurogeum* или крипта, нижнею частью своей лежащая подъ поверхностью почвы. Въ криптѣ собственно и заключались могилы. Передъ входомъ въ нее шумѣлъ фонтанъ. Было видно, что большое число людей не въ состояніи помѣститься въ самомъ гипогей. Виницій легко догадался, что обрядъ будетъ совершаться подъ открытымъ небомъ, на дворѣ, гдѣ вскорѣ собралась многочисленная толпа. Куда ни кинь глазомъ, фонари и фонари, хотя много народу пришло сюда безъ огня. Людей съ открытыми головами было не много, большинство, изъ опасенія измѣны или боясь ночного холода, осталось въ капюшонахъ и Виницій со страхомъ подумалъ, что если такъ будетъ и до конца, то въ этой толпѣ, при слабомъ свѣтѣ, ему невозможно будетъ распознать Лигію.

Но вдругъ возлѣ крипты вспыхнуло нѣсколько смоляныхъ факеловъ. Стало виднѣе. Толпа запѣла какой-то странный гимнъ, сначала тихо, потомъ все громче. Виницій никогда въ жизни не слышалъ такой пѣсни. Та же самая скорбь, которая слышалась въ пѣніи отдѣльныхъ людей, съ которыми онъ сталкивался на дорогѣ къ кладбищу, отозвалась и теперь въ этомъ гимнѣ, только гораздо выразительнѣе и сильнѣе, а въ концѣ стала такою всеобъемлющей и могучей, что какъ будто бы вмѣстѣ съ людьми этою скорбью прониклось и кладбище, и холмы, и овраги. Головы, поднятыя вверхъ, казалось, видѣли кого-то тамъ, высоко - высоко, руки призывали его спуститься на землю. Когда пѣснь смогла, наступила минута ожиданія, такая трогательная, что Виницій и его товарищи невольно обратили глаза къ звѣздамъ, какъ бы въ ожиданіи, что случится нѣчто необычайное и что кто-нибудь дѣйствительно спустится на землю. Виницій въ Малой Азіи, въ Египтѣ и въ самомъ Римѣ видѣлъ множество самыхъ разнообразныхъ храмовъ, познакомился со множествомъ разныхъ религій и слышалъ множество пѣсней, то теперь въ первый разъ увидалъ людей, призывающихъ

²⁾ Fossor—землекопъ.

нѣсней божество не для исполненія какого-нибудь установленнаго ритуала, но отъ чистаго сердца, съ такою тоской по этому божеству, какую могутъ питать дѣти по своему отцѣ или матери. Нужно было быть слѣпымъ, чтобъ не замѣтить, что эти люди не только чтли своего Бога, но и любили Его всею душой, а этого Виницій не видалъ до сихъ поръ ни въ какой странѣ, ни при какихъ обрядахъ, ни въ какихъ храмахъ. Въ Римѣ и Греціи тѣ, которые еще воздавали честь своимъ богамъ, дѣлали это изъ боязни или изъ желанія заручиться ихъ помощью, но никому и въ голову не приходило любить ихъ.

Хотя мысль Виниція была занята Лигіей и вниманіе устремлялось на то, чтобъ отыскать ее среди толпы, но онъ не могъ, однако, не видѣть странныхъ и необычайныхъ вещей, которыя творились вокругъ него. Тѣмъ временемъ подбросили еще нѣсколько факеловъ въ костеръ, который облилъ краснымъ свѣтомъ кладбище и затмилъ огоньки фонарей. И въ эту же самую минуту изъ гипогея вышелъ старецъ въ плащѣ съ капюшономъ, но съ открытою головою, и вступилъ на камень, лежащій возлѣ костра.

Толпа всколыхнулась. Около Виниція послышались голоса: «Петръ! Петръ!»... Одни упали на колѣни, другіе простирали къ нему руки. Наступила тишина, такая глубокая, что было слышно паденіе всякаго уголька въ костръ, отдаленный стукъ колесъ на Номентанской дорогѣ и шумъ вѣтра въ вѣтвяхъ пиній, растущихъ возлѣ кладбища.

Хилонъ пододвинулся къ Виницію и шепнулъ:

— Это онъ, первый ученикъ Хрестоса—рыбакъ!

Старецъ поднялъ руку вверхъ и знаменіемъ креста осѣнилъ всѣхъ собравшихся, которые на этотъ разъ всѣ опустили на колѣни. Товарищи Виниція и онъ самъ, не желая выдавать себя, послѣдовали общему примѣру. Молодой человекъ не могъ справиться со своими впечатлѣніями,—ему казалось, что фигура, которую онъ видитъ передъ собою, въ одно и то же время, и проста, и необыкновенна, и даже болѣе, что эта исключительность и истекаетъ именно отъ ея простоты. У старца не было ни митры, ни дубоваго вѣнка на головѣ, ни пальмы въ рукѣ, ни золотой табцы на груди, ни бѣлой или усѣянной звѣздами одежды,—этомъ, никакихъ признаковъ, которыми отличались жрецы Востока, Египта, Греціи или римскіе фламины. И снова Виниція поразило то, что почувствовалъ онъ, услышавъ христіанскія сени, ибо и этотъ «рыбакъ» показался ему не главнымъ жрецъ, искусившимся въ разныхъ церемоніяхъ, но какъ бы про-

стымъ, престарѣлымъ и необычайно добросовѣстнымъ свидѣтелемъ, который пришелъ издалека, чтобы повѣдать какую-то великую правду, которую онъ видѣлъ, къ которой прикасался, въ которую увѣровалъ, какъ вѣрять въ очевидность, и которую полюбилъ, собственно, потому, что увѣровалъ въ нее. И въ его лицѣ виднѣлась такая сила убѣжденія, которою обладаетъ только правда. И Виницій, который, какъ скептикъ, не хотѣлъ поддаваться обаянію старца, подчинился, однако, какому-то лихорадочному любопытству, что выльется изъ устъ ученика таинственного «Хресто-са», и что это за ученіе, которое признають Лигія и Помпонія Грецина.

Тѣмъ временемъ Петръ началъ говорить и сначала говорилъ какъ отецъ, который наставляетъ дѣтей и учить ихъ, какъ они должны жить. Онъ приказывалъ имъ, чтобы они отрезались отъ излишествъ и роскоши, любили бы нужду, чистые обычаи, правду, терпѣливо сносили бы несправедливость и преслѣдованія, слушались старшихъ и властей, остерегались измѣны, обмана и осужденія и, въ концѣ-концовъ, давали бы примѣры не только другъ другу, но и язычникамъ. Виниція, для котораго хорошо было только то, что могло возратить ему Лигію, а дурно все, что становилось между ними, какъ преграда, уязвили и разгнѣвали эти совѣты. Ему показалось, что, предписывая чистоту и борьбу со страстями, старецъ этимъ самымъ не только осмѣливается осуждать его любовь, но возстановляетъ Лигію противъ него и утверждаетъ ее въ ея упорствѣ. Онъ понялъ, что если она находится среди собравшихся, внимаетъ этимъ словамъ и принимаетъ ихъ къ сердцу, то въ эту минуту должна думать о немъ, какъ о врагѣ ея религіи и нечестивцѣ. При этой мысли имъ овладѣла злоба. «Что новаго услышалъ я?—говорилъ онъ самому себѣ.—Такъ вотъ она, незнакомая религія! Всякій слышалъ, всякій знаетъ это. Вѣдь, убожество и ограниченіе потребностей предписываютъ и циники; вѣдь, добродѣтель предписывалъ и Сократъ, какъ нѣчто старое, но хорошее; вѣдь, даже первый стоикъ, Сенека, обладающій пятью столами изъ лимоннаго дерева, прославляетъ воздержность, предписываетъ правду, терпѣливость при противорѣчіяхъ, твердость въ несчастіи... Все это—какъ слежавшійся хлѣбъ, который ѣдятъ и ши, а люди не хотятъ ѣсть, потому что онъ сдѣлался затхлымъ отъ старости». И, на ряду съ гнѣвомъ, онъ испытывалъ что-о вродѣ разочарованія; онъ ожидалъ открытія какихъ-то невѣдомы тайнъ, думалъ, что, по крайней мѣрѣ, услышитъ какого-нибудь риторика, приводящаго въ восторгъ своимъ краснорѣчіемъ, а теперѣ

долетали до его слуха слова удивительно простые, лишенные всяких украшений. Его удивляли только тишина и сосредоточенность толпы. А старец говорилъ заслушавшимся людямъ, что они должны быть добры, тихи, справедливы, убоги и чисты не для того, чтобы пользоваться покоемъ при жизни, а для того, чтобы послѣ смерти вѣчно жить во Христѣ,—въ такомъ весельи, въ такой славѣ, разпѣтѣ и радости, до которыхъ никто на землѣ не доходилъ. И тутъ Веницій, хотя враждебно настроенный, не могъ не замѣтить, что, однако, есть разница между учениемъ старца и тѣмъ, что говорили циники, стоики или другіе философы: тѣ рекомендовали добро и добродѣтель, какъ вещи единственно разумныя и прекрасныя въ жизни, а этотъ обѣщалъ за нихъ безсмертіе, и не какое-то жалкое безсмертіе подъ землею, въ скукѣ, ничтожествѣ и пустотѣ, а великолѣпное, чуть ли не равное бытію боговъ. Притомъ, онъ говорилъ объ этомъ безсмертіи, какъ о вещи совершенно вѣрной,—и при такой-то вѣрѣ добродѣтель становилась безгранично цѣнной, а жизненные невзгоды чѣмъ-то несказанно ничтожнымъ, ибо пострадать временно для вѣчнаго счастья—дѣло совсѣмъ другое, чѣмъ страдать только потому, что таковъ ужъ порядокъ природы. Петръ говорилъ дальше, что добродѣтель и правду нужно любить ради ихъ самихъ, потому что Богъ, это—наивысшее, предвѣчное добро и предвѣчное благо, и кто любитъ ихъ, тотъ любитъ Бога и, благодаря этому, становится его возлюбленнымъ чадомъ. Веницій не понималъ этого хорошенько, но зналъ изъ словъ, которыя когда-то Помпонія Грецина сказала Петронію, что этотъ Богъ, по мнѣнію христіанъ, Единъ и Всемогущъ. А теперь онъ услышалъ еще, что Онъ—наивысшее добро и правда, и подумалъ, что въ сравненіи съ такимъ Деміургомъ³⁾ Юпитеръ, Сатурнъ, Аполлонъ, Юнона, Веста и Венера представлялись бы ничтожною и буйною шайкой, въ которой они безчинствуютъ всѣ вмѣстѣ и каждый отдѣльно на свой счетъ. Но еще большее удивленіе овладѣло молодымъ челоувѣкомъ, когда старецъ началъ поучать, что Богъ, это—наивысшая любовь, и кто любитъ людей, тотъ исполняетъ Его главную заповѣдь. Но не достаточно любить людей своего племени, ибо Богочеловѣкъ пролилъ свою кровь за всѣхъ и среди язычниковъ также нашелъ своихъ избранниковъ, какъ сотникъ Корнелій; и не достаточно любить тѣхъ, которые дѣлаютъ намъ добро, ибо Христосъ простилъ и еврейамъ, которые предали Его на смерть, и римскимъ солдатамъ, въ горы пригвоздили Его ко кресту,—значить, людямъ, которые

³⁾ Богъ Творецъ.

оказываютъ намъ несправедливость, не только нужно прощать, но и любить ихъ и платить имъ добромъ за зло; и не достаточно любить добрыхъ, — нужно любить и злыхъ, потому что только любовью можно изгнать изъ нихъ злобу... Хилонъ при этихъ словахъ подумалъ, что его труды пошли прахомъ, что Урсъ ни за что на свѣтѣ не отважится убить Главка ни въ эту ночь, ни въ какую-нибудь другую. За то онъ тотчасъ же утѣшился другимъ выводомъ, извлеченнымъ изъ ученія старца, — именно, что и Главкъ не убьетъ его, хотя бы открылъ и узналъ его. А Виницій уже не думалъ, что въ словахъ старца не заключается ничего новаго, но съ удивленіемъ задавалъ себѣ вопросъ: что это за Богъ? что это за ученіе и что это за народъ? Все, что онъ слышалъ, просто-на-просто не вмѣщалось въ его голову. Для него это представлялось какою-то неслыханною новизной понятій. Онъ чувствовалъ, что еслибъ онъ, на примѣръ, захотѣлъ слѣдовать этому ученію, то долженъ былъ бы сложить на костеръ всѣ свои мысли, привычки, характеръ, всѣ выработанныя до сихъ поръ особенности, сжечь это въ пепель, преисполниться какою-то совершенно отличною жизнью и вмѣстить въ себя совершенно новую душу. Ученіе, которое повелѣвало ему любить парянъ, сирійцевъ, грековъ, египтянъ, галловъ и бриттовъ, прощать врагамъ, платить имъ добромъ за зло и любить ихъ, показалось ему безумнымъ, но одновременно съ этимъ онъ испытывалъ чувство, что въ самомъ этомъ безуміи кроется что-то болѣе могущественное, чѣмъ во всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ философскихъ ученіяхъ. Онъ думалъ, что по милости своего безумія эта религія не осуществима, а по милости своей неосуществимости божественна. Онъ въ душѣ отвергалъ ее, но чувствовалъ, что отъ нея, какъ отъ луга, поросшаго народомъ, разносится упоительное благоуханіе, и кто вдохнетъ его, тотъ долженъ, какъ это творится въ странѣ лотофаговъ⁴⁾, забыть обо всемъ другомъ и изнывать только о немъ. Ему казалось, что въ этой религіи нѣтъ ничего дѣйствительнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, что дѣйствительность въ сопоставленіи съ нею представляется чѣмъ-то такимъ ничтожнымъ, что на ней не стѣдуетъ даже останавливать мысли. Передъ нимъ открылись какіе-то горизонты, о которыхъ онъ и не догадывался раньше, какія-то безграничныя пространства, какія-то необъятныя тучи. Владычице начинало производить на него впечатлѣніе сборища масседшихъ, но также и мѣста таинственнаго и страшнаго, какъ на какомъ-то мистическомъ ложѣ, родится что-то такое,

⁴⁾ Lotophagi, — народъ въ Африкѣ, близъ малой Сирты, — Plin.

еще до сихъ поръ не было въ мирѣ. Онъ уяснилъ себѣ все, что старецъ съ первой минуты говорилъ о жизни, правдѣ, любви, о Богѣ, и мысли его были ослѣплены блескомъ, какъ бывають ослѣплены глаза отъ непрестанной молніи. Какъ обыкновенные люди, жизнь которыхъ превратилась въ одну страсть, онъ смотрѣлъ на все сквозь свою любовь къ Лигіи, и при свѣтѣ этихъ молній ясно увидѣлъ одно, что если Лигія на кладбищѣ, если она признаеть это ученіе, если слушаетъ и чувствуетъ слова старца, то никогда не сдѣлается любовницей Виниціа.

И въ первый разъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ познакомился съ нею въ домѣ Авла, Виницій почувствовалъ, что еслибъ и нашелъ ее, то ничего не найдетъ для себя. До сихъ поръ ничего подобнаго не приходило ему въ голову, да и теперь онъ не могъ дать себѣ въ этомъ отчета, — здѣсь было не столько ясное понятіе, сколько смутное предвзвѣшеніе какой-то невознаградимой утраты и какаго-то несчастія. Въ немъ проснулось безпокойство, которое тотчасъ же смѣнилось бурей гнѣва противъ христіанъ вообще и противъ старца въ особенности. Рыбагъ, котораго онъ сначала считалъ такимъ простымъ человѣкомъ, теперь внушалъ ему чуть не боязнь и казался какимъ-то таинственнымъ фатумомъ, неумолимо и, вмѣстѣ съ тѣмъ, трагически рѣшающимъ его судьбу.

Фоссоръ незамѣтно снова подбросилъ нѣсколько факеловъ въ огонь, вѣтеръ пересталъ шумѣть въ вѣтвяхъ пиній, огонь поднимался прямо, стройнымъ столбомъ, къ звѣздамъ, искрящимся на прояснившемся небѣ, и старецъ, упомянувъ о смерти Христа, началъ говорить лишь о Немъ. Всѣ затаили дыханіе въ груди и тишина сдѣлалась еще болѣе глубокою, такъ что почти можно было слышать біеніе сердець. Этотъ человѣкъ *видѣлъ* и рассказывалъ, какъ рассказываетъ тотъ, въ памяти котораго такъ запечатлѣлась каждая минута, что достаточно ему закрыть глаза, чтобы видѣть это. Онъ говорилъ, какъ, возвратившись отъ Креста, они съ Іоанномъ просидѣли два дня безъ сна, безъ пищи, въ удрученіи, горѣ и тревогѣ, въ сомнѣніи, обхвативъ голову руками и обмѣниваясь мыслями о томъ, что *Онъ* умеръ! Ой ахъ, какъ было тяжело, какъ тяжело! Уже проснулся третій день и свѣтъ озарилъ стѣны, а они оба съ Іоанномъ все сидѣли безъ помощи и надежды. Какъ только сонъ сдѣлался имъ (потому что и ночь передъ страданіями они провели безъ сна), они просыпались и снова начинали горевать. Но едва пошло солнце, какъ прибѣжала Марія Магдалина, задыхающаяся, с распущившимися волосами и съ крикомъ: «Господа взяли!» Они, увидѣвъ это, вскочили и побѣжали. Іоаннъ, — онъ моложе, — при-

бѣжалъ первый, увидалъ пустую могилу и не смѣлъ войти. Лишь только когда ко входу собрались всѣ трое, онъ, говорящій это, вошелъ, увидалъ на камнѣ пелены, но тѣла не нашель.

Тогда на нихъ напалъ страхъ, ибо они думали, что тѣло Христа похитили первосвященники, и оба возвратились домой еще въ большемъ удрученіи. Потомъ подошли другіе ученики и принялись плакать, чтобъ ихъ легче услышалъ Господь силъ, то всѣ вмѣстѣ, то поочереди. Въ нихъ замеръ духъ, они надѣялись, что Учитель искупить Израиля, а былъ уже третій день, какъ Онъ умеръ, и они не знали, зачѣмъ Отецъ оставилъ Сына, и желали бы не видать дни и умереть, — такъ тяжело было это время.

Воспоминаніе объ этихъ страшныхъ минутахъ еще и теперь выжало двѣ слезы изъ очей старца, и при блескѣ огня было хорошо видно, какъ онѣ стекали по сѣдой бородѣ. Старая голова, лишенная волосъ, затряслась и голось замеръ въ его груди. Виницій сказалъ самому себѣ: «Этотъ человѣкъ говоритъ правду и плачетъ надъ нею!» — а простосердечная толпа вся была охвачена горемъ. Не разъ они слышали о страданіяхъ Христа, имъ было извѣстно, что потомъ горе смѣнилось радостью, но теперь разсказывалъ апостоль, который *видѣлъ* это, и подъ сильнымъ впечатлѣніемъ слушатели старца ломали руки, рыдали или били себя въ грудь. Но мало-по-малу толпа успокоилась, желаніе слушать продолженіе разсказа превозмогало. Старецъ закрылъ глаза, какъ бы для того, чтобъ яснѣе видѣть въ душѣ отдаленныя событія.

«Когда мы были въ такомъ смятеніи, вбѣжала снова Марія изъ Магдалы, крича, что видѣла Господа. Глаза ея были такъ поражены блескомъ, что она думала, что это садовникъ, но Онъ сказалъ: «Марія!» — тогда она крикнула: «Раввуні!» — и упала къ Его ногамъ, а Онъ приказалъ ей идти къ Его ученикамъ, а потомъ сдѣлался невидимымъ. Но они, ученики, не вѣрили ей, а когда она плакала отъ радости, одни осуждали ее, другіе думали, что горе омрачило ея умъ, ибо она говорила также, что въ гробѣ видѣла ангеловъ, а они, ученики, придя во второй разъ, нашли гробъ пустымъ. Потомъ вечеромъ пришелъ Клеопа, который вмѣстѣ съ другими ходилъ въ Эммаусъ, и всѣ возвратились тотчасъ же и сказали: «Воистину воскресъ Господь!» И они собрались въ домъ, двери котораго были заперты изъ опасенія отъ іудеевъ. Тогда Онъ предсталъ посреди нихъ, хотя двери не скрипнули, а когда они испугались, сказали имъ: «Миръ вамъ».

.....
«И я зрѣлъ Его, какъ зрѣли всѣ, а Онъ былъ аки снѣгъ».

аки блаженство сердець нашихъ, ибо мы увѣровали, что Онъ воскресъ, и что моря иссохнутъ, горы разсыпятся впрахъ, а Его слава не пройдетъ.

«А черезъ восемь дней Фома Дидимъ вкладывалъ пальцы въ Его раны и прикасался къ Его боку, а потомъ палъ къ Его ногамъ и воскликнулъ: «Господь мой и Богъ мой!» Иисусъ отвѣтилъ ему: «Ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ меня; блаженны не видавшіе и увѣровавшіе». И эти слова мы слышали, и очи наши смотрѣли на Него, ибо Онъ былъ между нами».

Виницій слушалъ и съ нимъ творилось что-то странное. На время онъ забылъ, гдѣ онъ, началъ утрачивать представление о дѣйствительности, чувство мѣры, способность рассуждать. Онъ стоялъ передъ лицомъ двухъ противоположностей. Онъ не могъ повѣрить въ то, что говорилъ старецъ, и чувствовалъ, что нужно быть слѣпымъ и отказаться отъ собственного разума, чтобы допустить, что этотъ человекъ, который говорилъ: «я видѣлъ», — лгалъ. Было что-то особенное въ его волненіи, въ его слезахъ, во всей его фигурѣ и подробностяхъ событій, о которыхъ онъ рассказывалъ, и это дѣлало невозможнымъ всякое подозрѣніе. По временамъ Виницію казалось, что онъ спитъ, но кругомъ себя онъ видѣлъ притихшую толпу; копотъ фонарей достигала его обонянія; дальше горѣли факелы, а сбоку, на камнѣ, стоялъ человекъ старый, близкій къ гробу, съ трясущею головой, и этотъ старецъ, подтверждая свое свидѣтельство, повторялъ: «я видѣлъ!»

И онъ рассказавъ все, вплоть до Вознесенія. По временамъ онъ переводилъ духъ, потому что говорилъ очень подробно, но чувствовалось, что каждая, самая мельчайшая подробность отпечатлѣлась въ его памяти, какъ на камнѣ. Тѣхъ, которые слушали его, охватывало упоеніе. Всѣ сбросили съ своихъ головъ капюшоны, чтобы слышать лучше и не проронить ни одного слова, которое было для нихъ превыше всякой цѣны. Имъ казалось, что какая-то нечеловѣческая сила переноситъ ихъ въ Галилею, что они вмѣстѣ съ учениками ходятъ по тамошнимъ лѣсамъ и вдоль рѣкъ, что это кладце преобразается въ Тиверіадское озеро, а на берегу, окутанный реннимъ туманомъ, стоитъ Христось, — такъ, какъ стоялъ тогда, гда Іоаннъ, смотря на Него изъ ладьи, сказалъ: «Господь!» — а Петръ бросился вплавь, чтобы скорѣе припасть къ возлюбленнымъ ногамъ. На лицахъ присутствующихъ отражался восторгъ безъ границъ, и забвеніе жизни, и счастье, и неизмѣримая любовь. Было то, что во время рассказа Петра многимъ представлялись видѣнія,

а когда онъ началъ говорить, какъ въ минуту Вознесенія облака начали спускаться подъ ноги Спасителя, облекая Его, скрывать отъ очей апостоловъ, всѣ головы невольно поднялись къ небу и наступила минута ожиданія, какъ будто бы эти люди надѣялись увидеть Его, — надѣялись, что Онъ снова снизойдетъ съ небесныхъ луговъ, чтобы посмотрѣть, какъ старый апостолъ пасетъ порученныхъ ему овецъ, и благословить его и стадо.

И въ эту минуту для этихъ людей не было Рима, не было безумнаго цезаря, не было храмовъ, боговъ, язычниковъ, — былъ только Христосъ, который наполнялъ землю, море, небо, — весь миръ.

Въ отдаленныхъ домахъ, разбросанныхъ вдоль Номентанской дороги, пѣтухи уже прокричали полночь. Въ это время Хилонъ дернулъ Виниція за край плаща и шепнулъ:

— Господинь, тамъ, недалеко отъ старца, я вижу Урбана, а рядомъ съ нимъ каку-то дѣвушку.

Виницій очнулся, словно отъ сна, и, посмотрѣвъ по направлению, указанному грекомъ, увидалъ Лигію.

XXI.

При видѣ Лигіи, въ молодомъ патриціи задрожала каждая капля крови. Онъ забылъ о толпѣ, о старцѣ, о странныхъ событіяхъ, о которыхъ онъ только что слышалъ, и видѣлъ передъ собою только ее одну. Наконецъ-то, послѣ всѣхъ усилій, послѣ долгихъ дней безпокойства, терзаній и муки, онъ нашелъ ее! Въ первый разъ въ жизни онъ испыталъ, что радость можетъ броситься на грудь, какъ дикій звѣрь, и придавить ее до утраты дыханія. Онъ, который думалъ, что Фортуна обязана исполнять всѣ его желанія, теперь едва вѣрилъ собственнымъ глазамъ и собственному счастью. Если бы не это недовѣріе, его горячая натура могла бы толкнуть его на какой-нибудь безразсудный шагъ, но онъ хотѣлъ сначала убѣдиться, не есть ли это продолженіе тѣхъ чудесъ, которыми была переполнена его голова, не спитъ ли онъ. Но сомнѣнія никакого не было: онъ видѣлъ Лигію и ихъ раздѣляло разстояніе всего въ нѣсколько десятковъ шаговъ. Она стояла въ полномъ освѣщеніи и онъ могъ наслаждаться ея видомъ сколько угодно. Капюшъ съ сползъ съ ея головы и спуталъ волосы; губы ея были полуоткрыты, глаза устремлены на апостола, лицо полно вниманія и восторга. Въ темномъ суконномъ плащѣ она напоминала дѣвушку изъ народа, но Виницій никогда не видалъ ее болѣе прекрасною и, несмотря на поднявшуюся въ немъ бурю, его поразила контрастъ межъ у

этой почти невольническою одеждой и благородствомъ этой дивной патриціанской головы. Любовь охватила его, какъ пламя, — жгучая, непреоборимая, смѣшанная съ какимъ-то страннымъ чувствомъ тоски, обожанія, почтенія и страсти. Стоя около гиганта-лигійца, она казалась ниже, чѣмъ была прежде, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ замѣтилъ, что она похудѣла. Лицо ея было почти прозрачно; она производила на него впечатлѣніе цвѣтка и души, и тѣмъ болѣе онъ жаждалъ обладать существомъ, столь отличнымъ отъ женщинъ, которыхъ онъ видѣлъ или которыми обладалъ на Востокѣ и въ Римѣ. Онъ чувствовалъ, что отдалъ бы за нее всѣхъ тѣхъ женщинъ, а съ ними весь Римъ и весь міръ въ добавокъ.

Онъ засмотрѣлся и забылся бы совершенно, если бы не Хилонъ, который дергалъ его за край плаща, опасаясь, чтобы онъ не слѣдалъ чего-нибудь такого, что могло бы навлечь на нихъ опасность. Тѣмъ временемъ христіане начали молиться и пѣть. Великій апостолъ сталъ крестить водою изъ фонтана тѣхъ, которыхъ пресвитеры подводили къ нему, какъ подготовленныхъ къ принятію крещенія. Виницію казалось, что эта ночь никогда не кончится. Онъ хотѣлъ немедленно идти за Лигіей и похитить ее по дорогѣ или изъ ея жилища.

Наконецъ, молящіеся начали расходиться съ кладбища. Тогда Хилонъ шепнулъ:

— Господинъ, выйдемъ въ ворота, — мы не сняли капюшоновъ и люди смотрять на насъ.

Это было вѣрно. Когда, при первыхъ словахъ апостола, всѣ сбросили капюшоны, чтобы лучше слышать, Виницій и его товарищъ не послѣдовали всеобщему примѣру. Совѣтъ Хилона оказался основательнымъ. Стоя у воротъ, они могли видѣть всѣхъ выходящихъ, а Урса нельзя было не узнать по его росту и фигурѣ.

— Пойдемъ за ними, — сказалъ Хилонъ, — увидимъ, въ какой домъ они войдутъ, а завтра или, вѣрнѣе, сегодня ты, господинъ, окружишь домъ невольниками и возьмешь ее.

— Нѣтъ! — сказалъ Виницій.

— Что же ты хочешь дѣлать?

— Мы войдемъ за нею въ домъ и похитимъ ее тотчасъ же, — взялся за это, Кротонъ?

— Да, — сказалъ ланиста, — я отдаю себя въ неволю къ тебѣ, ни не сломаю спины тому буйволу, который оберегаетъ ее.

Хилонъ началъ предостерегать и заклинять именовъ всѣхъ говъ, чтобъ этого не дѣлали. Вѣдь, Кротонъ былъ взять только и защиты, на случай, еслибъ ихъ узнали, а не для похищенія

дѣвушки. Отваживаясь на это вдвоемъ, они сами обрекаютъ себя на смерть и, кромѣ того, могутъ выпустить Лигію изъ рукъ, а тогда она скроется въ другомъ мѣстѣ или покинетъ Римъ. Да и что сдѣлаютъ они? Отчего не дѣйствовать навѣрняка, зачѣмъ подвергать себя гибели, а все дѣло сводить на невѣрную почву?

Виницій, несмотря на то, что съ величайшимъ усиленіемъ воздерживался, чтобы не схватить Лигію въ объятія тутъ же, на гладищѣ, чувствовалъ, однако, что грекъ правъ, и, можетъ, послѣдовалъ бы его совѣту, если бы не Кротонъ, котораго больше всего интересовала его награда.

— Господинъ, прикажи молчать этому старому козлу, — сказалъ онъ, — или позволь мнѣ опустить кулакъ на его голову. Разъ въ Бухсеттѣ, куда меня вызвалъ на игры Судій Сатурнинъ, на меня напали въ харчевнѣ семь пьяныхъ гладиаторовъ и ни одинъ изъ нихъ не вышелъ съ цѣлыми ребрами. Я не говорю, чтобы дѣвушку можно было похитить сейчасъ изъ толпы, — намъ будутъ бросать подъ ноги камни, — но когда она будетъ дома, я похищу ее и принесу, куда ты прикажешь.

Виницій при этихъ словахъ обрадовался и отвѣтилъ:

— Такъ и будетъ, клянусь Геркулесомъ! Завтра случайно мы могли бы не застать ее дома, а если бы возбудили тревогу среди христіанъ, то они, навѣрное, спрятали бы ее въ другомъ мѣстѣ.

— Этотъ лигіецъ кажется мнѣ страшно сильнымъ! — простоналъ Хилонъ.

— Не тебѣ прикажутъ держать ему руки, — отвѣтилъ Кротонъ.

Однако, ждать пришлось имъ долго, пѣтухи уже начали пѣть передъ разсвѣтомъ, прежде чѣмъ они увидали выходящаго изъ воротъ Урса, а съ нимъ и Лигію. Ихъ сопровождало нѣсколько чело-вѣкъ. Хилону показалось, что онъ распознаетъ между ними великаго апостола, рядомъ съ которымъ шелъ другой старикъ, гораздо ниже ростомъ, двѣ пожилыхъ женщины и мальчикъ съ фонаремъ въ рукѣ. За ними шла толпа чело-вѣкъ въ двѣсти. Виницій, Хилонъ и Кротонъ примѣшались къ этой толпѣ.

— Да, господинъ, — сказалъ Хилонъ, — твоя Лигія находится подъ могучимъ покровительствомъ. Съ нею онъ, великій апостолъ. Смотри, какъ люди падаютъ на колѣни при его приближеніи.

Дѣйствительно, люди падали на колѣни, но Виницій не смръялъ на нихъ. Не теряя ни на минуту изъ глазъ Лигію, онъ, малъ только о ея похищеніи, и, освоившись съ разными военны хитростями, составлялъ у себя въ головѣ со всею солдатскою тн-ностью весь планъ похищенія. Онъ чувствовалъ, что шагъ, на

торый онъ отваживается, былъ рискованнымъ, но зналъ хорошо, что рискованное нападеніе обыкновенно кончается успѣхомъ.

Но дорога была длинна и ему оставалось время подумать также и о пропасти, которую вырыла между нимъ и Лигіей та странная религія, которую она исповѣдывала. Онъ понималъ теперь все, что случилось въ прошломъ, — понималъ, почему это случилось. Для этого онъ былъ достаточно проникателенъ. До сихъ поръ онъ не зналъ Лигіи. Онъ видѣлъ въ ней самую прелестную дѣвушку, возбудился къ ней страстью, а теперь увидалъ, что это ученіе обратило ее въ существо, не похожее на другихъ женщинъ, и надежда, чтобъ и ей вскружила голову страсть, богатство, роскошь, — чистое заблужденіе. Наконецъ, онъ понялъ то, чего они оба съ Петроніемъ до сихъ поръ не понимали, — что эта новая религія вселяла въ душу что-то незнакомое міру, въ которомъ онъ жилъ, что Лигія, если бы даже и любила его, не поступится для него ни одною изъ своихъ христіанскихъ истинъ, что если для нея существуетъ наслажденіе, то совершенно не похожее на то, за которымъ гонялся и онъ, и Петроній, и дворъ цезаря, и весь Римъ. Любая изъ женщинъ, которыхъ онъ зналъ, могла стать его любовницей, — эта христіанка могла быть только жертвой, и, думая объ этомъ, онъ впадалъ въ гнѣвъ, испытывалъ жгучую боль и чувствовалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, что его гнѣвъ безсиленъ. Похитить Лигію ему казалось вещь возможною, въ этомъ онъ былъ увѣренъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ увѣренъ, что передъ лицомъ этого ученія и онъ самъ, и его мужество, и его могущество — ничто и ни на что не можетъ ему пригодиться. Этотъ военный трибунъ, убѣжденный, что сила меча и руки, которая, завладѣвъ міромъ, вѣчно будетъ властвовать надъ нимъ, въ первый разъ въ жизни увидалъ, что и помимо этой силы можетъ быть что-нибудь другое, и съ удивленіемъ задавалъ себѣ вопросъ: такъ что же это такое?

Но ясно онъ не могъ отвѣтить себѣ, въ головѣ у него мельгали только образы владбища, многочисленная толпа и Лигія, всею душой вслушивающаяся въ слова старца, рассказывающаго о мученіи, смерти и воскресеніи Богочеловѣка, который искупилъ міръ обѣщавъ ему счастье по той сторонѣ Стикса.

Когда Виницій думалъ объ этомъ, въ головѣ его возникалъ чистый хаосъ.

Изъ этого положенія вывели его жалобы Хилона, который началъ плакаться на свою судьбу: онъ былъ приглашенъ отыскать чтію, съ опасностью жизни отыскалъ и указалъ ее. Чего же отъ него хотять больше? Развѣ онъ брался похищать ее, и кто бы могъ

требовать чего-нибудь подобнаго отъ калѣжки, лишеннаго двухъ пальцевъ, человѣка стараго, отдавашагося размышленіямъ, наукѣ и добродѣтелямъ? Что будетъ, если такой знатный патрицій, какъ Виницій, понесетъ какой-нибудь ущербъ при похищеніи дѣвушки? Конечно, боги должны бдѣть надъ избранными, но развѣ не бываетъ такихъ случаевъ, какъ будто боги играютъ въ мячъ, вмѣсто того, чтобы смотрѣть, что дѣлается на свѣтѣ? У Фортуны, какъ извѣстно, глаза завязаны, — она и днемъ-то не видитъ, а ночью тѣмъ болѣе. А ну, какъ случится что-нибудь, — ну, какъ этотъ лигійскій медвѣдь бросить въ благороднаго Виниція жерновъ, бочку вина или, что еще хуже, бочку воды, — кто поручится, что на бѣднаго Хилона, вмѣсто награды, не свалится отвѣтственность? Онъ, бѣдный мудрецъ, привязался къ благородному Виницію, какъ Аристотель къ Александру Македонскому, и если бы, по крайней мѣрѣ, благородный Виницій отдалъ ему кошелекъ, который засунулъ за поясъ, когда выходилъ изъ дому, то, въ случаѣ несчастья, было бы на что призвать немедленно помощь или привлечь на свою сторону самихъ христіанъ. О, зачѣмъ не хотять слушать совѣтовъ старца, внушаемыхъ разумомъ и опытностью!

Виницій, услышавъ это, вытащилъ изъ - за пояса кошелекъ и бросилъ его Хилону.

— Возьми и молчи.

Грекъ почувствовалъ, что кошелекъ былъ очень тяжелъ, и набрался отваги.

— Вся моя надежда въ томъ, — сказалъ онъ, — что Геркулесъ или Тезей совершали еще болѣе трудные подвиги, а что такое мой личный близкій другъ Кротонъ, если не Геркулесъ? Тебя же, достойный господинъ, я не назову полубогомъ, потому что ты дѣльный богъ, и впредь не забудешь о своемъ убогомъ, но вѣрномъ слугѣ, о которомъ нужно отъ времени до времени заботиться, ибо разъ онъ углубится въ книги, то забываетъ уже совершенно обо всемъ... Какой-нибудь садикъ и домикъ, какое-нибудь убѣжище отъ лѣтнаго зноя были бы достойны такого дарителя. Тѣмъ временемъ старецъ издали будетъ удивляться вашимъ геройскимъ дѣяніямъ, призывать на ваши головы благословеніе Зевса, а въ случаѣ чего надѣлаетъ такого шума, что полъ-Рима проснется и придетъ на помощь... Какая ужасная, неровная дорога! Масло выгорѣло моемъ фонарѣ, и если бы Кротонъ, который такъ же благороденъ, какъ и силенъ, захотѣлъ бы взять меня на руки и донести до городскихъ воротъ, то, во-первыхъ, было бы видно, какъ легко онъ жетъ унести дѣвушку, во-вторыхъ, онъ поступилъ бы, какъ Эней

наконецъ, привлечь бы на свою сторону всёхъ добрыхъ боговъ до такой степени, что могъ бы быть совершенно спокойнымъ за исходъ предпріятія.

— Я предпочелъ бы тащить овцу, издохшую отъ коросты мѣсяцъ тому назадъ, — отвѣтилъ ланиста, — но если ты отдашь мнѣ кошелекъ, который бросилъ тебѣ достойный трибунъ, то я донесу тебя до воротъ.

— Чтобы ты разбилъ себѣ большой палецъ ноги! — сказалъ грекъ. — Такъ-то ты воспользовался ученіемъ того великаго старца, который представилъ нищету и милосердіе, какъ двѣ главнѣйшихъ добродѣтели?... Развѣ онъ ясно не приказалъ тебѣ любить меня? Вижу, никогда я не сдѣлаю изъ тебя самаго плохого христіанина, и легче солнцу проникнуть сквозь стѣны мамертинской темницы, чѣмъ правдѣ сквозь твой гиппопотамій черепъ.

Бротонъ, который обладалъ силой звѣря, за то не имѣлъ никакихъ человѣческихъ чувствъ, сказалъ:

— Не бойся, христіаниномъ я не буду! Я не хочу потерять послѣдній кусокъ хлѣба!

— Да; но если бы ты былъ знакомъ хоть съ начатками философіи, то зналъ бы, что золото, это — одна тщета!

— Приходи ко мнѣ съ философіей, а я только одинъ разъ ударю тебя головою въ брюхо, — увидимъ, кто выиграетъ.

— То же самое могъ бы сказать воля Аристотелю, — отвѣтилъ Хилонъ.

На дворѣ начинало сѣрѣть. Разсвѣтъ окрасилъ блѣдною краской зубцы стѣнъ. Придорожныя деревья, постройки и разбросанные тамъ и здѣсь надгробныя памятники начали выдѣляться изъ мрака; теперь дорога не казалась такою пустой, продавцы зелени, въ сопровожденіи ословъ и муловъ, нагруженныхъ овощами, спѣшили попасть къ открытію воротъ, кое-гдѣ скрипѣли телѣги съ дичью и мясомъ. По обѣимъ сторонамъ дороги вдувался легкій туманъ, предвѣщавшій хорошую погоду. Люди, окутанные этимъ туманомъ, казались какими-то духами. Виницій не спускалъ глазъ со стройной фигуры Лигіи, которая по мѣрѣ того, какъ разсвѣтъ разгорался, становилась все болѣе и болѣе серебристой.

— Господинъ, — сказалъ Хилонъ, — я оскорбилъ бы тебя, если бы предвидѣлъ конецъ твоей щедрости, но теперь, когда ты заплакалъ мнѣ, ты не можешь подозрѣвать, чтобъ я говорилъ только для твоей выгоды. И вотъ я еще разъ совѣтую, чтобы ты, узнавъ, въ какомъ домѣ живетъ божественная Лигія, возвратился бы къ себѣ невольниками и носилками и не слушалъ бы этого слоновьяго

хобота, Бротона, который для того только берется похитить дѣвушку, чтобы выжать твою кису, какъ мѣшокъ съ творогомъ.

Виницій не отвѣчалъ ничего. Они подходили уже къ воротамъ и удивительное зрѣлище представало его глазамъ. Когда апостоль проходилъ мимо, двое солдатъ преклонили передъ нимъ колѣни. Онъ съ минуту подержалъ руку на ихъ желѣзныхъ шишакахъ, а потомъ осѣнилъ ихъ знаменіемъ креста. Молодому патрицію до сихъ поръ не приходило въ голову, что и между солдатами могутъ быть христіане, и онъ съ изумленіемъ подумалъ, что какъ въ горящемъ городѣ пожаръ охватываетъ все новые и новые дома, такъ это ученіе, очевидно, съ каждымъ днемъ охватываетъ новыя души и распространяется шире, чѣмъ это можетъ быть доступно человѣческому пониманію. Это его поразило и по отношенію къ Лигіи; онъ теперь убѣдился, что еслибъ она хотѣла убѣжать изъ города, то нашлись бы стражники, которые облегчили бы ей выходъ изъ города. И онъ благословилъ боговъ, что этого не случилось.

Миновавъ незастроенныя пространства, находящіяся за стѣной, вучки христіанъ начали разсыпаться въ разныя стороны. Теперь нужно было идти за Лигіей осторожнѣе, чтобы не обратить на себя вниманія. Хилонъ началъ жаловаться на раны и ломоту въ ногахъ и отставалъ все болѣе и болѣе, чему Виницій не противился, думая, что трусливый и немощный грекъ теперь уже не будетъ ему потребенъ. Онъ даже позволилъ бы ему идти куда угодно, но почтеннаго и предусмотрительнаго старца двигало впередъ любопытство. Онъ все шелъ за Виниціемъ, иногда даже приближался къ нему, повторяя свои прежніе совѣты и дѣлая предположенія, что старикъ, сопровождающій Лигію, можетъ быть Главкъ.

Шли они долго, въ Затибрскую часть города, и солнце было уже близко къ восходу, когда вучка, гдѣ была Лигія, раздѣлилась. Апостоль, старая женщина и мальчикъ направились вдоль по рѣкѣ, противъ теченія, а другой старикъ, Урсъ и Лигія свернули въ узкую улицу и, пройдя съ сотню шаговъ, вошли въ сѣни дома, въ которомъ находились двѣ лавки, — одна масляная, другая птичная. Хилонъ, который также шелъ шагахъ въ пятидесяти отъ Виниція и Бротона, теперь остановился, какъ вкопанный, и, прижавшись къ стѣнѣ, тихонько окликнулъ ихъ, чтобы они возвратились къ нему. Виницій послушался, — нужно было составить совѣтъ.

— Иди, — сказалъ онъ Хилону, — посмотри, не выходитъ этотъ домъ заднею стороною на другую улицу.

Хилонъ, несмотря на свою боль въ ногахъ, пустился бѣжа

такъ быстро, какъ будто у его лодыжекъ были крылышки Меркурія, и возвратился черезъ минуту.

— Нѣтъ, — сказалъ онъ, — выходи одинъ.

И онъ умоляюще сложилъ руки.

— Господинъ, заклиная тебя Зевсомъ, Аполлономъ, Вестой, Цибелой, Изидой и Озирисомъ, Митрой и всѣми богами Востока и Запада, оставь ты свое намѣреніе... Послушай меня...

Онъ вдругъ оборвался, потому что увидалъ, что лицо Виниція поблѣднѣло отъ волненія, а глаза свѣтились, какъ глаза волка. Довольно было посмотреть на него, чтобы понять, что ничто въ свѣтѣ не удержитъ его. Бротонъ началъ набирать воздухъ въ свою геркулесовскую грудь и качать своею недоразвитою головою изъ стороны въ сторону, какъ это дѣлаютъ медвѣди, запертые въ клетку. Но вообще на лицѣ его не было видно ни малѣйшаго безпокойства.

— Я войду первый! — сказалъ онъ.

— Ты пойдешь за мной! — повелительнымъ голосомъ отвѣтилъ Виницій.

И черезъ минуту они оба исчезли въ темныхъ сѣняхъ.

Хилонъ добѣжалъ до ближайшаго переулка и началъ выглядывать изъ-за угла, ожидая, что будетъ дальше.

XXII.

Виницій только въ сѣняхъ понялъ трудность своей задачи. Домъ былъ большой, многоэтажный, одинъ изъ тѣхъ, какіе тысячами строились въ Римѣ для сдачи внаймы, и обыкновенно строились такъ поспѣшно и дурно, что не было года, чтобы какой-нибудь изъ нихъ не обрушивался на голову жильцовъ. То были настоящіе ульи, очень высокіе и очень узкіе, полные каморокъ и чулановъ, въ которыхъ во множествѣ гнѣздилися убогіи народъ. Въ городѣ, въ которомъ многія улицы не носили названій и дома не имѣли никакихъ номеровъ, владѣльцы поручали собирать квартирную плату невольникамъ, а тѣ, не обязанные сообщать городскимъ властямъ иенъ постояльцевъ, часто сами не знали ихъ. Допытаться о комъ-нибудь въ такомъ домѣ иногда бывало неимоверно трудно, въ особенности, когда у воротъ не было привратника.

Виницій черезъ длинныя, похожія на корридоръ, сѣни добрался до узкаго, съ четырехъ сторонъ застроеннаго дворика, играющаго роль общаго для всего дома атрия, съ фонтаномъ, который руился въ каменную чашу, вдѣланную въ землю. По всѣмъ стѣ-

намъ сбѣгали внѣшнія лѣстницы, частью каменные, частью деревянные; онѣ вели на галерею, откуда уже можно было проникнуть въ квартиру. Внизу также жилища; инныя изъ нихъ были снабжены деревянными дверями, другія отдѣлялись отъ двора только шерстяными занавѣсками, по большей части истрепанными и заплатаанными.

Время стояло раннее и на дворикѣ не было ни одной живой души. Очевидно, въ домѣ спали всѣ, за исключеніемъ возвратившихся изъ Остраніа.

— Что мы будемъ дѣлать, господинъ? — спросилъ Бротонъ.

— Подождемъ, можетъ быть, кто-нибудь придетъ, — отвѣтилъ Виницій. — Не нужно, чтобы насъ видѣли на дворѣ.

Онъ теперь увидалъ, что совѣтъ Хилона былъ практиченъ. Еслибъ у него въ распоряженіи находилось нѣсколько невольниковъ, то можно было бы загородить ворота, которыя казались единственнымъ выходомъ изъ дома, и обыскать всѣ квартиры, а теперь нужно было сразу напасть на жилище Лигіа, иначе христiane, — а здѣсь ихъ, вѣроятно, жило не мало, — могли бы предостеречь ее. Съ этой стороны небезопасно было и расспрашивать кого-нибудь. Виницій раздумывалъ, не вернуться ли ему за невольниками, какъ изъ-за одной занавѣски вышелъ человекъ съ ситомъ въ рукахъ и приблизился къ фонтану.

Молодой человекъ съ перваго взгляда узналъ Урса.

— Это лигеецъ! — шепнулъ онъ.

— Миѣ сейчасъ же переломать ему кости?

— Подожди.

Урсъ не замѣчалъ ихъ, — они стояли въ темныхъ сѣняхъ, — и началъ спокойно перемывать овощи, которыми было наполнено нито. Было видно, что онъ хочетъ готовить завтракъ. Черезъ минуту онъ окончилъ свое дѣло, взялъ мокрое сито и вмѣстѣ съ нимъ исчезъ за занавѣской. Бротонъ и Виницій двинулись за нимъ, рассчитывая, что прямо попадутъ въ жилище Лигіа.

Но каково же было ихъ изумленіе, когда они замѣтили, что занавѣска отдѣляла отъ двора не квартиру, а другой темный коридоръ, въ концѣ котораго былъ видѣнъ садикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ кипарисовъ и миртовыхъ кустовъ, и маленькій домикъ прилѣпившійся къ глухой задней стѣнѣ другого дома. Виницій и Бротонъ сразу поняли, что это обстоятельство благоприятно для нихъ. На дворъ могли сбѣжаться всѣ жильцы дома, а это уединенное положеніе домага значительно облегчало похищеніе. Они съ справятся съ защитниками, — вѣрнѣе, съ однимъ Урсомъ, — по-

съ Лигіей также скоро выберутся на улицу, а тамъ уже съумѣютъ постоять за себя. Вѣроятно же всего, ихъ никто не станетъ задерживать, а еслибъ и задержали, они скажутъ, что дѣло идетъ о обѣжавшей заложницѣ цезаря, въ крайнемъ же случаѣ Виницій откроется вигиламъ и призоветъ ихъ на помощь.

Урсъ почти уже входилъ въ домикъ, когда шумъ шаговъ привлечь его вниманіе. Онъ остановился и, увидавъ двоихъ людей, поставилъ сито на балюстраду и повернулся къ нимъ.

— Чего вы ищете здѣсь?—спросилъ онъ.

— Тебя!—отвѣтилъ Виницій.

Потомъ, обратившись къ Кротону, онъ тихо и быстро проговорилъ:

— Убей!

Кротонъ ринулся, какъ тигръ, и въ одну минуту, прежде чѣмъ лигіецъ успѣлъ опомниться или распознать врага, схватилъ его въ свои стальные объятія.

Виницій черезъ-чуръ былъ увѣренъ въ его нечеловѣческой силѣ, чтобы ждать конца битвы, и, обойдя ихъ, подскочилъ къ двери домика, толкнулъ ее ногою и очутился въ темноватой комнатѣ, освѣщенной огнемъ, горящимъ въ печкѣ. Отблескъ огня падалъ прямо на лицо Лигіи. Другой человѣкъ, сидящій у очага, былъ тотъ самый старикъ, который сопровождалъ дѣвушку и Урса по пути изъ Остранія. Виницій ввалился неожиданно, и, прежде чѣмъ Лигія могла узнать его, схватилъ ее поперекъ, поднялъ кверху и снова бросился къ дверямъ. Старикъ, правда, успѣлъ загородить ему дорогу, но Виницій, прижавъ дѣвушку къ груди одною рукой, другою оттолкнулъ его. Капюшонъ свалился съ его головы и тогда, при видѣ знакомаго и въ настоящую минуту такого страшнаго лица, Лигія почувствовала, что кровь ея стынетъ отъ ужаса, а голосъ замираетъ въ ея груди. Она хотѣла кричать о помощи и не могла, хотѣла было схватиться за притолку двери, но пальцы ея соскользнули съ полированного камня. Она лишилась бы чувствъ, еслибъ не ужасная картина, которая предстала ея глазамъ, когда Виницій вмѣстѣ съ нею выбѣжалъ въ садъ.

Урсъ держалъ въ объятіяхъ какого-то человѣка, совсѣмъ нечувшагося назадъ, съ запрокинутою головою и съ кровавою пѣной на губахъ. Увидавъ ихъ, онъ еще ударилъ рукою по головѣ того человѣка и, какъ разнузданный звѣрь, бросился къ Виницію. «Смерть!»—подумалъ молодой патрицій.

Какъ сквозь сонъ онъ слышалъ крикъ Лигіи: «Не убивай!»—потомъ почувствовалъ, какъ что-то, словно ударъ грома, расплело его

руки, которыми онъ обхватывалъ дѣвushку, наконецъ, земля закружилась подъ его ногами и дневной свѣтъ угасъ въ его глазахъ.

.....

Хилонъ, скрытый стѣною угольнаго дома, все ждалъ, что будетъ. Любопытство въ немъ боролось со страхомъ. Онъ думалъ, что если похищеніе Лигіи удастся, то ему выгодно будетъ быть оголо Виниція. Урбана онъ уже не опасался, потому что былъ также увѣренъ, что Бротонъ убьетъ его. За то онъ рассчитывалъ, что если бы на пустыхъ до сихъ поръ улицахъ начала собираться толпа, если бы христіане или какіе бы то ни было люди вздумали ставить Виницію преграды, то онъ, Хилонъ, заговорить съ ними, какъ представитель власти, и, въ крайнемъ случаѣ, призоветъ вигиловъ на помощь молодому патрицію противъ уличной голытьбы и тѣмъ обезпечить себѣ его новыя милости. Въ глубинѣ души онъ считалъ поступокъ Виниція безразсуднымъ, но, рассчитывая на страшную силу Бротона, допускалъ, что дѣло можетъ удался. Еслибъ имъ пришлось плохо, самъ трибунъ будетъ нести дѣвushку, а Бротонъ очиститъ ему дорогу. Но время казалось ему черезъ-чуръ долгимъ; его беспокоила тишина сѣней, на которыя онъ посматривалъ издалека.

«Если они не нападутъ на ея нору, а только надѣлаютъ шума, то лишь спугнуть ее съ мѣста».

Эта мысль, однако, не была ему непріятна. Онъ понималъ, что въ такомъ случаѣ снова будетъ нуженъ Виницію и снова съумѣетъ выжать изъ него приличное количество сестерцій.

«Что бы они ни сдѣлали, все для меня сдѣлаютъ, хотя ни одинъ и не догадывается о томъ... Боги, боги, дозвоьте мнѣ только...»

Хилонъ вдругъ оборвался. Ему показалось, что что-то показалось изъ сѣней, и, прижавшись къ стѣнѣ, онъ началъ смотрѣть, задерживая дыханіе въ груди. Онъ не ошибался. Изъ сѣней на половину высунулась какая-то голова и начала осматриваться во кругъ.

Черезъ минуту она, однако, исчезла.

«Это Виницій или Бротонъ, — подумалъ Хилонъ. — Но если они похитили дѣвushку, то почему они не кричатъ и зачѣмъ ни выглядываютъ на улицу? Съ людьми они и такъ встрѣтаются: прежде чѣмъ дойдутъ до Каринъ, на улицахъ проснется движение. Что это? Безсмертные боги!...»

И вдругъ остатки волосъ встали дыбомъ на его головѣ.

Въ дверяхъ показался Урсъ съ перевѣсившимся черезъ плечо то

плечо тѣломъ Бротона, и, оглядѣвшись еще разъ, пустился бѣжать вдоль пустой улицы къ рѣкѣ. Хилонъ прильнулъ къ стѣнѣ и сдѣлался такимъ же тонкимъ, какъ пластъ штукатурки.

«Пропалъ я, если онъ увидитъ меня!»—подумалъ онъ.

Но Урсъ шибко пробѣжалъ мимо угольного дома и исчезъ за слѣдующимъ, а Хилонъ, не ожидая дальше, пустился бѣжать вдоль переулка, стуча зубами отъ страха, съ быстротой, которая была бы удивительна и для молодого человѣка.

«Если, возвращаясь назадъ, онъ увидитъ меня издалека, то догонитъ и убьетъ. Спаси меня, Зевсъ, спаси, Аполлонъ, спаси, Гермесъ, спаси, христіанскій Богъ! Я оставлю Римъ, возвращусь въ Мезембрію, только вырвите меня отъ рукъ этого демона!»

И лигіецъ, который убилъ Бротона, въ эту минуту дѣйствительно представлялся ему какимъ-то нечеловѣческимъ существомъ. На бѣгу Хилонъ думалъ, что это, можетъ быть, какой-нибудь богъ, который принялъ образъ варвара. Въ эту минуту онъ вѣрилъ въ боговъ всего міра, во всѣ мнѣи, надъ которыми смѣялся въ обыкновенное время. Иногда у него въ головѣ мелькало, что Бротона могъ убить Богъ христіанъ, и волосы снова вставали дыбомъ на его головѣ при мысли, что онъ вступилъ во вражду съ такимъ могуществомъ.

Только пробѣжавъ нѣсколько переулковъ и замѣтивъ какихъ-то рабочихъ, идущихъ ему на встрѣчу, онъ немного успокоился. Ему уже не хватало дыханія, и, усѣвшись на порогъ дома, онъ началъ отирать плащомъ лобъ, покрытый потомъ.

«Старъ я, мнѣ необходимо спокойствіе»,—сказалъ онъ себѣ.

Рабочіе свернули въ какой-то боковой переулокъ и Хилонъ снова охватила пустота. Городъ еще спалъ. По утрамъ движеніе начиналось раньше собственно въ болѣе богатыхъ кварталахъ, гдѣ невольники знатныхъ домовъ должны были вставать до разсвѣта, тамъ же, гдѣ жило населеніе свободное, живущее на счетъ патриціевъ, значить, тунеядствующее, просыпались поздно, въ особенности зимою. Хилонъ, просидѣвъ немного на порогѣ, почувствовалъ пронзительный холодъ, всталъ и, убѣдившись, что не потерялъ кошелька, полученнаго отъ Виниція, уже болѣе медленнымъ шагомъ направился къ рѣкѣ.

«Можетъ быть, я увижу гдѣ-нибудь тѣло Бротона,—говорилъ онъ самому себѣ.—Боги! Этотъ лигіецъ, если онъ человѣкъ, могъ бы въ теченіе одного года заработать милліоны сестерцій, потому что если онъ удушилъ Бротона, какъ щенка, то кто же можетъ ему сопротивляться? За каждый выходъ на арену ему дали бы столько

золота, сколько онъ самъ вѣситъ. Онъ эту дѣвушку стережетъ лучше, чѣмъ дерберъ стережетъ адъ. Но да поглотить его тотъ же самый адъ! Не хочу я имѣть съ нимъ никакого дѣла! Черезъ-чуръ ужъ онъ костистъ. А что же, однако, дѣлать? Случилось нѣчто страшное. Если онъ Бротону поломалъ кости, то, вѣроятно, и душа Виниція стонетъ подъ этимъ проклятымъ домомъ въ ожиданіи погребенія. Блянусь Касторомъ! Вѣдь, это патрицій, другъ цезаря, родственникъ Петронія, знатный человекъ, извѣстный всему Риму, и военный трибунъ. Его смерть не пройдетъ имъ задаромъ... А еслибъ я, напримѣръ, отправился въ преторіанскія казармы или къ вигиламъ?»

Хилонъ замолчалъ, подумалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

«Горе мнѣ! Кто ввелъ его въ этотъ домъ, если не я?... Его отпущенники и невольники знаютъ, что я приходилъ къ нему, нѣкоторые знаютъ даже, для какой цѣли. Что будетъ, если меня заподозрятъ, что я нарочно указалъ ему домъ, въ которомъ онъ нашелъ смерть? Хотя бы потомъ, въ судѣ, оказалось, что я не желалъ этого, все-таки, скажутъ, что я всему причиной. А, вѣдь, это патрицій, и мнѣ ни въ какомъ случаѣ это не сойдетъ безнаказанно. Но еслибъ я тайно оставилъ Римъ и переселился бы куда-нибудь далеко, то навлекъ бы на себя еще большее подозрѣніе».

И такъ, и сякъ дурно. Нужно выбирать меньшее зло. Римъ былъ гигантскимъ городомъ, но Хилонъ почувствовалъ, что и въ немъ можетъ быть тѣсно. Всякій другой могъ бы прямо пойти къ префекту вигиловъ, рассказать, что случилось, и, хотя на него пало бы какое-нибудь подозрѣніе, спокойно ждать слѣдствія. Но все прошлое Хилона было такого рода, что всякое болѣе близкое знакомство съ префектомъ ли города, съ префектомъ ли вигиловъ могло бы навязать ему значительныя хлопоты, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, дать основанія для всѣхъ подозрѣній, какія могли бы придти въ голову чиновниковъ.

Съ другой стороны, убѣжать — это только утвердить Петронія во мнѣніи, что Виницій преданъ и сдѣлался жертвой предумышленнаго убійства. А Петроній былъ человекъ сильный, къ услугамъ котораго была полиція всего государства и который, несомнѣнно, постарался бы отыскать виновныхъ хотя бы на краю свѣта. И вдругъ Хилону пришло въ голову, не отправиться ли къ нему и не сообщить ли, что случилось? Да, это былъ самый лучший исходъ. Петроній былъ человекъ спокойный и Хилонъ могъ быть увѣренъ хотя бы въ томъ, что его выслушаютъ до конца. Петроній, который зналъ дѣло съ самаго начала, легче повѣрилъ бы невинности Х

лона, чѣмъ префекты. Однако, чтобъ отправиться къ нему, сначала нужно было узнать, навѣрное, что случилось съ Виниціемъ, а Хилонъ не зналъ объ этомъ. Правда, онъ видѣлъ, какъ лигіецъ крадется къ рѣкѣ съ тѣломъ Бротона, но ничего больше. Виницій могъ быть убитъ, но могъ быть раненъ или задержанъ силой. И только теперь Хилонъ сообразилъ, что христіане, навѣрное, не осмѣлились бы убить такого вліятельнаго человѣка, августіана и важнаго военнаго начальника, потому что такой поступокъ могъ бы навлечь на нихъ всеобщее гоненіе. Правдоподобнѣе всего было то, что его задержали насильно, чтобы дать Лигіи возможность укрыться въ другомъ мѣстѣ. Эта мысль сильно ободрила Хилона.

«Если этотъ лигійскій вампиръ не растерзалъ его въ первую минуту бѣшенства, тогда онъ живъ, а если живъ, тогда самъ дастъ показаніе, что я не измѣнялъ ему, въ такомъ случаѣ мнѣ не только ничего не грозитъ, но (о, Гермесъ, рассчитывай снова на своихъ телицы!) передо мною открываются новыя поприща... Я могу дать знать одному изъ отпущенниковъ Виниція, гдѣ онъ можетъ найти господина, а пойдетъ ли онъ къ префекту или нѣтъ, — это его дѣло, только бы мнѣ самому не ходить. Я могу точно также отправиться къ Петронію и рассчитывать на награду... Искать Лигію, теперь буду искать Виниція, а потомъ опять Лигію... Нужно, однако, теперь знать, живъ ли онъ или убитъ».

Онъ подумалъ было ночью отправиться къ пекарю Демасу спросить объ Урсѣ, но тотчасъ же отвергъ эту мысль. Онъ предпочиталъ вовсе не имѣть дѣла съ Демасомъ. Онъ справедливо предполагалъ, что если Урсъ не убилъ Главка, то, очевидно, ему объяснилъ кто-нибудь изъ старшихъ христіанъ, что дѣло это дурное и что его склонялъ къ этому какой-нибудь измѣнникъ. Наконецъ, при одномъ воспоминаніи объ Урсѣ Хилонъ пробирала дрожь. Кромѣ того, онъ можетъ вечеромъ послать Эвриція разузнать, что случилось съ Виниціемъ. А теперь Хилонъ чувствовалъ потребность подкрѣпить силы, выкупаться и отдохнуть. Безсонная ночь, длинная дорога и путешествіе въ Затибрскую часть города дѣйствительно чрезвычайно утомили его.

Дно утѣшало его все время, — при немъ было два кошелька: тотъ, который Виницій далъ ему дома, и тотъ, который бросилъ на обѣдню пути съ владбища. Принимая въ соображеніе эту счастлиую случайность, а также и всѣ испытанныя имъ волненія, Хилонъ рѣшилъ поѣсть хорошенько и выпить лучшаго вина, чѣмъ онъ пилъ обыкновенно.

Когда, наконецъ, наступило время открытія харчевень, онъ

осуществилъ свое намѣреніе въ такой степени, что забылъ о банѣ. Ему, прежде всего, хотѣлось спать и сонливость лишала его силъ до такой степени, что онъ пришелъ невѣрнымъ шагомъ въ свое жилище на Субуррѣ, гдѣ его ждала невольница, купленная на деньги Виниція.

Войдя въ кубикулъ, темный, какъ лисья нора, онъ свалился на постель и заснулъ въ одну минуту.

Пробудился онъ только вечеромъ или, вѣрнѣе, разбудила его невольница. Кто-то ищетъ его и хочетъ видѣться съ нимъ по важному дѣлу. Бдительный Хилонъ очнулся въ одну минуту, наскоро набросилъ на себя плащъ съ капюшономъ и, приказавъ невольницѣ отодвинуться въ сторону, осторожно выглянулъ изъ комнаты.

Взглянулъ и обмеръ. Въ дверяхъ кабикула видѣлась гигантская фигура Урса.

Хилонъ почувствовалъ, что ноги и голова его становятся холодны, какъ ледъ, сердце перестаетъ биться въ груди, по спинѣ ходятъ мурашки. Съ минуту онъ ничего не могъ сказать, затѣмъ, щелкая зубами, проговорилъ или, вѣрнѣе, простоналъ:

— Сира!... Меня нѣтъ дома... я не знаю... этого... добраго человѣка.

— Я сказала ему, что ты дома, господинъ, и что ты спишь, — отвѣтила дѣвушка, — а онъ потребовалъ, чтобы я разбудила тебя.

— О, боги!... Я прикажу тебя...

Но Урсъ, разсерженный замедленіемъ, приблизился къ двери кубикула и, наклонившись, просунулъ голову внутрь комнаты.

— Хилонъ Хилонидъ! — сказалъ онъ.

— Рах тесум ¹⁾! рах, рах! — отвѣтилъ Хилонъ. — О наилучшій изъ христіанъ! Да, я — Хилонъ, но это ошибка... Я не знаю тебя!

— Хилонъ Хилонидъ, — повторилъ Урсъ, — твой господинъ, Виницій, приказываетъ тебѣ, чтобы ты отправился къ нему вмѣстѣ со мной.

В. Л.

(Продолженіе слѣдуетъ).

¹⁾ Миръ съ тобою!

Цезарь Ломброзо, какъ ученый и мыслитель.

I.

Вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ одного изъ наиболѣе крупныхъ и интересныхъ произведеній Ц. Ломброзо *Il delitto politico e le rivoluzioni*, — книги, съ содержаніемъ и характеромъ которой русская публика, насколько намъ извѣстно, незнакома еще и до сихъ поръ и о которой намъ придется, между прочимъ, поговорить въ настоящей статьѣ, — намъ случилось прочесть въ одномъ итальянскомъ научномъ журналѣ (*Rivista di filosofia scientifica* 1891 г., май) очень характерную, въ разныхъ смыслахъ, критическую статейку о названномъ сочиненіи. Авторъ этой статейки или, точнѣе, восторженнаго дифирамба въ честь Ломброзо, Филиппо Вирджиліо, въ первыхъ же строкахъ заявляетъ, что онъ «съ гордостью итальянца» приступаетъ къ ознакомленію читателей съ ученымъ трудомъ своего знаменитаго соотечественника, котораго онъ, не обинуясь, называетъ «геніальнымъ мыслителемъ» (*pensatore di genio*). По его словамъ, трудъ этотъ, «глубоко продуманный и смѣло выполненный, дѣлаетъ величайшую честь итальянской наукѣ». Въ трудѣ этомъ авторъ (Ломброзо) «анализируетъ проблему о политическомъ преступленіи и революціяхъ во всей ея широтѣ и возводитъ новое зданіе, отдѣльныя части котораго могутъ показаться критикамъ-педантамъ безсвязными и негармонирующими между собою, но общая конструкція котораго поражаетъ удивленіемъ каждаго мыслящаго человѣка, каждаго безпристрастнаго ученаго...» Далѣе, цѣлыми страницами, идутъ выраженія благоговѣйнаго колѣнопреклоненія критика передъ «геніальнымъ мыслителемъ» и восторженныя славословія по адресу этого послѣдняго: все, все въ новомъ ломбровозскомъ созданіи или «зданіи» солидно, величаво, глубокомысленно, гармонично, прекрасно, великолѣпно... Очевидно, критикъ совсѣмъ не принадлежитъ къ числу «педантовъ».

И такъ, Ломброзо—*pensatore di genio*. Кто читаетъ болѣе раннія прои веденія этого ученаго автора, тотъ, еще до появленія на свѣтъ Божій *Delitto politico*, имѣлъ полную возможность убѣдиться въ томъ, что все оно извѣстный своими смѣлыми и оригинальными взглядами и теоріями

туринскій профессоръ психіатріи и судебной медицины, дѣйствительно, очень «геніаленъ»; послѣ же ознакомленія съ *Delitto politico* убѣжденіе это у каждаго читателя должно было, конечно, только окрѣпнуть. А кто не имѣлъ случая проштудировать ни *Homo delinquente*, ни *Sull' incremento del delitto in Italia*, ни *Genio e follia*, ни *Homo di genio*, ни *Delitto politico*, тому стоить только просмотрѣть извѣстную намъ по нѣмецкому изданію небольшую, но очень интересную, въ разныхъ отношеніяхъ, книжку Ломброзо объ антисемитизмѣ *), чтобы тотчасъ же придти къ тому неотразимому заключенію, что написать такую книжку могъ только «геній». Такъ какъ въ нижеслѣдующемъ изложеніи намъ едва ли придется возвращаться къ этому новому продукту ломбровознаго творчества, а, между тѣмъ, едва ли многимъ изъ нашихъ читателей онъ, этотъ продуктъ, попадетъ подъ руку, въ подлинникѣ или переводѣ, то мы теперь же и сдѣлаемъ здѣсь по поводу его нѣсколько замѣчаній, съ цѣлью наглядно показать, въ какой высокой степени профессору Ломброзо присуща характерная для генія способность улавливать и устанавливать отношенія зависимости между такими вещами и явленіями, сближать которыя не придетъ никогда и въ голову простымъ смертнымъ. Ради краткости, мы ограничимся указаніемъ только на слѣдующее обстоятельство. Изъ сообщенія одного румынскаго врача Ломброзо узналъ тотъ ошеломляющій свою неожиданностью «фактъ», что всѣ наиболѣе фанатичные антисемиты въ Румыніи или страдаютъ, или страдали раньше... сифилисомъ, и что стоить только даже самымъ кроткимъ, добродушнымъ и доброжелательнымъ людямъ заразиться этою болѣзью, какъ у нихъ тотчасъ же развивается *furor anticemiticus*, хотя бы они вовсе и не приходили ни въ какое соприкосновеніе съ евреями. Думается намъ, что всякій обыкновенный смертный, выслушавъ такое поразительное сообщеніе, по меньшей мѣрѣ, придетъ въ сильнѣйшее недоумѣніе, растерянно разведетъ руками и кончитъ тѣмъ, что рѣшительно усомнится въ достовѣрности упомянутаго «факта», если только этотъ послѣдній не будетъ доказанъ строго-научнымъ образомъ. И поступить онъ такъ потому, что, въ качествѣ обыкновеннаго смертнаго, онъ не способенъ проникать умственнымъ взоромъ въ глубь вещей и отношеній между вещами. Что касается Ломброзо, то онъ, въ качествѣ «генія», прекрасно понимаетъ, что такой фактъ вполне возможенъ и какъ нельзя болѣе вѣроятенъ, а потому и вѣритъ въ него, не требуя никакихъ доказательствъ,—вѣритъ тѣмъ болѣе, что ему хорошо извѣстны кое-какіе другіе факты въ томъ же родѣ. Такъ, наприм., онъ, благодаря своимъ изслѣдованіямъ, знаетъ, что крайности политическихъ партій въ Италіи стоятъ въ несомнѣнной зависимости отъ алкоголизма и отъ заболѣваній... маляріею. А разъ это такъ, то почему бы точно такъ не дѣйствовать и сифилису, который, какъ извѣстно, подобно алкоголю и малярійному яду, сильно разстраиваетъ нервно-мозговую систему и спо-

*) C. Lombroso: „Der Antisemitismus und die Juden im Lichte der modernen Wissenschaft“ (Leipzig, 1894).

ствуетъ ея заболѣванію? Почему бы ему и не обусловливать того спеціальнаго психическаго разстройства, которое выражается антисемитизмомъ? Какъ бы тамъ ни было, Ломброзо полагаетъ, что интересующее насъ утверждение (*Feststellung*) румынскаго врача является очень цѣннымъ и заслуживающимъ самаго серьезнаго вниманія и тщательнѣйшаго обсужденія (*Antisemitismus*, стр. 17—20). Въ названной книжкѣ есть не мало и другихъ, тоже весьма глубокомысленныхъ, поучительныхъ и наводящихъ на размышленіе обобщеній и положеній, но мы теперь говорить о нихъ не будемъ, полагая, что и сказаннаго выше вполне достаточно для категорическаго признанія за Ломброзо права на званіе «геніальнаго мыслителя». Правда, не Ломброзо первый объяснилъ и освѣтилъ антисемитизмъ съ сифилитической точки зрѣнія,—идею этого объясненія онъ заимствовалъ у другого «философа». Но безъ него она, эта блестящая идея, не обратила бы на себя ничего вниманія и обречена была бы на неизвѣстность; онъ же, Ломброзо, извлекъ ее на свѣтъ Божій, развилъ, обосновалъ теоретически, подкрѣпилъ авторитетомъ своего громкаго имени и пустилъ въ обращеніе за своею подписью, а потому съ полнымъ основаніемъ и можетъ считаться ея «отцомъ»... А чтобы породить или даже только вмѣстить въ себя такую большую идею, не только проливающую яркій свѣтъ на сущность антисемитизма, но еще и дающую намъ весьма недвусмысленный намекъ на рациональный методъ борьбы съ этимъ крупнымъ общественнымъ недугомъ (ртутные препараты и іодистый калий), для этого непременно надо быть «геніемъ». Такъ, по крайней мѣрѣ, думаемъ мы, да, по всей вѣроятности, совершенно такъ же думаютъ и читатели наши.

Ломброзо не только «геніальный» мыслитель, но и крайне отзывчивый ученый, и чрезвычайно плодовитый писатель. Едва ли какой-нибудь другой изъ современныхъ представителей науки съ большимъ, чѣмъ онъ, правомъ можетъ сказать про себя: «ничто человѣческое мнѣ не чуждо». Онъ съ увлеченіемъ отзывается чуть не на каждую «злобу дня», и немного можно указать такихъ вопросовъ, дебатированіе которыхъ въ печати обходилось бы безъ его вмѣшательства. Не ограничиваясь преподаваніемъ въ Туринскомъ университетѣ, не удовлетворяясь редижированіемъ научнаго журнала (*Archivio di psichiatria, scienze penali ed antropologia criminale*), не довольствуясь выпускомъ, одного за другимъ, цѣлаго ряда большихъ трудовъ (*Преступный человекъ, Геніальный человекъ, Политическое преступленіе, Преступная женщина*) и множества статей въ отвѣтъ противникамъ и въ защиту отстаиваемыхъ имъ криминально-антропологическихъ теорій и взглядовъ, Ломброзо находитъ еще время, силы и охоту писать лекціи и статьи на самыя разнообразныя темы для итальянскихъ и заграничныхъ лекціонныхъ и газетъ. И о чемъ, о чемъ только онъ ни писалъ и ни пишетъ! Зайдетъ, напримѣръ, въ европейской печати рѣчь о современныхъ литературныхъ вѣяніяхъ,—онъ тотчасъ же хватается за перо и набрасываетъ статью о состояніи литературы. Выдетъ какой-нибудь трудъ о женскихъ правахъ,—онъ спѣшитъ высказать и свое мнѣніе о свойствахъ женской

натуры. Заикнется кто-нибудь гдѣ-нибудь о «любви», о «лживости» и пр., — Ломброзо ужь тутъ, какъ тутъ, и обязательно дѣлится съ читающею публикой плодами своихъ размышлений и изслѣдованій по этимъ вопросамъ. Обращаетъ на себя всеобщее вниманіе гипнотизмъ, — авторъ *Преступнаго челоовка* сейчасъ же погружается въ изученіе гипнотическихъ явленій и, пока другіе ученые (физиологи, психологи, медики) думаютъ да гадаютъ, онъ, смотришь, уже рѣшилъ вопросъ о гипнотизмѣ и даже цѣлыя книжки успѣлъ по этому случаю напечатать (*Lombroso: «Studi sull'ipnotismo»; Lombroso e Ottolenghi: «Nuovi studi sull'ipnotismo e la credulità»*). Заставляетъ говорить о себѣ какой-нибудь «чтець мыслей», выдвигается по этому поводу вопросъ о прямой, непосредственной передачѣ мысли отъ одного субъекта другому, — «отець новой криминально-антропологической школы» (какъ иногда называютъ нашего мыслителя) уже подвергается экспериментальному изслѣдованію какого-нибудь, подвернувшася ему подъ-руку, «чтеца», собираетъ повсюду «факты» и рассказы о психическомъ вліяніи на разстояніи, убѣждается при всемъ этомъ въ истинности этихъ рассказовъ, въ подлинности этихъ «фактовъ», въ реальности явленій «передачи мысли» и, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, торопится просвѣтить на этотъ счетъ публику опять-таки цѣлою книжкой (*Inchiesta sulla trasmissione del pensiero, 1891*). Много шума дѣлаетъ проживающая въ Неаполѣ женщина-медиумъ, нѣкая Эйзапіа, о которой въ спиритическихъ кругахъ рассказываютъ настоящія чудеса и которой патронировали, между прочимъ, и нашъ извѣстный русскій спиритъ Аксаковъ. Ломброзо устремляется въ Неаполь, принимаетъ, вмѣстѣ съ другими учеными изслѣдователями (Тамбурини, Бианки, Ф. Вирджиліо и др.), участіе въ спиритическихъ сеансахъ, на которыхъ священнодѣйствуетъ Эйзапіа, констатируетъ на одномъ изъ этихъ сеансовъ (въ темнотѣ), какъ его и другихъ треплетъ за бороду и усы, щиплетъ и поглаживаетъ какая-то маленькая ручка, слышитъ таинственные постукиванія въ столъ и звонъ летающаго по воздуху колокольчика, а въ другой разъ (среди бѣлаго дня) съ изумленіемъ видитъ, какъ на него, Ломброзо, самъ собою идетъ, грузно переваливаясь, «точно большое толстокожее животное», массивный шкафъ», — съ несомнѣнностью» убѣждается, благодаря всему этому, въ реальности спиритическихъ явленій, въ которыхъ до этого относился съ безусловнымъ отрицаніемъ и за вѣру въ которыя онъ, по его собственному признанію, «почти оскорблялъ спиритовъ», — спѣшитъ домой, въ Туринъ, дорогою создаетъ полную, всеобъясняющую теорію спиритизма, излагаетъ ее, по приѣздѣ домой, въ статьѣ *Les faits spiritiques et leur explication psychiatrique* и шлетъ въ парижскій журналъ *Revue de l'hyponotisme et de la psychologie physiologique*. На страницахъ котораго (1892, № 10) названная статья и появляется въ многозначительную оговорку редакціи, что за взгляды автора она на себѣ ни малѣйшей отвѣтственности не принимаетъ). Даютъ о себѣ знать, съ *propagande par le fait*, анархисты, — Ломброзо уже трудится надъ во- сомъ объ анархизмѣ, собираетъ повсюду біографическія и всякія

данныя о дѣятеляхъ анархіи, очень просто объясняетъ анархизмъ и о своихъ взглядахъ по этому предмету оповѣщаетъ публику въ статьѣ *L'Anarchie et ses héros*, написанной специально для французскаго журнала *Revue des Revues* (1894, № 4). Въ печати и обществѣ очень много говорятъ теперь, по разнымъ поводамъ, о социальномъ вопросѣ, о социалистахъ и проч.—Ломброзо чувствуетъ живую потребность высказываться публично и на эти темы, причѣмъ считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія публики, что и самъ онъ «социалистъ».

По всѣмъ, только что приведеннымъ нами, бѣглымъ указаніямъ читатель можетъ судить, до какой степени велика многосторонность интересующаго насъ ученаго мыслителя и какъ обширна сфера его компетенціи,—сфера, которой, по всѣмъ видимостямъ, предстоитъ въ ближайшемъ даже будущемъ еще болѣе расширяться. Въ самомъ дѣлѣ, есть нѣкоторое основаніе надѣяться на то, что родной или пріемный отецъ идеи о сифилитическомъ происхожденіи антисемитизма, съ присущимъ ему увлеченіемъ, вплотную займется криминальною... бактериологіей и, въ концѣ-концовъ, украситъ бульвары науки еще однимъ величавымъ, монументальнымъ зданіемъ». Основаніемъ для этой нашей надежды служитъ слѣдующее обстоятельство. Недавно миланская *Secolo* сообщила міру, что какой-то, къ стыду нашему, невѣдомый намъ пизанскій профессоръ Франческо Магри, въ сотрудничествѣ съ проф. Ривольта, открылъ въ мозгу убійцу «микроба челоуѣкоубійства» и что проф. Ломброзо, узнавъ объ этомъ открытіи, поспѣшилъ послать Магри самое восторженное поздравленіе. Въ виду крайней живости ума Ломброзо, можно смѣло предположить, что этотъ послѣдній не ограничится однимъ только поздравленіемъ, а возьметъ названнаго «микроба» подъ свое покровительство и сдѣлаетъ его предметомъ specialнаго ученаго изслѣдованія, результаты котораго и поспѣшитъ изложить въ особой книжкѣ.

И такъ, Ломброзо обладаетъ не только «геніальнымъ», но и всеобъемлющимъ умомъ. Онъ замѣчательно легко, быстро и—что особенно цѣнно—чрезвычайно оригинально разясняетъ и разрѣшаетъ самыя разнообразныя, самыя сложныя и запутанныя проблемы. Правда, благодаря постоянно проявляемой имъ слишкомъ большой смѣлости, оригинальности и быстротѣ натиска при рѣшеніи научныхъ вопросовъ и задачъ, въ ученыхъ сферахъ на Западѣ за нимъ довольно прочно установилась репутація изряднотакти легкомысленнаго служителя науки. Но среди большой публики онъ пользуется тамъ большою популярностью и престижемъ: о каждомъ новомъ трудѣ его много говорятъ, къ мнѣніямъ его прислушиваются, его цитируютъ, на него ссылаются, редакціи общихъ журналовъ и газетъ обращаются къ нему съ просьбами высказаться то по тому, то по другому вопросу, его интервьюируютъ, упоминая о немъ, его называютъ не иначе, какъ «знаменитымъ», «авторитетнымъ» ученымъ. Вообще, это — модный рець науки, заставляющій о себѣ говорить, производящій въ публикѣ чсацію, вызывающій эффектъ своими смѣлыми парадоксами. Въ Россіи

учениковъ, послѣдователей и поклонниковъ авторъ *Преступнаго человека* имѣеть очень немногo (хотя самъ этотъ авторъ и убѣжденъ въ противномъ), но, тѣмъ не менѣе, имя его довольно популярно и у насъ. За послѣдніе годы въ разныхъ органахъ нашей прессы напечатано было не мало статей и замѣтокъ, знакомившихъ русскую читающую публику съ кое-какими теоріями и взглядами туринскаго мыслителя, причемъ въ этихъ статьяхъ и замѣткахъ рѣчь шла, главнѣйшимъ образомъ, о ломбровскомъ «преступномъ типѣ», а отчасти также и объ его психіатрической теоріи гениальности. Но общей характеристики и оцѣнки идейнаго творчества Ломброзо, насколько мы знаемъ, въ печати нашей не было сдѣлано до сихъ поръ. Въ виду того, что о Ломброзо упоминають, по разнымъ поводамъ, очень часто, въ виду того, что онъ—ученый «знаменитый», мыслитель «гениальный», мы и считаемъ небезполезнымъ заняться такою оцѣнкой, тѣмъ болѣе, что вопросы, затрогиваемые и трактуемые имъ въ его сочиненіяхъ, и сами по себѣ представляютъ очень большой, теоретическій и практический интересъ. Взяться за эту работу насъ побудило, между прочимъ, также и желаніе ознакомить нашихъ читателей съ такими продуктами ломбровскаго творчества, сообщеній о которыхъ въ нашей печати, если не ошибаемся, не появлялось. Между тѣмъ, въ числѣ такихъ продуктовъ есть весьма любопытные.

II.

Съ цѣлью нагляднаго выясненія того, что такое представляетъ собою Ломброзо, какъ ученый, какъ мыслитель, приглашаемъ читателя присмотрѣться вмѣстѣ съ нами къ приемамъ и методу ломбровскаго творчества. Какъ Ломброзо вырабатываетъ свои идеи, какъ строитъ свои смѣлыя теоріи, какъ пишетъ свои увѣсистыя, чрезвычайно «ученыя» и импозантныя, на первый взглядъ, книги?

Прежде чѣмъ приступать къ созданію ученаго или какого бы то ни было другого произведенія, авторъ долженъ, конечно, ясно и отчетливо опредѣлить для себя, о чемъ именно онъ будетъ трактовать въ своемъ трудѣ,—другими словами, долженъ имѣть въ головѣ основную идею этого труда. Каждый разъ, когда Ломброзо беретъ за перо, онъ тоже имѣеть известную идею. Спрашивается теперь, какъ же эта идея у него зарождается и что обыкновенно собою представляетъ?

Всѣ наши общія, философскія идеи, всѣ гипотезы, всѣ теоріи зарождаются и складываются у насъ подъ вліяніемъ наблюденій и констатированій фактовъ и явленій въ окружающей насъ средѣ. Вижу я, наприм., въ и узнаю про него, что вся жизнь его прошла въ крайней нуждѣ и шеніяхъ, что онъ—жалкій бѣднякъ. Констатирую я затѣмъ совпаденіе факта воровства съ фактомъ нищеты другой разъ, третій, десятый, сотый, вотъ, въ головѣ у меня, въ результатѣ обобщенія единичныхъ фактовъ является идея о причинной, логической связи между нищетою и воровствомъ.

Идея эта играетъ для меня роль болѣе или менѣе вѣроятной гипотезы, которую я имѣю полное право принять за исходную точку ученаго изслѣдованія, съ цѣлью *проѣрки* ея на новыхъ, болѣе многочисленныхъ фактахъ. Но если я обладаю слишкомъ живымъ, впечатлительнымъ, игривымъ и смѣлымъ умомъ, то могу строить гипотезы и даже создавать цѣлыя широкообъемлющія теоріи и по болѣе простому, легкому и быстрому способу. Захожу я, наприм., въ судъ. Судятъ казнокрада. Вглядываюсь я въ обвиняемаго и констатирую у него присутствіе на носу бородавки (да проститъ намъ читатель этотъ примѣръ à la Ломброзо!). Фактъ казнокрадства—съ одной стороны; фактъ наличности бородавки на носу у казнокрада—съ другой. Для меня этого достаточно, я спѣшу построить гипотезу, даже «теорію»: «у казнокрадовъ растутъ на носу бородавки» или, еще рѣшительнѣе, «у кого на носу бородавки, тотъ казнокрадъ». Въ писаніяхъ Ломброзо можно найти безчисленное множество доказательствъ того, что ученый этотъ, отличающійся необыкновенною скоропалительностью въ сферѣ мысли, какъ разъ именно по этому-то вотъ второму, упрощенному донельзя, способу и фабрикуетъ свои смѣлыя идеи и широкія обобщенія, о которыхъ онъ обыкновенно безотлагательно и спѣшитъ громогласно повѣдать *urbi et orbi*. Если бы Ломброзо хоть сколько-нибудь толково оперировалъ даже и съ такими преждевременно-рожденными «обобщеніями», еслибы онъ къ этимъ «обобщеніямъ» приставлялъ знакъ вопроса и затѣмъ тщательно и безпристрастно провѣрялъ ихъ фактами, въ такомъ случаѣ все обстояло бы болѣе или менѣе благополучно, и мы не были бы свидѣтелями его преступныхъ покушеній ни на здравый смыслъ, ни на логику: въ 999 случаяхъ изъ тысячи «обобщенія» эти оказывались бы вздорными, изслѣдователь, возясь съ ними, терялъ бы только бесполезно трудъ и время, и никакихъ «солидныхъ» и «ученыхъ» трактатовъ, за подписью туринскаго антрополога-криминалиста, не появлялось бы на свѣтъ Божій. Къ сожалѣнію, однако же, Ломброзо ведетъ себя иначе: каждую свою внезапно и игриво выпрыгнувшую у него изъ головы идею онъ принимаетъ не за болѣе или менѣе рискованную гипотезу, требующую основательной проѣрки, а за чистую истину, нуждающуюся только въ обоснованіи и подтвержденіи фактами. И онъ, дѣйствительно, только то и дѣло дѣлаетъ, что сначала изобрѣтаетъ смѣлыя идеи, а потомъ ихъ «обосновываетъ» и «подтверждаетъ». Въ результатъ—объемистыя, увѣсистыя книги, фунта по три въ каждой. Въ справедливости всего вышесказаннаго нами читатель, надѣмся, вполне убѣдится изъ нижеслѣдующаго изложенія. Теперь же мы, пока что, скажемъ только слова два о томъ, какъ, наприм., зародилась и явилась на свѣтъ Божій послѣдняя ломброзовская книга: *Il delitto politico*.

Въ началѣ 80-хъ годовъ всеобщее вниманіе въ Римѣ приковывалъ къ себѣ народный агитаторъ, проповѣдникъ соціального обновленія, Франческо Кривеллери. Заинтересовался этимъ человѣкомъ, между прочимъ, и Ломброзо, который и не замедлилъ усмотрѣть въ немъ «матгоида», субъекта психически поврежденнаго. Вѣрно ли въ данномъ случаѣ поставленъ былъ

нашимъ ученымъ діагнозъ, объ этомъ мы толковать не будемъ, а отмѣтимъ только то, весьма любопытное въ интересующемъ насъ отношеніи обстоятельство, что, исходя изъ данныхъ о личности Коккапиеллери, Ломброзо, съ характерною для него стремительностью и смѣлостью, тотчасъ же успѣлиши обобщить эти данныя, распространить свое обобщеніе на другихъ агитаторовъ, реформаторовъ и пр. и построить «психіатрическую» теорію народныхъ движеній и революцій. Это смѣлое вторженіе психіатра (Ломброзо — специалистъ по всѣмъ наукамъ) въ исторію встрѣчено было въ ученомъ мѣрѣ не весьма благосклонно; новая теорія, отважно воздвигнутая на частномъ примѣрѣ Франческо Коккапиеллери, которому, впрочемъ, приданъ былъ въ товарищи еще другой, средневѣковый, народный герой того же Рима, знаменитый Кола-де-Риензи, вызвала немало язвительныхъ насмѣшекъ по адресу ея автора. Ломброзо вскипѣлъ и черезъ очень короткое время выстрѣлилъ въ своихъ противниковъ брошюрой *Tre tribuni*, въ которой къ дуумвирату изъ Коккапиеллери и Риензи присоединенъ былъ третій народный трибунъ — «маттоидъ», нѣкій Сбарбаро, и въ которой упомянута психіатро-историческая теорія оказалась изложенною еще съ большею категоричностью, еще съ болѣе рѣзкими подчеркиваніями, чѣмъ раньше: всѣ, дескать, новаторы, агитаторы, реформаторы, всѣ инициаторы и вожди народныхъ движеній, всѣ вообще политическіе и социальныя нонконформисты — субъекты, психически поврежденные въ большей или меньшей степени. Оставивъ въ полной неприкосновенности основную идею этой брошюры, — къ слову сказать, выпущенной въ свѣтъ въ 1887 году, — значительно раздвинувъ рамки этой послѣдней, обогативъ ее цѣлыми ворохами новыхъ «подтверждающихъ» фактовъ и «доказательствъ» и откинувъ прежній заголовокъ, онъ, въ 1890 году, и преподнесъ ее читающей публикѣ подъ именемъ *Il delitto politico*, которое является, такимъ образомъ, ничѣмъ инымъ, какъ только новымъ, дополненнымъ, увеличеннымъ и сильно распухшимъ изданіемъ трактата *Tre tribuni* *). И такъ, одинъ какой-нибудь фактъ, одно какое-нибудь наблюденіе — и широкая, всеобъемлющая теорія готова, — теорія, выражающая «несомнѣнную истину», сразу же отливающаяся въ совершенно законченную форму и нуждающаяся не въ критической разработкѣ, не въ тщательной провѣркѣ, а исключительно въ «подтвержденіи», въ видахъ котораго авторъ, затѣмъ, усерднѣйшимъ образомъ и работаетъ, неутомимо собирая всевозможные факты, притягивая, подгоняя ихъ къ требованіямъ новооткрытой «истины», и съ легкимъ сердцемъ, игнорируя все то, что не подтверждаетъ этой «истины», не согласуется съ нею. Таковъ общій характеръ идейнаго творчества Ломброзо въ новой его книгѣ о политическихъ преступленіяхъ, таковъ же онъ и во всѣхъ другихъ его произведеніяхъ. Всюду онъ — пришель, идѣль и тотчасъ же сказалъ «новое слово», постигъ сокровенную для ю-

*) Это обстоятельство удостовѣряется, между прочимъ, и упомянутымъ выше восторженнымъ панегиристомъ Ломброзо — Вирджиліо.

стыхъ смертныхъ сущность вещей, обнажилъ истину, сдѣлалъ великое открытіе. Правда, великому гению достаточно бываетъ иногда и одного какого-нибудь факта, чтобы разгадать по немъ ту или иную тайну природы, увидѣть въ немъ частное проявленіе какого-либо основного закона. Такъ, про Ньютона рассказываютъ (побасенку, впрочемъ), что онъ при видѣ яблока, падающаго съ дерева, взялъ да тотчасъ же и создалъ свою мировую теорію тяготѣнія. Гёте, гуляя въ полѣ и натолкнувшись случайно на валявшійся лошадиный черепъ, тотчасъ же, будто бы, отчетливо и сформулировалъ знаменитую «позвоночную» теорію черепа, а въ другой разъ, разсматривая розу, прозрѣлъ ту крупную морфологическую идею, что тычинки цвѣтка есть ничто иное, какъ метаморфозированный лепестокъ. Но... *quod licet Jovi, non licet bovi*: это—съ одной стороны, а съ другой, настоящіе-то Юпитеры мысли и знанія совсѣмъ не такъ, какъ Ломброзо, относились къ создававшимся у нихъ въ головѣ великимъ обобщеніямъ и гипотезамъ. Такъ, наприм., Дарвинъ, обезсмертившій свое имя грандіозною теоріей происхожденія видовъ, не только не поворачивался спиною къ фактамъ, не согласовавшимся съ его идеей, но, напротивъ, самъ усердно разыскивалъ такіе факты и, находя ихъ, самъ же первый и указывалъ на нихъ своимъ собратьямъ по наукѣ; не только не сердился, какъ это всегда дѣлаетъ Ломброзо, когда ему указывали на недостаточность, на пробѣлы его теоріи, а, напротивъ, самъ шелъ на встрѣчу возраженіямъ, самъ первый раскрывалъ слабые пункты своего ученія, облегчалъ трудъ критики для своихъ противниковъ... Ломброзо во всѣхъ этихъ отношеніяхъ не похожъ на Дарвина, такъ, вѣдь, за то же и «открытія» его, выражаясь мягко, не дѣлаютъ эпохи въ наукѣ... Вернемся, однако же, къ психологіи ломбровознаго творчества.

III.

Однимъ изъ первыхъ крупныхъ произведеній Ломброзо была извѣстная, надѣлавшая въ свое время не мало шума и вызвавшая въ ученомъ мірѣ множество споровъ и пререканій книга *L'uomo delinquente*. Объ этой книгѣ и о разводимой въ ней теоріи о томъ, что преступникъ есть проявленіе атавизма, дикарь, вынырнувшій изъ глубины вѣковъ на поверхность современнаго цивилизованнаго общества, отрывка прошлаго,—было уже очень много говорено по разнымъ поводамъ и въ русской печати, а потому долго останавливаться на ней мы и не будемъ. Если повнимательнее присмотрѣться къ тому, что и какъ въ этой книгѣ говорится и доказывается, то трудно не придти къ тому заключенію, что происхожденія за такого же экспромтнаго, какъ и *Il delitto politico*. Чуть не каждая граница ея совершенно ясно говорить читателю, что сначала Ломброзо ѣхнула какииъ-то образомъ «геніальная» идея о томъ, что преступникъ есть атавистъ, и что только потомъ, увѣровавъ въ нее и всецѣло проникшись ею, авторъ приступилъ къ «изученію» фактовъ, которые систе-

матически и сталъ подгонять насильственнымъ образомъ къ сложившейся у него въ головѣ по «вдохновенію» теоріи. Въ настоящее время изображенный въ этой книгѣ пресловутый «преступный типъ»—это, говоря словами Тредьяковскаго, «дивизище обло, мослисто»,—«дивизище», созданное на скорую руку, съ полнымъ пренебреженіемъ къ требованіямъ и интересамъ истины, изъ всевозможныхъ натяжекъ и искаженій фактовъ, поражающее своимъ арлекиннымъ нарядомъ, стоящее въ вопіющемъ противорѣчій съ дѣйствительностью и не имѣющее рѣшительно ничего общаго со строгою научною мыслью, оказывается убитымъ наповалъ научною критикой, а вмѣстѣ съ нимъ, что бы ни говорили ломбозисты, убита и вся ломбозовская теорія преступности. Не въ какомъ-то фантастическомъ атавизмѣ, не въ какихъ бы то ни было уклоненіяхъ отъ антропологическихъ нормъ, не въ особенностяхъ формы носовъ, ушей, зубовъ и пр., не въ асимметрияхъ и атипичяхъ,—въ дѣйствительности, къ тому же, не существующихъ въ видѣ общаго правила, а создаваемыхъ обыкновенно творческою фантазіей увлекающихся изслѣдователей *), — не въ бугоркахъ или ямкахъ на черепѣ, не въ тѣхъ или иныхъ морщинахъ на лицѣ, не въ той или иной окраскѣ волосъ или радужной оболочки и т. д., и т. д. заключается основная, истинная причина человѣческой преступности, а въ окружающей человѣка средѣ, въ крайне дурной обстановкѣ, подъ гнетомъ которой и возникаютъ тѣ «порочныя и недостаточныя» организаціи, о которыхъ Ломброзо и вѣрные его ученики такъ неумѣренно часто и много, такъ монотонно, безцвѣтно, снотворно и, главное, безцѣльно ведутъ разговоры. На этихъ-то условіяхъ и должно быть всецѣло сосредоточено вниманіе каждаго мыслящаго ученаго; на рѣшеніе вопроса объ ихъ устраненіи и должны устремляться всѣ усилія живой мысли. Измѣнись эти условія къ лучшему, и всѣ эти «порочныя и недостаточныя» организаціи исчезнутъ съ лица земли сами собою. А если такъ, то нечего и носиться съ ними, нечего безконечными и тягучими разговорами о нихъ отвлекать вниманіе публики отъ главнаго и существеннаго, тѣмъ болѣе, что въ разговорахъ этихъ давнымъ уже давно не обазывается, въ сущности, рѣшительно ничего новаго и хоть сколько-нибудь интереснаго. Такъ думаетъ теперь огромное большинство представителей серьезнаго знанія, серьезной научной мысли,—представителей, во имя науки и здраваго смысла энергично протестующихъ противъ низведенія огромнаго и важнаго вопроса о преступности на почву антропологическихъ мелочей. А, между тѣмъ, Ломброзо все упрямо продолжаетъ толковать о выдуманномъ имъ «пре-

*) Даже сами ломбозисты, изъ категорій наименѣ ослѣпленныхъ и наиболѣе безпристрастныхъ, приходятъ, путемъ тщательнаго изученія фактовъ, къ тому заключенію, что ломбозовскій «преступный типъ» есть чистѣйшая фикція. Такъ, изслѣдованій итальянскаго антрополога-криминалиста Марро видно, что атавистскія и атипическія аномаліи никоимъ образомъ не могутъ служить отличительными признаками преступниковъ и что для этихъ послѣднихъ характерны одніи тол аномаліи *болѣе*многого происхожденія, обусловливаемые дурнымъ питаніемъ центральной нервной системы (см. его *I caratteri dei delinquenti*).

стущемъ типѣ», все продолжаетъ усерднѣйшимъ образомъ заниматься селекціонированіемъ всяческихъ мелочей, выше которыхъ мысль его, очевидно, никакъ не можетъ подняться и въ обращеніи съ которыми онъ проявляетъ, къ тому же, полнѣйшее отсутствіе критическаго смысла (см. его докладъ на криминально-антропологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 году: *Les dernières recherches d'anthropologie criminelle*). Уши, зубы, носъ, ямки, морщинки и проч., и проч. и до сихъ поръ остаются почти исключительными предметами его вниманія; въ детальномъ, кропотливомъ разыскиваніи аномалій въ этихъ и имъ подобныхъ предметахъ онъ и до сихъ поръ видитъ главнѣйшую задачу криминальной антропологіи, а въ находкахъ этихъ аномалій—весь прогрессъ этой науки. Въ первомъ изданіи этой книги онъ всѣхъ, безъ исключенія, людей, приходящихъ въ столкновеніе съ закономъ, рѣшительно относитъ въ категорію преступниковъ прирожденныхъ, атакъистовъ. Впослѣдствіи, подъ напоромъ обрушившейся на него критики, онъ вынужденъ былъ сдѣлать на этотъ счетъ уступку и признать, что существуетъ еще категорія преступниковъ «случайныхъ», но призналъ, видимо, крайне неохотно, если хотите, нескромно и довольно двусмысленно, какъ это прекрасно видно изъ того, что онъ и въ «случайныхъ» преступникахъ «констатируетъ» наличность, хотя и въ смягченномъ видѣ, антропологическихъ признаковъ природной преступности. Когда противники прижмутъ Ломброзо, съ его «антропологическими признаками», къ стѣнѣ и когда ему, въ этой неудобной позиціи, и сказать въ свое оправданіе нечего, тогда онъ принимаетъ смиренный видъ и начинаетъ каяться: «да, господа, я увлекался, дѣлалъ ошибки» и пр. Но чуть только его, покаявшагося грѣшника противъ истины, немного поотпустить, какъ онъ тотчасъ же опять начинаетъ твердить: а все-жъ таки, весь вопросъ преступности пѣликомъ сводится къ атакъизму, къ антропологическимъ признакамъ... «Мы показали,—читаемъ мы въ четвертомъ изданіи *Преступнаго челоуька*,—что въ извѣстную эпоху жизни челоуьчества преступленіе было универсальнымъ явленіемъ и что затѣмъ оно стало постепенно исчезать». Но полнаго исчезновенія не произошло еще и до сихъ поръ, слѣды бывшей физиологической наклонности людей къ преступленію остались, въ виду чего намъ и «становится понятнымъ, что если преступленія продолжаютъ еще совершаться даже въ средѣ наиболѣе культурныхъ расъ, то истинная причина ихъ заключается въ атакъизмѣ» (*Si le crime n'a cessée de se produire même dans les races les plus cultivées, la vraie cause en réside dans l'atavisme **). Какъ читатель видитъ, вѣрность своей разъ высказанной идеи или, точнѣе, парадоксу Ломброзо проявляетъ поразительную. Серьезные ученые, сплошь и рядомъ несравненно болѣе его компетентные въ криминально-антропологическихъ вопросахъ противники, съ безчисленнымъ множествомъ фак-

L'homme criminel, p. 97—98. Цитируемъ по второму французскому изданію, сдѣланному съ четвертаго итальянскаго.

товъ въ рукахъ, съ неотразимою убѣдительностью доказываютъ ему, что идея его невѣрна въ самомъ ея основаніи, заваливаютъ его возраженіями, изъ которыхъ одно оказывается убійственнѣе другого; подъ ударами научной критики теорія его трещитъ и расплзается по всѣмъ швамъ, а онъ, Ломброзо, отецъ этой убитой теоріи, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжаетъ самоувѣренно восклицать: живъ я и жива теорія моя!... Выходитъ, пожалуй, немного ужъ и комично.

Свое упорство или, вѣрнѣе, упрямство, изъ-за котораго совершенно отчетливо просвѣчиваетъ ничто иное, какъ мелкое самолюбіе, Ломброзо рѣзко проявляетъ, между прочимъ, и тогда, когда заходитъ рѣчь о «соціальныхъ факторахъ преступности». Если, какъ это мы только что видѣли, «истинная причина преступленій заключается въ атавизмъ», то само собою разумѣется, что придавать, въ генезисѣ преступности, хоть сколько-нибудь серьезное значеніе какимъ-то тамъ «соціальнымъ факторамъ» было бы даже и не совсѣмъ логично; ужъ что-нибудь одно: или атавизмъ, или соціальные условія. Ломброзо, дѣйствительно, очень восо посматриваетъ на ученіе о соціальныхъ факторахъ преступности, уже и теперь, увы, сильнѣйшимъ образомъ вытѣсняющее со всѣхъ позицій его собственное, «антропологическое», ученіе. Однако же, когда его начинаютъ очень ужъ притѣснять этими самыми «соціальными факторами» и когда силъ для защиты отъ нападенія у него не хватаетъ, онъ сейчасъ же, съ самымъ невиннымъ видомъ, какъ это было, наприм., на парижскомъ конгрессѣ, заявляетъ: «Помилуйте, да я признаю, признаю (соціальные-то факторы!)» Его ученики и поклонники тоже въ такихъ случаяхъ подають свой голосъ: «Помилуйте, онъ даже очень признаеть...» И такъ, признаеть... Но вотъ проходитъ малое время, и Ломброзо уже опять надѣваетъ на себя всѣ военные доспѣхи и выступаетъ въ походъ противъ «соціальныхъ факторовъ»: съ гнѣвомъ обрушивается за пристрастіе къ этимъ факторамъ на пользующагося почетною извѣстностью въ наукѣ молодого итальянскаго соціолога Наполеона Колайяни, шлетъ упреки по адресу лионскаго проф. Лакассана за то, что тотъ въ редактируемомъ имъ журналѣ (*Archives de l'anthropologie criminelle*) удѣляетъ, будто бы, слишкомъ много мѣста разсужденіямъ о соціальныхъ причинахъ преступности и тѣмъ самымъ уклоняется, дескать, отъ программы, сбивается съ истиннаго пути... Хорошо «признаніе»!

IV.

Считающіеся немногими единицами русскіе адепты ломбровозской школы довольно смѣло заявляютъ въ печати, что утвержденіе относительно признанія профессоромъ Ломброзо соціальныхъ факторовъ преступности основывается, будто бы, на незнакомствѣ утверждающихъ съ работами Ломброзо. «Всякій, читавшій во второмъ изданіи его *Преступная анатомія* отдѣлъ, озаглавленный—*Терапія преступленія*, и другое его со-

женію—*Sull'incremento del delitto in Italia*, въ которомъ такъ много говорится о соціальныхъ условіяхъ, понимаетъ, конечно, и не можетъ не понимать, что Ломброзо не отрицалъ и не могъ отрицать рѣшающее значеніе соціального фактора» (г. Дриль). Въ *Преступномъ челоѣткѣ* дѣйствительно есть авторская рекомендація—учреждать, въ качествѣ предупредительныхъ мѣръ, сберегательныя кассы, рабочія школы, дешевыя кухни и тому подобныя, къ слову сказать, весьма невинныя вещи, въ виду которыхъ г. Дриль побѣдоносно восклицаетъ: «Это ли еще не признаніе вліянія соціального фактора и значенія соціальной теоріи?» (*Юридическій Вѣстникъ* 1890 г., декабрь). Но въ томъ же самомъ *Преступномъ челоѣткѣ* (и не только во второмъ, но и въ четвертомъ изданіи его) имѣется, какъ мы только что видѣли, категорическое, совсѣмъ опрокидывающее несчастныя «сберегательныя кассы», «дешевыя кухни» и проч. утвержденіе, что «истинная причина преступности заключается въ атавизмѣ» (и, значить, не въ отсутствіи «кассъ», «кухонь» и проч.). Замѣтивъ мимоходомъ, во избѣжаніе недоразумѣній, что когда, въ связи съ вопросомъ о преступности, говорятъ о «соціальныхъ факторахъ», то обыкновенно имѣютъ въ виду главнѣйшимъ образомъ тяжелыя соціально-экономическія условія существованія людей,—заглядываемъ въ *Sull'incremento del delitto in Italia*,—книжку, о которой, насколько намъ извѣстно, еще ни разу не доводилось до свѣдѣнія русской читающей публики и которая даетъ очень много матеріала для характеристики ломбровознаго міросозерцанія. Тамъ мы читаемъ, между прочимъ (стр. 25), что «другою причиною преступленія является, какъ говорятъ, бѣдность» (*un'altra causa dei reati si vuole chesia la miseria*), но что *miseria*, говоря вообще, мало вліяетъ на возникновеніе и ростъ преступности и что, во всякомъ случаѣ, «не надо преувеличивать» этого вліянія (*ma non esageriamo*). «Съ фактами въ рукахъ... я могу,—говорить цитируемый Ломброзо Лавина,—съ несомнѣнностью доказать, что продукты воровства чаще всего растрачиваются въ пьянствѣ и дебошахъ по кабакамъ и непотребнымъ домамъ» (это значить, что если пропиваютъ наворованное, то, очевидно, воруютъ не съ голода, не подъ вліяніемъ бѣдности). И далѣе, въ цитатѣ изъ другого автора: «Можно съ полнымъ правомъ отрицать, что ростъ преступности зависитъ отъ усиленія нищеты... Рѣдки случаи преступниковъ-бѣдняжковъ... Настоящая нищета страдаетъ молча», не выступая на путь преступленій (стр. 26). За то въ ростѣ преступности сильнѣйшимъ образомъ повиненъ *алкоголизмъ* (стр. 27—28). Больше же всего (*sopra tutto*) преступленія мы жатся оттого, что законъ ихъ слишкомъ мяго караетъ и что для преступниковъ есть много шансовъ совсѣмъ избѣгнуть кары (*la esagerata t eva e più l'incertezza delle pene*, стр. 28—29). Уничтоженіе смертной казни, этого «радикальнѣйшаго и вѣрнѣйшаго средства соціальной защиты», ведетъ только къ усиленію злодѣяній. Отрицательное отношеніе къ этой «наиболѣе логичной, съ точки зрѣнія криминальной антропологіи» карѣ вызвано въ массѣ публики неосмысленными разглагольствова-

нями болтуновъ-журналистовъ, сентиментальными публичными рѣчами и пр. (стр. 29, 79)... *Апелляции* и *кассации*—зло: онѣ весьма часто сопровождаются отѣной обвинительныхъ приговоровъ, обезпечиваютъ, такимъ образомъ, преступникамъ безнаказанность и всегда отдалаютъ моментъ кары отъ момента преступления, а это весьма вредно (стр. 31—37)... *Амнистии*, *помилованія* только плодятъ преступниковъ, такъ какъ питаютъ надежды на безнаказанность (стр. 39—42). Теперешній *тюремный режимъ* слишкомъ мягокъ и неудовлетворителенъ; съ заключенными нужно обращаться какъ можно суровѣе, нужно доводить ихъ содержаніе (пищу, одежду и пр.) до крайняго минимума (*occorre ridurre al minimo possibile il trattamento dei carcerati*), нужно,—скажу вещь, которая заставитъ вознегодовать сентиментальныхъ людей,—нужно подвергать ихъ (арестантовъ) *тѣлеснымъ наказаніямъ* и, вообще, поставить пенитенціарное дѣло такъ, чтобы тюрьма, сама по себѣ, была для кандидатовъ въ нее предметомъ отвращенія и ужаса, а не мѣстомъ пріятнаго отдохновенія отъ преступной дѣятельности, какъ теперь (стр. 43 и слѣд., 128 и слѣд.). Далѣе, одною изъ самыхъ существенныхъ и несомнѣннѣйшихъ причинъ усиленія преступности (*causa certissima*) является *судъ присяжныхъ (giuria)*. Состоящій чаще всего изъ невѣжественныхъ и ничего не понимающихъ (въ ломбровозской криминальной антропологій?) лицъ, онъ обыкновенно бываетъ очень либераленъ по части допущенія «смягчающихъ вину обстоятельствъ», по части оправданія преступниковъ и оставленія преступленій безнаказанными (стр. 49 и слѣд.). Въ томъ, что преступность растетъ въ ужасающей прогрессіи, крѣпко виновата также и *адвокатура*, представители которой,—нерѣдко съ совѣстью *singolarmente elastica*,—только затемняютъ на судовомъ разбирательствѣ дѣла, искажаютъ истину, стараются «сдѣлать сомнительнымъ и проблематичнымъ то, что само по себѣ просто и ясно» (стр. 72 и слѣд.). Надо, поэтому, сократить адвокатскій персоналъ, надо сократить время, удѣляемое для защитительныхъ (и обвинительныхъ) рѣчей, надо «стараться пресѣкать бесполезную адвокатскую болтовню (*gli inutili sproloqui*), которая служитъ только для того, чтобы давать ораторамъ возможность показать звучность ихъ голоса, и которая часто только затуманиваетъ головы присяжныхъ» (стр. 109). Не менѣе адвокатовъ-практиковъ повинны, въ указанномъ отношеніи (усиленіе преступности), и многіе (*non pochi*) юристы-теоретики, не уразумѣвшіе внутренняго смысла новой криминально-антропологической теоріи (ломбровозской) и, по недоразумѣнію, ссылающіеся на эту теорію въ своихъ вредныхъ разглагольствованіяхъ о невѣняемости преступленій и въ своей, столь же вредной, пропагандѣ сентиментальной идеи о необходимости гуманнаго, и какаго обращенія съ преступниками. «Они (эти теоретики) не поняли того, что новое криминально-антропологическое ученіе приводитъ только къ измѣненію съ преступника позорнаго клейма (*scemare l'infamia*), а вовсе не къ освобожденію отъ кары, которую, напротивъ, оно санкціонируетъ». Они не сообразили того, что «тенденція къ преступленію, будучи врожденною, за-

встическою (*innata perchè atavistica*), можетъ быть уничтожена только отборомъ (читай: смертною казнью) или секвестраціей преступниковъ, можетъ быть сдержана или обуздана только страхомъ репрессіи (стр. 74—75). *Публичность судебныхъ разбирательствъ, свобода печати*, обстоятельно докладывающей публикѣ о томъ, что происходитъ въ судѣ,— зло: благодаря имъ, въ обществѣ разсѣваются сѣмена преступности. Надо, поэтому, обратить и ту, и другую (стр. 76, 115). Всяческіе союзы, ассоціаціи и пр. сильно способствуютъ росту преступности. «Надо желѣзною рукою уничтожить все ассоціаціи, начиная съ дѣтскихъ и кончая политическими, коль скоро окажется (на чей глазъ?), что онѣ способствуютъ совершенію проступковъ или преступленій» (стр. 115). И пр., и пр., и пр.

Кары и репрессіи, апелляціи и кассаціи, амнистіи, тюрьма, судъ прісжныхъ, эластическая адвокатская совѣсть, судебная гласность, союзы и ассоціаціи и пр.,—все это факторы или условія, дѣйствительно, социальныя. Ломброзо въ своей книжкѣ почти исключительно обо всемъ этомъ только и говоритъ, касаясь «мизеріи» только очень слегка, да, къ тому же, и болѣе чѣмъ двусмысленно. Онъ не только признаетъ, но даже особенно налегаетъ на эти условія. Но, въ виду всего вышесказаннаго, право, можно было бы отъ души пожелать, чтобъ онъ ужъ лучше и совсѣмъ не признавалъ «социальныхъ условій», въ сферѣ которыхъ онъ, какъ мы видѣли, проявляетъ какое-то свирѣпое мракобѣсіе. Намъ кажется, что читатели Ломброзо, указывая, при защитѣ этого послѣдняго, на его сочиненіе *Sull'incremento del delitto in Italia*, дѣлають это... по недоразумѣнію.

Мы ни мало не хотимъ замалчивать, скрывать отъ нашихъ читателей то, что есть хорошаго и вѣрнаго въ писаніяхъ Ломброзо, а потому и спѣшимъ замѣтить, что въ только что названной книжкѣ имѣется нѣсколько страницъ такихъ, подъ которыми охотно подпишутся, навѣрное, все противники туринскаго криминалиста-антрополога и даже тотъ самый Н. Коллайни, котораго Ломброзо такъ яро ненавидитъ за его *Криминальную социологію*, всецѣло отрицающую ломбрововское криминально-антропологическое ученіе. Говоря все это, мы имѣемъ въ виду тотъ маленькій параграфъ въ *Sull'incremento del delitto*, въ которомъ идетъ рѣчь о *cattivi governi ess.* (дурное правленіе и пр.), какъ объ одномъ изъ факторовъ, обуславливающихъ возникновеніе и ростъ преступности. Въ этомъ параграфѣ Ломброзо проявляетъ себя если и не «геніальнымъ», то, во всякомъ случаѣ, вполне здравомыслящимъ мыслителемъ. Такъ, здѣсь мы у него находимъ то совершенно вѣрное, не подлежащее никакому спору, положеніе, что естественная итальянская каморра была (и, прибавимъ отъ себя, есть и теперь, потому что она не исчезла) ничѣмъ инымъ, какъ «своего рода естественнымъ приспособленіемъ къ несчастнымъ условіямъ существованія со стороны народа, удерживаемаго правительствомъ въ варварскомъ состояніи» (*una specie di adattamento naturale alle condizioni infelici di un popolo reso barbaro dal suo governo*). Что касается разбойничества,

которымъ Италия славилась и славится до сихъ поръ, то, по словамъ нашего автора, оно представляло собою выраженіе «грубаго правосудія по отношенію къ угнетателямъ» (*una specie di selvaggia giustizia contro gli oppressori*). Весьма многочисленныя преступленія всякаго рода въ южной Италиі являются весьма естественнымъ отвѣтомъ на безсовѣстность, жадность, ростовщичество, грабежъ, насилія, всевозможныя злоупотребленія и непожѣрную эксплуатацію, которымъ подвергается бѣдное сельское населеніе со стороны представителей административной власти и имущаго класса. «Въ Фонди многіе сдѣлались разбойниками, благодаря поборамъ, вымогательствамъ и насиліямъ синдика Аманте». Извѣстные *briganti*, Коппа, Мазини, Тортора, «вступили на путь разбойничества въ виду оставшихся безнаказанными злоупотребленій и насилій (*mal trattamenti impuniti*), которымъ подвергалось мѣстное населеніе». «Изъ 124 коммунъ Базиликата только 44 не дали ни одного разбойника, — это были единственныя коммуны, въ которыхъ административная власть находилась въ рукахъ честныхъ синдиковъ». «Изъ двухъ сосѣднихъ коммунъ, Бомба и Монтаццоли, въ первой, въ которой бѣдняки не подвергались притѣсненіямъ (*crano ben trattati*), не было ни одного разбойника изъ мѣстныхъ жителей, между тѣмъ какъ во второй, гдѣ бѣднякамъ жилось плохо (*crano malmenati*), мѣстныхъ разбойниковъ насчитывалось очень много» (стр. 14 и 15).

Надо отдать справедливость, всё эти и еще кое-какія другія указанія и замѣчанія въ томъ же родѣ какъ нельзя болѣе резонны и цѣнны. Но, съ одной стороны, они крайне немногочисленны и положительно тонутъ въ интересующей насъ книжкѣ, въ которой они занимаютъ всего только около 5 страницъ изъ 140, а съ другой — всё они стоятъ, на нашъ взглядъ, въ непримиримомъ противорѣчій со всеми остальными положеніями, утвержденіями и заключеніями, которыя наполняютъ эту книжку и обращения которыхъ нами приведены выше. Въ самомъ дѣлѣ, если преступленія (наприм., совершаемыя хотя бы тѣми же каморристами) представляютъ собою, какъ мы видѣли, результатъ *adattamento naturale* къ невозможнымъ условіямъ существованія, то не нелѣпо ли, на ряду съ этимъ констатированіемъ, утверждать, что первѣйшими, важнѣйшими, существеннѣйшими причинами (*cause certissime, cause precipue*) возникновенія и роста преступности служатъ: снисходительность закона, мягкость каръ, недостаточность репрессій, развращающее вліяніе суда присяжныхъ и проч.? Если все дѣло въ причинахъ этой послѣдней категоріи, то становится совершенно непонятнымъ, почему эти «несомнѣннѣйшія», «важнѣйшія» причины не даютъ о себѣ знать (какъ то видно изъ вышеприведенныхъ цитатъ) тамъ, наприм., гдѣ нѣтъ гнета, насилій, безобразій со стороны власти и богатства имущихъ. Если, наоборотъ, вся суть дѣла (какъ это слѣдуетъ изъ ломброзовскихъ же утвѣрженій) заключается въ невыносимой, раздражающей, развращающей и давящей на преступленіе обстановкѣ, то какой, спрашивается, смыслъ въ ссылкахъ на «врожденную, атавистическую преступную тенденцію», на «нравственность» которой, якобы, обуславливаются преступленія? Если правда, то

разбойничества, хотя бы въ той же южной Италіи, нѣтъ тамъ, гдѣ мѣстная администрація сносна, и что сильно развито оно тамъ, гдѣ эта мѣстная администрація дурна, то, значить, совершенно вздорно извѣстное уже намъ утвержденіе автора *Sull'incremento del delitto in Italia*, что упомянутая тенденція можетъ быть сдержана или обуздана только перспективою суровыхъ каръ, страхомъ безопадной репрессіи... И такъ далѣе, и такъ далѣе. Вообще, все то немного, что сказано Ломброзо по поводу *cattivi governi*, до такой степени не вяжется со всѣмъ остальнымъ, до такой степени полно уничтожается всѣмъ предъидущимъ и послѣдующимъ текстомъ книги, что на указанныя нами вѣрныя и безспорныя замѣчанія относительно роли социальныхъ условій въ вопросѣ о преступности приходится смотрѣть, просто-на-просто, какъ на случайную обмолвку автора. Въ виду всего этого, мы себѣ и позволяемъ думать, что поклонникамъ и защитникамъ Ломброзо было бы, пожалуй, благоразумнѣе помалчивать о *Sull'incremento del delitto in Italia* (если только они знакомы съ содержаніемъ этого ломбровознаго произведенія).

V.

Ломброзо и его правовѣрные ученики, оставаясь глухи къ указаніямъ и требованіямъ *криминальной соціологіи*, на почвѣ которой единственно только и мыслимо истинное рѣшеніе вопроса о преступности, съ усердіемъ, трудолюбіемъ и настойчивостью, достойными лучшаго дѣла, копаются во всевозможныхъ мелочахъ, чаще всего—совершенно ничтожныхъ, и съ серьезнымъ видомъ, точно путное дѣло дѣлаютъ, фабрикують и устанавливаютъ всяческіе «антропологическіе признаки» преступности. «Признаковъ» этихъ и теперь уже, стараніями изслѣдователей «туринской школы», изготовлено такое великое множество, что для простой регистраціи ихъ понадобился бы, пожалуй, чуть не цѣлый томъ... «Признаки, признаки!—съ комическимъ сокрушеніемъ восклицалъ на парижскомъ криминально-антропологическомъ конгрессѣ проф. Мануврье. — Скоро не окажется ни одного честнаго чловека, у котораго нельзя было бы найти, по крайней мѣрѣ, полдюжины ихъ». Это правда, «признаковъ» ломбровозистами (и, прежде всего, самимъ Ломброзо) «открыто» уже очень много, слишкомъ даже много. А знаетъ ли читатель, какой изъ этихъ «признаковъ преступности» самый главный, основной, всеобуславливающий? Ломброзо и его ученики объ этомъ драгоценномъ «признакѣ», служащемъ для нихъ путеводною звѣздой, политично и алчливо, держатъ его отъ другихъ въ секретѣ, хотя въ «ученой» ктикѣ своей въ немъ-то именно и находятъ для себя опору, имъ-то именно главнѣйшимъ образомъ и руководствуются. Что же это за «признакъ»? Это и секретъ, но такъ какъ онъ слишкомъ ужъ прозраченъ и такъ какъ всѣми, кому только это было интересно, онъ давно уже разгаданъ, то мы, думаемъ намъ, не совершимъ особенно большой нескромности, если скажемъ о немъ нашему читателю.

Самый существенный, самый точный, самый надежный и самый необходимый для антропологовъ-криминалистовъ ломбрововской школы «антропологическій» признакъ преступности—это... *жандармъ* и *кутузка*. И да не подумаетъ читатель, что мы шутимъ. Нѣтъ, мы говоримъ это совершенно серьезно. Да, жандармъ и кутузка... Пока данный субъектъ не пришелъ въ интимное соприкосновеніе съ этими интересными явлениями природы, до тѣхъ поръ Ломброзо и его адепты никакъ не могутъ съ положительностью рѣшить, что такое этотъ субъектъ представляетъ собою съ криминально-антропологической точки зрѣнія,—есть ли онъ атавистъ или нѣтъ, обладаетъ онъ «порочною, недостаточною» организаціей или не обладаетъ. Аллахъ его, въ самомъ дѣлѣ, вѣдаетъ, кто онъ такой, что онъ такое, по существу-то своему!... Самое лучшее, поэтому, оставить его въ покоѣ, воздержаться отъ какихъ бы то ни было подозрѣній насчетъ свойствъ его организаціи и, каковы бы ни были эти свойства, считать его человѣкомъ «честнымъ», ничего общаго съ органическою «порочностью» неимѣющимъ. Совсѣмъ другое дѣло, если Ломброзо и ломбровисты видятъ этого же самого субъекта трепещущимъ въ рукахъ жандарма, влекомымъ въ кутузку или уже ввергнутымъ въ эту послѣднюю. О, въ этомъ случаѣ никакихъ сомнѣній, никакихъ колебаній и быть даже не можетъ: онъ — «несомнѣнный преступникъ», «несомнѣнный» представитель «преступнаго типа», «несомнѣнный атавистъ», «несомнѣнная преступная, порочная организація». У него *должны быть* «антропологическіе признаки преступности». Стоить только хорошенько ихъ поискать, и они, навѣрное, найдутся. И дѣйствительно, у такого злополучнаго объекта криминально-антропологическаго изслѣдованія находится обыкновенно рѣшительно все, что только угодно найти ученому изслѣдователю, чему только полагается быть у заправскаго «преступника» по каталогу «антропологическихъ признаковъ». Жандармъ и кутузка оказываются чрезвычайно чувствительными реактивами на «порочность» организаціи. Подъ ихъ воздѣйствіемъ на человѣка, у этого послѣдняго тотчасъ же «рѣзко», ярко, выпукло начинаютъ выступать всевозможные «антропологическіе признаки преступности», подобно тому, какъ, напримѣръ, подъ вліяніемъ струйки сѣроводороднаго газа изъ воднаго раствора, положимъ, какой-нибудь желѣзной соли моментально же начинаетъ выдѣляться густой черный осадокъ. Реактивы эти, въ самомъ дѣлѣ, замѣчательно тонки и чувствительны. Судите сами. Чуть не у каждаго изъ извѣстныхъ вамъ или встрѣчныхъ «честныхъ» людей при тщательномъ, а сплошь и рядомъ даже и при самомъ поверхностномъ, изслѣдованіи или осмотрѣ непремѣнно оказывается какой-нибудь изъянъ или даже много изъяновъ: то надбровныя дуги выдаются, какъ будто бы, больше, чѣмъ слѣдуетъ, по сравненію съ «нормою» («любопытно было бы знать, кто и на какомъ основаніи эту самую «норму» декретировалъ, восклицаютъ скептики), то лобъ, какъ будто бы, покать («а позволю ли себѣ полюбопытствовать, начиная съ какого угла лобъ слѣдуетъ считать нормально покатымъ?») — злобнонно спрашиваетъ вѣнскій профессоръ

недвѣтъ), то носъ болѣе или менѣе приплюснуть или смотреть на сторону, то черепъ болѣе или менѣе напоминаетъ форму рѣдки, то зубы разставлены несовсѣмъ правильно, то ушная сережка не рѣзко очерчена, то вихры на головѣ торчатъ, то волосы на бородѣ жидки или даже совсѣмъ отсутствуют, и пр., и пр., и пр. (припомните приведенное выше восклицаніе проф. Мануврье на парижскомъ конгрессѣ). И что же? Всѣмъ этимъ и имъ подобнымъ особенностямъ или, если хотите, аномаліямъ не придается обыкновенно никакого specialнаго значенія; всѣ, въ томъ числѣ и адепты ломбровозской школы, съ ихъ шефомъ во главѣ, проходятъ мимо нихъ совершенно равнодушно; ни о какой «порочной, недостаточной» организаціи ничьему уму онѣ не говорятъ. Но вотъ, благодаря тому или иному стеченію обстоятельствъ, обдастъ эти, бывшія до сихъ поръ безразличными, особенности упомянутымъ нами выше антропологическимъ «сѣроводородомъ» и—о, чудо! — тотчасъ же онѣ окрашиваются въ зловѣщій черный цвѣтъ и начинаютъ вопіять о наличности «атавистической», «порочной, недостаточной» организаціи, тотчасъ же превращаются въ «несомнѣнные» антропологическіе признаки преступности... Да это еще что! Драгоценный реактивъ открываетъ взору антрополога-криминалиста ломбровозской школы вещи еще болѣе удивительныя, «признаки» преступности, еще болѣе сокровенныя. Вотъ, напримѣръ, молодець, у котораго ни вы, ни другіе профаны въ криминальной антропологіи, ни многіе специалисты даже, не усматриваютъ никакихъ аномалій; но ломброзистъ, благодаря реактиву (молодець сидитъ въ тюрьмѣ), открываетъ у него и лицевую асиметрію, и неправильности въ конформаціи черепа, и многія другія, въ такой же мѣрѣ многозначительныя и прискорбныя явленія,—повторяемъ, совершенно невидимыя для неизощреннаго реактивомъ глаза. Вотъ, далѣе, другой молодець, тоже сидящій подъ замкомъ. На лбу у него красуется шрамъ. Ну, шрамъ, такъ шрамъ,—говорите вы. Что-жъ въ немъ такого особеннаго?... Стоить ли на него вниманіе обращать?... Мало ли отъ чего онъ могъ произойти! Можетъ быть, субъекта этого нянька уронила, когда онъ былъ маленькимъ; можетъ быть, онъ случайно упалъ и расшибся; можетъ быть, его кто-нибудь нечаянно поранилъ; можетъ быть, онъ геройски дрался съ врагами отечества и заполучилъ при этомъ ударъ по лбу саблею, пулею или ружейнымъ прикладомъ; можетъ быть... да мало ли что можетъ быть! Едва ли,—добавляете вы,—можно дѣлать какія бы то ни было злокачественныя заключенія о человѣкѣ на томъ основаніи, что у него имѣется шрамъ. Ломброзистъ, слушая такія ваши профанскія рѣчи, шепчетъ по вашему адресу сострадательно-презрительную улыбку и, снисходя къ вашему невѣжеству, ноучаетъ васъ: «этотъ шрамъ несомнѣнно указываетъ на буйный, драчливый нравъ субъекта; рана, находившаяся на мѣстѣ шрама, несомнѣнно получена субъектомъ въ дракѣ; шрамъ этотъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ намъ о томъ, что мы имѣемъ передъ собою типъ «тупника-«насилъника». Гм... Такъ вотъ что обозначаетъ этотъ казавшійся вамъ такимъ невиннымъ шрамъ! Удивительно,—восклицаете вы

про себя,—какъ сильно изученіе криминальной антропологіи, по программѣ Ломброзо, изощряетъ умъ! Но, тѣмъ не менѣе, вы, все-таки, остаетесь, какъ будто бы, немного неудовлетворенными. По отношенію къ вопросу о шрамѣ у васъ, все-таки, копошатся въ головѣ нѣкоторыя сомнѣнія, въ виду которыхъ вамъ хотѣлось бы, между прочимъ, спросить, не слѣдовало ли бы, прежде чѣмъ категорически утверждать, какое именно значеніе шрамъ этотъ имѣетъ съ криминально-антропологической точки зрѣнія, навести точныя справки о томъ, какъ въ дѣйствительности онъ произошелъ? Но, съ одной стороны, тонъ, которымъ произнесено ученое рѣшеніе по дѣлу о шрамѣ, настолько подавляетъ васъ своею рѣшительностью и безапелляціонностью, а съ другой—ученый специалистъ продолжаетъ рассказывать такія интересныя вещи, что вы забываете о вашемъ вопросѣ. «Видите,—звонко отчеканиваетъ этотъ специалистъ,—какая бо-ренастая, крѣпкая фигура у нашего субъекта, какія у него широкія плечи, какая развитая, могучая мускулатура?» Вы все это дѣйствительно видите и, въ простотѣ душевной, полагаете, что имѣтъ такую фигуру, такія плечи, такіе мускулы давай Богъ всякому. «Все это опять-таки несомнѣнно говоритъ намъ о томъ, что передъ нами—преступникъ изъ категоріи «насильниковъ!»—побѣдоносно заключаетъ, окидывая васъ торжествующимъ взглядомъ, специалистъ по туринской криминальной антропологіи... Гм... «Видите, какъ онъ прямо, смѣло смотритъ вамъ въ глаза?... Вы такъ не смотрите. Это — несомнѣнный преступникъ-«насильникъ»!... У васъ ужъ совсѣмъ готово сорваться съ языка замѣчаніе, что смотреть субъектъ прямо и смѣло потому, быть можетъ, что у него, какъ говорится, «совѣсть чиста», но... въ концѣ подавленные сознаниемъ вашего непроходимого невѣжества и неумѣнья разгадывать смыслъ самыхъ простыхъ вещей, вы смущенно молчите и виновато склоняете голову *).

Какъ читатель видитъ, мы ни мало не погрѣшили противъ истины, когда замѣтили выше, что для адептовъ «новой итальянской криминально-антропологической школы» жандармъ и кутузка оказываются замѣчательно

*) Всѣ только что приведенные въ текстѣ примѣры представляютъ собою вовсе не „игру ума“, какъ то, быть можетъ, подумаетъ иной читатель, а *только точное, сдѣланное нами (въ качествѣ очевидца) безъ малѣйшаго шаржа воспроизведеніе дѣяній туринскаго pensatore di genio на парижскомъ криминально-антропологическомъ конгрессѣ 1889 года, во время посѣщенія конгрессистами Asile Sainte-Anne. Субъектъ со шрамомъ на лбу демонстрировался проф. Маньяномъ и затѣмъ осматривался нѣкоторыми конгрессистами, въ томъ числѣ и Ломброзо. Когда этотъ послѣдній, на основаніи указанныхъ нами въ текстѣ „признаковъ“, поставилъ свой діагнозъ („несомнѣнный преступникъ-насильникъ“), молчавшій до того времени проф. Маньянъ, изъ отдѣленія котораго взятъ былъ молодецъ со шрамомъ, съ лукавою улыбкой общилъ присутствующимъ, что въ ломбрововскій діагнозъ вкралась небольшая ошибка: субъектъ, до интернированія его въ азілі, проявлялъ себя *воромъ*, а не „насильникомъ“, и что шрамъ на лбу произошелъ у него отъ пораненія при *слѣдующемъ паденіи*, уже въ бытность субъекта въ азілі, а совсѣмъ не въ „дракѣ“, въ аудиторіи сенсація. Ломброзо, однако же, ни мало не смутился,—не такой онъ субъектъ, чтобы чѣмъ бы то ни было смущаться...*

чувствительнымъ антрополого-химическимъ, если можно такъ выразиться, реактивомъ на «атавистическую», «порочную, недостаточную» организацію, а фактъ соприкосновенія человѣка съ этими предметами—главнѣйшимъ, существеннѣйшимъ и драгоцѣннѣйшимъ антропологическимъ «признакомъ» преступности этого человѣка. Съ точки зрѣнія этого «признака», при употребленіи въ дѣло этого «реактива», «порочная, недостаточная» организація раскрывается передъ ученымъ изслѣдователемъ съ поразительною ясностью, во всей ея полнотѣ, со всѣми ея мельчайшими и сокровеннѣйшими деталями. Разъ «констатировано», что данный субъектъ схваченъ жандармомъ и посаженъ въ тюрьму, можно съ полною увѣренностью «констатировать» у него, даже закрывши глаза, всѣ антропологическіе «признаки» преступности, такъ обстоятельно разобранные и классифицированные Ломброзо и его учениками. «Признакъ» драгоцѣнный, въ полномъ смыслѣ этого слова, причѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что въ дѣйствительности онъ еще драгоцѣннѣе, чѣмъ мы это изобразили выше. Въ предъидущихъ строкахъ у насъ шла рѣчь о томъ, какъ поразительно легко, при помощи его, съ положительностью, съ несомнѣнностью устанавливать всѣ нужные антрополого-криминалисту «антропологическіе признаки преступности». Оказывается, однако же, что разъ вы «научно» установили интересующій насъ теперь кардинальный, руководящій «признакъ», то можете, съ легкимъ сердцемъ, даже и совсѣмъ избавить себя, если угодно, отъ труда установленія какихъ бы то ни было другихъ «признаковъ», такъ какъ уже одного его вполне достаточно для безошибочнаго заключенія о наличности у даннаго субъекта «порочной, недостаточной» организаціи. Послушайте, наприм., что говоритъ на этотъ счетъ нашъ русскій юристъ г. Дриль. «Совершеніе дѣяній, запрещенныхъ уголовнымъ закономъ,—читаемъ мы въ одной изъ его статей (*Вопросы уголовной антропологии и парижскій уголовно-антропологическій конгрессъ*), — сопряжено съ такими неблагоприятными общественными послѣдствіями, что рѣшиться на послѣднія или игнорировать ихъ могутъ лишь въ томъ или другомъ отношеніи недостаточныя и порочныя натуры, влѣдствіе того не имѣющія возможности бороться въ установленныхъ легальныхъ формахъ. Конечно, громадное большинство этихъ натуръ не суть больныя натуры въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, но несомнѣнно (у Ломброзо и его послѣдователей всегда и все, что они говорятъ, оказывается «несомнѣннымъ»), что онѣ недостаточныя и порочныя натуры, продукты недостаточнаго органическаго развитія и органическаго регресса *). Смыслъ

Чтобы крайняя несостоятельность такихъ абсолютныхъ утверженій выступила передъ нами со всею силою, для этого стѣдуетъ только утвержденія эти прикинуть къ явленіямъ живой дѣйствительности. Возьмемъ слѣдующій примѣръ: „Въ Камышинскомъ уѣздѣ (Сарат. губ.),—читаемъ мы въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* (1891 г., № 302),—земскіе начальники и судебные слѣдователи завалены дѣлами о кражахъ хлѣба изъ амбаровъ, кладовыхъ и магазиновъ. По словамъ одного изъ ближайшихъ къ мышину земскихъ начальниковъ, рѣдкую недѣлю не поступаетъ 30—40 протоколовъ о кражахъ, причѣмъ виновными въ нихъ являются не отдѣльныя лица, а дѣ-

этой характерной и любопытной цитаты совершенно ясно: если человек совершил дѣяніе, воспрещаемое уголовнымъ закономъ, т.-е. если онъ посаженъ въ кутузку, то это обстоятельство съ «несомнѣнностью» говоритъ о томъ, что онъ—порочная, недостаточная натура, продуктъ органическаго регресса. Пойманъ—и «воръ»; пойманъ—и «порочная, недостаточная натура».

Слыша такіе отголоски ломбровской теоріи преступности, невольно вспоминаешь о курьезномъ столкновеніи гр. Л. Толстого съ городовымъ. Идетъ гр. Толстой по улицѣ и видитъ, что городской тащитъ пьянаго мужа въ участокъ, угощая его при этомъ тумагами. Начинаетъ Л. Н. убѣждать городского не бить мужа и, между прочимъ, укоризненно говорить ему: «Ты Евангеліе-то читалъ?»—«А ты полицейскій уставъ-то читалъ?»—выпаливаетъ въ отвѣтъ городской.—«Нѣтъ, не читалъ».—«Ну, такъ и не суйся!»

Роль вотъ этого-то толстовскаго городского Ломброзо и его послѣдователи и играютъ въ криминально-антропологической наукѣ. Кто духомъ полицейскаго устава,—памятованіе о которомъ необходимо для городскихъ, но апеллированіе къ которому при рѣшеніи теоретическихъ научныхъ вопросовъ едва ли уместно,—проникся не вполне, кто не соглашается въ каждомъ субъектѣ, попавшемъ въ тюрьму, видѣть порочную, въ анатомическомъ и психофизиологическомъ смыслахъ, недостаточную природу, продуктъ органическаго регресса, тому и разговаривать съ ними совершенно бесполезно, такъ какъ онъ рискуетъ услышать отъ нихъ окрикъ: «не суйся!» Кто «пойманъ», того ужъ они неукоснительно, во что бы то ни стало, всѣми правдами и неправдами, «уличаютъ» въ атавизмъ, психофизиологиче-

лмя семьи. На дняхъ одному изъ земскихъ начальниковъ пришлось разбирать дѣлъ о кражахъ въ с. Банномъ и изъ нихъ въ трехъ были обвиняемы отецъ, сынъ и дочери. При разборѣ дѣла выяснилось, что эти семьи не бѣли по двое, по трое сутокъ и, томимые голодомъ, рѣшились обокрасть мѣстнаго кулака, забравшись подъ его амбаръ и провернувъ въ немъ отверстіе; въ теченіе трехъ ночей они поочередно высмачивали хлѣбъ. Тяжело было смотрѣть на этихъ несчастныхъ воровъ: истощенныя, худыя лица невольно говорили, что только тяжкая нужда и голодъ вызвали ихъ на преступленіе. Всѣ свидѣтели подтвердили, что обвиняемые никогда въ подобныя преступленія не могли согласиться, и имъ не вѣрилось, чтобы семья Злобова (обвиняемые) совершила кражу,—это честнѣйшая въ деревнѣ семья!»

Намъ очень хотѣлось бы знать, рѣшится ли г. Дриль примѣнить свой, приведенный нами въ текстъ, безпощадный тезисъ къ «ворамъ», фигурирующимъ въ цитированномъ сообщеніи, рѣшится ли онъ сказать, что эти «воры», «честнѣйшіе», не отзывамъ ихъ однодеревенцевъ, люди, представляють собою «несомнѣнно порочную, недостаточную природу, продукты недостаточнаго органическаго развитія и органическаго регресса»? Мы убѣждены въ томъ, что онъ не рѣшится сдѣлать этого, потому что для всякаго, хоть сколько-нибудь здравомыслящаго человека должно совершенно очевидно, что «воры» эти, просто-на-просто, измученные, доведенные до отчаянія, не утратившіе еще инстинкта самосохраненія, нормальные люди, а вовсе не органически-порочныя и недостаточныя существа. А если г. Дриль и рѣшится, то весь свой тезисъ, отъ котораго вѣетъ на насъ духомъ мертвечи, переставъ, онъ долженъ будетъ зачеркнуть дѣломъ.

своей недостаточности и пр., — «уличать» и затѣмъ, не принимая во вниманіе никакихъ «смягчающихъ обстоятельствъ», поступать съ ними по всей строгости законовъ туринской криминально-антропологической школы, т.-е. лишать его всѣхъ правъ «нормальнаго», въ антропологическомъ смыслѣ, человѣка и соплотъ на вѣчное поселеніе въ области вырожденія. Жестокіе люди!

Прекратимъ, однако же, рѣчь объ этой ломбровозской философіи полицейскаго участка, — тѣмъ болѣе, что ниже намъ еще придется встрѣтиться съ этою философіей во всей ея обнаженности, — и обратимся къ характеристикѣ другихъ продуктовъ творчества Ломброзо.

И. Д—овъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Англійская пугачевщина *).

Мы передали довольно подробно отношеніе Лангленда къ соціальному укладу его родины не потому, что оно отличается особою оригинальностью, — нѣтъ, оно интересуетъ насъ, наоборотъ, какъ отраженіе общихъ взглядовъ громаднаго большинства современниковъ, принадлежащихъ, за одно съ нимъ, къ тѣмъ слоямъ англійскаго общества, которое стояло всего ближе къ поднявшемуся въ 1381 году крестьянству. Что для высказыванія подобныхъ мыслей не требовалось принадлежности къ явнымъ или скрытымъ послѣдователямъ виклефовскихъ доктринъ, показываетъ примѣръ писателей, одинаково враждебно относившихся и къ лоллардамъ, и къ якобы порожденной ими жакеріи. Мы имѣли уже случай сослаться на мнѣнія монаха Сентъ-Албанской обители, хроника котораго принадлежитъ къ числу драгоценнѣйшихъ свидѣтельствъ, какія мы имѣемъ объ эпохѣ крестьянскихъ движеній. Мы видѣли, что онъ обвиняетъ господъ въ угнетеніи земельных сѣмщиковъ и даже не отступаетъ передъ заявленіемъ, что лорды — тираны своихъ подвластныхъ. Тотъ же писатель въ слѣдующихъ краскахъ изображаетъ намъ нравственный обликъ лицъ средняго состоянія, такъ называемыхъ сошпипс: среди мира они жили въ вѣчной войнѣ, въ дракахъ, тяжбахъ со своими ближними, озабоченные только обманомъ и подлогомъ. Слѣдуютъ горькія нападки на безнравственность, въ которыхъ не трудно отгадать преувеличенія добраго проповѣдника, пекушагося о своей паствѣ. Но замѣчательно, что то же убѣжденіе въ ниспосланіи самимъ небомъ ряда бѣдствій за пороки и неправды, омрачившіе собою Англію середины XIV столѣтія, высказывается не разъ и составителями тѣхъ частью англійскихъ, частью латинскихъ виршей, какими Врайтъ наполнилъ свой «сборникъ старинныхъ англійскихъ пѣсень и стиховъ, имѣющихъ отношеніе къ политикѣ». Въ одномъ изъ такихъ произведеній подъемъ крестьянъ, чумъ и землетрясеніе искусственно сближены съ цѣлью показать, что Богъ разнѣнымъ образомъ обнаруживаетъ людямъ свой гнѣвъ за ихъ пороки и правду и свою жажду мести **).

*) *Русская Мысль*, кн. V.

**) The rusing of the commynes in londe,
The pestilence and the earthe qwake,

Въ другомъ нѣсколько позднѣйшемъ стихотвореніи, написанномъ семь лѣтъ спустя послѣ крестьянскаго возстанія, изображена слѣдующая печальная картина внутренняго нестроенія Англій: богатый радуется, бѣдный плачетъ, народу не втерпѣжь и страна быстро пустѣеть *). Король не все знаетъ, такъ какъ нѣтъ людей, готовыхъ сказать ему правду **). Самъ Фруассаръ, этотъ непримиримый противникъ возставшихъ крестьянъ, который пишетъ свой разсказъ «въ назиданіе такимъ же, какъ онъ самъ, дворянамъ», заявляетъ, что, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, крестьяне нигдѣ не обременены большими службами, чѣмъ въ Англій, и нигдѣ эти службы не являются столь отяготительными, какъ въ графствахъ Кентъ, Эссексъ, Суссексъ и Бедфордъ, которыя и были первыми очагами возстанія ***).

Но едва ли кто-либо, за исключеніемъ Лангленда, представилъ болѣе разительную картину тѣхъ неправдъ, отъ которыхъ страдало англійское общество второй половины XIV столѣтія, какъ современникъ и очевидецъ крестьянскаго движенія, поэтъ Гауеръ. И его, какъ мы видѣли, нельзя заподозрить въ пристрастіи къ лоллардизму. Онъ считаетъ проповѣдь Виллефа и его послѣдователей открытою ересью, внушенною антихристомъ, но это не мѣшаетъ ему смотрѣть на духовенство, какъ на одного изъ главныхъ виновниковъ народныхъ бѣдствій. Имѣя постоянно передъ собою идеалъ апостольской церкви, онъ не можетъ простить современнымъ ему епископамъ, пресвитерамъ и монахамъ ихъ богатства и мірскаго великолѣпія, ихъ нерадѣнія къ духовнымъ интересамъ паствы, ихъ снисходительности къ богатымъ и жестокосердія къ бѣднымъ. Всего ненавистнѣе ему лицемѣры-францисканцы, нищенствующіе и, въ то же время, утопающіе въ роскоши и нѣгѣ. Онъ объявляетъ ихъ не только ненужными, но даже вредными для церкви.

И дворянство кажется ему не безгрѣшнымъ въ постигшихъ страну бѣдствіяхъ, не столько угнетеніемъ крестьянства, сколько разрывомъ съ традиціей. «Прежде,—говоритъ онъ,—одна доблесть давала доступъ къ облагороживанію, въ настоящее же время—деньги. Честь ставится ниже золота; рыцарство численно растетъ, но падаетъ въ другихъ отношеніяхъ». И крестьянамъ, пощаженымъ Ланглендомъ, Гауеръ не прочь сдѣлать цѣлый рядъ упрековъ. Самъ Богъ приказалъ имъ работать въ потѣ лица и до-

Thease three things j understende
Beoth tokenes the greate vengeance and wrake
That schulde falle for synnessake

(Wright: „Political songs“, т. I, стр. 252).

The ryche make mery,
Sed vulgus collachrimatur;
The pepul ys weri
Quia ferme depopulatur.

Wright: „Political songs“, т. I, стр.

The kyng knowith no talle
Non sunt qui vera loquantur (ibid).

Фруассаръ, глава 135.

ставлять средства къ нашему пропитанію. Нынѣ же «колонтъ», т.-е. оброчный владѣлецъ, ищетъ не труда, а наслажденія въ порокахъ. Пахари становятся рѣдкими, выходятъ на работу поздно и, въ то же время, крайне стѣжательны (*avari*). Они требуютъ большого вознагражденія; за послѣднее время вошло въ обыкновеніе настаивать на жалованьи въ два раза больше противъ прежняго *). Къ чему слуги стремятся, чего они хотятъ достигнуть, это—праздности магнатовъ; при этомъ они вовсе не думаютъ о томъ, чѣмъ же они станутъ питаться при такой лѣни? Богъ, — говоритъ Гауеръ, — и природа возложили на нихъ обязанность трудиться. Господь сдѣлалъ это съ тою цѣлью, чтобы дать крестьянамъ возможность подавить въ себѣ высокомеріе **).

Отмѣчая, такимъ образомъ, фактъ возвышенія заработной платы и добровольной приостановки труда, о чемъ въ одно слово говорятъ всѣ лѣтописцы, повѣствующіе о событіяхъ, непосредственно слѣдовавшихъ за чумою 1348 г., Гауеръ сообщаетъ намъ и другую любопытную подробность: рабочіе не желаютъ наниматься на годъ и хотятъ служить помѣсячно, дабы имѣть возможность постоянно мѣнять хозяевъ, «быть сегодня въ одномъ мѣстѣ, завтра въ другомъ, сегодня у меня, а завтра у тебя». Изъ тысячи человѣкъ едва ли найдется одинъ, готовый законтраковать свой трудъ на долгое время. Они также весьма взыскательны на пищу и питье. Обыкновенныя харчи ихъ не удовлетворяютъ болѣе. Всякая солонина признается вредной для здоровья. Не дашь имъ жаренаго мяса, и они немедленно начинаютъ роптать. Пиво кажется имъ слишкомъ слабымъ, горохъ безвкуснымъ, и если ты немедленно не удовлетворишь ихъ запроса на лучшую провизію, они на слѣдующее же утро объявятъ тебѣ о намѣреніи покинуть службу. Раздѣляя точку зрѣнія парламентскихъ статутовъ, Гауеръ объявляетъ, что если такому порядку не будетъ положенъ конецъ строгостью, земельные собственники необходимо разорятся въ ближайшемъ будущемъ ***). Достается отъ Гауера и ремесленникамъ, и купцамъ, и стряпчимъ, и адвокатамъ. Первые не хотятъ отказаться отъ обмановъ. Для нихъ не существуетъ справедливой цѣны ****); они обмѣриваютъ и обвѣшиваютъ; чѣмъ кто умнѣе, тѣмъ обманъ тоньше и сложнѣе. Этимъ путемъ добиваются они двойной платы, нагло утверждая, что товаръ—изъ Парижа и Фландріи, когда онъ сдѣланъ на мѣстѣ *****). Купцы, главнымъ образомъ, виновны въ стяжаніи; оно мѣшаетъ имъ даже соблюдать воскресенье. Гауеру при-

*) Nunc venit hic usus: petit plus rusticus unus
Tempore praeterito quam petiere duo (*Liber quintus*, cap. 9, стр. 267).

***) Sed servile Deus opus imponebat eis dem
Quo sibi rusticitas corda superba domet (*книга 5*, cap. 9, стр. 20).

****) His nisi justitia fuerit terrore parata.
Succumbent domini tempore credo brevi.

Ср. съ этимъ заявленія общинъ въ первый, второй и третій годъ правленія Ричарда II (*Parliamentary Rolls*, т. III, стр. 17; § 54, стр. 45; § 60, стр. 69 и 4).

*****) Plus capit ex opere quam valet omne tibi (*Liber quintus*, cap. 14, стр. 5).

*****) *Liber quintus*, cap. 13.

ходится поставить въ примѣръ даже евреевъ, которые въ субботу не продаютъ и не покупаютъ, пренебрегая въ этотъ день всякою наживой. Всего рѣзче отношеніе Гауера къ лицамъ юридической профессіи, къ этой «*linguosa gens*», какъ онъ ее называетъ. Имъ безразлична справедливость тяжбы; важно для нихъ только одно: способна ли она породить прибыль. Адвокатъ—точно публичная женщина, которая безъ подарка не можетъ любить мужчины *). Не лучше адвокатовъ и присяжные. Первые стригутъ шерсть, вторые снимаютъ шкуру, такъ что безпомощной овцѣ ничего не остается. Но продавать правосудіе не то же ли, что продавать Христа **)? Такимъ образомъ, Гауеръ, призвавши къ отвѣту различные классы англійскаго общества, объявляетъ всѣхъ одинаково виновными въ постигшихъ страну бѣдствіяхъ. Возстаніе общинъ подъ предводительствомъ Уота Тейлора кажется ему столько же небесною карой, сколько естественнымъ послѣдствіемъ водворившейся въ міръ неправды.

Этотъ выводъ долженъ быть принятъ и новѣйшимъ историкомъ, которому остается только выразить свое изумленіе при видѣ той пронизательности, съ какой англійскій поэтъ-моралистъ сумѣлъ открыть дѣйствительный и, какъ видно изъ сказаннаго, многообразный источникъ народнаго недовольства и народныхъ волненій.

И такъ, согласное свидѣтельство сторонниковъ и враговъ лоллардизма указываетъ на то, что въ экономическомъ положеніи поднявшихся народныхъ массъ и въ отношеніи къ нимъ прочихъ сословій были достаточныя причины для ропота, а отсюда то заключеніе, что пропаганда лоллардовъ если и оказала какое-нибудь вліяніе, то только косвенное и второстепенное. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что сама эта пропаганда началась незадолго до возстанія и, слѣдовательно, не успѣла пустить глубокихъ корней въ средѣ крестьянства.

Ближайшій источникъ, изъ котораго вытекли всѣ толки о подъемѣ лоллардами народныхъ массъ, является приписываемое Джону Болю сознаніе, что онъ былъ ученикомъ и послѣдователемъ Виклефа и у него заимствовалъ распространенную въ народѣ ересь. Не мѣшаетъ узнать, въ какихъ условіяхъ сдѣланы были эти показанія, прежде чѣмъ приписывать имъ рѣшающее значеніе въ интересующемъ насъ вопросѣ. Заклятый врагъ Виклефа, Кортнэ, только что сдѣланный архіепископомъ кентерберійскимъ, созываетъ провинціальныя соборы въ Лондонѣ для осужденія проводимыхъ реформаторомъ ученій. Соборъ открылся въ 1382 году; повѣствованіе же Неттера, изъ котораго мы узнаемъ о ссылкѣ Боля на Викла, написано годы спустя въ духѣ непримиримой вражды къ появившимся ученіямъ. Изъ самаго разсказа сторонника существующихъ церковныхъ ядковъ мы узнаемъ, что Болъ покался въ своей ереси и призналъ ви-

*) *Vult sibi causicus servare modum meretricis
Quae nisi sit donum nescit amare virum (Liber sextus, cap. quintus).*

Liber sextus, cap. VI.

новность Вилефа только передъ казнью и что эта казнь немногими мѣсяцами предшествовала осужденію соборомъ новыхъ доктринъ. При такихъ условіяхъ трудно положиться на одностороннее, ничѣмъ не подтверждаемое свидѣтельство лицъ, непосредственно заинтересованныхъ, и невольно впадаетъ подозрѣніе, что Болю вложены въ уста заявленія, которыхъ онъ никогда не дѣлалъ. Но, допуская даже ихъ автентичность, мы не можемъ не обратить вниманія на тотъ фактъ, что, согласно собственнымъ его показаніямъ, Болъ сдѣлался послѣдователемъ Вилефа только за послѣдніе два года (*per biennium* *). И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ основаніе того, что можно назвать орденомъ добрыхъ пастырей, изъ которыхъ Вилефъ, какъ замѣчаетъ Будензигъ, хотѣлъ создать орудіе для проведенія своихъ доктринъ въ народѣ, не могло состояться сразу, потребовало многихъ лѣтъ и непрестанныхъ усилій, увѣнчавшихся успѣхомъ лишь постепенно, шагъ за шагомъ, въ однихъ графствахъ раньше, въ другихъ позднѣе. Все это вмѣстѣ взятое клонится, такимъ образомъ, только къ подтвержденію нашего общаго взгляда о самопроизвольности народнаго возстанія. Позднѣйшіе бытописатели и поэты, принадлежа къ числу противниковъ новой секты, успѣли воспроизвести слухъ о томъ, что Болъ самъ указалъ на Вилефа, какъ на тайнаго пропагандиста крестьянской революціи, и даже призвалъ его противниковъ къ немедленному отпору вреднымъ злоученіямъ, говоря, что Николай Герфордъ, Юганъ Аштонъ и Лаврентій Беденамъ (все лица, призванныя къ отвѣту соборомъ 1382 года) «такъ глубоко запустили корни въ народѣ, что въ два года имъ не трудно будетъ вызвать гибель всего государства». Въ этомъ именно смыслѣ высказывается авторъ такъ называемыхъ *Fasciculi sizaniorum*, а также сочинитель латинской поэмы о крестьянскомъ возстаніи, повторяющій въ своихъ виршахъ рассказъ о покаяніи Боля и его заявленіе, что «семья Вилефа», подъ которой разумѣются его послѣдователи, была первопричиною заговора, потрясшаго все королевство **).

Желая обосновать такой взглядъ и независимо отъ свидѣтельства Боля, авторъ пускается въ разсужденіе о томъ, что въ самомъ новомъ ученіи

*) *Fasciculi sizaniorum*, стр. 273.

**)

Hi sunt auctores odii
 Cleri, vulgi dissidio
 Et regni perturbatio.
 Hinc clades homicidii,
 Venit et fax incendii
 Servilis ac rebellio.
 Johannes Balle hoc docuit
 Quando morti succubuit
 Propter suam nequitiam,
 Monstrans Wycleffe familiam
 Causam brige primariam
 Quae totum regnum terruit etc. (*Wright*: „Political son
 т. I, стр. 2

заклучался призывъ къ прекращенію барщины, натуральныхъ платежей и акта феодальной покорности. Вѣдь, лолларды проповѣдывали, что десятина и первые плоды не должны быть приносимы священникамъ, недостойно себя ведущимъ (*miseri*), т.-е. не находящимся болѣе въ состояніи благодати, а также, что и господамъ не слѣдуетъ служить барщиною, рентой и приношеніемъ *homagia*, буде они предадутся пороку *). Анонимный авторъ, очевидно, даетъ расширительное толкованіе ученію Вилклефа о послѣдствіяхъ, къ какимъ ведетъ потеря благодати священствомъ, распространяя его и на свѣтскихъ владѣльцевъ. Вилклефъ, или одинъ изъ его послѣдователей, специально протестовалъ противъ такого способа истолкованія его основныхъ взглядовъ, говоря, что десятина и первые плоды—не болѣе, какъ даръ прихожанъ, а барщина и рента—долгъ подвластныхъ. Но разбираемый нами авторъ не считается съ этими возраженіями и, ссылаясь на примѣръ Христа, заплатившаго драхму кесарю, громить лоллардовъ за то, что они преднамѣренно ввели народъ въ заблужденіе. Ту же мысль о ближайшемъ отношеніи лоллардовъ къ возстанію повторяетъ и монахъ Сентъ-Албанскаго монастыря, приписывая ее многимъ изъ современниковъ.

Измѣнчивый народъ,—пишетъ онъ,—всегда слѣдуетъ примѣру старшихъ (*maiores*), а такъ какъ никто изъ духовенства не думаетъ серьезно противиться новому лжеученію, то неудивительно, если *maiores provinciarum*, т.-е. знатнѣйшія лица въ графствахъ, а за ними и народъ, усвоили себѣ Вилклефову ересь **). Вотъ какъ сложилось сказаніе о непосредственной связи крестьянскаго возстанія съ зарожденіемъ английской реформациі,—сказаніе, доселѣ принимаемое на вѣру какъ английскими, такъ и чужеземными источниками. Намъ кажется, что несостоятельность его вполнѣ доказана и что мы можемъ отнынѣ приписать движеніе 1381 года болѣе глубокимъ и менѣе искусственнымъ причинамъ.

Надо ли доказывать, что оно не было вызвано ни внѣшними врагами, ни борьбою внутреннихъ партій, что его не поддерживала ни Франція, ни враги Джона Гонта, герцога ланкастерскаго? Оба подозрѣнія высказаны современными бытописателями. Въ четвертый годъ правленія Ричарда II посланная для суда надъ мятежниками коммиссія, между прочимъ, принуждены считаться съ обвиненіемъ въ распространеніи иноземнаго золота

*) Будензигъ слѣдующимъ образомъ передаетъ ученіе Вилклефа о власти и потерѣ ея вмѣстѣ съ благодатью. Источникомъ власти нельзя считать ни папу, ни императора, а только Бога, который, какъ верховный глава міра, распредѣляетъ владычество между тѣми, кто послушенъ Его волѣ. Только пользующійся благодатью имѣетъ по закону власть. Совершившій же смертный грѣхъ тѣмъ самымъ лишается, вмѣстѣ съ благодатью, и власти: „*nullum est civile dominium, nisi in iustitia evangelica sit fundatum, ideo peccans mortaliter non habet dominium*“ (*De dominio divino*, ст. 21 и 22). Будензигъ видитъ источникъ подобной теоріи въ феодальномъ правѣ, которое также не допускало вѣчности владычества и ставило продолженіе его въ зависимость отъ вѣрности сюзерену (*Buddensieg*: „*Johann Wykleff und seine Zeit*“). G..., 1885 г., стр. 142).

Ibid., стр. 311.

среди первых ополченцевъ въ Эссексѣ. Король мѣсяцемъ ранѣе обратился къ вице-графамъ и большакамъ королевства съ призывомъ слѣдить за тѣмъ, чтобы не послѣдовало высадки непріятели со стороны моря.

До нашего слуха,—пишетъ онъ,—дошло, что непріятельскія галеры, съ огромнымъ числомъ воиновъ, ходятъ вдоль берега Эссекса и собираются причалить съ цѣлью поднять войну, разгромить нашъ народъ и законы *). Въ протоколахъ судебного разбирательства встрѣчается даже текстъ самообличенія нѣкоего Роберта Бэнета, который, признавая фактъ, что деньги были обѣщаны со стороны французскихъ агентовъ, но не выплачены, старается навести подозрѣніе на двухъ другихъ участниковъ возстанія, Риварда Кэмсъ и Иоганна Гарди, которые, по его словамъ, одни получили обѣщанное золото. Въ источникахъ отсутствуютъ дальнѣйшія указанія на то, какой исходъ имѣлъ этотъ доносъ, но самыя условія, въ какихъ онъ былъ сдѣланъ, невольно вызываютъ сомнѣніе въ дѣйствительности изложенныхъ фактовъ и выставляютъ обвинителя въ невыгодномъ свѣтѣ.

Весьма вѣроятно, что это былъ не болѣе, какъ одинъ изъ тѣхъ агентовъ, которымъ правительство обѣщало прощенье подъ условіемъ выдать главныхъ заговорщиковъ. Самъ Бэнетъ обвиняется въ разгромѣ тюрьмы Ньюгетъ и освобожденіи заключенныхъ. Уже послѣ привлеченія его къ отвѣтственности онъ въ Гильдгольѣ, въ присутствіи коронера и лондонскихъ шерифовъ, доводитъ до свѣдѣнія, что два уроженца Оксфордскаго графства, упомянутые Кэмсъ и Гарди, въ пятницу, слѣдующую за праздникомъ Corpus Christi, во второй годъ правленія Ричарда II, предательски и съ явною измѣной приняли отъ Іоанна Вланъ изъ Франціи сумму во сто фунтовъ золотомъ; деньги получены были ими въ Портсмутѣ, не прямо изъ рукъ французскаго сеньора, а черезъ посредство одного изъ его оруженосцевъ. Сверхъ ста фунтовъ обѣщано было еще столько же черезъ двѣ недѣли, причемъ платежъ долженъ былъ воспослѣдовать въ Рай, въ графствѣ Суссексъ. Кэмсъ и Гарди якобы обязались «ad retractandum se et alios Anglos quantos potuerunt et ad permitendum inimicos Francos... terrare in partes Angliae ad comburendum, interficiendum et destruendum in partibus Angliae predictis» **).

Нѣтъ, разумѣется, ничего невѣроятнаго въ томъ, что враги Англій охотно воспользовались бы переживаемыми ею усобицами. Король въ своихъ письмахъ къ шерифамъ и мэрамъ говоритъ, что ему завѣдомо извѣст-

*) *Pat. Rolls*, 4. R. II. Pars Prima. Rex universis et singulis vicecomitibus, maioribus, ballivis, ministris et aliis fidelibus ligeis et subditis nostris in comitatu Essex tam infra libertates quam extra... Quia pro certo intelleximus quod gallice et alie naves inimicorum nostrorum cum magna multitudine armatorum super costam Essex jam existunt et super costeram illam applicare proponunt ad populum et nos nostros ibi clam destruendum nisi eorum malicie viribus resistatur. *Apud Westminster*, XII, die septembris.

**) *Coram rege R. II. De termino Sancti Hilarii*, c. Oxford.

но о намѣреніи высадиться на берегъ мятежнаго графства. Но чтобы къ осуществленію этого намѣренія приступлено было въ формѣ раздачи неизвѣстнымъ и чисто-второстепеннымъ лицамъ денегъ, подъ условіемъ поднять народъ на привѣтельство, въ этомъ позволено сомнѣваться. Во всякомъ случаѣ, то обстоятельство, что ни одинъ изъ современныхъ лѣтописцевъ, ни Вольсингамъ, ни анонимный монахъ Эвесгамскаго монастыря, ни Кнайтонъ, каноникъ лейчестерскій, ни Вильгельмъ Торнъ, августинецъ изъ Кентербери, ни словомъ не упоминаютъ объ иноземныхъ вліяніяхъ, говорить въ пользу той мысли, что подозрѣнія въ тайныхъ козняхъ Франціи и въ подстрекательствѣ ея крестьянъ продержалось не долго въ английскомъ обществѣ и исчезло, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда въ памяти лѣтописцевъ.

Болѣе упорнымъ былъ другой слухъ, что партія, враждебная Джону Гонту, герцогу ланкастерскому, воспользовалась пребываніемъ его на сѣверной границѣ, гдѣ онъ занятъ былъ переговорами съ шотландцами, чтобы помѣшатель принятію какихъ-либо мѣръ противъ мятежниковъ. И Вольсингамъ, и Фруассаръ одинаково повторяютъ это обвиненіе, говоря, что современники изумлялись тому, что дворъ, извѣщенный задолго о подготовленіи возстанія, тѣмъ не менѣе, воздерживался отъ всякой репрессіи *). Вольсингамъ прямо говоритъ, что королевская свита стояла за то, чтобы мятежники допущены были къ личному заявленію своихъ желаній правительству; противъ свиданія Ричарда съ кентскими и эссекскими дружинами протестовали только архіепископъ кентерберійскій, Симонъ де-Судбери, бывший одновременно и канцлеромъ, да Робертъ Гельсъ, магистръ ордена госпиталійцевъ, исполнявшій обязанности государственнаго казначея, т. е. тѣ самыя лица, которыя въ Лондонѣ сдѣлались первыми жертвами народной ярости. Подозрѣніе въ пассивномъ, если не въ сочувственномъ отношеніи къ движенію поддерживалось, разумѣется, прежде всего, тѣмъ обстоятельствомъ, что сами ополченцы выдавали себя за лицъ, поднявшихся въ защиту правъ Ричарда на престолъ, требовали отъ всѣхъ, кто примыкалъ къ нимъ, клятвы въ вѣрности ему, громко заявляя, что не желаютъ видѣть на престолѣ «короля Джона», подъ которымъ разумѣли герцога ланкастерскаго. То обстоятельство, что послѣдній добивался въ это время признанія своихъ правъ на престолъ Кастиліи, сдѣлалось источникомъ распространенія въ народѣ слуха, что герцогъ хочетъ сдѣлаться королемъ Англій и замышляетъ противъ Ричарда. Мятежники такъ часто выдавали свои дѣйствія за исполненіе приказовъ монарха, что Ричарду II пришлось въ официальномъ обращеніи къ шерифамъ заявить, что «homicidia et damna», причиненныя возставшими «ex auctoritate seu voluntate nostra mihi processerunt» и что самъ онъ глубоко огорченъ всѣмъ случившимся *). Чтобы оцѣнить какъ слѣдуетъ справедливость народной молвы,

Walsingham: „Froissart Chroniques“, т. I, гл. 135, стр. 455 и 456.

Sed exinde vehementius contristati sentimus. См. „Pari. Rolls“, а. 5, R. II, ч. I. Rex Henrici Percy comiti Northumbriae, Rodulpho de Hastings Viccomiti

приписывавшей борьбѣ придворныхъ партій атрофію правительственной дѣятельности и даже тайную поддержку мятежа, нужно, прежде всего, дать себѣ отчетъ въ томъ, каковы были эти партіи. Предшествовавшіе годы сдѣлались свидѣтелями борьбы герцога ланкастерскаго съ церковниками, главами которыхъ считались архіепископъ кентерберійскій и епископъ лондонскій.

Въ этой борьбѣ Джонъ Гонтъ оказался случайнымъ союзникомъ Виклефа и однажды защитилъ его открыто отъ преслѣдованій *). Виклефъ поставленъ былъ даже въ необходимость личнаго обращенія къ Гонту. Хотя его вмѣшательство и повело къ запрещенію лоллардамъ дальнѣйшей проповѣди въ Оксфордѣ, но избавило ихъ, въ то же время, отъ передачи въ судъ епископовъ. Какъ примирить съ этимъ приписанную лоллардамъ агитацию противъ герцога и устройство съ этою цѣлью крестьянскаго возстанія, мы рѣшить не беремся, такъ какъ вообще отвергаемъ дѣятельную роль лоллардовъ въ пропагандѣ революціонныхъ идей. Возстаніе, во всякомъ случаѣ, доказало, что предъ лицомъ крестьянъ обѣ спорящія партіи, Ланкастера и церковниковъ, были одинаково отвѣтственны въ претериваемыхъ ими бѣдствіяхъ. Сожигая дворецъ герцога на Стрендѣ, такъ называемый Савой, они, въ то же время, грабили помѣстья церковниковъ, убивали епископа кентерберійскаго и магистра ордена госпиталійцевъ. Видѣть въ ихъ дѣйствіяхъ выполнение задуманной противъ Ланкастера придворной интриги также нелѣпо поѣтому, какъ и обратное предположеніе, что Джонъ Гонтъ, оставшійся все время вдалекѣ отъ событій, былъ ихъ дѣйствительнымъ виновникомъ и думалъ воспользоваться ими противъ своихъ враговъ. Такое подозрѣніе, тѣмъ не менѣе, было пущено въ ходъ, и вотъ по какому поводу: когда въ пятый годъ правленія Ричарда II Томасъ Гардингъ присужденъ былъ къ повѣшенію, какъ главный виновникъ вторичнаго возстанія въ Кентѣ, одинъ изъ доносчиковъ, Джонъ Котъ, заявилъ, что дошедшій до Кента слухъ объ отпущеніи герцогомъ на волю всѣхъ своихъ крѣпостныхъ заставилъ

Eborum etc., apud London X die Julii, отпечатано въ седьмомъ томѣ Rumer, Foedera.

*) Обо всемъ этомъ можно найти подробности у Будензига и Лехлера, не говоря уже о современныхъ лѣтописцахъ и авторѣ цитированнаго нами трактата „Fossiculi zizaniorum“. Мальвернь даетъ объ этихъ отношеніяхъ герцога ланкастерскаго къ духовенству нѣкоторыя любопытныя подробности. Разсказавши предварительно, что Виклефу запрещена была дальнѣйшая проповѣдь, что одно заступничество Джона Гонта помѣшало принятію противъ него болѣе строгихъ мѣръ, Мальвернь прибавляетъ, что въ тотъ же день лондонцы (communes Londoniae) „propter quoddam verbum minatorium quod, ut dicebatur, dux Lancastriae debuit episcopo Londoniae causa diditi Wiclyf dixisse“, — направились толпою въ нѣсколько тысячъ человекъ на дворецъ герцога ланкастерскаго, именуемый Савой, въ намѣреніи его разрушить и убить самого герцога. Ихъ планъ не былъ приведенъ въ исполненіе, благодаря вмѣшательству епископа лондонскаго (Highden, т. VIII, стр. 389) — именуемый здѣсь дворецъ Савой — тотъ самый, который въ 1381 году разграбленъ и сожгнутъ мятежниками.

мятежниковъ стать на его сторону и предложить ему королевскую корону *). Доносу не было дано дальнѣйшаго хода и никакіе свидѣтели не подтвердили его справедливости. Вовлеченные въ обвиненіе единомышленники Гардинга допущены были къ рѣшенію дѣла поединкомъ, и такъ какъ потерпѣли поражение, судъ приговорилъ ихъ къ одной участи съ главнымъ виновникомъ. Если имѣть въ виду, что пущенный противъ Ланкастера навѣтъ сдѣланъ былъ въ то самое время, когда восторжествовавшая церковная партія дѣятельно взялась за преслѣдованіе лоллардовъ и выдвинула противъ Виллефа обвиненіе въ подстрекательствѣ, то легко догадаться, откуда шли попытки замѣшать и Ланкастера въ дѣло, въ которомъ онъ на самомъ дѣлѣ былъ не болѣе, какъ жертвой.

Такимъ образомъ, противорѣчивость навѣтовъ, взводимыхъ другъ на друга соперниками, и невозможность согласовать дѣйствія мятежниковъ съ интересами враждующихъ сторонъ, лишаетъ всякаго серьезнаго значенія пущенные въ ходъ слухи. Временная инерція правительства и высшихъ классовъ находятъ болѣе вѣроятное объясненіе въ обуявшемъ ихъ страхѣ. Еще памяты были недавнія событія во Франціи и жестокости, причиненныя Жаками феодальнымъ сенъорамъ. Видя передъ собой двухсоттысячную толпу, хотя и плохо вооруженную, но пользующуюся поддержкой городского демоса, король и придворные могли задуматься о томъ, въ какой мѣрѣ удобно обращеніе къ грубой репрессіи и не слѣдуетъ ли, въ интересахъ скорѣйшаго успокоенія массъ, обѣщать требуемыя вольности, съ тайнымъ намѣреніемъ отобрать обѣщанное при первой возможности? Исходъ показалъ, что такая политика въ данныхъ условіяхъ была самая успѣшная. Большинство ополченцевъ разошлось по домамъ, парламентъ отменилъ единоличныя распоряженія короля, какъ неконституціонныя, а висѣлицы, избавивъ дворянство отъ главныхъ вожakovъ движенія, позволили распространить на прочихъ участниковъ блага амнистіи подѣ условіемъ возвращенія къ прежней барщинѣ и прежнимъ натуральнымъ рентамъ.

II.

Историкъ временъ Елизаветы, Стау, у котораго мы находимъ самый подробный отчетъ о первыхъ дѣйствіяхъ мятежниковъ, говоритъ, что начало возстанію положено было въ трехъ селеніяхъ Эссекскаго графства. Черезъ посредство разсланныхъ комиссаровъ они завербовали себѣ сосѣднихъ крестьянъ, такъ что вскорѣ образовалось ополченіе въ пять тысячъ человекъ. Спрашивается, каковы были тѣ селенія, съ которыхъ начался подъемъ народныхъ массъ, и что дало ближайшій поводъ къ ихъ движенію? По словамъ того же Стау, Фобингъ, Керингамъ и Санфордъ были первыми очагами крестьянскаго мятежа. Поводомъ къ возстанію было недоволь-

*) См. выдержки изъ *Coram Rege Rolls*, отпечатанныя въ IV томѣ *Archeologia* Са...

ство поочажнымъ сборомъ, установленнымъ въ 1380 году. Шель слухъ, что цѣль обложенія—доставить средства для войны съ Испаніей и упроченія притязаній Джона Гонта на кастильскій престолъ. Многие шли еще далѣе въ своихъ предположеніяхъ и считали Ланкастера претендентомъ въ Англии. Отсюда распространенный между мятежниками кличъ: «не хотимъ другого короля, кромѣ Ричарда!» Какъ уже сказано въ предшествовавшей главѣ, поочажный сборъ далеко не носилъ характера исключительнаго обложенія низшихъ классовъ. Тогда какъ въ 1380 г. отъ платежа подати въ четыре динарія или отъ такъ называемой grossa изъяты были «religiosi, mendicantes и раuperes», въ слѣдующій за тѣмъ не только увеличенъ былъ размѣръ налога, но и самый сборъ его распространенъ на духовныхъ. Женатый обложенъ вмѣстѣ съ супругой двумя солидами, неженатый—двѣнадцатью пенсами, монахи и священники, владѣвшіе землями и церковными бенефиціями, призваны къ поголовному взносу шести солидовъ восьми пенсовъ *).

И все же,—привлекаетъ лейчестерскій лѣтописецъ Кнайтонъ,—налогъ не доставилъ суммы, равной той, какая уплачена была въ предшествующій годъ при обложеніи одними четырьмя пенсами. Это обстоятельство и побудило королевскихъ совѣтниковъ назначить комиссію для разслѣдованія причинъ недостаточнаго поступленія доходовъ въ казну. Во главѣ ея поставленъ былъ Джонъ Леджъ, который сдѣлается, какъ мы увидимъ, одной изъ жертвъ мятежниковъ.

Комиссія обнаружила неисправность сборщиковъ. Придворные убѣдили короля, что казна получить несравненно больше, если они сами возьмутъ на себя сборъ новой подати **). Ричардъ поддался ихъ увѣщаніямъ. Откупщики начали притѣснять народъ, позволяя себѣ грубое обращеніе съ лицами, не желавшими платить подати въ требуемомъ размѣрѣ. Дѣло дошло до открытаго сопротивленія и многие сборщики были ранены, нѣкоторые убиты. Это заставило короля назначить новыхъ комиссаровъ для слѣдствія и суда. Однимъ изъ нихъ былъ Томасъ Бемптонъ. На Вознесенье 1381 г. Бемптону пришлось засѣдать въ Брентвудѣ. Присутствовавшіе здѣсь поселяне Фобинга единогласно заявили, что не заплатятъ больше ни копѣйки. Послѣдовали тщетныя угрозы. Жители отвѣтили на нихъ призывомъ на помощь

*) Knyghton, Ms Brit. Mus., Cotton, Claudius, E. III, fol. 266.

**) Джонъ Мальвернъ, который изъ всѣхъ повѣствователей одинъ заслуживаетъ названіе современника, также ставитъ начало движенія въ связи со взиманіемъ поочажнаго сбора (*Highden*, т. 9, стр. 1). То же надо сказать и о монахѣ Эвсгамскаго монастыря. Онъ называетъ поочажный сборъ „tallagium grave propter quod in Anglia suscitatum est magnaе perturbationis naufragium“. Королевскіе совѣтники—привлекаетъ онъ,—движимые стяжательствомъ, внушили монарху мысль, что подать не взимается какъ слѣдуетъ сборщиками, и предложили „certam summam pecunie pro eo, quod vellent colligere ultra id, quod de praefato tallagio fuit prius donec regi solutum“. Получивши королевскія полномочія, они въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ Кента и Эссекса стали взимать подать, притѣсняя народъ и причиняя ему великія обиды. Это и было поводомъ къ первымъ сборщикамъ недовольныхъ (*Hearn*, стр. 12).

сосѣднихъ поселковъ: Берингама и Санфорда. Въ числѣ ста человекъ мятежники явились къ Бемптону съ заявленіемъ, что не хотятъ впредь имѣть съ нимъ никакого дѣла, а тѣмъ менѣе платить что бы то ни было. Бемптонъ приказалъ задержать ихъ, но они вскорѣ освобождены были сосѣдями и при ихъ содѣйствіи бѣжали въ Лондонъ съ цѣлю представить жалобу королевскому совѣту. Рѣшено было послать особую комиссію для разслѣдованія на мѣстѣ всего случившагося. Во главѣ ея поставленъ былъ предсѣдатель суда общихъ тяжбъ, Робертъ Белькнепъ. Мятежники и на этотъ разъ не отступили предъ мыслію о сопротивленіи. Объявивъ Белькнепа измѣнникомъ королю и государству, они принудили его принести присягу въ томъ, что онъ впредь не будетъ засѣдать ни въ одной подобной комиссіи. Уступая ихъ угрозамъ, Белькнепъ долженъ былъ объявить имена присяжныхъ, участвовавшихъ въ разбирательствѣ. Они вскорѣ сдѣлались жертвою народной толпы, которая разгромила ихъ дома и обезглавила попавшихся ей подъ руку. Узнавъ объ этомъ, Робертъ Белькнепъ бѣжалъ, но его секретари заплатились жизнью; головы ихъ, посаженные на пики, сдѣлались своего рода трофеемъ для возставшихъ. Чтобы запастись провіантомъ, мятежники вслѣдъ затѣмъ набросились на помѣстье магистра Іерусалимскаго ордена, расположенное невдалекѣ отъ Лондона. Здѣсь запасено было, — говоритъ Стау, — не мало вина, суконъ изъ Арраса и всякаго рода припасовъ. Крестьяне овладѣли усадьбой, «осушили бочки до дна» и опустошили земли магистра. Совершивъ все это, они разослали манифесты въ Кентъ, Суффолькъ и Норфолькъ, приглашая жителей этихъ графствъ примкнуть къ нимъ возможно скорѣе; сами же разбились на нѣсколько бандъ и совершили не мало насилій. Возстаніе вскорѣ распространилось на Кентъ, ближайшимъ поводомъ къ чему было слѣдующее: въ понедѣльникъ, вслѣдъ за Вознесеніемъ, рыцарь королевской свиты, Симонъ Берлэ, явившись въ Гревзендъ на Темзѣ, сталъ требовать выдачи ему бѣглаго крѣпостного; онъ соглашался отпустить его на волю не иначе, какъ подъ условіемъ единовременной уплаты 300 фунтовъ; въ виду неисполненія этого требованія, Берлэ распорядился заточеніемъ крестьянина въ Рочестерскомъ замкѣ. Это вызвало волненіе въ народѣ. Кое-гдѣ начался открытый мятежъ. Король прислалъ судью, уже упомянутаго Джона Лэдждъ. Но когда послѣдній вздумалъ открыть сессію въ Кентербери, крестьяне силою воспротивились этому. Съ каждымъ днемъ росло число недовольныхъ, которые по собственной инициативѣ рѣшили собраться въ Дартфордъ. Здѣсь положено было раздѣлиться на двѣ партіи: одна должна была остаться на мѣстѣ для охраны морского берега, другая пойти на Рочестеръ для встрѣчи и соединенія съ эссекскими ополченцами. Въ ихъ сообществѣ крестьяне Кента осадили замокъ и, взявъ его приступомъ, освободили заключеннаго здѣсь крестьянина изъ Гревзенда. До этого времени ополченцы не имѣли предводителей. Теперь они поставили во главѣ себя Уота или Уотера Тейлора изъ Медстона, который въ понедѣльникъ, слѣдующій за Третьей, привелъ ихъ въ Кентербери. Отъ жителей отобрана была присяга

въ вѣрности королю Ричарду и законнымъ общинамъ Англіи; монахамъ приказано было выбрать новаго архіепископа, такъ какъ теперешній и-мѣнникъ и подлежитъ казни. Три человѣка въ городѣ заплатились жизнью за попытку сопротивленія. Присоединивши къ себѣ пятьсотъ человѣкъ изъ Кентербери, мятежники пошли на Лондонъ.

Этимъ заканчивается рассказъ Стау о первыхъ дѣйствіяхъ народныхъ дружинъ Эссекса и Кента; но такъ какъ въ его распоряженіи были факты, плохо укладывавшіеся въ рамки предъидущаго повѣствованія, то, въ дополненіе къ сказанному, онъ приводитъ нѣсколько анекдотовъ, замѣчая, что они заимствованы изъ хроники, принадлежавшей нѣкогда монастырю святаго Албана. Одинъ изъ этихъ анекдотовъ касается нѣкоего Джона Тайлора, родомъ изъ Дартфорда въ Кентѣ. Имя его, какъ мы увидимъ ниже, не разъ приводится судебными протоколами. Этотъ Тайлоръ, ничего не имѣющій общаго съ предводителемъ кентскихъ дружинъ, въ рассказѣ Стау убиваетъ сборщика, оскорбившаго его жену, и встрѣчаетъ дружную поддержку въ жителяхъ собственнаго селенія, Дартфорда. За этимъ рассказомъ слѣдуетъ новое отступленіе отъ общей нити повѣствованія. Прежде чѣмъ достигнуть Кентербери, народные банды осаждаютъ въ Медстонѣ тюрьму архіепископа, въ которой заключенъ былъ проповѣдникъ Боль. Они готовы объявить его архіепископомъ кентерберійскимъ, а пока дѣлаютъ своимъ капланомъ и проповѣдникомъ. Дальнѣйшее, что Стау говоритъ о дѣйствіяхъ народныхъ дружинъ до прихода въ Лондонъ, служить къ общей характеристикѣ ихъ поведенія съ различными классами общества. Объ этомъ мы будемъ имѣть случай говорить впоследствии, а пока сопоставимъ рассказъ Стау съ тѣмъ, что сообщаютъ намъ другіе, болѣе ранніе источники, начиная съ лѣтописей и оканчивая судебными протоколами.

Фруассаръ ни словомъ не упоминаетъ о недовольствѣ поочажнымъ сбормъ и вліяніи, какое это недовольство оказало на подъемъ крестьянъ въ Эссексѣ. Все движеніе, по его мнѣнію, вытекло изъ желанія положить конецъ крѣпостной зависимости. Подстрекателями были Боль и лолларды; на ихъ призывъ откликнулась городская чернь Лондона, завидовавшая тому, что богачи и дворянство захватили въ свои руки все золото и серебро. Фруассаръ настаиваетъ на томъ дружественномъ пріемѣ, какой жители Кентербери оказали крестьянскимъ бандамъ. Онъ говоритъ о грабительствѣ, произведенномъ ими въ церкви Томаса Бекета, въ покояхъ архіепископа и жилищѣ аббата монастыря св. Винцента. И въ Рочестерѣ встрѣча гражданъ самая дружественная. Пребываніе въ городѣ ознаменовано тѣмъ, что капитанъ крѣпости, бывший одновременно и старшимъ констеблемъ, подъ страхомъ смерти принужденъ слѣдовать за народными бандами, торья, прибавляетъ Фруассаръ, въ другихъ графствахъ поступили такъ же образомъ со многими лордами и рыцарями, какъ-то: съ лордомъ Малъ, съ рыцарями Стифенъ Гельсъ и Томасъ Косингтонъ. Въ повѣствованіи Фруассара возстаніе поднято Кентомъ и изъ главнаго города этого графства распространяется черезъ посредство эмиссаровъ на Эссексѣ, с

Фолькъ, Бедфордъ, а позднѣе на Кембриджъ, Ворвикъ и Линкольнъ. Объ осадѣ Медстона Фруассаръ ничего не говоритъ, заявляя, что Боля ополченцы встрѣтили въ Кентербери, гдѣ онъ тщетно искалъ архіепископа, временно отлучившагося въ Лондонъ. Народныя дружины изображены идущими непосредственно изъ Кентербери въ Рочестеръ, а изъ Рочестера въ Дартфордъ.

Что касается Вольсингама, то и у него вліяніе налогового гнета на подъемъ народныхъ массъ не оговорено, но первымъ очагомъ движенія указанъ Эссексъ, а не Кентъ. Лѣтописецъ не сообщаетъ подробностей о порядкѣ, въ какомъ послѣдовало соединеніе эссекскихъ и кентскихъ ополченій, и о пріемѣ, оказанномъ имъ жителями Кентербери и Рочестера. Все это Стау долженъ былъ заимствовать изъ другихъ источниковъ и, по всей вѣроятности, прежде всего, изъ хроники лейчестерскаго канонника Кнайтона, у котораго говорится объ осадѣ Медстона и объ освобожденіи Джона Боля, затѣмъ изъ хроники нѣкоего монаха Сентъ-Албанскаго монастыря, на которую имѣются ссылки въ самомъ текстѣ; но все это вмѣстѣ взятое не даетъ еще полнаго списка матеріаловъ, какими пользовался современникъ Елизаветы при составленіи своего отчета, и мы поставлены, такимъ образомъ, въ недоумѣніе, въ какой мѣрѣ сообщаемое имъ оправдывается свідѣтельствами современниковъ *).

Понятно послѣ этого, какое значеніе можетъ имѣть для исторіи зарожденія крестьянскаго возстанія тотъ перечень событій, какой мы встрѣчаемъ въ протоколахъ судебныхъ комиссій, которымъ поручено было разслѣдовать дѣйствія отдѣльныхъ участниковъ движенія. Онъ позволитъ намъ высказаться съ увѣренностью и о ближайшемъ поводѣ къ подъему народныхъ массъ, и о первоначальномъ его очагѣ, и о направленіи, въ какомъ мятежники двинулись на Лондонъ, и о тѣхъ дѣйствіяхъ, въ какихъ они выразили свое недовольство существующимъ порядкомъ. Обращаясь къ этому, какъ видно изъ сказаннаго, незамѣнимому источнику, мы узнаемъ изъ него, что движеніе дѣйствительно началось съ Эссекса. Въ такъ называемыхъ *Assize-Rolls* пятаго года правленія Ричарда II къ числу первыхъ зачинщиковъ отнесены крестьяне того самаго селенія Фобингъ, о которомъ

*) Мальвернъ и эвесгамскій монахъ прибавляютъ мало новаго къ тому, что извѣстно намъ изъ другихъ хроникъ. У перваго разсказъ о возстаніи начинается съ перечня событій, послѣдовавшихъ въ Лондонѣ 12 іюня 1381 года; у втораго связь мятежа съ общаго сборомъ высказана весьма опредѣленно въ слѣдующей сентенціи: упомянувъ объ этомъ, какъ онъ выражается, тяжеломъ налогѣ, *tallagium grave*, лѣтописецъ прибавляетъ: „*propter quod in Anglia suscitatum est magnae perturbationis aufragium*“. Авторъ обвиняетъ во всемъ скупость (*avaritiam*) сановниковъ, вызвавшую гановленіе откушной системы. Откущики же причинили народу многія обиды и итѣсенія. „*Quod videntes aliqui ex populo consiliumque secretius iniantes auxilio congregato ipsis Regis exactoribus resistiterunt ac contra eos insurrexerunt*“. За этимъ непосредственно слѣдуетъ разсказъ о походѣ кентскихъ и эссекскихъ ополченій на Лондонъ безъ всякаго упоминанія о томъ, что произведено было ими въ Кентербери и Медстонѣ.

говорится въ повѣствованіи Стау. За одно съ ними обвиняются поселене Стенфорда, имя котораго также приводится современнымъ Елизаветѣ историкомъ. Другія селенія, поставившія первыхъ заговорщиковъ: Мокнингъ, Горндонъ, Рамуденъ, Варло, Гервордстоуъ, Цингъ, Бовингъ, Рейнгауъ, Вегде. Какъ и у Стау, первыя собранія (*congregaciones*) происходятъ въ Бренвудѣ въ четвергъ, слѣдующій за праздникомъ Вознесенія. Они направлены противъ мировыхъ судей (*justiciarii regis ad pacem in comitatu Essex conservandam*). Въ числѣ этихъ послѣднихъ встрѣчается имя Іоанна Бемптона. Нападеніе сдѣлано «лукомъ и стрѣлами» (*cum arcubus et sagittis*). Мятежники намѣреваются убить судей (*interficere*). Въ понедѣльникъ, слѣдующій за Троицей,—опять-таки срокъ, указанный Стау,—народныя банды идутъ на помѣстье пріора госпиталійскаго или, что то же, Іерусалимскаго ордена, Крессингъ. Они взламываютъ усадьбу, грабятъ, поджигаютъ. Въ тотъ же день слѣдуетъ нападеніе на эссекскаго шерифа Іоанна Съюзъ. Мятежники уведутъ изъ его жилища 1,400 марокъ казенныхъ денегъ. Въ числѣ лицъ, принимавшихъ участіе во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ, мы встрѣчаемъ не только надѣльныхъ крестьянъ, но и помѣщичьихъ слугъ (*servientes*), и ремесленниковъ: черепичниковъ (*tylers*), ткачей (*webbes*) и т. д., между прочимъ, одного фламандца, занятаго ткацкимъ дѣломъ (*flemung webbe de Benyngton*), наконецъ, лицъ, о которыхъ въ актѣ говорится, что они завѣдомыя воры (*comshines latrones*). Въ одномъ изъ селеній Эссекса, въ Ганингфильдѣ, состоящемъ изъ трехъ поселковъ, восточнаго, западнаго и южнаго и образующемъ изъ себя отдѣльную сотню, возставшими предводительствуетъ мѣстный баллифъ или сотникъ. Онъ ведетъ народъ «вопреки его желанію», какъ значится въ обвинительномъ актѣ присяжныхъ, на помѣстье магистра Іерусалимскаго ордена; онъ же въ среду, слѣдующую за Рождествомъ Іоанна Крестителя, посылаетъ слугу къ мировымъ судьямъ Эссекса и подѣ страхомъ смерти приказываетъ имъ съ восходомъ солнца явиться въ приходскую церковь селенія magna Badewe (Бадью), гдѣ они встрѣтятъ самого баллифа во главѣ мѣстнаго ополченія. Всѣ вмѣстѣ пойдутъ затѣмъ войною на графа Бекингамскаго и другихъ, какъ значится, «вѣрныхъ подданныхъ короля». Они должны быть перебиты, а дома ихъ сожжены. Въ положенный день, т.-е. въ четвергъ, баллифъ собираетъ крестьянъ изъ пяти селеній, прилегающихъ къ лѣсу въ Ретингдонѣ, и заставляетъ ихъ принести клятвенное обѣщаніе «пойти войною на короля». Такимъ образомъ, въ нѣсколькихъ центрахъ, въ Бренвудѣ, въ Ретингдонѣ, возникаютъ отдѣльные очаги возстанія. Мѣстныя ополченія соединяются затѣмъ въ одно и производятъ рядъ погромовъ, оканчивающихся общимъ походомъ на Лондонъ. По пути они осаждаютъ замки, грабятъ, жгутъ; голубятни вскрыты, скотъ уведенъ, запасы хлѣбомъ и другою провизіей унесены. Такъ, примѣръ, въ среду, слѣдующую за Троицей, толпа набрасывается на помѣщичью усадьбу въ Ронгауъ и уводитъ оттуда пять быковъ цѣною въ пять марокъ, трехъ бычковъ цѣною въ двадцать солидовъ, шестьдесятъ овецъ цѣною въ шестнадцать ливровъ. Толпа истребляетъ

движимость и уносить сто двадцать пѣтуховъ и куръ цѣною въ сорокъ солидовъ *). На Рождество Іоанна Крестителя слѣдуетъ подобная же расправа въ Брадуэль, причѣмъ мятежники уничтожаютъ голубятню (*osteriam columbarum*) **). Жертвою крестьянской расправы являются, прежде всего, финансовыя чиновники. Въ обвинительныхъ актахъ не разъ значится, что тотъ или другой изъ участниковъ возстанія въ теченіе ряда дней съ Пятидесятницы до праздника Тѣла Христова (*Corpus Christi*) во главѣ ополченія, имъ самимъ созданнаго, обходилъ помѣщичьи усадьбы, «сжигая книги (т.-е. документы) господъ» ***). Іоганъ Ивель, королевскій *escheater*, т.-е. чиновникъ, поставленный надъ конфискованными имуществами и обязанный составлять опись того, что правительство присвоило себѣ изъ состоянія осужденныхъ, становится предметомъ народной ярости; голова его летитъ съ плечъ; все находившееся въ домѣ на сумму во сто ливровъ разнесено или истреблено. Адмиралъ Эдмундъ де-ла-Маръ въ Пельдонѣ ограбленъ одновременно на сумму въ двадцать ливровъ. Вломившіеся въ его жилище уносить, между прочимъ, королевскій патентъ, выданный ему на званіе адмирала; они прикрѣпляютъ этотъ документъ къ граблямъ и несутъ въ качествѣ не то трофея, не то знамени, по всему пути отъ Пельдона до Майленда, т.-е. вплоть до Лондона ****).

Только что описанными актами самоуправства возставшіе достигли ближайшей цѣли: они избавили себя отъ платежа ненавистнаго имъ налога, прогнали сборщиковъ и присланныхъ имъ на подмогу судей, истребили всякаго рода акты, удостовѣрившіе размѣръ недоимокъ или поступленіе тѣхъ или другихъ имуществъ въ казну. Помѣщики поставлены были въ необходимость разстаться съ ренталами и кустумаріями, удостовѣрившими величину крестьянскихъ службъ и платежей. Всего этого ополченцы добились, несмотря на плохое вооруженіе, несмотря на то, что изъ ста человекъ, по заявленію Вольсингама и Фруассара, едва десять имѣли при себѣ лукъ и стрѣлы или покрытые ржавчиной мечи *****). Въ теченіе ближайшихъ дней, слѣдующихъ за описанными событіями, эссекскія дружины не заняты никакимъ крупнымъ предпріятіемъ; онѣ довольствуются производствомъ одно-

*) *Assise Rolls*, *Quadredum de Chelmeford die martis et die mercurii post festam apostolorum Petri et Pauli*. 5. Ric. II. Juratores dicunt etc.

***) *Coram Rege Roll*. 6. Ric. II. De termino Sancti Michaelis, с. Essex.

****) *Coram Rege Roll*. V. R. II. De termino Pasche, с. Essex. Присяжные показываютъ, что Родольфъ Этвудъ (т.-е. живущій вблизи дѣса) изъ Брадуэля участвовалъ въ разрушеніи домовъ госпиталійдевъ въ Грессингѣ и унесъ съ собою вооруженія, одѣянія, золота, серебра и другихъ драгоценностей на сумму 20 ливровъ. Продолжая съ и „*malicia*“, онъ въ разныхъ частяхъ графства со своею дружиной (*cum societate sui*) жегъ книги помѣщиковъ.

* **) *Ibid*.

*** **) Гауэръ въ своей *Vox clamantis* слѣдующимъ образомъ описываетъ оружіе мя ежнихъ крестьянъ: коса, покрытая ржавчиной, лопата, замѣняющая мечъ, палка и шпоръ, лукъ со стрѣлами, у которыхъ часто недостаетъ перьевъ, вилы, замѣняющія собою пики.

стороннихъ актовъ насилія. Не нашедши еще общаго предводителя, онѣ далеки отъ мысли идти войною на Лондонъ. Легко можетъ статься, что, не вспыхни одновременно возстанія въ Кентѣ и не получи заговорщики поддержки изъ столицы, эссекскій мятежъ не вышелъ бы изъ предѣловъ графства и сдѣлался бы повтореніемъ тѣхъ довольно обычныхъ безпорядковъ, какими раньше и послѣ сопровождалась фискальнныя вымогательства правительства и откупщиковъ. Но въ то самое время, какъ эссекскіе ополченцы старались освободиться отъ новыхъ податныхъ тягостей и откупной системы, въ Кентѣ народъ подымался на помѣщиковъ, прекращая платежъ рентъ и отправленіе барщины, отбирая и сожигая рентали и кустумарин, а въ Лондонѣ, по свидѣтельству Фруассара, болѣе тридцати тысячъ человѣкъ, принадлежащихъ къ числу бѣднѣйшихъ жителей, сочувственно слѣдили за ходомъ событій и посылали эмиссаровъ съ порученіемъ звать мятежниковъ въ столицу *). Еще при взятіи Грессинга въ средѣ эссекскихъ дружинъ можно было отмѣтить присутствіе жителей Лондона.

Томасъ Фарингдонъ, котораго присяжные изображаютъ предводителемъ (ductor) нѣкоего ополченія «cuiusdam comitive», поставившій себѣ цѣлью осадить усадьбу пріора госпитальцевъ и истребить хранимыя въ ней бумаги, былъ уроженцемъ столицы. Изъ дальнѣйшихъ дѣйствій Фарингдона можно заключить, что въ общихъ причинахъ недовольства присоединялись въ немъ еще личныя; онъ жаловался на то, что Рикардъ Вестонъ «несправедливо отнялъ у него имѣніе», и требовалъ отъ короля возстановленія его въ прежнемъ владѣніи **).

До насъ дошли имена тѣхъ агентовъ, какіе посланы были лондонскими жителями къ возставшимъ въ Эссексѣ крестьянамъ. Это были Адамъ Атевэль и Роджеръ Гаррисъ, — и тотъ, и другой мясники. Атевэль былъ постаршикомъ Джона Гонта, герцога ланкастерскаго. Въ протоколахъ судебного слѣдствія ни разу не говорится о томъ, чтобы всѣ дѣйствовавшія въ Эссексѣ банды подчинялись одному общему руководителю. Самое имя Уота Тейлора или, какъ пишутъ его источники, Walter Theghelere of Essex, т.-е. Вальтеръ, черепичникъ изъ Эссекса, впервые упоминается въ связи съ кентскими событіями, съ разгромомъ 10 іюня королевскаго замка въ Кентерберіи и задержаніемъ шерифа. Последній отосланъ былъ въ свое помѣстье Мильтонъ, повидимому, расположенное въ графствѣ Эссексъ, и поставленъ подъ надзоръ Уота, который, прибавляютъ источники, принялъ мѣры къ немедленному сожженію найденныхъ при шерифѣ бумагъ ***).

*) Это показаніе подтверждается обвиненіями, представленными въ 6-й годъ правленія Ричарда II судебной комиссіи подъ предсѣдательствомъ Михаила Галпозль (*Coram Rege Rolls*, Hilary Term).

**) См. *Coram Rege Rolls*, 5, R. II. De termino Pasche, c. Essex. Juratores representant, quod Thomas Faringdon de London die lune proximo post festum Sanctae trinitatis. 4. R. II fuit apud Cressyngtemple ductor cuiusdam comitive et ibidem praecepit domos prioris Sancti Johannis de Jerusalem in Anglia et bona et catalla asportari.

***) См. *Archeologia Cantiana*, т. III, стр. 92.

Мы настаиваемъ на томъ фактѣ, что Уотъ Тейлоръ, которому впоследствии пришлось играть такую выдающуюся роль въ переговорахъ съ королемъ, на первыхъ порахъ не выступаетъ съ характеромъ общаго руководителя. На ряду съ нимъ упоминаются и другіе начальники: Аланъ купецъ, Вильгельмъ Гаукъ, Иоганъ Стапуль. Останавливаемся на этихъ подробностяхъ, потому что онѣ подрываютъ въ корнѣ возможность тѣхъ догадокъ, въ какия еще недавно пускались нѣкоторые историки насчетъ того, не было ли имя Тейлора вымышленнымъ и не скрывался ли подъ этимъ прозвищемъ какой-нибудь членъ высшаго или низшаго дворянства. Не допуская мысли, чтобы человекъ простого званія способенъ былъ собрать подъ свои знамена чуть не стотысячную армію и связать свое имя съ однимъ изъ грандіознѣйшихъ и опаснѣйшихъ движеній крестьянскаго демоса, многіе проводили мѣсяцы въ архивахъ въ тщетной надеждѣ найти подтвержденіе тому, что Тейлоръ былъ отщепенцемъ аристократіи и преслѣдовалъ честолюбивые замыслы. Ничто, однако, не доказываетъ, чтобы онъ былъ дѣйствительно вожакомъ всего движенія, а тѣмъ болѣе, чтобы подъ его именемъ скрывался человекъ знатнаго происхожденія. Лѣтописцы упоминаютъ о рядѣ лицъ, которыя, подобно Тейлору, были предводителями отдѣльных бандъ *). Въ счетахъ королевскихъ «конфискаторовъ» (escheators), какъ и въ inquisitiones post mortem, или разслѣдованіяхъ объ оставленныхъ кѣмъ-либо феодальныхъ имѣніяхъ, нѣтъ упоминанія о Тейлорѣ, очевидно, потому, что за нимъ не числилось ни собственности, ни владѣнія. Такимъ образомъ, всѣ предположенія о благородствѣ его крови и о предводительствѣ имъ всего возстанія падаютъ сами собой, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, должны бы исчезнуть и тѣ дальнѣйшіе выводы, какіе старались сдѣлать изъ факта организаціи движенія выходцемъ изъ рядовъ дворянства. Крестьянское возстаніе 1381 года не было результатомъ придворной интриги; оно создано не желаніемъ одной партіи парализовать дѣятельность другой, а народнымъ недовольствомъ. О немъ нельзя говорить, какъ о направленномъ противъ герцога ланкастерскаго или герцогомъ ланкастерскимъ противъ Бекингама. Всякія параллели съ позднѣйшими движеніями, какъ, наприимѣръ, возстаніемъ Кэда въ правленіе Генриха VI, неумѣстны. Вожаки не выдавали себя также за то, чѣмъ они не были; самозванцы явились позднѣе. Подъ именемъ Уота никто изъ современниковъ не искалъ подобія того Джона Мортимера, близкаго родственника короля, каковымъ выдавалъ себя Кэдь. Правда, въ лѣтописяхъ мы читаемъ, что крестьяне принуждали владѣльцевъ разграбленныхъ ими помѣстій слѣдовать за собою и исполнять ихъ порученія; но эти силою пріобрѣтенные союзники, всегда чувствовавшіе надъ собою тоноръ и петлю, разумѣется, не могли считаться ихъ вожаками и предводителями. Повторяемъ, до момента сліянія съ кентскими дружинами и

*) См. *Chronicon Angliae a monacho S.-Albani ab anno 1325 usque ad 1388* (Thomson, стр. 310). Эвесгамскій монахъ говоритъ о Jak Sherp, Johan Wraw, Wate Meller, Watte Taylor, Hobbe Carter и Jak Straw, какъ о первыхъ предводителяхъ; онъ не проводитъ между ними никакихъ разлчій во власти (*Hearne*, стр. 23).

совмѣстнаго съ ними дѣйствія въ Лондонѣ ополченцы не имѣли не только общаго начальника, но и никого, кто бы уполномоченъ былъ говорить ихъ именемъ и вступать въ соглашеніе съ кѣмъ бы то ни было. Случайно образовавшіяся банды дѣйствовали въ разсыпную и мысль о походѣ на столицу и о представленіи петиціи королю явилась только впоследствии.

Въ Кентѣ первыя проявленія народнаго недовольства и готовности положить силою конецъ барщинѣ и натуральнымъ платежамъ относятся еще къ 5 іюня. Въ Дартфордѣ въ среду, предшествующую Троицынъ дню, образовывается первая банда. Въ составъ ея входятъ жители сосѣднихъ селъ: Гаргета, Лина и нѣкоторые завербованные ими жители Эссекса. Эти пришельцы поднимаютъ простонародье въ Дартфордѣ и ведутъ его на Медстонъ и Рочестеръ въ Кентербери. Это направленіе выступаетъ при чтеніи судебныхъ протоколовъ, которые рѣшительно расходятся со свидѣтельствомъ хроникъ и въ частности Фруассара, говорящаго объ обратномъ движеніи изъ Кентербери въ Рочестеръ, а оттуда въ Дартфордъ. Судя по именамъ тѣхъ селъ, которыя упомянуты въ обвинительныхъ актахъ присяжныхъ, первымъ очагомъ движенія была сѣверная часть графства. Кентъ раздѣленъ, какъ извѣстно, на три «ласа»; изъ нихъ западный, въ которомъ расположенъ Блекгисъ, примкнулъ къ движенію только послѣ прибытія ополченій сѣверныхъ и восточныхъ селъ, южный же, Съютонъ, повидимому, совсѣмъ не принялъ участія въ возстаніи *). Первые дни, слѣдовавшіе за сборищемъ въ Дартфордѣ, ознаменованы скорѣе актами частнаго насилія, нежели выполненіемъ напередъ задуманной программы, ставящей себѣ сознательныя цѣли, стремящейся достигнуть прочныхъ результатовъ для будущаго. Въ обвинительномъ актѣ присяжныхъ, засѣдавшихъ въ Кентербери вмѣстѣ съ Томасомъ Голандъ и другими членами посланной королею судебной комиссіи, говорится, что нѣкій Робертъ булочникъ (Bakere) на Троицынъ день собралъ ополченіе изъ лицъ, имена которыхъ остались неизвѣстны, и направилъ его на домъ Николая Гернига въ Рочестеръ. Толпа вломилась въ жилище и разграбила его. Въ тотъ же день произведены акты насилія въ Френдесбери; жертвою ихъ является нѣкій Томасъ Сентъ-Ольбанъ, усадьба котораго временно занята мятежниками и предава

*) Присяжные относятъ къ числу первыхъ ополченцевъ уроженцевъ Дартфорда, Рочестера, Медстона, Чатама и Джалингама, Кентербери, Лонбриджа, Бадекиля, Блекборна, Тентердена, Лингама, Истри-Лоренца, Чилдена, Уайттелея, Баутона, Фавергама, Престона, Бленгета, Тенгама и острова Танетъ. При помощи *Spelman* (*Villare Anglicum*) и *Sandys* (*Consuetudines Cantiae*) легко опредѣлять мѣсто нахождения названныхъ селъ и городовъ. Всѣ они расположены въ сѣверномъ ласѣ. О началѣ движенія мы находимъ слѣдующія подробности въ *Coram Rege Roll* о шестомъ году правленія Ричарда II (*de termino S. Martinis*). Нѣкоторые жители Ригетъ въ сообществѣ крестьянъ Лина (*Lesnes*) нападаютъ на аббатство этого мѣста въ воскресенье, предшествующее Троицынъ дню. Аббатъ принужденъ покланяться, «будеть отнынѣ *de locum comitiva*». Перешедши Темзу, ополченцы идутъ въ Дартфордъ, разрушивъ нѣсколько домовъ и включивъ въ свои ряды многихъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ, идутъ вмѣстѣ съ ними въ Медстонъ.

расхищенію. Та же банда, въ которой, на ряду съ жителями Кента, встрѣчаются и выходцы изъ Эссекса, вооружившись луками, мечами и дрекольями, обходитъ сосѣднія селенія, принуждая обывателей примкнуть къ ней подъ страхомъ смерти. Возростая, такимъ образомъ, съ часа на часъ, она производитъ по пути всякаго рода безчинства, жжетъ помѣщичьи усадьбы, взламываетъ тюрьмы и, освободивъ заключенныхъ, силою принуждаетъ ихъ слѣдовать за собою. Такъ, въ среду, слѣдующую за Троицей, произведена ею осада королевскаго замка въ Рочестерѣ. Робертъ Белингъ, сидѣвшій здѣсь въ заточеніи, выпущенъ на свободу, но подъ условіемъ слѣдовать за возставшими. Днемъ раньше та же толпа, по дорогѣ изъ Дартфорда въ Рочестеръ, убиваетъ Югана Стонгельдъ изъ Медстона и беретъ приступомъ усадьбу Вильгельма Тончайвъ, которая немедленно предала пламени. Присяжные оцѣниваютъ убытки въ тысячу марокъ. Въ пятницу и субботу той же недѣли слѣдуетъ осада новыхъ помѣщичьихъ усадебъ, которыя затѣмъ расхищаются и становятся жертвой огня. Во власти мятежниковъ вскорѣ оказывается нѣсколько рыцарей и сквайровъ: Томасъ Кобгамъ, Юганъ Френингамъ, Іаковъ Печамъ, которые всѣ заточены, такъ какъ не хотятъ принести присяги въ готовности дѣйствовать за одно съ мятежниками.

Одновременно Бекеръ и предводительствуемая имъ банда осаждаютъ всѣ лежащія на пути королевскія тюрьмы, выпуская на свободу заключенныхъ. Каждый разъ, когда во взятыхъ съ приступа замкѣ или усадьбѣ оказываются какіе-либо письменные акты, королевскіе или частные, толпа распоряжается ихъ сожженіемъ публично на сельской площади. Такъ погибаютъ, между прочимъ, хранившіеся въ Дартфордѣ списки конфискованныхъ правительствомъ земель, такъ называемые *escheatrolls* *).

Вольсингамъ, а за нимъ анонимный монахъ Сентъ-Албанскаго монастыря говорятъ о кентскомъ возстаніи, какъ о порожденномъ эмиссарами изъ Эссекса **). То обстоятельство, что въ числѣ первыхъ мятежниковъ въ Дартфордѣ судебные протоколы называютъ и жителей Эссекса, служитъ подтвержденіемъ этого свидѣтельства. Дартфордъ, съ котораго началось движеніе, расположенъ не далеко отъ границъ Эссекса; ополченцамъ послѣдняго не мудрено было подать руку помощи жителямъ сосѣднихъ съ нимъ селеній. Что эта помощь была принята съ благодарностью и что общины Кента продолжали считать свое дѣло связаннымъ съ исходомъ эссекскаго движенія и подчиняться приказамъ, исходившимъ отъ его вожаковъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ фактъ передачи шерифа въ Кентербери въ руки Уота Тейлора изъ Эссекса.

Направленіе, въ какомъ двинулись образовавшіеся въ Дартфордѣ банды также объясняется не случайностью, а расчетомъ. Онѣ пошли на

*) *Coram Rege Rolls*. V. R. II. De termino Sancte Trinitatis.

**) *Wolsingham*, т. I, стр. 454. *Chronicon a monacho Sancti Albani*, стр. 286.

*) Смотри III т. *Archeologia Canicana*, гдѣ въ переводѣ на англійскій языкъ приведены извлеченія изъ *Praesentationes de malefactoribus, qui surrexerunt contra Deum regem 4 et 5 R. II. Exchequer treasury of the Receipt Miscellaner 21 (18)*.

Кентерберги, надѣясь завербовать въ свои ряды многихъ паломниковъ, шедшихъ на поклоненіе мощамъ Томаса Бевета. Вольсингамъ передаетъ любопытныя подробности о томъ, какъ всѣхъ, попадавшихся имъ на пути, предводители крестьянскихъ бандъ задерживали и не раньше отпускали на свободу, какъ послѣ принесенія ими клятвы въ вѣрности Ричарду и общинамъ, а также въ томъ, что они не признаютъ королею «никого по имени Джонъ». Это послѣднее обстоятельство, — замѣчаетъ лѣтописецъ, — вызвано было ихъ нерасположеніемъ къ герцогу ланкастерскому Джону Гонту, который называлъ себя королею Кастиліи, такъ какъ былъ женатъ на дочери и наслѣдницѣ Петра Кастильскаго. Задержанные должны были также поклясться въ томъ, что при первомъ призывѣ станутъ подъ знамена ополченцевъ и будутъ сопротивляться силой всякой измѣнѣ, а также, что они склоняются къ тому же и своихъ односельчанъ, наконецъ, что впредь они не согласятся платить другого налога, кромѣ такъ называемой quinta decima или пятнадцатой части дохода, слѣдующая въ этомъ примѣру отцовъ и предковъ, не знавшихъ иныхъ формъ обложенія *).

По дорогѣ въ Кентерберги кентскія ополченія останавливаются въ Медстонѣ изъ желанія освободить содержавшагося здѣсь въ тюрьмѣ Джона Боля. Лѣтописи не даютъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей о движеніи кентскихъ общинъ до момента достиженія ими Лондона. Оставленный пробѣлъ восполняется официальными документами **). Они даютъ намъ возможность прослѣдить ходъ возстанія съ момента, когда кентскія ополченія вышли изъ Дартфорда, и до того, когда они расположились на Блеггисѣ у входа въ столицу.

Мы видѣли, что первыя сборища послѣдовали еще пятого іюня, но потребовалась недѣля для того, чтобы дойти до Лондона. Девятого ополченцы попадаютъ въ сотню Чатамъ — въ селеніе Джимингамъ. Слѣдуетъ нападеніе на нѣкоего Томаса Бедемантонъ, общественное положеніе котораго не указано, но легко можетъ быть отгадано по тому обстоятельству, что въ его рукахъ оказываются королевскія грамоты и всякаго рода письмена. Самъ онъ владѣетъ домомъ и кускомъ поля. Это, очевидно, помѣщикъ, чиновникъ или юристъ, т.-е. членъ одного изъ трехъ одинаково ненавистныхъ мятежникамъ классовъ. Прежде чѣмъ обложить его реквизиціей въ двадцать шиллинговъ, вторгшіеся въ жилище отбираютъ клятву въ томъ, что потерпѣвшій не будетъ преслѣдовать ихъ предъ судомъ. Мятежникамъ недостаетъ еще увѣренности въ успѣхѣ и они запасаются на всякій случай амнистіей. Причиненный Бедемантону убытокъ оцѣненъ присяжными въ сто фунтовъ. Въ расчетъ не вошли бумаги, которыя ополченцы уносятъ съ собою съ очевиднымъ намѣреніемъ положить конецъ тому вымогательству рентъ, р-щины, налоговыхъ платежей, штрафовъ и т. п., который въ ихъ глазъ къ

*) *Wolsingam: „Historia Anglicana“, т. I, стр. 455.*

**) Кромѣ упомянутыхъ уже судебныхъ протоколовъ см.: „Prioris et capituli Cantuariensis mandatum de denunciando excommunicatos eos, qui interfecerunt archiepiscopum Cantuariensem“ (*Wilkins: „Concilia“, т. III, стр. 153.*

не имѣлъ другого источника, кромѣ этихъ бумагъ. Десятаго числа главный корпусъ ополченцевъ въ Престонѣ, недалеко отъ Фаверсгама. Ремесленники этого послѣдняго города спѣшать имъ на встрѣчу, въ числѣ ихъ Джонъ Гардинеръ, по званію своему портной. Онъ принимаетъ роль мѣстнаго руководителя и направляетъ собравшуюся вокругъ него банду на дома и усадьбы наиболѣе зажиточныхъ гражданъ. Нападеніе, повидимому, имѣеть цѣлью вымогательства и грабежъ. Вильямъ Мекнедъ, сдѣлавшійся первымъ его жертвой, подъ страхомъ смерти обѣщаетъ исполнить все, что приказано будетъ ему Джономъ Гардинеромъ.

Гардинеръ принуждаетъ другого члена той же семьи покинуть принадлежавшій ему участокъ въ Лаймостѣ, въ границахъ того же селенія. Мятежники грозятъ не одѣмъ помѣщичьимъ усадьбамъ; они позволяютъ себѣ саморасправу и съ простыми мастерами. По характеру имущества, найденныхъ при разгромѣ жилищъ Филиппа Бода и Ричарда Бертелота, не трудно заключить, что названныя лица принадлежали къ числу простонародья. Судебные протоколы говорятъ о мѣшкахъ извести, винной посудѣ и другой домашней утвари, какъ объ исключительномъ составѣ ихъ движимости. Одновременно въ Фаверсгамѣ происходятъ такіе же акты самоуправства и насилія; они направлены противъ помѣщиковъ, которые принуждаются къ выдачѣ ренталей *).

Возстаніе распространяется и на сотню Бленгетъ, гдѣ во главѣ мѣстной банды мы находимъ простаго сельскаго работника, Джона Левеснортъ, черепичника, и на сотню Тенганъ, гдѣ осажденные въ усадьбахъ помѣщики обязаны заплатить движимостью или внести выкупъ, и на сотню Вингашъ, гдѣ предводителемъ является кузнецъ и дѣло не обходится безъ убійства Вильгельма Вертона, собственника въ Чилденѣ, и на сотни Лонгбриджъ, Бедекель, Блекгарнъ и Тендерденъ, гдѣ также слѣдуетъ расхищеніе имущества и уводъ скота на сумму нерѣдко въ нѣсколько десятковъ фунтовъ.

Еще до прихода дартфордскихъ ополченцевъ въ Кентербери начались безпорядки. Судебные протоколы говорятъ намъ, что 10 іюня нѣкоторые ремесленники, какъ - то: Генрихъ Уойтъ — портной, Вильямъ Мундъ — ткачъ, и другіе вломались въ жилище Вильяма Медменгамъ въ Кентербери и унесли оттуда имущество цѣною на десять фунтовъ. Та же судьба постигла двухъ другихъ зажиточныхъ гражданъ—Джона Тербъ и Томаса Отингтонъ. Первый заплатилъ жизнью, второй принужденъ бѣжать слѣдовать за мятежниками подъ страхомъ подвергнуться одинаковой участи. Подоспѣвшія вскорѣ затѣмъ крестьянскія банды, предводимыя, какъ значится въ показаніяхъ присяжныхъ сотни Фаверсгамъ, Уотомъ Тейлоромъ изъ Эссека и Джономъ Гельсъ изъ Маллинга, направились на королевскій замокъ, въ которомъ жилъ шерифъ графства по имени Вильямъ Сеттвансъ. Они силою принудили его слѣдовать за собою, заставили по-

Въ этомъ положеніи оказался Томасъ де-Турнъ въ Фаверсгамѣ.

клясться въ вѣрности королю Ричарду и общинамъ Англiи и потребовали немедленной выдачи всѣхъ судебныхъ актовъ, бывшихъ у него на храненiи. Такимъ образомъ, въ ихъ рукахъ оказались протоколы какъ мировой, такъ и королевской юстици, счетовъ 50 свитковъ, а также всѣ приказы за государственною печатью или такъ называемые writs. Всѣ эти документы, по распоряженiю Уота Тейлора, сожжены на городской площади. Шерифу приказано отбыть въ свое помѣстье Милтонъ, гдѣ, по выраженiю тѣхъ же источниковъ, онъ поставленъ былъ подъ надзоръ Уота Тейлора. Взявши королевскiй замокъ, мятежники ворвались въ тюрьму и освободили изъ нея четырехъ подсудимыхъ, отбывавшихъ здѣсь наказанiе. Этими лицами оказались Ричардъ Дерби, духовнаго званiя, Джонъ Бергъ, Джонъ Гемпкокъ и Агнеса Дженкинъ. Всѣ они сидѣли въ кандалахъ, прикованными къ стѣнѣ. Въ обвиненiяхъ, возведенныхъ на участниковъ этого предпрiятiя, значится, что подсудимые освобождены были противъ ихъ воли, очевидно, изъ расчета увеличить число приверженцевъ. Въ этомъ данномъ, почерпнутомъ изъ протоколовъ судебного разбирательства, бумаги кентерберiйскаго капитула позволяютъ прибавить слѣдующiя подробности: ополченцы силою входятъ во дворецъ архiепископа, вскрываютъ бочки въ погребахъ, пьютъ вино или разливаютъ его на полу, грабятъ имущество и причиняютъ «всякаго рода вредъ» какъ дворцу архiепископа, такъ и его помѣстьямъ. Мало этого, они ломаютъ загороди, какими обнесены были парки, охотятся на дичь и почти изводятъ ее *).

Ободренные успѣхомъ, крестьяне Эссекса на слѣдующiй день идутъ въ Медстонъ, гдѣ, какъ сообщаетъ Внайтонъ, заключенъ былъ архiепископомъ кентерберiйскимъ Джонъ Болъ **).

Въ этой осадѣ приняли участiе жители какъ двухъ сельскихъ сотенъ Смердена и Кангала, такъ и граждане Кентербери. Слѣдующiе два дня возстанiе постепенно охватываетъ болѣе отдаленныя части графства, въ томъ числѣ и островъ Танэтъ. Въ этихъ мѣстностяхъ оно является уже выполненiемъ опредѣленнаго плана; дѣйствiями заговорщиковъ руководить изъ Кентербери Уотъ Тейлоръ. По его приказу издаются извѣстныя прокламацiи и жители обкладываются сборомъ на предстоящiя издержки. Лѣтописи хранятъ упорное молчанiе насчетъ всего движенiя и намъ приходится цѣликомъ заимствовать наши свѣдѣнiя изъ судебныхъ протоколовъ. Вотъ возможно близкая передача того, что содержатъ въ себѣ эти источники.

Настоятель церкви св. Иоанна, капланъ по имени Вильямъ, тринадцатаго iюня на праздникѣ Corpus Christi вмѣстѣ съ Джономъ Тейлоромъ, са и-

*) *Wilkins*: „*Consilia*“, т. III, стр. 153.

**) *Siquē primo dexter aciem sue nequitie ad quandam villam Archiepiscopi Cantuariensis vocatam Madstok (sic) in qua erat carcer dicti Archiepiscopi et in dicta carcere erat quidam Iohannes Bolle Capellanus, qui predicator famosissimus bebatur apud laucos. Dicti vero populares carcerem fregurunt et eum extraxerunt.* Ms Claudius E. III fol. 266.

станомъ той же церкви, и Джономъ Бугеромъ, также духовнымъ лицомъ (clericus), исполняя порученіе Іакова Стро *) и Уота Тейлора (Tegheler), приказываютъ жителямъ острова, подъ страхомъ смерти и конфискаціи имущества, осадить домъ уже упомянутого нами Вильяма Меденгамъ. Источники говорятъ, что неповорные подверглись наказанію (castigati sunt). Собраннымъ велѣно скрыть домъ до основанія, выбросивши изъ него предварительно всѣ книги и налоговые свитки, которые затѣмъ должны быть преданы сожженію. Приказъ исполненъ въ точности: внѣшнія ворота, а за ними двери, ведущія въ жилище, взломаны. Ворвавшись въ покои, толпа вскрыла ларцы и вынула хранившіяся въ нихъ податныя разверстки.

Такъ какъ эти послѣднія исходили отъ палаты казначейства за зеленою печатью, то онѣ извѣстны были въ народѣ подъ наименованіемъ свитковъ зеленого воска. Всѣ найденные документы сожжены публично, въ расчетѣ, что съ ихъ уничтоженіемъ отнята будетъ возможность дальнѣйшаго вымогательства поочажнаго сбора. Изъ тѣхъ же источниковъ мы узнаемъ, что при осадѣ присутствовало двѣсти человекъ и что причиненный убытокъ оцѣненъ былъ въ двадцать марокъ золотомъ. Недовольство Меденгамомъ, который, повидимому, былъ агентомъ лицъ, снявшихъ на откупъ королевскую подать, было такъ сильно, что народъ собирался убить его, но Меденгама не оказалось въ самый моментъ осады. Вожаки движенія, въ которыхъ не трудно отгадать единомышленниковъ Джона Боля, такихъ же, какъ и онъ, лоллардовъ, издають одновременно манифестъ, въ которомъ отмѣняютъ барщину и натуральные платежи въ пользу сеньоровъ, съ тою, однако, любопытною оговоркой, что эта мѣра не будетъ распространена на лицъ, держащихъ землю на зависимыхъ отношеніяхъ отъ кентерберійскаго пріората, а также отъ самого города.

Чтобы добиться согласія сеньоровъ, предписано осадить ихъ замки и сжечь архивы. Издержки должна была покрыть временная подать со всѣхъ жителей острова.

Въ сотнѣ Уай призывъ къ оружію производится именемъ сквайра Бертрама Вильментонъ. Это первое указаніе объ участіи лицъ высшаго общественнаго положенія. Ничто не доказываетъ, однако, чтобы ближайшіе виновники мятежа уполномочены были дѣйствовать именемъ только что упомянутого лица. Сами они простолюдины; поваръ изъ Баутона, согласно обвиненію присяжныхъ, былъ главнымъ предводителемъ. Нападеніе на жилище происходитъ въ присутствіи мѣстныхъ властей. Констебль не противится осадѣ дома нѣкоего Джона Этъ-Вудъ (въ другомъ показаніи названнаго Лэкостръ). Разграбленное имущество оцѣнено въ десять марокъ.

Что отличаетъ событія этихъ послѣднихъ дней отъ предшествующихъ, въ — присутствіе общаго плана и общаго руководства. Ополченцы облагаютъ себя и согражданъ временными взносами, обращаются къ людямъ въ зажиточнымъ съ требованіемъ денежныхъ реквизицій, систематически

*) John Rakestraw.

жгутъ помѣстные книги, судебные акты, налоговые свитки и производятъ все это отъ имени одного лица—Вальтера Тейлора или черепичника изъ Эссекса. Отмѣтимъ при этомъ, что имя этого Вальтера стоитъ рядомъ съ именемъ Джека Стро. Судебные протоколы признаютъ въ нихъ двухъ различныхъ другъ отъ друга лицъ; поэтому позднѣйшія соображенія лѣтописца Кнайтона о томъ, что Джекъ Стро не болѣе, какъ псевдонимъ Уота Тейлора, не заслуживаютъ довѣрія. Съ Тейлоромъ дѣйствуетъ заодно и Джонъ Гельсъ изъ Маллинга, личность котораго ступевывается внезапно, подобно личности Джека Стро, по всей вѣроятности, въ виду возростающаго вліянія Уота Тейлора и захвата имъ въ свои руки единоличнаго предводительства.

Та же организація, то же, частью добровольное, частью вынужденное подчиненіе одному, много двумъ вожакамъ, дѣйствующимъ сообща или согласно, встрѣчаются и въ тѣхъ двухъ графствахъ—Суффолькѣ и Норфолькѣ, которыя первыя отозвались на посланный имъ изъ Эссекса призывъ и подняли знамя возстанія противъ налогового гнета и помѣщичьей саморасправы. «Нынѣ высокомѣріе въ цѣнѣ, стяжаніе считается мудростью, распутство выступаетъ безстыдно и обжорство не встрѣчаетъ хулы»,—писалъ Джонъ Болъ въ своемъ обращеніи къ единомышленникамъ въ Норфолькѣ и Суффолькѣ. «Неправда слишкомъ долго правила міромъ, а истина была въ заточеніи»,—объявлялъ въ томъ же духѣ Джекъ Триманъ, т.-е. Жакъ справедливый,—прозвище, подъ которымъ, разумѣется, не скрывалось никакого опредѣленнаго лица и которое служило обозначеніемъ всѣхъ, кто, подобно ополченцамъ Кента, готовъ былъ постоять за торжество правды на землѣ *). Первыми отозвались на посланное изъ Кента воззваніе Роджеръ Беконъ изъ Норфолька и Іоганнъ Броу изъ Суффолька. Замѣчательно, что ни тотъ, ни другой не принадлежали къ крестьянской средѣ; одинъ былъ рыцаремъ, другой—церковнымъ капланомъ, т.-е. помощникомъ или замѣстителемъ приходскаго священника. О дѣйствіяхъ обоихъ мы узнаемъ весьма мало изъ лѣтописей и должны пополнить этотъ пробѣлъ выдержками изъ судебныхъ протоколовъ **).

Присяжные, призванные къ составленію обвиненій противъ мятежниковъ, шестнадцатаго іюля 1382 года объявляютъ, что Роджеръ Беконъ, рыцарь (miles), былъ предводителемъ (capitaneus) тѣхъ, кто въ Норфолькѣ и Суффолькѣ возсталъ противъ королевскаго мира. Собранная имъ банда называется «шагна сомитива», т.-е. большимъ ополченіемъ. Съ только что приведеннымъ свидѣтельствомъ согласны показанія присяжныхъ Иствъ и Вестъ Флегъ въ Суффолькѣ. И они говорятъ, что Роджеръ Беконъ былъ «communis levator et ductor hominum inimicorum domini regis per totam patriam».

*) См. содержаніе разосланныхъ изъ Кента прокламацій у Кнайтона (с. и d Twysden), текстъ котораго свѣренъ нами съ рукописями кнайтонской хроники. J. it. Mus. Tiberius, с. VII, и Claudius, с. III.

**) См., однако, *Wolsingham*, т. II, стр. 1 и 2, и хроніку монаха Сента Албанскаго монастыря, которая воспроизводитъ рассказъ Вольсингама, стр. 301—4.

Ставъ во главѣ недовольныхъ, онъ начинаетъ съ того, что въ поне-
дѣльникъ, въ праздникъ св. Роха, осаждаетъ въ Норвичѣ дома за-
житочнѣйшихъ гражданъ и уноситъ съ собой денегъ и имущества на
сумму гдѣ ста, гдѣ двухъ сотъ ливровъ, а гдѣ и тысячи марокъ; при
этомъ нѣкоторые изъ избранныхъ имъ жертвъ заплатились жизнью, какъ,
напримѣръ, Реджинальдъ Ээльсъ. Изъ Норвича Беконъ, во главѣ собраннаго
ополченія, идетъ въ Ярмутъ. Здѣсь во вторникъ 18 іюня онъ заставляетъ
выдать себѣ королевскую грамоту, въ которой, какъ значится въ прото-
колахъ, признавались вольности жителей («*carta regis de libertate villae*»
). Получивъ грамоту въ руки, онъ рѣжетъ ее на двѣ части, препровождаетъ
одну повстанцамъ въ Суффолькъ, въ томъ числѣ Джону Вроу, и остав-
ляетъ другую въ своихъ рукахъ. Овладевъ королевскою тюрьмой, онъ
казнитъ однихъ преступниковъ и милуетъ другихъ. Ярмутъ считался ко-
ролевскимъ помѣстьемъ и его жители платили обычные ренты или такъ
называемыя *custumae*. Размѣръ ихъ указанъ былъ въ особыхъ свиткахъ,
хранившихся у помѣстныхъ чиновниковъ. Роджеръ Беконъ вламывается
въ ихъ дома и разграбляетъ имущество, унося съ собою, между прочимъ,
«*rotulos et obligationes de custumis domini regis*». Причиненные имъ убытки
оцѣнены въ одномъ случаѣ въ двѣсти, въ другомъ—въ четыреста ливровъ.
Въ слѣдующіе затѣмъ дни Роджеръ ведетъ свои ополченія и на сосѣднія
помѣстья. Нигдѣ такъ систематически, какъ въ Ярмутѣ, не производится
погромъ имѣній, истребленіе ренталей и кустумаріевъ. Обвинительный актъ,
составленный присяжными, засѣдавшими въ пятый годъ правленія Ри-
чарда II съ Вильгельмомъ де-Уфордъ, графомъ Суффолькскимъ, председа-
телемъ назначенной королемъ судебной комиссія, долженъ быть приведенъ
цѣлкомъ, такъ какъ съ необыкновенною полнотою изображаетъ намъ обыч-
ный образъ дѣйствія крестьянъ по отношенію какъ къ свѣтскимъ, такъ и
духовнымъ сеньорамъ. Во вторникъ, слѣдующій за праздникомъ св. Роха,
крестьяне аббатства Карью, предводительствуемые кузнецомъ изъ Броксгама,
осаждаютъ дѣвичій монастырь и, грозя убить настоятельницу, требуютъ
выдачи всѣхъ грамотъ и всѣхъ протоколовъ вотчиннаго суда, которые за-
тѣмъ сожжены въ Норвичѣ. Днемъ раньше, въ самый праздникъ св. Роха,
подобные же беспорядки происходятъ въ Вимондгамѣ, гдѣ жертвою ихъ
является владѣлецъ помѣстья, архіепископъ норфолькскій Іоганнъ Фретонъ.
Его имущества разграблены, скотъ уведень, а сосѣдніе рыцари обложены
денежными поборами. Черта, отсутствующая въ показаніяхъ присяжныхъ
другихъ графствъ, это—выдача епископомъ документовъ, удостоверяющихъ,
что дальнѣйшій платежъ ренты сложенъ имъ съ лицъ, снявшихъ землю въ
арендное держаніе (*pro firma terrae*). Жители Вимондгама ставятъ ополче-
ніе во сто человекъ, которое, въ соединеніи съ отрядами другихъ селеній
и плетень, становится подъ начальство Роджера Бекона. Руководимая имъ
банда требуетъ выдачи бенедиктинскимъ монастыремъ въ Гульмъ всѣхъ про-
токоловъ «*curiae et letae*», т.-е. какъ феодальнаго, такъ и вотчиннаго
суда (*Court leet* и *Court baron*). Эти свитки (*rotuli*) немедленно сожжены.

Съ подобнымъ же требованіемъ обращается въ Суффолькъ Томасъ Беконъ къ настоятелю монастыря въ Бромгольмъ. Крестьяне проводятъ нерѣдко цѣлую ночь въ осадѣ помѣщичьей усадьбы и, овладѣвши ею, немедленно истребляютъ *custumaria, rentalia, rotuli*. Въ Гвинингамъ и Тунстедъ, въ помѣстьяхъ герцога ланкастерскаго, архивы сожжены, и то же повторяется въ Бери Сентъ-Эдмундъ съ документами, найденными въ сакристин. Мятезники говорятъ, что дѣйствуютъ по волѣ короля («*se habere regalem preceptum in premissis*»). Въ Ярмутъ ихъ жертвой, кромѣ богатыхъ гражданъ, являются фламандскіе ремесленники. Тронмъ изъ нихъ отсѣчены головы. Та же судьба постигаетъ и одного мирного судью, «*insticiarius domini regis de rase*». Говоря о дѣйствіяхъ мятезниковъ въ одной изъ сотенъ графства, присяжные употребляютъ слѣдующія выраженія: въ пятницу прибыли въ Сэтонъ, отобрали свитки и другіе документы, принадлежащіе помѣстью, унесли ихъ съ собою и сожгли, «*et sic iverunt ad manerium de Nekeling et de manerio ad manerium in totum hundredum predictum et omnia custumaria, rentalia, rotulos curiae et monumenta in omnibus maneriis in predicto hundredo spectantia combusserunt*». Въ другіяхъ сотняхъ повторяется то же; мы слышимъ о нѣкомъ Робертѣ Капаунъ, какъ о посылающемъ «*diversos homines ad comburendum cartas, rotulos curiae, computa et alia monumenta*».

Движеніе направлено не противъ однихъ церковныхъ помѣстій; его жертвой являются и губернаторы графства, и простые рыцари, напримѣръ, тотъ же Уфордъ, шерифъ суффолькскій, котораго мы встрѣчаемъ потомъ предсѣдателемъ судебной комиссіи. Всѣ документы, хранившіеся въ его замкѣ, въ *Bough*, сожжены; уничтожены также «*rotula*» въ имѣніи рыцаря Юганна де-Брюсъ и въ помѣстьи Ирмингандъ, принадлежащемъ герцогу ланкастерскому. Однохарактерныя дѣйствія повторяются въ восьми другіяхъ сотняхъ, не говоря уже о городахъ Норвичъ и Ярмутъ, гдѣ движеніе поддерживается ремесленниками и заговорщики взимаютъ въ свою пользу таможенные сборы съ приходящихъ моремъ товаровъ *). На ряду съ мѣрами, преслѣдующими общіе интересы крестьянства, попадаются и акты частнаго самоуправства, разсчитанные на то, чтобъ обезпечить имущественныя выгоды главнаго вожака. Въ среду, т.-е. за день до отхода кентскихъ и эссекскихъ дружинъ къ Майленду, предметью Лондона, Роджеръ Беконъ въ Винтонъ заставляетъ помѣщика Джона Куртайсъ уплатить ему десять марокъ золота. Въ тотъ же день Вильямъ Клеръ принужденъ выдать письменный актъ, удостовѣряющій готовность передать въ руки Роджера помѣстье Эптингамъ, полученное имъ въ ленное владѣніе отъ Вильгельма де-Вичингамъ, рыцаря. Эта грамота исторгнута угрозами. Желая спасти жизнь Вильгельма Клера, шерифъ графства, вмѣсто того, чтобъ оказать дѣятел.ое сопротивление толпѣ, самъ настаиваетъ на уступкѣ требованіямъ Бекона **).

Въ Суффолькъ движеніе направлено, главнымъ образомъ, противъ аб-

*) *Assize Rolls* (divers counties). B. 5, Ric. II.

***) *Coram Rege Rolls*. De termino Sancti Hilarii. V. R. II. Графство Суффол.

аббатства Эдмондсбери, причѣмъ вассалы монастыря и помѣстные чиновники являются скрытыми или явными союзниками заговорщиковъ, во главѣ которыхъ стоитъ уже названный нами капланъ Іоганнъ Броу изъ Судбери. По показаніямъ послѣдняго видно, наприимѣръ, что сенешаль изъ Бери, т.-е. лицо, поставленное во главѣ помѣстнаго управленія, и два сквайра, владѣвшіе землями аббатства на правахъ свободныхъ держателей, приняли ближайшее участіе въ осадѣ обители и послѣдовавшемъ затѣмъ убійствѣ ея пріора. Въ обвинительномъ актѣ присяжныхъ значится, что эмиссары Іоганна Броу принудили жителей Судбери примкнуть къ ополченію, въ которомъ уроженцы Суффолка и Норфолка дѣйствовали заодно съ выходцами изъ Эссекса и Гертфорда. Изъ Судбери предводительствуемая Іоганномъ Броу банда идетъ на Листонъ и въ среду врывается въ помѣстье лондонскаго уроженца Рикарда Лайенсъ *). Здѣсь она разноситъ двери, окна, крышу и послѣ такой расправы направляется въ Бери, мѣсто нахождения аббатства св. Эдмунда. Посланные напередъ эмиссары требуютъ отъ жителей немедленнаго присоединенія къ возставшимъ, «sub pena decapitationis» (т.-е. подѣ страхомъ отсѣченія головы). Мѣстное населеніе должно выйти на встрѣчу ополченіямъ графства и встрѣтить ихъ у южныхъ дверей бурга. Все это было въ четвергъ, въ праздникъ Corpus Christi, т.-е. въ тотъ самый день, когда эссекскія и кентскія ополченія вступили въ столицу. Два дня спустя мятежники оказываются въ Мильденгамѣ, помѣстьи того же аббатства; ихъ ведутъ монастырскіе слуги и вассалы, сквайръ Томасъ Геллсворъ и сквайръ Альфредъ Денгамъ, «servientes prioris monasterii sancti Edmundi», какъ значится въ цитируемыхъ нами источникахъ, а также Робертъ Вестбраунъ изъ того же Бери. Іоганнъ Броу признаетъ ихъ ближайшими виновниками убійства пріора и монаха Іоганна де-Лекингисъ. Движеніе въ Суффолкѣ ознаменовано также осадой помѣстья верховнаго судьи Кавендиша. И на этотъ разъ инициатива принадлежитъ слугителямъ (servientes), т.-е. дворнѣ; она участвуетъ въ погромѣ, уносить серебряную посуду, а именно: два кубка, канделябръ цѣною въ семь ливровъ и двѣ пары ножей. Все это скрыто въ колокольнѣ приходской церкви вмѣстѣ съ бархатною курткой (Velevet Jakke **). Тѣ же слуги присутствуютъ при крова-

*) Это тотъ самый Лайенсъ, который сдѣлается жертвою народной толпы въ Лондонѣ въ субботу, слѣдующую за праздникомъ Corpus Christi. Хроника говоритъ о немъ, какъ о человѣкѣ, присужденномъ къ смерти въ одномъ изъ парламентовъ Эдуарда III, помилованномъ королемъ или, вѣрнѣе, откупившемся за деньги отъ грозившей ему кары и заключенномъ на вѣчныя времена въ тюрьму. Въ правленіе Ричарда II онъ не только былъ помилованъ, но и принялъ участіе въ откупѣ поочажнаго сбора (см. хроникѣ Мальверна, годъ 1364. „In isto Parlamento multa mala fuerunt publicata de quodam Ricardo Lions, qui domino Latimer erat secretissimus et de quodam Adam Buri mercatore Londoniae: quum primus fuisset mortuus si eum sua pecuniâ non juvisset, tamen perpetuo carcere erat adjudicatus et omnes possessiones suae ad opus regis seiscitae“).

**) Симонъ Люсъ въ своей *Исторіи французской жакееріи* даетъ слѣдующее толкованіе слову Jasque—короткая рубашка съ шерстяною подкладкой, часто также под-

вой расправѣ, учиненной толпою надъ помѣщикомъ. Вечеръ того же дня (четвергъ, въ праздникъ Corpus Christi) мятежники проводятъ въ пьянствѣ. Въ Мильфортъ-Гринѣ они вламываются въ кабаки и выпиваютъ, какъ значитса, цѣлую бочку краснаго вина, цѣною въ семь марокъ и три солида.

Другая банда, во главѣ которой стоитъ викарный священникъ съ капелланомъ изъ Судбери и мѣстный сквайръ, отправляется въ ближайшую пятницу въ Сетфордъ (въ Норфолькѣ) и облагаетъ мэра и знатнѣйшихъ гражданъ (*maiores et capitales burgenses*) побороми въ двадцать марокъ.

«Въ случаѣ неплатежа, городъ преданъ будетъ пламени»,—объявляетъ отъ имени Иоганна Вроу предводитель банды, прибавляя, что самъ Вроу въ ту же пятницу прибѣдетъ со своимъ ополченіемъ для личной расправы съ мэромъ и городскою старшиной *). Вотъ все, что можно извлечь изъ судебныхъ протоколовъ о ходѣ возстанія въ Суффолькѣ. Хроника Вольсингама прибавляетъ нѣсколько добавочныхъ подробностей. Онъ не противорѣчатъ тому, что значитса въ официальныхъ документахъ, а только рѣче отгвняютъ роль крѣпостного крестьянства или такъ называемыхъ виллановъ. По словамъ Вольсингама, дворян и крѣпостные (*proprii servi et nativi*) рѣшаютъ участь какъ пріора св. Эдмунда, такъ и судьи Кавендиша. За одно съ ними дѣйствуютъ граждане свободнаго бурга—*burgenses villae de Bury*. Это обстоятельство вызываетъ изъ устъ повѣствователя возгласъ: «Развѣ ихъ дѣло добиваться свободы для виллановъ?» **). Монастырскіе аналиты стараются связать движеніе въ Суффолькѣ съ лондонскимъ и представляютъ Иоганна Вроу простымъ исполнителемъ приказовъ Уота Тейлора. На это нѣтъ никакихъ указаній въ официальныхъ актахъ, какъ нѣтъ въ нихъ и данныхъ для провѣрки свидѣтельства, что толпа, собравшаяся вокругъ мѣстныхъ вожаковъ, достигла цифры 50,000 человекъ. Враждебность мятежниковъ къ лицамъ юридической профессіи и систематическое истребленіе ими всякихъ документовъ, удостоверяющихъ личную и имущественную зависимость крестьянства, наконецъ, вѣра въ силу письменныхъ доказательствъ, хотя бы и исторгнутыхъ угрозами, одинаково выступаетъ и въ показаніяхъ присяжныхъ, и въ лѣтописномъ разсказѣ. Въ послѣднемъ народныя банды не только убиваютъ *legis arpraenticios*, не только сносятъ голову верховному судѣ королевства, не только жгутъ на площади всѣ найденные ими документы, но еще требуютъ отъ аббата выдачи грамоты, будто бы дарованной поселянамъ датскимъ королемъ Канутомъ. Такъ какъ ея не оказывается налицо, то мятежники удерживаютъ въ залогъ церковную посуду до момента, когда аббатъ св. Эдмунда согла-

битая бумагой или шелкомъ, она служила вмѣстѣ панцыря и была въ общемъ оду у крестьянъ (*Histoire de la Jacquerie*, стр. 3).

*) *Coram Rege Rolls*. 5. R. II. С. Суффолькѣ. Смотри хронку Кнайтона, который, впрочемъ, ограничивается однимъ краткимъ заявленіемъ: „Joh. de Caversham justiciarium regis trucidavement, Robertum Salle militem decollaverunt“.

**) „Quid ad eos pertinuit libertates exquirere pro villanis, qui villam minime colebant?“ (*Walsingham*, т. II, стр. 4, и *Chronicon a monacho Sancti Albani*, с. 4).

ется скрѣпить своею подписью изготовленную ими самими грамоту о вольностяхъ.

Жестокость по отношенію къ помѣщикамъ и управителямъ сказывается въ присоединеніи къ числу упомянутыхъ жертвъ еще всѣхъ тѣхъ, кто стоялъ во главѣ помѣстной администраціи, завѣдуя монастырскимъ имуществомъ, и, прежде всего, Іоганна Лекингисъ, котораго хроники объявляютъ *custos bagoniae*. Головы казенныхъ посажены на пикъ и водружены на площади, причѣмъ, какъ значится въ лѣтописяхъ, не то въ насмѣшку, не то въ знакъ дружбы, соединявшей верховнаго судью съ пріоромъ, не то съ цѣлью показать наущничество одного у другого, головы ихъ сближены точно для поцѣлуя.

Последнія событія, т.-е. убійство пріора и верховнаго судьи, а также занятіе Бери Сентъ-Эдмунда, совпадаютъ и отчасти слѣдуютъ за революціей въ Лондонѣ, но начало движенію положено, какъ мы видѣли, одновременно съ первымъ подъемомъ эссекскихъ и кентскихъ ополченцевъ.

И въ другихъ графствахъ возстаніе принимаетъ тотъ же характеръ аграрной революціи, направленной къ упраздненію какъ вѣрностнаго права, такъ и всѣхъ вообще зависимыхъ формъ земельного держанія; современный англійскій юристъ сказалъ бы: къ замѣнѣ *копигольда* *фригольдомъ*.

Но всѣ эти мѣстные бунты вспыхиваютъ не ранѣе подхода крестьянскихъ ополченій къ столицѣ. Это замѣчаніе относится, прежде всего, къ тѣмъ, которыя проявились въ графствѣ Серре и Мидельсексъ. Въ Гертфордширѣ возстаніе монастырскихъ обывателей противъ Сентъ-Албанской обители также стоитъ въ прямой связи съ событіями въ столицѣ и будетъ поэтому описано за одно съ ними. Помимо этихъ болѣе или менѣе серьезныхъ беспорядковъ въ Бекингамѣ, Лейчестерѣ, Линкольнширѣ, Норгемптонѣ и Сомерсетширѣ, Кэمبرиджширѣ и Глостерѣ, воспослѣдовали мѣстные бунты, которые, въ виду своей разрозненности и отсутствія общаго руководительства, были подавлены безъ труда или вымерли сами собою. Такъ, напримѣръ, въ Лейчестерѣ, по свидѣтельству каноника этой епархіи, уже не разъ упомянутаго нами Кнайтона, мэръ, увѣдомленный о предстоящемъ нашествіи крестьянскихъ ополченій изъ Лондона и о томъ, что они дошли уже до Гарбаро, созываетъ подъ знамена защиточвѣйшихъ гражданъ съ цѣлью отбить городъ отъ мятежниковъ. Достаточно одного извѣстія о томъ, что 1,200 хорошо вооруженныхъ лицъ готовы къ открытому сопротивленію, чтобы положить конецъ дальнѣйшей попыткѣ поднять народную чернь и направить ее на жилища богатыхъ *).

Въ Бекингамширѣ заговорщики, въ числѣ которыхъ, наравнѣ съ уроженцами графства, дѣйствуютъ выходцы изъ Линкольна и Страфорда, довольствуются ночнымъ погромомъ церковнаго дома въ Блидло, изъ котораго они похищаютъ серебряную посуду, богослужебныя книги, увозя, въ то же время, лошадей и рабочій скотъ; весь убытокъ оцѣненъ присяжными

) *Troyden*, стр. 2639.

въ сто марокъ *). Въ Кембриджширѣ движеніе принимается, какъ мы увидимъ ниже, форму открытой вражды города съ университетомъ. Въ Норгемптонширѣ уже много спустя послѣ лондонскихъ событій, около праздника Успенія Богородицы, происходятъ не только нападенія на частныя жилища, послѣдствіемъ которыхъ не разъ является бѣгство населяющихъ ихъ семей, но и образуется родъ заговора противъ мэра главнаго города, державшаго, повидимому, сторону зажиточной буржуазіи *). Въ графствѣ Глостеръ движеніе направлено, главнымъ образомъ, противъ аббатства Питерборо. Монастырскіе обыватели, — жалуется Кнайтонъ, — намѣревались уничтожить его до основанія (*abbatiam exterminare*). Подоспѣвшее во время ополченія епископа норвичскаго спасло обитель отъ разрушенія **).

Въ Сомерсетширѣ мятежъ казался нападеніемъ на домъ госпиталійцевъ въ Бриджвоторѣ. Настоятель задержанъ и выпущенъ на свободу не раньше, какъ по выдачѣ нѣкоего письменнаго обязательства, ранѣе того заключеннаго жителями Бриджвотора съ названнымъ магистромъ. Все имущество, за исключеніемъ наличнаго количества хлѣба и сѣна, захвачено вожакомъ движенія, капланомъ Николаемъ Фролентонъ, который принуждаетъ ордеу уступить въ его пользу или, точнѣе, въ пользу приходской церкви въ Бриджвоторѣ, права и выгоды, *jures et proficia*, взимаемые имъ, какъ настоятелемъ. Эта черта для насъ новая; она указываетъ на недовольство, какое въ приходскомъ священствѣ вызывало распространенное въ Англіи, какъ и во всемъ католическомъ мірѣ, приуроченіе отдѣльныхъ приходоу къ монастырямъ, послѣ чего весь доходъ отъ цаствы шелъ обители, которая только обязывалась поддерживать на свои средства церковный культъ и платитъ жалованье священнослужителю.

Одновременно въ Сиденгамѣ, расположенномъ въ томъ же графствѣ, нападенію подвергаются жилища помѣщиковъ и налоговыхъ чиновниковъ. Погромъ сопровождается сожженіемъ всѣхъ бумагъ и свитковъ за королевскою печатью. Убытки опредѣляются присяжными гдѣ въ сто солидовъ, а гдѣ и въ двадцать ливровъ. Разгромъ тюрьмы въ Ленгсьютонѣ и саморасправа съ преступниками, головы которыхъ сажаются на пики, заканчиваютъ рядъ преступленій, произведенныхъ бандою подъ предводительствомъ

*) *Coram Rege Rolls*. 5. R. II. Michaelmas. Term. C. Buk.

***) *Coram Rege Rolls*. Michaelmas. Term. 5. Ric. II, Northampton. „Juratores diversorum hundredorum comitatus predicti coram domino Rege apud Northampton presentant, quod Johannes Pekke de Siresham et Nicholaus Treusch apud Siresham felonice fregerunt domum Williemi Turnour et cum gladiis, arcubus et sagittis fugaverunt et prosequabantur, ita quod propter metum mortis sue nunquam postea redibat ad domum suam revenire. Въ Controlment Rolls отъ сего года правленія Ричарда II встрѣчается обвиненіе нѣкоего Williemus Napton изъ Норгемптона, qui durante toto tempore detestabilis perturbationis nuper facte fuit communis procurator et excitator plurium hominum de communitate ville Northampton verbo, arte et ingenio ad faciendum ipsos insurgere contra majorem ville Northampton qui tunc tunc et alios probos et legales homines dicte ville Northampton“ (de termino Sancti Michaelis).

***) *Twysden*, стр. 2638.

уже упомянутого нами каплана. Ее обвиняют также въ убійствѣ помѣщика Вальтера Баронъ и въ принужденіи нѣкоторыхъ лицъ примкнуть къ возставшимъ («*contra voluntatem suam ire*»).

Въ Линкольнширѣ, какъ слѣдуетъ изъ патентныхъ писемъ короля Ричарда II, также имѣли мѣсто сходки и соглашенія (*congregaciones et conventicula*), съ цѣлью положить конецъ барщинѣ и натуральнымъ рентамъ **), такъ что королю пришлось возложить на мѣстные власти обязанность объявить всенародно, что, какъ свободные владѣльцы, *tenentes liberi*, такъ и вѣрностные, *nativi*, обязаны отправлять, попрежнему, «*opera consuetudinaria et servicia que ipsis dominis suis facere debent et ab antiquo ante turbationem in diversis comitatibus regni exortam facere consueverunt*» ***).

Изъ того обстоятельства, что король съ подобнымъ же воззваніемъ обратился къ одному лишь мѣстному начальству графствъ Кента, Эссекса, Суссекса, Норфолка, Суффолка, Норсгемптона, Сомерсета, Гентипгдона, Герфорда, Бекингама и Кембриджа, можно заключить, что этими графствами и ограничилось движеніе. Лежащія болѣе на сѣверъ не были задѣты имъ, потому ли, что подавленное въ Лондонѣ крестьянское возстаніе не успѣло распространиться на далекія отъ главнаго очага провинціи, или потому, что помѣщичій гнетъ, какъ думаетъ Фруассаръ и какъ доказываетъ простое сопоставленіе сѣверныхъ ренталей и кустумаріевъ съ южными, далеко не былъ такъ чувствителенъ въ этихъ графствахъ. Исходъ движенію данъ былъ событіями, развернувшимися въ Лондонѣ. Отсюда необходимость болѣе подробнаго ихъ изученія. Задача эта значительно облегчается тѣмъ обстоятельствомъ, что лѣтописи, весьма скудныя извѣстіями о мѣстныхъ мятежахъ, болѣе говорятъ о томъ, что произошло въ столицѣ и сосѣднихъ къ ней бургахъ въ періодъ времени, открываемый праздникомъ *Corpus Christi* и оканчивающійся субботою той же недѣли. Остановимся на передачѣ этихъ свидѣтельствъ, сопоставляя ихъ съ болѣе сухими, но менѣе окрашенными субъективизмомъ данными судебныхъ протоколовъ.

Максимъ Ковалевскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Controlment Rolls. De termino Sancti Michaelis, 6 Ric. II, c. Somerset.

Patent Rolls. 5. Ric. II, prima pars.

** Эти письма посланы изъ Геверинга (*Gavering atte boure*) 30 іюня. См. *Close Rolls* 5. Ric. II.

Король Лиръ *).

Что-то вродѣ благоговѣнія охватываетъ васъ на порогѣ этого произведенія,—чувство, подобное тому, какое вы испытываете на порогѣ сикстинской капеллы, съ плафонною живописью Микель Анджело. Цѣлый міръ заключенъ здѣсь, міръ величія и скорби. Разница лишь въ томъ, что въ Лирѣ чувство гораздо острѣе, вопль необузданнѣе, гармоніи красоты гораздо рѣзче нарушаются диссонансами отчаянія.

Отелло, предшествующій трудъ Шекспира, представлялъ еще собою какъ бы благородный обращеніе камерной музыки, простой и ясной, какъ ни глубоко раздиралъ онъ сердце. Это же—симфонія для громаднаго оркестра; всѣ инструменты земной жизни звучатъ въ ней, и каждый инструментъ въ нѣсколькихъ голосахъ.

Лиръ—самая крупная задача, поставленная себѣ Шекспиромъ, и, въ то же время, самая обширная и самая величественная: вся мука и весь ужасъ, какіе могутъ вмѣстить въ себя отношенія между отцомъ и его дѣтьми, и все это замкнуто въ пяти недлинныхъ актахъ.

Ни одному изъ новѣйшихъ умовъ не было дано увидать передъ своими глазами подобный сюжетъ, и ни одинъ и не счумѣлъ бы справиться съ нимъ. Шекспиръ овладѣлъ имъ такъ, что у него не чувствуется ни слѣда хотя бы малѣйшаго напряженія, и сдѣлалъ это благодаря подавляющему владычеству надъ человѣческой жизнью въ ея совокупности, какъ темой, котораго онъ достигъ на кульминаціонной точкѣ своей гениальности. Шекспиръ трагуетъ свой сюжетъ съ превосходствомъ, которое дается здоровымъ духомъ, а, между тѣмъ, каждая сцена здѣсь такъ сильно трогаетъ насъ, что намъ чудится, будто мы слышимъ, словно аккомпаниментъ драмъ, рыданія несчастнаго человѣчества, подобно тому, какъ у берега моргъ постоянно слышимъ плескъ его и вздохи.

Съ какими предпосылками избралъ Шекспиръ этотъ сюжетъ? — замѣтно достаточно громко говорить объ этомъ. Онъ стоялъ на вершинѣ чело-вѣческой жизни: онъ прожилъ 42 года, онъ имѣлъ передъ собою еще — сать

*) Георга Брандеса (переводъ съ датскаго).

лѣтъ, но изъ нихъ едва ли болѣе шести производительныхъ въ духовномъ смыслѣ. Со взоромъ, видѣвшимъ до самаго дна всю пучину ужасовъ, и съ сердцемъ, не испытывавшимъ при этомъ зрѣлищъ ни страха, ни головокруженія, ни слабости, онъ измѣрялъ глубину жизни и смерти, взвѣшивалъ въ своей рукѣ и то, что дѣлаетъ жизнь хуже смерти, и то, что составляетъ животворный воздухъ для нашихъ легкихъ и укрѣпляющее насъ въ нашей мукѣ утѣшеніе, изливающееся отъ душъ, подобныхъ Корделии, и все это направилъ на встрѣчу крушенію, производящему такое же величественное дѣйствіе, какъ кончина міра.

Въ какомъ настроеніи приступилъ Шекспиръ къ этому труду? Что кишѣло и клокотало въ его душѣ, какіе звуки и жалобы раздавались въ нѣдрахъ его существа, когда онъ натолкнулся на эту тему? Драма достаточно ясно говоритъ объ этомъ. Изъ всѣхъ пытокъ, грубыхъ оскорбленій и подлостей, которыя онъ пережилъ до сей поры, изъ всѣхъ пороковъ и гнусностей, отравляющихъ жизнь лучшихъ людей, одинъ порокъ казался ему въ этотъ моментъ самымъ худшимъ, одинъ стоялъ передъ нимъ, какъ самый отвратительный и возмутительный изъ всѣхъ,—порокъ, жертвою котораго онъ былъ, навѣрное, несчетное число разъ,—неблагодарность. Онъ видѣлъ, что ни одна низость не находитъ себѣ такого извиненія, такого прощенія, такого распространенія.

Кто можетъ сомнѣваться, что онъ со своею безпредѣльно-бюгатою натурой, сущность которой заключалась въ томъ, чтобы, подобно облаку у Шелли, непрестанно давать, вѣчно благодѣтельствовать, безъ конца изливать свѣжіе потоки дождя на жаждущія растенія,—кто можетъ сомнѣваться, что такой благотворитель въ самомъ крупнѣйшемъ стилѣ снова и снова встрѣчалъ въ отплату самую черную неблагодарность? Жизнь его протекала въ театрѣ. Если мы и не знаемъ этого, то можемъ легко догадаться, что товарищи, которымъ онъ помогалъ и для которыхъ онъ служилъ примѣромъ, театральные писатели, восхищавшіеся имъ и преисполненные зависти къ нему, актеры, которыхъ онъ воспитывалъ и для которыхъ былъ какъ бы отцомъ по духу, старшіе изъ нихъ, которыхъ онъ поддерживалъ, младшіе, которыхъ онъ бралъ подъ свое покровительство, то отступались отъ него, то нападали на него съ тылу. И каждая новая неблагодарность потрясала его душу. Долгіе годы онъ сдерживалъ свое возмущеніе и негодованіе, замыкалъ его въ сердцѣ, старался подавить его. Но онъ ненавидѣлъ и презиралъ неблагодарность болѣе всѣхъ другихъ пороковъ, потому что она дѣлала его, въ одно и то же время, бѣднѣе и мельче въ духовномъ смыслѣ.

Онъ, навѣрное, не былъ изъ числа тѣхъ художественныхъ натуръ, которыя раздають деньги направо и налево, разъ ихъ сами имѣютъ, и благодѣтельствуютъ съ добродушнымъ легкомысліемъ. Онъ былъ искусливый, энергическій практикъ и, неуклонно преслѣдуя свою цѣль завоевать себѣ независимость и поднять такъ глубоко павшее значеніе своей семьи, о берегъ деньги и копилъ ихъ. Тѣмъ не менѣе, достаточно очевидно,

что онъ былъ отличнымъ товарищемъ въ практической жизни, какъ былъ благодѣтелемъ въ жизни духовной. И онъ чувствовалъ, что неблагодарность дѣлаетъ его какъ бы бѣднѣе и принижаетъ его, ибо ему становилось трудно снова оказывать помощь, черная обѣими руками изъ царственныхъ сокровищъ своей природы, такъ какъ онъ слишкомъ часто видѣлъ обманъ и вѣроломство, даже со стороны тѣхъ, для которыхъ больше всего дѣлалъ и въ кого больше всего вѣрилъ. Онъ чувствовалъ, что если существуетъ какая-либо низость, могущая довести до отчаянія,—мало того, до безумія того, на кого она обрушивается, то это черная неблагодарность.

Въ такомъ настроеніи онъ однажды, по обыкновенію, перелистываетъ свою любимую Голиншедовскую хронику и встрѣчаетъ въ ней исторію короля Лира, великаго расточителя. Въ томъ же настроеніи прочитываетъ онъ старую пьесу о королѣ Лирѣ, вышедшую въ свѣтъ двѣнадцатью годами ранѣе, подъ заглавіемъ: *Достоверная летопись о королѣ Лирѣ и его трехъ дочеряхъ*.

Эта драма поучительна для того, кто пытается измѣрить объемъ генія Шекспира. Это—наивное произведеніе, въ которомъ грубые контуры основного дѣйствія, знакомые намъ по трагедіи Шекспира, растянуты въ драму, лишенную глубины. Но въ этомъ матеріалѣ Шекспиръ нашелъ то, что ему было нужно, на половину сформированную глину, изъ которой онъ могъ создать статуи и группы. Здѣсь была тема, которую онъ какъ разъ теперь могъ извлечь изъ этой поверхностно драматизированной хроники объ ужасающей неблагодарности.

И онъ вздѣлывалъ этотъ сюжетъ и обдумывалъ его въ себѣ, пока онъ не получилъ жизни въ его душѣ.

Едва ли въ свѣтлые часы дня, едва ли въ дневную пору началъ Шекспиръ своего *Короля Лира*. Нѣтъ, достаточно очевидно, что это было ночью, среди бури и страшной непогоды,—въ одну изъ тѣхъ ночей, когда, сидя въ своей комнатѣ за письменнымъ столомъ, мы думаемъ о бѣднякахъ, блуждающихъ въ безпріютной нищетѣ, среди этого мрака, подъ этимъ ужаснымъ ураганомъ, этимъ насквозь пронизывающимъ дождемъ, и когда въ свистъ вѣтра надъ кровлями, въ его завываніи сквозь печныя трубы мы слышимъ дикіе вопли, слышимъ стenanія всевозможныхъ бѣдствій.

Ибо въ *Лирѣ*—и только въ *Лирѣ*—мы чувствуемъ, что то, что въ наши дни мы обозначаемъ скучнымъ терминомъ «соціальный вопросъ»,—иными словами, страданіе наиболѣе обездоленныхъ, какъ проблема, уже существовало для Шекспира. Въ такую ночь онъ говорилъ вмѣстѣ со своимъ Лиромъ:

«Вы, бѣдные, нагіе несчастливцы,
Гдѣ-бъ эту бурю ни встрѣчали вы,
Какъ вы перенесете ночь такую,

Съ пустымъ желудкомъ, въ рубищѣ дырявомъ,
Безъ крова надъ бездомной головою!» *).

И онъ заставляетъ своего короля прибавить:

«Какъ мало
Объ этомъ думалъ я! Учись, богачъ,
Учись на дѣлѣ нуждамъ меньшихъ братьевъ!»

Въ такую-то ночь былъ зачатъ *Лиръ*, и, сидя за своимъ письменнымъ столомъ, Шекспиръ слышалъ, какъ голоса короля, шута, Эдгара и Кента звучали въ перемежку въ степи, контрапунктически, точно въ фугѣ, перебывая другъ друга. И только ради величаваго впечатлѣнія цѣльности написали онъ нѣкоторыя большія части пьесы, которыя сами по себѣ не могли занимать его своимъ исполненіемъ: такъ, напримѣръ, все вступленіе съ его недостаткомъ разумной мотивировки образа дѣйствій короля, которое онъ со своимъ обычнымъ гордымъ равнодушіемъ и безцеремонностью по отношенію въ несущественному взялъ изъ старинной пьесы.

Онъ не удовольствовался сказаніемъ о Лирѣ,—онъ пополнилъ дѣйствіе исторіей о Глостерѣ и его сыновьяхъ, взятой имъ изъ появившейся лѣтъ за двадцать передъ тѣмъ книги англійскаго поэта Филиппа Сиднея—*Аркадія*. Въ исторію о великомъ расточителѣ, которому дочери платятъ неблагодарностью, онъ вплелъ исторію о прямодушномъ герцогѣ, повѣрившемъ клеветѣ и изгнавшемъ добраго сына, послѣ чего дурной сынъ повергаетъ его въ то ужасное положеніе, когда у него вырываютъ глаза изъ орбитъ.

У Шекспира каждое позднѣйшее произведеніе всегда связано съ предшествующимъ, подобно тому, какъ звеня цѣпи сомнуды между собою. Въ исторіи Глостера повторяется и варьируется тема *Отелло*. Глостеръ, столь довѣрчивый сердцемъ, пьетъ душевную отраву Эдмунда, точь въ точь, какъ душа Отелло отравляется ложью Яго. Эдмундъ клеветаетъ на своего брата Эдгара, предъявляетъ подложныя письма, писанныя будто бы имъ, самъ себя ранитъ, чтобы заставить отца вообразить, что сынъ его Эдгаръ злоумышляетъ на его жизнь,—короче сказать, онъ поступаетъ съ Глостеромъ такъ, какъ дѣйствуетъ Яго, раздражая Отелло, и пользуется совершенно тѣми же средствами, какія дѣлаетъ лѣтъ спустя примѣняетъ злой братъ Францъ Мооръ въ *Разбойникахъ* Шиллера съ цѣлю очернить своего брата Карла въ мнѣніи старика-отца. *Разбойники* представляютъ въ нѣкоторомъ родѣ подражаніе этой части *Короля Лира*; даже слѣпота отца скопирована въ концѣ.

Шекспиръ все это переноситъ въ сѣдую старину, въ мрачную эпоху суроваго язычества, онъ наполняетъ безобидную пьеску ужасами, которыхъ онъ не выводилъ съ *Тита Андроника*, написаннаго въ дни его первой молодости, и не отступаетъ даже передъ выкалываніемъ глазъ на

*) Переводъ Дружинина.

спенѣ. Онъ хочетъ безъ всякой пощады показать намъ, что такое жизнь. «Такъ все идетъ на свѣтъ»,—говорится въ пьесѣ.

Онъ все сосредоточиваетъ вокругъ главнаго образа—бѣднаго, стараго, безразсуднаго, великаго Лира, короля отъ головы до ногъ и человѣка отъ головы до ногъ. Одну минуту, въ началѣ пьесы, старецъ стоитъ, выпрямившись во весь ростъ. Потомъ онъ начинаетъ гнуться. И тѣмъ слабѣе онъ становится, тѣмъ больше тяжестой взваливаютъ на него. И онъ изнемогаетъ подъ этою непосильною ношей. Онъ уходитъ прочь, ошупью пробираясь впередъ, съ своею тяжкою судьбой за плечами. Затѣмъ свѣточъ духа его гаснетъ,—безуміе овладѣваетъ имъ.

И Шекспиръ беретъ тему безумія и разлагаетъ ее на три голоса, распредѣляя ее между Эдгаромъ, сумасшедшимъ изъ предосторожности, но говорящимъ языкомъ настоящаго помѣшательства, между шуткомъ, сумасшедшимъ по профессіи и скрывающимъ подъ формами помѣшательства самую истинную житейскую мудрость, и королемъ, разсудокъ котораго помрачается и заражается отъ безумныхъ рѣчей Эдгара, — королемъ, который сдѣлался безумнымъ подъ вліяніемъ несчастія и муки.

Что Шекспиръ заботился единственно о существенномъ, о высокомъ паеосѣ и глубокой серьезности основнаго настроенія, это, какъ мы уже упоминали, видно изъ равнодушія, съ какимъ онъ заимствуетъ старинный сюжетъ для того, чтобы дать начало и завязку пьесѣ. Вступительныя сцены въ *Лирѣ*, само собою разумѣется, совершенно противорѣчатъ здравому смыслу. Только въ сказочномъ мірѣ можетъ король подѣлить свои владѣнія между своими дочерьми, руководясь тѣмъ правиломъ, что та изъ нихъ должна получить самую крупную часть, которая увѣритъ его, что всѣхъ больше его любитъ; только наивнымъ слушателямъ можетъ показаться убѣдительнымъ, что старикъ Глостеръ, зная чистоту характера своего сына, сразу принимаетъ на вѣру самую неправдоподобную клевету на него. Личность Шекспира не выступаетъ передъ нами на этихъ мѣстахъ. За то мы ясно ее видимъ въ воззрѣніи на жизнь, открывающемся Лирѣ съ той минуты, какъ онъ помѣшался. Обратите вниманіе на слова, съ которыми король обращается къ слѣпому Глостеру:

«Развѣ нельзя и безъ глазъ различать дѣла людскія? Гляди своими ушами! Слышишь, какъ судья-мошенникъ издѣвается надъ убогимъ вормомъ? Слушай, слушай, что я теперь тебѣ скажу на ухо. Перемѣни мѣста: который теперь изъ двухъ воръ, который судья вора? Видалъ ли ты, какъ собака лаетъ на нищаго?»

Глостеръ. Да, государи!

Лиръ. И голякъ бѣжить со всѣхъ ногъ отъ собаки! Собаки онъ ; женъ слушаться: она—власть!» *).

И затѣмъ слѣдуютъ взрывы негодованія, направленные на то, что то , кто караетъ, сплошь и рядомъ хуже того, кто подвергается карѣ: пал

*) Переводъ Дружинина.

сѣчетъ развратницу, но негодный палачъ такъ же похотливъ, какъ она. Здѣсь чувствуется настроеніе, соответствующее настроенію въ *Миръ за мѣру*: палачъ долженъ бы сѣчь самого себя, а не женщину. И за этимъ слѣдуютъ еще другіе взрывы негодованія по поводу того, что богатъ всегда остается безнаказаннымъ.

«Закуй злодѣя въ золото,—стальное
 Боше закона сломится безвредно» *).

Наконецъ, всю свою грусть онъ изливаетъ въ слѣдующемъ восклицаніи:

«Родясь на свѣтъ, мы плачемъ: горько намъ
 Въ комедіи дурацкой подступаться!» **).

Во всемъ этомъ звучитъ основная нота изъ *Гамлета*. Но критика Гамлета на ходъ жизни раздѣлена здѣсь между многими лицами, голосъ ея сильнѣе и она вызываетъ эхо за эхомъ.

Шутъ Лира, самый превосходный изъ всѣхъ шекспировскихъ шутовъ, особенно послѣ незначительной роли шута въ *Отелло*, своимъ язвительнымъ сарказмомъ, своимъ мѣткимъ остроуміемъ представляетъ подобное эхо. Онъ—протестъ здраваго человѣческаго смысла противъ безразсуднаго поступка, совершеннаго Лиромъ, но протестъ, въ которомъ нѣтъ ничего, кромѣ юмора; онъ никогда не жалуется, всего менѣе на свою собственную участь. Но все его шутовство производитъ трагическое впечатлѣніе. И слова, произносимыя въ пьесѣ однимъ рыцаремъ: «Шутъ совсѣмъ зачахъ съ тѣхъ поръ, какъ принцесса (Корделія) уѣхала во Францію»,—искупаютъ все его рѣзкія замѣчанія по адресу Лира. Ни въ одной шекспировской пьесѣ въ уста шута не вложено столько достойныхъ сдѣлаться пословицами изреченій житейской мудрости. Да и вся вообще трагедія переполнена ими. Таковы слова Лира: «Да и нѣтъ—плохая теологія»; Эдгара: «Быть зрѣлымъ—въ этомъ все»; Кента: «Быть оцѣненнымъ—лишняя награда».

Въ старинной драмѣ о Лирѣ Корделія, при свиданіи съ отцомъ, падаетъ передъ нимъ на колѣни. Но съ восклицаніемъ: «Мнѣ подобаешь склонить колѣни предъ тобою и молить тебя о прощеніи за грѣхъ, который я совершила!»—онъ опускается на колѣни предъ нею. Эта сцена чрезвычайно красиво и наивно прочувствована, но невозможна на подмосткахъ театра, гдѣ превлоненная поза другъ передъ другомъ двухъ дѣйствующихъ лицъ легко можетъ получить комическій оттѣнокъ. И дѣйствительно, эта черта принадлежитъ въ мотивамъ комедій Мольера и Гольберга. Шекспиръ сумѣлъ сгранить ее, воспользовавшись ею, какъ и всѣми другими цѣнными штрихами своего предшественника, такимъ образомъ, что остается только ей плестись, а грубая внѣшняя сторона исчезаетъ. Когда ихъ уведутъ плѣнными, Лиръ говоритъ Корделіи:

*) Переводъ Дружинина.

***) Переводъ Дружинина.

«Скорѣй уйдемъ въ темницу!

Мы станемъ пѣть въ ней, будто птицы въ клеткѣхъ.

Когда попросишь ты, чтобъ я тебя

Благословилъ, я самъ, склонивъ колѣни,

Прощенья буду у тебя просить.

И такъ мы станемъ жить вдвоемъ и пѣть,

Молиться, сказки сказывать другъ другу» *).

Старинная пьеса о Лирѣ заканчивается, простодушно и невинно, побѣдою добрыхъ. Король Галліи и Борделіа вновь водворяютъ Лира на его престолѣ, говорятъ въ лицо злымъ дочерямъ ѣдія истины и затѣмъ обращаютъ ихъ войска въ полнѣйшее бѣгство. Лиръ благодаритъ всѣхъ своихъ приверженцевъ, награждаетъ ихъ и проводитъ остатокъ своихъ дней на сладкомъ отдыхѣ у дочери и зятя.

Шекспиръ не такъ свѣтло смотритъ на жизнь. У него войско Борделіа разбито, старога короля съ дочерью отводятъ въ тюрьму. Но никакія пережитыя и никакія существующія невзгоды не въ силахъ теперь сломить жизненную отвагу Лира. Вопреки всему, вопреки утратѣ власти, самоугрѣпенности и одно время разсудка, вопреки потерѣ рѣшительной битвы, онъ счастливъ, какъ можетъ быть счастливъ старикъ. Онъ вновь обрѣлъ свою утраченную дочь. Отъ людей его уединила уже самая старость. Въ спокойствіи, которое ему дастъ темница, онъ останется едва ли болѣе одинокъ, чѣмъ всегда бываетъ преклонная старость, и будетъ жить, замкнувшись тамъ съ единственнымъ отнынѣ предметомъ своей любви. Шекспиръ одно мгновеніе какъ будто хочетъ сказать: счастливъ тотъ, кто въ преклонной старости, хотя бы даже въ темницѣ, имѣетъ близъ себя завѣтный цвѣтокъ своей жизни.

Поэтому Шекспиръ и не останавливается здѣсь. Эдмундъ отдаетъ приказъ повѣсить въ тюрьмѣ Корделію, и убійца исполняетъ данное ему повелѣніе.

Лишь тогда трагедія достигаетъ своей высшей точки, когда Лиръ появляется съ трупомъ Корделіа на рукахъ. Когда, послѣ бурныхъ взрывовъ скорби, онъ спрашиваетъ зеркало, чтобы видѣть, дышетъ она еще или нѣтъ, происходитъ слѣдующій обмѣлъ репликъ:

«Кемъ. Не это ли кончина міра?

Эдгаръ. Или образъ ея ужасовъ?»

Ему подають перо. Онъ испускаетъ радостный крикъ: оно шевелится, его дочь жива. Потомъ онъ видитъ свою ошибку. Слѣдуютъ проклятія и прелестныя, характеризующія Корделію слова:

«У ней былъ нѣжный, милый, тихій голосъ —
Большая прелесть въ женщинѣ» **).

*) Переводъ Дружинина.

**) Переводъ Дружинина.

Затѣмъ переодѣтый Кентъ открывається ему, и онъ узнаеть, что обѣихъ преступницъ сразила смерть. Но способность его къ воспріятію новыхъ впечатлѣній почти совсѣмъ угасла. Онъ можетъ только восчувствовать смерть Корделии. «Повѣшена моя малютка! Нѣтъ, нѣтъ жизни!» *). Затѣмъ послѣднія силы покидаютъ его и онъ умираеть.

«Кентъ. Не оскорбляй души его. Пускай
Она отходить съ миромъ. Только врагъ
Его вернуть захочеть къ пыткамъ жизни» **).

Что этотъ старецъ теряетъ свою младшую дочь, именно это Шекспиръ выполнилъ такъ величаво, что Кентъ справедливо восклицаетъ: «Не это ли кончина міра? (Is this the promised end?)». Съ этою дочерью онъ теряетъ все, и бездна, разверзающаяся передъ нимъ, столь глубока и обширна, что, кажется, способна поглотить цѣлый міръ.

Потерять Корделию—это значить претерпѣть крушеніе всей жизни. Всѣ люди теряютъ свою Корделию или чувствуютъ, что имъ грозитъ опасность ее потерять. Потерять самое лучшее и самое дорогое, то, чтò одно даетъ жизни цѣну,—въ этомъ трагедія жизни. Отсюда и вопросъ: не это ли кончина міра? Да, кончина міра. Каждый отдѣльный человѣкъ имѣеть лишь свой міръ и находится подъ вѣчною угрозой пережить его крушеніе, а Шекспиръ въ 1606 г. былъ въ настроеніи, допускавшемъ его писать лишь такіа драмы, гдѣ изображалась кончина міра.

Это кончина міра, когда намъ кажется, что нравственный міръ погибаетъ, когда тотъ, кто великодушенъ и довѣрчивъ, какъ Лиръ, встрѣчаетъ неблагодарность и ненависть въ отплату, когда тотъ, кто честенъ и доблестенъ, какъ Кентъ, несетъ позорное наказаніе, когда тотъ, кто полонъ милосердія, какъ Глостеръ, и хочетъ дать пристанище поруганному страдалцу, въ награду за это теряетъ глаза, когда тотъ, кто благороденъ и непоколебимо вѣренъ, какъ Эдгаръ, долженъ скитаться въ видѣ сумасшедшаго, съ лохмотьями на чреслахъ, когда, наконецъ, та, которая представляетъ живой символъ величія женской души и дочерней нѣжности къ старому отцу, ставшему какъ бы ея ребенкомъ, можетъ, на его глазахъ, быть повѣшена ругами убійцы. Такъ что же пользы въ томъ, что злые послѣ того губятъ и прощаютъ другъ друга? Это, все-таки, громадная трагедія человѣческой жизни и изъ нея звучитъ хоръ страстныхъ, хоръ насмѣшливыхъ, полныхъ дикаго вожделѣнія и безнадежно стонущихъ голосовъ.

Сидя въ ночную пору у камина, Шекспиръ въ свистѣ бури, хлещущей въ оконныя стекла, въ завываніяхъ вѣтра въ трубѣ слышалъ, какъ всѣ эти глухыя голоса контрапунктически, точно въ фугѣ, перебывали одинъ другъ друга, и слышалъ въ нихъ вопль отчаянія, исходящій отъ страждущаго человечества.

В. С.

*) Переводъ Дружинина.

**) Переводъ Дружинина.

Новый трудъ по исторіи русской литературы.

(Исторія русской словесности проф. А. И. Незеленова, 4-е изданіе.
2 части. Спб., 1895 г.).

Почти изящная внѣшность, краткость, не исключаящая, однако, содержательности, мѣстами свѣжесть матеріала и удачность цѣлыхъ отдѣловъ, зависѣвшая отъ выбора надежныхъ руководителей, живость, иногда даже увлекательность изложенія,—всѣ эти особенности новаго учебника по исторіи русской литературы невольно бросаются въ глаза при самомъ поверхностномъ съ нимъ ознакомленіи и выгодно отличаютъ его отъ всѣхъ другихъ наличныхъ учебниковъ. Могло бы показаться, что г. Незеленовъ удовлетворилъ одной изъ самыхъ насущныхъ потребностей нашей средней школы: не даромъ его книга получила Петровскую премію такъ скоро послѣ своего выхода, не даромъ такъ часто идутъ теперь разговоры о введеніи ея въ гимназіи. Болѣе детальное изученіе новаго учебника приводитъ къ весьма серьезнымъ «но», съ которыми нужно будетъ посчитаться тѣмъ педагогамъ, которые введутъ его въ гимназіи.

До сихъ поръ г. Незеленовъ не занимался исторіей древне-русской литературы, по крайней мѣрѣ, ничѣмъ этого не заявивъ; мимолетные экскурсы его въ область западныхъ литературъ свидѣтельствовали только о самомъ слабомъ знакомствѣ съ ними; можно, наконецъ, усомниться въ его педагогической опытности,—все это не могло не отразиться на достоинствахъ новаго труда. Автору пришлось сразу сдѣлать большой скачокъ отъ спеціальнаго изученія русской литературы XVIII и XIX вв., дававшего часто весьма сомнительные результаты, къ исторіи всей нашей литературы; онъ поневолѣ часто долженъ былъ попадать не туда, куда слѣдуетъ, и дѣлать не такъ, какъ слѣдуетъ.

Въ предисловіи г. Незеленовъ говоритъ, что учебникъ долженъ захватывать въ себѣ «факты и положенія, уже выработанные и установленные наукой», и общаетъ слѣдовать этому правилу, «избѣгая (насколько возможно) спорныхъ вопросовъ, предположеній и догадокъ» (стр. IV). Эт

объщанію нельзя не сочувствовать, только бы нашъ авторъ не принималъ догадокъ за установленные факты, отвергнутыхъ наукой гаданій за вѣ

ботанныя ею положенія; къ сожалѣнiю, г. Незеленовъ далеко не свободенъ отъ упрековъ въ этомъ отношенiи.

Опредѣленія нашего автора часто грѣшатъ непослѣдовательностью, неполнотой и сбивчивостью, характернымъ обрачикомъ которыхъ можетъ служить начало введенія: «Исторiя русской словесности есть наука о словесныхъ произведенiяхъ русскаго народа. Она располагаетъ эти произведенiя въ хронологической, временной послѣдовательности, и такимъ путемъ раскрываетъ ходъ духовнаго развитiя народа и его идей». Нѣсколькими строками ниже стоитъ: «Наука словесности занимается лишь тѣми произведенiями слова, которыя удовлетворяютъ высшимъ стремленiямъ человѣка, — стремленiямъ къ истинѣ, благу и красотѣ» (стр. 1). Развѣ то, что «раскрываетъ ходъ духовнаго развитiя народа и его идей» всегда «удовлетворяетъ высшимъ стремленiямъ человѣка»? Затѣмъ какого человѣка — современнаго или прежнихъ вѣковъ? Какъ быть съ тѣмъ, что подъ многими «высшими стремленiями» г. Незеленова, наприм., очень и очень многiе не подпишутся? Какъ могъ допустить г. Незеленовъ въ *Исторiю русской словесности Домострой*, который мудрено заподозрить въ «удовлетворенiи высшимъ стремленiямъ человѣка»? Или прочувствованныя восклицанiя Домостроя: «Сколько прохлады можетъ быть отъ одного барана!» — указываютъ на «высшiя стремленiя къ истинѣ, благу и красотѣ»? Эта фраза — не случайность: рядъ положенiй, подобныхъ ей, можно найти въ томъ же введенiи. «Авторъ устныхъ, или народныхъ, произведенiй — цѣлый народъ» (ib.), — это положенiе слишкомъ грубо и невѣрно представляетъ сложный процессъ созданiя и храненiя устныхъ произведенiй. «Народъ жилъ въ ту эпоху (глубокой древности) полубезсознательною, но полною общею жизнью. Инстинктивно, но органически возникали у него общiя вѣрованiя, воззрѣнiя, чувства» (стр. 1—2), — все это выражено недоступнымъ для ученика языкомъ и заключаетъ въ себѣ крайне сбивчивыя мысли. «Народная поэзiя была въ древности преимущественно эпической» (стр. 2), — странное положенiе, если принять во вниманiе первоначальное смѣшенiе видовъ искусствъ, поэтическихъ родовъ, первоначальную близость выдѣлившагося вноса къ лирикѣ съ переходными формами въ видѣ лирико-эпической кантилены и пр. Такъ же сбивчиво и странно объясненъ «сравнительный методъ изученiя народныхъ произведенiй» (стр. 4); нужно было или совсѣмъ не упоминать о немъ или объяснить его научнѣе. На первый планъ г. Незеленовъ выдвигаетъ теорiю арийскаго родства, мнeологическую экзегезу, хотя она теперь не имѣетъ ни у кого кредита. Довѣрiе къ отвергнутой всѣми серьезными учеными теорiи свѣчается не въ одномъ этомъ мѣстѣ, но, къ сожалѣнiю, легко въ основу вѣтвей главы о народной поэзiи. Заподозрѣнные всѣми (кромѣ составителей учебниковъ) гаданiя какимъ-то чудомъ обратились въ «выработанные и установленныя наукой факты и положенiя».

«Сравнительный методъ изученiя народныхъ произведенiй» (читай: обанкротившаяся мнeологическая экзегеза) привелъ къ заключенiю, что самый древнiй видъ народной или устной поэзiи — пѣсни-молитвы языческимъ бо-

гамъ» (стр. 5). «Обычай наряживанья объясняютъ почитаніемъ умершихъ» (стр. 7). «Св. Георгій замѣнилъ прежняго языческаго бога—пскровителя стада, Волоса или Велеса» (стр. 9). Пословица: «новая метла чисто мететъ», на ряду съ прочими, выражаетъ «разумное пониманіе жизни и возвышенный нравственный взглядъ на нее» (стр. 13). «Міозъ—повѣствованіе о языческомъ божествѣ» (стр. 14). «Героическій эпосъ возникъ изъ эпоса мненческаго» (стр. 17). «Основа героическихъ пѣсней вынесена изъ общей родины» (стр. 18). «Наши богатыри раздѣляются на старшихъ и младшихъ» (стр. 19) и пр., и пр. Однимъ словомъ, на каждой страницѣ встрѣчаются сбивчивыя выраженія, воспроизводятся всѣ ошибки славянофильской и миеологической школы, всѣ ихъ ненаучныя объясненія аллегорій и символовъ, якобы заключающихся въ народной поэзи (тяга земная—тяжесть земледѣльческаго труда и пр.), какъ будто бы разработка народной поэзи остановилась на Конст. Аксаковѣ, Аванасьевѣ, Ор. Миллерѣ и Безсоновѣ, и изъ взгляды—последнее слово науки, нѣчто «выработанное и установленное». Въ ихъ взгляды вѣрятъ теперь только наивные составители учебниковъ, объ ихъ ошибкахъ «знаютъ даже и не учившіеся въ семинаріи», какъ когда-то выразился Гоголь. Мы не завидуемъ тому учителю, который позволить своимъ ученикамъ знакомиться съ народною поэзіей по этому отдѣлу учебника г. Незеленова: кромѣ путаницы, произвольностей и грубыхъ ошибокъ (старыхъ и новыхъ), они ничего оттуда не вынесутъ. Больше оправданное впечатлѣніе производитъ слѣдующій отдѣлъ: *Древняя литература*, хотя и въ немъ многое удивляетъ читателя. Поученіе Мономаха безъ всякихъ серьезныхъ основаній отнесено къ последнему году XI в. (стр. 66). Нѣтъ попытки разграниченія эпохъ: «въ XII в. продолжалось развитіе нашей литературы, такъ удачно начавшейся въ XI в.»,—говоритъ г. Незеленовъ (стр. 69), и ни словомъ не заикается о томъ, что въ XII в. произошла крупная перемѣна въ литературныхъ приемахъ и вкусахъ, начинается особенно сильное вліяніе искусственной византійской литературы и пр. Новый духъ вѣетъ въ лѣтописяхъ XII в., но г. Незеленовъ мелькомъ упоминаетъ о Лаврентьевскомъ и Ипатьевскомъ сводахъ, игнорируетъ такой живой и цѣнный памятникъ, какъ Галицко-Волынская лѣтопись. Свѣтская переводная повѣсть тоже не удостоилась вниманія: только въ концѣ отдѣла (стр. 131) посвящено 10 мимолетныхъ строчекъ *Александріи*. Такъ произвольно отбѣгаются наиболѣе любопытныя и живыя произведенія древней литературы; сиротливо стоитъ одно *Слово о полку Игоревѣ*, появленіе котораго кажется столь страннымъ, если не принять во вниманіе названныхъ выше памятниковъ. Это—крупный пробѣлъ!

Мѣстами попадаются лишнія подробности: зачѣмъ упоминать безъ всякихъ поясненій о сравненіяхъ Шевырева, имя котораго не можетъ быть извѣстно ученикамъ, прибавлять новый, совершенно излишній балластъ (стр. 75)? Также безъ поясненій и нужды упоминаются имена Мея, Гербея, Козлова (ib.): зачѣмъ все это? Указывается, наприм., что рукопись, въ которой заключалось *Слово*, имѣла въ себѣ 8 произведеній и что

занимало пятое мѣсто. Рядомъ съ такими мелочами и голымъ перечисленіемъ именъ пробѣлы въ необходимомъ еще болѣе рѣжутъ глаза.

Немногія страницы, посвященныя *Слову*, тоже не лишены крупныхъ ошибокъ. Г. Незеленовъ «догадывается», что авторъ *Слова* участвовалъ въ походѣ, хотя текстъ этого памятника ясно указываетъ на противное (стр. 76). Отмѣчается «высоко-поэтическое сравненіе перстовъ Бояна и струнъ съ 10 соколами, спущенными на стадо лебедей» (ib.); на слѣдующей страницѣ г. Незеленовъ не довольствуется такимъ простымъ и вѣрнымъ объясненіемъ, воскрешаетъ, въ противорѣчіе своимъ прежнимъ словамъ, дикое мнѣніе Шишкова, давно осмѣянное и отвергнутое: «Быль обычай пускать 10 соколовъ на стадо лебедей,—чей соколъ раньше долеталъ, тому князю прежде пѣснь пѣли». Взяты два диаметрально-противуположныхъ мнѣнія и поставлены безъ всякихъ объясненій рядомъ. Какъ не понять, что если принять выраженіе *Слова* за сравненіе, нечего говорить объ обычаяхъ, и наоборотъ? Ученые часто склонны къ культурнымъ переживаниямъ и мифологіи; даже самыя дикія мнѣнія періодически возрождаются, какъ фениксъ изъ пепла. Но съ фениксами въ учебникѣ нужно быть столь же осторожнымъ, какъ и съ Шевыревымъ. «Темные образы скорби, по выраженію Шевырева»,—говоритъ г. Незеленовъ (стр. 78).. Опять «незнаемую зегзицей» выпархиваетъ на страницы учебника это таинственное для ученика имя и становится рядомъ съ именами Хорса, Волоса и Стрибога. Въ упоминаніи этихъ послѣднихъ г. Незеленову угодно видѣть «живые слѣды языческихъ вѣрованій»; мы не хотѣли бы столь рѣшительнаго выраженія объ очень спорномъ вопросѣ, за то уничтожили бы непедагогичныя «по всей вѣроятности» въ нѣсколькихъ другихъ случаяхъ: г. Незеленовъ не всегда удачно прибѣгаетъ къ категорическимъ и проблематическимъ сужденіямъ, и кое-гдѣ его нужно понимать какъ разъ наоборотъ.

Во всемъ этомъ сказывается недостатокъ чувства мѣры, который приводитъ г. Незеленова, между прочимъ, и къ малонаучной идеализаціи и приподнятому патриотизму. «Въ древней русской жизни было единство взглядовъ и нравственныхъ воззрѣній» (стр. 89): вопросъ идетъ о милосердіи, духѣ доброты и кротости. Носителемъ такихъ добродѣтелей г. Незеленовъ считаетъ, между прочимъ, Илью Муромца, и для доказательства рѣшается даже на маленькую утайку. По былинамъ, Илья убиваетъ своего сына, но нашъ авторъ не упоминаетъ объ этомъ и подчеркиваетъ (стр. 24) милосердіе Ильи, противопоставляя его жестокости Рустема, «коварно убившаго» своего сына: «здѣсь сказалось различіе эпосовъ двухъ народовъ, различіе народныхъ характеровъ». Увы, русскіе должны отказаться отъ такого комплимента: былины приписываютъ коварство и Ильѣ, сына онъ, все-таки, убиваетъ, сюжетъ этотъ, все-таки, къ намъ занесенъ извнѣ, а Рустемъ блещетъ многими добродѣтелями. Это не исключительный случай: во многихъ мѣстахъ своей книги г. Незеленовъ старается внушить своимъ юнымъ слушателямъ, что всѣ высшія добродѣтели—наша монополія.

аши спеціальныя добродѣтели г. Незеленовъ любитъ такъ же, какъ

древне-русские иноки «любили писателей аскетического характера: Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, Кассиана Римлянина, Нила Синайского и других» (стр. 95, 104). Разница только в том, что частое упоминание о первых безусловно вредно, а перечисление в учебник голых имен и употребление непоясненных терминов так же бесполезно, как и такие фразы: «зарождавшемуся материализму он противопоставил стремление в чистую область духа» (стр. 104) и пр.

В *Новой литературе*, кроме указанных выше недостатков, появляются и новые, даже в XVIII в., который г. Незеленов знает лучше всего другого.

Петровская эпоха охарактеризована очень странно. Не указана, например, двойная связь литературы этой и предвдущей эпохи: новое направление сказывалось и до Петра; с другой стороны, старые литературные вкусы, приемы и формы перешли и в новую эпоху, вступая в своеобразные отношения с новыми влияниями. «Влияние Запада существовало в русской литературе и до Петра Великого; но это было только влияние уже отжившей в Европу схоластической образованности, наследованной от средних веков» (стр. 136), — говорит г. Незеленов. Он не дает ни краткого очерка развития схоластики на Западе, ни точного, научного ее определения; забывает, что западное влияние до Петра сводилось не на одну только схоластику: переходит к нам светская повесть, которая влияет на создание русской повести нового типа и духа; представления Грегори, интерлюдия, праздничные вирши и пр. никак не сведешь на схоластику. С другой стороны, петровская эпоха не уничтожает развития схоластики и вызванных ею литературных явлений. Трудно было сделать больше ошибок в одной фразе... Дальше — еще хуже. «В первое время сближения мы как будто сдѣлались даже подражателями; но на самом деле этого не было: у русского общества было великое историческое прошлое, своя образованность, выработанная историей, и сдѣлаться простыми подражателями русские люди не могли» (ib.). Стоит вспомнить общезвестные факты, чтобы отречься от этого лестного же-патриотическим сердцам положения, да и самому г. Незеленову быстро пришлось взять свои слова назад: «Подражательность у нас была сильно распространена и в области мысли и нравовъ, и в практической жизни» (стр. 205), — говорит он относительно екатерининской эпохи. Из этого сопоставления можно сдѣлать несколько поучительных выводов: наприм., русские петровской эпохи имѣли великое историческое прошлое, а люди екатерининского времени потеряли его и пр.

История и теория псевдоклассицизма представлена не менее сбл и во и даже невѣрно (стр. 173—4). Ломоносову приписывается перенесен на нам ложно-классической поэзии, хотя влияние ее сказывалось на школьной драмѣ, хотя Прокоповичъ в своемъ *Владимирѣ* пользовался приемами заимствованными изъ польской псевдоклассической драмы, хотя Банте и Тредьяковский теоретически и практически знакомили съ нею русскую пш и ку.

Литература и дѣятели екатерининской эпохи обвиняются поголовно въ «безсознательности» (стр. 187). Характеръ и значеніе просвѣтительной философіи указаны односторонне, неточно, мѣстами съ наивностью, переходящею въ жалкій лепетъ. Чтобы не перепечатывать всего отдѣла, беремъ первыя попавшіяся мѣста: «Большинство философовъ XVIII вѣка не отличалось нравственными достоинствами; многіе изъ нихъ были тщеславны, льстивы и заискивали у сильныхъ міра, были корыстны» (стр. 188). «Философовъ XVIII столѣтія часто называютъ *энциклопедистами*; это, во-первыхъ, потому, что они занимались самыми разнообразными науками и писали сочиненія о всевозможныхъ предметахъ; во-вторыхъ, потому, что они издавали *Энциклопедическій словарь*, редакторами котораго были математикъ д'Аламберъ и мыслитель Дидро». «Людемъ XVIII вѣка, нравственно ступѣвшимъ въ житейскихъ удовольствіяхъ, видъ мертвыхъ костей, гробовъ, крови доставлялъ особаго рода удовольствіе путемъ нечистаго возбужденія фантазіи» (!).

Г. Незеленовъ любитъ обобщать единичные факты вопреки исторической правдѣ; въ тонѣ и направленіи его книги чувствуется челоѣкъ, который хочетъ во что бы то ни стало свести запоздавшіе счеты съ непріятными его патріотическому и добродѣтельному сердцу литературными теченіями и дѣятелями; у него мало безпристрастія. Классификація идей и дѣятелей не отличается тонкостью, въ большинствѣ случаевъ, очень элементарна, иногда черезъ - чуръ наивна; какъ рыный моралистъ, г. Незеленовъ постоянно читаетъ выговоры, скорбитъ, возмущается, и за своими іереміадами и часто мелочными придирками проглядываетъ крупныя факты и выводы; отъ оцѣнки французской литературы XVIII в. вѣетъ узко-буржуазнымъ, добродѣтельно-филистерскимъ духомъ. Литературныя произведенія, на основаніи простодушнаго критерія, распредѣляются на двѣ кучки: «сочиненія въ народномъ духѣ» и «произведенія, возникшія подъ иностранными вліяніями». Къ первымъ относятся комедіи, которыя въ эту эпоху почти все сплошь были рабскими сколками съ западныхъ оригиналовъ. *Всякая всячина*, народный духъ которой сказывался только въ изреченіяхъ, вроде: «сѣздить въ рожу», вводимыхъ для мѣстнаго колорита въ дословные переводы изъ *Спектатора*,—историческое сочиненіе. Такую классификацію дѣлать легко, но она не можетъ имѣть никакого значенія: все многообразіе тогдашней литературы и жизни не укладывается въ эти безхитростныя рамки. Самъ г. Незеленовъ чувствовалъ недостаточность ихъ, и часто ему приходится дѣлать надстройки и поправки въ распозлающемся зданіи. «Народный духъ» сказывается, главнымъ образомъ, въ мѣяніи подражательности; въ этомъ положеніи находятъ себѣ г. Незеленовъ якорь спасенія, но онъ опять-таки забываетъ, что, осмѣивая пожатательность, у насъ рабски подражали и французомаговъ Гансовъ подняли французомагами Иванушками. Нашъ авторъ тщательно хочетъ поить «народный духъ», но, въ большинствѣ случаевъ, ему приходится гогся за собственной тѣнью... Екатерининскою эпохой заканчивается пер-

вая часть. Во второй (Карамзинъ-Кольцовъ) не меньше недомолвокъ, обмолвокъ, ошибокъ и паивностей.

Карамзинъ во второмъ періодѣ становится «писателемъ народнаго направленія» (стр. 2). Карамзинъ вносить въ нашу литературу новое сентиментальное направленіе, былъ начинателемъ нѣкоторыхъ литературныхъ формъ: повѣсти и литературной критики. «Народное направленіе» у г. Незеленова—нѣчто необыкновенно растяжимое и таинственное (вродѣ масонскихъ символовъ): изданіе старинныхъ памятниконъ, историческія занятія, насмѣшки надъ глупыми петиметрами и щеголихами, изображеніе крестьянъ въ видѣ аркадскихъ пастушковъ,—все окрещивается имъ этимъ мистическимъ терминомъ. Нежелательная въ учебникѣ таинственность идетъ обр руку съ прямыми ошибками: сентиментальности не оберешься въ пастораляхъ и эклогахъ до-карамзинской эпохи, Радищевъ былъ типичнымъ сентименталистомъ, повѣсть и литературная критика существовали и до Карамзина. Самъ г. Незеленовъ толковалъ въ первой части о повѣстяхъ въ древней литературѣ (стр. 131—5), хотя и плохо. Литературнымъ критикомъ (положимъ, плохимъ) былъ Сумароковъ; Карамзинъ въ этомъ отношеніи стоитъ немногимъ выше его. «Любовь къ Шекспиру Карамзина и пониманіе его были необыкновеннымъ явленіемъ въ 18 вѣкѣ» (стр. 5). Мы должны забыть о Sturm und Drang-Period'ѣ, нѣмецкихъ сентименталистахъ и романтикахъ; не знать, что Екатерина подражала Шекспиру, что Радищевъ и новиковскіе журналы преклонялись передъ нимъ, что Карамзинъ слабо понималъ его,—только тогда мы повторимъ патетическое восклицаніе г. Незеленова. О «здоровомъ русскомъ смыслѣ» Карамзина онъ повторяетъ слишкомъ часто, какъ будто бы боится, что ему не повѣрять *).

Вообще сентиментализмъ не удостоился ни точнаго опредѣленія, ни краткаго историческаго экскурса: ему посвящено 5 строчекъ (стр. 13). Переломъ въ настроеніи Карамзина отмѣченъ, но не объясненъ толково: объясненіе духовнаго развитія писателей принадлежитъ у г. Незеленова къ столь же слабымъ пунктамъ, какъ оцѣнка и характеристика эпохъ и литературныхъ направленій. Многія страницы его книги возбуждаютъ одно недоумѣніе за другимъ.

Прочтите, наприм., толки нашего автора о романтизмѣ (стр. 24—6). Нѣкоторыя общечеловѣческія черты романтической теоріи перепутаны съ романтизмомъ, какъ опредѣленнымъ литературнымъ теченіемъ; г. Незеленовъ не потрудился даже прочесть книгъ Гайма и Шахова, надѣлавъ много новыхъ ошибокъ и повторилъ всѣ старыя.

«Въ эпоху романтизма, живя одностороннею жизнью чувства, человѣкъ непрактично смотритъ на дѣйствительность, все представляетъ себѣ и въ слишкомъ розовомъ, или въ слишкомъ мрачномъ видѣ, не понимаетъ людей, и они раздѣляются въ его глазахъ на ангеловъ и демоновъ

*) Такъ же упорствуетъ г. Незеленовъ относительно Жуковскаго и другихъ.

(стр. 95). Если подставить вмѣсто людей—писателей, вмѣсто ангеловъ и демоновъ—последователей «народнаго» и западнаго направленій, добротельныхъ и порочныхъ, то нельзя не признать, что г. Незеленовъ въ сильной степени одержимъ романтизмомъ. Вполнѣ романтична (съ этой точки зрѣнія), наприм., характеристика Байрона (стр. 100—101), которому нашъ романтикъ задалъ серьезную встрепку: сильно влетѣло бѣдному «демону» отъ нашего расхлывшагося романтика, живущаго одностороннею жизнью чувства и часто попирающаго хладный разсудокъ. Хорошо, что «Пушкинъ не подражалъ Байрону, а лишь увлекался имъ» (стр. 103), хотя и послѣднее, конечно, плохо. Въ этомъ, конечно, сказалась «русская природа поэта, его стремленія къ народнымъ началамъ» (стр. 111). Это также трогательно, какъ простодушное довѣріе къ словамъ Годунова («вполнѣ русскій человекъ, онъ сдержанъ и спокоенъ», стр. 124), какъ то, что «искусство *) есть проявленіе безконечнаго въ конечныхъ формахъ, имѣетъ высокую цѣль, независимую отъ требованій современности» (стр. 130), и то, что «Татьяна ненарушимо сохранить уваженіе къ браку и данному обѣщанію: тутъ опять сказалась въ ней русская женщина» (стр. 157). Что за хорошіе люди мы, русскіе! Только намъ исключительно или преимущественно принадлежать всѣ добродѣтели: смиренномудріе, кротость, милосердіе и проч., и проч.

Лермонтовъ отнесенъ г. Незеленовымъ къ разряду «демоновъ»; въ отместку ему нашъ авторъ не прочелъ новѣйшихъ изслѣдованій и понадѣлалъ ошибокъ и пропусковъ. За то Гоголю посчастливилось: желая представить его въ «розовомъ видѣ», г. Незеленовъ склоненъ даже напыщенную реторику его юношескихъ писемъ принимать за проявленіе искренняго чувства...

Многое можно было бы сказать еще о книгѣ г. Незеленова, но наша рецензія и безъ того разрослась. Недостатокъ историческаго чутья, предвзятые взгляды, приподнятый патріотизмъ, уклоненія отъ истины и здравой педагогіи,—все это, конечно, весьма непріятныя и нежелательныя стороны новаго учебника; кое-что легко исправить, кое-что, повидимому, слишкомъ глубоко залегло въ романтическую душу г. Незеленова. Наше дѣло было обратить вниманіе читателей на крупныя недостатки этой учебной книги.

Вл. Каллашъ.

*) Неужели г. Незеленовъ полагаетъ, что ученики могутъ понять подобныя фразы?

Историческій методъ въ біологіи.

VI.

Разрѣшеніе морфологической задачи *).

Законъ Мальтуса, съ математическою очевидностію вытекающей, съ одной стороны, изъ ограниченности поверхности обитаемой нами планеты и еще ранѣе изъ ограниченности получаемой этою поверхностью лучистой

См. *Русскую Мысль* 1894 г., кн. VII. Обычныя занятія, дозволяющія мнѣ удѣлять только часть лѣтняго досуга на приготовленіе къ печати этого популярнаго курса, прочитаннаго нѣсколько лѣтъ тому назадъ, могутъ служить мнѣ извиненіемъ передъ читателями въ томъ, что это печатаніе такъ затянулось. Но я полагаю, что интересъ дѣла отъ этого не страдаетъ, такъ какъ затрогиваемые вопросы, особенно въ послѣдующихъ лекціяхъ, все болѣе и болѣе обращаютъ на себя вниманіе натуралистовъ. Между тѣмъ, нашелся нетерпѣливый критикъ, не дожидаясь конца курса, уже обвиняющій меня въ односторонности и чуть ли не въ отсталости. Въ рядѣ статей, подъ страннымъ заголовкомъ *Дарвинизмъ на русской почвѣ*, г. Филипповъ, очевидно, желаетъ дать понятіе своимъ читателямъ, будто бы ему извѣстенъ какой-то новѣйшій *заграничный* дарвинизмъ. Я остаюсь при неоднократно высказанномъ мнѣніи, что, говоря о дарвинизмѣ, нужно подъ этимъ разумѣть ученіе Дарвина и болѣе всего заботиться объ устраненіи тѣхъ извращеній, на которыя такъ падки многіе его критики и не разуму усердные сторонники. Именно ту же мысль, еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, высказали Уоллесъ и Гексли, два, какъ извѣстно, „заграничные“ ученые, кое-что смыслящіе въ дарвинизмѣ. Считаю бесполезнымъ останавливаться на возраженіяхъ г. Филиппова, полагая, что читатели сами разберутся въ нихъ и по достоинству оценятъ всѣ эти философствованія о томъ, что бы было, еслибъ одуванчикъ былъ не трава, а дерево, или во что бы превратился законъ Мальтуса, еслибъ организмы были поражены бесплодіемъ, и т. д. Не могу только не остановиться на заключительныхъ словахъ статьи г. Филиппова. Онъ заявляетъ, что беретъ Дарвина подъ свою защиту отъ моихъ нападокъ на „пангенезисъ“. Правда, я одинъ изъ первыхъ (двадцать лѣтъ тому назадъ) категорически высказался о ненаучности и бесплодности этого ученія, а позднѣе высказывалъ то же и о всѣхъ народіяхъ на него, вродѣ пресловутаго вейсманизма, наконецъ, оцѣненнаго по достоинству даже нѣмецкою критикой. Но позднѣе я узналъ, что и самъ Дарвинъ сталъ критически относиться къ своей гипотезѣ, довольно энергично называя ее „мусоромъ“ (It is all rubbish to have speculated as I have done). Если бы г. Филипповъ изучалъ дарвинизмъ хотя бы „на русской почвѣ“, то узналъ бы это изъ моихъ популярныхъ статей и не очутился бы въ комическомъ положеніи неприваннаго защитника Дарвина—противъ Дарвина.

энергій солнца, а съ другой—изъ присущей всемъ организмамъ способности не только воспроизводить себѣ подобныхъ, но при этомъ неизмѣнно размножаться,—этотъ законъ неотразимо приводитъ насъ къ заключенію, что число осуществляющихся органическихъ формъ ничтожно въ сравненіи съ числомъ возникающихъ и погибающихъ, такъ сказать, въ состояніи возможности.

Что этотъ процессъ аналогиченъ процессу выпалыванія, который практикуется садоводомъ на его грядкахъ, также само собою очевидно. Остаётся убѣдиться, что и результатъ этой браковки будетъ въ обоихъ случаяхъ аналогиченъ, что это будетъ дѣйствительно процессъ отбора. Въ самомъ дѣлѣ, какое обстоятельство явится рѣшающимъ, опредѣляющимъ дальнѣйшую судьбу тѣхъ многочисленныхъ сѣмянъ, которыя являются конкурентами на клочокъ земли, достаточный только для одного растенія? Вспомнимъ съ дѣтства врѣзавшуюся въ нашу память поэтическую картину притчи о сѣятелѣ. Что оградить организмъ отъ всѣхъ невгодъ, грозящихъ ему при самомъ вступленіи въ жизнь, что опредѣлить участь даже тѣхъ сѣмянъ, которыя упадутъ на землю добрую, но не достаточную для того, чтобы возрости ихъ всѣхъ? Конечно, особенности ихъ собственной организаціи, ихъ достоинства, ихъ *совершенство*.

Прежде чѣмъ пойти далѣе, намъ необходимо условиться относительно точнаго примѣненія этого слова, нерѣдко употребляемаго безъ строго-опредѣленнаго смысла и, во всякомъ случаѣ, въ устахъ морфолога и физиолога получающаго совершенно различное значеніе. Для морфолога совершенство или болѣе высокая организація—почти синонимъ большей сложности, большей степени дифференцированія. Для морфолога признакомъ менѣе совершеннаго, низшаго существа служатъ простота, элементарность его строенія, меньшая обособленность органовъ и связанныхъ съ нимъ отправленій. Съ возрастаніемъ числа функцій, съ увеличеніемъ числа органовъ, имъ соответствующихъ, съ усложненіемъ ихъ строенія, существа восходятъ по ступенямъ морфологической лѣстницы; мы называемъ ихъ высшими, болѣе совершенными, въ абсолютномъ смыслѣ, т.-е. безъ отношенія къ условіямъ ихъ существованія. Въ иномъ смыслѣ представляется намъ это понятіе о совершенствѣ съ физиологической точки зрѣнія. Здѣсь мѣрой совершенства является только соответствіе между организаціей и условіями существованія организма,—соответствіе, такъ сказать, между цѣлью и средствомъ, безъ отношенія къ абсолютной сложности организаціи *). Польза организма или, еще предѣленнѣе, его *приспособленность* къ жизненной средѣ—вотъ критерій его физиологическаго совершенства. Но само собою понятно, что совершенство *приспособленія* можетъ и не идти рука объ руку съ усложненіемъ. Съ одной стороны, разрѣшеніе той же задачи простѣйшими путями должно быть признано за признакъ совершенства во второмъ изъ указан-

*) Понятно, что самая дифференцировка, спеціализація органовъ, въ силу своей полезности физиологическаго раздѣленія труда, можетъ быть полезна,—здѣсь морфологическое и физиологическое понятія о совершенствѣ будутъ совпадать.

ныхъ смысловъ: любая историческая коллекція какихъ-нибудь сложныхъ механизмовъ или вообще человѣческихъ изобрѣтеній можетъ служить тому доказательствомъ, — первоначальныя попытки обыкновенно отличаются большею сложностью въ сравненіи съ позднѣйшими. Съ другой стороны, фізіологическое совершенство можетъ быть даже несомнѣнною деградацией, регрессомъ въ смыслѣ морфологическомъ. Съ упрощеніемъ задачи можетъ упрощаться и средство ея разрѣшенія. Это всего нагляднѣе выражается въ явленіяхъ паразитизма. Паразитное растеніе утрачиваетъ самый существенный изъ своихъ органовъ—листъ; замѣняетъ сложно-организованный корень присосками; во всей своей организаціи, даже во внѣшнемъ обликѣ, начинаетъ напоминать грибокъ, — но ни индивидуальная, ни видовая жизнь отъ этого не страдаетъ. Паразитирующее животное утрачиваетъ свои органы движенія и чувства, соотвѣтственно съ чѣмъ понижается организація и его нервной системы, но для новыхъ, упрощенныхъ условій его существованія все это было бы излишнимъ, бесполезнымъ бременемъ, — слѣдовательно, его, пониженная въ морфологическомъ смыслѣ, организація, въ смыслѣ приспособленія, является усовершенствованной. Но, какъ мы видѣли во второй лекціи, коренной вопросъ заключается именно въ объясненіи этого соотвѣтствія между организаціей и потребностями организма. Одна сложность формы еще не представляется намъ вопросомъ, — сложной можетъ быть форма и неорганическихъ тѣлъ, напримѣръ, какихъ-нибудь дендритовъ, металлическихъ деревьевъ, вызываемыхъ кристаллизацией. Вопросъ, загадка возникаетъ лишь съ того момента, когда обнаруживается соотвѣтствіе между формой и ея отравленіемъ. Отсюда понятно, что самую настоятельную задачей науки стало разъясненіе этой біологической гармоніи, что лозунгомъ современной біологіи стало это слово *приспособленіе*. Общимъ ключомъ для этого объясненія и явилось ученіе о естественномъ отборѣ. Въ силу этого процесса, полезное становится какъ бы синонимомъ понятнаго. Содержаніе загадки совершенно извращается; непонятнымъ въ органическомъ мірѣ становится только бесполезное, и его на дѣлѣ оказывается очень мало, — настолько, однако, чтобы біологическая гармонія продолжала быть въ нашихъ глазахъ естественнымъ явленіемъ. Но эта польза, очевидно, должна быть исключительно личная, индивидуальная или видовая, и только въ случаяхъ сложныхъ взаимныхъ отношеній между организмами—обоюдная. Понятно, въ чемъ эта новая телеологія отличается отъ прежней. Она, прежде всего, навсегда отрѣшается отъ того антропоцентрическаго взгляда, который тормазилъ въ былое время первые шаги современной астрономіи и такъ долго и упорно держался въ біологіи. Тщательно стали бы мы теперь искать въ природѣ организмовъ особенностей мѣрфологическаго строенія или химическаго состава, исключительно служащихъ на пользу или для удовольствія человѣка, — все, чѣмъ онъ пользуется, прежде служило на пользу самихъ организмовъ. Въ большей части случаевъ человѣкъ только уггадалъ значеніе того или другого вещества въ строенія и приурочилъ ихъ для цѣлей, совершенно сходныхъ съ тѣми, для

которыхъ они служили самому организму. Человѣкъ питается бѣлкомъ и крахмаломъ хлѣбныхъ зеренъ, но и растеніе отложило ихъ для питанія ростка; онъ лакомится сахаромъ плодовъ, но и растеніе отлагаетъ его какъ приманку для животныхъ. Человѣкъ пользуется растительнымъ волокномъ для своихъ тканей и снастей, но и въ растеніи оно играетъ ту же роль. Онъ сжигаетъ масло въ своихъ лампахъ, но растеніе еще ранѣе сжигало его въ процессѣ дыханія. Онъ пользуется воскомъ, смолами, каучукомъ и проч. для выдѣлки непромокаемыхъ издѣлій, но растеніе еще ранѣе нашло для нихъ то же примѣненіе. Наконецъ, онъ любитъ яркими красками лепестковъ, наслаждается запахомъ цвѣтовъ, но и растеніе выработало ихъ въ тѣхъ же эстетическихъ видахъ, но только для приманки насѣкомыхъ. Что вѣрно по отношенію къ человѣку, то вѣрно по отношенію и къ другимъ существамъ. Польза, объясняемая естественнымъ отборомъ и прямо изъ него вытекающая, можетъ быть исключительно личная, эгоистическая или обоюдная. Естественный отборъ не даетъ объясненія для приспособленія вреднаго для существа, имъ обладающаго, но полезнаго *исключительно* для другого существа. И, вопреки не разъ высказываемымъ сомнѣніямъ, ни одного подобнаго случая не нашлось въ природѣ. Этотъ фактъ справедливо разсматриваютъ какъ одно изъ убѣдительнѣйшихъ провѣрочныхъ свидѣтельствъ въ пользу новаго и противъ прежняго мировоззрѣнія. Но естественный отборъ объясняетъ и полезность обоюдную—и вотъ передъ современнымъ естествоиспытателемъ развертывается длинная вереница подобныхъ фактовъ. Пчела собираетъ медъ съ цвѣтовъ,—не значить ли, что растеніе безсознательно работаетъ на пчелу, заготовляя ей пищу? Открытый Шпренгелемъ ровно сто лѣтъ тому назадъ, но не оцененный по достоинству, фактъ опыленія растеній насѣкомыми получаетъ, при свѣтѣ новаго ученія, совершенно иной смыслъ и разрастается въ обширную литературу, разъясняющую обоюдную пользу этого крайне сложнаго и безконечно-разнообразнаго приспособленія, тѣсно связывающаго въ одно гармоническое цѣлое жизнь растеній и насѣкомыхъ. Рядомъ съ этими явленіями, все подъ вліяніемъ тѣхъ же идей объ обоюдной пользѣ, открываются еще совершенно новая область взаимныхъ отношеній между организмами, получившая названіе явленій *симбіоза*, т.-е. союза взаимопомощи между разнороднѣйшими организмами, иногда принадлежащими къ различнымъ царствамъ природы. Самымъ разительнымъ и наиболѣе прочно установленнымъ въ этомъ направленіи фактомъ служить, какъ извѣстно, открытіе сложной, двойственной природы организмовъ, составившихъ, теперь уже не существующій, самостоятельный классъ *мишайниковъ* *). Этотъ союзъ

*) Желающіе знакомиться подробнѣе съ относящимися сюда фактами найдутъ ихъ изложеніе въ моей лекціи *Растеніе симбиозъ*. (Лекціи и рѣчи. Москва, 1887 г.). Этотъ моднымъ словомъ *симбіозъ* нерѣдко злоупотребляютъ: такъ, наприм., по моему мнѣнію, его примѣненіе совершенно неудачно по отношенію къ сложнымъ явленіямъ взаимнаго соотвѣщенія корней бобовыхъ растеній микроорганизмамъ, играющимъ значеніе въ питаніи растеній атмосфернымъ азотомъ.

гриба съ водорослью, напоминающій союзъ слѣпого съ хромымъ, у довле творительно объясняется обоюдною пользой, чрезъ взаимное дополненіе свойствъ, недостающихъ каждому участнику въ отдѣльности.

Такимъ образомъ, начало естественнаго отбора даетъ ключъ для объясненія полезныхъ приспособленій, индивидуальныхъ видовыхъ и обоюдныхъ, порою между существами самыми разнородными. Какъ только этотъ ключъ былъ найденъ, измѣнилось и самое отношеніе натуралистовъ къ своей задачѣ: на мѣсто прежняго скептическаго отношенія къ телеологическому направленію явилась увѣренность, что природа не терпитъ бесполезнаго, даже лишняго, что при такой напряженной браковкѣ, которой подвергаются организмы, все бесполезное, а тѣмъ болѣе вредное должно рано или поздно исчезать. Отсюда, съ небывалою прежде силой, возникло убѣжденіе, что все въ организаци живыхъ тѣлъ должно имѣть служебное значеніе, что всякой формѣ должно соотвѣтствовать отправленіе, и болѣе чѣмъ тридцатилѣтнее господство этого направленія въ наукѣ неизмѣнно подтверждаетъ его справедливость *).

Мы уже отмѣтили въ предшествующей лекціи коренное различіе современнаго воззрѣнія на происхожденіе біологической гармоніи отъ прежняго; это тѣмъ болѣе необходимо, что отъ времени до времени все еще дѣлаются попытки вернуться, хотя въ замаскированной формѣ, къ старому воззрѣнію. Одни, назовемъ хоть не такъ давно умершаго Негели, пытаются отстоять мысль, что совершенствованіе (какъ въ морфологическомъ, такъ и въ физиологическомъ смыслѣ) является результатомъ какаго-то внутренняго, присущаго организмамъ стремленія въ извѣстномъ опредѣленномъ направленіи,—стремленія, представляющаго первичный, не поддающійся анализу фактъ. Противъ допущенія такого общаго, присущаго организмамъ стремленія къ совершенству въ морфологическомъ смыслѣ, справедливо возражаетъ Неймайеръ, говоря, что если палеонтологическая лѣтопись свидѣтельствуетъ въ общихъ чертахъ о поступательномъ движеніи органическаго міра, то въ частностяхъ она же доставляютъ намъ примѣры группъ, останавливающихся въ своемъ развитіи и даже регрессирующихъ. Другіе, какъ напримѣръ, Дельпинно, пытаются распространить и на растеніе то объясненіе, которое Ламаркъ безуспѣшно предлагалъ по отношенію къ животному, т.-е. измѣненіе организаци подъ вліяніемъ собственныхъ усилій, проявленія воли самого организма. Если эта несчастная мысль была главною причиною неудачи ученія Ламарка, то что же сказать о ея примѣненіи къ растенію? Съ точки же зрѣнія Дарвина и отчасти, какъ мы видѣли, Конта совершенство есть сложный результатъ двухъ факторовъ: пластичности организмовъ, не представляющей никакого опредѣленнаго направленія, и другого фактора, прилаживающаго ихъ къ условіямъ существованія и направляющаго ихъ неизмѣнно въ смыслѣ наилучшаго приспособленія. Понятна различная біологическая цѣнность двухъ противоположныхъ воззрѣній; между тѣмъ какъ

*) См. мою статью: *Факторы органической эволюціи*. Русская Мысль 1891 г.

первое изъ указанныхъ объясненій ничего не объясняетъ, а только повторяетъ фактъ въ болѣе туманныхъ выраженіяхъ *), послѣднее даетъ ему реальное объясненіе. Позволю себѣ, для поясненія своей мысли, прибѣгнуть къ наглядному сравненію. Кого не тѣшилъ въ дѣтствѣ слѣдующій забавный опытъ: засунешь за рукавъ колось ржи, соломиной кверху, позабудешь о немъ, ходишь, бѣгаешь и, къ удивленію своему, замѣчаешь, что онъ не только не вывалился изъ рукава, а упорно ползетъ вверхъ; вотъ онъ уже у локтя, вотъ доползъ и до плеча. Какъ отнесутся къ этому факту мыслители указанныхъ двухъ направленій? Одинъ, не давая себѣ труда анализировать сложное явленіе, глубокомысленно изречетъ, что колось ползетъ вверхъ по рукаву потому, что ему присуще стремленіе кверху. Другой укажетъ на ости и безчисленныя щетинки, направленные внизъ и препятствующія движенію въ этомъ направленіи. Колось, очевидно, получаетъ, при ходьбѣ и размахиваніи рукой, толчки по всѣмъ направленіямъ, вверхъ, въ бока и внизъ, и внизъ можетъ быть чаще, чѣмъ въ другихъ направленіяхъ, но всѣ толчки внизъ тормазятся этими остями и щетинками и, такимъ образомъ, случайные, не имѣющіе опредѣленнаго направленія толчки слагаются въ одно опредѣленное восходящее движеніе. Вотъ несложное и строго реальное объясненіе факта. Такъ и съ поступательнымъ движеніемъ органическаго міра: организмы получаютъ изъ внѣшняго міра толчки, заставляющіе ихъ двигаться, т.-е. измѣняться по всевозможнымъ направленіямъ,—только отборъ, парализуя всѣ шаги назадъ, т.-е. все не имѣющее значенія полезнаго приспособленія, упорядочиваетъ это движеніе, сообщаетъ ему одно опредѣленное направленіе вверхъ, впередъ по пути къ наибольшему совершенству.

Изъ всего сказаннаго ясно, что главную услугу ученіе о естественномъ отборѣ принесло въ томъ направленіи, которое мы назвали физиологическимъ,—въ смыслѣ разрѣшенія вѣковой загадки о цѣлесообразности организаци, о строгомъ соответствіи между формой и ея отправленіемъ. Но, прежде чѣмъ перейти къ подробному анализу этой наиболѣе существенной стороны ученія, остановимся на разсмотрѣннй той роли, которую оно сыграло въ разрѣшеніи морфологической задачи,—въ объясненіи той биологической загадки, передъ которой безпомощно остановились такіе умы, какъ Ламаркъ и Коптъ.

Въ четвертой лекціи мы видимъ, что, даже доказавъ несостоятельность догмата о безусловномъ постоянствѣ видовъ, мы тѣмъ не объясняемъ еще вполне современнаго строя органическаго міра съ его, въ большинствѣ случаевъ, порванными звеньями, производящими впечатлѣніе общей цѣпи лишь подъ условіемъ разсматриванія ея съ отдаленной точки зрѣнія, дозволяющей обнять ее въ цѣломъ и не видѣть повсемѣстныхъ разрывовъ.

*) Несостоятельность этого объясненія особенно ясно обнаруживается у Ламарка: объясненія существованіе восходящей лѣстницы организаций присущимъ имъ стремленіемъ къ совершенствованію, онъ доказываетъ необходимость этого стремленія главнымъ фактомъ существованія этой лѣстницы, т.-е. впадаетъ въ ложный кругъ.

Видѣли мы также, что эта антиномія—единство при обзорѣ цѣлаго и разрозненность при изученіи его въ частностях—не устраняется и попыткой видѣть въ ученіи о видѣ только послѣдній отголосокъ положенія реалистовъ о реальности «универсалий» *). Напротивъ того, мы пришли къ заключенію, что истина не на сторонѣ Шлейдена, склоняющагося къ этому объясненію, а на сторонѣ Канта и другихъ мыслителей, признающихъ за естественно-историческимъ видомъ нѣчто отличающее его отъ вида логическаго и сообщающее ему печать реальности.

Что могло сдѣлать для разъясненія этого, казалось бы, чисто-морфологическаго затрудненія, то физиологическое начало полезности, которое легло въ основу ученія о естественномъ отборѣ? Можно ли, исходя изъ этого начала, логически неизбѣжно придти къ заключенію, что историческій процессъ образованія органическихъ формъ не только могъ, но и долженъ былъ совершиться такимъ путемъ, что несомнѣнно неразрывная цѣпь живыхъ существъ порывалась на отдѣльныя звенья, съ постоянно возрастающими между ними промежутками?

Посмотримъ, какъ успѣлъ Дарвинъ разрѣшить и эту задачу. Съ логической, философской точки зрѣнія, это, несомнѣнно, одна изъ самыхъ оригинальныхъ, блестящихъ сторонъ его ученія, и невольно удивляешься тому, какъ относительно мало ее оцѣнили даже самые ревностные сторонники великаго ученаго. Всего нагляднѣе выступаетъ это въ талантливо изложенной книгѣ недавно умершаго Роменеса *Darwin and after Darwin*, гдѣ объ этой сторонѣ ученія совсѣмъ не упоминается. А, между тѣмъ, теперь мы знаемъ, какъ дорожилъ именно этою стороною своей теоріи самъ Дарвинъ. Вотъ что пишетъ онъ въ своей автобіографіи:

«Въ іюнѣ 1842 года я доставилъ себѣ удовольствіе набросать карандашомъ на 35 страничкахъ сжатый очеркъ своей теоріи. Лѣтомъ 1844 г. онъ разросся до 230 страницъ; тщательно переписанная рукопись хранится у меня до сихъ поръ. Но въ то время я упустилъ изъ виду одну задачу громадной важности, и не могу себѣ объяснить, иначе, какъ на основаніи принципа Колумбова яйца, какъ могъ я проглядѣть и самую задачу, и ея разрѣшеніе? Задача заключалась въ объясненіи того факта, что органическія существа, связанные общимъ происхожденіемъ, стремятся, по мѣрѣ измѣненія, расходиться въ своихъ признакахъ. Это расхожденіе съ очевидностью вытекаетъ изъ самаго факта группировки видовъ въ роды, родовъ въ семейства, семействъ въ отряды и такъ далѣе. Я могу превосходно припомнить то мѣсто по дорогѣ въ Доунъ, гдѣ, сидя въ каретѣ, я, къ не-описанной своей радости, началъ на разрѣшеніе этой задачи».

Начало, названное Дарвиномъ расхожденіемъ признаковъ (*divergence of character*), разрѣшаетъ противорѣчіе, такъ наглядно выставленное на рѣчь Конттомъ, объясняя, почему органическая цѣпь не только можетъ, но и

*) Нѣкоторые натуралисты, какъ, напримѣръ, Годри, дѣлаютъ ошибку, приписывая реалистамъ воззрѣнія номиналистовъ и наоборотъ.

силу естественнаго отбора, *должна* разбиваться на отдѣльныя звенья,—почему органическій міръ таковъ, какимъ мы его знаемъ въ дѣйствительности, а не таковъ, какимъ онъ, казалось бы, *долженъ былъ быть*, если допустить его происхожденіе путемъ непрерывнаго историческаго процесса.

Здѣсь именно, какъ я замѣтилъ выше, Дарвину сослужило службу то сравненіе съ искусственнымъ отборомъ, которое такъ часто ставили и продолжаютъ ставить ему въ укоръ *). Если бы точкой отправленія Дарвину служило болѣе общее и опредѣленное понятіе «элиминаціи» Конта или позднѣйшее спенсеровское «переживаніе наиболѣе приспособленнаго», а не специальное понятіе «искусственнаго отбора», отъ его вниманія, вѣроятно, ускользнула бы одна изъ плодотворнѣйшихъ аналогій, составляющихъ преимущественно его теоріи передъ воззрѣніями Ламарка и Конта.

«Какъ и въ другихъ случаяхъ,—говоритъ Дарвинъ,—я пытался пролить свѣтъ на этотъ вопросъ, исходя изъ нашихъ домашнихъ породъ. И въ этомъ направленіи мы встрѣчаемъ аналогію». Если мы обратимъ вниманіе на результаты продолжительнаго дѣйствія искусственнаго отбора, то замѣтимъ, что самую постоянную чертой этого процесса является стремленіе его продуктовъ все болѣе и болѣе разнообразиться, все болѣе и болѣе различаться между собою, увеличивая промежутки между когда-то сходными формами. Это само собою объясняется специализаціей задачъ, преслѣдуемыхъ человѣкомъ. Свойства тяжелой воевой лошади и легкаго скакуна несовмѣстимы въ одномъ животномъ, и вотъ, сообразно той цѣли, которой задается человѣкъ, онъ будетъ цѣнить свойства, болѣе и болѣе приближающіяся къ одному изъ предѣльныхъ типовъ, пренебрегая исходною формой, которая совмѣщаетъ, или, выражаясь точнѣе, почти лишена тѣхъ и другихъ качествъ крайнихъ формъ. То же оправдывается на любомъ примѣрѣ. Изъ дикаго родича нашей капусты получились формы, въ которыхъ предметомъ отбора сталъ любой почти органъ, начиная съ корня и кончая цвѣтами. Какъ на самые крайніе и несовмѣстимые примѣры, можно указать на кочанную капусту и на одну любопытную разновидность, изъ стволовъ которой изготовляютъ трости. Трость не станешь глотать и на кочанъ опираться, или, съѣвъ кочанъ, не получишь изъ него на слѣдующій годъ высокаго стебля. Очевидно, задавшись одной изъ двухъ несовмѣстимыхъ задачъ, культиваторъ будетъ истреблять всѣ формы, которыя не удовлетворяютъ

*) Такъ, наприм., и г. Филипповъ въ сотый или тысячный разъ распространяется о метафоричности лежащихъ въ основѣ этого ученія выраженій „борьба“, „отборъ“ и т. д., очень хорошо зная, что и Дарвинъ, и дарвинисты впередъ съ нимъ согласны. Ничего не можетъ быть бесплоднѣе такихъ разсужденій о прямомъ и слѣдствіи терминовъ, переносный смыслъ которыхъ всякому извѣстенъ. Не только чинный язь, но и обычная рѣчь можетъ на каждомъ шагѣ доставить не и ощипый источникъ для такихъ упражненій. Вотъ, наприм., физики говорятъ, что оболочка сопротивляется току, да еще тонкая сопротивляется болѣе, чѣмъ толстая, и, еще лучше, я въ эту минуту пишу перомъ на листѣ, но это перо—не перо, потому что оно стальное, и этотъ листъ—не листъ, потому что онъ бумажный. Какъ богатое поприще для псевдо-философскихъ измышленій!

ни той, ни другой. Такой результат, являющийся въ приведенныхъ случаяхъ неизбежнымъ, вслѣдствіе несовмѣстимости двухъ направлений измененія, еще чаще является слѣдствіемъ капризовъ вкуса, моды и т. д. Всего нагляднѣе это обнаружилось опять-таки на голубиныхъ породахъ. «Любитель не цѣнитъ среднихъ формъ; онъ восхищается только крайностями». Такимъ образомъ, чѣмъ строже примѣняется отборъ, тѣмъ неизбежнѣе въ числѣ его результатовъ будетъ исчезаніе среднихъ, связующихъ, переходныхъ формъ, тѣмъ ближе группировка искусственныхъ породъ будетъ представлять намъ сходство съ общею картиной, являемою намъ органическимъ міромъ, т.-е. мы будемъ имѣть группы, носящія очевидныя черты сходства, притомъ, въ различныхъ степеняхъ, но еще болѣе очевидно лишены наличныхъ между собою переходовъ. Такъ, въ Англій, гдѣ охотники до голубей довели свое искусство до крайняго предѣла, Дарвинъ не могъ найти промежуточныхъ формъ между нѣкоторыми крайними представителями и, только обратившись въ своихъ поискахъ въ Персію, Индію и на островъ Яву, нашель эти missing links, т.-е. формы, связующія ихъ съ общимъ предкомъ. Значитъ, въ Англій однимъ изъ послѣдствій строгаго отбора голубиныхъ породъ явилось уничтоженіе промежуточныхъ, связующихъ звеньевъ, такъ сказать, замѣтаніе слѣдовъ историческаго процесса ихъ образованія.

Здѣсь, какъ и въ общемъ вопросѣ объ аналогіи между искусственнымъ и естественнымъ отборомъ, возникаетъ вопросъ, что же поставимъ мы на мѣсто человѣка, сознательно удовлетворяющаго свои потребности, свои прихоти? Очевидно, въ частномъ, какъ и въ общемъ объясненіи ключомъ долженъ являться тотъ же принципъ полезности. Но какую же пользу могутъ извлекать живыя существа изъ этого начала расхожденія признаковъ? Повидимому, это начало исключительно формальное, морфологическое, какимъ же образомъ усмотримъ мы въ немъ признаки полезнаго приспособленія? Чѣмъ разнообразнѣе становятся организмы, тѣмъ просторнѣе имъ становится на землѣ, тѣмъ болѣе свободныхъ мѣстъ находятъ они въ природѣ,—понятно, подъ условіемъ, чтобъ и это разнообразіе касалось существенныхъ сторонъ организаціи. Выбравшись на сушу, поднявшись на воздухъ, живыя существа—растенія и животныя—устранялись отъ конкуренціи обитателей морей, составлявшихъ первоначально исключительное населеніе земли. То, что понятно въ такихъ общихъ чертахъ при сравненіи обитателей различныхъ стихій, оказывается вѣрнымъ и по отношенію менѣе глубокихъ различій. Какъ наземная флора и фауна должны были образоваться изъ флоры и фауны водъ и, притомъ, чрезъ посредство гализмовъ, первоначально приспособленныхъ и къ той, и къ другой средѣ, но уступившихъ вслѣдствіи мѣсто своимъ болѣе специализировавшимся потомкамъ, такъ было и во всякомъ менѣе рѣзкомъ случаѣ расхожденія признаковъ. Не только разнообразя свою среду, но и разнообразя свое отношеніе къ этой средѣ, предъявляя ей отличныя отъ другихъ формъ требованія или удовлетворяя ихъ иными путями, организмъ какъ бы

ходить новое или лучше обезпечиваетъ за собой старое мѣсто въ природѣ. Пояснимъ это положенiе нѣсколькими примѣрами. Земное растенiе, для своего существованiя, нуждается въ солнечномъ свѣтѣ: подъ густымъ навѣсомъ сплошной древесной растительности можетъ существовать только чахлая травянистая растительность, но грибы находятъ здѣсь для себя всѣ благоприятныя условiя—гнѣющее органическое вещество и влагу. Широколиственное растенiе не можетъ развить своей листовой пластины подъ покровомъ такой же широкой пластины другого растенiя, но узкiя, прямостоящiя былинки свободно проникнуть между разрѣзами горизонтально растилающихся пластинъ другого растенiя и раздѣлять съ нимъ падающiй на нихъ свѣтъ,—однѣ лучше используютъ лучи утренняго и вечерняго, а другiе лучи полуденнаго солнца. То же примѣнимо и къ химическимъ условiямъ среды. Бобовое растенiе, выработавшее сложнымъ путемъ способность пользоваться свободнымъ азотомъ атмосферы, уживается рядомъ со злакомъ лучше, чѣмъ другое растенiе, черпающее свой азотъ изъ одного и того же почвеннаго источника. Справедливость этого положенiя, что различiе организацiи есть прямой залогъ болѣе успѣшнаго совмѣстнаго существованiя, подкрѣпляется давно извѣстными сельскимъ хозяевамъ цифрами. Смѣшанная трава даетъ болѣе сѣна съ данной площади, чѣмъ однородная.

И такъ, большая степень отличiя каждаго существа отъ существъ съ нимъ сходныхъ уже сама въ себѣ можетъ быть разсматриваема, какъ полезное приспособленiе, обезпечивающее за нимъ какъ бы новое, незанятое мѣсто въ природѣ. Изъ трехъ потомковъ какой-нибудь формы болѣе вѣроятiя на сохраненiе будутъ имѣть двѣ крайнiя формы, пути которыхъ наиболѣе расходятся, а не та, путь которой до нѣкоторой степени совпадаетъ съ путями каждой изъ этихъ двухъ, въ ихъ специальномъ направленiи, болѣе приспособленныхъ формъ. Однимъ изъ неотразимыхъ логическихъ выводовъ ученiя о естественномъ отборѣ является это объясненiе стремленiя органическаго мiра къ разнообразiю и къ одновременному уничтоженiю промежуточныхъ звеньевъ между этими безконечно разнообразными формами. То, что было камнемъ преткновенiя для Ламарка и Кювье, легло во главу угла стройнаго зданiя дарвинизма. Дарвинъ не долженъ, подобно Ламарку, прибѣгать къ совершенно неправдоподобному предположенiю, что эти промежуточные формы сخورонились гдѣ-то въ неизвѣданныхъ уголкахъ земли; къ тому же, уголковъ этихъ почти уже не осталось. Онъ прямо заявляетъ, что, на основанiи его теорiи, ихъ нѣтъ повода даже искать, что онѣ не могли, не должны были сохраниться. Въ этомъ заключается одно изъ важнѣйшихъ преимуществъ его ученiя, которое, конечно, болѣе всего было бы оцѣнено Кювьемъ, не сдававшимся на вѣскiе, по его мнѣнiю, доводы Ламарка, главнымъ образомъ, на томъ основанiи, что разрозненность, разобщенность формъ современнаго органическаго мiра, очевидно, болѣе гармонизировала съ возрѣнiями Кювье, чѣмъ съ возрѣнiями Ламарка.

Но если эти отсутствующiя звенья и не должны были сохраниться, то, тѣмъ не менѣе, они должны были когда-то существовать. Что же говорить

въ пользу ихъ существованія современное естествознаніе? Еще въ первой лекціи мы видѣли, что, даже при господствѣ догмата о неподвижности видовъ, двѣ отрасли естествознанія неизмѣнно свидѣтельствовали о сходствѣ живыхъ существъ какъ между собою, такъ и съ формами уже вымершими, эти отрасли—морфологія (сравнительная анатомія съ эмбриологіей) и палеонтологія. Спрашивается, то, что приобрѣтено этими науками со времени окончательнаго водворенія въ наукѣ обратнаго взгляда, соответствуетъ ли тѣмъ надеждамъ и требованіямъ, которыя вправѣ предъявить имъ новое ученіе? Вопреки неоднократнымъ попыткамъ утверждать противное, можно сказать, что всѣ успѣхи этихъ наукъ за послѣднія три-четыре десятилѣтія представляютъ одинъ непрерывный аргументъ въ его пользу. Конечно, немислимо представить здѣсь хотя бы самый блѣдный очеркъ того, что сдѣлано въ этомъ направленіи за указанный періодъ. Остановлюсь только бѣгло на нѣкоторыхъ изъ самыхъ выдающихся примѣровъ, выбравъ ихъ для систематическихъ единицъ различныхъ порядковъ, и, притомъ, останавливаясь на фактахъ какъ морфологическихъ, такъ и палеонтологическихъ.

Прежде всего, остановлюсь на результатахъ дѣятельности одного ученаго, по времени опередившаго переворотъ, произведенный въ біологіи дарвинизмъ, и потому особенно способствовавшего той легкости, съ которою идеи Дарвина принялись на почвѣ растительной морфологіи,—ученаго, изслѣдованія котораго представляютъ одно изъ величайшихъ завоеваній въ области описательнаго естествознанія вообще, но имя котораго почти неизвѣстно за предѣлами ограниченнаго круга специалистовъ. Какого образованный человекъ, сколько-нибудь интересующійся естествознаніемъ, не слышалъ именъ Фохта, Шлейдена, Мошота, Негели и множества другихъ, а, между тѣмъ, положительныя заслуги этихъ ученыхъ ничтожны въ сравненіи съ результатами изслѣдованій этого почти неизвѣстнаго — Вильгельма Гофмейстера. «Когда восемь лѣтъ спустя послѣ появленія изслѣдованій Гофмейстера появилась теорія Дарвина,—пишетъ въ своей *Исторіи ботаники* Савсъ,—сродство между двумя большими отдѣлами растительнаго царства было такъ прочно установлено, такъ очевидно, что теорія единства происхожденія организмовъ пришлось только признать то, что генетическая морфологія уже на дѣлѣ доказала». «То, что Геккель, послѣ появленія книги Дарвина, назвалъ филогенетическимъ методомъ, Гофмейстеръ уже задолго до него осуществилъ на дѣлѣ самымъ блистательнымъ образомъ». Не странно ли, что такая великая научная заслуга до сихъ поръ почти неизвѣстна въ болѣе широкихъ кругахъ образованныхъ людей, а имя одного изъ самыхъ крупныхъ научныхъ дѣятелей въ не пользуется заслуженною славой *)? Я полагаю, одного этого доста- чно

*) Мнѣ всегда казалось,—и не думаю, чтобы въ этомъ высказывалось чье-либо пристрастіе ученика къ своему учителю,—что даже нѣмецкіе ученые, всегда готовые преувеличивать заслуги своихъ соотечественниковъ (стоитъ вспомнить тотъ ораторъ, которому окружася теперь имя Вейсмана, какъ преемника, будто бы, Дарвина, въ отношеніи къ Гофмейстеру положительно несправедливы.

для того, чтобы нѣсколько подробнѣе на ней остановиться. Во всѣхъ классификаціяхъ какъ растительнаго, такъ и животнаго міра, конечно, не было болѣе крупныхъ, болѣе глубоко между собою различающихся отдѣловъ, какъ два отдѣла или полупарства растений, носящіе названія *явно* и *тайнобрачныхъ*, *цвѣтковыхъ* и *споровыхъ*. Первые, къ которымъ относится большая часть извѣстныхъ въ обыкновенной жизни растений, характеризуются тѣмъ, что размножаются сѣменами, очень сложными тѣлами, являющимися въ результатѣ процесса оплодотворенія, совершающагося въ цвѣткѣ. Вторые, между болѣе извѣстными представителями которыхъ можно назвать папоротники, мхи, грибы, *видимо* размножаются такъ называемыми *спорами*, т.-е. отдѣльными, рассыпающимися въ видѣ пыли клѣточками (стѣбитъ вспомнить темную пыль, осыпающуюся съ изнанки листьевъ папоротниковъ, изъ урночекъ мховъ или поднимающуюся облачкомъ изъ раздавленнаго подъ ногою дождевика). Незадолго до появленія классическихъ трудовъ Гофмейстера было прочно установлено существованіе у споровыхъ растений органовъ полового размноженія, по своимъ микроскопическимъ размѣрамъ ускользавшихъ отъ обычнаго наблюденія. Но за то, также недавно, Шлейденомъ была внесена въ науку глубокая смута его теоріей цвѣтка, сводившаяся къ отрицанію существованія у цвѣтковыхъ растений полового размноженія. Шлейденъ, а по его слѣдамъ и цѣлый рядъ выдающихся ученыхъ пытались доказать, что клѣточка пыльца не оплодотворяющій, а яичко не оплодотворяемый органъ. Первая, по мнѣнію этихъ ученыхъ, только спора, вторая — только приемникъ, въ которомъ эта спора удобно прорастаетъ, между тѣмъ какъ у споровыхъ она прорастаетъ прямо на землѣ. Гофмейстеру, прежде всего, пришлось опровергнуть эту хитросплетенную и, казалось, опирающуюся на точныя наблюденія разрушительную теорію, и онъ блистательно выполнилъ эту задачу въ своемъ изслѣдованіи *Образованіе зародыша явнобрачныхъ*, которымъ навсегда уничтожилъ шлейденовскую теорію и положилъ прочное основаніе современному ученію о половомъ процессѣ у сѣменныхъ растений. Но тѣмъ рѣзче выступило различіе между такимъ споровымъ растеніемъ, какъ, наприм., папоротникъ, и типическимъ сѣменнымъ растеніемъ. Гофмейстеръ предпринялъ колоссальный трудъ изслѣдованія исторіи развитія представителей всѣхъ классовъ споровыхъ растений, начиная съ мховъ, и простѣйшихъ представителей сѣменныхъ, такъ называемыхъ голосѣмянныхъ. Я говорю—колоссальный трудъ, потому что изучающій его *Сравнительная изслѣдованія надъ проростаніемъ, развитіемъ и плодоношеніемъ высшихъ тайнобрачныхъ* выносятъ впечатлѣніе, что это плодъ многолѣтнихъ изслѣдованій десятковъ ученыхъ, а, между тѣмъ, это былъ результатъ двухъ-трехлѣтнихъ трудовъ одного человека, притомъ, даже не присяжнаго ученаго *). Можно

*) Звавшіе Гофмейстера въ это время рассказываютъ, что онъ помогать своему отцу, извѣстному книжному и нотному торговцу въ Лейпцигѣ, занимаясь въ комнатѣ, сосѣдной съ магазиномъ, и переходя отъ прилавка прямо къ микроскопу, за которымъ дѣлалъ свои великія открытія.

смыло сказать, что едва ли какая книга въ области описательнаго естествознанія содержитъ такое широкое обобщеніе, какъ то, которое заключается въ нѣсколькихъ заключительныхъ страницахъ *Сравнительныхъ изслѣдованій*. Читая эти безцвѣтнымъ, дѣловито-тяжеловѣснымъ языкомъ изложенныя страницы, на первыхъ порахъ сомнѣваешься, точно ли уловилъ ихъ истинный смыслъ; какъ-то не вѣрится, чтобы въ такихъ скромныхъ выраженіяхъ въ первый разъ доводилось до свѣдѣнія ученаго міра открытіе такой громадной важности. Основная идея Гофмейстера, которую вотъ уже полвѣка и, можно сказать, до вчерашняго дня два поколѣнія ботаниковъ продолжаютъ развивать, далеко еще не исчерпавъ, сводится къ слѣдующему. Связующимъ звеномъ между споровыми и цвѣтковыми растеніями является то же, бросающееся въ глаза даже поверхностному наблюдателю, сходство между клѣточкой пыльцы и спорой. Но между тѣмъ какъ нѣкоторые ботаники прошлаго вѣка готовы были видѣть въ нѣкоторыхъ спорахъ пыльцу, т.-е. оплодотворяющее начало; между тѣмъ какъ для Шлейдена пыльца была только спора, т.-е. органъ безполагаго размноженія, Гофмейстеръ показалъ, что это сходство гораздо сложнѣе и, въ то же время, гораздо полнѣе, чѣмъ можно было предполагать. Онъ показалъ, что если у такихъ споровыхъ, какъ папоротники, мы въ цѣломъ жизненномъ циклѣ имѣемъ два смѣняющихся поколѣнія: всякому знакомое листоносное, безполымъ путемъ размножающееся спорами, и другое, знакомое только ботаникамъ, съ микроскопическими органами полового размноженія; если у сѣменныхъ растеній мы знаемъ какъ бы только одно половое поколѣніе съ его тычинками и пестиками, то это коренное различіе исчезаетъ, ступивъ выается при сравненія высшихъ представителей споровыхъ, напримѣръ, плауновыхъ, съ низшими представителями сѣменныхъ, каковы голосѣменные (наши хвойныя). Выходящее изъ споры, половое поколѣніе, у папоротниковъ обоеполое, становится у высшихъ споровыхъ раздѣльнополымъ, соотвѣтственно чему появляются и двоякаго рода споры. Это поколѣніе все сокращается и упрощается, мало-по-малу утрачиваетъ свое самостоятельное существованіе, пока, наконецъ, у высшихъ сѣменныхъ остается только намекъ на него, сокрытый въ мужской спорѣ, т.-е. въ клѣточкѣ пыльцы, и въ женской спорѣ, т.-е. зародышевомъ мѣшкѣ, схороненномъ въ глубинѣ яичка. Гофмейстеръ могъ со справедливою гордостью сказать, что ему удалось перекинуть мостъ изъ одного полударства природы въ другое. Голосѣменные, которымъ еще недавно отводили мѣсто между двудольными, навсегда заняли свое мѣсто на границѣ споровыхъ и цвѣтковыхъ, представляя самое несомнѣнное связующее звено, какаго только могло ожидать эволюціонное ученіе. Этотъ выводъ морфологическаго изслѣдованія подтвердился и непосредственнымъ свидѣтельствомъ исторіи, т.-е. палеонтологіей: сѣменные и во времени занимаютъ такое же несомнѣнное промежуточное положеніе между споровыми и сѣменными, какъ и въ естественной системѣ. Едва ли можно привести другой болѣе разительный примѣръ раскрѣп-

связи между двумя обширными группами тамъ, гдѣ ея, казалось, невозможно было ожидать.

Но противники эволюціоннаго ученія нерѣдко, и не безъ основанія, возражаютъ, что именно такія широкія обобщенія мало убѣдительно; доказывая только существованіе какого-то общаго плана въ строѣ органическаго міра, они не обнаруживаютъ еще непосредственнаго перехода. Они предъявляютъ палеонтологіи требованія раскрыть мельчайшіе шаги этого перехода между двумя близкими формами, которые вынудили бы признать, что одна изъ формъ фактически произошла отъ другой.

Новѣйшіе успѣхи палеонтологіи удовлетворяютъ и этому требованію. Про талантливаго французскаго карикатуриста Шевалье, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Гаварни, рассказываютъ такой анекдотъ. Шевалье былъ привлеченъ къ суду за непочтительное изображеніе Луи-Филиппа, въ видѣ груши. Представъ передъ судьей, остроумный художникъ, вмѣсто защиты, попросилъ карандашъ и листъ бумаги и, нѣсколькими штрихами нарисовавъ на немъ портретъ Луи-Филиппа, обратился къ судѣ съ вопросомъ: можно ли изображать короля такимъ?—на что послѣдовалъ отвѣтъ судьи: конечно, можно. Тогда, съ изумительною быстротой, онъ набросалъ цѣлый рядъ такихъ изображеній, на одномъ концѣ котораго былъ несомнѣнный Луи-Филиппъ, а на другомъ столь же несомнѣнная груша, и съ напускною наивностью снова обратился къ судѣ, прося его объяснить, гдѣ же оканчивалось дозволенное изображеніе и гдѣ начиналось оскорбленіе величества? Эта шутка талантливаго художника невольно приводитъ на мысль каждый разъ, когда видишь передъ собою, уже ставшій классическимъ, часто воспроизводимый рисунокъ извѣстнаго, недавно умершаго геолога Неймайера. Рисунокъ этотъ нагляднымъ образомъ показываетъ превращеніе одного ископаемаго, прѣсноводнаго моллюска изъ рода *Palludina*. Если закрыть рукою среднія фигуры, то мы имѣемъ передъ собой два рѣзко между собою различающихся вида или даже рода, но отнимите руку, взгляните на остальные 15 промежуточныхъ фигуръ, и вы сознаетесь въ полной невозможности провести границу между этими крайними формами,—такими нечувствительными степенями переходятъ онѣ одна въ другую. И всѣ эти остатки встрѣчаются въ послѣдовательныхъ отложеніяхъ, въ той же мѣстности (въ Славоніи), такъ что мы имѣемъ непосредственное историческое свидѣтельство, что это не искусство только подобранныя, а исторически преемственныя стадіи превращенія одной и той же формы. Едва ли не болѣе поразительную картину представляетъ сходная же находка, сдѣланная въ Штейнгеймѣ, въ Вюртембергѣ и тщательно изслѣдованная въ шестидесятыхъ и снова въ восьмидесятыхъ годахъ. Здѣсь, также въ послѣдовательныхъ слояхъ, встрѣчаются измѣненія раковины одного прѣсноводнаго моллюска, на одномъ предѣлѣ, имѣющаго видъ нашей обыкновенной плоской катушки (*Planorbis*), а на другомъ—напоминающаго закрученную въ видѣ конической башенки *Palludina*, и, тѣмъ не менѣе, переходъ этотъ произошелъ совершенно нечувствительными, исторически-по-

слѣдовательными ступенями. Эти и подобные имъ примѣры должны раз навсегда зажать ротъ тѣмъ тщетно упорствующимъ противникамъ эволюціоннаго ученія, которые утверждаютъ, что показанія палеонтологіи такого же общаго и неопредѣленнаго характера, какъ и показанія морфологіи, т.-е. указываютъ на какое-то скрытое сходство скачками, не обнаруживая непосредственнаго, нечувствительнаго перехода.

Указавъ на доказательства, которыя можно привести въ пользу общаго происхожденія организмовъ, въ примѣненіи къ самой крупной и къ самой мелкой таксономической единицѣ—къ полупарству и къ виду, остановимся еще на нѣсколькихъ наиболѣе рѣзкихъ примѣрахъ, касающихся промежуточныхъ группъ, и, притомъ, такихъ примѣровъ, которые могутъ быть понятны безъ необходимыхъ въ такихъ случаяхъ рисунковъ. Главное обстоятельство, которое останавливаетъ на себѣ вниманіе эволюціониста, это—обиліе въ ископаемомъ состояніи такъ называемыхъ коллективныхъ или синтетическихъ типовъ,—типовъ, очевидно, совѣщающихъ въ себѣ признаки формъ, теперь уже обособившихся и, въ силу дѣйствія начала расхожденія признаковъ, раздѣленныхъ глубокими промежутками. Одинъ изъ самыхъ разительныхъ и популярныхъ примѣровъ представляетъ палеонтологическая родословная нашей лошади. Эта родословная, въ установленіи которой видную роль играли трагически, во цвѣтъ лѣтъ погибшій талантливый В. О. Ковалевскій, связываетъ постепеннымъ переходомъ нашу однокопытную лошадь съ ея трехкопытными предками, а черезъ нихъ и съ многокопытными современными родичами, носорогомъ и тапиромъ. Если бы могло существовать хотя малѣйшее сомнѣніе въ истинномъ толкованіи этого факта, въ смыслѣ происхожденія однокопытной лошади отъ многокопытныхъ предковъ, оно устраняется появленіемъ уродливостей, т.-е. лошадей, снабженныхъ дополнительнымъ копытцемъ, тѣмъ самымъ, которое было у ея ближайшихъ предковъ. Такая лошадь, говорятъ, была у Юлія Цезаря. Въ послѣднее время, когда этотъ фактъ получилъ такой глубокой научный интересъ, примѣры этой уродливости стали болѣе обращать на себя вниманіе и оказались болѣе распространенными, чѣмъ можно было ожидать.

Здѣсь мы имѣемъ примѣры переходовъ въ предѣлахъ родовъ и семействъ; еще разительнѣе, конечно, примѣры связующихъ звеньевъ между такими даже для неопытнаго глаза очевидно обособившимися группами, каковы классы. А между классами, конечно, едва ли существуетъ другой болѣе обособившійся, болѣе отличающійся отъ другихъ, даже въ глазахъ самаго поверхностнаго наблюдателя, классъ существъ, какъ птицы^п, тѣмъ не менѣе, современной палеонтологіи удалось найти связующія звѣзды между этимъ классомъ и другимъ, казалось, безконечно отъ него отчужденнымъ, каковы пресмыкающіяся. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ появленія *Происхожденія видовъ* разнесся слухъ, что въ юрскихъ извѣсткахъ Золенгофена, въ Баваріи, найдены птичьи перья и вслѣдъ за тѣмъ открыты и части скелета, представлявшія одно изъ самыхъ поразитель-

ныхъ палеонтологическихъ открытій, въ смыслѣ эволюціоннаго ученія. Въ 1877 году найденъ второй, болѣе полный экземпляръ этого удивительнаго существа, купленный, послѣ долгихъ переговоровъ, Берлинскимъ музеемъ за небывалую цѣну 22,000 марокъ. Скелетъ этотъ принадлежитъ несомнѣнно птицѣ, но птицѣ, въ то же время, несущей самыя очевидныя слѣды еще близкаго родства съ происшедшими отъ общаго съ ней предка пресмыкающимися. Въ то же время, это существо—Археоптериксъ—представляетъ много сходнаго съ эмбриональными формами птичьяго зародыша. Что это была птица, на то указываютъ превосходно сохранившіеся отпечатки перьевъ и строеніе скелета, въ особенности заднихъ конечностей. Но, въ то же время, эта птица обладала длиннымъ хвостомъ, какъ у ящерицы, состоявшимъ изъ отдѣльныхъ позвонковъ; три пальца ея крыла были развиты, какъ настоящіе пальцы, и снабжены когтями и, наконецъ, въ челюстяхъ второго экземпляра оказались зубы, по своему положенію въ особыхъ ячейкахъ, напоминающіе зубы крокодила. Этотъ экземпляръ птицы съ зубами не единственный: извѣстному американскому палеонтологу Маршу удалось вскорѣ найти цѣлый рядъ такихъ формъ, составляющихъ новый подклассъ—*Odontornithes*.

Паразительнѣе этихъ палеонтологическихъ находокъ было развѣ только одно изъ самыхъ замѣчательныхъ открытій въ области эмбриологіи или биологіи вообще, сдѣланное А. О. Ковалевскимъ,—открытіе, которое пошатнуло бы вѣсы научной критики въ пользу Жоффруа Сентъ-Иллера во время знаменитаго спора, изъ котораго его противникъ, Кювье, вышелъ побѣдителемъ. Представленіе о самостоятельности животныхъ типовъ, установленныхъ Кювье, долгое время оставалось непровергнутымъ. А. О. Ковалевскій показалъ, что такъ называемые оболочники, которыхъ прежде относили къ моллюскамъ въ начальныхъ стадіяхъ своего развитія, представляютъ паразитальное сходство съ типомъ позвоночныхъ. И такъ, нѣтъ той степени систематическаго различія, для которой морфологія не могла бы привести *впрямыхъ* или палеонтологія *несомнѣнныхъ* доказательствъ существованія перехода. Это различіе въ степени достовѣрности свидѣтельствъ морфологіи и палеонтологіи вполне соответствуетъ и тѣмъ требованіямъ, которыя вправѣ предъявлять имъ современная наука, на основаніи разсматриваемаго ученія о расхожденіи признаковъ.

Во всеоружіи своихъ тридцатилѣтнихъ завоеваній, о размѣрахъ которыхъ приведенные примѣры, конечно, даютъ только отдаленное понятіе, современная палеонтологія можетъ съ гораздо большею силой и убѣдительною повторить аргументы, которые съ такое тщательностью сопоставилъ Дарвинъ,— аргументы, въ которыхъ его враги съ злорадствомъ не гались усматривать только *testimonium paupertatis* эволюціоннаго ученія. Дарвинъ, какъ извѣстно, съ особенною силой настаивалъ на томъ положеніи, что недостаточность положительныхъ свидѣтельствъ палеонтологіи, т.-е. отсутствіе въ ископаемомъ состояніи всѣхъ тѣхъ безчисленныхъ переходныхъ и связующихъ формъ, существованіе которыхъ составляетъ основную

посылку эволюціоннаго ученія, еще ничего не говоритъ противъ него. Его доводы, убѣждающіе въ безнадежности когда-либо возстановить хотя сколько-нибудь полную лѣтопись органическаго міра на основаніи ископаемыхъ остатковъ такъ вѣски, что приходится дивиться не бѣдности, а, наоборотъ, богатству тѣхъ положительныхъ свидѣтельствъ, которыя накопила палеонтологія за краткій періодъ этихъ тридцати лѣтъ. Безслѣдное исчезновеніе организмовъ на поверхности нашей планеты, безспорно, слѣдуетъ считать за правило, а сохраненіе скудныхъ ихъ остатковъ—за исключеніе, и, притомъ, очень рѣдкое исключеніе. Препятствія къ сохраненію этихъ остатковъ лежатъ какъ въ самой природѣ организмовъ, такъ и въ окружающей ихъ средѣ. Главная масса органовъ и цѣлыхъ организмовъ состоитъ изъ веществъ, быстро разлагающихся подъ вліяніемъ атмосферныхъ дѣтелей и еще болѣе подъ вліяніемъ микроорганизмовъ, оказывавшихъ свое разлагающее дѣйствіе, какъ обнаруживаетъ палеонтологія, еще въ раннія эпохи существованія органическаго міра. Только такія части, какъ скелеты, раковины, отпечатки листьевъ, могли уцѣлѣть сами по себѣ, другія же части только при участіи совершенно исключительныхъ процессовъ минерализаціи, каковы, наприм., процессы окременѣнія, благодаря которымъ и сохранились, со всѣми своими мельчайшими микроскопическими подробностями, стебли растений и т. д. Но и твердые остатки, подверженные болѣе или менѣе вѣрному разрушенію, не оставили бы по себѣ слѣдовъ въ отдаленные вѣка, если бы не стеченіе совершенно исключительныхъ условій. Сколько поколѣній животныхъ, населявшихъ наши лѣса и представленныхъ безчисленными недѣлимыми, исчезаетъ совершенно безслѣдно на нашихъ глазахъ! Сохраненіе твердыхъ остатковъ связано не только съ рѣдко встрѣчающимися условіями, но съ еще рѣже встрѣчающеюся совокупностью этихъ условій. Обыкновенно они должны быть занесены быстро образующимися осадками, морскимъ или прѣсноводнымъ иломъ. Эти осадки должны превращаться въ твердыя породы, но должны избѣгнуть того процесса, которому сами обязаны своимъ происхожденіемъ, т.-е. процессу разрушенія подъ вліяніемъ воды и воздуха. Наконецъ, удаленные изъ круга дѣйствія факторовъ, разрушительнымъ образомъ дѣйствующихъ на поверхности земли, они не должны подпасть и дѣйствію метаморфозирующихъ горныхъ породъ внутреннихъ силъ. Таковы соображенія, приводящія къ заключенію, какъ ничтоженъ долженъ быть процентъ формъ, оставившихъ по себѣ какіе-нибудь слѣды, въ сравненіи съ тѣми, которыя существовали. По соображеніямъ Неймайера, даже для самыхъ благоприятныхъ случаевъ, куда должно отнести остатки морскихъ моллюсковъ, это отношеніе едва ли превышаетъ одну сотую. Затѣмъ выступаетъ впередъ еще другое соображеніе: какую ничтожную часть даже изъ тѣхъ остатковъ, которые сохранились, въ состояніи мы узнать и въ дѣйствительности уже знаемъ? Большая часть, вѣроятно, навсегда останется недоступной для человѣка: а днѣ океановъ, а на сушѣ то, что изслѣдовано, въ сравненіи съ неизслѣдованною поверхностью, составляетъ, по мѣткому выраженію Романа

«нѣсколько парацинъ на континентѣ Азіи и Америки, да немного побольше такихъ же парацинъ въ Европѣ». Ко всѣмъ этимъ соображеніямъ нужно прибавить едва ли не самое важное: если не сохранились всѣ связующія звенья между двумя формами, то мы можемъ нерѣдко имѣть въ рукахъ общаго ихъ родоначальника, сами того не подозревая, такъ какъ онъ будетъ именно отличаться почти полнымъ отсутствіемъ тѣхъ признаковъ, которыми характеризуются эти двѣ формы. У обыкновеннаго голубя мы не встрѣтимъ ни зоба дутыша, ни опахальчатого хвоста трубастаго голубя; ходячее же представленіе о переходѣ связано съ понятіемъ о переходѣ прямомъ, т.-е. въ настоящемъ случаѣ о непосредственномъ переходѣ отъ дутыша къ трубаостому или наоборотъ.

Такимъ образомъ, аргументація Дарвина, объяснявшая бѣдность положительныхъ палеонтологическихъ свидѣтельствъ естественною неполнотою геологической лѣтописи, сохраняя всю свою силу, тѣмъ болѣе заставляетъ насъ цѣнить тѣ, можно смѣло сказать, превысившіе ожиданія успѣхи палеонтологіи, которые послѣдовали за краткій срокъ, истекшій со времени появленія *Происхожденія видовъ*. Какъ будто необходимо было убѣдиться въ логической неизбѣжности существованія этихъ скудно разсѣянныхъ переходныхъ формъ для того, чтобы онѣ обнаружались и на дѣлѣ.

Благодаря ученію о расхожденіи признаковъ, сравнительная анатомія, эмбриологія, палеонтологія могутъ теперь идти своимъ путемъ, не смущаясь болѣе тою антиноміей, передъ которой безпомощно останавливались такіе ученые, какъ Ламаркъ, такіе мыслители, какъ Кантъ или Огюсть Контъ *)). Современный строй органическаго міра не представляетъ намъ непрерывныхъ сплошныхъ переходовъ между существующими формами, не потому, что переходы эти, какъ наивно могъ думать еще Ламаркъ, гдѣ-то отъ насъ схоронились, а потому, что они и не должны были, не могли сохраниться, если развитіе организмовъ шло тѣмъ историческимъ путемъ, который раскрываетъ намъ указанная аналогія съ процессомъ искусственнаго отбора.

Таковы плоды примѣненія исторической идеи къ изученію органическаго міра въ томъ направленіи, которое мы назвали морфологическимъ; еще плодотворнѣе результаты ея примѣненія въ направленіи физиологическомъ, т.-е. въ смыслѣ разрѣшенія основнаго факта кажущейся цѣлесообразности организаціи. Въ слѣдующей лекціи мы перейдемъ къ рассмотрѣнію этой стороны изучаемаго процесса, для чего необходимо будетъ подвергнуть его анализу, разобрать тѣ ближайшіе факторы, изъ которыхъ складывается этотъ сложный процессъ, получившій названіе «естественнаго отбора». Это тѣмъ болѣе необходимо, что оцѣнка ихъ относительнаго значенія является въ настоящее время предметомъ самой оживленной полемики и породила даже и который расколъ въ средѣ самихъ сторонниковъ эволюціоннаго ученія.

Н. Тимирязевъ.

*) Какъ это было показано въ четвертой лекціи.

Совѣсть и знаніе *).

I.

Нужна ли совѣсть? Вопросъ этотъ, къ сожалѣнію, не настолько безспоренъ, чтобы невозможны были въ немъ разнорѣчія. Въ *Литературныхъ наблюденіяхъ* декабрьской книжки *Русской Мысли* г. О. Т. В. удостоиваетъ одну мою статью**) сочувственнаго разбора, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, отрицаетъ основную ея мысль, — ту, что личная нравственность есть источникъ общественной нравственности. Мой уважаемый противникъ утверждаетъ, что не совѣсть, а знаніе ведетъ къ справедливымъ порядкамъ жизни; въ разныхъ мѣстахъ статьи онъ иронизируетъ надъ развитіемъ совѣсти («погруженіемъ» въ совѣсть, какъ онъ выражается), считая это по меньшей мѣрѣ бесполезнымъ дѣломъ. Совѣсть выходитъ какъ бы не нужной: достаточно, видите ли, одного знанія. По представленію г. О. Т. В. выходитъ, что совѣсть и начинается, и оканчивается въ границахъ отдѣльной личности, что она не переходитъ на общественныя дѣла человѣка и со зломъ общественнымъ мирится. «Само по себѣ стремленіе къ нравственному самовершенствованію, къ спасенію души, — говоритъ онъ, — отнюдь не заключаетъ въ себѣ элемента борьбы съ общественнымъ зломъ; можно и удалиться отъ міра для того, чтобы всецѣло заняться собственной совѣстью».

Я позволяю себѣ не согласиться съ этимъ взглядомъ. Я думаю, что совѣсть есть *абсолютное* отрицаніе зла, т.-е. зла не только личнаго, но и общественнаго, государственнаго, расоваго, всечеловѣческаго, міроваго, если бы послѣднее было открыто. Нельзя допустить, чтобы совѣстливый человѣкъ, борющійся со своими нравственными несовершенствами, могъ равнодушно отнестись къ такимъ же несовершенствамъ внѣ себя. Совѣсть, если она не притворна, какъ и всякое доподлинное сознаніе, есть страсть, т.-е. не пассивное, а дѣятельное состояніе души, стремящееся, какъ всякая сила,

*) Охотно помѣщая, въ виду важности и сложности вопроса, статью г. Лешкова, мы предоставимъ отвѣтъ на нее г. О. Т. В. въ слѣдующей книгѣ нашего журнала. *Ред.*

**) *Высшая цель* (Ен. Нед. 1894 г., кн. XI).

распространиться на весь міръ. Можно ли, въ самомъ дѣлѣ, «удалиться отъ міра», разѣ обладаешь живою совѣстью? Бросить страдающихъ братьевъ безъ попытки помочь имъ, удовольствоваться личнымъ, отдѣльнымъ спасеніемъ... Но, вѣдь, это низость, это—отрицаніе самой совѣсти. Если въ вѣка аскетизма нравственные люди бѣжали въ пустыню и отрекались отъ міра, то или по нравственной слабости—сознанію своей неспособности къ дѣятельному добру, или изъ желанія послужить людямъ живымъ примѣромъ отрицанія грѣшной жизни и возможности иного, праведнаго существованія. Истинно-совѣстливые люди и въ пустынѣ не чуждались людей: къ нимъ шло изъ міра все, что отрицало тогдашній міръ, и тутъ, около кельи подвижника, часто устраивался рядъ колоній, отслаивалось новое общество на иныхъ, болѣе справедливыхъ началахъ. Совѣстливые люди во всё время удалялись не отъ міра, а отъ гадостей міра, отъ участія въ этихъ гадостяхъ. Они отрекались отъ богатства, власти, незаслуженнаго почета, карьеры и т. п.,—отъ всего, что, по ихъ мнѣнію, нарушало братство людей и ихъ свободу. Но они не отрекались отъ участія въ добрыхъ явленіяхъ міра, въ общественной взаимопомощи, просвѣщеніи, честномъ трудѣ,—не только не отрекались, но принимали во всемъ этомъ плодотворнѣйшее участіе. Уже никакъ нельзя сказать, что они не боролись съ общественнымъ зломъ. Вѣдь, величайшее общественное зло всегда состояло въ *насиліи* человѣка надъ человѣкомъ; изъ этого допускаемаго, какъ *право*, принципа вѣтвятся всё безчисленныя насилія,—личныя, семейныя, сословныя, государственныя, международныя,—вся дремучая поросль зла, которая, подобно чащѣ лианъ, издревле душитъ живое «древо жизни». Отрекаясь сами отъ права насилія и отрицая это «право» *всюду*, гдѣ оно встрѣчается, совѣстливые люди взаимнѣ его несутъ въ жизнь другое начало: долгъ уваженія къ личности человѣка, несутъ любовь, которая, по словамъ апостола, есть «законъ свободы». Проповѣдуя неприкосновенность человѣка (*homo—res sacra*), показывая въ самихъ себѣ примѣръ благоговѣнія къ его достоинству, развѣ не борются праведники съ общественнымъ зломъ? Насаждая новый міръ идей и чувствъ возвышенныхъ и гуманныхъ, люди совѣстливые развѣ не создаютъ коренного переворота въ зломъ обществахъ?

«Нравственное совершенствованіе», какъ я его понимаю, не есть просто *недѣланіе* зла: оно есть стремленіе къ дѣланію добра. Воздержаніе отъ дурныхъ поступковъ есть не высшая, а *низшая* граница совѣсти, тотъ уровень, гдѣ послѣдняя лишь начинается. Простое воздержаніе отъ зла, какъ всякая граница, есть моментъ безразличій: ни добро, ни зло. Подняться до этой границы, конечно, необходимо, но подняться и не перейти ея, это все равно, что младенцу созрѣвшему—не родиться. Кто нравственно созрѣлъ, чтобы не дѣлать зла, тотъ не можетъ не дѣлать добра, и тѣмъ горячѣе въ насъ отрицаніе неправды, тѣмъ искреннѣе и глубже подчиненіе нравственной истинѣ,—до степени страсти, требующей выхода. «Спасеніе души» никакъ нельзя понимать какъ погруженіе ея въ мертвое безразличіе; душа, э—энергія; «спасеніе» души есть превращеніе ея изъ вредной энергіи въ

полезную *энергію* же. Идеаль совѣстливыхъ людей—Христось—не удалялся отъ міра, а шелъ въ міръ, въ жестокой и холодный міръ, чтобы согрѣть его Своею кровью. Удаленіе отъ міра—это эгоизмъ, отторгающій человека отъ человѣчества и замыкающій его въ узкомъ кругу корыстныхъ интересовъ. Только эгоисты одиноки и за то міръ для нихъ—пустыня.

II.

Кто «удаляется отъ міра», отъ защиты несчастныхъ братьевъ?

Посмотрите, что дѣлается въ жизни: отграничиваютъ себя отъ страдающей человѣческой массы люди не совѣсти, а иныхъ преимуществъ: люди богатства, знанія, таланта, создавая разнаго рода касты и аристократіи. Именно они «удаляются отъ міра», въ одиночество замкнутыхъ сословій, корпорацій, профессій, міросозерпаній. Именно они, отгородивъ себя отъ народа, занимаютъ свою особенную, эгоистическую совѣстью (корпоративною или сословною честью, «честью мундира») и не только не борются съ общественнымъ несовершенствомъ, но входят и душой, и тѣломъ въ живой составъ его, и именно они и поддерживаютъ живучесть зла. Общественная неправда тотчасъ рухнула бы, лишись она поддержки богатства, знанія и таланта. Единственная изъ аристократій, не выдѣляющая себя изъ народа и стремящаяся слиться съ нимъ и не участвующая въ порокахъ общества, это—аристократія совѣсти, и на ней именно, какъ на библейскихъ десяти праведникахъ, держится вся жизнь общества. Но нужно, чтобы хоть десять-то ихъ нашлось, иначе общество гибнетъ въ своихъ мерзостяхъ, какъ тѣ города, за которые напрасно молилъ Авраамъ разгнѣваннаго Бога.

Поглядите, какой процессъ идетъ въ народѣ. Все, что хоть немного выдвигается умомъ, богатствомъ, знаніемъ, тянетъ вонъ изъ деревни, отгораживается, уходитъ въ «городъ»: мечта каждаго деревенскаго лавочника выйдти въ купцы и перебраться въ уѣздный городъ, затѣмъ въ губернской и, наконецъ, въ столицу, почему въ столицахъ и накапливаются такіа чудовищныа богатства и образуются особыа расы и разнаго рода аристократіи. Съ незапамятныхъ временъ, какъ только рождается въ деревнѣ какой-нибудь талантъ, онъ стремится въ городъ, на рынокъ промышленный, научный, литературный, художественный, административный, гдѣ продаетъ себя возможно дороже и всюю силою своей укрьпляетъ то или другое господствующее надъ массама вліяніе. Всѣ культурныа центры поддерживаются оторвавшимися отъ народа талантама и энергіяма: вотъ почему такъ истощена деревня. Чудовищныа помпы, называемыа городама, цѣлыа рѣка выкачиваютъ изъ деревень не только продукты труда, но и лучшыа производителей труда; изъ народа непрерывно отбираются даровитыа и сильные элементы, которые уже никогда болѣе въ деревню не возвращаются. Останься они въ деревнѣ, весь ихъ геній и вся энергія были бы потрачены на мѣстныа нужды, и деревня несомнѣнно давно бы обогнала городъ въ истинной цивилизаціи: въ развитіи справедливаго общежитія, нравственнаго

знанія и естественнаго достатка. Но всегда и всюду всё духовныя энергіи, *кромя совѣсти*, «удалились отъ міра», отъ бѣднаго деревенскаго міра, остававшагося только съ своею совѣстью. Конечно, эта совѣсть, покинутая измѣнившими ей орудіями духа, являлась безоружною и малосильною, едва достаточною, чтобы поддерживать жизнь. *Ubi bene, ibi patria*—вотъ девизъ всѣхъ аристократій, *кромя аристократіи совѣсти*. Какъ древніе феодалы или наши дружинники переходили отъ сюзерена къ сюзерену, куда было выгодноѣе, такъ и современная денежная и всякая иная знать: она охотно мѣняетъ не только родную бѣдную деревню на любой, самый отдаленный городъ, но часто покидаетъ даже родную страну, помѣщая свои капиталы и знанія (добытыя въ отечествѣ) за границей. Предпримчивые капиталисты, какъ и ученые, расходятся по всему свѣту, осѣдая—капиталисты—тамъ, гдѣ хищничество всего легче, ученые—гдѣ легче добыть себѣ славу и деньги. Аристократія крови проживаетъ безвыѣздно *ubi bene*—въ блестящихъ столицахъ Запада, на берегу теплыхъ морей и на веселыхъ курортахъ, хотя все питаніе этой аристократіи идетъ изъ заброшенной сѣрой деревни. Самые талантливые профессора у насъ мечтаютъ получить кафедру за границей, лучшіе живописцы, скульпторы, литераторы начинаютъ устраиваться въ Парижѣ—на томъ основаніи, что тамъ роскошный рынокъ для всякаго большого таланта, тогда какъ у насъ, на примѣръ, въ Россіи если и есть спросъ, то на дешевыя, лубочныя издѣлія. Бѣгство за границу нашей интеллигенціи еще только начинается: огромное большинство ограничивается бѣгствомъ изъ деревни въ городъ, гдѣ устраивается такая же чуждая народу «заграница», какъ и настоящая. Большинство образованныхъ людей, не обладая крупными дарованіями, не выдержало бы заграничной конкуренціи и поневолѣ остается дома, но *только* поневолѣ.

Никто не пробоваль—да это и было бы очень трудно—подсчитать, какое множество русскихъ людей выѣзжало за границу искать себѣ лучшей жизни; еще въ вѣрностное время сотни и тысячи дворянъ эмигрировали добровольно, и кто, бывая за границей, не встрѣчалъ хоть нѣсколькихъ подобныхъ соотечественниковъ? Только самая малая ихъ часть—«политическіе» эмигранты, чаще же всего это неудачные дѣлатели карьеры, побродившіе и въ Старомъ, и въ Новомъ свѣтѣ и гдѣ-нибудь осѣвшіе, чтобы раствориться въ мѣстной жизни. И до сихъ поръ эта эмиграція продолжается. Изъ небольшого круга моихъ знакомыхъ я знаю нѣсколькихъ людей, ѣздившихъ въ Америку наживать богатство. Чаще всего выѣзжаютъ люди бесполезные, возвращающіеся довольно скоро доѣдать родные остатки. Но среди этихъ «удаляющихся отъ міра» встрѣчаются люди съ большою энергіей, знаніями и талантами. Я знаю одного доктора медицины, ѣдущаго за Сандвичевы острова заниматься кофейными плантаціями. Онъ самъ со счастіемъ, что былъ очень полезенъ въ Россіи. Живя на одномъ дикомъ по ережѣ, онъ устраивалъ цвѣтущее маленькое хозяйство; «впродолженіе 11 лѣтъ,—пишетъ онъ мнѣ,—я лечилъ все окружное полудикое населеніе, способствовалъ удаленію хищной, разбойничьей администраціи, спасъ 200 се-

мействъ отъ разоренія, добился того, что на нашемъ побережьи стали возникать цѣнные культуры». Казалось бы, безцѣнный человекъ, но потерпѣлъ нѣсколько тысячъ убытка и соблазнился статьями одной русской женщины-врача съ Сандвичевыхъ острововъ (вотъ куда заносить судьба нашихъ женщинъ-врачей)! Соблазнился и ѣдетъ. «Хочу,—пишетъ онъ мнѣ,—успокоиться—въ Россіи я успокоиться не могу—и снова приняты за работу, подобную той, которою я здѣсь занимался». За докторомъ, кромѣ его многочисленной семьи, ѣдетъ еще три интеллигентныхъ семьи, а человекъ, купившій хозяйство доктора, уже собирается, въ случаѣ неудачи, «махнуть на Цейлонъ» и поселиться въ горахъ. И всѣ эти образованные, даровитые люди оправдываютъ свое бѣгство тѣмъ, что въ Россіи жить нельзя.

Позвольте привести здѣсь любопытный примѣръ «удаленія отъ міра» одного русскаго человека,—одного изъ тѣхъ, у кого хватило таланта и энергіи сдѣлать себѣ на Западѣ хорошую карьеру. Это — П. А. Тверской, авторъ извѣстныхъ очерковъ изъ сѣверо-американской жизни, печатавшихся въ *Вѣстникъ Европы* и *Книжкахъ Недѣли*. Въ этихъ очеркахъ онъ самъ описываетъ, какъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ горячей, но безуспѣшной дѣятельности въ одномъ изъ земствъ, онъ уѣхалъ въ Америку, какъ онъ началъ тамъ съ низшихъ рабочихъ должностей, сдѣлался инженеромъ, строилъ желѣзныя дороги и участвовалъ въ разныхъ предпріятіяхъ, пока не остановился на паровыхъ прачешныхъ въ Калифорніи. Въ результатѣ кипучей дѣятельности—изрядное состояніе, а, главное, душевный покой, покой человека, постигшаго истинный смыслъ жизни. Смыслъ этотъ—американизмъ, т.-е. возможно-энергическая работа съ цѣлью матеріальнаго обогащенія, къ которому будто бы все остальное само приложится.

Очерки г. Тверского взбудоражили многихъ русскихъ людей; въ редакціяхъ журналовъ, гдѣ его статьи печатались, получалась масса писемъ съ просьбой сообщить адресъ автора, и очень многіе собирались ѣхать въ Америку дѣлать себѣ карьеру. У г. Тверского выработалось даже философское обоснованіе его бѣгства изъ бѣдной и невѣжественной Россіи. Когда въ прошломъ году, въ очеркахъ *Думы о счастьи*, я высказался за необходимость сближенія нашей интеллигенціи съ народомъ съ цѣлью созданія новой, народной и нравственной культуры, г. Тверской возражалъ мнѣ слѣдующимъ письмомъ *):

«... Энгельгардъ и его послѣдователи разныхъ типовъ... по моему глубокому убѣжденію, принесли Россіи несравненно болѣе вреда, чѣмъ пользы. Русская интеллигенція и русскій народъ — двѣ несовмѣстимыя вещи, и всякія попытки совмѣстить ихъ, какъ бы честны и искренни онѣ и были, только мѣшаютъ народу идти по своему собственному пути, естественному и способному вывести его изъ тѣхъ дебрей, въ

*) Привожу выдержки изъ этого письма, имѣющаго исключительно общественный интересъ, я полагаю, что не дѣлаю большой нескромности, такъ какъ тѣ же мысли проводятся и въ статьяхъ г. Тверского.

которыя завели его тысячи лѣтъ рабства и нищеты. Какъ варяго-руссы не сьумѣли «устроить Русскую землю», такъ и теперешняя интеллигенція не сьумѣетъ этого сдѣлать и только задерживаетъ народъ своими неумѣлыми, неудачными поползновеніями. «Хожденіе въ народъ», «служеніе народу», «братство» и все имъ подобное только вредитъ дѣйствительному прогрессу,—пусть самъ народъ добивается этого прогресса, и если мы, интеллигенція, не будемъ у него на пути съ нашими непонятными, ненавистными ему приѣмами, онъ скорѣе выбьется изъ тьмы на свѣтъ. Я пришелъ къ этому заключенію послѣ десятилѣтней жизни въ деревнѣ, послѣ десятилѣтней искренней, горячей, молодой борьбы со «всемирнымъ зломъ». У меня были и силы, и средства,—я не былъ интеллигентъ-пролетарій безъ связи съ окружающимъ меня мужикомъ, а мѣстный житель, предки котораго 600 лѣтъ сидѣли въ одномъ гнѣздѣ. Я былъ богатъ и молодъ, молодъ и задоренъ,—безъ малѣйшихъ личныхъ эгоистическихъ мотивовъ,—былъ самымъ молодымъ изъ предводителей дворянства и председателей земскихъ управъ во всей Россіи, пользовался неограниченнымъ вліяніемъ во всемъ уѣздѣ и даже губерніи, работалъ горячо и съ самоотверженіемъ — и только исковеркалъ и собственную жизнь, и жизнь моей семьи, и свой уѣздъ. Если вамъ не лѣнь, найдите въ 1880 и 1881 годахъ мои очерки въ *Вѣстникъ Европы*... Знайте, что они написаны моею кровью, что въ нихъ я исповѣдывался передъ моими друзьями, а ихъ въ то время у меня было много по всей интеллигентной, слѣдившей за земскою жизнью Россіи публикѣ, и что и до настоящей минуты я глубоко убѣжденъ, что я былъ правъ въ моихъ выводахъ... Я мыкался до 188... года, когда сдѣлалось до того душно, что я ушелъ съ родины. Думаю, что это былъ единственный шагъ, которымъ я дѣйствительно принесъ пользу русскому народу... Мы съ вами—варяго-руссы и чѣмъ скорѣе мы уберемся во-свои-ся, тѣмъ скорѣе славянскій народъ добьется того, что ему нужно. Мы не только не можемъ ему помочь, но и несомнѣнно ему вредимъ всякимъ нашимъ движеніемъ, всякимъ нашимъ словомъ, какъ бы искренно, честно и горячо оно ни было»...

Какъ видите, тутъ намѣчается новое «последнее слово» для русской интеллигенціи «конца вѣка». *Бѣжать изъ Россіи*—вотъ новый лозунгъ, поданный выдающимся человѣкомъ, предки котораго «600 лѣтъ сидѣли въ одномъ гнѣздѣ» среди народа. Если бы г. Тверской предлагалъ бѣжать изъ Россіи всѣмъ хищнымъ и низкимъ элементамъ, я понялъ бы его мысль, хотя и считалъ бы ее наивною. Но онъ призываетъ къ бѣгству именно самую благородную, честную, талантливую часть общества, людей въ болѣе чистыхъ и самоотверженныхъ, которые все же хоть немного сдерживаютъ торжество зла, и вотъ это для меня непостижимо. Я ни на минуту не сомнѣваюсь въ личной честности г. Тверского, но думаю, что она подсказала ему рѣшеніе оставить родину, и когда оставить! Когда она *очень* нуждалась въ людяхъ, ему подобныхъ. У насъ такъ страшно мало людей честныхъ, даровитыхъ и энергичныхъ, а г. Тверской бѣжалъ и увѣ-

щеваешь бѣжать и тѣхъ, кто остался. Мнѣ это кажется измѣной роди́нѣ, и я думаю, что она была вызвана не совѣстью, а талантомъ и энергіей г. Тверского. Не преступленіе эта измѣна, но грустная ошибка. Неблагородно бѣжать, «не заплативъ долговъ», не возвративъ издержки 600-лѣтняго своего воспитанія. Красивыми софизмами можно заговорить на время свою совѣсть, но кто же повѣритъ, въ концѣ - концовъ, что честные и талантливые люди вредны для Россіи? Что они болѣе нужны Америкѣ, гдѣ ихъ и такъ много? Что въ Россіи нельзя было устраивать паровыхъ прачешень и что заводить эти прачешни въ Калифорніи—настоящее призваніе русской интеллигенціи?

Нѣтъ, совѣсть не подсказала бы такого рѣшенія.

III.

Что подсказываетъ совѣсть, объ этомъ говорятъ живые примѣры дѣятелей, служившихъ народу. Тѣ изъ этихъ подвижниковъ, у которыхъ совѣсть была вооружена большимъ талантомъ, посвящали себя всенародной (литературной, научной, художественной) проповѣди добра, и это во всѣ времена нужнѣйшій и благороднѣйшій видъ служенія. Тѣ же, которые при великой совѣсти не обладали соотвѣтствующими иными дарованіями, шли на живое практическое дѣло,—не какъ вожди, а какъ рядовые, неся часто безвѣстную, но истинно геройскую службу народу. Припомните жизнь извѣстныхъ вамъ хорошихъ людей: какіе прекрасные дѣятели попадаютъ изъ земцевъ, народныхъ учителей, докторовъ, помѣщиковъ, священниковъ, и какъ благотворно ихъ присутствіе въ обездоленной массѣ! Одинъ истинно-хорошій человекъ въ какомъ-нибудь захолустьи уже замѣтно поднимаетъ жизнь цѣлой округи, и въ доказательство я могъ бы привести десятки именъ подобныхъ дѣятелей, отмѣченныхъ уже печатью. Но если нуженъ общезвѣстный и громкій примѣръ благородной дѣятельности, возможной въ Россіи, напомнимъ хотя бы жизнь Н. И. Новикова: кстати, только что праздновался 150-ти лѣтній юбилей его рожденія. Уже болѣе ста лѣтъ тому назадъ существовали въ Россіи такіе «варяго-руссы», какъ Новиковъ, Шварцъ, Лопухинъ, Гамалѣя, Походяшинъ и др. Обратите вниманіе, съ какою энергіей, «упорствуя, волнуясь и спѣша», небольшая горсть этихъ идеалистовъ берется за огромное историческое дѣло и ведетъ его съ удивительнымъ успѣхомъ,—дѣло общенароднаго просвѣщенія, насажденія у насъ журнальной и книжной печати, изданія историческихъ матеріаловъ и т. п. Въ тотъ «жестокій вѣкъ», въ разгаръ крѣпостного рабства и государственнаго грабежа, Новиковъ возсталъ противъ этихъ золъ, полемизировалъ съ журналомъ самой Екатерины II, въ то время какъ аристократія таланта въ лицѣ Державина торговала лестью. Первый журналъ былъ закрытъ—Новиковъ создаетъ второй, съ еще болѣе смѣлымъ обличеніемъ крѣпостного права. Закрытъ былъ второй журналъ—Новиковъ открылъ третій. Пусть и этотъ журналъ погибъ, пусть Новиковъ «подвергся личнымъ непріятностямъ» и былъ высланъ изъ Петербурга—онъ не опу

рукъ: онъ предпринимаетъ огромное издательское дѣло въ Москвѣ и создаетъ читающую публику, которой до него не было. И тутъ его преслѣдуютъ кары, даже за научныя его изданія, но онъ, какъ мническая гидра, теряя одно щупальце, выпускалъ два: онъ основываетъ цѣлый рядъ новыхъ журналовъ, заводитъ народныя школы (*первыя* въ Россіи), вступаетъ въ связь съ массонами, организуетъ рядъ типографій, устраиваетъ учительскую семинарію, дѣлается душой знаменитаго дружескаго ученаго общества, оказавшаго столь благотворное вліяніе на тогдашнюю молодежь, разбрасываетъ книжную торговлю по всей Россіи, кормитъ народъ въ голодный 1787 годъ, а, главное, наводняетъ читающую публику полезными, просвѣтительными книгами. Пусть вся эта безупречная, честная служба родинѣ увѣнчивается гибелью всѣхъ начинаній, преслѣдованіями и страданіями въ казематахъ Шлиссельбургской крѣпости (Новиковъ сидѣлъ тамъ около 5 лѣтъ), все же Новиковъ и его друзья сдѣлали для просвѣщенія Россіи больше, чѣмъ было сдѣлано до нихъ, и отъ нихъ именно пошла порода искреннихъ народолюбцевъ въ нашей интеллигенціи. Кирѣевскій говоритъ о Новиковѣ, что онъ не распространялъ, а *создалъ* у насъ любовь къ наукамъ и чтенію, и что дѣло, имъ совершенное, еще живетъ и приноситъ плоды. Неужели было бы лучше, если бы этотъ «варяго-руссъ» въ свое время бѣжалъ изъ Россіи, подобно нѣкоторымъ офранцузившимся русскимъ дворянамъ, и пустился бы, вродѣ г. Тверского, въ промышленность на безопасныхъ условіяхъ? Даже и совсѣмъ выбитый изъ колеи, ушедшій въ родную деревню, Новиковъ сумѣлъ остатки жизни отдать крестьянамъ: о его заботахъ до сихъ поръ живетъ благодарная память у крестьянъ. Такъ работаютъ люди совѣсти.

Представьте себѣ, что всѣ честные и просвѣщенные люди, вродѣ Новикова, уходятъ изъ Россіи, забирая и свои богатства, уходятъ навсегда, какъ еврей изъ Египта. Не будетъ ли это своего рода вскрытіемъ артерій у народнаго организма? Вѣдь, за первую волной уходящей честной интеллигенціи должна бы послѣдовать вторая, третья и т. д., — до полной потери лучшей народной крови. Представьте, наоборотъ, что всѣ честные и просвѣщенные люди идутъ навсегда въ народъ, неся съ собою свои знанія, талантъ, энергію и матеріальныя богатства, растворя все это въ массахъ народа. Не будетъ ли это работой творческихъ элементовъ крови, фагоцитовъ, которые стремятся именно къ самымъ бѣднымъ, больнымъ, захудалымъ частямъ тѣла и вступаютъ въ мужественную борьбу съ враждебными жизни микробами? Хирѣющая масса народная, имѣ кажется, можетъ быть спасена именно притокомъ къ ней элементовъ просвѣщенныхъ и героическихъ, которые подняли бы хоть немного народную жизнестойкость. И двинуть въ народъ талантливыхъ и просвѣщенныхъ людей, повернуть потокъ ихъ, стремящійся теперь *изъ* народа, можетъ только проснувшаяся совѣсть. Если бы для этого было достаточно знанія, то образованные люди уже шли бы въ деревню и въ служеніи ей находили бы себѣ счастье.

IV.

Мысль г. О. Т. В.—обойтись безъ участія совѣсти въ дѣлѣ общественнаго развитія—для меня представляетъ сплошное недоразумѣніе. Съ общественнымъ зломъ,—говоритъ г. О. Т. В.,—нужно бороться «общественными средствами», а «не погруженіемъ въ свою совѣсть». Нужно дѣйствовать путемъ печати, суда, законодательства и устраивать справедливые порядки жизни. Все это прекрасно, но какимъ образомъ, *помимо совѣсти*, привести въ движеніе «общественныя средства»? Вѣдь, въ печати, судѣ, законодательствѣ и проч. засѣдаютъ *люди*, которые могутъ быть (какъ часто и бывають) совершенно равнодушными къ общественному злу. Вѣдь, прежде всего, нужна чья-то тревога, что данное явленіе есть зло, а не добро, т.-е. нужна именно совѣсть. «Я, какъ публицистъ,—говоритъ г. О. Т. В.,—буду доказывать, что совѣсть не въ г. Родиславскомъ (изъ дѣла г. Евгенія Маркова), а въ несправедливомъ законѣ». Будете *доказывать*? Но, значитъ, еще прежде вамъ *самимъ* нужно убѣдиться въ несправедливости закона, а какъ же это сдѣлать помимо совѣсти? И мало просто «убѣдиться»: убѣждены въ несправедливости нѣкоторыхъ порядковъ очень многіе, но и пальцемъ не шевелятъ, такъ какъ зло ихъ не касается или выгодно имъ. Огромное большинство образованныхъ помѣщиковъ до реформы признавали крѣпостное право зломъ, но лишь очень немногіе были настолько совѣстливы, чтобы отпустить крестьянъ на волю, возвратитъ имъ землю и посвятитъ жизнь на борьбу съ рабствомъ. Мало только *узнать* объ общественной несправедливости, нужно *восчувствовать* ее, оскорбится, вознегодовать и только когда зло почувствуется невыносимымъ, вы сдвинетесь, наконецъ, съ мѣста и начнете дѣйствовать такъ, какъ нужно: самоотверженно и страстно. Необходимо возбужденіе совѣсти не какъ идеи только, а какъ *воли*, т.-е. въ формѣ не скрытой, а освобожденной энергіи, и слѣдуетъ всеми мѣрами — воспитаніемъ дѣтей и нравственнымъ просвѣщеніемъ взрослыхъ — укрѣплять въ обществѣ эту нравственную энергію. Перерожденіе общества—задача долговременная: нужна безконечная работа совѣстливыхъ душъ, работа полнѣе на днѣ океана, прежде чѣмъ поднимется общій нравственный уровень.

Г. О. Т. В. говоритъ: «Образованное меньшинство приходитъ къ сознанию, что такое-то учрежденіе, положимъ, нашъ старый приказный судъ, не удовлетворяетъ цѣлямъ правосудія, стало быть, въ общемъ вредитъ нравственному развитію людей и понижаетъ нравственный уровень всего общества. Что надо дѣлать этому меньшинству? Конечно, не погружаться въ свою совѣсть, а добиваться введенія гласнаго, неза-симаго, устнаго праваго суда». Прекрасно, но какимъ же путемъ «образованное меньшинство *приходитъ къ сознанию* безнравственности прежняго суда? Вѣдь, *сознаніе безнравственности* и есть совѣсть! И какъ «добиваться» нравственныхъ цѣлей, не «погружаясь» въ совѣсть—свою и чужихъ? Это все равно, что добиваться музыкальнаго наслажденія, заглушивъ плотно уши. «Зло надо опредѣлить, отличить отъ добра,—говоритъ О.

Т. В.,—вѣдь, для этого надо имѣть ясное сознаніе того, какіе общественные порядки хороши, какіе плохи и вредны». Святая истина! Но что же, кромѣ совѣсти, *опредѣляет* зло? И въ чемъ коренное свойство совѣсти, какъ не въ опредѣленіи зла? Иначе, вѣдь, придется вовсе отрицать самое существованіе совѣсти, какъ особаго сознанія. Для людей «личнаго самоусовершенствованія»,—говоритъ г. О. Т. В.,—не нужны нравственные порядки. Но для кого же нужны нравственные порядки? Неужели для людей безсовѣстныхъ? Кому дорого и желанно осуществленіе правды, тѣмъ ли, кто отрицаетъ ее, или тѣмъ, кто отстаиваетъ ее цѣною хотя бы жизни? Г. О. Т. В. иронически относится къ подвигамъ совѣсти: «Пострадать за правду,—говоритъ онъ,—лѣтъ десять героически просидѣть совѣтъ безвинно въ отвратительной тюрьмѣ и умереть въ тюремной больницѣ, сохранивъ при этомъ чистоту души»... это будто бы ничего не стѣять. Не понимаю я этой ироніи. «Пострадать за правду», можетъ быть, самыя святая слова, какія есть на человѣческомъ языкѣ. Вѣдь, если страдаютъ за *правду*, то страдаютъ за нѣчто всѣмъ нужное и важное, и ужь если у кого хватило нравственной страсти поставить идею выше жизни, у того (и только у того) хватить энергіи, чтобы «добиваться», какъ совѣтуетъ г. О. Т. В., осуществленія этой идеи внѣ стѣнъ тюрьмы или больницы. Хорошо, конечно, если бы «поменьше было *возможности* для подобныхъ подвиговъ», согласимся мы съ г. О. Т. В., но необходимо, чтобы было побольше *ютовности* на такіе подвиги.

«Нужна отчетливая общественная цѣль»,—говоритъ г. О. Т. В. Но что же, кромѣ совѣсти, въ состояніи указать отчетливую *нравственную* цѣль? Безнравственная цѣль, какъ бы она ни была отчетлива, не должна же быть цѣлью общества. Задача истиннаго общества есть нравственное сожителство, и если общество не осуществляетъ справедливости, то оно и не есть общество.

«Для нравственной работы,—говоритъ г. О. Т. В.,—нужна безопасность, нѣкоторое обезпеченіе того, что вашъ трудъ не пропадетъ даромъ». Но чѣмъ достигается эта безопасность, какъ не подъемомъ *совѣсти*, запряшающей стѣснять свободу человѣческой мысли?—

Я ставлю развитіе совѣсти прежде всѣхъ другихъ задачъ не потому, что другія задачи не нужны, а потому, что совѣсть находится у насъ въ особенно жалкомъ упадкѣ и тормазитъ развитіе просвѣщенія и благосостоянія. Въ основахъ русской личной, семейной и общественной жизни гнѣздились безнравственные начала холопства и самодурства, почти полное отсутствіе инстинкта достоинства, отсутствіе въ силу этого самодѣятельности и стремленія къ жизненной правдѣ. Грубѣйшій, чисто-азиатскій матеріализмъ ослѣпилъ нашу невѣжественную буржуазію и тѣмъ же своекорыстнымъ матеріализмомъ заражена въ огромномъ большинствѣ и интеллигенція. Корысть жива—внѣ этого нѣтъ желаній,—поймите: *желаній* нѣтъ. Какъ же можетъ быть, что явятся откуда-то свѣтлые законы жизни, когда жизнь темна,—какъ могутъ быть возвышенныя *явленія*, когда отдѣльные *факты* низки? При низкихъ

чувствахъ откуда возьмутся благородныя категоріи ихъ,—справедливые порядки? Вѣдь, не съ неба падаютъ явленія жизни: они слагаются роковымъ образомъ изъ тѣхъ элементовъ, какіе есть въ дѣйствительности, и слагаются въ тѣ именно сочетанія, на какія способны по ихъ природѣ. Какъ химическая смѣсь кристаллизуется сообразно входящимъ элементамъ, такъ и живая человѣческая смѣсь—общество—отслаивается сообразно нравственнымъ задаткамъ отдѣльныхъ членовъ. Если у большинства преобладаютъ не нравственные интересы, жизнь общая роковымъ образомъ принимаетъ звѣриный характеръ; изъ милліоновъ отдѣльныхъ неуваженій личности слагается стихія общаго безправія. Гибнетъ отдѣльный хорошій человѣкъ—общество молчитъ, гибнетъ хорошая идея—общество молчитъ, гибнетъ хорошій законъ—общество опять молчитъ или даже злорадствуетъ: возвращеніе къ несправедливому закону радуется, какъ возвращеніе къ болѣе естественному для такого общества порядку.

V.

Основнымъ двигателемъ общества мой уважаемый оппонентъ считаетъ не нравственность, а знаніе. «Просвѣщеніе, — говоритъ онъ, — подымаетъ нравственность, знаніе увеличиваетъ матеріальный достатокъ и оно же ведетъ къ созданію такихъ учреждений, которыя наилучшимъ образомъ удовлетворяютъ цѣлямъ общежитія». Рѣчь идетъ, очевидно, объ истинномъ знаніи, хотя въ общемъ знаніе гораздо богаче ошибками, нежели истинами. Но даже и та небольшая доза знаній, которыя признаны истинными, сами по себѣ не создаютъ еще нравственности. Они питаютъ ее, доводя дѣйствительность до сознанія, но *нища*, хотя она и необходима для тѣла, не есть еще само тѣло. Прежде питанія совѣсти необходимо еще, чтобы она существовала хоть въ зародышѣ. Знаніе еще не есть *сознаніе*; знаніе—свѣтъ, но не слѣдуетъ смѣшивать *свѣтъ* съ *зрѣніемъ*. Чтобы увидѣть вещь, конечно, необходимо, чтобы она была освѣщена, но сверхъ того нуженъ зрительный центръ въ мозгу, чтобы почувствовать и обсудить свѣтовое ощущеніе. Для нравственнаго сознанія, какъ и для всякаго другого (религіознаго, эстетическаго) необходима точная картина дѣйствительности, но, кромѣ нея, необходима еще способность обсуждать дѣятельность, относить ее къ особой координатѣ души, къ извѣстному *идеалу*. Знаніе есть не болѣе, какъ простой матеріалъ сознанія,—груда кирпичей, песку, извести, остающаяся грудой, пока ею не воспользуется архитекторъ,—разумъ или безуміе, совѣсть или безсовѣстность, смотря по стилю души. Знаніе орудіе, знаніе вооружаетъ совѣсть и увеличиваетъ ея средства въ чуждой степени, но въ той же степени знаніе вооружаетъ и безсовѣстность. Математика, химія, физика, ботаника и проч. ни на іоту не измѣняютъ безнравственнаго склада жизни, а скорѣе укрѣпляютъ его. Химики, физики, электротехники и проч. охотно приглашаются полудикими деспотами, вооружаютъ ихъ войска скорострѣльными и бездымными винтовками.

въ Афганистанѣ и Персіи), выкуриваютъ спиртъ и опиумъ, которыми управляются миллионныя населенія, проводятъ желѣзные и иные пути въ тѣ страны, куда еще не добрался капитализмъ. Ученые юристы и социологи, по приглашенію тѣхъ же деспотовъ, разрабатываютъ мѣстное право и зодаютъ кодексы, укрѣпляющіе насиліе, какъ законъ. Хищникамъ такія знанія помогаютъ только укрѣпить свое господство надъ массами. Физическое знаніе (а такими стремятся сдѣлаться всѣ науки) по природѣ своей нравственно безразлично: оно безусловно равнодушно къ добру и злу, считая то и другое за одинаково законный, естественный фактъ. Никогда и нигдѣ такія знанія не вносили смягчающаго вліянія въ общество, а укрѣпляли всякую силу, добрую и злую. Если развитіе знаній необходимо, то только въ качествѣ могущественнаго оружія, отъ котораго добро не можетъ отказываться, разъ тѣмъ же оружіемъ вооружилось и зло. Матеріальныя знанія «освобождаютъ» умъ человѣческій отъ суевѣрій, но освобождаютъ одинаково для добра и зла, не внушая никакихъ пристрастій къ тому или другому. Только чувство—злое или доброе — направляетъ освобожденный умъ въ ту или другую сторону.

Кромѣ *физическихъ* знаній, правда, есть еще и *гуманитарныя*, но гуманизирующее ихъ вліяніе принадлежитъ цѣликомъ не научному, а *нравственному* элементу, который въ нихъ заключается. Гуманитарное знаніе есть та же совѣсть, только обогащенная конкретными фактами, картинами и сочетаніями. Всѣ гуманитарныя науки теряютъ тотчасъ же всякій смыслъ, отнимите лишь отъ нихъ проникающее ихъ чувство совѣсти. Что одно умственное просвѣщеніе не поднимаетъ нравственности, достаточно взглянуть на нашихъ просвѣщенныхъ ретроградовъ, на прусскихъ юнкеровъ, на англійскихъ лордовъ, на французскихъ буржуа. Во всѣхъ странахъ самыя просвѣщенныя сословія стоятъ или въ сторонѣ, или прямо-таки поперекъ дороги нравственнаго движенія общества; это движеніе ведется менѣе просвѣщенными, но болѣе совѣстливыми междусловными элементами. Даже классъ ученыхъ и профессоровъ нигдѣ не стоитъ во главѣ общественнаго развитія, за извѣстными, конечно, блестящими исключеніями (исключенія, не менѣе блестящія, встрѣчаются и среди лордовъ и буржуа). Въ классической странѣ учености—Германіи—многіе ли профессора занимаются чѣмъ-нибудь, кромѣ своего ученаго ремесла и карьеры? «Геллертеръ» — родной братъ «филистеру» и оба стоятъ далеко отъ кипучей общественной струи. Между геллертерами часто являются усерднѣйшіе слуги реакціи: вспомните ѣдкія характеристики нѣмецкихъ ученыхъ, сдѣланныя Шопенгауэромъ, Дюрингомъ, Геккелемъ и т. п. Вспомните французскую колію «безсмертныхъ» съ ея тупымъ консерватизмомъ или нашу академію умъ со временъ Ломоносова. Типъ саламанскихъ профессоровъ эпохи думба не умираетъ; то, что говорилъ Герценъ въ своемъ превосходномъ письмѣ (*Письма ученыхъ* и пр.) 52 года тому назадъ, написано точно сегодня: «наиболѣе просвѣщенномъ классѣ до сихъ поръ господствуетъ отсталость области самыхъ жгучихъ и важныхъ вопросовъ жизни, мертвая узость

взглядовъ и грубый специализмъ. Русское просвѣщеніе очень молодо, однако, уже выдвигало въ критическіе моменты общественной жизни людей, вліявшихъ всею тяжестью своего таланта и образованія для удушенія новыхъ, болѣе нравственныхъ формъ жизни: достаточно вспомнить роль Державина, Карамзина или нѣкоторыхъ московскихъ публицистовъ въ позднѣйшее время. Для жизни Новикова, разъ мы ее коснулись, характерно, что этотъ великій дѣятель, какъ и многіе ему подобные, былъ «недоучкой»: былъ исключенъ изъ гимназіи, не зналъ ни одного иностраннаго языка. Не избытокъ знанія, очевидно, направлялъ его благородную работу, а чувство совѣсти. Характерно и то, что первое гоненіе на Новикова воздвигла «комmissія объ училищахъ» изъ отборныхъ представителей тогдашней учености.

Что умственная просвѣщенность сама по себѣ не дѣлаетъ людей болѣе нравственными и духовно-свободными, доказываетъ и то, что нравственность въ средѣ крестьянъ (и именно самыхъ невѣжественныхъ, не прикоснувшихся еще къ фабрично-казарменной культурѣ) значительно выше, чѣмъ среди средней интеллигенціи. Возьмите нашихъ раскольниковъ и сравните съ образованными людьми fin de siècle. Въ центрахъ просвѣщенія, — въ Парижѣ, напримѣръ, — просвѣщенный классъ уже повторяетъ римлянъ времени упадка, и даже представители общественной совѣсти, — дѣятели печати и члены парламента, — часто поражаютъ своею безнравственностью. Наша интеллигенція уже второе столѣтіе мечтаетъ о нѣкоторыхъ основахъ справедливости, которыя въ глубинѣ народныхъ массъ осуществлены давно. Нельзя также отрицать, что самые невѣжественные наши вѣка, — до XV столѣтія, — давали типы государственной жизни, въ нравственномъ ихъ планѣ недосыгаемые для послѣдующихъ столѣтій.

Утверждая, что знанія поднимаютъ нравственность, обыкновенно имѣютъ въ виду великія общественныя реформы на Западѣ, совпавшія съ чудеснымъ разцвѣтомъ знаній. Но, въ сущности, совпаденіе это не точное и не въ пользу знаній: великія реформы осуществлены еще при очень низкомъ уровнѣ просвѣщенія, населеніями почти сплошь безграмотными и въ эпоху, когда всѣ точныя науки (кромѣ математическихъ) только что начинались, и даже гуманитарныя были въ зародышѣ. Великій подъемъ духа въ XVII—XVIII вв., повлекшій за собою облагороженіе общественныхъ формъ, имѣлъ не научное, а *нравственное* происхожденіе; онъ вытекъ изъ реформаціи и изъ англійской философіи (породившей французскую), а, главное, изъ постепенно сложившихся болѣе гуманныхъ нравовъ, пришедшихъ въ противорѣчіе съ устарѣвшими учрежденіями. Разцвѣтъ знаній, конечно, очень сильно вліялъ на жизнь, кореннымъ образомъ перестраивая экономическія и социальныя отношенія, но вліяніе этого разцвѣта знаній нельзя еще назвать ответственнымъ, скорѣе — наоборотъ. Слѣдуетъ съ грустью признать, что только появлялось какое-нибудь новое открытіе или изобрѣтеніе, первые овладѣвали хищные элементы для вящаго порабощенія массъ. До порабощенныхъ массъ знанія не дошли, или дошли поздно, или вовсе оказались негодными въ борьбѣ ихъ за существованіе. Что пользы современному ан

скому рабочему отъ усовершенствованія машинъ? Каждое усовершенствованіе уменьшаетъ спросъ на рабочихъ и выгоняетъ часть ихъ на улицу. Сто лѣтъ тому назадъ, до разцвѣта знаній, народъ на Западѣ былъ независимѣе экономически, чѣмъ теперь, въ эпоху колоссальныхъ промышленныхъ стачекъ и войны капитала съ трудомъ. Теоретики передовыхъ общественныхъ учений утверждаютъ, что побѣда *непремѣнно* останется за рабочею массою, но будетъ ли это такъ — судить еще рано. Весьма возможенъ и обратный исходъ: новое и безповоротное закрѣпленіе народныхъ массъ промышленной аристократіи, когда послѣдняя овладѣетъ всеми государственными рычагами. Если же и восторжествуютъ когда-нибудь болѣе справедливые социальные порядки, то это будетъ благодаря не знаніямъ, а опять же *нравственнымъ* усиліямъ, вложеннымъ въ борьбу.

Вотъ и слѣдовало бы говорить, прежде всего, объ этой первоосновной энергіи; благотворныя послѣдствія ея явятся сами. Искренняя совѣсть есть стремленіе къ истинѣ во всехъ областяхъ сознанія, и все, что есть истиннаго въ наукѣ, поэзіи и религіи, связано въ источникѣ духа съ совѣстью. Совѣсть не отрицаетъ знанія: она къ нему стремится; тѣмъ болѣе странныя попытки людей знанія обойтись безъ совѣсти.

Ставя *совѣсть* первоисточникомъ свѣтлыхъ общественныхъ явленій, я считаю ошибочнымъ, но не вреднымъ и противный взглядъ, полагающій этотъ первоисточникъ въ знанія. Я убѣжденъ, что горячая защита знаній, какъ панацея общественныхъ бѣдъ, подсказана тою же совѣстью, и что знанія въ рукахъ защитниковъ, вроде г. О. Т. В., могутъ послужить только нравственнымъ цѣлямъ. Споръ не нуженъ, нужна честная работа, которая людей искреннихъ непремѣнно заставитъ встрѣтиться: поборниковъ совѣсти непремѣнно приведетъ къ знаніямъ, какъ къ необходимому ей оружію, а ревнителей знанія приведетъ къ нравственнымъ идеаламъ, дающимъ смыслъ знанію. Лозунгомъ плодотворнаго общественнаго движенія не можетъ быть ни «нравственность», ни «просвѣщеніе», а неразрывный союзъ ихъ — *нравственное просвѣщеніе*. Эти два великихъ сознанія должны быть сближены, чтобы вызвать изъ скрытыхъ силъ души «священный пламень», энергію сознательной и радостной работы.

М. Меньшиковъ.

Россия и Дания при императрицѣ Екатеринѣ I *).

(По документамъ датскаго архива).

VI. Невозможность войны.—Раздоръ между Меншиковымъ и герцогомъ гольштинскимъ.—Появленіе англійскаго флота.—Недоразумѣнія между Швеціей и Россіей.

Опасность, грозившая Даніи, обусловливалась, главнымъ образомъ, согласіемъ, господствовавшимъ нѣкоторое время между Меншиковымъ и герцогомъ гольштинскимъ. Однако, нельзя было ожидать, чтобы это согласіе было продолжительнымъ. Воцареніе Екатерины, правда, состоялось благодаря совмѣстному дѣйствію Бассевича и Меншикова. Поэтому герцогъ и князь, интересы которыхъ шли сначала рука объ руку, были союзниками. Вскорѣ, однако, между ними должно было возникнуть соперничество. Императрица не могла вполнѣ равноо́бно обращать вниманіе на своего зятя и на своего стараго пріятеля. Можно было ожидать непріятностей между этими тремя лицами. Многіе вельможи ненавидѣли князя и старались вредить ему въ глазахъ Екатерины.

Кампредонъ рассказываетъ о слѣдующемъ эпизодѣ, случившемся въ самомъ началѣ этого царствованія. Однажды Апраксинъ сказалъ Екатеринѣ, что Меншиковъ начинаетъ черезъ-чуръ выдвигаться впередъ, что его наглость оскорбляетъ его товарищей и что поэтому онъ, адмиралъ, умоляетъ императрицу заставить князя держаться, согласно своему долгу, въ границахъ равенства съ прочими сенаторами, а не выдѣляться, какъ онъ это дѣлаетъ. «Простъ же ты,—отвѣтила императрица адмиралу,—если думаешь, будто я позволю Меншикову пользоваться хоть единою каплейю моей власти. Я этого человѣка знаю лучше васъ; ты и твои товарищи только и дѣлали, что преслѣдовали его; я его поддерживала изъ жалости, а подчасъ и для того, чтобы защитить его отъ несправедливости отъ насилія», и проч. ¹⁾.

*) *Русская Мысль*, кн. III.

¹⁾ Донесеніе Кампредона отъ 17 февраля 1725 г. въ *Сборникъ Ист. Общ.* т. LVIII, стр. 11.

При всемъ томъ, однако, Меншиковъ имѣлъ сильное вліяніе на Екатерину. Когда въ апрѣлѣ 1725 г. происходило столкновение между княземъ и Ягужинскимъ и послѣдній за это былъ удаленъ отъ двора, Вестфаленъ сожалѣлъ объ этомъ эпизодѣ, потому что Ягужинскій отстаивалъ сохраненіе благопріятныхъ сношеній между Даніей и Россіей, а Меншиковъ, который, по словамъ датскаго дипломата, стоялъ «во главѣ всѣхъ дѣлъ» ¹⁾, ненавидѣлъ, Данію и, «по глупости своей и не понимая сущности дѣла» ²⁾, поддерживалъ планы герцога гольштинскаго.

И правда, между тѣмъ какъ другіе государственные люди не одобряли, въ сущности, сильной протекціи, оказанной Екатериной герцогу Барлу-Фридриху, Меншиковъ пока отстаивалъ интересы гольштинскіе, не понимая, что эти интересы не имѣли ничего общаго съ интересами Россіи ³⁾. Вотъ почему Вестфаленъ надѣялся, что противники Меншикова помѣшаютъ ему и гольштинцамъ вовлечь Россію въ войну. Датскій дипломатъ даже прямо ожидалъ возстанія противъ Екатерины за то, что она руководствовалась совѣтами фаворита и иностранцевъ ⁴⁾. «Имя Меншикова ненавистно большей части народа и въ особености русскому дворянству»,— писалъ Вестфаленъ въ началѣ 1726 г. ⁵⁾.

Между тѣмъ, власть Меншикова усиливалась. «Царица боится Меншикова»,—сказано въ письмѣ австрійскаго дипломата, графа Рабутина, къ Евгению Савойскому ⁶⁾. «При надменности герцога и князя доброе согласіе между ними продолжаться не будетъ»,—доносилъ Вестфаленъ въ мартѣ 1726 г. Однажды они сильно столкнулись, наговорили другъ другу въ пьяномъ видѣ рѣзкостей. Непріятность вышла по слѣдующему случаю. На какомъ-то праздникѣ пили за здоровье андреевскихъ кавалеровъ. Спрашивалось, кому приходилось благодарить за этотъ тостъ. Поспоривъ объ этомъ съ герцогомъ, Меншиковъ удалился, но сказалъ при этомъ Бассевичу, что имѣетъ полную власть расплатиться съ герцогомъ, занимая первое мѣсто возлѣ государыни ⁷⁾.

¹⁾ „Menzikow se trouve à présent à la tête de toutes les affaires“. Донесеніе отъ 6 (17) апрѣля 1725 г.

²⁾ „Par bêtise et sans approfondir ce qu'il y a de menacant dans les vues holstinoises“.

³⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 24 іюля (4 августа) 1725 г.

⁴⁾ Qu'elle s'est laissé séduire par son favori et par la bande étrangère“. Донесеніе отъ 11 (22) декабря 1725 г.

⁵⁾ „Les extravagances produiront quelque révolution“ и пр. Донесеніе отъ 4 (15) января 1726 г.

⁶⁾ См. мою статью въ *Вѣстникъ Европы* 1894 г. январь, стр. 118.

⁷⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 12 (23) марта 1726 г.: „Ils se sont chamaillés comme des écoliers jusque là d'être obligés de se retirer après avoir poussé de fortes menaces“. Въ донесеніи отъ 22 марта (2 апрѣля) 1726 г., что князь и герцогъ наговорили другъ другу „de petites vérités un peu choquantes“. Слова Меншикова къ Бассевичу: „sais qu'il y a une fort grande différence entre le duc de Holstein et moi, mais que ce duc sache, que jé suis celui qui avec sa czarienne gouverne tout l'empire de Russie et que jé suis suffisamment en état de lui faire du bien et du mal“.

Меншикову сильно не нравилось около этого же времени, что герцог занимал видное мѣсто во вновь учрежденномъ верховномъ тайномъ совѣтѣ, что онъ участвовалъ во всѣхъ засѣданіяхъ и вмѣшивался во всѣ дѣла ¹⁾. Вестфалену рассказывали, что князь мечталъ о томъ, какъ бы исключить герцога изъ совѣта, и неосторожно говорилъ объ этомъ предметѣ съ Шафировымъ, который сообщилъ объ этомъ Бассевичу. Вышла неприятность, такъ какъ Бассевичъ, разумѣется, началъ шумѣть и отстаивать права и интересы герцога. Меншиковъ вспыхнулъ и требовалъ удаленія Шафирова въ Архангельскъ подѣ предлогомъ возстановленія тамъ торговли и китовловства. Шафирову было приказано не вмѣшиваться подѣ страхомъ смертной казни въ дѣла. Всѣ старанія задѣлаго за живое герцога спасти Шафирова отъ почетной ссылки оставались безуспѣшными. Воля Меншикова была исполнена.

Въ маѣ вражда между Меншиковымъ и княземъ усилилась по слѣдующему поводу. Изъ Стокгольма было получено извѣстіе, что на Швецію для военныхъ дѣйствій разсчитывать нельзя. Даже самъ Седергильмъ, вернувшись въ Стокгольмъ, убѣдился въ невозможности вовлечь Швецію въ войну и писалъ герцогу Карлу-Фридриху о необходимости отложить походъ до 1727 года. Вестфаленъ доносилъ своему двору о страшномъ раздраженіи герцога по этому поводу. Невостовство его доходило до того, что онъ разорвалъ на себѣ одежду и даже бѣлье ²⁾. Къ тому же, около этого времени опять случился пожаръ на галерной верфи; сгорѣло нѣсколько судовъ, особенно пропало множество такелажа. Вестфалену говорили подкупленные имъ агенты, что всего можно было послѣ этого несчастья вооружить 15 галеръ, не болѣе ³⁾. Меншиковъ, благодаря всему этому, предлагалъ также отложить походъ до слѣдующаго года и употребить приготовленныя къ походу войска для постройки Ладожскаго канала ⁴⁾. Карлъ-Фридрихъ спорилъ, называлъ князя невѣждою, упрекалъ его въ томъ, что онъ не имѣетъ никакого понятія о дѣлахъ политическихъ.

Такимъ образомъ, въ ту самую минуту, когда можно было ожидать нападенія на Данію и въ Кронштадтѣ находилось 40,000-ное войско, готовое къ отплытію, война сдѣлалась невозможною. Остерманнъ, какъ кажется, все еще надѣялся принудить Швецію къ участію въ войнѣ; между нимъ, Карломъ-Фридрихомъ и Бассевичемъ происходили нѣсколько дней сряду по нѣсколькимъ часамъ тайныя бесѣды объ осуществленіи проектовъ гольштинцевъ. Но вскорѣ оказалось, что никакой опасности для Даніи не существовало. Вестфаленъ доносилъ въ Копенгагенъ, что теперь можно прямо смѣяться надъ вооруженіемъ Россіи, особенно въ виду соединенія

1) „Il s'ingère à tout ce qui vient sur le tapis, s'efforçant de faire valoir sentimens“.

2) „Qu'il s'est déchiré les habits jusqu'à la chemise“. Донесеніе отъ 24 (4 іюня) 1726 г.

3) Тамъ же.

4) Донесеніе отъ 14 (25) мая 1726 г.

датской эскадры съ англійскимъ флотомъ для военной демонстраціи въ Балтійскомъ морѣ противъ Россіи ¹⁾.

Франція и Англія препятствовали нарушенію мира на Сѣверѣ. Кампронъ долженъ былъ покинуть Россію безъ прощальной аудіенціи, благодаря тому, что онъ въ нѣсколько рѣзкихъ выраженіяхъ требовалъ объясненій о вооруженіи Россіи ²⁾. А. П. Бестужевъ сообщилъ своему двору изъ Копенгагена о пріѣздѣ туда изъ Англіи лорда Гленоски съ проектомъ атаковать Кроншлотъ ³⁾. «Все теперь устроилось въ нашу пользу, — писалъ Вестфаленъ 28 мая (8 іюня).— Меншиковъ относится къ герцогу совсѣмъ иначе, какъ прежде; Россія принуждена думать о мѣрахъ обороны противъ Англіи; герцогъ гольштинскій очень недоволенъ, однако, русскіе большею частью весьма рады».

«Меншиковъ, — доносилъ баронъ Седеркрейцъ своему двору въ іюль, — теперь занятъ проектомъ поѣздки въ Ригу; онъ нынче сосредоточиваетъ въ своихъ рукахъ всю власть и выказываетъ необычайную рабочую силу» ⁴⁾. Дѣло въ томъ, что князь въ это время надѣялся сдѣлаться герцогомъ курляндскимъ. Благодаря этому, вопросъ о Шлезвигѣ и о принужденіи Даніи удовлетворитъ герцога отошелъ на задній планъ. Вестфаленъ хорошо понималъ, что честолюбивые проекты Меншикова должны были открыть бездну между герцогомъ и княземъ. Данія въ свою очередь ничего не имѣла противъ избранія Меншикова въ герцоги курляндскіе, тѣмъ менѣе, что это дѣло легко могло вовлечь Россію въ разныя затрудненія и отвлечь вниманіе этой державы отъ Даніи ⁵⁾. Вліяніе князя на императрицу въ это время было гораздо сильнѣе вліянія на нее герцога гольштинскаго ⁶⁾. Изъ другихъ источниковъ, а именно изъ документовъ вѣнскаго архива, мы знаемъ, въ какой мѣрѣ вопросъ о Курляндіи содѣйствовалъ усилению вражды между Меншиковымъ и Карломъ-Фридрихомъ и какимъ образомъ споръ, возникшій между партіей гольштинской и княземъ, былъ рѣшенъ въ пользу князя ⁷⁾.

Шведскій дипломатъ доносилъ своему двору еще въ апрѣлѣ: «Здѣсь опасаются прибытія англійскаго флота и отъ него враждебныхъ дѣйствій; этимъ разстраиваются здѣшніе проекты. Русскій флотъ даже долженъ будетъ отказаться отъ прогулки по Балтійскому морю» ⁸⁾. Въ маѣ Седер-

¹⁾ Донесеніе отъ 14 (25) мая 1726 г.

²⁾ По крайней мѣрѣ, Куракинъ обвинялъ его въ слѣшкомъ рѣзкомъ образѣ дѣйствій. См. донесеніе Вестфалена отъ 21 мая (1 іюня) 1726 г.

³⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 17 (28) мая 1726 г.

Донесеніе Седеркрейца отъ 8 іюня 1726 г., въ стокгольмскомъ архивѣ.

Донесеніе Вестфалена отъ 22 іюня (3 іюля) 1726 г.

Menzikoff fait de la szarienne absolument ce qu'il veut, сказано въ донесеніи Вестфалена отъ 2 (13) іюля 1726 г.

См. мою статью объ Екатеринѣ I въ *Вѣстникъ Европы*, январь 1894 г., стр.

131— ⁸⁾ В: Курляндскій вопросъ.

Донесеніе отъ 15 апрѣля 1726 г., въ стокгольмскомъ архивѣ.

крейцеръ доносилъ: «Датскій фрегатъ присоединился къ англійскому флоту. Очевидно, Англія хочетъ сдѣять раздоръ между Швеціей и Россіей» ¹⁾.

О впечатлѣніи, произведенномъ въ Копенгагенѣ появленіемъ англійскаго флота на датскихъ водахъ, Бестужевъ доносилъ слѣдующее. Король и весь дворъ чрезвычайно обрадовались гостямъ, избавлявшимъ ихъ отъ безпокойства насчетъ прогулки русскаго флота. Бестужевъ, встрѣтившись съ ганноверскимъ министромъ Ботмаромъ, спросилъ его: «Зачѣмъ теперь флотъ сюда пришелъ? Развѣ гдѣ-нибудь война?»—«Въ Петербургѣ дѣлаются большія военныя приготовленія»,—сказалъ Ботмаръ. Бестужевъ отвѣчалъ ему, что, по адмиралтейскому уставу Петра Великаго, треть флота ежегодно должна выходить въ море для упражненій. «Вездѣ слышно объ угрозахъ, которыя переносить нельзя»,—возразилъ Ботмаръ. Бестужевъ доносилъ въ Петербургъ, что съ появленіемъ англійскаго флота всѣ стали чуждаться его, резидента, какъ зачумленнаго ²⁾.

Извѣстіе о появленіи англійскаго флота около береговъ Даніи возбудило сильное безпокойство въ Петербургѣ. Въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта 16 мая 1726 г. было рѣшено принять нѣкоторыя мѣры для обороны Кронштадта и Ревеля. Было приказано, «ежели бы паче чаянія англійскій флотъ сталъ бомбардировать Ревель, то въ такомъ случаѣ корабли въ этой гавани прорубить и потопить» ³⁾. Въ началѣ іюня допрашивали въ военной коллегіи разныхъ моряковъ, прибывшихъ въ Россію и видѣвшихъ въ Копенгагенѣ и у острова Борнгольма датскій и англійскій флоты. Такимъ образомъ, въ Петербургѣ узнали, что въ Даніи готовили значительное число военныхъ кораблей къ походу, что тамъ ожидали прибытія сильнаго голландскаго флота, что англійскій флотъ уже находился при островѣ Гохландѣ и пр. ⁴⁾.

Между тѣмъ, англійскій флотъ и датская эскадра появились у Балтійскаго порта или Рогервика. Хотя можно было ожидать, что они станутъ довольствоваться демонстраціей, въ Ревелѣ была построена батарея для 50 пушекъ ⁵⁾. Между бумагами Вестфалена въ копенгагенскомъ архивѣ находится русская дипломатическая нота отъ 8 іюля 1726 г., въ которой петербургскій кабинетъ отвѣчалъ на вопросъ Вестфалена о вооруженіи Россіи. Тутъ сказано, между прочимъ, что этотъ вопросъ «явился императрицѣ не инако, какъ зѣло удивителенъ», и что она «почла бы за непристойно въ предвоспріятія чужихъ державъ вмѣшиваться и о вооруженіи вопрошать». Впрочемъ, русское правительство, все-таки, считало нужнымъ дать объясненіе о причинахъ вооруженія русскаго флота: «Нѣтъ другой причины вооруженія, какъ по примѣру супруга ея величества с дер-

¹⁾ Донесеніе отъ 20 мая 1726 г., въ стокгольмскомъ архивѣ.

²⁾ Соловьевъ: «Исторія Россіи», т. XIX, стр. 74.

³⁾ Сб. Ист. Общ., т. LV, стр. 290—291.

⁴⁾ См. протоколы Допросовъ моряковъ въ *Сборникъ Истор. Общ.*, т. I стр. 349—351.

⁵⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 10 іюня 1726 г., въ стокгольмскомъ арх

жать флотъ въ добромъ состояніи для безопасности государства». За то въ этой же нотѣ русскій кабинетъ жаловался на появленіе датской эскадры вмѣстѣ съ великобританскою въ Финскомъ заливѣ ¹⁾).

Около этого времени распря между герцогомъ гольштинскимъ и княземъ Меншиковымъ могла сдѣлаться роковою для послѣдняго. Произвольный образъ дѣйствій князя въ Ригѣ и Митавѣ, гдѣ онъ добивался для себя герцогства Курляндскаго, вызвалъ сильное раздраженіе въ лагерѣ его противниковъ. Была учреждена коммиссія для обсужденія вопроса о поступкахъ Меншикова. Можно было ожидать, что герцогъ возьметъ верхъ надъ княземъ. Критическое положеніе, въ которомъ находился Меншиковъ, относится къ концу іюля и къ началу августа. Однако, онъ даже и въ это время оставался самымъ вліятельнымъ лицомъ, и, наконецъ, Екатерина приказала прекратить занятія по вопросу о курляндскомъ дѣлѣ, и Меншиковъ былъ сильнѣе прежняго ²⁾).

Тогда-то именно Меншиковъ, въ присутствіи адмирала Сиверса, сказалъ въ разговорѣ съ нѣкоторыми лицами: «Если бы даже мы были столь глупы поссориться съ нашими старыми пріятелями, англичанами и датчанами, изъ-за принца, котораго интересы не имѣютъ ничего общаго съ нашими интересами ³⁾), мы постараемся, во всякомъ случаѣ, пристроить его въ Швецію; пусть онъ останется тамъ и оставитъ насъ въ покоѣ». Сиверсъ поэтому совѣтовалъ Вестфалену бывать почаще у Меншикова и стараться повліять на него для поддержанія интересовъ Даніи. Датскій дипломатъ, донося объ этомъ королю, писалъ: «Это благодѣяніе Божіе, оказанное вашему величеству» ⁴⁾).

Векорѣ послѣ этого Вестфаленъ побывалъ у Меншикова и выразилъ ему крайнее свое сожалѣніе о томъ, что князь не сдѣлался герцогомъ курляндскимъ; при этомъ датскій дипломатъ выставлялъ на видъ, что должно приписывать неудачу кандидатуры Меншикова кознямъ герцога Карла-Фридриха въ самой Польшѣ. Наконецъ Вестфаленъ увѣрялъ князя въ томъ, что если король датскій при какомъ бы то ни было случаѣ могъ быть полезнымъ Меншикову, содѣйствуя упроченію его положенія и величія его семейства, онъ это сдѣлалъ бы съ большимъ удовольствіемъ. Князь говорилъ о своей преданности датскому королю, о неблагодарности и интригахъ герцога гольштинскаго и о своемъ намѣреніи расплатиться съ нимъ какъ слѣдуетъ. Сообщая обо всемъ этому королю, Вестфаленъ обѣщавъ съ своей стороны всѣми мѣрами стараться разжечь ненависть Меншикова въ отношеніи къ герцогу ⁵⁾. Немного позже, въ разговорѣ съ од-

¹⁾ Документъ подписанъ канцлеромъ графомъ Головкинымъ.

²⁾ См. мою статью: *Екатерина I въ Вѣстникъ Европы* 1894 г., январь, стр.

146.

³⁾ „Un prince qui nous est tout-à-fair étranger“.

⁴⁾ „C'est un coup du ciel en faveur de V. M.“. Донесеніе отъ 10 (21) сентяб-

26 г.

⁵⁾ Донесеніе отъ 17 (28) сентября 1726 г.

нимъ изъ кавалеровъ герцога, графомъ Бонде, замѣтилъ, что онъ намѣренъ положить конецъ всѣмъ интригамъ, имѣющимъ цѣлью вовлечь императрицу въ войну, совсѣмъ чуждую интересамъ Россіи, и что онъ постарается удалить отъ двора всѣхъ лицъ, подкупленныхъ другими державами, наприм., госпожу Крамеръ, которая отъ шведскаго правительства получила тысячу червонцевъ ¹⁾. Въ октябрѣ Меншиковъ, бесѣдуя съ Вестфаленомъ, замѣтилъ, что онъ, съ цѣлью противодѣйствовать гольштинскому герцогу, устроить дѣло такъ, чтобы въ слѣдующемъ году не было никакого вооруженія флота. Вестфаленъ былъ очень доволенъ этою усилившеюся враждой между княземъ и герцогомъ и не упустилъ ни одного случая, чтобы воспользоваться этимъ раздоромъ для интересовъ Даніи ²⁾.

Такимъ образомъ положеніе Даніи улучшилось. Опасность, грозившая ей со стороны Россіи, исчезала по мѣрѣ того, какъ росла неприязнь между княземъ и герцогомъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ Вестфаленъ въ позднѣйшихъ своихъ депешахъ сообщалъ разныя частности о совсѣмъ натянутыхъ отношеніяхъ между зятемъ императрицы и Меншиковымъ ³⁾, и о томъ, что даже гольштинскій министръ Бассевичъ дѣйствовалъ въ пользу сохраненія мира между герцогомъ и Данією ⁴⁾.

Не даромъ Вестфаленъ уже и прежде высказывалъ свое убѣжденіе въ томъ, что Россія не рѣшится предпринять что-либо противъ Даніи безъ участія Швеціи. Въ продолженіе всего 1726 г. онъ съ удовольствіемъ слѣдилъ за рѣшеніемъ нѣкотораго раздраженія между Швеціей и Россіей, благодаря тому обстоятельству, что партія герцога Карла-Фридриха въ Стокгольмѣ оказывалась слабѣе партіи королевской. Вотъ почему положеніе русскихъ дипломатовъ въ Стокгольмѣ въ это время, Головина, а затѣмъ В. М. Долгорукаго, не было выгоднымъ. Въ Швеціи не одобряли вооруженія русскаго флота весной 1726 г. ⁵⁾. Когда туда прибылъ Долгорукій и потребовалъ конференціи, то для переговоровъ съ нимъ назначили людей противной партіи, которые спрашивали: для чего въ нынѣшнемъ году такъ сильно вооружили русскій флотъ и зачѣмъ приведено 40,000 войска въ Петербургъ? Шведы жаловались, что слышали не только словесныя, но и письменныя угрозы со стороны русской государыни ⁶⁾.

Всѣми мѣрами с.-петербургскій кабинетъ старался воспрепятствовать тому, чтобы Швеція приступила къ ганноверскому союзу. Для этой цѣли

¹⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 24 сентября (5 октября) 1726 г.

²⁾ Донесеніе отъ 15 (26) октября 1726 г.: „Je ne manque pas de cultiver cette mauvaise volonté contre le duc de Holstein, en attisant le feu qu'il me sera profitable le feu de cette discorde salutaire; cela contribuera à donner au jeu du duc de Holstein cette malheureuse issue que tout bon coeur danois lui doit souhaiter“.

³⁾ Донесеніе отъ 29 октября (9 ноября) 1726 г.

⁴⁾ Донесеніе отъ 7 (18) января 1727 г.

⁵⁾ *Сбор. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 273.

⁶⁾ *Соловьевъ*: „Исторія Россіи“, т. XIX, стр. 66.

отправляли въ Стокгольмъ значительныя суммы денегъ, чтобы подкупить членовъ сейма ¹⁾. Въ верховномъ тайномъ совѣтѣ часто обсуждался вопросъ, какъ поступать съ Швеціей. Рѣшено было въ конференціи съ Секретаремъ «учинить ему сильныя выговоры, что они (шведы) противно своимъ обѣщаній и трактату поступаютъ» ²⁾. Въ августѣ верховный тайный совѣтъ постановилъ: «Ежели они (шведы) отъ насъ отступятъ и къ сторонѣ англійской склонятся, то тогда объявить имъ, что ея императорское величество принуждена будетъ принять нѣныя мѣры и тогда возможно уже будетъ и съ другими согласиться» ³⁾.

Вестфаленъ всѣмъ этимъ былъ очень доволенъ. Швеція приступила къ ганноверскому союзу. Недоразумѣнія между стокгольмскимъ и петербургскимъ дворами усиливались. О совмѣстныхъ дѣйствіяхъ Россіи и Швеціи противъ Даніи нельзя было и думать ⁴⁾.

Осенью 1726 г. англійская эскадра возвратилась, не тронувши ни русскаго флота, ни русскихъ гаваней. Это обстоятельство и союзъ Россіи съ Австріей удержали Данію отъ приступленія къ ганноверскому союзу. Когда весной 1727 г. англійская эскадра опять появилась на датскихъ водахъ и англійскій адмиралъ требовалъ, чтобы датскій флотъ соединился съ его флотомъ, то получилъ отказъ; при этомъ Бестужевъ узналъ о донесеніяхъ Вестфалена изъ Петербурга, что съ русской стороны не будетъ противъ Даніи никакого непріятельскаго поступка ⁵⁾.

VII. Петръ Алексѣевичъ.

«Безъ вражды между Меншиковымъ и герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ мы (датчане) находились бы въ самомъ неловкомъ положеніи»,—писалъ Вестфаленъ весной 1726 г. ⁶⁾, когда уже не было никакой опасности для Даніи со стороны Россіи. Меншиковъ взялъ верхъ надъ герцогомъ гольштинскимъ. Благодаря этому рушились планы послѣдняго отнять у Даніи Шлезвигъ. Вообще положеніе герцога при русскомъ дворѣ измѣнилось совершенно. Кандидатура на престолъ великаго князя Петра Алексѣевича лишила его, въ концѣ-концовъ, возможности долѣе оставаться въ Россіи.

По случаю воцаренія Екатерины I, о правахъ на престолъ великаго князя говорили лишь очень немногіе—осторожно и робко ⁷⁾. Австрійскій дипломатъ Гогенгольцъ указывалъ тогда на условія брачнаго договора несчастнаго царевича Алексѣя съ вольфенбютельскою принцессой, въ силу

¹⁾ *Сбор. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 423 и 467—468.

²⁾ *Сбор. Ист. Общ.*, т. LV, стр. 463. Докладная записка верховнаго тайнаго совета отъ 14 іюня 1727 г.

³⁾ *Сбор. Ист. Общ.* LVI, стр. 27.

⁴⁾ Донесеніе отъ 14 (25) января и отъ 15 (26) апрѣля 1727 г.

⁵⁾ *Соловьевъ: „Исторія Россіи“*, т. XIX, стр. 77. Донесеніе Вестфалена отъ 7 (18) февраля 1727 г.

⁶⁾ Донесеніе отъ 9 (20) мая 1727 г.

⁷⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 30 января (10 февраля) 1725 г.

котораго дѣти отъ этого брака должны были имѣть право на престолъ; Гогенгольцъ выставлялъ на видъ, что императоръ Карлъ VI едва ли согласится признать Екатерину императрицею и станетъ дѣйствовать въ пользу правъ своего племянника, великаго князя Петра Алексѣевича ¹⁾. Дѣло дошло до того, что въ Россіи начали думать о возможности войны съ Австріей, объ отправленіи войска къ юго-западнымъ границамъ для обороны. Екатерина объявила, что, въ случаѣ надобности, она готова самолично стать во главѣ войска и флота для защиты своихъ правъ на престолъ ²⁾.

Въ сущности, никакой опасности разрыва между Россіей и Австріей не было. Никто не отстаивалъ правъ великаго князя на престолъ. Былъ составленъ проектъ брака Петра Алексѣевича съ младшею дочерью Екатерины, Натальей Петровной, для примиренія интересовъ обѣихъ линій царствующаго дома ³⁾, однако, молодая принцесса скончалась въ самомъ началѣ царствованія Екатерины, и ея погребеніе происходило даже вмѣстѣ съ погребеніемъ Петра Великаго. О правахъ великаго князя при дворѣ также не говорили. Всѣ тѣ люди, которые участвовали въ слѣдствіи, произведенномъ надъ царевичемъ Алексѣемъ въ 1718 году, не желали объявленія его сына наследникомъ престола, тогда какъ можно было считать вѣроятнымъ рано или поздно воцареніе одной изъ дочерей Екатерины или герцога гольштинскаго. Даже Остерманъ, никогда не относившійся враждебно къ погибшему въ 1718 году царевичу, считалъ удобнѣе пристать къ гольштинской партіи ⁴⁾.

Такимъ образомъ, дѣти царевича находились въ крайне невыгодномъ положеніи. Популярность, которою они пользовались въ народѣ, не приносила имъ никакой пользы ⁵⁾. И фельдмаршалъ Голицынъ, находившійся во главѣ войска въ Украинѣ, не отстаивалъ правъ великаго князя, котораго обходили при раздачѣ орденовъ и за здоровье котораго шли при дворѣ безъ пушечной пальбы ⁶⁾.

Вестфаленъ всѣмъ этимъ былъ крайне недоволенъ, такъ какъ царствование тещи герцога гольштинскаго представляло собою опасность для Даніи. Его возмущало, очевидно, намѣреніе Екатерины и впредь не обращать вниманія на права Петра Алексѣевича ⁷⁾. «Никто не заботится о бѣдномъ ве-

¹⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 20 февраля (3 марта) 1725 г.: „que l'Empereur n'acquiescerait pas à ce qui s'est passé ici depuis la mort du czar?"

²⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 20 февраля (3 марта) 1725 г.

³⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 6 (17) марта 1725 г.: „mais bien certain est-il que cette insinuation autrichienne n'a point été goûtée déjà du vivant du défunt monarque“.

⁴⁾ Донесеніе отъ 27 марта (7 апрѣля) 1725 г.

⁵⁾ „Les pauvres orphelins du Czarowitz ont bien pour eux le corps de la saine partie de la nation, mais non pas la plus agissante“. Донесеніе Вестфалена 27 марта (7 апрѣля) 1725 г.

⁶⁾ Донесеніе отъ 24 апрѣля (5 мая) и отъ 25 мая (5 іюня) 1725 г.

⁷⁾ Донесеніе отъ 10 (21) іюля 1725 г.: „Der Vorsatz der Zarin den einzigen lichen Stamen der czarischen Familie von der Reichssuccession aus zuschleiss“.

ликомъ князѣ, — сказано далѣе въ донесеніи Вестфалена, — онъ находится въ рукахъ своихъ враговъ, которые играютъ съ нимъ, какъ кошка играетъ съ мышкой». Вестфаленъ сожалѣетъ о томъ, что, вѣроятно, ни Англія, ни Франція не стануть дѣйствовать въ пользу Петра Алексѣевича. За то онъ ожидалъ, что австрійскій дипломатъ графъ Рабутинъ будетъ заботиться о судьбѣ племянника императора Карла. Бестужевы были расположены въ пользу Петра. Вестфаленъ доносилъ, что члены сената были недовольны воспитаніемъ Петра и что Екатерина, раздраженная этимъ, учредила верховный тайный совѣтъ съ цѣлью ограниченія значенія сената, чтобы наказать сенаторовъ за вмѣшательство въ вопросъ о воспитаніи великаго князя ¹⁾).

Въ какой-то газетѣ была въ это время напечатана замѣтка о дружескихъ сношеніяхъ между герцогомъ голштинскимъ и великимъ княземъ. Вестфаленъ доносилъ, что всѣ эти рассказы были лишены основанія и что Карлъ-Фридрихъ никогда не гулялъ и не ѣздилъ съ Петромъ Алексѣевичемъ. Великій князь, — доносилъ Вестфаленъ, — лишь однажды побывалъ у герцога, по желанію императрицы, чтобы поздравить его послѣ бракосочетанія, а герцогъ никогда не бывалъ у великаго князя ²⁾). Вестфаленъ неоднократно занимался вопросомъ: что будетъ съ Петромъ въ случаѣ кончины Екатерины? Этотъ вопросъ казался особенно важнымъ въ виду общей ненависти, предметомъ которой служилъ Меншиковъ.

Екатерина часто хворала. Преждевременная кончина ея могла повести къ безпорядкамъ. Однако, и при жизни ея могли случиться смуты. Не только Вестфаленъ, но и другіе дипломаты въ своихъ донесеніяхъ часто возвращались къ вопросу объ опасностяхъ, грозившихъ престолу императрицы. Вестфаленъ тотчасъ же послѣ воцаренія Екатерины ожидалъ волненій внутри государства ³⁾). Появленіе самозванцевъ, выдававшихъ себя за царевича Алексѣя, могло быть отнесено къ такимъ случаямъ, доказывавшимъ шаткость положенія новаго правительства ⁴⁾). Вестфаленъ узнавалъ о пыткахъ и казняхъ, которымъ подвергали людей, недовольныхъ воцареніемъ Екатерины или позволявшихъ себѣ неблагопріятные отзывы о князѣ Меншиковѣ. Особенно страдали приверженцы Петра Алексѣевича ⁵⁾).

¹⁾ Донесеніе отъ 12 (23) февраля 1726 г. Причины учрежденія верховнаго тайнаго совѣта еще не достаточно извѣстны, поэтому рассказъ Вестфалена не лишень интереса.

²⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 30 октября (10 ноября) 1725 г.

³⁾ Донесеніе отъ 2 (18) марта 1735 г.: „Les affaires de cette monarchie se présentent en effet pour un grand orage d'intrigues, qui menacent le vaisseau de cet état d'une grande et dangereuse agitation“.

⁴⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 23 марта (3 апрѣля) и отъ 23 ноября (4 декабря) 1726 г. Вестфаленъ при этомъ замѣтилъ, что онъ самъ видѣлъ въ 1718 году трупъ царевича.

⁵⁾ Донесеніе отъ 19 (30) іюля 1725 г.: „Oeffentlich darf sich nicht Niemand dem Grossfürsten favorabel zeigen, wo er nicht dem Tode in den Rachen laufen will. Wie es der ganz neulich geschehen, dass einem Brigadier weil er sich nur discursiv“

Вестфаленъ не только ожидалъ безпорядковъ въ пользу Петра II, но даже надѣялся на какой-либо переворотъ въ Россіи и уже въ 1725 году мечталъ о возможности той перемѣны формы правленія, которая состоялась въ 1730 году, къ величайшему удовольствію этого датскаго дипломата. Вотъ почему онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за всеми признаками оппозиціи противъ Екатерины и Меншикова и воспроизводилъ разные слухи о терроризмѣ, господствовавшемъ въ это время ¹⁾).

И Вестфаленъ, и другіе современники считали тотчасъ же послѣ воцаренія Екатерины вѣроятнымъ, что она, какъ женщина, будетъ царствовать гораздо мягче Петра Великаго, крутыя мѣры котораго возбуждали ропоть въ народѣ. Вскорѣ, однако, оказалось, что Екатерина весьма мало заботилась о дѣлахъ, предоставляя всю власть Меншикову, который именно слѣдовалъ примѣру Петра въ крутомъ обращеніи съ политическими преступниками. И баронъ Седеркрейцъ доносилъ своему двору объ арестованіи многихъ женщинъ за неосторожные разговоры, о наказаніи ихъ кнутомъ и о томъ, что въ публикѣ порицали неимовѣрную роскошь при дворѣ и пр. ²⁾).

Разница между терроризмомъ при Петрѣ Великомъ и Екатеринѣ I заключалась въ томъ, что царь-преобразователь имѣлъ въ виду интересы государства, тогда какъ Меншиковъ думалъ лишь о поддержаніи своего положенія ради частныхъ выгодъ. Вотъ почему онъ сначала дѣйствовалъ заодно съ герцогомъ гольштинскимъ, а затѣмъ мечталъ объ удаленіи изъ Россіи герцога Карла-Фридриха и дочерей Екатерины и о назначеніи наслѣдникомъ престола великаго князя, приверженцевъ котораго онъ столь жестоко преслѣдовалъ и кнутомъ, и плахою. Въ началѣ царствованія Екатерины говорить о правахъ Петра Алексѣевича считалось преступленіемъ,

vernehmen lassen, dass dem Grossfürsten zu nahe geschehen, in hiesiger Festung Hände und Füße und nachmals der Kopp abgeschlagen, seine Güter confiscirt und seine Familie ins Elend gejagt worden. Menzikoff lässt dergleichen Leute ihnen einzigen Leben, deren Güter kein meist zu theil werden".

¹⁾ Донесеніе отъ 5 (16) марта 1725 г. о подметномъ письмѣ, въ которомъ заключалась рѣзкая критика образа жизни Екатерины, ея воцаренія, ограниченія правъ сената и пр. Въ донесеніи отъ 26 марта (6 апрѣля) 1726 г. сказано: „C'est une véritable boucherie que les fréquents exécutions, qui se font dans la citadelle de cette capitale des prisonniers d'état, qui y sont conduits en foule de tous les coins de la Russie et y sont égorgés à la curtaine par semaine. Je y a là ni qualité ni rang, ni âge, ni sexe qui exemple de la gehenne et de la mort, mais l'un et l'autre se fait à la sourdine, afin que le sujet de la punition de ces misérables ne passe dans le coeur du peuple quelque impression redressante. Hier même deux femmes de généraux, une de brigadier, six autres femmes de colonel, lieutenant-colonel avec une douzaine de compagnardes, quatre princesses y bien comprises, qui ont eu l'imprudence de jurer contre la Czarienne, entrèrent appliquées à la question. Comme la porte du paradis ne s'ouvre guère à de crimes de pareille énormité, dont Menzikoff à la clef en garde, on croit du' elles passeront toutes ce pas". И въ средѣ военныхъ было много добровольныхъ, жаловавшихся на вѣчныя войны, на обремененіе народа новыми налогами и пр. См. донесеніе Вестфалена отъ 9 (20) апрѣля 1726 г.

²⁾ Донесенія Седеркрейца и его отчетъ о пребываніи въ Россіи, въ столичномъ архивѣ.

достойнымъ смертной казни; въ концѣ того же царствованія, т.-е. двумя годами позже, Меншиковъ считалъ выгоднымъ для себя дѣйствовать въ пользу великаго князя и мечталъ о бракѣ своей дочери съ будущимъ молодымъ государемъ. Послѣ того какъ осенью 1726 года его распря съ герцогомъ Карломъ-Фридрихомъ и его партіей по поводу курляндскаго дѣла кончилась рѣшительнымъ торжествомъ князя, онъ мечталъ лишь о томъ, какъ бы выпроводить герцога и его супругу изъ Россіи, давъ имъ значительную сумму денегъ и устроивъ судьбу Петра Алексѣевича, какъ будущаго зятя князя.

Распря между княземъ и герцогомъ, понятно, служила предметомъ вниманія иностранныхъ державъ. Особенно въ Швеціи и въ Даніи слѣдили зорко за подробностями этого дѣла, такъ какъ вражда между самыми близкими императрицѣ людьми лишила Россію возможности вредить интересамъ этихъ державъ. Изъ донесеній Седеркрейца, хранящихся въ стокгольмскомъ архивѣ, и изъ донесеній Вестфалена въ копенгагенскомъ архивѣ видно, что удареніе на личные интересы зятя Екатерины и его стараго пріятеля, князя Меншикова, дорого обходилось Россіи и что другія державы легко могли воспользоваться этимъ для своихъ выгодъ въ ущербъ интересамъ Русскаго государства.

Русскій дипломатъ въ Стокгольмѣ, В. Л. Долгорукій, писалъ, что въ Швеціи не боятся Россіи и не ожидали пагубныхъ послѣдствій за то, что Швеція приступила къ ганноверскому союзу. «Горнь и его партія, — сказано въ письмѣ Долгорукаго отъ 13 апрѣля 1727 г., — всякому внушаютъ, что за акцессию отъ стороны вашего величества ни малѣйшаго опасенія нѣтъ и впредь не будетъ; а нынѣ въ самомъ крайнемъ секретѣ мнѣ сказано, что шведскій министръ Седеркрейцъ въ реляціи своей писалъ, будто при дворѣ в. и. величества между нѣкоторыми изъ главныхъ особъ великія несогласія; ту его реляцію читали въ секретной комиссіи, и король съ Горномъ и со всею его партіей очень обрадовались и разсуждаютъ, что по причинѣ этихъ несогласій ни малѣйшей опасности съ русской стороны коронѣ шведской быть не можетъ. Отъ другихъ слышу, что и въ частныхъ письмахъ о томъ сюда пишутъ, и это производитъ здѣсь немалую радость и безопасность».

Впослѣдствіи ¹⁾ было узнано о письмѣ Меншикова къ шведскому сенатору Дибену, гдѣ князь увѣрялъ, что русскіе министры въ Стокгольмѣ дѣйствуютъ противъ акцессіи только для вида, изъ угожденія новому союзу съ цезаремъ, что онъ, Меншиковъ, имѣя въ рукахъ войско, не допуститъ до войны, что здоровье императрицы очень слабо и чтобы, въ случаѣ ея кончины, пріятельскія внушенія его не были забыты въ Швеціи, когда ему понадобится какая-нибудь помощь. Меншиковъ сообщалъ Седеркрейцу объ всемъ происходившемъ въ верховномъ тайномъ совѣтѣ, за что получилъ черезъ него англійскими деньгами 5,000 червонныхъ ²⁾.

¹⁾ Какъ кажется, послѣ паденія Меншикова. См. ссылку на разные матеріалы у Соколовскаго, т. XIX, стр. 365, № 25. Нельзя не сожалѣть о неточности этихъ цитатъ.

²⁾ Соколовскій, т. XIX, стр. 70—71.

Какъ видно, Меншиковъ думалъ о средствахъ обезпеченія своей судьбы въ случаѣ кончины Екатерины. Въ связи съ этимъ соображеніемъ стоялъ проектъ назначенія великаго князя наслѣдникомъ престола и брака его съ дочерью Меншикова.

Вестфаленъ доносилъ своему двору, что мысль объ этомъ бракѣ родилась впервые въ его головѣ ¹⁾ и что онъ внушилъ ее князю ²⁾ черезъ госпожу Бьергардъ, проживавшую въ домѣ Меншикова, съ цѣлью положить конецъ кандидатурѣ на престолъ «герцогской крови» ³⁾, такъ какъ воцареніе въ Россіи голштинскихъ элементовъ было бы величайшимъ несчастіемъ для Даніи. Вестфаленъ бесѣдовалъ объ этомъ предметѣ съ графомъ Рабутиномъ, который съ радостью одобрилъ этотъ проектъ, истратилъ нѣкоторую сумму денегъ для его осуществленія и обѣщалъ Меншикову выхлопотать для него большія выгоды ⁴⁾.

Разумѣется, проектъ брака состоялъ въ самой тѣсной связи съ предположеніемъ назначить Петра преемникомъ Екатерины. Объ этомъ начали говорить въ январѣ 1727 года. Седеркрейцъ писалъ тогда своему двору, что Меншиковъ желаетъ отдѣлаться отъ претензій герцога Карла-Фридриха нѣсколькими милліонами. Немного позже (также въ январѣ) шведскій дипломатъ доносилъ, что идетъ рѣчь о назначеніи великаго князя наслѣдникомъ ⁵⁾. Вестфаленъ писалъ своему двору 18 февраля (1 марта) 1727 г.: «Я считаю назначеніе великаго князя наслѣдникомъ самымъ выгоднымъ для насъ дѣломъ и потому я совѣтовалъ Рабутину воспользоваться раздоромъ между герцогомъ и Меншиковымъ для того, чтобъ обезпечить судьбу великаго князя и устроить его бракъ съ дочерью князя. Меншикову нужно будетъ пожаловать какое-либо ленное владѣніе въ Германской имперіи» ⁶⁾.

По донесеніямъ графа Рабутина, императрица въ это время обратила свое вниманіе на молодого Салтѣгу, который былъ женихомъ дочери Меншикова. Не желая этого брака, Екатерина согласилась устроить бракъ Петра Алексѣевича съ дочерью князя ⁷⁾. Такимъ образомъ, чисто личныя соображенія, расположеніе Екатерины къ Салтѣгѣ, задулисныя внушенія датчанки, проживавшей въ домѣ князя, интриги Вестфалена и Рабутина содѣйствовали улаженію дѣла, столь важнаго для всей имперіи.

Понятно, что герцогъ Карлъ-Фридрихъ, его супруга и Елизавета Пет-

¹⁾ „Une pensée de moi“.

²⁾ „Et que moi et une certaine personne danoise, qui est dans la maison de Menzikoff en ont jeté les fondements“.

³⁾ „Le sang ducal“.

⁴⁾ Донесеніе Вестфалена отъ 22 апрѣля (3 мая) 1727 г.

⁵⁾ Донесенія Седеркрейца отъ 6 и 27 января 1727 г.

⁶⁾ Вестфаленъ обѣщалъ Рабутину для осуществленія этого проекта воспользоваться „нѣкоторою личностью“, которая могла бы устроить это дѣло. Очевидно, идетъ рѣчь о госпожѣ Бьергардъ.

⁷⁾ См. донесенія Рабутина, хранящіяся въ вѣнскомъ архивѣ, въ моей статіи о Екатеринѣ I въ *Вѣстникъ Европы* 1894 г., февраль, стр. 617.

ровна какъ нельзя болѣе были возмущены проектомъ этого брака ¹⁾. Также Толстой, Ушаковъ и другіе противники Меншикова сильно возставали противъ этого проекта ²⁾. Вестфаленъ доносилъ своему двору: «Толстой прямо говорилъ Екатеринѣ, что какъ скоро она согласится на этотъ бракъ, она погибнетъ и вмѣстѣ съ нею ея дочери и все». «Я вижу топоръ, готовый упасть на наши головы»,—сказала Толстой императрицѣ. Тѣмъ не менѣе, Екатерина сообщила Меншикову о намѣреніи сдержать свое слово и устроить бракъ. Меншиковъ сообщилъ объ этомъ Рабутину, который тотчасъ же отправилъ курьера въ Вѣну. Бассевичъ имѣлъ въ своемъ карманѣ рѣчь Толстого и читалъ ее разнымъ лицамъ ³⁾.

И изъ другихъ источниковъ намъ извѣстно, что принцъ Карлъ-Фридрихъ, въ виду опасности, грозившей ему и дочерямъ Екатерины, требовалъ для обезпеченія судьбы Анны и Елизаветы уступки имъ Эстляндіи и Лифляндіи ⁴⁾. Седеркрейцъ и Вестфаленъ въ своихъ донесеніяхъ подтверждаютъ это извѣстіе. Седеркрейцъ писалъ, что Меншиковъ, не соглашаясь на уступку этихъ провинцій, изъявилъ готовность назначить родственника Карла-Фридриха, епископа любскаго, за котораго хотѣли выдать Елизавету Петровну, генераль-губернаторомъ этихъ провинцій, и герцогъ Карлъ-Фридрихъ требовалъ, чтобъ объ этомъ былъ составленъ формальный документъ. Такъ какъ, однако, при этомъ случаѣ возникъ вопросъ объ отторженіи нѣкоторыхъ провинцій, Седеркрейцъ писалъ: «По моему мнѣнію, можно бы было воспользоваться благоприятною минутой для Швеціи приобрѣсти вновь Выборгскую провинцію. Было бы не трудно подкупить русскихъ сановниковъ ⁵⁾, представляя имъ, что С.-Петербургъ могъ бы превратиться въ «адмиралтейскій городъ» ⁶⁾; Меншикову можно дать 50,000 рублей, и въ такомъ случаѣ онъ будетъ готовъ содѣйствовать осуществленію этого проекта ⁷⁾. Въ другомъ донесеніи Седеркрейца сказано: «Здѣсь не говорятъ ни о чемъ иномъ, какъ о бракѣ великаго князя съ дочерью князя Меншикова. Герцогъ Карлъ-Фридрихъ желаетъ при этомъ случаѣ возвратитъ Швеціи Лифляндію и Эстляндію. Если состоится бракъ великаго князя съ княжною Меншиковой, то состоится и другой, т.-е. бракъ епископа любскаго съ принцессою Елизаветою. Такимъ образомъ, Швеція можетъ воз-

¹⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 24 февраля 10 и 17 марта 1727 г. въ стокгольмскомъ архивѣ. Тутъ сказано, что голштинская партія «руками и ногами» дѣйствовала противъ этого проекта.

²⁾ „Orient à la gorge contre ce mariage“. Донесеніе Вестфалена отъ 14 (25) марта 1727 г.

³⁾ Донесеніе отъ 18 (29) марта 1727 г.

⁴⁾ См. мою статью объ Екатеринѣ въ *Вѣстникъ Европы* 1894 г., февраль, стр. 622.

⁵⁾ «Сдѣлать имъ это дѣло вкуснымъ» (smaklig).

⁶⁾ Т.-е., что перенесеніе центра въ Москву соответствуетъ интересамъ старопольской партіи.

⁷⁾ Донесеніе Седеркрейца отъ 17 марта 1727 г., въ стокгольмскомъ архивѣ.

вратить себѣ эти провинціи, а что касается Выборга, то нужно требовать его возвращенія, по крайней мѣрѣ, послѣ кончины царицы»¹⁾.

Въ это время раздоръ между важными лицами при дворѣ усиливался. Въ концѣ марта Екатерина разрѣшила великому князю Петру Алексѣевичу бывать три раза въ недѣлю въ домѣ Меншикова для ознакомленія съ будущею невѣстой, а противники этого брака были этимъ крайне недовольны²⁾. Не только между русскими сановниками господствовало разногласіе по этому поводу, но и члены дипломатическаго корпуса относились къ этому вопросу различно. Между тѣмъ какъ Вестфаленъ и Рабутина всячески старались устроить этотъ бракъ, прусскій дипломатъ Мардефельдъ не желалъ чрезмѣрнаго возвышенія Меншикова, предсказывая, что князь завладѣетъ русскою короною и отправитъ Екатерину въ монастырь. Мардефельдъ въ бесѣдѣ съ Рабутиномъ выставялъ на видъ, что Меншиковъ очень скромнаго происхожденія и недостойнъ важнаго мѣста³⁾.

Противники Россіи всѣмъ этимъ были довольны. Седеркрейцъ доносилъ 7 апрѣля 1727 г.: «Россія теперь не можетъ и думать о наступательныхъ дѣйствіяхъ. Обстоятельства здѣсь таковы, что упадокъ этого государства со дня на день въ продолженіе послѣднихъ трехъ дней становится болѣе и болѣе замѣтнымъ. При какомъ-либо болѣе способномъ правителѣ Россія могла бы имѣть большое значеніе; однако, раздоръ между вельможами и произвольныя дѣйствія важнѣйшихъ особъ не могутъ не содѣйствовать упадку этой державы. Войско находится въ нѣсколько болѣе удовлетворительномъ состояніи, но флотъ падаетъ замѣтно». Въ другомъ донесеніи Седеркрейца отъ 14 апрѣля 1727 г. говорится о недостаткѣ въ матросахъ на русскихъ судахъ, и что, благодаря этому, Россія должна будетъ довольствоваться обороною; однако, оборона еще труднѣе наступленія, — прибавляетъ шведскій дипломатъ⁴⁾.

А. Бриннеръ.

(Омочаніе слѣдуетъ).

1) Донесеніе Седеркрейца отъ 24 марта 1727 г.

2) Донесеніе Вестфалена отъ 21 марта (2 апрѣля) 1727 г.

3) Донесеніе Вестфалена отъ 25 марта (5 апрѣля) 1727 г. Объ образѣ м. Рабутина мы знаемъ изъ депешъ этогодипломата, хранящихся въ вѣнскомъ архивѣ. См. мою статью въ *Вѣстникъ Европы* 1894 г., февраль, стр. 621 и слѣд. А. Рабутина всячески ласкала Меншикова въ это время. Вестфаленъ доносилъ 11 (22) апрѣля: „Благодаря проекту брака, Меншиковъ сдѣлался настоящимъ австрійцемъ“.

Къ вопросу о мелкомъ сельско-хозяйственномъ кредитѣ *).

До сихъ поръ кредитъ способствовалъ только увеличенію задолженности и къ обремененію земли долгами на сумму свыше миллиарда рублей. Для удовлетворенія нуждъ нашего сельскаго хозяйства въ кредитъ послѣ закрытія старыхъ казенныхъ кредитныхъ установленій были учреждены общество взаимнаго поземельнаго кредита, херсонскій земскій банкъ и акціонерныя земельныя банки, выдавшіе въ самое короткое время нѣсколько сотъ милліоновъ рублей. Кредитъ этотъ нисколько не облегчилъ положенія землевладѣльцевъ, такъ какъ эти сотни милліоновъ получили непродуцирующее назначеніе. Съ основаніемъ дворянскаго банка задолженность еще болѣе усилилась, землевладѣльцы стали входить въ неоплатные долги, и въ 1894 году на нашемъ землевладѣніи накопилось милліардъ сто милліоновъ рублей долгу. Отсутствие организованнаго сельско-хозяйственнаго кредита приводитъ къ тому, что землевладѣльцы вынуждены прибѣгать къ ипотечнымъ учрежденіямъ и закладывать свои имѣнія, тогда какъ на самомъ дѣлѣ въ залогъ земли часто не представлялось бы надобности, если бы землевладѣльцы могли пользоваться сельско-хозяйственнымъ кредитомъ.

Въ крестьянской средѣ кредитъ принялъ еще болѣе опасныя формы и выролдился въ ростовщическій кредитъ. При такихъ условіяхъ понятно, что многіе возлагаютъ весьма мало надеждъ на организацію кредита. Если, тѣмъ не менѣе, я беру на себя смѣлость остановить ваше вниманіе на мелкомъ кредитѣ, то дѣлаю это для того, чтобъ ознакомить васъ съ такими формами кредита, которыя при правильномъ развитіи могутъ оказаться весьма благотѣльными особенно для крестьянскаго населенія. Дѣйствующія у насъ учрежденія для мелкаго кредита, какъ-то: сельскіе банки, есудосберегательныя товарищества, вспомогательныя и сберегательныя кассы бышихъ государственныхъ крестьянъ, гминныя кассы Царства Польскаго, селскій банкъ гр. Браницкой и другія аналогичныя кассы, при настоящей

*) Рѣчь, произнесенная на сѣздѣ сельскихъ хозяевъ Тульской губерніи 27 января 1895 года.

организацин, не удовлетворяють надлежащимъ образомъ нуждамъ крестьянъ въ мелкомъ кредитѣ. Къ учрежденіямъ для сельско-хозяйственнаго кредита должны быть предъявлены слѣдующія требованія: они должны, во-первыхъ, находиться вблизи землевладѣльцевъ и крестьянъ, чтобы кредитоспособность заемщиковъ могла быть извѣстна лицамъ, стоящимъ во главѣ управленія, во-вторыхъ, нужно, чтобы они были построены на принципѣ взаимности, безъ участія предпринимательскаго акціонернаго капитала, такъ чтобы посредничество не вело къ вздорожанію кредита, чтобы ссуды изъ кассы обходились не дороже, чѣмъ самой кассѣ приходится платить за деньги. Такъ какъ посредничество акціонерныхъ предпріятій ведетъ къ вздорожанію кредита вслѣдствіе необходимости выдавать дивиденды на вложенный въ предпріятіе капиталъ, то предпочтенія заслуживаетъ форма взаимнаго кредита. Эта форма заслуживаетъ предпочтенія еще и потому, что для правильной постановки сельско-хозяйственнаго кредита необходимо внимательное отношеніе къ нуждамъ и условіямъ хозяйства мелкихъ землевладѣльцевъ, что почти совершенно недоступно для акціонерныхъ банковъ, преслѣдующихъ, какъ всякое акціонерное предпріятіе, исключительно интересъ акціонеровъ.

Наконецъ, третье требованіе заключается въ томъ, чтобы кредитъ носилъ предметный характеръ, чтобы ссуды выдавались для опредѣленныхъ хозяйственныхъ затратъ, для улучшенія хозяйства, для покупки инвентаря, сѣмянъ, удобренія и другихъ производительныхъ цѣлей.

Учрежденія для сельско-хозяйственнаго кредита, удовлетворяющія всѣмъ этимъ требованіямъ, не должны, однако, ограничивать кругъ своей дѣтельности кредитными операціями; они должны принять на себя посредничество при продажѣ произведеній сельскаго хозяйства и покупкѣ необходимыхъ предметовъ, орудій, скота и проч. Посредничество въ лицѣ организованнаго кредитнаго учрежденія избавляетъ землевладѣльцевъ и крестьянъ отъ массы скупщиковъ и ведетъ къ такимъ же благодѣтельнымъ послѣдствіямъ, какъ кредитъ для производительныхъ цѣлей.

Дѣйствующія у насъ учрежденія для мелкаго сельскаго кредита не удовлетворяють этимъ требованіямъ и не получили таковаго значенія для сельскаго населенія, какое они могли бы получить при надлежащей организаци. Недостатки нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ вамъ, конечно, достаточно знакомы. Всѣмъ извѣстно, что краткосрочность кредита (не свыше 12 мѣсяцевъ вмѣстѣ съ отсрочкою), отсутствіе оцѣнки кредитоспособности членовъ товариществъ, выдача ссудъ безъ опредѣленнаго значенія, отсутствіе надзора за употребленіемъ ссуды и контроля за дѣтельностью товариществъ, дороговизна кредита вслѣдствіе необходимости переписывать обязательства по займамъ, заключеннымъ для затратъ на окупающихся въ нѣсколько мѣсяцевъ, слабое развитіе, а во многихъ мѣстахъ полное отсутствіе залоговаго кредита, неправильная постановка вопроса о взысканіи просроченныхъ платежей и, наконецъ, слабое участіе интеллигенціи въ составѣ управленія,—все это не могло не привести къ тому, что ссудо-сберегательныя товарищества перестали увеличиваться въ " дѣ

и перестали пользоваться тѣмъ сочувствіемъ, которымъ они пользовались среди населенія, и тою поддержкой, которую имъ оказывали земства и государственный банкъ. Таковы недостатки ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Въ значительной степени они причастны и другимъ дѣйствующимъ у насъ учреждениямъ для мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита.

Есть, однако, страна, въ которой вышеуказанныя требованія въ значительной степени выполняются. Въ Германіи уже болѣе 40 лѣтъ учрежденія мелкаго кредита функционируютъ съ большимъ успѣхомъ; въ настоящее время они насчитываются тысячами. Въ виду этого, ознакомленіе съ организаціей мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита въ Германіи имѣетъ для насъ огромное значеніе.

Въ Германіи имѣются два типа банковъ, обязанныхъ своимъ развитіемъ частной инициативѣ. Банки Шульце - Делича у насъ болѣе или менѣе извѣстны, такъ какъ по ихъ образцу организованы наши ссудо-сберегательныя товарищества. Банки этого типа приспособлены больше къ нуждамъ торговыхъ и ремесленныхъ классовъ, вообще городского населенія. Хотя среди участниковъ этихъ банковъ около трети принадлежитъ къ сельскимъ классамъ, все же условія кредита мало отвѣчаютъ нуждамъ сельскаго хозяйства; ознакомленіе съ ними не имѣетъ поэтому для насъ такого значенія, какъ ознакомленіе съ кассами, учрежденными по образцу, созданному Райффейзеномъ исключительно для крестьянскаго населенія.

Райффейзеновскія кассы вѣдаютъ исключительно сельско-хозяйственные интересы, — онѣ имѣютъ въ виду потребности и нужды деревни. Учрежденія Райффейзена построены на принципѣ строгой взаимности. Если крестьянину нужны деньги, то не имѣетъ смысла требовать, чтобъ онъ, прежде всего, внесъ изъ собственныхъ средствъ пай для полученія права пользоваться кредитомъ. Поэтому, въ отличіе отъ шульце - деличскихъ банковъ и нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, Райффейзенъ не требуетъ пая отъ крестьянъ. Когда, вслѣдствіе запроса, сдѣланнаго Шульце въ 1876 г. въ рейхстагъ относительно законности регистраціи товариществъ безъ паеваго капитала, судьи отказались регистрировать райффейзеновскія кассы, Райффейзенъ послѣ долгой борьбы принужденъ былъ подчиниться, но установилъ такіе незначительные пай (въ 10 марокъ или около 4 руб. 50 копѣекъ), которые не могли измѣнить основнаго характера кассъ. По существу и послѣ изданія закона 1889 года въ кассахъ Райффейзена паевые взносы не имѣютъ никакого значенія. На пай не выплачивается никакого дивиденда; на нихъ насчитывается такой же процентъ, какой опредѣленъ по вкладамъ и займамъ. Наши ссудо-сберегательныя товарищества увлекались желаніемъ давать высокій дивидендъ; отсюда и норма процентовъ по ссудамъ опредѣлялась часто слишкомъ высокая, кредитъ обходился слишкомъ дорого. Такой порядокъ долженъ быть признанъ тѣмъ болѣе ненормальнымъ, что въ дѣйствительности пай какъ въ нашихъ товариществахъ, такъ и въ банкахъ Шульце-Делича не вносились, а вычитывались изъ открытаго членамъ кредита. Отсюда фивный характеръ паеваго капитала.

Между тѣмъ, задача сельскихъ кассъ должна заключаться въ томъ, чтобы по возможности приблизить процентъ по ссудѣ къ тому проценту, который приходится платить за деньги. Нельзя также не указать и на то, что паевой капиталъ, накопленіе котораго въ высшей степени обременительно для крестьянъ, весьма мало увеличиваетъ кредитоспособность кассъ. Въ сравненіи съ имуществомъ крестьянъ пай представляетъ слишкомъ незначительную величину, чтобы усиливать гарантію въ глазахъ кредиторовъ. Во-вторыхъ, Райффейзенъ исходилъ изъ того, что если землевладельцы дѣйствительно желаютъ содѣйствовать благосостоянію крестьянскаго населенія, всегда найдутся люди, которые согласятся отдать свой досугъ на служеніе общему дѣлу. Онъ поставилъ поэтому основнымъ принципомъ бесплатное управленіе. Въ сельскихъ кассахъ Райффейзена только бухгалтеръ получаетъ жалованье, весь же остальной составъ правленія избирается изъ мѣстныхъ священниковъ, сельскихъ учителей, врачей, мѣстныхъ землевладельцевъ. Привлеченіе къ дѣлу сельскаго кредита лучшихъ силъ деревни гарантируетъ правильное веденіе дѣла; въ этихъ кассахъ почти не бываетъ случаевъ злоупотребленія довѣріемъ, кассы не пускаются въ рискованныя дѣла. Такъ какъ банки ограничиваются самыми простыми операціями, то достаточно добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, чтобы банки процвѣтали; въ штатѣ вышколаченныхъ чиновниковъ, специалистовъ въ банковомъ дѣлѣ, не представляется нужды. Признавая, что наше сельское населеніе представляетъ благопріятную среду для устройства кредитныхъ учреждений, основанныхъ на началахъ взаимности, комитетъ о сельскихъ ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, замѣчаетъ, что дѣятельность ихъ особенно успѣшна въ тѣхъ случаяхъ, когда руководителями ихъ являются образованные люди. Отсутствие распорядителей, понимающихъ основанія начала товарищества, неумѣнье вести дѣло привели, по утвержденію комитета, къ тому, что 124 товарищества вынуждены были прекратить свои дѣйствія. Въ-третьихъ, кредитъ въ сельскихъ кассахъ носить предметный характеръ. Крестьянину отърывается кредитъ для покупки скота, удобренія, сѣмянъ, орудій и т. д. Райффейзенъ не признаетъ за членами товариществъ права на кредитъ, какое имѣется въ нашихъ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ; участіе въ кассѣ само по себѣ не даетъ еще права требовать кредита. Если цѣль, для которой испрашивается ссуда, не будетъ признана заслуживающею уваженія, въ ссудѣ можетъ быть отказано, хотя возвратъ ссуды вслѣдствіе зажиточности испрашивающаго ее лица считается вполне обезпеченнымъ. Обезпеченіе должно заключаться въ той затратѣ, которая производится на занятые деньги; поэтому производительность затраты и нравственность заемщика имѣютъ болѣе важное значеніе, чѣмъ его зажиточность. Въ связи съ этимъ банки предоставляютъ себѣ право надзора за правильнымъ употребленіемъ ссуды и требуютъ ея возврата до истеченія срока, если заемщикъ не выполнитъ обязательства, выданнаго банку при полученіи ссуды. Кредитъ при такихъ условіяхъ весьма естественно носить по возможности меліоративный

раक्टरъ. При близкомъ знакомствѣ съ хозяйствомъ всѣхъ членовъ кассы, съ ихъ личными качествами, правленіе имѣетъ возможность слѣдить за правильнымъ употребленіемъ ссуды и за всѣми измѣненіями въ кредитоспособности заемщиковъ. Открытые кассою кредиты подвергаются пересмотру, по крайней мѣрѣ, четыре раза въ годъ. Вслѣдствіе такой организациі, сельскія кассы по особому признанію не мало содѣйствовали подъему благосостоянія крестьянскаго населенія. «Нашъ сто человекъ и всѣ мы слѣдимъ другъ за другомъ, — сказалъ Волленборгу одинъ крестьянинъ, — поэтому невозможно, чтобы кто-нибудь изъ насъ не выполнилъ своей обязанности». Въ-четвертыхъ, банки этого типа открываютъ кредитъ на болѣе продолжительные сроки. Съ краткосрочнымъ кредитомъ крестьянинъ во многихъ случаяхъ ничего подблатъ не можетъ; для него нуженъ часто болѣе долгосрочный кредитъ. Для сельско-хозяйственнаго оборота необходимъ срокъ, который нельзя измѣрить нѣсколькими мѣсяцами, особенно если на занятые деньги пріобрѣтается инвентарь или дѣлаются меліорациі. Наши ссудосберегательныя товарищества организовали краткосрочный кредитъ, не свыше девяти мѣсяцевъ, и допускаютъ одну отсрочку въ три мѣсяца; фактически кредитъ этотъ, однако, обращается часто въ долгосрочный посредствомъ переписыванія обязательствъ. Кромѣ краткосрочнаго кредита, ограниченнаго нѣсколькими мѣсяцами, въ кассахъ Райффейзена существуютъ и долгосрочныя ссуды, на сроки до 10 лѣтъ и болѣе этого срока. Когда крестьянину нужно купить орудіе, скоть, построить домъ, то затрата эта не можетъ окончиться сразу въ одинъ годъ, а должна уплачиваться частями въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Если кассы Райффейзена открываютъ долгосрочный кредитъ, то возникаетъ вопросъ о соотвѣтствіи между активными и пассивными операціями кассъ, вопросъ о средствахъ, которыми располагаютъ кассы для кредита. Для долгосрочнаго кредита необходимо располагать капиталами на болѣе или менѣе продолжительные сроки: кассы должны обладать вкладами, помѣщенными на сроки, соотвѣтствующіе срокамъ ссудъ. Если же банкъ располагаетъ капиталами, которые могутъ быть истребованы черезъ короткій промежутокъ, онъ не можетъ выдавать этихъ денегъ въ ссуду на продолжительные сроки. Таковъ общепринятый взглядъ, который слѣдуетъ признать не только теоретически важнымъ, но и вполне примѣнимымъ къ ипотечнымъ банкамъ, особенно крупнымъ. И дѣйствительно, на практикѣ мы видимъ, что земельные банки, выдавая ссуды на долгій срокъ, вынуждены выпускать закладные листы, которые погашаются въ сроки, соотвѣтствующіе срокамъ ссудъ. При выпускѣ закладныхъ листовъ земельные банки совершенно свободно могутъ выдавать ссуды на нѣсколько десятковъ лѣтъ, потому что владѣлецъ закладнаго листа имѣетъ право на полученіе процентовъ по купонамъ и на медленное, частичное погашеніе листовъ; онъ не имѣетъ права сразу потребовать возврата всего капитала и тѣмъ вынудить землевладѣльца къ досрочному погашенію этого долга. Совсѣмъ иначе было бы поставлено дѣло, если бы земельные банки выдавали ссуды не посредствомъ выпуска закладныхъ листовъ или

облигацій, т.-е. не на счет капиталовъ, которые поступаютъ въ ихъ распоряженіе на долгіе сроки, а на счетъ краткосрочныхъ вкладовъ. Тогда, въ случаѣ внезапнаго требованія вкладовъ, банки были бы поставлены въ крайне затруднительное положеніе.

У насъ имѣется, однако, богатый опытъ, доказывающій, что теоретически вѣрное положеніе, заключающееся въ томъ, что банки могутъ раздавать деньги на такіе же сроки, на которые они сами ихъ получаютъ, на практикѣ подвергается модификаціямъ. Весьма нагляднымъ примѣромъ служатъ шотландскіе банки. Какъ извѣстно, банки въ Шотландіи получаютъ свои средства преимущественно отъ вкладовъ; съ начала вѣка эти благодѣтельные учрежденія, не мало содѣйствовавшія подъему сельскаго хозяйства въ Шотландіи, открывали и меліоративный кредитъ и не останавливались передъ тѣмъ, чтобы выдавать ссуды на нѣсколько лѣтъ. Однако, при правильномъ веденіи дѣла банки не испытывали никакихъ неудобствъ, потому что производительное употребленіе капиталовъ фермерами укрѣпляло довѣріе къ банкамъ въ публикѣ, ввѣрившей имъ свои вклады. Довѣріе это настолько велико, что массоваго отлива вкладовъ въ дѣйствительности не было. То же замѣчается и въ Германіи, и въ Австріи. Сберегательныя кассы въ этихъ странахъ помѣщаютъ значительную часть своихъ капиталовъ въ ипотекахъ. Ссуды, выданныя сберегательными кассами подъ залогъ земли или дома, никакъ не могутъ быть возвращены въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ; капиталы эти помѣщены прочно, а, между тѣмъ, источникомъ, изъ котораго открывается такой кредитъ, служатъ краткосрочные вклады. Казалось бы, что въ одно прекрасное утро можетъ явиться публика и потребовать возврата вкладовъ, и сберегательная касса, которая въ этихъ странахъ не носитъ характера правительственнаго учрежденія, окажется несостоятельной, но этого не было даже въ самые тревожные періоды, во время войнъ. То же примѣнимо къ провинціальнымъ банкамъ и государственнымъ кредитнымъ учрежденіямъ въ Германіи, выдающимъ долгосрочныя ссуды подъ залогъ земель и домовъ безъ выпуска процентныхъ бумагъ. Все это даетъ право прийти къ заключенію, что въ дѣйствительности при правильномъ веденіи дѣла долгосрочный кредитъ въ извѣстныхъ размѣрахъ, притомъ, не на очень продолжительные сроки, не представляетъ никакой опасности, особенно если вклады принадлежатъ мѣстнымъ жителямъ, имѣющимъ возможность слѣдить за употребленіемъ ссудъ. Опасеніе, что кредитное учрежденіе не въ состояніи будетъ возвратить капиталовъ вкладчикамъ, не оправдалось и на практикѣ райффейзеновскихъ кассъ.

Мелкое кредитное учрежденіе, находящееся въ деревнѣ, можетъ, конечно, отъ времени до времени ощущать потребность въ деньгахъ, но стѣбитъ объединить ихъ въ центральныя банки, въ союзы, обладающіе большими ресурсами, чтобы создать прочный базисъ для самой маленькой сельской кассы. Въ случаѣ большого требованія вкладовъ, касса обращается въ центральный банкъ. Вся страна постепенно покрывается сѣтью мелкихъ кредитныхъ учрежденій, имѣющихъ возможность пользоваться всѣми преимущест

крупныхъ центральныхъ банковъ. Въ городѣ учетный процентъ въ Германіи не превышаетъ 3—4 въ годъ, въ деревнѣ нельзя найти денегъ дешевле 1½—2% въ мѣсяцъ. Съ появленіемъ сельскихъ кассъ крестьяне могутъ пользоваться всѣми благодѣяніями дешеваго кредита; послѣдній обходится вътрое, вчетверо дешевле, чѣмъ обходился прежде.

Тѣсная связь между отдѣльными сельскими кассами, объединеніе ихъ въ мѣстные центральные банки, дальнѣйшее объединеніе этихъ банковъ въ крупные банки и союзы, организованная защита крестьянскихъ интересовъ въ лицѣ постоянного органа — представительства кассъ, — все это содѣйствуетъ тому, что сельскія кассы выполняютъ для крестьянъ болѣе широкія функціи, чѣмъ тѣ, которыя присвоены обыкновенно банкамъ. Райффейзенъ исходитъ изъ того взгляда, что объединеніе кассъ и защита интересовъ крестьянъ должны создать для нихъ то, чего они лишились съ развитіемъ индивидуалистическихъ тенденцій и съ ослабленіемъ общинныхъ связей подъ влияніемъ все болѣе и болѣе усиливающагося капитализма.

Пятая характерная черта разсматриваемыхъ нами кассъ заключается въ томъ, что онѣ не ограничиваются кредитными операціями, а организовали посредничество при покупкѣ и продажѣ продуктовъ. Къ какимъ благодѣтельнымъ послѣдствіямъ приводитъ такое посредничество, показываетъ, между прочимъ, неурожай кормовыхъ травъ въ Германіи, который привелъ къ сильному подъему цѣнъ весной 1893 г. Сельскія кассы сдѣлали очень много для крестьянъ, онѣ предупредили панику; онѣ приняли на себя покупку корма для скота, съ одной стороны, и сбытъ скота—съ другой стороны. Посредничество кредитныхъ учрежденій является прекраснымъ орудіемъ для борьбы съ ростовщичествомъ. Покупка скота при посредствѣ кассъ содѣйствовала ослабленію кабалы, въ которой находились крестьяне у мѣстныхъ ростовщиковъ (Vichwucher); посредничество при продажѣ хлѣба регулируетъ цѣны и предупреждаетъ пониженіе цѣнъ, производимое обыкновенно деревенскими скупщиками; посредничество при покупкѣ сѣмянъ и удобренія гарантируетъ доброкачественность этихъ продуктовъ и т. д. Но посредничество, какъ бы ни было оно само по себѣ плодотворно, доступно бѣднѣйшимъ слоямъ сельскаго населенія только тогда, когда оно связано съ кредитомъ. Французскіе сельско-хозяйственные синдикаты, обороты которыхъ теперь насчитываются сотнями милліоновъ, прекрасно доказываютъ, что безъ кредита синдикаты почти недоступны именно тѣмъ классамъ, которые всего болѣе нуждаются въ организованной защитѣ. Французскіе синдикаты ограничиваются посредничествомъ, они организованы безъ кредита; въ Германіи же, напротивъ, посредничество сельскихъ кассъ неразрывно связано съ кредитомъ. Чтобы расширить функціи французскихъ синдикатовъ, въ концѣ прошлаго года изданъ законъ, предусматривающій переходъ синдикатовъ въ сельско-хозяйственные банки.

Къ числу особенностей райффейзеновскихъ кассъ относится также полная отвѣтственность членовъ, круговая порука участниковъ. Для образованія товарищества не нужно предварительнаго взноса паевъ, составленія скла-

дочного капитала; круговая порука восполняет капиталъ. Произведенное нѣкоторыми изслѣдователями сравненіе имущества членовъ кассы, служащаго обезпеченіемъ ея обязательствъ, съ присоединеніемъ пая къ этимъ же имуществамъ, но безъ пая, показываетъ, какое небольшое значеніе имѣютъ паевые взносы для упроченія довѣрія къ кассамъ со стороны капиталистовъ. Между тѣмъ, требованіе пая ставить многихъ въ затруднительное положеніе. Операциі сельскихъ кассъ производятся не на деньги, внесенныя участниками въ видѣ паевъ, а на деньги, внесенныя въ видѣ вкладовъ или занятыя кассами. Кредиторами кассъ являются по возможности мѣстные жители, часто члены кассъ. Близкое знакомство съ участниками, увѣренность въ томъ, что деньги получаютъ производительное назначеніе, что управленіе строго слѣдитъ за своими кліентами, — все это приводитъ къ тому, что кассы имѣютъ всегда достаточно средствъ и не испытываютъ массоваго отлива вкладовъ. Чтобы упрочить положеніе кассъ и внушить къ нимъ довѣріе со стороны зажиточныхъ лицъ, Райффейзенъ установилъ постоянный правильный надзоръ за кассами; съ этою цѣлью особые ревизоры периодически производятъ повѣрку дѣлопроизводства кассъ и даютъ указанія относительно веденія счетоводства и отчетности. Для контроля за кассами существуютъ особые союзы (Revisionsverbände), не мало содѣйствовавшіе упроченію кассъ. Законъ 1889 г. сдѣлалъ такой контроль обязательнымъ.

Сельскія кассы и товарищества никогда не испытывали нужды въ деньгахъ; напротивъ, часто имъ приходилось страдать отъ избытка денегъ, которыя не могутъ получить помѣщенія. Нерѣдки случаи, когда кассамъ приходится понижать процентъ по вкладамъ, чтобы предупредить излишній притокъ капиталовъ. Не слѣдуетъ, конечно, упускать изъ вида, что въ Германіи, благодаря децентрализаціи сберегательныхъ кассъ, имѣются въ достаточномъ количествѣ капиталы, ищущіе помѣщенія. Сберегательныя кассы охотно открываютъ кредитъ сельскимъ кассамъ и оказываютъ имъ могущественную поддержку именно тогда, когда онѣ въ этомъ нуждаются. Съ другой стороны, райффейзеновскія товарищества сами выполняютъ функціи сберегательныхъ кассъ и принимаютъ самыя маленькіе взносы. Во многихъ случаяхъ наплывъ денегъ такъ великъ, что приходится устанавливать всякаго рода ограниченія въ приѣмѣ вкладовъ.

У насъ капиталы, стекающіеся въ сберегательныя кассы, получаютъ, какъ извѣстно, другое назначеніе. Они не остаются на мѣстѣ, а переводятся въ государственный банкъ и поступаютъ цѣликомъ на покупку государственныхъ или правительствомъ гарантированныхъ бумагъ, кромѣ той части, которая необходима для безпрепятственной выдачи вкладовъ. Капиталы сберегательныхъ кассъ служатъ, такимъ образомъ, исключительно для поддержанія государственнаго кредита. Несмотря на то, что, на ширь ссудо-сберегательнымъ товариществамъ, какъ видно изъ 19 отчета комитета, удалось, все-таки, привлечь 12¼ милл. руб. въ видѣ вкладовъ и займовъ. Если при всѣхъ недостаткахъ дѣйствующихъ у насъ

ссудо-сберегательныхъ товариществъ имѣ, все-таки, удастся привлечь вклады, то можно думать, что при правильной организаціи учрежденія для мелкаго сельскаго кредита не будутъ у насъ испытывать нужды въ деньгахъ, что имъ удастся привлечь часть тѣхъ огромныхъ капиталовъ, которые теперь поступаютъ въ государственныя сберегательныя и почтово-телеграфныя сберегательныя кассы.

Чтобы закончить характеристику райффейзеновскихъ кассъ, остается указать еще на то, что районъ дѣйствія каждой кассы крайне ограниченъ. Это дѣлается для того, чтобъ участники кассы близко знали другъ друга и могли съ точностью опредѣлить кредитоспособность и нравственныя качества лицъ, пользующихся кредитомъ въ кассѣ.

Благодаря организаціи, основныя черты которой только что намѣчены, Райффейзену удалось привлечь къ дѣлу сельскаго кредита лучшія силы деревни, создать изъ сельской кассы общепользное учрежденіе, не только открывающее крестьянину дешевый кредитъ и избавляющее его отъ ростовщичества, но помогающее ему въ самыхъ разнообразныхъ случаяхъ, дающее ему совѣтъ въ спорномъ дѣлѣ, приучающее его къ бережливости, къ болѣе рациональному веденію хозяйства. Благодаря связи сельскихъ кассъ съ общеобразовательными учрежденіями, для крестьянъ съ открытіемъ кассы открывается совершенно новое поле. Райффейзенъ дѣйствительно смотритъ на свое дѣтище, какъ на средство для перевоспитанія крестьянскаго населенія. Если принять во вниманіе, что кассы во многихъ случаяхъ связаны съ благотворительными учрежденіями и другими обществами взаимопомощи, какъ-то: съ потребительными союзами, съ товариществами для сбыта молочныхъ продуктовъ, для покупки орудій, съ обществами страхованія скота, что во многихъ случаяхъ при кассахъ устроены агентства различныхъ предпріятій, благодаря чему крестьяне могутъ дешевле приобретать многія произведенія, что представители кассъ, въ то же время, являются разсадниками свѣта въ деревнѣ, что, благодаря многочисленнымъ періодическимъ изданіямъ, брошюрамъ, календарямъ, цѣлой литературѣ, посвященной организаціи сельскаго кредита, періодическимъ съѣздамъ и конгрессамъ представителей отдѣльныхъ кассъ, выясняются самыя разнообразныя вопросы крестьянскаго обихода, нельзя будетъ не признать, что созданный Райффейзеномъ типъ учрежденія мелкаго сельскаго кредита заслуживаетъ самаго тщательнаго изученія и подражанія. Въ борьбѣ съ ростовщичествомъ кассы оказались гораздо болѣе дѣйствительнымъ средствомъ, чѣмъ законы, преслѣдующіе ростовщическія сдѣлки. Не могу не привести здѣсь отзывъ весьма компетентнаго судьи въ этомъ дѣлѣ, д-ра Лелля, не мало поразившаго для распространенія сельскихъ кассъ. «Смѣю васъ увѣрить,—говоритъ онъ,—что сельская касса гораздо больше сдѣлала для подъема нравственнаго уровня моего прихода, чѣмъ всѣ мои проповѣди».

Имѣ скажутъ, пожалуй, что Германія—культурная страна, гдѣ крестьянское населеніе грамотно, издавна принимаетъ участіе въ политической жизни страны, въ союзахъ, товариществахъ, преслѣдующихъ культурныя

пѣли, что такое опасное орудіе, какъ кредитъ, можно дать только въ руки страны культурной, какою является Германія. Отчасти это вѣрно; при высокомъ политическомъ и общественномъ развитіи крестьянъ легче организовать кредитъ. Но есть страна, въ которой крестьянское населеніе едва ли многимъ отличается въ культурномъ отношеніи отъ нашего и въ которой, тѣмъ не менѣе, сельскій кредитъ получилъ уже развитіе,—это Италія. Прекрасная Италія имѣетъ нищенское сельское населеніе, которое можно сравнить только съ населеніемъ Ирландіи. Несмотря, однако, на это, въ Италіи сельскій кредитъ сталъ развиваться столь же успѣшно, какъ въ Германіи. Въ Италіи теперь начинаютъ развиваться учрежденія мелкаго кредита такого же типа, какъ райффейзеновскія. Благодаря дѣятельности Волленборга, сельскія кассы привились очень хорошо, ихъ обороты съ каждымъ годомъ увеличиваются, и нѣтъ основанія думать, чтобы этотъ опытъ былъ неудаченъ. Примѣръ Италіи показываетъ, что могутъ сдѣлать частныя лица.

У насъ, безъ сомнѣнія, найдется не мало лицъ, которые не останутся передъ помощію населенію, передъ затратою нѣкоторой суммы денегъ. Но для успѣшнаго развитія кредита нужны не столько деньги, сколько систематическая, постоянная работа. Какъ я уже указалъ, возникшія у насъ ссудо-сберегательныя товарищества, организованныя по образцу народныхъ банковъ Шульце-Делича, слишкомъ мало отвѣчаютъ нуждамъ сельскаго населенія. Какъ часто случается, особенно у насъ, за періодомъ увлеченія наступила реакція; земства, содѣйствовавшія прежде учрежденію товариществъ, съ теченіемъ времени перестали удѣлять имъ вниманіе и дѣло народнаго кредита было предоставлено собственному теченію. Какъ только выяснилось, что ссудо-сберегательныя товарищества не отвѣчаютъ возложеннымъ на нихъ надеждамъ, у насъ вопросъ о сельскомъ кредитѣ былъ заброшенъ. Въ 1876 г. земства выдали товариществамъ въ ссуду 347,432 руб., въ 1893 г. займы товариществъ понизились до 69,815 руб.; государственный банкъ въ 1885 году открылъ товариществамъ кредитъ въ 1½ милліона рублей, къ 1894 году кредитъ уменьшенъ до 743,600 рублей. Между тѣмъ, въ Германіи параллельно съ народными банками Шульце-Делича, которые одни только и были у насъ извѣстны, возникла другая организація, заслуживающая тѣмъ большаго вниманія, что она приспособлена исключительно для крестьянскаго населенія. Если систематически взяты за организацію мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита, мы сумѣли бы правильно вести это дѣло и достигли бы большихъ результатовъ. Тутъ не требуется затраты большихъ капиталовъ, а необходима энергія. Для человѣка, знающаго свою деревню, не требуется даже много гудъ, чтобы вести дѣло. Сельскіе учителя, врачи, земскіе страховые агенты, священники—это контингентъ, которымъ можно воспользоваться для подобныхъ учрежденій. При содѣйствіи земства эти лица могутъ сплотиться и создать цѣлую сеть мелкихъ кредитныхъ учрежденій. Что касается организацій, которыя могли бы быть выполняемы этими кассами, то мы и въ этомъ вопросу найдемъ интересныя указанія въ Германіи. Сельскія кассы

носятся въ Германіи часто специальный характеръ и выполняютъ преимущественно одну наиболѣе важную для крестьянъ операцію. Въ мѣстностяхъ, гдѣ скотъ играетъ большую роль, существуютъ специальные банки для покупки скота; есть банки преимущественно для продажи хлѣба. Дѣятельность тѣхъ и другихъ привела къ плодотворнымъ результатамъ. Существуетъ также не мало банковъ, устроенныхъ не самими крестьянами, а лицами, задавшимися цѣлью поднять благосостояніе крестьянъ. Назову, на примѣръ, сельско-хозяйственный банкъ въ Трирѣ, задавшійся цѣлью содѣйствовать крестьянамъ Трирскаго округа при покупкѣ скота и продажѣ хлѣба для борьбы съ ростовщиками.

Чтобы показать, какъ сильно распространены учрежденія для мелкаго кредита, мнѣ достаточно привести нѣкоторыя данныя. По послѣднему отчету всеобщаго союза германскихъ промышленныхъ и экономическихъ товариществъ, къ 31 мая 1894 года въ Германіи насчитывали 9,934 общества взаимопомощи, изъ нихъ 5,489 кредитныхъ товариществъ, 3,005 товариществъ въ отдѣльныхъ отрасляхъ, 1,339 потребительныхъ союзовъ и 101 строительныхъ товариществъ. Въ теченіе одного послѣдняго года число кредитныхъ товариществъ увеличилось на 698, т.-е. увеличеніе за одинъ годъ почти равно всему количеству дѣйствующихъ у насъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ. Отдѣльныя товарищества объединены въ союзы, изъ которыхъ нѣкоторые объединяютъ сотни и даже тысячи отдѣльныхъ товариществъ. Такъ, всеобщій союзъ сельско-хозяйственныхъ товариществъ Германской имперіи, нѣсколько отступающій отъ принциповъ Райффейзена, объединяетъ 15 центральныхъ мѣстныхъ товариществъ, 603 кредитныхъ товарищества, 732 сельско-хозяйственныхъ потребительныхъ союза, 576 товариществъ для сбыта молочныхъ продуктовъ и 34 другихъ товарищества, всего около двухъ тысячъ отдѣльныхъ товариществъ и союзовъ. Наибольшее число сельскихъ кассъ по системѣ Райффейзена примыкаетъ къ центральному союзу въ Нейвидѣ. Одинъ этотъ центральный союзъ объединяетъ 1,199 сельскихъ кассъ, 19 товариществъ для сбыта молочныхъ продуктовъ, 13 союзовъ винодѣловъ; онъ имѣетъ и свой центральный банкъ. Такой же банкъ въ Мюнстерѣ организованъ для 226 сельскихъ кассъ провинціи Вестфалии. Я не буду утруждать вашего вниманія дальнѣйшимъ перечисленіемъ центральныхъ союзовъ и связанныхъ съ ними центральныхъ учреждений. Вы легко можете убѣдиться, что въ Германіи сельскія кассы не стоятъ порознь одна отъ другой, а объединены цѣлымъ рядомъ общихъ центральныхъ учреждений, находятъ поддержку въ болѣе прочныхъ, обладающихъ большими средствами банкахъ и находятся въ самой тѣсной связи съ потребительными товариществами, союзами для сбыта молочныхъ продуктовъ, обществами страхования скота, союзами винодѣловъ, товариществами для покупки орудій и проч.

Кромѣ Германіи, подобные банки существуютъ теперь въ Италіи, Австріи и Бельгіи; нѣкоторыя попытки возникаютъ и въ Швейцаріи, Франціи и даже въ Англіи.

Познакомивъ въ общихъ чертахъ съ сельскими кассами райффейзеновскаго типа, я позволю себѣ въ заключеніе перейти къ тѣмъ попыткамъ организациі мелкаго кредита, которыя возникли у насъ въ послѣднее время. Проектъ, выработанный министерствомъ финансовъ, въ общихъ чертахъ напоминаетъ проектъ реорганизациі ссудо-сберегательныхъ товариществъ, предложенный с.-петербургскимъ отдѣленіемъ комитета о ссудо-сберегательныхъ и промышленныхъ товариществахъ. Министерскій проектъ исходитъ изъ того воззрѣнія, что безъ прямой поддержки со стороны правительства, безъ государственнаго кредита, нельзя рассчитывать на развитіе учреждений для мелкаго кредита, что при существующемъ порядкѣ ссудо-сберегательныя товарищества вынуждены требовать отъ нуждающихся въ кредитѣ членовъ предварительнаго взноса паевъ, что не можетъ во многихъ случаяхъ не препятствовать возникновенію учреждений для мелкаго кредита. Для образованія первоначальнаго капитала предполагается ассигновать изъ средствъ государственнаго банка сумму, которая могла бы замѣнить паевые взносы участниковъ, съ тѣмъ, однако, чтобъ участники отвѣтствовали за эту сумму, равно какъ и по другимъ обязательствамъ, на началахъ круговой поруки, какъ это имѣетъ мѣсто въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Новый уставъ государственнаго банка, поставившій своею задачей слѣлать кредитъ доступнымъ не только торговцамъ, промышленникамъ и крупнымъ землевладѣльцамъ, но и крестьянскому населенію, ремесленникамъ и кустарямъ, предусматривающій учрежденіе многочисленныхъ агентуръ и выдачу ссудъ черезъ посредниковъ, можетъ выполнить эти функціи только при существованіи товариществъ заинтересованныхъ лицъ или группъ населенія. Сношенія съ отдѣльными крестьянами, кустарями или ремесленниками при незначительности суммъ въ высшей степени затруднительны. Если же между государственнымъ банкомъ и отдѣльными заемщиками находится организованное товарищество и банкъ имѣетъ дѣло не съ отдѣльными крестьянами, а съ товариществами, тогда ему не трудно создать кредитъ для мелкаго люда. Выдача ссудъ на первоначальное устройство товариществъ возлагаетъ на банкъ обязанность организовать постоянный контроль за дѣятельностью товариществъ. Такимъ образомъ, *заемный основной капиталъ, правительственный надзоръ и отсутствіе обязательныхъ паевыхъ взносовъ* являются отличительными чертами вновь проектируемыхъ кредитныхъ товариществъ, отдѣляющими ихъ отъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, проектируемыхъ с.-петербургскимъ комитетомъ.

Я позволю себѣ въ краткихъ чертахъ ознакомить съ проектомъ министерства финансовъ не только потому, что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ проектомъ, имѣющимъ всѣ шансы на существованіе въ близкомъ будущемъ, но и потому, что онъ удовлетворяетъ во многихъ отношеніяхъ требованіямъ правильной организациі мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита. По проекту, товарищество учреждается на капиталъ, ссуженный государственнымъ банкомъ или земскими, общественными и другими учреждениями подъ круговое ручательство участниковъ товарищества; ссуда та

впослѣдствіи возмѣщается изъ прибыли товарищества. Въ ссуженному капиталу можетъ быть присоединенъ и капиталъ пожертвованный.

Товарищество можетъ приобрѣтать въ собственность или нанимать недвижимыя имущества, необходимыя для помѣщенія своего управленія и для устройства складовъ для храненія принимаемыхъ въ закладъ предметовъ, искать и отвѣчать на судѣ; оно можетъ также принимать пожертвованія и отчислять изъ прибыли сумму для выдачи пособій своимъ членамъ и ихъ семействамъ при несчастныхъ случаяхъ и на другія общепользныя цѣли. Что касается операций, производимыхъ товариществами, то онѣ заключаются въ приемъ вкладовъ, заключеніи займовъ, выдачѣ ссудъ членамъ и въ посредничествѣ по покупкѣ предметовъ, необходимыхъ для членовъ товарищества, и по продажѣ произведеній ихъ труда. Въ члены товарищества принимаются, кромѣ отдѣльныхъ лицъ, также товарищества и артели, дѣйствующія на основаніи утвержденныхъ уставовъ и правилъ или на основаніи письменныхъ договоровъ, сельскія общества и селенія, получившія надѣль по особому документу, общественныя, земскія и другія учрежденія и т. п.

Для полученія средствъ, необходимыхъ для оборотовъ, сверхъ первоначальнаго капитала, товариществу разрѣшается приемъ вкладовъ и заключеніе займовъ; общая сумма ихъ не должна превышать болѣе чѣмъ въ пять разъ принадлежащихъ товариществу капиталовъ. Товарищество выдаетъ ссуды только своимъ членамъ; размѣръ ссудъ опредѣляется совѣтомъ по соображенію съ личными качествами и платежною способностью заемщика. Размѣръ открываемаго членамъ кредита пересматривается, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ, а въ случаѣ неблагопріятныхъ свѣдѣній, открытый заемщику кредитъ можетъ быть закрытъ или сокращенъ до общаго пересмотра кредитовъ. Кромѣ чисто-личнаго кредита, товарищества выдаютъ ссуды, обезпеченныя поручительствомъ или залогами; въ послѣднемъ случаѣ ссуды не превышаютъ половины стоимости залоговъ по оцѣнкѣ управленія. Размѣръ ссуды по личному кредиту не можетъ быть болѣе 100 руб., а вмѣстѣ съ залоговымъ кредитомъ—не свыше 300 руб.; для сельскихъ обществъ или отдѣльныхъ селеній, товариществъ, артелей и другихъ учреждений норма кредита можетъ быть увеличена до 500 руб. Въ обезпеченіе по ссудамъ принимаются государственныя и правительствомъ гарантированныя процентныя бумаги, продукты и орудія производства и разнаго рода движимое имущество, какъ принадлежащее заемщику во время выдачи ссуды, такъ и приобрѣтаемое имъ на выданную ссуду подъ надзоромъ вленій, и недвижимое имущество, принадлежащее заемщику на правѣ личной собственности.

Что касается срока ссудъ, то проектъ допускаетъ, кромѣ краткосрочныхъ ссудъ, выдаваемыхъ на сроки не свыше одного года, и долгосрочныя ссуды на сроки до пяти лѣтъ. Послѣднія погашаются частями.

Долгосрочныя ссуды выдаются только на хозяйственныя потребности и условіемъ употребленія ссуды по назначенію, которое опредѣляется

при самой выдачѣ ссуды, причѣмъ совѣтъ входитъ въ разсмотрѣніе, насколько предпріятіе или предметъ, на которое берется ссуда, обезпечиваютъ возвратъ ея. Въ случаѣ же употребленія заемщикомъ ссуды не по назначенію, правленію предоставляется право пріостановить дальнѣйшую выдачу ссуды и требовать отъ заемщика возврата выданныхъ денегъ. Государственному банку предоставляется устанавливать предѣльный размѣръ процента, свыше котораго товарищество не можетъ взимать по ссудамъ. Посредническія операціи производятся по порученію членовъ товарищества или на наличныя деньги, вносимыя членомъ при дачѣ порученія, или же на разрѣшенную ему ссуду.

Проектъ предусматриваетъ образованіе собственныхъ капиталовъ товарищества, а именно запаснаго и основнаго. Первый составляется посредствомъ отчисленія изъ чистыхъ прибылей не менѣе десяти процентовъ, изъ процентовъ на процентныя бумаги запаснаго капитала и изъ пеней; онъ служитъ только для пополненія убытковъ и принадлежитъ всему товариществу до прекращенія его дѣйствій, но ни въ какомъ случаѣ капиталъ этотъ не можетъ подлежать раздѣлу между членами товарищества. Основной капиталъ товарищества появляется лишь по уплатѣ государственному банку его ссуды.

Отсутствуетъ еще указать, что, кромѣ правленія, совѣта и общаго собранія членовъ, т.-е. органовъ, существующихъ въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ, въ кредитныхъ товариществахъ для постоянного контроля существуютъ еще особые инспектора изъ чиновъ государственнаго банка. Проектъ обратилъ также вниманіе на вопросъ о взысканіи просроченныхъ ссудъ. Такія ссуды могутъ быть взыскиваемы въ судебномъ порядкѣ или черезъ полицію и волостное правленіе съ движимаго имущества заемщика. Волостное правленіе и полиція обязаны приступить къ описи имущества неисправнаго заемщика или къ другимъ мѣрамъ взысканія не позже семи дней по полученіи заявленія товарищества. Если же взысканіе обращено на недвижимое имущество, оно производится судебнымъ порядкомъ. Собственно говоря, такой упрощенный порядокъ взысканія существуетъ уже и въ уставахъ ссудо-сберегательныхъ товариществъ, но, въ виду частыхъ случаевъ отказа со стороны полиціи и волостныхъ правленій приступить къ взысканію по долгамъ товариществамъ безъ судебного постановленія, точное опредѣленіе порядка взысканія въ новомъ законѣ представляется вполне умѣстнымъ. По признанію комитета, изслѣдовавшаго причины прекращенія дѣятельности товариществъ, «20% принуждены были прекратить свои дѣйствія вслѣдствіе неуплаты членами взятыхъ ими изъ товарищества ссудъ или, вѣрнѣе, въ отсутствіи мѣръ, находящихся въ распоряженіи правленія для исполненія уставовъ относительно взысканія просроченныхъ задолговъ».

Такъ какъ въ проектируемыхъ кредитныхъ товариществахъ нѣтъ своего капитала, то отпадаетъ необходимость выколачивать большой дивидендъ; товарищества не должны стремиться къ увеличенію прибыли

это имѣло мѣсто въ ссудо-сберегательныхъ товариществахъ. Операциіи должны доставлять не болѣе того, что необходимо для уплаты процентовъ государственному банку и частнымъ лицамъ по вкладамъ. вмѣсто того, чтобы распределять чистую прибыль между членами товарищества, здѣсь она будетъ поступать на постепенное образованіе постоянного собственнаго капитала, аналогичнаго тому, что въ райффейзеновскихъ кассахъ носитъ названіе недѣлимаго фонда. Черезъ нѣсколько лѣтъ занятая въ государственномъ банкѣ на первоначальное устройство сумма будетъ возвращена; вмѣсто нея, товарищество успѣетъ образоватъ капиталъ, за который никому не придется платить процентовъ и кредитъ будетъ обходиться гораздо дешевле. Когда товарищества будутъ обладать капиталомъ, который имъ ничего не стѣитъ, они не только избавятся отъ зависимости, но и приобретутъ прочный базисъ для дальнѣйшаго развитія. Ссудо-сберегательныя кассы распредѣлили между своими членами болѣе семи милліоновъ рублей; еслибы эта сумма не была распредѣлена, а оставалась въ распоряженіи товариществъ, имъ удалось бы накопить собственный основной капиталъ и не приходилось бы искать денегъ на сторонѣ и выплачивать за нихъ подчасъ довольно высокіе проценты.

Какъ быстро развиваются учрежденія для мелкаго кредита, всего лучше показываетъ примѣръ гминныхъ кассъ Царства Польскаго. Изъ капитала на общественныя надобности, принадлежавшаго земскому кредитному обществу, было ассигновано въ 1868 году на устройство 85 кассъ 65,000 р., потомъ въ 1870 г. было на 105,000 р. открыто еще 107 кассъ и въ 1879 году — 47 кассъ на 30,000 рублей, всего 302 кассы на 200,000 рублей. При открытіи кассъ было установлено, что по мѣрѣ накопленія изъ приблѣй капитала, равнаго правительственному, капиталъ этотъ передается въ другую гмину для основанія новой кассы. Такимъ путемъ на прибыли, полученныя кассами, было къ началу нынѣшняго года открыто еще 551 гминная касса съ основнымъ капиталомъ въ 603,005 руб. Кроме того, на общественныя капиталы были открыты 442 кассы съ основнымъ капиталомъ въ 499,907 руб. Такимъ путемъ Царство Польское покрылось сѣтью гминныхъ кассъ; число послѣднихъ достигаетъ 1,295, тогда какъ число гминъ въ Царствѣ Польскомъ не превышаетъ 1,286. Основной капиталъ всѣхъ гминныхъ кассъ къ 1 января нынѣшняго года составляетъ 1.302,128 рублей, что составляетъ нѣсколько болѣе 1,000 рублей на кассу, а чистая прибыль ихъ за все время существованія равна 2.959,753 руб. Гминныя кассы обладаютъ, такимъ образомъ, собственными капиталами въ 4.261,881 руб., за которые не приходится платить процентовъ. Я привелъ примѣръ гминныхъ кассъ не потому, чтобъ организація ихъ заслуживала вообще подражанія, а потому, что принятый въ нихъ способъ употребленія приблѣй гарантируетъ быстрое развитіе учрежденій для мелкаго кредита.

Не могу не привести здѣсь нѣкоторыхъ статей новаго устава государственнаго банка, облегчающихъ устройство залоговаго кредита и откры-

вающихъ земству возможность пользоваться ресурсами банка. По статьѣ 8 устава банка, предоставляется оставлять въ пользованіи или храненіи заемщиковъ принимаемыя отъ нихъ, въ обезпеченіе ихъ обязательствъ, движимыя имущества съ наложеніемъ на нихъ видимыхъ знаковъ пріема въ закладъ, если это по роду имущества окажется возможнымъ. За сокрытіе закладовъ или отчужденіе до погашенія ссуды заемщикъ привлекается къ отвѣтственности, установленной за растрату имущества, ввѣреннаго для сохраненія. Этимъ постановленіемъ удачно разрѣшается вопросъ о залогѣ движимости безъ фактической передачи заложенныхъ предметовъ залогодержателю. Выдача ссудъ для покупки скота или орудій не достигала бы цѣли, если бы не былъ допущенъ залогъ безъ передачи заложенного имущества выдавшему ссуду банку, если бы не было разрѣшено оставлять его въ распоряженіи залогодателя. По статьѣ 79, незначительность суммы векселя не можетъ служить препятствіемъ къ пріему его къ учету. Гораздо болѣе важное значеніе имѣетъ ст. 139, по которой государственному банку предоставляется открывать кредиты посредникамъ для выдачи мелкимъ землевладѣльцамъ и арендаторамъ сельско-хозяйственныхъ имѣній, крестьянамъ, кустарямъ и ремесленникамъ ссудъ подъ закладъ предметовъ ихъ производства, а также ссудъ на оборотныя средства и на приобретеніе инвентаря.

Мнѣ не зачѣмъ останавливаться здѣсь на необходимости скорѣйшей организаціи мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита. Сельскимъ хозяевамъ хорошо извѣстно, къ какимъ печальнымъ послѣдствіямъ приводитъ отсутствіе такого кредита, какіе глубокіе корни пускаетъ ростовщичество въ нашей деревнѣ. Объ этомъ краснорѣчиво говорятъ земскія статистическія изслѣдованія. Стоитъ только напомнить, сколько теряетъ наше крестьянство отъ одного того факта, что осенью выбрасываетъ на рынокъ хлѣбъ, продаетъ его по низкимъ цѣнамъ для того, чтобы весной обратно покупать его по гораздо болѣе высокимъ. Опытъ крестецкаго земства прекрасно доказываетъ, какъ много можетъ сдѣлать своевременная помощь крестьянамъ. Не могу также не указать на то, что подъемъ крестьянскаго хозяйства, облегченіе способовъ покупки орудій и скота можетъ отразиться весьма благопріятно и на помѣщичьемъ хозяйствѣ. Все это дѣлаетъ вопросъ объ организаціи сельскаго кредита однимъ изъ самыхъ насущныхъ вопросовъ.

Думаю, что земство могло бы съ большимъ успѣхомъ выполнить то, что возлагается на государственный банкъ; оно могло бы снабжать мелкія товарищества суммами, необходимыми на первоначальное устройство, правлять ихъ дѣятельность согласно съ мѣстными нуждами и съ цѣлью установить правильный контроль. Для этого не требуется большаго капитала, потому что товарищества, открывающія кредитъ исключите-
говой поруки участниковъ, подчиненныя постоянному контролю особ

чиновъ государственнаго банка или земскихъ учреждений, сѣмѣютъ привлечь вклады въ достаточномъ для веденія дѣла количествѣ. Съ утвержденіемъ проекта о мелкихъ кредитныхъ товариществахъ, съ которыми я только что познакомилъ, для земства отрывается новое поле плодотворной дѣятельности. До сихъ поръ земство сосредоточивало свою работу преимущественно на двухъ областяхъ—на народномъ образованіи и врачебной помощи; теперь оно могло бы приняться за организацію мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита и создать для крестьянина то, что въ Германіи сдѣлала частная инициатива.

М. Герценштейнъ.

Историческая эволюція и психологическіе законы.

I.

Въ июньской книжкѣ *Русской Мысли* мы познакомили читателей съ интереснымъ трудомъ Лакомба. Въ немъ съ большимъ знаніемъ дѣла трактуются вопросы, къ которымъ возбуждено теперь особенное вниманіе мыслящей части русскаго общества. Мы упоминали, что оживленію этого интереса въ послѣднее время много содѣйствовали книги гг. Бельтова и Струве и вызванная ими полемика.

Теорію экономическаго матеріализма, какъ знаютъ читатели, мы считаемъ одностороннею, нисколько не отрицая великаго значенія экономическихъ факторовъ, на первыхъ порахъ культурнаго развитія имѣющихъ даже первенствующее, иногда исключительное значеніе. Это вполнѣ признавалъ еще Бокль, второе изданіе знаменитаго сочиненія котораго мы привѣтствуемъ съ особеннымъ удовольствіемъ. Наше главное возраженіе противъ теоріи экономическаго матеріализма заключается въ утвержденіи (подлежащемъ, конечно, доказательству), что въ исторіи возрастаетъ роль знанія (стало быть, и сознанія), что *законы* историческаго развитія (этимъ понятіемъ злоупотреблять не слѣдуетъ) подлежатъ не отмѣнѣ, а регулированію со стороны критической мысли въ сторону желательныхъ идеаловъ общественнаго устройства и личнаго совершенствованія.

Изложенной въ нашемъ журналѣ теоріи Лакомба посвятилъ большую статью Н. И. Карѣевъ *). Для почтеннаго петербургскаго ученаго «и событія, и учрежденія, т.-е. и прагматическіе, и культурные факты суть одинаково культурныя явленія, которыя могутъ быть изучаемы и въ своей конкретности, и въ общей своей природѣ, т.-е. абстрактно, тогда какъ Лакомбъ смѣшиваетъ два разряда историческихъ фактовъ съ двумя точками зрѣнія, съ коихъ можно смотрѣть на оба эти разряда одинаково». Г. Карѣевъ полагаетъ, что Лакомба «никоимъ образомъ нельзя причислить къ экономическимъ матеріалистамъ, которые, въ противность основной мысли Лакомба, ищутъ объясненія исторіи, какъ они сами выражаются, и

*) *Новый трудъ по теоріи исторіи (Историческое Обзоріе, томъ восьмь)*

«головахъ людей. А, между тѣмъ, Лакомбъ какъ разъ и придаетъ особую важность экономикѣ».

Мнѣ кажется, что Н. И. Карѣевъ въ данномъ случаѣ неправъ: подчеркнутыя въ приведенной выдержкѣ слова отличаются неточностью, но имъ, я думаю, нельзя приписывать того смысла, какой устанавливаетъ профессоръ Карѣевъ. Конечно, несознанная экономическая нужда не есть исторически дѣйствующая экономическая потребность; но сторонникъ теоріи экономического матеріализма можетъ и не возражать противъ этого положенія. Для него, какъ и для Лакомба, достаточно признанія за экономическими причинами первенствующаго, основнаго значенія въ развитіи учреждений и идей *).

Общая дѣя изложеніе другой теоріи, такъ же односторонней, какъ и теорія экономического матеріализма, редакція *Русской Мысли* имѣла въ виду книжку Лебона: *Психологическіе законы и эволюція народовъ*. Ея содержаніе было передано въ петербургскомъ журналѣ *Русская Бесѣда* **). Разборъ этой книжки написанъ г. Ардашевымъ въ *Вопросахъ Философіи и Психологіи* ***).

Идеи, которыя управляютъ учреждениями народовъ, — такъ начинается свое разсужденіе Лебонъ, — имѣютъ очень длинную эволюцію; не менѣе медленно онѣ и исчезаютъ. Долго послѣ того, какъ для просвѣщенныхъ умовъ ясна бываетъ ихъ ошибочность, идеи эти остаются для толпы, для массы непоколебимыми истинами. Ложныя или вѣрныя, идеи, проникнувъ въ народъ, такъ сказать, всосавшись въ его кровь, приобрѣтаютъ могущественную силу, руководятъ историческими судьбами. Въ прошломъ вѣкѣ философы и поэты пустили въ міръ совершенно ошибочную, по мнѣнію Лебона, идею равенства людей и племенъ. Когда эта идея спустилась въ глубину народныхъ массъ, она произвела исполнинскую революцію, всколе-

*) Н. И. Карѣевъ отмѣчаетъ, что Лакомбъ признаетъ за экономическими факторами не исключительное значеніе, что, въ концѣ-концовъ, главною прогрессивною силой онъ считаетъ развитіе человѣческаго ума, стремленія къ знанію, къ научной дѣятельности. „Въ этомъ отношеніи, — прибавляетъ Н. И. Карѣевъ, — онъ далекъ отъ экономического матеріализма, представители котораго, — безъ дальнѣйшихъ доказательствъ, впрочемъ, — утверждаютъ, что экономическая эволюція сама по себѣ прогрессивна“. Насколько мнѣ извѣстно, сторонники теоріи экономического матеріализма не утверждаютъ, что прогрессивная сама по себѣ экономическая эволюція непременно и всегда вноситъ прогрессъ въ учрежденія, нравы, идеи. То же самое говоритъ и Лакомбъ, признавая, что благосостояніе, нравственность и просвѣщеніе не могутъ развиваться совершенно равномерно. Кромѣ того, Лакомбъ не признаетъ нецѣрности прогресса въ указанномъ г. Карѣевымъ смыслѣ, допускаетъ даже возможность торжества регресса, стало быть, не можетъ допустить развитія ума, какъ главной исторической силы. Я считаю поэтому болѣе правильнымъ отнести Лакомба къ сторонникамъ теоріи экономического матеріализма. Самъ Н. И. Карѣевъ говоритъ, что въ книгѣ Лакомба „соединяется пониманіе исторіи, напоминающее экономическій матеріализмъ, съ нерасположеніемъ къ социализму“.

*) *Русская Бесѣда*, январь и мартъ 1895 г.

*) *Психологія въ исторіи (Вопросы Философіи и Психологіи, кн. 29)*.

бала весь свѣтъ. Лебонъ полагаетъ, что нѣтъ ни одного серьезнаго ученаго, который не признавалъ бы существованія низшихъ и высшихъ расъ и неизгладимаго умственнаго превосходства мужчины надъ женщиною.

Люди каждой расы обладаютъ, по теоріи Лебона, несокрушимымъ строемъ идей, преданій, чувствъ, способамъ мышленія. Все это досталось имъ отъ длиннаго ряда предковъ, кристаллизовалось и не поддается никакимъ возраженіямъ. Совокупность такихъ основныхъ, прочно слезившихся свойствъ Лебонъ называетъ народною душою (*âme d'une race*). Составляя наслѣдство народа, душа его является и двигателемъ его поведенія. Тысяча французовъ, англичанъ, китайцевъ, случайно взятыхъ, значительно различаются другъ отъ друга; но они обладаютъ общими чертами характера, которыя даютъ возможность построить идеальный типъ француза, англичанина, китайца, какъ дѣлаютъ это естествоиспытатели, давая общія описанія различныхъ типовъ животнаго или растительнаго царства.

Индивидуумъ и его поведеніе подчиняются вліяніямъ трехъ родовъ: 1) вліянію предковъ (самое значительное), 2) родителей и 3) среды (ея вліяніе Лебонъ считаетъ самымъ слабымъ). Общія чувства, общіе интересы и общія вѣрованія и составляютъ душу народа, только съ ея формированіемъ является государство, отечество. Въ настоящее время, кромѣ дикихъ племенъ, всѣ расы искусственны, т.-е. образовались путемъ долгой ассимиляціи различныхъ народовъ съ различными чувствами, характерами и вѣрованіями.

Въ исторіи, въ предѣлахъ одного и того же народа, при низменности его души мы замѣчаемъ сильныя колебанія характера. Лебонъ указываетъ, что современнымъ французамъ, напримѣръ, дѣятели первой революціи представляются гигантами. Онъ объясняетъ это тѣмъ, что нѣкоторыя черты племеннаго характера находятся въ скрытомъ состояніи, въ возможности. Наступаютъ внѣшнія благопріятныя обстоятельства, возникаютъ какіе-либо историческіе кризисы — и на первый планъ выдвигаются болѣе или менѣе эфемерныя личности. Сто лѣтъ спустя Робеспьеръ, напримѣръ, былъ бы почтеннымъ мировымъ судьей и пріятелемъ мѣстнаго священника, а Сень-Жюсть — отличнымъ учителемъ. Но въ самыя бурныя эпохи народной жизни основныя черты его души всегда сохраняются. У всѣхъ латинскихъ народовъ выступаетъ, напримѣръ, неизлечимая потребность быть управляемыми, всѣ эти народы (французы въ особенности) утомляются свободой и жаждутъ рабства. Централизаторскія и деспотическія стремленія одинаково, по мнѣнію Лебона, отличаютъ старую французскую монархію, революціонеровъ-якобинцевъ и современныхъ французовъ.

Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, что психологическія свойства на, 13
неизмѣнны: они только весьма медленно поддаются измѣненію. Если бы 10
надобилось единственное мѣрило социальнаго уровня народовъ въ исто, 11
то Лебонъ избралъ бы для этой цѣли степень ихъ способности владѣть 12
рефлексами. Настойчивость, энергію, волю Лебонъ особенно выдвигаетъ 13
качествъ признаковъ высшей расы. Такая раса имѣетъ стройныя 14

поведенія, на которыхъ поконитъ общество. Совокупность подобныхъ правилъ, нравственность, есть дочь характера, а не ума и познанія даннаго народа. Историческую эволюцію вообще опредѣляетъ его характеръ, а не степень его умственныхъ способностей и просвѣщенія. Благодаря характеру, 60,000 англичанъ держатъ, наиримѣръ, въ повиновеніи 250 милліоновъ индусовъ, многіе изъ которыхъ равны англичанамъ въ интеллектуальномъ отношеніи и превосходятъ ихъ въ художественномъ отношеніи и въ глубинѣ философскихъ взглядовъ. Характеръ позволяетъ народамъ чувствовать и дѣйствовать. Народы никогда много не выигрывали, когда они желали слишкомъ много разсуждать и думать (?).

Глубокія различія въ народныхъ характерахъ составляютъ причины вѣковыхъ и кровопролитныхъ войнъ. И Лебонъ далекъ отъ мысли оплакивать или возмущаться этимъ явленіемъ.

Высшія расы отличаются отъ низшихъ не только ихъ психологическими качествами (и анатомическими): другое различіе заключается въ разнородности состава высшей расы сравнительно съ расою низшей. Неравенство индивидуумовъ и половъ,—утверждаетъ Лебонъ,—есть законъ для высшей расы. Средніе классы народовъ сходны между собой; верхніе слои каждаго изъ нихъ сильно различаются *). Въ настоящее время высшее племя, по Лебону, представляетъ изъ себя пирамиду, вершину которой составляетъ цвѣтъ націи, группу ея ученыхъ, художниковъ, техниковъ, писателей. Достаточно исчезнуть этому меньшинству, чтобъ исчезло все величіе націи.

А ея характеръ, душа?—спросимъ мы у Лебона. Вѣдь, умъ, просвѣщеніе—ничего не значатъ, по его утверженію, какъ историческіе двигатели. Самъ Лебонъ черезъ нѣсколько страницъ говоритъ, что націю составляютъ средніе классы, верхній слой,—ничтожное меньшинство,—существенно важенъ съ точки зрѣнія цивилизаціи, но не имѣетъ никакого значенія съ точки зрѣнія расы. А, между тѣмъ, раньше намъ было сказано, что высшія расы различаются именно этимъ меньшинствомъ.

Идеи, нравы, учрежденія народа опредѣляются его душою, всякій народъ заслуживаетъ такого именно правительства, какое онъ имѣетъ. Въ судьбахъ народа правительство и конституція ничего не значатъ, они только внѣшнее проявленіе души народа, какъ языкъ, вѣрованія, идеи, искусства. Воспитаніемъ нельзя передѣлать этой души, дать низшей расѣ цивилизацію высшей: на такое измѣненіе потребны столѣтія, стремленія же путемъ воспитанія избѣгнуть столь длиннаго пути поведетъ лишь къ разстройству, къ нравственной и умственной дезорганизаціи народа.

Главнымъ дѣятелемъ трансформированія народнаго характера Лебонъ признаетъ идеи. Онѣ медленно проникаютъ въ народъ, медленно усваиваются имъ, нерѣдко при этомъ искажаются, но за то становятся могущею силой: разумъ перестаетъ на нихъ вліять, критика на нихъ не

*) Подъ верхними слоями Лебонъ не можетъ понимать такъ называемыхъ высшихъ сословій, потому что именно они отличаются космополитическимъ характеромъ.

дѣйствуютъ, они превращаются въ бессознательное достояніе народа. Такихъ идей въ исторіи немного, и Лебонъ насъ съ этимъ поздравляетъ: въ противномъ случаѣ наши цивилизаціи не имѣли бы никакой устойчивости. Самые цивилизованные народы одинаково далеки какъ отъ измѣнчивости, такъ и отъ неподвижности своихъ руководящихъ идей.

Наиболѣе вліятельная изъ этихъ идей есть идея религіозная. Самыми значительными историческими событіями бывали рожденіе и смерть боговъ. Съ новою религіозною идеей рождается и новая цивилизація. Кромѣ любви, чувства могущественнаго, но личнаго, только религіозныя идеи могутъ быстро вліять на характеръ. Боги не чада страха, какъ говорилъ Лукрецій, а дѣти надеждъ, и поэтому ихъ вліяніе вѣчно. До сихъ поръ одна религія давала человѣку счастливое настроеніе духа. Никакая философія до нашихъ дней не могла осуществить эту задачу.

Эволюція цивилизаціи породила, къ несчастью для человѣка, множество потребностей, не давая средствъ для ихъ удовлетворенія, и производитъ такимъ образомъ общее недовольное настроеніе духа. Цивилизація,—продолжаетъ Лебонъ,—есть, конечно, мать прогресса, но она также мать социализма и анархіи, этихъ двухъ страшныхъ выраженій отчаянія толпы, несдерживаемой болѣе никакимъ вѣрованіемъ. А общество не можетъ существовать, не отыскавши средствъ къ созданію таковаго состоянія духа, при которомъ человѣкъ чувствуетъ себя счастливымъ.

Творцы религій являются поэтому истинными благодѣтелями человечества. Только религія можетъ создать мгновенно (*momentanément*) общасть интересовъ, чувствъ и мыслей. Однимъ ударомъ религіозный духъ замѣщаетъ медленныя наследственные накопленія, необходимыя для образованія національной души. Черезъ страницу, впрочемъ, сказано, что власть религій преобразовывать эту душу довольно эфемерно: проходитъ время, мечта блѣднѣетъ и старая основа характера снова выступаетъ.

Особенную силу имѣютъ религіи, проникнутыя нетерпимостью: онѣ возбуждаютъ презрѣніе и ненависть къ иновѣрцамъ-иностранцамъ, и эти чувства, осуждаемыя философіею, Лебонъ считаетъ очень полезными для развитія расы *).

Умственная организація человѣка,—говоритъ Лебонъ въ послѣдней главѣ своей книжки,—подчиняется фізіологическимъ законамъ. Мозговая клѣточка, которая не упражняется, перестаетъ функціонировать, и умственные навыки, для образованія которыхъ прошли столѣтія, могутъ быть *быстро* (*promptement*) потеряны. Но, если это, такъ, возможно ли отрицать *быстрое* вліяніе воспитанія? Вѣдь, оно не только *создаетъ* функціи, но и стремится *приостановить* другія. Воздержаніе въ одномъ пунктѣ можетъ облегчать работу въ иномъ и содѣйствовать творческому дѣлу воспитанія. Самъ Лебонъ для исправленія французской національной ин-

* Нужно замѣтить, что подъ религіознымъ духомъ Лебонъ разумѣетъ беззавѣтное увлеченіе (такимъ увлеченіемъ отличались, напримѣръ, французы эпохи первой революціи и т. д.).

требует, прежде всего, полной отмены современного классического образования, лишающего воспитанника инициативы и крепости воли, заглушающего в нем умственную самостоятельность. Именно в области воспитания психология, законы которой через-чур поспешно исчислены и взвешены Леоном, может и должна сыграть великую историческую роль.

Г. Ардашев, в упомянутой мною статье, замечает, что мысль о возможности приложения психологии к объяснению истории не нова: еще Герbart находил возможным свести статику и механику (динамику) государства к статике и механике человеческой души, так как действующая в истории сила суть силы психологические. Учение о народной душе или духе мы находим у Лазаруса и Штейнталя, о необходимости коллективной психологии — у Д. С. Милля и Тэна. Г. Ардашев правильно указывает на то, что у Леона выходит так, что идеи — продукты расовой души, а расовая душа — продукт медленно проникших в нее идей. Автор статьи в *Вопросах Философии и Психологии* говорит, что «если вообще возможно свести исторический процесс на процесс психологический, — а теоретически нельзя ничего возразить против такой возможности, — то, во всяком случае, не на почве такой сложной коллективной единицы, как «раса» или вообще какая бы то ни было культурная группа, — а единственно отпаваясь от понятия личности, как единственно-реального исторического атома и единственной реальной психологической единицы, — и отдельных человеческих действий, как первичных элементов исторического движения. Так как закономерность человеческих действий есть закономерность психологическая, и так как, с другой стороны, к ним сводится, в последнем анализе, весь исторический процесс, то ясно, что в основе последнего лежит процесс психологический, и историческая закономерность есть — опять-таки в последнем анализе — закономерность психологическая. Понски «за историческими законами» тогда только могут разсчитывать на успех, когда они будут производиться в этом направлении, а для этого нужно, чтобы история и психология подали друг другу руки».

Стремление свести исторический процесс на процесс психологический — и, притом, индивидуальный — мне представляется делом невозможным. К капле воды нельзя свести, хотя бы и в последнем анализе, даже изучение моря, с его бурями и затишьем, с его приливами и отливами. К атому материи нельзя свести конкретной планеты с ее конкретным движением. А история и человеческая душа — понятия в несоразмерности (по крайней мере, *теперь*) степени более сложные. Но против того, чтобы история и психология подали друг другу руки, нельзя, разумется, ничего возразить.

Г. Леви-Брюль в интересной статье о социологических вопросах *)

*) М. Lévy Bruhl: „Questions Sociologiques“ (*Revue bleue*, 22 Juin 1895). Его в *Германия с Лейбница* была изложена в *Русской Мысли*. У него есть другое понятие: *L'idée de responsabilité*.

дѣлаеть нѣсколько правильныхъ, на мой взглядъ, замѣчаній о современномъ состояннн социологн и о методахъ ея разработки. Молодая наука, такъ названная Огюстомъ Контомъ, привлекаеть къ себѣ все болѣе и болѣе вниманіе изслѣдователей, а также и публицистовъ. Она обновляетъ старые вопросы, ставить новые. Политика, нравственность, право, политическая экономія, исторія—всѣ науки при сопркосновенн съ социологннзмъ измѣняются въ болшей или меншей степени. Настоятельность многихъ общественныхъ вопросовъ тѣсно связывается съ этимъ усиленнмъ интереса къ социологнн и увеличиваетъ ея значеніе.

Умственная жизнь опредѣленнаго періода времени отражаетъ въ столповеннн идей тѣ существенно важныя задачи, надъ рѣшеннмъ которыхъ приходится трудиться обществу. Издадека, но вѣрно, умственная жизнь слѣдитъ за эволюціей общества. На этомъ мѣстѣ я охотно внесъ бы поправку въ статью Леви - Брюля, замѣнивъ слова *умственная жизнь* словомъ *наука* и *издадека* выраженнмъ *шагъ за шагомъ*, хотя, быть можетъ, и не всегда съ достаточною точностью.

Въ XVII вѣкѣ, напримѣръ,—продолжаетъ французскій ученнй,—во Франціи политическія и общественныя учрежденія казались такъ прочно установленными, такъ единодушно уважаемыми, что никто и не представлялъ себѣ возможности ихъ поколебать, а тѣмъ болѣе разрушить. Они не были поэтому предметомъ изученія и спора. Только протестанты, которые подвергались гоненнмъ, вооружались противъ современныхъ имъ порядковъ. Теперь, наоборотъ, вопросы общественнаго устройства являются насущною потребностью времени. Перемѣщается, по мнѣнн Леви-Брюля, центръ тяжести въ морали: онъ теперь не въ индивидуальномъ сознаннн свободнаго и мыслящаго существа, какъ у Канта, но въ идеѣ взаимныхъ правъ и обязанностей, въ идеѣ общественной солидарности и справедливости.

Новая наука, кромѣ указанной причины привлекательности, имѣеть и другую: для нея можетъ поработать каждый желающій, всякій, у кого есть мысль или горячее чувство. Въ наукахъ установившихся это невозможно: тамъ надо первоначально изучить все, что уже дознано. Социологнн недостаетъ покуда твердаго ядра общепризнанныхъ истинъ, методы, ясно установленной и всѣми принятой. Отъ этого для каждой предвзятой мысли можно добросовѣстно подыскать много фактовъ и не замѣтить фактовъ, ограничивающихъ или вполне подрывающихъ гипотезу, выдаваемую за теорію. Необходима большая сила критики, большая преданность истинѣ, чтобъ избѣгать подобнаго рода ошибокъ.

Неудобствамъ для науки такого положенія вещей задумалъ положить конецъ Е. Дюркгеймъ, съ однимъ изъ сочиненнй котораго я познакомилъ читателей *Русскихъ Вѣдомостей* *). Его новая книга (она вышла въ прошломъ году) носить заглавіе: *Правила социологической методы* (изъ

*) Е. Durkheim: „La division du travail social“.

regles de la methode sociologique). Авторъ требуетъ строгаго примѣненія къ обработкѣ социологическихъ вопросовъ методы естественныхъ наукъ: заботливо собирать и анализировать факты, классифицировать ихъ, вдумываться въ связывающіе ихъ законы. Соціологія является для этого ученаго объективною наукой, социологическіе феномены совершенно приравняются имъ къ вещамъ или явленіямъ вѣшной природы. Конечно, сознание постоянно присутствуетъ въ социологическихъ фактахъ; но это сознание внутри насъ постоянно принуждено сообразоваться съ нравами и законами того общества, въ которомъ мы живемъ. И вотъ эти вѣшныя для сознания и предшествующія ему факты и условія и составляютъ предметъ социологическаго изученія. Слѣдуя за Огюстомъ Контomъ, Дюркгеймъ требуетъ, чтобъ ученый освободился отъ антропоцентрическаго предразсудка. Переходя отъ биологіи къ социологіи, изслѣдователь встрѣчаетъ новый факторъ—сознание, но и его онъ долженъ изучать вполне объективно. Социологическія явленія реализуются въ сознаніи, но изъ того вовсе не слѣдуетъ, чтобы условія существованія и законы этихъ явленій зависѣли только отъ нашего сознания. Дюркгеймъ предостерегаетъ социолога отъ предвзятыхъ философскихъ идей и отъ стремленія непосредственно послужить своими изслѣдованіями какимъ-либо практическимъ общественнымъ цѣлямъ. Никогда одно психологическое объясненіе не должно удовлетворять психолога: онъ долженъ искать предшествовавшихъ социологическихъ фактовъ.

Леви-Брюль заявляетъ на это, что требованіе Дюркгейма черезъ-чуръ строго, что новая и такая сложная наука, какъ социологія, должна допускать гипотезы, болѣе или менѣе смѣлыя, и субъективныя построенія. Ни одна наука не приступала къ изучаемымъ ею явленіямъ съ вполне готовою, строго сложившеюся методою. Приемы изслѣдованія видоизмѣнялись и улучшались по мѣрѣ того, какъ накоплялся матеріалъ, послѣ многообразныхъ попытокъ его оцѣнки и т. д.

Это справедливо, но Леви-Брюлю можно возразить, что теперь дѣло обстоитъ нѣсколько иначе: первенствующее значеніе методы для научнаго изслѣдованія установлено и теоретически, и практически, поэтому субъективнымъ настроеніямъ не должно быть мѣста въ научномъ изслѣдованіи. Безпристрастіе или безстрастіе, котораго требуетъ Дюркгеймъ, необходимы не только для научной истины, но и въ интересахъ тѣхъ практическихъ задачъ или субъективныхъ идеаловъ, которымъ думаетъ послужить социологъ: неправильное наблюденіе фактовъ, невольное игнорированіе или недостаточная оцѣнка нѣкоторыхъ изъ нихъ поведутъ къ выбору такихъ средствъ, которыя могутъ оказаться вредными для достиженія руководившихъ изслѣдователемъ субъективныхъ цѣлей. Прежде всего, по замѣчанію всякаго мыслителя, надо знать, чтобы предвидѣть и мочь. И, конечно, мы знаемъ гораздо больше, чѣмъ предвидимъ, а предвидимъ больше того, что можемъ измѣнить. Но въ предѣлахъ, доступныхъ нашему воздѣйствію, тамъ, гдѣ мы можемъ дознаннымъ законамъ явленій противопоставлять

дѣйствіе законовъ другихъ явленій, тамъ должны господствовать практическія цѣли, нравственно-общественныя и личныя идеалы. Область, гдѣ для нихъ существуетъ достаточный просторъ, постепенно расширяется. Мы давно уже двигаемся противъ силы вѣтра, противопоставивъ ему нами направляемую силу пара. То же самое должно быть и отчасти уже происходить въ исторіи. Идеи при содѣйствіи воспитанія и учрежденій перераспредѣляютъ индивидуальныя и общественныя силы, вводятъ многообразныя историческіе потоки въ новое русло и даютъ имъ возможность производить новую историческую работу. Организация, учрежденія необходимы для каждаго дѣла, гдѣ для общей цѣли работаетъ хоть нѣсколько человѣкъ. Не будемъ говорить о первобытныхъ учрежденіяхъ, о томъ, какъ они вызваны къ существованію; теперь, когда общественная жизнь разсматривается сознательно, когда ея потребности изучаются,—возможно или нѣтъ существованіе и хорошихъ, и дурныхъ учрежденій? Если какое-либо изъ нихъ признано неудовлетворительнымъ потому, что оно нецѣлесообразно распредѣляетъ участвующія въ немъ силы, то не представляется ли разумнымъ планомерное измѣненіе учрежденія? Едва ли возможенъ на эти вопросы серьезный отрицательный отвѣтъ. Пусть всѣ учрежденія, идеи, нравы—только *надстройка* надъ экономическими причинами. Эти причины, въ свою очередь, лишь надстройка надъ физиологическими, тѣ—надъ біологическими, затѣмъ пойдутъ физико-химическія, потомъ механическія причины... Но этими надстройками и отличаются науки одна отъ другой, и такія надстройки—не только придатки къ предшествовавшему, но и могущественные факторы для послѣдующаго. Историческая эволюція совершалась и совершается и безъ сознательнаго участія людей. Въ законахъ этой эволюціи, когда они будутъ точно установлены, человѣческая воля измѣненій сдѣлать не можетъ, какъ не можетъ она уничтожить хоть атома матеріи. Но превратить одну энергію въ другую, создать новую комбинацію силъ и явленій она имѣетъ возможность.

Само собою разумѣется, что знаніе можетъ служить, въ частныхъ случаяхъ, и совѣсти, и безсовѣстности. Читатели увидятъ здѣсь намекъ на статью г. Меньшикова. Пусть на нее возражаетъ г. О. Т. В., я же замѣчу только, что истинное знаніе, безкорыстная преданность научному изслѣдованію облагораживаютъ и просвѣщаютъ совѣсть, во имя которой совершалось и совершается множество злодѣйствъ и пошлыхъ поступковъ. Составляетъ ли *прогрессъ* благотворную необходимость, какъ когда-то писалъ Спенсеръ,—это вопросъ *). Въ *исторической эволюціи*, во всякомъ случаѣ, людямъ, у которыхъ сложились опредѣленные общественныя и личныя идеалы, складывать руки не полагается.

„Des echten Mannes wahre Feier ist die That“.

В. Гольцевъ

*) Ср. любопытную книгу Greef: „Le Transformisme Social“, 1895.

Очерки провинціальной жизни.

Въ майской и іюньской книжкахъ нашего журнала мы привели уже отвѣты нѣсколькихъ земскихъ собраній, представляющіе собою обширную систематическую программу народной экономической политики, чреватой крупными результатами на благо страны. Теперь мы можемъ сообщить еще два отвѣта малмыжскаго и нижегородскаго земствъ, по содержанию своему сходныхъ съ прежде указанными земскими отвѣтами.

Состоящій при малмыжской управѣ сельско-хозяйственный комитетъ, отвѣчая на министерскій запросъ, выработалъ рядъ мѣръ къ поднятію народнаго хозяйства, причемъ мѣры экономического характера поставилъ на первую очередь, а мѣры сельско-хозяйственные и техническія—на вторую. Во главѣ тѣхъ и другихъ мѣръ комитетъ поставилъ введеніе всеобщаго начальнаго обученія на средства земства, при пособіи отъ правительства, какъ мѣру, безъ которой невозможны никакія другія мѣропріятія, такъ какъ некультурность и невѣжество народа представляютъ къ тому непреодолимыя препятствія. Важнѣйшими экономическими мѣрами комитетъ призналъ слѣдующія: 1) Урегулированіе размѣра налоговъ съ дѣйствительною доходностью земли и вообще съ платежеспособностью населенія. 2) Пониженіе выкупныхъ платежей. 3) Установленіе болѣе правильныхъ сроковъ взыскапія окладныхъ сборовъ, соотвѣтственно сельско-хозяйственнымъ и экономическимъ условіямъ уѣзда. 4) Точное установленіе въ законодательномъ порядкѣ видовъ имущества, существенно необходимаго въ крестьянскомъ хозяйствѣ и не подлежащаго описи и продажѣ на пополненіе окладныхъ сборовъ и недоимокъ. 5) Урегулированіе цѣнъ на хлѣбъ путемъ закупки въ урожайные годы правительствомъ при посредствѣ земства хлѣба для потребностей казны. 6) Организація и возможно широкое развитіе мелкаго сельскаго кредита. 7) Переселеніе изъ малоземельныхъ селеній въ многоземельныя мѣстности. 8) Дополнительное надѣленіе безлѣсныхъ волостей лѣсными парѣзками изъ сосѣднихъ казенныхъ дачъ. 9) Возможно широкая помощь со стороны министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ кустарной промышленности.

а поднятія экономического благосостоянія населенія,— говорится въ

нижегородскомъ отвѣтъ, — необходимо увеличить земельныя владѣнія крестьянъ, развить технику земледѣльческаго промысла, развить общее образованіе, какъ необходимый элементъ для сознанія крестьянскимъ населеніемъ полезности мѣръ, служащихъ къ улучшенію сельскаго хозяйства; затѣмъ необходимо распространеніе мелкаго кредита для цѣлей улучшенія крестьянскаго хозяйства и увеличенія сѣта. Наиболѣе неотложными мѣрами земское собраніе считаетъ: 1) пересмотръ лежащихъ на землѣ платежей соотвѣтственно съ качествомъ земли и ея доходностью, такъ какъ во многихъ случаяхъ платежи являются несоразмѣрными съ производительностью земли; 2) содѣйствіе къ болѣе легкому приобрѣтенію земли съ помощью крестьянскаго банка; 3) распространеніе опытныхъ полей; 4) возможно широкое развитіе народнаго общаго и спеціально-земледѣльческаго образованія; 5) распространеніе продажи сельско-хозяйственныхъ орудій и сѣмянъ; 6) распространеніе бесѣдъ или чтеній для крестьянъ по предметамъ сельскаго хозяйства; 7) развитіе мелкаго сельско-хозяйственнаго кредита.

Экономическая комиссія при курской губернской управѣ въ своемъ докладѣ земскому собранію считаетъ измѣненіе дѣйствующей податной системы не только чрезвычайно важнымъ, но и *кореннымъ* условіемъ для поднятія земледѣлія. Налоги должны быть приведены въ соотвѣтствіе съ платежною силой и, въ то же время, должны быть измѣнены способы взысканія податей. Существующіе способы взысканія комиссія признаетъ крайне вредными для народнаго благосостоянія. Она предлагаетъ губернскому земству ходатайствовать о передачѣ сбора податей въ вѣдѣніе министерства финансовъ и объ образованіи особыхъ уѣздныхъ податныхъ комиссій, въ составъ которыхъ входили бы выбранные земствомъ представители. При обсужденіи вопроса о податной системѣ одинъ изъ членовъ экономической комиссіи, г. Раевскій, возбудилъ весьма важный вопросъ о выкупѣ, указавъ, что выкупные платежи стоятъ въ прямомъ противорѣчій съ общиннымъ землевладѣніемъ, такъ какъ по окончаніи выкупной операціи выкупленные надѣлы составляютъ частную собственность. Въ виду такого противорѣчія, слѣдовало бы отмѣнить выкупные платежи, а землю признать собственностью казны, находящеюся лишь въ пользованіи крестьянъ; при обращеніи земли въ государственную собственность исключается возможность продажи надѣловъ и платежей можетъ быть значительно уменьшенъ. Съ большимъ вниманіемъ отнеслась комиссія также къ переселенческому дѣлу. «Никто не отвергнетъ, — говорится въ ея докладѣ, — необходимости въ періодическомъ переселеніи для извѣстнаго прироста населенія, и никакія искусственныя мѣры не задержатъ народной тяги на новыя земли, какъ никто не задержитъ тяги птицъ изъ суровыхъ холмистыхъ странъ въ теплыя и благодатныя». Необходимо принять мѣры къ упорядоченію переселенческаго движенія и оказанію переселенцамъ помощи со стороны государства. Комиссія предлагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовать, чтобы въ уѣздныхъ управахъ сосредоточивались всѣ необходимыя свѣдѣнія о переселеніяхъ, чтобы губернскому земству было по

ставлено право входить съ представленіями о мѣстностяхъ, которыя нуждаются въ переселеніяхъ.

Поднятіе земледѣльческаго промысла, улучшеніе народнаго благосостоянія составляетъ теперь важнѣйшую заботу правительства и земства. Каждое новое изслѣдованіе свидѣтельствуетъ о прогрессирующемъ упадкѣ земледѣлія. Объ этомъ явленіи заговорили даже такія трудно сдающіяся передъ дѣйствительностью газеты, какъ *Южный Край* и *Гражданинъ*. Вотъ что читаемъ въ *Южномъ Край* по поводу вышедшаго недавно сельскохозяйственнаго обзора Казанской губерніи: «Неурожайные 1891 и 1892 годы, повидимому, надолго оставятъ свой слѣдъ въ крестьянскомъ хозяйствѣ. По нѣкоторымъ даннымъ можно даже предположить, что, разъ выбившись изъ колея, оно уже по инерціи движется по наклонной плоскости постепеннаго разоренія. Такъ, изъ обзора Казанской губерніи въ сельскохозяйственномъ отношеніи видно, что количество скота у крестьянъ нѣкоторыхъ уѣздовъ продолжаетъ убывать. Въ Казанскомъ уѣздѣ, по свѣдѣніямъ статистическаго бюро, у земледѣльческаго населенія въ прошломъ году имѣлось уже только 26,411 лошадей и 26,933 головъ рогатаго скота, между тѣмъ какъ еще въ началѣ 1893 года у него же оставалось нераспроданными: лошадей 28,612 и рогатаго скота—27,743 головъ. Въ Спасскомъ уѣздѣ до 1891 года имѣлось 39,218 лошадей; къ началу 1892 года это количество сократилось до 34,690 лошадей, въ 1893 г. было уже 33,840, а на прошлый годъ у населенія оставалось только 32,690 лошадей. Въ Чистопольскомъ уѣздѣ уменьшеніе количества достигло еще большихъ размѣровъ: до 1891 г. тамъ числилось 62,748 лошадей, на 1892 г. осталось 53,979, а въ прошломъ году уже было только 45,318 лошадей. Въ такой же приблизительно мѣрѣ наблюдается и ростъ контингента безлошадныхъ крестьянъ. Въ Казанскомъ уѣздѣ изъ 32,766 всего числа домохозяйствъ около половины, именно 13,464, оказались въ прошломъ году, во время переписи, безлошадными, между тѣмъ какъ въ 1882 году крестьянское населеніе Казанскаго уѣзда, въ количествѣ 29,639 домохозяйствъ, имѣло 30,439 рабочихъ лошадей, причемъ безлошадныхъ домохозяйствъ было тогда лишь 8,655. Очевидно, что дальнѣйшій ростъ сельскаго пролетаріата можетъ быть устраненъ только путемъ специальныхъ мѣръ. Важнѣйшею изъ нихъ нужно признать снабженіе крестьянъ рабочимъ скотомъ и другимъ инвентаремъ».

Гражданинъ говорить о необходимости путемъ общаго изслѣдованія выяснить размѣры экономическаго разстройства крестьянскаго населенія. Югіе въ Петербургѣ, — по словамъ кн. Мещерскаго, — увѣряютъ, что въ стоящее время крестьянство благоденствуетъ, чему доказательствомъ могутъ служить, по ихъ мнѣнію, успѣшное поступленіе повинностей, развитіе производства и сбыта краснаго товара и пр. Но, въ то же время, — продолжаетъ кн. Мещерскій, — «я ежедневно вижу людей, пріѣзжающихъ изъ разныхъ концовъ Россіи, которые говорятъ о страшной задолженности естѣянна въ той или другой губерніи, о постепенномъ усиленіи цифры

безлошадныхъ деревенскихъ хозяйствъ, о страшной матеріальной безпомощности крестьянскаго населенія, о трудности взиманія платежей и о тяжелыхъ послѣдствіяхъ для экономическаго быта крестьянъ взысканія платежей... Слышу я разговоры о томъ, что поступленіе сборовъ и увеличеніе сбыта краснаго товара ничуть не доказываютъ въ пользу улучшенія благосостоянія крестьянъ, такъ какъ и деньги на кабакъ, и на окладъ, и на красный товаръ идутъ изъ заработка, а не отъ избытка дохода, а заработокъ въ хозяйство крестьянина не входитъ». Какимъ же способомъ можно выяснитъ вопросъ? А выяснитъ его необходимо. «Если экономическое положеніе крестьянъ неудовлетворительно, а люди, думающіе, что оно удовлетворительно, окажутся въ большинствѣ, тогда можно опасаться двухъ неприятныхъ послѣдствій: во-первыхъ, минуты разочарованія и обнаруженія горькой дѣйствительности, а, во-вторыхъ, непринятія въ-время мѣръ къ улучшенію экономическаго положенія крестьянъ. Если же окажется, что неправы тѣ, которые находятъ, что экономическое положеніе крестьянъ не хорошо,—ну, тогда особеннаго неудобства не произойдетъ,—забили даромъ тревогу, и больше ничего. А если, наоборотъ, они правы? Вотъ вопросъ, меня, признаюсь, мучащій. И мнѣ кажется, что къ числу многихъ спѣшныхъ и неотложныхъ вопросовъ дня должно отнести вопросъ: не слѣдуетъ ли поглубже, посерьезнѣе и повнимательнѣе заняться изслѣдованіемъ экономическаго положенія крестьянъ? Эта имѣющая открыться въ такомъ случаѣ правда послужитъ существенно важнымъ руководствомъ для всей экономической политики въ будущемъ».

Выше мы говорили, что экономическая коммиссія при курской губернской управѣ, обсуждая существующіе способы взысканія податей, признала ихъ крайне вредными для народнаго благосостоянія и предложила, поэтому, земству ходатайствовать о передачѣ сбора податей въ вѣдѣніе министерства финансовъ и объ образованіи особыхъ податныхъ комиссій, въ составъ которыхъ входили бы выбранные земствомъ представители. Такое ходатайство идетъ на встрѣчу намѣреніямъ самого правительства, такъ какъ сознаніе неудовлетворительности дѣйствующихъ способовъ взысканія податей стало общимъ мѣстомъ, и министерство финансовъ давно уже готовится преобразовать это дѣло. Кто не знаетъ, къ какимъ крутымъ мѣрамъ, нарушающимъ и личныя, и имущественныя права, прибѣгаютъ полицейскіе органы при собираніи податей! И только изрѣдка, и лишь въ крайнихъ случаяхъ, эти дѣянія полиціи доходятъ до суда. Одно изъ такихъ дѣяній разсматривалось въ концѣ апрѣля въ саратовской судебной палатѣ. Передъ палатой предсталъ въ качествѣ обвиняемыхъ чуть не цѣлый составъ сарской уѣздной полиціи: исправникъ, урядникъ, разсылный и волостной старшина. Исправникъ Ивановъ, пріѣхавъ въ городъ Шишкѣевъ, Пензенской губерніи, велѣлъ собрать крестьянъ въ волостное правленіе, и въ тольео не внесъ сейчасъ же денегъ, того отводитъ въ сосѣднюю комнату для «обыска». Но это былъ обыскъ только по названію, а на самомъ дѣлѣ производились жестокія истязанія. Уряднику и разсылному при

зано было бить недоимщиковъ безошадно. Въ результатѣ «обыска», одинъ изъ крестьянъ, Ахматовъ, былъ вынесенъ окровавленный и безъ чувствъ, а спустя четыре дня умеръ. Рядъ показаній крестьянъ-недоимщиковъ далъ слѣдующую картину взысканія податей. Когда исправникъ Ивановъ, сидя въ волостномъ правленіи, приказывалъ уряднику Кретинину и разсылному Панкову обыскать кого-либо изъ крестьянъ, то они уводили недоимщика въ сосѣднюю съ присутствіемъ, гдѣ находились исправникъ и старшина, «совѣщательную» комнату, гдѣ таскали уведеннаго за бороду и за волосы, били по шеѣ и по животу; въ этомъ и состоялъ весь «обыскъ». Когда свидѣтеля Мещерякова потащили въ совѣщательную комнату «обыскивать», то онъ взмолился и говорилъ: «У меня семейство большое, на кого оно останется?» Мещеряковъ отдѣлался побоями со стороны урядника на глазахъ исправника въ присутственной комнатѣ. Старикъ Гавриилъ Ахматовъ показалъ, что когда его привели въ совѣщательную комнату, разсылный Панковъ схватилъ его за шею такъ, что тотъ сталъ задыхаться; тогда онъ взмолился: «Батюшка, пожалѣй мою старость и свою душу!»—и Панковъ его отпустилъ. Инсарскій земскій врачъ показалъ, что исправникъ Ивановъ, пріѣхавъ въ городъ, остановился у него на квартирѣ. Къ исправнику явился урядникъ и получилъ выговоръ за неисправное поступленіе податей. При этомъ Ивановъ сказалъ уряднику, что когда онъ въ волостномъ правленіи прикажетъ кого-нибудь обыскать въ совѣщательной комнатѣ, то это значить, что его тамъ надо побить для острастки. «Умѣешь ли ты собирать подати?»—спросилъ исправникъ урядника, и показалъ, какъ это дѣлается: взявъ воображаемаго недоимщика за бороду, а ногою давалъ ему пинки въ животъ, совѣтуя не бить по груди и ребрамъ, «такъ какъ это опасно, и улики легко могутъ обнаружиться». Палата приговорила исправника, урядника и разсылнаго къ тюремному заключенію.

Кромѣ измѣненія податной системы, земскія собранія давно ходатайствуютъ также объ учрежденіи кредита для сельскаго населенія. Известно, что кулачество и ростовщичество возникли именно на почвѣ отсутствія дешеваго крестьянскаго кредита. Правительство въ своихъ заботахъ объ улучшеніи экономическаго быта сельскаго населенія расширило закономъ 6 іюня 1894 г. дѣятельность государственнаго банка, поставивъ одной изъ его задачъ доставленіе дешеваго и доступнаго кредита массѣ населенія—мелкимъ торговцамъ, ремесленникамъ, кустарямъ и крестьянамъ. Но это, разумѣется, не болѣе, какъ первый шагъ правительства въ дѣлѣ установленія сельскаго кредита, а потому кто ожидалъ, что упомянутое преобразование государственнаго банка удовлетворитъ нужду крестьянства въ кредитъ, тотъ долженъ былъ разочароваться. Открытіе отдѣленія азовскаго банка на новыхъ началахъ,—читаемъ въ *Сѣверномъ Кавказѣ*,—чего почти не измѣнило въ дѣлѣ пользованія крестьянами кредитомъ, крестьянская масса нашей губерніи (Ставропольской) обречена и теперь аваться въ цѣпкихъ лапахъ ростовщиковъ всѣхъ видовъ. На всю нашу губернію существуетъ всего 4—5 сельскихъ банковъ съ оборотомъ въ нѣ-

сколько десятков тысяч рублей. Между тѣмъ, борьба съ ростовщичествомъ только и возможна путемъ учрежденія доступнаго сельскому населенію кредита. Изданный противъ ростовщичества законъ, какъ и надо было ожидать, не достигъ своей цѣли. Ростовщичество продолжаетъ процвѣтать открыто, сообщениями о чемъ полна провинціальная пресса.

Законъ о ростовщикахъ, — пишутъ изъ Малоярославецкаго уѣзда въ *Орловскій Вѣстникъ*, — изданный въ минувшее царствованіе, имѣлъ своей цѣлью преслѣдованіе не только ростовщиковъ, оперирующихъ въ городахъ, среди мелкаго служащаго и рабочаго люда, но, главнымъ образомъ, деревенскихъ кулаковъ. Но если въ городахъ еще возможно возбужденіе процесса противъ ростовщика, то въ деревнѣ это буквально невысказанное дѣло. Деревенскій кулакъ-ростовщикъ на глазахъ у всѣхъ будетъ брать самыя лихвенныя проценты, и ничего съ нимъ не сдѣлаешь, благодаря той силѣ, которую онъ имѣетъ. Мелкаго человѣка, крестьянина, онъ держитъ въ постоянномъ страхѣ угрозой разорить, взыскивая старыя долги, лишитъ кредита, т.-е. лишитъ возможности жить. Въ нашей мѣстности, на примѣръ, царитъ трактирщикъ Соболевъ, держащій въ своей кабалѣ громадный округъ. Крестьяне—постоянные работники на него, никогда не могущіе отработать своихъ долговъ. Пока крестьянинъ исполняетъ приказанія своего благодѣтеля, онъ живетъ еще, но какъ только ослушался въ чемъ-нибудь, — наступаетъ разореніе. Съ него начинаютъ требовать, въ самое неподходящее время, уплаты долговъ, прибѣгаютъ къ содѣйствію суда, исполнительнымъ листамъ и т. п. Наученные горькимъ опытомъ, крестьяне уже и не пытаются бороться съ благодѣтелемъ, а покорно несутъ свою крѣпостную зависимость, такъ какъ видятъ, что помощи для выхода изъ нея нѣтъ ни откуда.

Несмотря на существованіе закона противъ ростовщичества, — пишутъ въ *Самарскую Газету* изъ Бузулукскаго уѣзда, — наши ростовщики продолжаютъ взимать отъ 3 до 15% въ мѣсяць. Ссуды даютъ они только мѣсячныя. Давать ссуду на годъ они никакъ не могутъ, такъ какъ можетъ произойти прекуръзное qui pro quo. Предположимъ, вы заняли бы 100 р. за «божескіе» проценты, т.-е. по 10% въ мѣсяць. У этихъ ростовщиковъ принято за непремѣннѣйшее правило брать проценты впередъ. Что же бы вышло съ вашимъ займомъ? По уговору за 100 р. ссуды въ годъ вамъ пришлось бы внести ростовщику однихъ процентовъ 120 р. Доказать на судѣ ростовщичество не легко, да, притомъ, крестьянинъ и боится начать тяжбу съ ростовщикомъ. Лица, занимающіяся ростовщичествомъ, всѣмъ извѣстны, и, тѣмъ не менѣе, они процвѣтаютъ и будутъ процвѣтать, и не измѣнятся хозяйственныя условія деревни.

Рядомъ съ наличностью закона о ростовщичествѣ, — читаемъ въ *Донскомъ Краѣ*, — послѣднее, очевидно, не намѣрено отходить въ область волеизъявленій, а продолжаетъ, попрежнему, процвѣтать; въ особенности ростовщичество пустило глубокіе корни въ деревняхъ, гдѣ крестьяне, лишенные дешеваго кредита, въ трудныя минуты прибѣгаютъ къ кулакамъ. Нѣкот

изъ послѣднихъ, для избѣжанія возможной отвѣтственности по закону, перестали брать лихвенные проценты, но за то опутываютъ должника крупною неустойкой, не уступающе лихвеннымъ процентамъ. Обыкновенно въ долговой роспискѣ, «въ случаѣ неуплаты долга по первому требованію» ростовщика, крестьянинъ обязывается еще уплатить ему неустойку, превышающую иногда весь долгъ. Въ Харьковскомъ уѣздѣ масса подобныхъ росписокъ предъявляется въ волостной судъ, который взыскиваетъ и долгъ, и неустойку.

Въ ряду правительственныхъ мѣропріятій къ улучшенію экономическаго положенія сельскаго населенія важное мѣсто занимаетъ сообщенный газетами проектъ министерства земледѣлія объ измѣненіи системы отдачи въ аренду казенныхъ земель. Министерство имѣетъ въ виду устранить посредничество при арендованіи государственныхъ земель и сдавать ихъ непосредственно общинамъ и товариществамъ крестьянъ на 12 лѣтъ и за плату, соответствующую хозяйственнымъ условіямъ данной мѣстности. При исправности съемщиковъ, аренда, по истеченіи срока, возобновляется снова на 12 лѣтъ. Когда проектъ министерства станетъ закономъ, то это будетъ истиннымъ благодѣяніемъ для всей той массы крестьянства, которая получить въ аренду казенныя земли. Сверхъ того, благоустроенная аренда государственныхъ земель окажетъ, можетъ быть, современемъ влияние на наше законодательство и объ арендѣ частно-владѣльческой земли, каковое законодательство пребываетъ до сихъ поръ вполнѣ въ эмбріональномъ состояніи. Между тѣмъ, арендованіе земли играетъ большую роль въ нашей сельско-хозяйственной жизни. Въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи крестьяне арендуютъ болѣе 11 милліоновъ десятинъ, что составляетъ *пятую* часть ихъ собственной надѣльной земли. За эту землю они уплачиваютъ около 70 милл. руб. въ годъ. Число арендующихъ дворовъ въ среднемъ доходитъ почти до половины, а во многихъ мѣстахъ поднимается до 70 и даже 85% всѣхъ дворовъ. Въ то же время, данныя, касающіяся частнаго землевладѣнія, указываютъ, что въ большинствѣ частно-владѣльческихъ имѣній сдается земля крестьянамъ въ аренду. Такъ, въ черноземной полосѣ лишь въ половинѣ имѣній свыше 50 дес. ведется собственная запашка; въ остальной половинѣ *вся* земля сдается въ аренду; но и въ той половинѣ имѣній, гдѣ ведется собственная запашка, до 35% пахотной земли этихъ имѣній также сдается въ аренду и почти исключительно крестьянамъ. Этихъ данныхъ достаточно, чтобы видѣть, насколько важнымъ является въ Россіи дѣло арендованія земли. Между тѣмъ, при существующихъ порядкахъ аренды, она приноситъ мало добра крестьянству, вслѣдствіе высокаго арендныхъ цѣнъ, и чрезвычайно губительна для земледѣя, такъ какъ обычная сдача земли погодно ведетъ къ истощенію почвы. Къ иже поучительно для насъ въ этомъ дѣлѣ англійское законодательство, усювившее почти образцовый порядокъ арендныхъ отношеній въ Ирландіи, т. е. въ странѣ, гдѣ аренда играетъ въ народномъ хозяйствѣ такую же важную роль, какъ и въ нашемъ отечествѣ. Мы желаемъ возможно

большаго разпространенія недавно вышедшей книги г. Мануилова *Аренд земли въ Ирландіи*, которая обстоятельно знакомитъ читателя какъ съ прежними бѣдственными для страны арендными порядками, чрезвычайно сходными съ русскою дѣйствительностью, такъ и съ исторіей законодательства объ арендѣ и современнымъ его состояніемъ. По дѣйствующему нынѣ въ Ирландіи законодательству,—говоритъ г. Мануиловъ,—собственникъ можетъ сдавать или не сдавать свою землю въ арендное пользованіе, но разъ онъ сдалъ ее, его право распорядиться этой землей и устанавливать условия пользованія ею ограничивается. Эти условия устанавливаются не земельнымъ собственникомъ, а государствомъ... При сдачѣ земли въ аренду государству вмѣшивается въ возникающія отношенія между арендаторомъ и собственникомъ и заступаетъ мѣсто послѣдняго въ важнѣйшихъ его функціяхъ. Регламентация государствомъ аренды въ Ирландіи доказываетъ практическую осуществимость и полезность такого порядка, при которомъ земледелецъ является владѣльцемъ земли, а мѣсто собственника заступаетъ государство.

Въ предшествовавшихъ очеркахъ нашихъ мы указывали, что земскія собранія, устанавливая, на запросъ правительства о неотложныхъ нуждахъ земледѣлія, полную программу экономической политики для поднятія матеріальнаго благосостоянія сельскаго населенія, на одно изъ первыхъ мѣстъ выдвигаютъ необходимость всеобщаго обученія. При этомъ ни одно изъ земствъ не высказалось за обязательность обученія; между тѣмъ, четверть вѣка назадъ, когда въ правительственныхъ сферахъ обсуждался вопросъ о введеніи всеобщаго обученія, всѣ полагали, что осуществить всеобщее обученіе возможно лишь при признаніи обязательности его. За четверть вѣка въ народѣ настолько развилось сознаніе важности образованія, что обязательность его стала ненужной. Только откройте требуемое всеобщимъ обученіемъ число школъ—и всѣ онѣ будутъ полны учащимися. Теперь въ народной средѣ происходитъ бросающееся въ глаза движеніе какъ къ образованію молодого поколѣнія, такъ и къ самообразованію. Библіотеки и читальни открываются крестьянами на соборныя средства не только тамъ, гдѣ имѣется хотя небольшой достатокъ, открываются онѣ нерѣдко и такими селеніями, матеріальныя средства которыхъ очень скудны. На дняхъ крестьяне на сельскомъ сходѣ,—пишутъ въ *Самарскую Газету* изъ с. Новая Маина, Ставропольскаго у.,—постановили открыть при земской школѣ народную бібліотеку, на что ассигновали 15 рублей. Незначительность ассигнованной суммы объясняется тѣмъ, что жители не успѣли еще оправиться отъ пожара, бывшаго въ августѣ мѣсяцѣ прошлаго года, который истребилъ не только дома и имущество большей половины крестьянъ, но даже и хлѣбъ, только что свезенный съ поля. Нужно надѣяться, что земство поможетъ крестьянамъ въ ихъ стремленіи удовлетворять свои духовныя потребности, такъ какъ въ земствѣ имѣется небольшая сумма на народныя бібліотеки, отпущенная губернскимъ собраніемъ. По сообще-

же газеты, крестьяне Николаевского уезда учреждают библиотеки при всех сельских училищах. В этом деле приняли участие 47 сельских обществ и сбор достиг уже суммы 6,656 рублей. Из них 2,831 руб. ассигнованы сельскими обществами и 3,825 руб. поступили от частных лиц. Но это далеко еще не вся сумма, какую нужно ожидать для осуществления задуманного предприятия, так как в значительном числе из упомянутых 47 обществ подписка еще не закончена, и почти каждая почта приносит известие или о новых сельских обществах, которые примкнули к движению в вопросе об устройстве библиотек. Среди материалов по этому делу, — говорит газета, — мы встречаем весьма трогательные заявления обществ, что по бедности своей, усиленной экстреннымъ взысканіемъ съ нимъ казенныхъ податей, они в данное время не могут ничего дать, но по уборке хлебовъ непременно внесутъ посильную лепту на доброе дело.

Изъ большихъ селъ начинаютъ появляться известія, что крестьяне уже не довольствуются начальной сельскою школою, а стремятся устраивать учебныя заведенія съ болѣе обширною программой. Въ послѣдней почти такое известіе получено Самарскимъ Вѣстникомъ изъ села Балаково. Крестьяне этого села начали хлопотать объ открытіи у нихъ 4-хъ класснаго училища и готовятъ для него мѣсто. Самымъ удобнымъ для этой цѣли оказалось мѣсто сзади волостного правленія, принадлежащее крестьянамъ, но его оказалось недостаточно для училища; для училища обязательно нужна десятина, а ее негдѣ взять, такъ какъ сосѣднія мѣста принадлежать удѣлу. Пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что упомянутыя удѣльные мѣста ничѣмъ не заняты, крестьянское общество обратилось съ ходатайствомъ къ министру Императорскаго двора и удѣловъ о безвозмездной уступкѣ ихъ подѣ училище. Гр. Воронцовъ-Дашковъ уважилъ просьбу крестьянъ и разрѣшилъ уступить имъ землю, но только не въ полномъ количествѣ, какое они просили, а въ половинномъ. Въ настоящее время крестьяне составили на имя его сіятельства благодарственный приговоръ, но въ немъ, между прочимъ, вновь просятъ объ уступкѣ просимой земли полностью, указывая на то, что разъ не будетъ необходимаго количества земли, то не разрѣшать открыть и училище; необходимое же количество будетъ только тогда, если удѣлъ уступить просимыя мѣста полностью, такъ какъ у крестьянъ въ этомъ мѣстѣ своей земли не имѣется, а мѣсто это очень удобное и другого такого найти нельзя. Если удѣльное вѣдомство уважитъ эту просьбу, то этимъ оно облегчитъ крестьянскому обществу дальнѣйшее ходатайство предъ министерствомъ народнаго просвѣщенія о разрѣшеніи открыть 4-хъ классное училище.

Московскій комитетъ грамотности, предпринявъ въ прошломъ году исследование вопроса о всеобщемъ обученіи, разослалъ программу различнымъ учреждениямъ и лицамъ, вѣдающимъ дѣло народнаго образованія. Однимъ изъ вопросовъ программы былъ слѣдующій: «Вездѣ ли въ известномъ вамъ районѣ крестьяне (или жители города) желаютъ учить своихъ дѣтей, и отъ

какихъ причинъ завести больше или меньше стремленіе ихъ къ школь?» На обращеніе комитета грамотности, — читаемъ въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, — откликнулись многочисленные голоса. Отвѣты присылались и продолжаютъ присылаться лицами самаго разнообразнаго общественнаго положенія, но имѣющими болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе со школьнымъ дѣломъ на мѣстахъ: директорами и инспекторами народныхъ училищъ, членами губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, председателями и членами уѣздныхъ земскихъ управъ и ихъ секретарями, предводителями дворянства, городскими и сельскими учителями и учительницами, мировыми судьями, земскими начальниками, священниками, помѣщиками и крестьянами, городскими головами, управами и городскими старостами и другими лицами. И вотъ на вопросъ: вездѣ ли въ извѣстномъ районѣ населеніе желаетъ учить своихъ дѣтей, 89,3% отвѣчающихъ даютъ отвѣтъ: «Да, вездѣ», и только 10,7% отвѣчаютъ: «Не вездѣ». Такимъ образомъ, потребность въ школьномъ обученіи является сознанной почти повсемѣстно. Тамъ же, гдѣ наблюдаются обратныя явленія, они находятъ себѣ объясненіе въ такихъ причинахъ, какъ вѣроисповѣдное различіе, экономическая захудалость, плохая постановка школы и т. п. Такъ, отмѣчается враждебное къ русской школѣ отношеніе со стороны значительной части населенія татаръ-магометанъ, вслѣдствіе религіозныхъ причинъ, въ Симбирской и Казанской губерніяхъ. Указывается на равнодушіе къ школѣ въ глухихъ и бѣдныхъ мѣстностяхъ. Но подобныя указанія для чисто-русской среды отмѣчаются только относительно крайне незначительнаго количества мѣстностей. Всѣ эти факты о стремленіи населенія къ школьному обученію относятся не къ одной какой-либо счастливой мѣстности, но имѣютъ мѣсто на всемъ пространствѣ нашей обширной родины. Факты эти сообщены изъ 44 губерній, 179 уѣздовъ и 86 городовъ. Такимъ образомъ, можно съ увѣренностью сказать, что характеризуемое ими явленіе есть явленіе повсемѣстное.

Ростущему въ народѣ движенію къ образованію идетъ на встрѣчу интеллигенція. Однимъ изъ самыхъ отраднѣйшихъ фактовъ современной русской дѣйствительности является подъемъ общественной и частной инициативы въ области распространенія народнаго просвѣщенія. Работа интеллигенціи въ этомъ дѣлѣ непрестанно усиливается какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири. Полагаютъ даже, что въ Сибири она идетъ еще дѣятельнѣе. Дѣйствительно, почти всѣ города Сибири имѣютъ частныя общества народнаго просвѣщенія, народныя бібліотеки; во многихъ изъ нихъ устроены народныя чтенія, народно-образовательные музеи, организованы склады книгъ, пригодныхъ для народа. Общества, задавшія цѣлью оказывать содѣйствіе просвѣщенію мѣстнаго населенія, существуютъ не только въ губернскихъ городахъ, вродѣ Томска, Иркутска, Красноярска, Тобольска, Омска, но и во множествѣ уѣздныхъ и окружныхъ городовъ, часто совершенно ничтожныхъ по своимъ размѣрамъ, какъ нусинскъ, Енисейскъ, Барнаулъ, Бійскъ, Тара, Каинскъ, Сургутъ, Бере-

Особенно выдается энергіей и размѣрами своей дѣятельности томское общество народнаго образованія. По числу учащихся дѣтей школьнаго возраста Томскъ оставилъ позади себя Петербургъ и Москву. Самый Томскій университетъ въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ возникновеніемъ частной инициативѣ и щедрымъ пожертвованіямъ сибиряковъ. По поводу вышедшаго недавно отчета о десятилѣтней дѣятельности общества попеченія о народномъ образованіи въ г. Барнауль, *Приазовскій Край* совершенно вѣрно говорить, что когда мы представимъ себѣ всѣ условія работы въ городѣ, заброшенномъ въ отдаленномъ углу нашей родины, вдали отъ центровъ просвѣщенія, — работы, сопровождаемой массою самыхъ разнообразныхъ стѣсненій, тогда невольно преклоняешься предъ энергіей барнаульскихъ тружениковъ, предъ ихъ преданностью великому и святому дѣлу народнаго просвѣщенія, предъ тѣмъ «живымъ духомъ», который сказался въ ихъ работѣ. За десять лѣтъ своего существованія барнаульское общество попеченія о начальномъ образованіи успѣло устроить двѣ школы, въ которыхъ въ настоящее время обучается 237 дѣтей и для одной изъ которыхъ устроенъ собственный прекрасный домъ, а для другой строится такой же домъ; при этомъ значительная часть учащихся въ школахъ общества, въ виду ихъ бѣдности, получаетъ бесплатно книги, одежду и даже обѣды. Затѣмъ общество устроило двѣ бесплатныхъ народныхъ библіотеки и бесплатный кабинетъ для чтенія, причемъ для помѣщенія одной изъ библіотекъ оно намѣрено устроить особое изданіе, для чего уже собрало нужныя средства. Въ помѣщеніи этомъ, сверхъ библіотеки, будутъ устроены аудиторія народныхъ чтеній и народный музей, зачатки котораго, въ видѣ разныхъ коллекцій, уже имѣются въ распоряженіи общества. Наконецъ, благодаря тому же обществу, въ городѣ возникла городская общественная библіотека, располагающая свыше 5 тыс. томовъ, что для такого городка, какъ Барнаулъ, надо признать весьма внушительнымъ явленіемъ. Сверхъ всего этого, общество оказываетъ весьма существенную и разнообразную поддержку существующимъ въ Барнауль образовательнымъ учрежденіямъ, содержаниемъ на средства казны и города.

Такое же отрадное впечатлѣніе производитъ недавно вышедшій отчетъ о народныхъ чтеніяхъ, устроенныхъ въ Киевѣ. Народныя чтенія здѣсь возникли по инициативѣ небольшого кружка педагоговъ, во главѣ котораго стоялъ сперва проф. П. П. Алексѣевъ, а затѣмъ съ осени 1882 г. проф. Н. А. Хржанцевскій, остающійся и понынѣ во главѣ дѣла. Чтенія начались въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Средствъ не было, помѣщеніемъ сперва служила зала городской думы, но скоро послѣдняя отказала въ помѣщеніи, и чтенія должны были кочевать съ мѣста на мѣсто. Были и административныя затрудненія, но инициаторы дѣла не унывали, не складывали рукъ и продолжали идти къ своей цѣли. И результаты вполне вознаградили ихъ. Въ настоящее время въ комиссіи народныхъ чтеній принимаетъ участіе вся кievская интеллигенція: здѣсь и духовенство, и профессора университета, и преподаватели среднеучебныхъ заведеній, врачи,

мировые судья и т. д. Городская дума, оставшаяся значительное время равнодушно въ дѣлу народныхъ чтеній, теперь предоставила и приспособила для чтеній залу городского дома и, кромѣ того, даетъ ежегодное пособие. Поддержали чтенія пособиями также такія учрежденія, какъ общество естествоиспытателей, общество покровительства животнымъ и общество взаимнаго кредита. Были и частныя пожертвованія. Благодаря этому, дѣло народныхъ чтеній въ Кіевѣ получило значительное развитіе.

Прощѣтаютъ также народныя чтенія въ Тамбовѣ, обязанныя своимъ возникновеніемъ Эммануилу Дмитріевичу Нарышкину. На народное образованіе въ Тамбовской губерніи г. Нарышкинымъ пожертвовано 800,000 р., изъ коихъ на народныя чтенія удѣлено имъ 300,000 рублей. Одно изъ лучшихъ украшеній Тамбова представляетъ грандіозное зданіе для народныхъ чтеній, которое называютъ въ городѣ «народнымъ дворцомъ». Несмотря на обширность зданія, на чтенія является вдвое большее количество слушателей, чѣмъ какое можетъ вмѣстить аудиторія, такъ что постоянно приходится отказывать въ билетахъ. Въ прошломъ году, какъ видно изъ отчета, было исполнено 71 чтеніе, въ томъ числѣ 27 повторныхъ, и на всѣхъ этихъ чтеніяхъ было 45,558 слушателей, въ томъ числѣ мужчинъ 26,986 и женщинъ 18,872, причемъ платныхъ слушателей было 3,844, а бесплатныхъ 41,714. Среднимъ числомъ на каждое чтеніе приходится 641 человекъ.

Тамбовское «общество народныхъ чтеній» находится въ исключительно благоприятныхъ условіяхъ, благодаря тому, что въ его рукахъ имѣется крупный капиталъ, пожертвованный Нарышкинымъ. Но и другія провинціальныя общества, не имѣющія въ своемъ распоряженіи такихъ крупныхъ суммъ, тоже съ каждымъ годомъ все расширяютъ кругъ своей дѣятельности. Такъ, наприм., по сообщенію *Воляря*, года два тому назадъ «нижегородское общество распространенія начальнаго образованія» устраивало чтенія только въ двухъ пунктахъ: въ самомъ городѣ и селѣ Канавинѣ. Въ текущемъ же году, помимо 4 аудиторій въ Нижнемъ-Новгородѣ, чтенія устраивались еще въ 17 пунктахъ губерніи. По словамъ газеты, въ нѣкоторыхъ городахъ и селахъ чтенія идутъ каждый воскресный день. Завѣдуютъ чтеніями въ селахъ большею частью учителя народныхъ школъ, отчасти священники, земскія и другія лица. Часто учитель одинъ, — безъ помощи другихъ, — и читаетъ, и показываетъ картины, и слѣдитъ за порядкомъ и онъ же долженъ принять на себя всѣ хлопоты по пересылкѣ картинъ и устройству приспособленій для чтеній. Вознаграждаетъ тружениковъ тотъ глубокий интересъ, съ какимъ относятся крестьяне къ чтеніямъ.

Свердловскій Кавказъ сообщаетъ, что въ станицѣ Архангельской (Кубанской обл.) образовалось «братство» съ цѣлью распространенія просвѣщенія въ народъ и оказанія помощи бѣднымъ ученикамъ. Въ составъ братства вошли двѣ учительницы, учитель министерской школы, многіе изъ мѣстныхъ купцовъ и зажиточныхъ станичниковъ. Уже за первый годъ существованія братство успѣло выстроить залу для народной читальни и писало въ нее на 150 р. книгъ, роздало бесплатно для домашняго чтенія

народу до 1,000 различных брошюр, оказало помощь платьемъ и обувью шестнадцати бѣднѣйшимъ ученикамъ и готовится къ открытію народныхъ чтеній.

По поводу недавняго открытія въ Самарѣ воскресной школы, мѣстная газета (*Самарскій Вѣстникъ*) говоритъ о большомъ сочувствіи, какое встрѣтило это дѣло. Болѣе 50 лицъ заявили желаніе быть въ ней преподавателями. Извѣстная своею педагогическою дѣятельностью и умѣньемъ организовать воскресныя школы Христина Даниловна Алчевская снабдила бібліотеку открытой школы нѣсколькими изданіями, относящимися до дѣла преподаванія въ школахъ, и большимъ количествомъ руководящихъ статей.

Рядомъ съ народными чтеніями, народными бібліотеками, воскресными школами начинается въ послѣднее время возникать и народный театръ, какъ одно изъ разумныхъ средствъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей рабочаго человѣка. Народный театръ, какъ мы сказали, только начинается возникать, а потому число такихъ театровъ пока очень небольшое. О нѣкоторыхъ изъ нихъ интересныя свѣдѣнія сообщаетъ *Волжскій Вѣстникъ*. Прежде всего, газета рассказываетъ о первомъ деревенскомъ театрѣ, а именно о театрѣ въ селѣ Петино, верстахъ въ 10 отъ Воронежа, устроенномъ извѣстнымъ педагогомъ Н. Бунаковымъ. Возникъ этотъ театръ при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Въ старшемъ отдѣленіи школы ученики читали сцену изъ драматической пьесы Островскаго *Козьма-Мининъ Сухо-рукъ*, причѣмъ учитель познакомилъ учениковъ съ театромъ и видимо заинтересовалъ ихъ.

— Вотъ бы посмотрѣть! — сказали Федоръ Давыдовъ, одинъ изъ лучшихъ учениковъ, способный, любознательный, прилежный.

— А что, какъ бы намъ самимъ представить этого Бузьму Захарьевича? — отозвался его пріятель, Федоръ Тарсанинъ.

— Какъ же мы будемъ представлять? У насъ нѣтъ ни театра, ни декорацій.

— А такъ, ты говори за Минина, я буду Аксеновъ, Торя—Марья Борисовна, еще кто-нибудь будетъ говорить за Колзакова. — Предложеніе было одобрено учителемъ; разобрали роли, и получилось что-то вродѣ театральнаго представленія. Затѣмъ, на Рождествѣ, три ученика изображали *Дюжъ мужиковъ* Крылова, и представленіе очень понравилось мужикамъ и бабамъ, приглашеннымъ на этотъ разъ, и вызвало у нихъ много разсужденій и разговоровъ. Результатомъ разсужденій и толковъ явился постоянный театр. Сценою послужила классная комната; исполнителями явились ученики, ученицы и взрослое населеніе деревни. Дѣло идетъ очень хорошо. Играющіе въ первое время конфузились, но современемъ привыкли и оказались весьма недурными исполнителями, а два-три человѣка даже обнаружили сценическій талантъ.

Огромный (на 1½ тысячи человѣкъ) театръ для рабочихъ выстроенъ на «Большой Ярославской мануфактурѣ» Карзинкиныхъ. Каждый спектакль ювторяется 6 разъ, причѣмъ каждый разъ допускается бесплатно новая

сѣна рабочихъ. Временами въ театрѣ играетъ труппа любителей; но постоянными исполнителями, особенно въ народныхъ пьесахъ, являются рабочіе.

Нѣсколько лѣтъ уже существуетъ театръ на Ивановской фабрикѣ, въ Звенигородскомъ уѣздѣ, Московской губерніи. Въ истекшую зиму были даны: *Не въ свои сани не садись*, *Соперники* и историческая быль *Костромскіе лѣса* Полевого. Всѣ три пьесы, изъ которыхъ первая и третья сопровождалась небольшими объяснительными статьями, прочитанными передъ началомъ спектаклей, имѣли большой успѣхъ. Островскій пользовался наибольшимъ успѣхомъ. Исполнителями явились фабричные служащіе, рабочіе и ихъ семьи; большинство изъ нихъ играютъ уже давно и чувствуютъ себя на сценѣ свободно. Нѣкоторые проявляютъ положительный талантъ, и сцена дѣйствуетъ на нихъ развивающимъ образомъ. Всѣ репетиціи посѣщаются аккуратно даже статистами, приходящими иногда за нѣсколько верстъ изъ сосѣднихъ деревень. Публика состоитъ частью изъ фабричныхъ, частью изъ окрестныхъ деревенскихъ жителей. Число ихъ за три спектакля достигло 1,500 человѣкъ. Посѣтители ведутъ себя скромно и, несмотря на праздничные дни, пьяныхъ не бываетъ. Всѣ съ интересомъ слѣдятъ за ходомъ пьесы и награждаютъ исполнителей шумными одобреніями.

Указавъ еще на нѣсколько народныхъ театровъ, авторъ сообщенія вездѣ встрѣчаетъ большую симпатію и серьезное отношеніе народа къ театру; вездѣ встрѣчаетъ также хорошихъ исполнителей изъ народа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, уже существующій опытъ народнаго театра показываетъ, что всего болѣе нравятся народу и сильнѣе привлекаютъ его вниманіе тѣ пьесы, которыя даютъ изображеніе не заурядной будничной жизни, а чего-либо выдающагося—трагическаго или комическаго. Народъ выходитъ изъ театра съ приподнятымъ, здорово-возбужденнымъ настроеніемъ. Представленія порождаютъ массу разсужденій, вопросовъ; и, такимъ образомъ, театръ является однимъ изъ важныхъ орудій народнаго просвѣщенія.

Каждый мѣсяцъ печать приноситъ отрадныя извѣстія о ростѣ общественной самодѣятельности какъ въ области народнаго просвѣщенія, такъ и въ другихъ сферахъ. Въ ряду этихъ извѣстій на первомъ планѣ надо поставить сообщеніе объ учрежденіи подъ Петербургомъ «пріюта-колоніи», о чемъ уже было упомянуто во *Внутреннемъ обозрѣніи* прошлой книжки нашего журнала. Въ концѣ прошлаго года лица, пожелавшія остаться неизвѣстными, обратились въ петербургскую городскую думу, черезъ М. М. Стасюлевича, съ предложеніемъ принять отъ нихъ въ даръ петербургскому земству 150,000 руб. съ благотворительною цѣлью. Въ запискѣ, сопровождающей означенную сумму, выяснились цѣли пожертвованія. Есть лица, — говоривъ въ запискѣ, —напримѣръ, слѣпые и вмѣстѣ паралитики, которые нынѣ призрѣваются никакимъ обществомъ. Содержаніе вообще призрѣваемыхъ въ городѣ обходится сравнительно дорого, а съ другой стороны, и употребленія въ городахъ менѣе благоприятны, чѣмъ призрѣваніе въ

довъ, среди сельской обстановки, на чистомъ воздухѣ, напримѣръ, для дѣтей, вообще хронически больныхъ и т. п. Наконецъ, есть лица, тщетно ищущія работы, не имѣющія близкихъ среди жителей города, которые могли бы имъ помочь, удержать ихъ отъ паденія, а, между тѣмъ, безъ доставленія работы и своевременной поддержки эти лица грозятъ пополнить собою ряды нравственно павшихъ, которымъ одинъ только шагъ до преступленія. Пусть одни лица, нуждающіяся въ помощи, по отсутствію работы, помогаютъ тѣмъ, кто нуждается въ уходѣ по болѣзни и тому подобномъ. Такимъ образомъ, будетъ доставленъ и честный заработокъ однимъ, и призрѣніе другимъ, къ работѣ неспособнымъ. Исходя изъ предположенія, что наибольшую прочностью будетъ обладать учрежденіе, для указанныхъ цѣлей вызываемое къ жизни, въ томъ случаѣ, когда веденіе всего дѣла будетъ зависѣть отъ органовъ, и безъ того уже дѣйствующихъ по закону на поприщѣ общественнаго призрѣнія, жертвователи упомянутаго капитала предоставляютъ всецѣло попеченіе о проектируемомъ учрежденіи совмѣстно городскому общественному управленію Петербурга и петербургскому земству. Выбранная земствомъ и городской думой коммиссія для выработки главныхъ положеній намѣченнаго жертвователями учрежденія обращалась за содѣйствіемъ ко многимъ свѣдущимъ людямъ. Работы коммиссіи закончены; планъ новаго учрежденія внимательно обдуманъ и представляетъ большой интересъ. По этому плану пріютъ-колонія имѣетъ цѣлью оказывать помощь какъ тѣмъ, которые сами пожелали бы поступить въ колонію, вслѣдствіе невозможности найти работу для пропитанія и крова, такъ и тѣмъ, кто, по своему убожеству, вовсе лишень средствъ къ тому, чтобы жить трудомъ. Сообразно съ такою цѣлью, на землѣ колонія устраниваются сельско-хозяйственныя и ремесленныя работы, а также дома призрѣнія и другія подобныя учрежденія для взрослыхъ и для малолѣтнихъ. Пріютъ-колонія устранивается внѣ города С.-Петербурга и его пригородовъ, но не иначе, какъ въ предѣлахъ С.-Петербургской губерніи, и, притомъ, по возможности въ недалекомъ разстояніи отъ столицы. Основнымъ средствомъ къ учрежденію и содержанию пріюта-колонія служитъ пожертвованный капиталъ въ 150,000 рублей. Изъ этого капитала часть его, не свыше 50,000 руб., предназначается для приобретенія подъ пріютъ-колонію земли не менѣе 1,000 десятинъ, а также для устройства и полнаго ея обзаведенія. Ежегодное содержаніе пріюта-колоніи покрывается: а) доходомъ отъ ея капиталовъ и имущества и б) доходомъ, выручаемымъ отъ сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ работъ въ пріютѣ-колоніи. Основнымъ занятіемъ должно служить земледѣліе и сельское хозяйство вообще, во всѣхъ возможныхъ его формахъ, примѣнительно къ мѣстнымъ условіямъ и къ тѣмъ средствамъ, которыми это учрежденіе будетъ располагать, какъ - то: хлѣбопашество, траворазведеніе, скотоводство, огородничество, плодоводство, пчеловодство, молочное хозяйство, птицеводство, рыбодство, дѣсоразведеніе и т. п. Затѣмъ, въ зимнее время, когда всѣ работы приостанавливаются, призрѣваемые занимаются различными работами и изготовленіемъ разныхъ предметовъ какъ для удовлетворенія

собственныхъ потребностей, такъ и на продажу, для чего устраиваются, подъ руководствомъ опытныхъ инструкторовъ, соответствующія мастерскія: плотничныя, столярныя, плетенія корзинъ, слесарныя, кузнечныя, портняжныя, сапожныя, сукновальни, гончарныя, для изготовленія деревянной посуды и другихъ хозяйственныхъ принадлежностей, для дубленія кожъ и проч. Для женщинъ устраиваются особыя мастерскія, швейныя, ткацкія, вязальныя, прядильныя, кружевныя, прачешныя и т. п. Впослѣдствіи, когда учрежденіе разовьется, можно допустить пріемъ престарѣлыхъ, больныхъ и слабосильныхъ, не могущихъ работать наравнѣ съ прочими призрѣваемыми и занимающихся болѣе мелкими работами, какъ, на примѣръ, уходомъ за больными и малолѣтними, остающимися въ ясляхъ, домашнимъ хозяйствомъ, полотьемъ грядъ, собираніемъ цѣлебныхъ травъ, ягодъ, грибовъ и т. п.; совсѣмъ же старыя и безсильныя освобождаются совершенно отъ работъ и призрѣваются на средства учрежденія. Для дѣтей устраивается школа, и, по окончаніи элементарнаго образованія въ ней, они обучаются сельскому хозяйству или тому или другому ремеслу, смотря по способностямъ каждаго. Въ этой же школѣ могутъ въ свободное отъ занятій время обучаться грамотѣ и желающіе изъ взрослыхъ членовъ общегитія. При школѣ устраивается читальня, въ которой, или въ помѣщеніи школьнаго класса, могутъ происходить общія чтенія и, по праздникамъ, различныя общественныя развлеченія, какъ, на примѣръ, гѣнне, музыка, танцы, спектакли, гимнастическія упражненія и другія игры. Для дальнѣйшаго развитія средствъ своей благотворительной дѣятельности пріютъ-колонія можетъ, кромѣ возможныхъ ассигновокъ отъ города и земства, получать пожертвованія отъ частныхъ обществъ и лицъ, а также принимать мѣры къ увеличенію своихъ матеріальныхъ средствъ. Высшее наблюденіе за веденіемъ дѣла въ пріютѣ-колоніи принадлежитъ петербургскому губернскому земскому собранію и петербургской городской думѣ. Для завѣдыванія пріютомъ-колонією учреждается особое попечительство. Попечительство пріюта-колоніи образуется изъ лицъ, избранныхъ въ равномъ числѣ земствомъ и городомъ, по пяти съ каждой стороны. Попечительство само избираетъ изъ своей среды предсѣдателя, его замѣстителя, секретаря и казначея. Учрежденія, общества и лица, въ случаѣ пожертвованія ими не менѣе 10,000 рублей единовременно или 500 руб. ежегодно, допускаются къ участию въ заведеніяхъ попечительства съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Ту же цѣль помощи бѣднотѣ и безработному люду преслѣдуетъ открывшійся въ Самарѣ «домъ трудолюбія». Г. Шихобаловъ пожертвовалъ для этой цѣли домъ, а сочувствующій дѣлу кружокъ интеллигенціи собралъ до 18 тысячъ рублей. Домъ оказался вполне пригоднымъ для устройства обширныхъ мастерскихъ, а собранная сумма была достаточна для осуществленія задуманнаго добраго дѣла. По примѣру другихъ домовъ трудолюбія, самарскій домъ учреждаетъ три группы работъ: работы въ его мастерскихъ, работы внѣ дома трудолюбія, по частнымъ заказамъ, и общественныя работы арами. При домѣ трудолюбія предполагается устроить дешевую столовую

ночлежный домъ на 200 человекъ. Кроме того, существованіе такихъ домашнихъ условій, при которыхъ работающіе родители бываютъ вынуждены на время дневной работы оставлять своихъ дѣтей безъ всякаго присмотра, вызываетъ необходимость открытія при домѣ трудолюбія «яслей». Если, это—свѣтлая и теплая комната, въ которой работающія въ домѣ трудолюбія женщины могутъ на время оставлять своихъ дѣтей подѣ присмотромъ приглашенной обществомъ няньки. Дѣтей будутъ кормить и беречь до окончанія рабочаго дня, послѣ котораго дѣти возвращаются матерямъ.

Большого сочувствія заслуживаетъ также дѣятельность общества по устройству дешевыхъ столовыхъ и чайныхъ въ г. Ригѣ. Разумная распорядительность общества дала ему возможность доставлять рабочему населенію здоровую пищу и окупать, въ то же время, всѣ расходы. Чай является для общества наиболѣе выгоднымъ предметомъ продажи. Несмотря на крайне дешевую цѣну, по которой онъ отпускается (кружка чая вмѣстимостью больше $\frac{1}{2}$ штофа стоить 1 коп.), и на сравнительно хорошее качество чая (по 1 руб. 40 коп. за фунтъ), въ обѣихъ столовыхъ-чайныхъ чай и сахаръ стоили 2,712 руб. 17 коп., а принесли 6,403 руб. 27 коп. Несмотря на новизну дѣла,—говоритъ корреспондентъ *Русскихъ Вѣдомостей*,—столовые и чайныя приобрѣли уже сочувствіе неимущаго населенія города, что подтверждается неоднократно слышанными отзывами. Лучшимъ же доказательствомъ служить охотное посѣщеніе столовыхъ. Въ послѣднихъ бываютъ мужчины, женщины и дѣти. Посѣтителями являются лица, принадлежащія къ различнымъ категоріямъ рабочаго населенія города. За исключеніемъ отдѣльныхъ случаевъ, посѣтители ведутъ себя вполне прилично. Пьяные не допускаются; также и принесеніе съ собой въ столовую спиртныхъ напитковъ строжайше запрещено. Куреніе разрѣшено, такъ какъ основатели общества исходили изъ мысли сдѣлать пребываніе въ столовой возможно пріятнымъ. Въ тому же, размѣръ помѣщенія и вентиляція таковы, что дымъ совершенно не чувствуется. Посѣтители могутъ пользоваться всѣми мѣстными газетами, издаваемыми на русскомъ, нѣмецкомъ и латышскомъ языкахъ. Пребываніе въ столовыхъ не запрещается и тѣмъ, которые ничего не спрашиваютъ изъ кушаній. На хорошее вліяніе, оказываемое столовыми, особенно въ смыслѣ уменьшенія пьянства, не разъ указывалось въ газетахъ, преимущественно въ латышскихъ, гдѣ приводились отзывы женъ рабочихъ о томъ, что теперь на пользу семьи остается лишній рубль, уходившій прежде на кабакъ. То же неоднократно высказывалось и самими рабочими. Что касается финансовой стороны дѣла, то результатъ долженъ считаться вполне благопріятнымъ. Первые двѣ столовые, одна съ 29 марта, а другая съ 1 іюня 1894 г.—по 1 января 1895 г., дали чистаго дохода 2,160 руб. 89 коп. Изъ дальнѣйшей дѣятельности общества можетъ быть указано на слѣдующее. Комитетъ выпустилъ въ продажу особыя марки (стоимостью въ 1, 3, 6 коп., соотвѣтственно стоимости кушаній) для раздачи нищимъ взаменъ денежной милостыни. Эти марки можно покупать во всѣхъ аптекахъ, нѣкоторыхъ ресторанахъ и большихъ

магазинахъ. По 1 января 1895 г. нищенскихъ марокъ предъявлено въ столовыхъ, для получения по нимъ пищи, на сумму 515 руб. 70 коп. Комитетъ надѣется, что публика оцѣнитъ пользу этихъ марокъ и будетъ все болѣе и болѣе ими пользоваться.

Постепенно развиваются также лѣтнія колоніи для учащихся дѣтей, наиболѣе нуждающихся въ поправленіи здоровья и укрѣпленіи физическихъ силъ. Для однихъ учащихся въ московскихъ городскихъ училищахъ выдѣлено въ прошломъ году уже десять колоній. Огромное большинство колонистовъ, какъ видно изъ отчета, принадлежало къ рабочему сословию. Для характеристики матеріальнаго положенія семей колонистовъ достаточно указать, что около половины всего числа (42%) семей жили въ 1 комнатѣ, 16%—въ двухъ, а 10 семей занимали «уголь» или кухню. Такимъ образомъ, дѣти-колонисты принадлежали преимущественно къ семьямъ недостаточныхъ классовъ. Благоприятное вліяніе пребыванія дѣтей въ колоніяхъ на ихъ здоровье выразилось, какъ и въ прежніе годы, въ видѣ такихъ признаковъ, которые указываютъ, что полученные благоприятные результаты явились именно послѣдствіемъ пребыванія дѣтей въ лѣтнихъ колоніяхъ. И дѣйствительно, изъ 119 отзывовъ въ санитарныхъ листахъ въ 107—болѣзни, которыми страдали колонисты, при возвращеніи послѣднихъ въ городъ, или совершенно исчезли, или уменьшились, и только въ 12 случаяхъ остались безъ перемѣнъ. На благотворное вліяніе колоній указываютъ также наблюдавшіяся измѣненія въ ростѣ, объемѣ груди и вѣсѣ дѣтей за время пребыванія ихъ въ колоніяхъ.

По размѣрамъ организаціи дѣла лѣтнихъ колоній для слабыхъ дѣтей недостаточнаго класса съ Москвою конкурируетъ Варшава. Въ прошломъ году варшавское общество лѣтнихъ колоній дало въ нихъ пріютъ почти 1,000 дѣтямъ. Это были дѣти ремесленниковъ (32%), фабричныхъ рабочихъ (18%), дѣти вдовъ (11%), дѣти швей (7%), дѣти городской прислуги (6%), дѣти извозчиковъ (3%), дѣти сторожей (2%), дѣти бѣдныхъ чиновниковъ (2%), сироты (3%) и т. д. Въ настоящее время всѣхъ дѣтскихъ колоній подѣ Варшавой тринадцать. Колоніи эти,—какъ сообщаетъ *Южный Край*,—находятся въ цвѣтущемъ сосѣствіи. Въ нихъ установленъ одинаковый режимъ, задачу котораго составляетъ преимущественно укрѣпленіе дѣтскихъ организмовъ. Маленькіе обитатели колоній обыкновенно встаютъ въ 6 ч. утра; каждый изъ нихъ убираетъ свою постель, чиститъ свое платье и обувь, моется и отправляется на общую молитву, за которою слѣдуетъ завтракъ. Послѣ завтрака начинаются игры на свѣжемъ воздухѣ. Въ 9 ч.—купанье, второй завтракъ и общая прогулка въ лѣсъ за ягодами или въ поле; въ 1 часъ дня—обѣдъ и отдыхъ, посвященный руководству или писанію писемъ, которое обязательно разъ въ недѣлю; въ 4 часа, послѣ легкой закуски, новая прогулка съ пѣніемъ, по возможности, каждый разъ въ новыя мѣстности; иногда эти прогулки имѣютъ значеніе образовательныхъ экскурсій, сопровождаемыхъ объясненіями руководителей. Въ 7 ч. вечера ужинъ, а въ 9 ч. дѣти идутъ спать. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ игра

съ большимъ успѣхомъ замѣняются полевыми, огородными и садовыми работами. Всѣми колоніями завѣдуетъ находящійся въ Варшавѣ комитетъ, и въ числѣ членовъ общества состоятъ люди самыхъ различныхъ положеній: священники, помѣщики, учителя и т. д. Въ нѣкоторыхъ колоніяхъ частными владѣльцами изъ помѣщиковъ устроены образцовые дома, удовлетворяющіе самымъ взыскательнымъ требованіямъ гигиены.

Ростъ просвѣщенія въ народѣ, усиленіе въ обществѣ чувства гуманности, заявляющее себя постояннымъ умноженіемъ союзовъ на благо ближняго,—эти явленія находятся въ тѣспѣйшемъ родствѣ съ проявившимся въ послѣднее время движеніемъ въ пользу отміны тѣлеснаго наказанія. Объ отмінѣ этого позорнаго наказанія ходатайствуетъ значительное число земскихъ собраній; о томъ же ходатайствуютъ ученые общества; о крайней необходимости его отміны въ интересахъ страны говоритъ вся печать. Печать приводитъ много случаевъ, указывающихъ, что нерѣдко, по интригамъ мѣстной сельской власти, тѣлесному наказанію подвергаются лучшіе люди деревни; что наказаніе это,—на которое традиціонный законъ смотритъ какъ на легкое и налагаетъ его за маловажные проступки,—искалчиваетъ часто всю жизнь человѣка, а иногда имѣетъ своимъ послѣдствіемъ и самоубійство. Сообщеній этого рода въ печати достаточно. Мы ограничимся извлеченіемъ изъ весьма характернаго разсказа, напечатаннаго въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ*.

Въ д. Бишлѣевой, Петроковской волости, Владимірскаго уѣзда, жилъ крестьянинъ Петръ Ивановъ Трещаловъ, человѣкъ уже пожилой, лѣтъ около 50-ти, степенный, трудолюбивый. Лѣтомъ онъ занимался земледѣльствомъ, а зимой столярничалъ и кормилъ 70-ти лѣтняго старика-отца, жену, двухъ сыновей и дочь. Жилъ онъ съ деревней въ ладу и когда у кого изъ крестьянъ случались какія-нибудь бумажныя дѣла, онъ, какъ человѣкъ грамотный, разумный и до нѣкоторой степени развитой, помогалъ имъ совѣтами. Но дѣла эти затрогивали иногда мѣстнаго старшину, разоблачали его служебную дѣятельность и, понятно, поставили его во враждебныя отношенія къ Трещалову. Старшина старался дѣлать ему при каждомъ случаѣ непріятности. Однажды Трещаловъ заявилъ начальству о злоупотребленіяхъ мѣстнаго кабатчика по торговлѣ, о томъ, что онъ отпускаетъ мужикамъ водку на сходы и проч. Кабатчикъ былъ оштрафованъ; но старшина былъ въ дружбѣ съ нимъ, и Трещаловъ выдержалъ большую ссору со старшиной за кабатчика. Все это до того обострило отношенія старшины къ Трещалову, что старшина выбиралъ только покрупнѣе случаи, чтобы доказать ему всю страшную правду нажитой вѣковымъ народнымъ опытомъ пословицы: съ сильнымъ не борись, съ богатымъ не судись. Судья не замедлялъ представиться. Не считая справедливымъ рѣшеніе волостного суда о предоставленіи крестьянину Макарову полосы земли, Трещаловъ запахалъ ее. Макаровъ пожаловался на это волостному суду и судья, не безъ воздѣйствія на него старшины, приговорилъ наказать Трещалова за самоуправство 19-ю ударами розогъ. Трещаловъ обжаловалъ

приговоръ уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію, а когда оно приговоръ утвердило, то онъ подалъ жалобу въ сенатъ. Между тѣмъ, старшина вызвалъ Трещалова въ волостное правленіе. Узнавъ, что Трещаловъ явился и стоитъ съ нѣкоторыми крестьянами на дворѣ, старшина велѣлъ привести его, объявилъ Трещалову рѣшеніе волостного суда и велѣлъ раздѣваться и ложиться подъ принесенныя сторожемъ розги. Трещаловъ возразилъ, что онъ по своимъ лѣтамъ избавленъ уже отъ тѣлеснаго наказанія и что, сверхъ того, на рѣшеніе волостного суда имъ послана жалоба въ департаментъ сената, въ доказательство чего вынулъ изъ кармана и показалъ почтовую квитанцію и просилъ старшину справиться по бумагамъ и книгамъ волостного правленія, не полученъ ли изъ сената отвѣтъ на его жалобу. На это старшина отвѣтилъ Трещалову: «Ну, нечего съ тобой канителиться. Раздѣвайся и ложись! Ты ужь давно отбѣгиваешься отъ розогъ». — «Ну, я самъ добровольно раздѣваться не буду, — отвѣтилъ Трещаловъ, — развѣ насильно меня положите». Старшина крикнулъ сторожу и мужикамъ: «Раздѣньте и положите его!» Мужики подошли было къ Трещалову, но онъ, отстранивъ ихъ отъ себя, сказалъ: «Отойдите, я самъ раздѣнусь и лягу». Когда мужики отошли, онъ показалъ видъ, что хочетъ снимать съ себя куртку, но въ тотъ же моментъ вынулъ изъ кармана небольшой сапожный ножъ, поднялъ его надъ своею головою и, не владѣя собой, произнесъ: «Передъ портретомъ Его Величества имѣю честь обороняться этимъ ножомъ! Ну, теперь подходите!» Въ волостномъ правленіи въ это время былъ по служебнымъ дѣламъ мѣстный урядникъ. Старшина крикнулъ ему, чтобъ онъ помогъ обезоружить Трещалова; но урядникъ отвѣтилъ, что это не его дѣло, и показалъ видъ, что уходитъ изъ волостного правленія, а, между тѣмъ, подкрался сзади къ Трещалову и изловчился схватить его за руки выше локтей. Трещаловъ сталъ было бороться съ урядникомъ; но, окруженный толпой мужиковъ, вырвавшихъ у него ножъ, долженъ былъ сдаться. Затѣмъ его повалили, раздѣли и отсчитали 19 ударовъ розогъ. Вслѣдъ затѣмъ старшина составилъ протоколъ и донесъ становому приставу о томъ, что когда «приступлено было къ разложенію Трещалова на полъ», то онъ выхватилъ ножъ изъ кармана и, замахиваясь на старшину, сказалъ: подходите кто — зарѣжу! Урядникъ тоже счелъ своею обязанностью донести становому, что, вмѣсто того, чтобы добровольно раздѣться и лечь подъ розги, Трещаловъ, въ раздраженномъ состояніи, вынулъ ножъ изъ кармана, засучилъ будто бы рукава и сказалъ старшинѣ: «Ну, теперь, кто первый меня возьметъ, — вотъ тому!» И у судебного слѣдователя создано такое изображеніе Трещалова въ вооруженномъ сопротивленіи Трещалова власти, предусмотрѣннымъ ст. 101 улож. о нак. и караемомъ или каторжными работами отъ 4 до 6 лѣтъ, а въ благоприятномъ случаѣ, арестантскими ротами отъ 3 до 3½ лѣтъ. Судебный слѣдователь допросилъ Трещалова въ качествѣ обвиняемаго, заключилъ подъ стражу до представленія залога въ 200 рублей. Такъ какъ у него не было такой суммы, то онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ

годъ. Сидя въ тюрьмѣ, онъ забодѣлъ. У него значительно расширились зрачки; онъ или безцѣльно бродилъ, порываясь все куда-то уйти, говорилъ какія-то безсвязныя, непонятныя рѣчи, отвѣчалъ не впадѣть, впадать въ раздраженіе до того, что приходилось надѣвать на него сумасшедшую рубашку, или дѣлался вялъ, апатиченъ, не принималъ пищи, сидѣлъ по цѣлымъ часамъ молча, уставивъ глаза въ одну точку. Его свезли въ земскую больницу, какъ душевно-больного. Тамъ нашли у него зараженіе сыпнымъ тифомъ, продержали до выздоровленія, а затѣмъ опять вернули въ тюрьму. 15 марта 1894 г. Трещаловъ приговоренъ судебною палатою къ лишенію особыхъ правъ и на годъ въ арестантское отдѣленіе. На этотъ приговоръ Трещаловъ уже не жаловался въ сенатъ, и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе.

Выше мы сказали, что объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія ходатайствуетъ весьма значительное число земскихъ собраній. Въ числѣ ихъ находится и чистопольское земство. Но казанскому губернатору, г. Полтарацкому, показалось, что въ данномъ дѣлѣ чистопольское собраніе вышло изъ круга своего вѣдомства и, поэтому, онъ предложилъ губернской земской управѣ не давать дальнѣйшаго хода постановленію уѣзднаго собранія. Но такое отношеніе губернатора къ земскому ходатайству совершенно неправильно. По смыслу закона, многократно истолкованнаго компетентною властью, никакое ходатайство земства, независимо отъ его содержанія, не можетъ быть приостановлено губернаторомъ; послѣдній, напротивъ, обязанъ дать ходъ всякому ходатайству, а о содержаніи его будутъ уже имѣть сужденіе тѣ правительственные органы, которымъ предоставлено по закону разсмотрѣніе земскихъ ходатайствъ. Нѣтъ сомнѣнія, что распоряженіе г. казанскаго губернатора по отношенію къ ходатайству чистопольскаго земства будетъ признано подлежащею властью неправильнымъ.

И. Ивановъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Два государства Западной Европы переживаютъ въ настоящее время парламентскій кризисъ: Великобританія и Цислейтанія. Вслѣдствіе голосования палаты общинъ, неблагопріятнаго военному министру, вышелъ въ отставку кабинетъ Розберя, а распаденье коалиціи, соединявшей австрійскихъ консерваторовъ, либераловъ - централистовъ и поляковъ, повелъ въ отставку кабинета Виндишгреца-Пленера.

Лордъ Розберя сталъ во главѣ либеральнаго министерства въ мартѣ 1894 года, послѣ того какъ этотъ постъ покинулъ Гладстонъ. Наслѣдствіе Гладстона оказалось не по плечу новому премьеру. Его кабинету удалось провести нѣсколько полезныхъ реформъ, расширившихъ и упростившихъ организацію англійскаго мѣстнаго самоуправления, но двѣ труднѣйшія изъ современныхъ политическихъ задачъ въ Англій — преобразование палаты лордовъ и ирландскій гомруль — не подвинулись ни на шагъ впередъ. Борьба за доставленіе Ирландіи самостоятельнаго парламента вообще затихла съ удаленіемъ отъ дѣлъ Гладстона. Увлеченная исключительною энергіей своего престарѣлаго вождя, либеральная партія оказалась гораздо менѣе увлеченною самою идеей политическаго самоуправления Ирландіи. Въ собственной Англій большинство до сихъ поръ стоитъ противъ этой идеи и Гладстонъ пользуется здѣсь ненавистью, какъ человекъ, стремящійся къ разрушенію государства. Что касается кореннаго преобразованія верхней палаты, то за него прямо высказываются лишь наиболѣе радикальныя группы либеральной партіи.

Новый кабинетъ распустилъ парламентъ, гдѣ у него оказалось только случайное большинство. Выборы, которые происходятъ въ то время, когда пишется это обозрѣніе, начались благопріятно для кабинета Сали Консерваторы (или уніонисты, какъ называютъ вмѣстѣ союзниковъ собственно консерваторовъ, умѣренныхъ виговъ и группы радикаловъ, берленомъ во главѣ) приобрѣли нѣсколько новыхъ мѣстъ и ихъ шансы на получение большинства въ парламентѣ довольно значительны. Если кончится побѣдою уніонистовъ, то и во внутренней, и во внешней политикѣ Великобританіи можно ожидать болѣе или менѣе значительныя

неній. Ирландцы уже бьютъ тревогу, видя въ возвращеніи къ власти ториѣвъ конецъ ихъ надеждамъ на скорое и благополучное разрѣшеніе ирландскаго вопроса. Но исчезновеніе этихъ надеждъ поведетъ, вѣроятно, къ усиленію ирландской агитаціи и къ возрожденію, быть можетъ, революціоннаго броженія.

Въ иностранной политикѣ лордъ Салисбюри, судя по прежней его дѣятельности и по нынѣшнимъ статьямъ вліятельныхъ газетъ его партіи, приметъ болѣе рѣшительныя мѣры, чтобы поднять поколебавшійся престижъ Великобританіи. Событія на Востокаѣ, результаты японско-китайской войны, соединенныя въ этомъ случаѣ дѣйствія Россіи, Франціи и Германіи,—все это повело къ тому, что вліяніе Россіи и Франціи поднялось въ ущербъ англійскому. Франція получила отъ Китая немаловажныя уступки по вопросу о тонкинскихъ границахъ, Россія достигла отказа Японіи отъ присоединенія завоеванныхъ областей на китайскомъ материкѣ. Китайскій заемъ, выпущенный на выгодныхъ условіяхъ благодаря обезпеченію нашего правительства, еще болѣе возвышаетъ въ глазахъ Небесной имперіи значеніе Россіи. При такихъ условіяхъ лорду Салисбюри потребуетъ не мало усилій, чтобы охладить въ достаточной степени отношенія между Россіей и Германіей и попытаться придать тройственному союзу болѣе агрессивный характеръ. Демонстративно-торжественная встрѣча итальянскаго флота въ англійскихъ водахъ косвенно направлена противъ Франціи и, пожалуй, Россіи, такъ какъ и Италія, и Великобританія въ послѣднее время непріятно поражены неожиданнымъ прибытіемъ въ Россію абиссинскаго посольства. Нѣсколько «ученыхъ» экспедицій въ Абиссинію, при участіи духовныхъ лицъ, повели къ оживленію нашихъ отношеній къ православнымъ африканскимъ братьямъ. Съ политической точки зрѣнія такой результатъ ученыхъ экспедицій и духовныхъ миссій долженъ быть признанъ выгоднымъ для Россіи: собственныхъ интересовъ въ Абиссиніи и Африкѣ вообще мы не имѣемъ, но ихъ имѣютъ тамъ наши друзья—французы. Повелитель Абиссиніи, негусъ Менеликъ, итальянцами считается вассаломъ. Вассалъ этотъ, при содѣйствіи Россіи и Франціи, можетъ надѣлать итальянцамъ и англичанамъ не мало хлопотъ.

Другой парламентскій кризисъ, о которомъ мы упомянули, подготовлялся давно и разрѣшенъ покуда образованіемъ *дѣлового* кабинета. Славянскія группы, входившія въ составъ коалиціи правительственнаго большинства, выступали съ скромными національными требованіями, ходатайствуя, напримѣръ, объ открытіи учебныхъ заведеній съ преподаваніемъ на словенскомъ языкѣ въ тѣхъ областяхъ, гдѣ словинцы составляютъ значительную часть, даже большинство населенія. Клубъ Гоенварта не могъ противиться подобнымъ требованіямъ, неудобно было не соглашаться на нихъ и юлякамъ; но либеральная нѣмецкая партія и слышать не хотѣла объ уступкахъ въ этомъ отношеніи. Какъ намъ приходилось уже много разъ говорить, австрійскіе нѣмцы-либералы не хотятъ допустить равноправности дѣткихъ народовъ, все приносятъ въ жертву для того, чтобы удержать

господство въ Цислейтаніи германскаго элемента. Но жертвовать принципами и для партіи нельзя безнаказанно. Несправедливость и нетерпимость къ концу девятнадцатаго вѣка перестаютъ обеспечивать политическіе успѣхи. Коалиція распалась, испытанный вождь нѣмецкой либеральной партіи, Пленеръ, отказывается отъ политической дѣятельности. И это рѣшеніе самаго даровитаго государственнаго человѣка въ партіи нѣмецкихъ либераловъ-централистовъ наноситъ ей сильный нравственный ударъ: рѣшеніе Пленера является какъ бы указаніемъ на то, что предводима имъ партія потерпѣла не случайное, а рѣшительное поражение.

Германскія газеты встревожены распаденіемъ коалиціи, которая держала Цислейтанію подъ главенствомъ австро-нѣмецкой либеральной партіи. *National-Zeitung* наканунѣ кризиса горячо предостерегала клубъ Гоенварта и поляковъ отъ уступки въ пользу словинцевъ, желавшихъ открытія въ Чилли параллельныхъ гимназическихъ классовъ на словинскомъ языкѣ. Будущее Австро-Венгріи, по небезъосновательному мнѣнію берлинской газеты, вновь представляется тревожнымъ. На нашъ взглядъ распаденіе коалиціи, въ которой неестественнымъ образомъ нѣмецкіе либералы выступали на защиту осаднаго положенія въ Прагѣ, а поляки возставали противъ такихъ требованій со стороны младо-чеховъ, за которыя долго и упорно боролись сами,—было только вопросомъ времени. Кризисъ существовалъ и въ министерство Виндингреца - Пленера, только въ скрытомъ состояніи. Теперь его разрѣшеніе ускорено, хотя едва ли оно близко и послѣ крушенія политики преемниковъ графа Таафе. Непосредственно выиграетъ отъ внутреннихъ замѣшательствъ въ Цислейтаніи венгерская либеральная партія: раздражать эту партію при той борьбѣ, которая происходитъ между нѣмцами и славянами, между австрійскими либералами и анти-сеμίтами, было бы неблагоприятно. Къ сожалѣнію, и венгерскіе либералы проникнуты крайне исключительнымъ національнымъ духомъ, и они хотятъ господствовать надъ другими народностями Транслейтаніи, не давая имъ простора для національнаго развитія и самоуправленія. Кромѣ славянъ, отъ такой политики мадьяръ сильно терпятъ румыны. Любопытное письмо объ этихъ отношеніяхъ напечаталъ въ *Justice* Моріано *). Читатели, вѣроятно, помнятъ знаменитый клаузенбургскій процессъ, на которомъ венгерскіе судьи такъ несправедливо и, въ сущности, незаконно осудили вождей трансильванскихъ румынъ, подававшихъ императору меморандумъ о притѣсненіяхъ со стороны мадьярскихъ властей. Моріано сообщаетъ, что министръ внутреннихъ дѣлъ издалъ недавно циркуляръ, по которому заключенные за политическія преступленія имѣютъ право вести переписку съ родными только на венгерскомъ языкѣ, лишь въ исключительныхъ случаяхъ дозволяется нѣмецкій. Конечно, мѣра эта лишена какого смысла и будетъ приносить только лишнее горе и стѣненія румынамъ или славянамъ (въ особенности ихъ семьямъ), попадающимъ въ ч

*) *Justice*, 4 juin.

ярскія государственныя тюрьмы. Мало того, при свиданіяхъ съ родными всё заключенные также должны говорить по-мадьярски.

Моріано напоминаетъ, что мадьярамъ, такъ гордящимся своею свободою, слѣдовало бы отказаться отъ гоненій на славянъ и румынъ и помнить, наканунѣ дня, въ который они будутъ праздновать свой національный юбилей, какъ много послужили славяне и румыны историческому возвышенію короны св. Стефана. Но авторъ увѣренъ, что мадьяры ничего не сдѣлаютъ въ этомъ отношеніи, и потому венгерскіе славяне и румыны останутся совершенно равнодушными, когда будетъ праздноваться тысячелѣтіе существованія Венгріи. Передъ судомъ исторіи и цивилизаціи нынѣшніе властители этой страны будутъ отвѣтственны за ту потерю силъ и энергіи, которую ихъ политика притѣсненій причиняетъ славянамъ и румынамъ.

Торжества открытія Кильскаго канала прошли благополучно. При громѣ пушекъ съ броненосцевъ и береговыхъ батарей произошла передача міру новаго торговаго пути, соединяющаго Нѣмецкое море съ Балтійскимъ. Французское общественное мнѣніе недовольно тѣмъ, что правительство послало эскадру на открытіе канала, но, въ большинствѣ случаевъ, признаетъ, что поступить иначе, отвѣтить отказомъ на приглашеніе Германіи было бы въ высшей степени неудобно. Нѣкоторые утѣшаютъ себя тѣмъ, что французская эскадра пришла въ Киль, демонстративно соединившись съ русскою. Но другіе не хотятъ помириться съ совершившимся фактомъ и ожидаютъ отъ кильскаго визита послѣдствій, неприятныхъ для французскаго тщеславія и обидныхъ для тѣхъ, въ комъ живетъ мысль о возмездіи Германіи. *Justice* *) , напримѣръ, передавая извѣстіе *Gaulois* о томъ, что весной будущаго года германская эскадра явится въ Брестъ съ отвѣтнымъ визитомъ, саркастически предсказываетъ, что императоръ Вильгельмъ II откроетъ французскую выставку 1900 года и что вѣжливая (*courtoise*) политика правительства заведетъ Францію далеко. Въ то же время, во Франціи обнаруживается и другое настроеніе. Такъ, одинъ изъ сотрудниковъ *Figaro*, бывшій корреспондентомъ на кильскихъ торжествахъ, пишетъ, что нѣмцы раздѣляютъ вопросъ объ Эльзасѣ отъ вопроса о Лотарингіи: о возможности возвращенія перваго Франціи нѣмцы и слышать не хотятъ. Сотрудникъ *Figaro* совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ примириться съ мыслью объ окончательной утратѣ этой области, Лотарингію же императоръ Вильгельмъ, по предположенію корреспондента, пожалуй, и можетъ отдать великодушно Франціи,—разумеется, за серьезное вознагражденіе.

Еще любопытнѣе другая статья въ *Figaro*, подписанная какою-то баронессой Деландъ: многія французскія дамы, оказывается, увлечены загадочною личностью императора міра, т.-е. Вильгельма II.

На ряду съ такими заявленіями поучительно поставить *Письмо къ гер-*

*) *Justice*, 28 juin.

манскому императору, напечатанное известным историком профессором Лависсом *).

«Ваше величество,—такъ начинается Лависсъ свое письмо.—посвятили Бильскій каналъ миру». Авторъ не сомнѣвается въ искренности, съ которою Вильгельмъ II произносилъ гуманную рѣчь передъ представителями цивилизованнаго человѣчества. Но вильскія торжества окончены, должны начаться новыя: германскій императоръ хочетъ торжествовать двадцатипятилѣтіе побѣдоносной войны съ Франціей... Дни особенно кровопролитныхъ сраженій будутъ чередоваться въ чествованіяхъ съ днями, славными для каждаго отдѣльнаго полка, а сколько сотенъ этихъ полковъ! По меньшей мѣрѣ, полгода въ Германіи будутъ праздники въ честь выигранныхъ сраженій, рѣчи и торжества только въ честь войны.

Лависсъ говоритъ, что подумаютъ объ этихъ праздникахъ во Франціи.

Прежде всего,—замѣчаетъ онъ,—мы вспомнимъ, что если Франція и объявила войну, то не она хотѣла ея. Лависсъ напоминаетъ о роли, которую игралъ при этомъ въ особенности Бисмаркъ**), истинный представитель политики *жельза и крови*, удивившій однажды англійскаго посла заявленіемъ, что Аттила занимаетъ въ исторіи несравненно болѣе великое мѣсто, чѣмъ Брайтъ. Лависсъ соглашается, что до сихъ поръ въ исторіи дѣла шли такимъ образомъ, что имперіи складывались жельзомъ и кровью.

Французскій историкъ приводитъ слова Наполеона III въ совѣтѣ министровъ по поводу столкновеній, которыя съ 1864 года начались между Пруссіей и Австріей: «Пруссія—это прогрессъ, Австрія—это прошлое». И Лависсъ завѣряетъ, что во Франціи многіе такъ думали.

Когда будутъ праздноваться нѣмецкія побѣды, Франція вспомнитъ,—говоритъ Лависсъ,—что противъ нея были сила, организація, долго обдуманый планъ. И, несмотря на это, послѣ неправдоподобныхъ пораженій, она не впала въ отчаяніе. Она продолжала бороться за честь, и честь была спасена послѣ Седана и Меца лучше, чѣмъ послѣ Садовой и Іены. Вспомнивъ это, Франція спроситъ себя: она была врагомъ не безъ доблести, почему же Германія не поняла, что должна была уважать ея несчастія, ея печаль?

Если бы Франція была побѣдительницей,—продолжаетъ Лависсъ,—у ней достало бы великодушія не праздновать свою побѣду. Неблагодарныя рѣчи съ одной стороны могутъ встрѣтить не одно только молчаніе съ другой стороны. Зачѣмъ волновать два великіе народа, зная, что такое настроеніе не лишено опасности? Конечно, Германія вправѣ гордиться тѣмъ, что она поднялась до достоинства великой націи. Столѣтія ждала она эта дня радости и славы. Лависсъ признаетъ, что нѣмецкій народъ не служивалъ тѣхъ бѣдствій, раздоровъ и эксплуатаціи, которымъ онъ

*) *Lettre à l'Empereur d'Allemagne (La Revue de Paris, 1 juillet).*

**) Лависсъ забываетъ, однако, роль императрицы Евгеніи, которая настоятельно требовала войны съ Пруссіей.

вергался долгое время, что его духъ высоко паритъ надъ историческими невзгодами. Но праздновать побѣды надъ Франціей значить праздновать не только войну, которая счастливо для нѣмцевъ велась четверть вѣка назадъ, но и войну вообще.

Лависсъ напоминаетъ воинственное прошлое Пруссіи, напоминаетъ о томъ, что германцы, узнавъ христіанство, всегда больше любили ветхій заветъ, чѣмъ Евангеліе, что не Христосъ, благодѣтельный и кроткій, замѣнилъ въ ихъ душѣ мрачнаго Одина. Реформація, по мнѣнію Лависса, также свидѣтельствуеть объ этомъ.

Все прошлое германскаго народа, какъ переживаніе и какъ сознаніе, воплощается въ нынѣшнемъ германскомъ императорѣ, — говоритъ авторъ письма къ Вильгельму II. — Императоръ прославляетъ память своего дѣда, воздаеть почести опальному Бисмарку, какъ одному изъ создателей Германской имперіи, часто вспоминаетъ великаго курфюрста Фридриха-Вильгельма, говоритъ бранденбургцамъ, что онъ ихъ маркграфъ, воспѣваетъ Эгира (въ стихахъ и въ музыкѣ), крестить языческими именами военные корабли и строго исполняетъ свои обязанности, какъ глава лютеранской церкви...

Но наше время ставить такія историческія задачи, при разрѣшеніи которыхъ прошлое не поможетъ. Рабочій трудъ предъявляетъ свои права. Его требованія особенно возросли въ Германіи именно въ послѣднюю четверть вѣка. Militarизмъ страшно угнетаетъ Европу. На дальнемъ Востоцѣ поднялась Японія, которая можетъ сыграть по отношенію къ желтой расѣ такую же роль, какую играла Македонія въ греческомъ мірѣ, Пруссія въ германскомъ. И тогда произойдетъ, въ мирѣ или войнѣ, ужасная борьба между бѣлою и желтою расами. *Нибелунги* не помогутъ ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ. Наоборотъ, стародавнія магическія воспоминанія были бы опасными руководителями на пути къ грядущему. Кто знаетъ, каково будетъ это грядущее? Кавуръ и Бисмаркъ, Викторъ-Эмануилъ и Вильгельмъ II, создавшіе политическое единство Италіи и Германіи, закончили долгую эволюцію, которая сдѣлала изъ Европы сложное цѣлое изъ націй, соперничающихъ между собою, по необходимости враговъ. Теперь начинается другая эволюція: благотворная идея, — по счастью, несокрушимая, — поднимается надъ отдѣльными націями, надъ ихъ раздорами. Это — идея человечества, которая со дня на день становится все болѣе и болѣе опредѣленною. Въ Европѣ растутъ и крѣпнутъ общіе интересы, и духовные, и экономическіе; увеличиваются потребность и привычка въ международныхъ сѣздахъ, въ международной работѣ для общаго блага, для борьбы въ общими бѣдствіями. Ни одинъ великій европейскій народъ не можетъ жить только собственною жизнью, — онъ задохнулся бы, оставаясь лишь въ собственныхъ границахъ. И, вмѣсто соперничества отдѣльныхъ европейскіхъ націй, Лависсу представляется соперничество материковъ.

Русскій можетъ, пожалуй, сказать размечтавшемуся французскому исторiku: какъ же тогда быть Россіи, которая на половину Европа, на половину

Азія (не въ географическомъ, разумѣется, смыслѣ). Но мечтанія Лависса такъ благородны и справедливы, въ нихъ лежитъ такая вѣрная историческая мысль, что намъ не хочется останавливаться на обмолвкахъ и недомотрахъ его *Письма*.

Лависсъ замѣчаетъ, что уже существуютъ зачатки *европейской* внутренней и внѣшней политики, и приписываетъ инициативу въ этомъ отношеніи Вильгельму II: имъ были созданы европейскіе делегаты для совѣщанія по рабочему вопросу, ему принадлежитъ инициатива коализировать Европу противъ Востока. Въ послѣднемъ случаѣ Лависсъ разумѣетъ, вѣроятно, соединенныя дѣйствія германской, русской и французской дипломатіи по окончанію японско-китайской войны. Насколько основательно это утверждение, мы не имѣемъ возможности провѣрить.

Лависсъ обращается къ воображенію Вильгельма II, которое направлено не только къ прошедшему, но и къ будущему. То, что онъ говоритъ, этотъ общеевропейскій миръ представляетъ покуда нѣчто неопредѣленное, туманное, надъ этимъ смѣются обыкновенные политики. Но миръ въ Европѣ необходимо установить, потому что Европѣ можетъ угрожать гибель. Сколькими вѣками, сколькими трудами создавалась европейская цивилизація, наша наука, наши идеи гуманности, терпимости, справедливости!

Въ концѣ письма Лависсъ говоритъ, что, по всей вѣроятности, Европа будетъ, попрежнему, истощать свои силы въ безумныхъ и постыдныхъ вооруженіяхъ,—болѣе постыдныхъ, чѣмъ средневѣковыя, потому что тогда всю Европу могли увлекать иногда общія идеи и чувства. Лависсъ думаетъ, что на рубежѣ новой эволюціи многое, очень многое зависитъ отъ императора Вильгельма II. Но онъ колеблется между прошедшимъ и будущимъ, между славою войны и славою мира *).

Въ нѣмецкой печати мы нашли уже отзывы объ этой статьѣ. Для опредѣленія настроенія большинства германскаго общества характерна, по нашему мнѣнію, замѣтка газеты *National-Zeitung*. Упомянувъ о томъ, что Лависсъ принадлежитъ къ числу очень немногихъ французовъ, хорошо знакомыхъ съ Германіей и съ ея исторіей, *National-Zeitung* говоритъ, что, все-таки, онъ плохо понимаетъ нѣмцевъ или не рѣшается у себя на родинѣ высказывать полную правду. Между строкъ *Письма къ императору Германіи* газета читаетъ надежду на возможность добровольнаго отреченія нѣмцевъ отъ Эльзаса и Лотарингіи. На упрекъ со стороны Лависса въ томъ, что чествованіе побѣды 1870—1871 года будетъ вызовомъ Франціи и апотеозомъ войны, *National-Zeitung* возражаетъ, что сами французы теперь особенно заняты культомъ Іоанны Даркъ, причѣмъ не только вспоминаются прежнія войны, но и постоянно имѣется въ виду будущая.

*) Лависсъ кончаетъ такими словами: „Съ мыслью, что императоръ Вильгельмъ заслуживалъ бы лучшей и болѣе высокой судьбы, я имѣю честь засвидѣтельствовать вашему величеству почтеніе незамѣтнаго свидѣтеля вышшихъ событій“.

линская газета заключаетъ свою замѣтку словами, что нѣмецкій народъ никогда не возвратитъ Франціи ни Эльзаса, ни Лотарингіи *).

Это твердое заявленіе нѣсколько разочаровало бы дамъ изъ *Figaro*, если бы стало имъ извѣстно; но серьезная пропаганда мира дѣлаетъ свое дѣло, медленно, разумѣется, среди равнодушія большинства и озлобленнаго противодѣйствія шовинистскаго меньшинства. Для читателей, интересующихся этимъ движеніемъ, мы укажемъ на статью Берты Сутнеръ, председательницы австрійскаго *Общества друзей мира* **), на статью Фредерика Пасси, президента *Французскаго общества третейскаго суда между націями* ***), на статью Альберта Лефевра ****), и т. д.

Французскіе протекціонисты потерпѣли недавно довольно значительное пораженіе. Нынѣшній министръ иностранныхъ дѣлъ Французской республики созналъ, какую ошибку и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи составляла протекціонная система въ торгово-промышленныхъ сношеніяхъ между Франціей и Швейцаріей. Парламентъ значительнымъ большинствомъ принялъ правительственный законопроектъ, направленный къ устраненію протекціоннаго зла. Къ сожалѣнію, это зло устранено не вполнѣ, но уже теперь своимъ образомъ дѣйствій Ганото достигаетъ очень благоприятныхъ результатовъ. Нѣмецкія газеты сообщаютъ, что въ Швейцаріи не всѣ, однако, довольны новымъ договоромъ, болѣе выгоднымъ для Франціи, что противъ ратификаціи этого договора со стороны швейцарскаго союзнаго совѣта будетъ вестись сильная агитація.

Французское законодательство двигается къ лучшему, хотя и очень медленно, и въ другомъ отношеніи. Законопроектъ о вознагражденіи при несчастныхъ случаяхъ на работѣ, послѣ долгихъ странствованій между палатою депутатовъ и сенатомъ, дождался, наконецъ, обстоятельнаго доклада въ сенатской комиссіи и, можетъ быть, скоро станетъ закономъ. Нѣкоторыя разногласія между сенатомъ и палатою депутатовъ еще не устранены. Сенатская комиссія, напримѣръ, не принимаетъ обязательнаго страхованія.

Когда мы кончали это обозрѣніе, телеграфъ принесъ извѣстіе сначала о звѣрскомъ покушеніи на жизнь Стамбулова, а потомъ о смерти этого государственнаго челоуѣка, игравшаго преобладающую роль въ болгарской политической жизни за послѣднія десять лѣтъ. Мы своевременно отмѣчали важнѣйшія изъ событій въ Болгаріи и выражали рѣшительное осужденіе тѣмъ деспотическимъ и жестокимъ мѣрамъ, которыя въ свое управленіе чскаль въ ходѣ Стамбуловъ. Но его трагическая смерть вызываетъ чувства

*) *National-Zeitung*, 3 Juli.

**) *L'Alsace-Lorraine et le Mouvement pacifique (Revue des Revues*, 1 juin).

**) *La question de la Paix (Revue des Revues*, 15 juin).

**) *La propagande de la Paix (La Quinzaine*, №№ 14 и 51). Это изданіе—ярко политическое. Авторъ полагаетъ, что роль верховнаго третейскаго судьи для Европы съ исполнить только наца.

общаго сожалѣнія. Стамбуловъ погибъ сорока двухъ лѣтъ отъ роду, когда многіе политическіе дѣятели вступаютъ въ наиболѣе плодотворный періодъ своей дѣятельности.

Въ настоящее время въ Петербургѣ гоститъ болгарское посольство съ митрополитомъ Климентомъ и предсѣдателемъ народнаго собранія Тодоровымъ во главѣ. Посольство было принято въ Петергофѣ Государемъ Императоромъ. Оно прислано не правительствомъ (хотя, конечно, съ его разрѣшенія), а народомъ. Дѣло идетъ покуда не о возобновленіи официальныхъ сношеній между русскимъ императорскимъ и болгарскимъ правительствами, а лишь о возвращеніи къ добрымъ чувствамъ, связывавшимъ освобожденный болгарскій народъ съ его освободительницею Россіей. Но такой шагъ со стороны болгаръ, благосклонно встрѣченный нашимъ правительствомъ, необходимо долженъ повлечь за собою благоприятныя послѣдствія.

В. Г.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Новый уставъ крестьянскаго земельнаго банка.—Коммиссія по вопросу объ отхожихъ промыслахъ на сельско-хозяйственныя работы.—Задолженность частнаго землевладѣнія въ Россіи.—Новый уставъ государственныхъ сберегательныхъ кассъ.—† М. П. Драгомановъ.—† С. Н. Терпигоревъ.—† Д. А. Ровинскій.—† Д. Я. Наумовъ.

Мы уже не разъ указывали на многочисленныя и разнообразныя недостатки въ строеніи и дѣятельности крестьянскаго земельнаго банка, а потому отмѣчаемъ реформу его, какъ важный фактъ, который долженъ совершиться въ ближайшемъ будущемъ. Министерство финансовъ выработало проектъ новаго устава; проектъ уже одобренъ департаментамъ государственнаго совѣта, а осенью предстоитъ разсмотрѣніе его въ общемъ собраніи.

За послѣдніе 3—4 года строй и дѣятельность крестьянскаго банка были предметомъ нападокъ въ томъ отношеніи, что они будто бы поддерживаютъ сельскую общину, которая и служитъ главнымъ тормазомъ успѣховъ русскаго сельскаго хозяйства. Поэтому начертывались проекты, которые ставили кредитъ банка на основанія, рѣзко отличныя отъ началъ, проведенныхъ въ дѣйствующемъ уставѣ. Этими проектами предусматривалось открытіе широкаго кредита отдѣльнымъ крестьянамъ, и, притомъ, наиболѣе состоятельнымъ, и товариществамъ, которые состоятъ изъ небольшого числа членовъ. Авторы такихъ проектовъ, относясь враждебно къ общинѣ, были убѣждены, что расширеніе кредита крестьянамъ, владеющимъ землею на правѣ частной собственности, постепенно разрушитъ общинное землевладѣніе.

Проектъ, выработанный министерствомъ финансовъ, не имѣетъ цѣлью измѣнить начала, которыя положены въ основаніе банка. Результаты его дѣятельности признаются удовлетворительными. И если банкъ, за 12-тилѣтнее существованіе сдѣлалъ рядъ промаховъ и ошибокъ, то они должны быть приписаны частнымъ несовершенствамъ въ строеніи банка, но отнюдь не идеѣ, которая проникаетъ его. Согласно съ проектомъ, крестьянскій банкъ имѣетъ цѣлью оказывать крестьянамъ содѣйствіе въ приобрѣтеніи земли въ собственность или въ безсрочное пользованіе. Въ этихъ видахъ онъ выдаетъ крестьянамъ ссуды подѣ покупаемыя ими земли, когда добро-

вольная сдѣлка съ владѣльцемъ будетъ признана соотвѣтствующею выгодамъ крестьянъ; во-вторыхъ, банкъ покупаетъ продающіяся земли за свой счетъ, чтобы продавать ихъ крестьянамъ или сдавать имъ въ безсрочную аренду. Ссуды, какъ и въ настоящее время, будутъ выдаваться сельскимъ обществамъ, товариществамъ и отдѣльнымъ крестьянамъ. Размѣръ ссудъ опредѣленъ въ 60—75%, цѣны покупаемой земли, а въ особыхъ случаяхъ будутъ выдаваться ссуды и до 90%. Министръ финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и земледѣлія, опредѣляетъ для каждой мѣстности высшій размѣръ участковъ, въ приобрѣтеніи которыхъ банкъ можетъ оказывать содѣйствіе. Разрѣшая ссуду, банкъ будетъ играть болѣе активную роль, нежели въ настоящее время: ему предоставляется входить во всѣ условія предположенной сдѣлки, цѣны, условій расчета покупателя съ продавцомъ, того, въ какой степени выгоды, связанныя для приобрѣтателя съ покупкою земли, обезпечиваютъ ссуду, выданную банкомъ. Когда взвѣшены всѣ условія и выясняется возможность выдать ссуду просителю, то получившій ссуду подчиняется всѣмъ требованіямъ, которые ставитъ банкъ. Въ виду того, что спеціальная оцѣнка приобрѣтаемой земли позволяетъ поднять ссуду до 90%, доплата изъ собственныхъ средствъ покупателей не имѣетъ того выдающагося значенія, какъ въ настоящее время. Спеціальная оцѣнка участка земли будетъ лежать на органахъ банка, которые основываютъ ее на природныхъ свойствахъ участка, на разныхъ мѣстныхъ хозяйственныхъ условіяхъ. Въ расчетъ принимаются также продажныя цѣны однородныхъ земель и ихъ доходность. Сроки ссудъ установлены отъ 13 лѣтъ до 51. По ссудамъ заемщики уплачиваютъ 4½% годовыхъ; общій платежъ, включая и погашеніе долга, колеблется между 11½% въ годъ при 13-ти лѣтнемъ срокѣ займа до 6%—при 51-лѣтнемъ. Новый проектъ существенно измѣняетъ порядокъ взысканія съ заемщиковъ срочныхъ платежей и недоимокъ. Прежде тѣмъ назначить заложенное имѣніе въ продажу съ публичнаго торга, банкъ настаиваетъ на томъ чтобы сельское и волостное начальство, а также учрежденія, которыя наблюдаютъ за крестьянскимъ управленіемъ, слѣдили за соблюденіемъ сельскими обществами и товариществами правилъ взысканія съ ихъ членовъ. Если сельское общество или товарищество, купившее землю, не можетъ взыскать недоимку съ своего неисправнаго члена, то она разверстывается между всѣми членами. Недоимщикъ можетъ быть устраненъ отъ пользованія участкомъ или частью онаго; въ крайнемъ случаѣ, участокъ можетъ быть отобранъ у него. И только въ случаѣ недействительности всѣхъ этихъ мѣръ, участокъ поступаетъ въ продажу съ публичнаго торга. Пожаръ, водненіе, градобитіе, неурожай, разъ такое бѣдствіе поразило заемщика, даетъ ему право на извѣстную льготу. Пеня слагается, а текущій платъ разсрочивается. Такъ какъ дѣятельность банка по содѣйствію крестьянъ въ покупкѣ земли ограничивается тѣмъ, что многіе крестьяне не могутъ доплачивать ничего изъ собственныхъ средствъ и такъ какъ иногда крестьяне, имѣющіе надобность въ покупкѣ земли, затруднены въ прине-

участка, который вполнѣ отвѣчалъ бы на ихъ потребности, то банкъ будетъ самъ покупать земли, по добровольному соглашенію съ владѣльцами или съ торговъ, чтобы продавать эти земли крестьянамъ или отдавать въ безсрочное пользованіе. Банкъ будетъ производить эту операцію на собственный капиталъ, который составляется дарованными банку отчислениями изъ выкупныхъ платежей крестьянъ; сюда присоединяются также нѣкоторыя другія средства. Приступая къ покупкѣ земли, банкъ принимаетъ въ расчетъ потребность въ землѣ населенія данной мѣстности, легкость или трудность, съ которыми будетъ связана распродажа купленного участка или отдача его въ безсрочное пользованіе и проч. Для постановленія о покупкѣ банкѣмъ земли необходимы $\frac{2}{3}$ голосовъ въ общемъ присутствіи крестьянскаго и дворянскаго банковъ. Съ купленными землями банкъ поступаетъ слѣдующимъ образомъ. Промышленныя заведенія и большія лѣсныя дачи (если таковыя входятъ въ составъ купленного имѣнія) продаются любому, желающему приобрести ихъ: предполагается, что крестьяне не могутъ непосредственно пользоваться этими статьями. Всѣ же прочія угодья разбиваются на участки, согласно съ тѣмъ, какъ велико число лицъ, желающихъ купить или арендовать ихъ. Пока не состоялась продажа этихъ участковъ или отдача ихъ въ безсрочное пользованіе, до тѣхъ поръ банкъ отдаетъ ихъ въ аренду на короткое время, не долѣе, чѣмъ на 9 лѣтъ. Такъ какъ проектъ надѣется, вводя безсрочную аренду, увеличить число крестьянъ, получающихъ отъ банка выгоды, то аренда переходитъ по наслѣдству; она уничтожается только по желанію самого арендатора или въ томъ случаѣ, если того требуетъ банкъ за неисправностью арендатора. Безсрочные арендаторы получаютъ право приобретать арендуемые участки въ собственность за наличныя деньги или же съ обращеніемъ части покупной цѣны въ долгъ. Въ управленіе банкѣмъ внесены нѣкоторыя перемѣны; онѣ выражаются, главнымъ образомъ, въ томъ, что администрація крестьянскаго банка соединяется съ администраціей дворянскаго. Во главѣ обоихъ учрежденій стоитъ одно лицо; мѣстныя отдѣленія того и другого банковъ сливаются во едино. Личный составъ увеличивается.

Отбывая наиболѣе существенныя пункты проекта, мы видимъ, что они вносятъ нѣкоторое улучшеніе въ дѣятельность банка, но отнюдь не создаютъ условій, которыя позволили бы этому учрежденію развиваться до возможности получить общенародное значеніе. Мы считаемъ наиболѣе важнымъ въ новомъ проектѣ продленіе сроковъ, на которые выдаются ссуды. Г настоящее время $34\frac{1}{2}$ года являются наибольшимъ срокомъ, въ теченіе
 1 ораго должна быть погашена ссуда; теперь этотъ срокъ будетъ продленъ
 1 $51\frac{3}{4}$ лѣтъ, вслѣдствіе чего и платежи понижаются отъ $7\frac{1}{2}\%$ до 6%
 1 годъ. Такое удешевленіе представляется весьма значительнымъ. Однако,
 1 тежи могли бы быть еще понижены. Припомнимъ, что крестьянскій банкъ
 1 пускаетъ $4\frac{1}{2}\%$ свидѣтельства, тогда какъ дворянскій только 4% . Эта
 1 ница по выгодѣ для владѣльцевъ свидѣтельствъ крестьянскаго банка и
 1 чербу для его заемщиковъ не можетъ быть оправдана никакими серъ-

езными соображеніями. Оба банка—государственныя учрежденія; кредиторы обоихъ въ равной мѣрѣ обезпечены относительно капиталовъ, которые вложены ими въ свидѣтельства того или другого. Полная однородность свидѣтельствъ обоихъ банковъ выступить съ утвержденіемъ новаго устава особенно рельефно потому, что вводится объединеніе ихъ администрацій. А потому, есть достаточные мотивы для перехода и крестьянскаго банка къ 4% свидѣтельствамъ. Уже это позволило бы понизить проценты, взимаемые крестьянскимъ банкомъ съ заемщиковъ. Продленіе же срока ссудъ до 66 лѣтъ, какъ то принято въ дворянскомъ банкѣ, позволило бы понизить погасительные ихъ платежи. Только тогда крестьянскій банкъ удешевилъ бы кредитъ въ той мѣрѣ, какъ допускаютъ общія условія русскаго народнаго хозяйства и какъ того требуютъ нужды заемщиковъ.

Обращаемся къ другому пункту—предположенію, что доплаты изъ собственныхъ средствъ заемщиковъ совершенно утратить значеніе, которое онѣ имѣютъ въ настоящее время. Какъ извѣстно, въ иные годы собственные доплаты покупателейъ земли при посредствѣ крестьянскаго банка достигаютъ 40% покупной цѣны, что дѣлаетъ покупку земли съ помощью этого кредита привилегіей только очень зажиточныхъ крестьянъ. Такъ какъ проектъ новаго устава крестьянскаго банка отводитъ выдающееся мѣсто специальной оцѣнкѣ, при которой норма ссуды повышается до 90% цѣны покупаемой земли, то многіе высказываютъ надежду, что доплата будетъ въ дѣйствительности составлять не больше 10%. Мы не раздѣляемъ этого оптимизма. Чиновники банка, производя специальную оцѣнку покупаемой земли, будутъ хорошо помнить объ отвѣтственности, которая ложится на нихъ за ошибки въ сторону опредѣленія слишкомъ высокой цѣны. Они всегда будутъ помнить (а это извѣстно теперь чуть не дѣтямъ), что условія международнаго рынка и состояніе хозяйства въ заокеаническихъ странахъ грозятъ еще болѣе уменьшить доходность земли въ Россіи, а потому и будутъ, производя специальную оцѣнку, настолько осторожны, что заемщикъ будетъ получать въ ссуду 90% покупной цѣны только въ очень рѣдкихъ и даже исключительныхъ случаяхъ. Между тѣмъ, было бы не только справедливо, но даже согласно съ буквой проекта новаго устава, свести доплаты до низшей нормы и выдавать въ ссуду полную цѣну покупаемой земли. Банкъ вводитъ въ рядъ своихъ операцій покупку земли за свой счетъ и распродаетъ крестьянамъ. Разъ эта операція достигнетъ значительныхъ размѣровъ, то у банка будетъ разрядъ заемщиковъ, пользующихся ссудами, равными цѣнѣ земли; продавая такія земли крестьянамъ, банкъ не будетъ требовать доплатъ, единовременныхъ взносовъ при продажѣ, разсрочивать всю сумму долга. Нѣтъ основанія предполагать, чтобы земли, которыя банкъ будетъ покупать за свой счетъ, были особенно, исключительно дешевы, а потому совершенно уничтожали бы рискъ, который несетъ банкъ, ссужая заемщику сумму, равную покупной цѣнѣ земли. Покупка банкомъ земли за собственный счетъ для продажи крестьянамъ создастъ два разряда заемщиковъ; тѣ, которые будутъ покупать земли у бан-

дуть поставлены болѣе благопріятно, нежели тѣ, которые будутъ приобретать отъ частныхъ лицъ. Мы допускаемъ, что ко второму разряду будутъ относиться (при заботахъ о томъ со стороны администраціи банка) крестьяне наименѣе состоятельные, а потому и наиболѣе выигрывающіе отъ положенія, при которомъ нѣтъ надобности вносить доплаты изъ собственныхъ средствъ. Однако, и въ первомъ разрядѣ будетъ много заемщиковъ, для которыхъ доплата составитъ большое бремя. Вотъ почему мы очень желали бы, чтобы администрація банка относилась къ спеціальной оцѣнкѣ, какъ къ приему, который долженъ доставить наибольшія выгоды заемщикамъ, т.-е. увеличивать размѣръ ссуды даже до 100% покупной цѣны. Предлагая это, мы не считаемъ нужнымъ совсѣмъ устранить нормальную оцѣнку и выдавать всегда отъ 90 до 100%, покупной цѣны: и здѣсь необходима индивидуализирующая дѣятельность должностныхъ лицъ банка. Если заемщикъ, вообще, принадлежитъ къ зажиточному крестьянству, если покупецъ вызывается не столько необходимостью сдѣлать возможнымъ правильное веденіе хозяйства, сколько усиліемъ расширить земельный надѣлъ и увеличить благосостояніе, то вполнѣ оправдываются выдача въ ссуду только 60 — 75% покупной цѣны и значительныя доплаты изъ средствъ покупателя. Если же заемщики принадлежатъ къ бѣднѣйшему крестьянству, то кредитъ крестьянскаго банка долженъ приближаться къ выкупной операціи.

Безсрочная аренда земель, приобретенныхъ банкомъ, будетъ новымъ фактомъ въ жизни этого учрежденія. Трудно рѣшить, насколько она привьется. Но мы считаемъ ее вовсе не лишнею и соответствующею началамъ, которыя установлены для переселенцевъ закономъ 13 іюня 1895 г. Безсрочная аренда настолько приближается къ праву собственности на землю, что поддерживаетъ въ арендаторѣ побужденія къ возможному усовершенствованію хозяйства и представляетъ двѣ существенныя выгоды: она выгодна для заемщиковъ, которымъ крайняя бѣдность препятствуетъ выступить покупателями земли, и выгодна для всего народнаго хозяйства, такъ какъ оставляетъ за государствомъ право собственности на землю. Это право можетъ въ теченіе долгаго времени имѣть характеръ только *nudum jus*. Но оно можетъ получить и реальное значеніе въ будущемъ, когда строй права собственности подвергнется существеннымъ измѣненіямъ.

Повторяемъ, проектъ устава не содержитъ ничего, способнаго внести коренныя измѣненія въ дѣятельность банка. Однако, какъ бы много ни было сдѣлано измѣненій, онъ будетъ работать правильно и плодотворно только при условіи, что его дѣятельность будетъ тѣсно связана съ перенесенною политикою. Отвлеченіе довольно большой массы крестьянства на сточныя окраины будетъ препятствовать дальнѣйшему повышенію цѣнъ на или въ густо населенныхъ губерніяхъ, мѣстами будетъ даже способствовать ихъ пониженію, а это позволитъ покупателямъ при содѣйствіи банка іобрѣтать землю на нормальныхъ условіяхъ, вести хозяйство съ извѣстными выгодами, исполнять обязательства относительно банка. Пока дѣя-

ность банка не опирается на широкую и правильно упорядоченную переселенческую политику, до тех поръ нужно быть готовымъ къ явлению, которое наблюдается и до сихъ поръ,—къ многочисленнымъ случаямъ покупки земли по очень дорогой цѣнѣ; и чѣмъ болѣе плотно населеніе въ губерніи, чѣмъ болѣе напряженъ спросъ на землю, тѣмъ болѣе вѣроятія, что многіе заемщики будутъ неисправными плательщиками. Говоря о необходимости тѣсной связи между крестьянскимъ банкомъ и переселенческимъ дѣломъ, мы не хотимъ сказать, что онъ долженъ завѣдывать переселеніями: послѣдніе должны служить предметомъ заботы особаго вѣдомства; но связь должна выражаться въ расчетѣ этимъ вѣдомствомъ поля успешной дѣятельности крестьянскаго земельного банка.

Говоря о задачахъ крестьянскаго земельного банка, мы вспоминаемъ о давно учрежденной при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ комиссіи, которая имѣетъ цѣлью способствовать упорядоченію движенія сельскихъ рабочихъ. Вотъ что читаемъ мы по этому поводу въ *Правительственномъ вѣстникѣ*: «Степныя пространства малонаселеннаго юга и юго-востока европейской Россіи притягиваютъ ежегодно на сельско-хозяйственные работы множество рабочихъ изъ среднихъ, густо населенныхъ губерній. Движеніе рабочихъ, какъ оно нынѣ происходитъ, вообще не удовлетворяетъ интересамъ сельскихъ хозяевъ, ни интересамъ рабочихъ. Отправляясь на заработковъ наугадъ, рабочіе неравномѣрно распределяются по терри- торіи нуждающихся въ нихъ мѣстностей, то являясь въ недостаточномъ количествѣ въ мѣста большого на нихъ спроса и тѣмъ непомѣрно поднимая, и нанося ущербъ хозяйствамъ, заработную плату, то являясь въ чрезмерномъ количествѣ въ тѣ мѣстности, гдѣ потребность въ рабочихъ рукахъ не велика. Въ послѣднемъ случаѣ рабочіе роняютъ сильно плату, а многіе изъ нихъ вовсе остаются безъ работы, подвергаясь вслѣдствіе этого всѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ безработицы. Такое ненормальное положеніе дѣла требуетъ необходимость въ разработкѣ мѣропріятій къ упорядоченію движенія рабочихъ, отправляющихся на сельско-хозяйственные заработки». Въ дѣлѣ затѣмъ учрежденіе 11 мая, по высочайшему повелѣнію, особой комиссіи для разработки этого вопроса, *Правительственный Вѣстникъ* опредѣляетъ ея задачи: «1) Упорядоченіе самаго движенія рабочихъ въ смыслѣ достиженія, по возможности, равномѣрнаго распределенія приходящихъ рабочихъ по нуждающимся въ нихъ хозяйствамъ. 2) Облегченіе рабочимъ передвиженія на мѣста спроса до момента найма. 3) Упорядоченіе условій найма на сельско-хозяйственные работы и обезпеченіе добросовѣстнаго ихъ исполненія обѣими договаривающимися сторонами». И здѣсь придаемъ значеніе, прежде всего, тому факту, что само правительство обратило теперь на вопросъ о земледѣльческихъ отхожихъ промыслахъ с особенной озабоченностью такъ, какъ еще очень недавно на него смотрѣла только наперсница, которая можетъ считать распространеніе этихъ взглядовъ въ правительственныхъ сферахъ результатомъ своего настойчиваго и нег-

рывнаго напоминанія объ этомъ важномъ фактѣ русской экономической жизни.

Двадцать лѣтъ тому назадъ Чаславскій намѣтилъ губерніи, въ предѣлахъ которыхъ совершается передвиженіе сельскихъ рабочихъ; его районномъ служили губерніи черноземной полосы. Съ тѣхъ поръ положеніе дѣла значительно измѣнилось: губерніи, занимавшія главное мѣсто въ этомъ движеніи, сохранили его и донныѣ, но къ нимъ приобщились еще многія другія полосы, въ которыхъ 20 лѣтъ тому назадъ условія крестьянскаго землевладѣнія были болѣе благопріятны, чѣмъ въ настоящее время. То, что писалось въ 70-хъ годахъ относительно недостаточности крестьянскихъ надѣловъ, относительно невозможности для крестьянъ обезпечить себя арендованіемъ земли на мѣстахъ, можетъ быть повторено теперь и, притомъ, съ болѣшимъ правомъ, нежели въ то время: населеніе возросло, сельскохозяйственная культура не измѣнилась, а потому малоземелье приняло еще болѣе угрожающій характеръ. Такимъ образомъ, учрежденіе по этому вопросу особой правительственной комиссіи вполнѣ соотвѣтствуетъ важности дѣла.

Комиссія, какъ видно изъ приведенныхъ нами словъ *Правительственнаго Вѣстника*, ставитъ передъ собою три задачи. Вторая изъ поставленныхъ задачъ можетъ быть рѣшена безъ крупныхъ затрудненій, если бы даже ея рѣшеніе требовало значительныхъ расходовъ. Для того, чтобъ облегчить рабочимъ передвиженіе на мѣста спроса до момента найма, необходимо принимать тѣ мѣры, которыя намѣчены, а частью уже принимаются для переселенцевъ въ Сибирь: необходимо сооруженіе барачковъ и организованіе медицинской помощи въ главныхъ мѣстахъ скопленія рабочихъ; необходимо повсемѣстное введеніе вагоновъ IV класса для возможнаго удешевленія проѣзда; нужно содержать въ разныхъ мѣстахъ народныя столовыя и проч. Всѣ эти мѣры, разумно проведенныя, могутъ принести передвигающимся рабочимъ существенную пользу: онѣ охраняютъ ихъ здоровье и помогутъ имъ совершать передвиженіе съ меньшими затратами.

Совсѣмъ иначе представляются намъ шансы достиженія первой и третьей поставленныхъ цѣлей. Третья цѣль выходитъ за предѣлы вопроса объ упорядоченіи сельскихъ отхожихъ промысловъ. Стремясь обезпечить добросовѣстное исполненіе условій найма обѣими договаривающимися сторонами, комиссія ставитъ передъ собою общій вопросъ, который касается столько же мѣстныхъ рабочихъ, какъ и пришлыхъ: всѣмъ извѣстно, что со стороны сельскихъ хозяевъ часто слышатся жалобы на неудовлетворительность тѣхъ и другихъ. Казалось бы, что законъ цѣлымъ рядомъ правилъ и, особенно, п. звилами 12 іюня 1886 года даетъ полное обезпеченіе нанимателямъ. Мы вѣдуемъ тѣмъ, цѣль не достигается, многіе рабочіе трудятся небрежно или оштрафовываютъ хозяевъ до наступленія срока найма. Усиленія строгости наказаній рабочихъ, — мы твердо убѣждены въ этомъ, — не приведутъ къ желанному результату: это не сдѣлаетъ рабочихъ болѣе точными и исполнительными. Отысканіе при помощи администраціи рабочихъ, которые самовольно

ушли отъ хозяевъ и нанялись работать въ другомъ мѣстѣ, также не общаетъ полезныхъ послѣдствій: во-первыхъ, отысканіе могло бы быть выгодно для перваго нанимателя лишь въ томъ случаѣ, еслибы оно удавалось тотчасъ послѣ побѣга рабочаго, такъ какъ оно позволило бы скоро устранить перерывъ въ работѣ; во-вторыхъ, оно лежало бы въ интересахъ нанимателя, если бы можно было силой заставить наемника хорошо работать, когда онъ хочетъ уйти на другое мѣсто. И то, и другое невозможно. Нерѣдко сельскій рабочій уходитъ въ экономію, отдаленную на многіе десятки верстъ отъ мѣста, куда первоначально нанялся для работы. Органы полиціи такъ завалены разнообразными обязанностями, что нельзя рассчитывать на возможность съ ихъ стороны немедленно приступить къ отысканію ушедшаго работника и водворенію его у перваго нанимателя. Наконецъ, если бы все это было исполнено, то нельзя принудить работника служить нанимателю, когда онъ не только рѣшилъ уйти отъ него, но и осуществилъ свое намѣреніе. Такимъ образомъ, мы находимъ въ распоряженіи комиссіи относительно этого пункта только одну мѣру: рекомендовать сельскимъ хозяевамъ такое отношеніе къ нанимаемымъ рабочимъ, и мѣстнымъ, и пришлымъ, чтобы они не имѣли поводовъ къ нѣрушенію договора: точная расплата, хорошіе харчи, участіе въ работахъ самого хозяина, умѣнье съ его стороны не только наблюдать за работою, но и подать примѣръ. На сторонѣ нѣмцевъ-колонистовъ есть эти условія, а потому у нихъ случаи самовольнаго ухода рабочихъ являются рѣдкими исключеніями. Если комиссія станетъ на этотъ путь, то, какъ бы ни были въ ближайшемъ будущемъ малы практическія послѣдствія такого ея отношенія къ дѣлу, само отношеніе будетъ важно уже какъ авторитетное признаніе того, что должно быть признано. Если же комиссія попытается рѣшить задачу установленіемъ болѣе строгихъ взысканій съ рабочихъ, которые нарушили договоръ, то цѣль вовсе не будетъ достигнута.

Остается первый пунктъ и, по нашему убѣжденію, самый трудный. Съ перваго взгляда кажется очень немудреною задача, которую ставить себѣ комиссія. Равномѣрное распредѣленіе сельскихъ рабочихъ по хозяйствамъ, которыя въ нихъ нуждаются, не представляетъ ничего сложнаго. Стоитъ только публиковать въ общераспространенномъ изданіи (наприм., *Сельскомъ Вѣстникѣ*) о числѣ рабочихъ, которые нужны каждой волости, въ предѣлахъ уѣздовъ и губерній, куда направляются рабочіе. Эти данныя могутъ получить еще болѣшую извѣстность, если, кромѣ опубликованія въ распространенной газетѣ, вывѣшивать ихъ на стѣнахъ волостныхъ управленій, у домовъ сельскихъ старостъ, около народныхъ училищъ и т. д. Однако, эти данныя часто могутъ не соответствовать дѣйствительно. Размеры предстоящаго урожая хлѣбовъ и травъ нерѣдко выясняются только послѣ обильныхъ дождей, выпавшихъ поздною весной, а тысячи и тысячи гораздо раньше этого отправляются на заработки. Такимъ образомъ, прежде, чѣмъ администрація успѣетъ собрать хотя приблизительно точныя свѣдѣнія о числѣ рабочихъ, которые могутъ найти занятіе въ томъ же

другомъ мѣстѣ, многіе уже оставляютъ свои семьи и побредутъ искать работы. Но есть другое обстоятельство, гораздо болѣе важное. Факты показываютъ, что съ каждымъ годомъ возрастаетъ число рабочихъ, отправляющихся на югъ для сельско-хозяйственныхъ работъ.

Въ годы очень обильнаго урожая это число оказывается недостаточнымъ, чтобы сполна удовлетворить запросъ на рабочія руки. Въ годы же мало урожайные число идущихъ на заработки далеко превышаетъ запросъ, и плата опускается очень низко. Какія бы старанія ни приложила коммиссія, она не можетъ достигнуть того, чтобы число людей, уходящихъ на заработки, къ выгодѣ для сельскихъ хозяевъ, увеличилось въ первомъ случаѣ и чтобы оно, къ выгодѣ для нанимающихся, уменьшилось во второмъ. Обильный урожай поднимаетъ достатокъ крестьянства и въ мѣстахъ, откуда направляются на работы, уменьшаетъ число выходцевъ; оно не можетъ быть увеличено никакими искусственными мѣрами. Если бы коммиссія, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, невыгоды рабочихъ въ малоурожайные годы, старалась уменьшить ихъ число, то она не имѣла бы въ этомъ успѣха. Предположимъ, что вычисления, сдѣланныя администраціей, опредѣляютъ въ 1 миллионъ число рабочихъ, на которыхъ предъявляютъ запросъ всѣ мѣстности, пользующіяся наемнымъ трудомъ пришельцевъ; предположимъ, что эта общая масса точно распределена по губерніямъ и уѣздамъ: если число крестьянъ, имѣющихъ надобность въ отысканіи заработковъ ввѣ дома, достигнетъ 2 миллионъ, то всѣ они двинутся, понизятъ плату до уровня самаго ничтожнаго вознагражденія за трудъ. И на эту низкую плату многіе не найдутъ занятія и будутъ поставлены въ тяжелое положеніе.

Поэтому, изъ всѣхъ задачъ, которыя стоятъ передъ коммиссіей, наиболѣе благодарной является та, которая связана съ доставленіемъ передвижающимся рабочимъ удобствъ во время нахождения ихъ въ пути. Такъ какъ желѣзныя дороги сократили путь, то эта задача имѣетъ гораздо менѣе важное значеніе, нежели доставленіе удобствъ переселенцамъ, при ихъ долгомъ странствіи въ Азіатскую Россію. Даже собраніе свѣдѣній о числѣ рабочихъ, въ которомъ нуждаются отдѣльныя мѣстности, и опубликованіе этихъ свѣдѣній во всеобщую извѣстность не такъ важно теперь, какъ 20—15 лѣтъ тому назадъ. Народились новые органы провинціальной печати, и вопросы народнаго хозяйства занимаютъ въ нихъ первенствующее мѣсто. Грамотность въ деревняхъ сдѣлала также значительные успѣхи. Вслѣдствіе этого населеніе деревень Кіевской, Полтавской, Черниговской губерній, откуда крестьяне идутъ на заработки, уже съ ранней весны имѣетъ свѣдѣнія объ урожаѣ, котораго можно ожидать въ южныхъ, рѣдко населенныхъ губерніяхъ. А потому и въ настоящее время люди идутъ на заработки не совсѣмъ ошупью: они не знаютъ теперь, что Херсонской губерніи нужно 200,000 рабочихъ, а Кубанской области 100,000; но имъ извѣстно, что въ первой губерніи можетъ найти себѣ занятіе большее число людей, нежели во второй, а потому первая и привлекаетъ больше народа.

Но работы комиссії привели бы къ очень важнымъ послѣдствіямъ, еслибъ она сдѣлала отправною точкой для своихъ занятій убѣжденіе, что сельско-хозяйственные отхожіе промыслы въ Россіи являются фактами совершенно несообразными, что они рѣзко противорѣчатъ всѣмъ особенностямъ нашей общественной жизни. Нечего удивляться тому, что крестьяне Ломбардіи ежегодно многими тысячами переѣзжаютъ въ Южную Америку для уборки жатвы; при густомъ населеніи Сѣверной Италіи всегда есть избыточные рабочіе руки, которыя могутъ съ большою выгодой провести $1\frac{1}{2}$ —2 мѣсяца въ годъ за предѣлами родины. Рѣдкое же населеніе Россіи и огромныя пространства земель, или вовсе не взятыхъ подъ культуру, или воздѣлываемыхъ по самымъ первобытнымъ системамъ хозяйства, дѣлаютъ такое кочеваніе рабочихъ въ Россіи крайнимъ абсурдомъ. Правда, населеніе густо въ губерніяхъ, откуда люди отправляются на заработки, но оно очень рѣдко тамъ, гдѣ предъявляютъ запросъ на рабочія руки. Поэтому единственно разумная и справедливая народно-хозяйственная политика состояла бы въ томъ, чтобы вся масса, которая отправляется искать заработковъ, была навсегда передвинута въ мѣстности, гдѣ она только временно прилагаетъ трудъ. Если изъ года въ годъ Екатеринославская губернія дасть занятіе 250,000 пришлымъ рабочимъ, то желательнo, чтобы эта $\frac{1}{4}$ милліона упрочила въ Екатеринославской губерніи свою осѣдность. Такая цѣль не можетъ быть достигнута переселеніемъ всей этой массы на казенныя земли южныхъ губерній, имѣющихъ очень небольшія площади государственныхъ земель. Но частовладѣльческія земли даютъ для этого очень широкій просторъ.

Сельское хозяйство среднихъ и крупныхъ владѣльцевъ Южной Россіи опирается на трудъ пришлыхъ рабочихъ. За рѣдкими исключеніями всѣ хозяева жалуются на ежегодно возрастающую трудность пользоваться этими рабочими. До тѣхъ поръ, пока хозяева слышатъ, что разныя сельско-хозяйственныя общества и даже правительство надѣются поставить этотъ способъ веденія хозяйства въ нормальныя условія, они не торопятся съ продажей своихъ земель. Они думаютъ, что явленіе, противуестественное по существу своему, можетъ быть сдѣлано нормальнымъ. Но разъ вновь учрежденная правительственная комиссія выразитъ сомнѣніе въ возможности упорядочить веденіе сельскаго хозяйства съ пришлыми рабочими и выскажется за то, что переселеніе въ малолюдныя губерніи значительной части крестьянъ, которые идутъ на заработки, является единственно правильнымъ рѣшеніемъ вопроса, — какъ многіе крупные и средніе землевладѣльцы южныхъ губерній послѣдуютъ съ продажей своихъ земель крестьянамъ при посредствѣ крестьянскаго земельного банка. Этотъ процессъ не уничтожитъ въ южныхъ губерніяхъ крупнаго и средняго частнаго землевладѣнія, но онъ сужитъ его площадь. Чѣмъ болѣе будетъ суживаться площадь крупнаго и средняго землевладѣнія въ южныхъ губерніяхъ, тѣмъ большія будутъ достигаться годы, какъ для народнаго, такъ даже и для частнаго хозяйства. Владѣльцы, распродавшіе большую часть своихъ земель, получаютъ возмож-

при помощи вырученныхъ отъ продажи денегъ, вести на оставшихся за ними участкахъ улучшенное хозяйство, а потому и болѣе доходное. Крестьяне, пріобрѣвшіе землю и навсегда переселившіеся въ тѣ губерніи, куда они теперь только ходятъ для заработковъ, сдѣлаютъ свой бытъ болѣе прочнымъ, а народное хозяйство получить крупный выигрышъ потому, что будетъ уменьшаться число людей, которые вынуждены бродить по обширнымъ пространствамъ въ поискахъ за кускомъ хлѣба.

Выгодность для многихъ частныхъ землевладѣльцевъ намѣченнаго нами исхода доказывается задолженностью русскаго землевладѣнія. Недавно въ *Вѣстникѣ Финансовъ* были напечатаны свѣдѣнія о долгахъ частнаго землевладѣнія къ 1894 году. Въ 66 губерніяхъ Европейской Россіи, включая и Кавказъ, площадь частно-владѣльческихъ земель составляетъ 115 милліоновъ десятинъ; изъ нихъ въ залогѣ состояло около 47½ милліоновъ десятинъ, т.-е. 41,3%. Всѣ заложеныя земли оцѣнены кредитными учрежденіями суммою около 2,290 милліоновъ рублей; подъ нихъ выдано ссудъ на 1,269 милліоновъ и остается непогашеннаго долга 1,174 милліона. Наибольшая площадь земли—около 16,3 милліоновъ десятинъ—заложена въ акціонерныхъ банкахъ, 10,3 милліона десятинъ заложены въ дворянскомъ банкѣ, 5,6 милліоновъ—въ особомъ его отдѣлѣ и около 15 милліоновъ—въ остальныхъ земельныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ. Такъ какъ долги, которые лежали въ 1859 году на помѣщичьихъ имѣніяхъ, были погашены посредствомъ выкупной операціи, то задолженность является результатомъ 35 послѣднихъ лѣтъ. Долги землевладѣнія рѣдко колеблются по отдѣльнымъ губерніямъ. Въ сѣверныхъ губерніяхъ, промышленныхъ и на Кавказѣ земля обременена небольшими долгами; въ малороссійскихъ же губерніяхъ, среднихъ черноземныхъ, новороссійскихъ задолженность особенно велика. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ уже давно дѣйствуютъ ипотечныя учрежденія, заложено болѣе 70% всей площади земли, но на каждую десятину падаетъ только небольшая сумма долга.

Эти цифры не внушали бы серьезныхъ опасеній, если бы не было налицо другого угрожающаго факта—быстраго роста долговъ. Къ 1887 году тремя кредитными учрежденіями: дворянскимъ банкомъ, крестьянскимъ и обществомъ взаимнаго кредита было выдано ссудъ на 243 милліона, а въ 1894 году, т.-е. черезъ 8 лѣтъ, эта сумма увеличилась на 288 милліоновъ и достигла 531. Повидимому, можно было ожидать, что учрежденіе дворянскаго банка уменьшить задолженность землевладѣнія въ акціонерныхъ банкахъ. А дѣйствительность даетъ другую картину: къ 1887 году акціонерныя банки было выдано въ ссуду 335½ милліоновъ, а къ текущему итогу суммъ достигъ уже 506 милліоновъ рублей. Ростъ задолженности землевладѣнія обнаруживается также и на суммѣ долга, обременяющей среднюю десятину: въ 1889 году на десятину причиталась ссуда въ 12 коп., а въ 1894 году—27 р. 97 коп.

къ извѣстно, только небольшая часть ссудъ получила производитель-

ное назначеніе и увеличила доходность помѣщичьей земли. Большая же часть ихъ затрачена такъ, что поставила владѣльца въ гораздо болѣе стѣсненное положеніе, нежели до заключенія займа. Ни пониженіе процента, ни разнообразныя льготныя условія, которыя, по примѣру дворянскаго банка, и акціонерные банки устанавливаютъ для своихъ заемщиковъ, не могутъ чувствительно облегчить тяготу, которая лежитъ на землевладѣльцахъ. Сельскіе хозяева дѣлаютъ судорожныя усилія, чтобы устоять подъ напоромъ неблагоприятныхъ вліяній, но послѣднія оказываются слишкомъ могущественными. Напомнимъ, что пониженіе цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ уменьшило за послѣднія 15 лѣтъ доходность крупныхъ и среднихъ хозяйствъ въ Англіи. Землевладѣльцы для того, чтобы поддержать сильно поколебавшуюся ренту, стали обращаться отъ крупныхъ арендаторовъ къ мелкимъ, дробить крупныя фермы на мелкія. И въ Англіи можетъ быть подмѣченъ фактъ, что мелкій поселянинъ, менѣе завися отъ всемірнаго рынка, чѣмъ крупный хозяинъ, держится, когда послѣдній уже изнемогаетъ подъ тяжестью своего положенія. А если такое явленіе наблюдается въ Англіи, гдѣ крупные хозяева обладаютъ капиталами, знаніями, дѣловитостью, то въ Россіи переходъ въ руки крестьянъ все большей и большей площади частно-владѣльческихъ земель доставитъ еще большія выгоды: русскій сельскій хозяинъ, за рѣдкими исключеніями, не отличается ни познаніями, ни дѣловитостью; они не могутъ получить надъ мелкимъ владѣльцемъ большой перевѣсъ и относительно капитала, влагаемаго въ землю, такъ какъ, имѣя слишкомъ широкія потребности, предпочитаютъ расходовать на лично-семейныя нужды то, что могло бы быть употреблено на развитіе хозяйства. Возростаніе же долговъ дѣлаетъ положеніе частнаго землевладѣнія все болѣе затруднительнымъ. Поэтому, разсматривая дѣло и съ этой стороны, мы признаемъ переходъ значительной площади земли къ крестьянамъ отпаднымъ фактомъ русской экономической жизни.

Перваго іюня утверждень новый уставъ сберегательныхъ кассъ, которыя получаютъ теперь названіе «государственныхъ». Принимая на себя отвѣтственность за дѣлость капиталовъ, которые ввѣряются кассамъ, правительство опредѣленно высказываетъ мысль, что суммы, внесенныя въ кассы, не могутъ быть употребляемы на общіе государственные расходы.

Новый уставъ открываетъ для учрежденія кассъ болѣе широкій просторъ, нежели то было до настоящаго времени. Сберегательныя кассы могутъ быть открываемы въ городахъ и другихъ населенныхъ пунктахъ; онѣ могутъ быть учреждаемы какъ при правительственныхъ мѣстахъ, такъ и при частныхъ заведеніяхъ; кассы могутъ имѣть постоянныя и временныя отдѣленія; во время ярмарокъ могутъ быть открываемы передвижныя отдѣленія. Новый уставъ вводитъ нѣкоторыя измѣненія и въ операціи кассъ. Вклады, кромѣ общаго назначенія, могутъ имѣть и специальное, наприм., на плату за ученіе, на поминъ души. Вклады могутъ быть также удерживаемы, причемъ право распоряженія процентами и капиталомъ наст...

только съ наступленіемъ извѣстнаго событія — совершеннолѣтія, выхода замужъ. Въ настоящее время пріемъ вкладовъ въ сберегательныя кассы ограниченъ 50 рублями за одинъ разъ. Новый уставъ отмѣняетъ это правило: онъ разрѣшаетъ взносъ сразу до 1,000 рублей, т.-е. предѣльной суммы на одно лицо. Для обществъ и учреждений предѣльная сумма вкладовъ повышена до 3,000 рублей. Но съ переходомъ вклада за 1,000 рублей текущій процентъ понижается. Какъ скоро вкладъ достигъ предѣльной нормы и когда должно прекратиться начисленіе процентовъ, то касса обязана извѣстить объ этомъ вкладчика, дабы онъ распорядился относительно своего вклада. Если вкладчикъ не отвѣтилъ въ теченіе мѣсяца, то касса обязана купить за его счетъ государственную процентную бумагу. Такъ какъ бумаги, купленныя для вкладчика изъ его вклада, не принимаются въ расчетъ при исчисленіи денегъ, которыя состоятъ на счету вкладчика (хотя бы сумма денегъ и цѣна вклада превышали предѣльную сумму), то теченіе процентовъ продолжается. Бумаги, купленныя для вкладчика кассою, хранятся бесплатно, причемъ касса слѣдитъ за выходомъ бумагъ въ тиражъ, за сроками купоновъ. Это правило можетъ доставить существенныя выгоды мелкимъ владельцамъ государственныхъ бумагъ, которые часто малограмотны, а потому и не умѣютъ услѣдить за выходомъ процентныхъ бумагъ въ тиражъ. По новому уставу, каждому вкладчику дано право сдѣлать относительно вклада завѣщательное распоряженіе. Тамъ, гдѣ вкладчикъ уже отдѣлился отъ своего двора и начинаетъ основывать собственное хозяйство, хотя юридически не вполне обособился отъ членовъ семьи, такое право можетъ получить существенное значеніе: оно направитъ вкладъ, въ случаѣ смерти вкладчика, не членамъ той семьи, съ которыми фактически его связь почти порвана, а тѣмъ, кого соединяютъ съ нимъ наиболѣе близкіе жизненные интересы. Малолѣтніе и несовершеннолѣтніе получаютъ право не только вносить вклады, но и брать ихъ обратно. Этимъ преслѣдуется цѣль развить привычку къ сбереженіямъ въ самые юные годы. Вотъ наиболѣе существенныя пункты, которые увеличиваютъ доступность кассъ. Замѣтимъ, что сберегательныя кассы могутъ, съ разрѣшенія министра финансовъ, производить операціи, которыя, вообще, дозволено производить государственному банку. Мы полагаемъ, что малочисленность личнаго состава и простота администраціи сберегательныхъ кассъ можетъ затруднить кассы, если ихъ операціи станутъ слишкомъ разнообразными.

---

8 іюня въ Софіи скончался Михайлъ Петровичъ Драгомановъ, извѣстный русскій ученый и публицистъ. Онъ родился въ 1841 году въ Гадячѣ, окончилъ полтавскую гимназію, историко-филологическій факультетъ Кіевскаго университета и началъ ученую дѣятельность диссертацией *pro venia legendi: Императоръ Тиверій*. Въ первой половинѣ 70-хъ годовъ онъ занялъ кафедру всеобщей исторіи въ Кіевскомъ университетѣ, а за послѣдніе годы ту же кафедру въ высшей школѣ въ Софіи. Пемиме цѣлаго ряда

статей въ *Вѣстникъ Европы*, *Дѣло*, *Отечественныхъ Запискахъ* и другихъ русскихъ журналахъ, а также нѣкоторыхъ иностранныхъ изданіяхъ, покойный напечаталъ изслѣдованіе *Вопросъ объ историческомъ значеніи Римской имперіи и Тацитъ*, а также издалъ вмѣстѣ съ В. В. Антоновичемъ первый томъ интереснаго собранія *Историческихъ пѣсенъ малорусскаго народа, съ объясненіями*. Онъ участвовалъ также въ составленіи посвященнаго Малороссіи тома географіи Реклю.

15 іюня въ Петербургѣ, въ Новой деревнѣ, похоронили извѣстнаго писателя Сергѣя Николаевича Терпигорева (Атаву). Г. Сигма сообщалъ въ *Новомъ Времени*, что русская литература обязана появленіемъ этого писателя Некрасову. Выслушавъ устные рассказы Терпигорева, Некрасовъ посоветовалъ ему написать ихъ. На возраженіе Сергѣя Николаевича, что ему перевалило за тридцать лѣтъ, знаменитый поэтъ отвѣтилъ: «А что-жь, и по атавѣ (по скошенному лугу) иногда трава хорошо растетъ. Попробуйте-ка». И трава дѣйствительно пошла хорошая. Появившееся въ *Отечественныхъ Запискахъ* первое (и самое значительное) произведеніе Терпигорева возбудило общій интересъ, какъ яркая, талантливая картина дворянскаго *Оскуднѣнія*. Въ послѣдующихъ сочиненіяхъ Атава часто возвращался къ эпохѣ печальной памяти крѣпостного права (*Потрешенныя тѣни*, *Историческія повѣсти* и друг.). Въ *Новомъ Времени* покойный нѣсколько лѣтъ помѣщалъ живые и талантливые фельетоны.

Прошлый мѣсяць принесъ еще двѣ значительныя утраты для русскаго общества: скончались извѣстный знатокъ и собиратель народныхъ картинъ и сказокъ Д. А. Ровинскій и Д. А. Наумовъ, бывший въ теченіе болѣе четверти вѣка, съ самаго основанія земскихъ учреждений, предсѣдателемъ московской губернской земской управы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Іюль

1895 года.

Содержаніе. I. Книги: Беллетристика.—Критика и публицистика.—Философія и психологія.—Исторія и біографіи.—Географія, этнографія и путешествія.—Политическая экономія и финансы.—Юридическія книги.—Техническія книги.—Сельское хозяйство.—Медицина.—Учебники и дѣтскія книги.—Изданія для народа. II. Периодическія изданія: «Русскій Вѣстникъ», апрѣль—іюнь.—«Сѣверный Вѣстникъ», іюнь.—«Русское Богатство» май.—«Дѣтское Чтеніе», кн. I—V.—«Игрушечка», кн. I—V. III. Слѣсокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1895 года.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

„Грезы“. И. А. Салова.—„Въ семьѣ и внѣ семьѣ“. В. М. Михеева.—„Золоченая Богема“. В. Святлова.—„Кавказскія преданія и легенды“. Ею же.—„Собраніе сочиненій“ Андерсена.

Грезы, повѣсть И. Салова. Москва, 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к. Авторъ правдиво, какъ во всѣхъ своихъ произведеніяхъ, изображаетъ въ этой повѣсти картинки изъ житея-бытья большого провинціального города, въ которыхъ центральное мѣсто занимаетъ некрупная сама по себѣ, но очень милая фигура Шурочки Шумиловой, увлеченной „грѣзами“ о сценической карьерѣ. Дочь мелкаго чиновника, „обремененнаго“ большою семьей, она поступила въ труппу мѣстнаго театра на „выхода“ и на самыя крошечныя роли, чтобы своимъ тридцати-рублевымъ жалованьемъ помогать отцу и матери, перебивающимся грошовымъ чиновничьимъ содержаніемъ и подачками „крестнаго“ Шурочки, „генерала“ Туберкулозова, съумѣвшаго изъ семинарскихъ товарищей Шумилина сдѣлаться важнымъ и богатымъ бариномъ, вліятельнымъ губернскимъ тузомъ, покровителемъ искусства, преимущественно, сценическаго и, въ особенности, молоденькихъ актрисокъ. На свою хорошенькую крестницу бодрый жуиръ давно уже заглядывается, поощряетъ ея стремленіе къ сценѣ и, подъ благовиднымъ предлогомъ „духовнаго“ родства, балуетъ ее подарками, подкупаетъ ея родителей подачками. Пріѣздъ въ губернскій городъ знаменитаго провинціального трагика Печорина сразу измѣняетъ положеніе Шурочки на сценѣ и въ театральномъ кружкѣ. Опытный и умный актеръ, изомъ знатока отличилъ въ ничтожной актрискѣ признаки дарованія, и дѣющаго большія надежды, и порѣшилъ „сдѣлать“ изъ нея Офелію, сестратъ съ нею свою коронную роль Гамлета. Печоринъ не ошибся: она съ природы очень нервная, впечатлительная и умная Шурочка, подкупленная Печоринимъ, разряженная щедротами „крестнаго“, чуть не

умирая отъ страха, сыграла роль Офеліи такъ, что поразила и учителя, и покровителя, и публику необычайно задушевною, глубоко трогательною нѣжностью созданнаго ею образа несчастной возлюбленной „принца датскаго“. Юныя „грѣзы“ превратились въ дѣйствительность, но не надолго. Печоринъ, какъ птица перелетная, отправился дальше по Россіи собирать лавры и рубли, сердечно простился съ талантливою ученицей, предложилъ ей мѣсто въ труппѣ, которую самъ въ качествѣ антрепренера собиралъ къ осени, и взялъ съ неопытной и наивной дѣвушки слово, что она въ случаѣ нужды обратится къ нему за помощью, какъ къ самому искреннему другу. Такой случай не заставилъ себя ждать долго. Все болѣе и болѣе увлекающійся крестницею генералъ, встрѣтивши энергичный отпоръ своему ухаживанью, рѣшилъ дѣйствовать черезъ старика Шумилина, законнымъ образомъ жениться на Шурочкѣ. Шумилинъ быстро устранилъ препятствіе, уничтожилъ доказательство того, что Туберкуловъ крестилъ его дочь, и такъ настроилъ дѣло, что Шурочкѣ ничего не оставалось дѣлать, какъ согласиться на бракъ съ старымъ развратникомъ или бѣжать изъ дому и изъ города. Она уѣхала къ Печорину. Тотъ принялъ ее съ распростертыми объятіями, зачислилъ въ свою труппу, далъ денегъ, назначилъ день представленія *Гамлета*... Образумившійся Туберкуловъ пріѣхалъ спасать крестницу отъ увлеченія сценой, но отъ Печорина она спаслась только выстрѣлами изъ револьвера. Шурочка вернулась домой совершенно отрезвленной отъ своихъ „грѣзъ“ и сдѣлалась невѣстой милаго молодого человѣка, давно любившаго ее, давно любимаго ею самою искреннею любовью, едва не принесенною въ жертву заманчивымъ „грѣзамъ“. Такова фабула повѣсти, написанной замѣчательно правдиво, просто и, — что составляетъ особенность рассказовъ И. А. Салова, — переданной съ чудесною ясностью духа, съ добродушнымъ юморомъ, покрывающимъ собою неприглядныя стороны жизни и такихъ характеровъ, какъ Туберкуловъ и старикъ Шумилинъ, — съ юморомъ, отнюдь не примиряющимъ съ ихъ дрянностью, а вызывающимъ мягкое и незлобивое чувство сожалѣнія о томъ, что такова дѣйствительность, что такovy бываютъ родители и ихъ друзья, готовые внести позоръ въ семью, сгубить молодую жизнь, ради удовольствіенія дурныхъ инстинктовъ. Страницы, посвященныя описанію триумфа Шурочки въ роли Офеліи, производятъ такое впечатлѣніе, будто самъ видишь пылкую игру дебютантки и настроеніе очарованной ею публики.

Въ семьѣ и внѣ семьи. Очерки и рассказы В. М. Михеева. Изданіе М. М. Ледерле и К°. Спб., 1895 г. Ц. 1 руб. Читатели разныхъ сборниковъ „очерковъ и рассказовъ“, вѣроятно, замѣтили уже давно, что заглавія такихъ книжекъ, въ большинствѣ случаевъ, не имѣютъ никакого отношенія къ ихъ содержанію, измышляясь авторами и даются произвольно съ расчетомъ на то, чтобы привлечь вниманіе публики. Въ этомъ отношеніи книжка г. Михеева не составляетъ исключенія, и мы находимъ, что авторъ придумалъ очень удачное заглавіе для обложки своихъ двѣнадцати рассказовъ, такъ какъ все, что случается съ людьми, происходитъ или „въ семьѣ“, или „внѣ семьи“. Про нѣкоторые рассказы, помѣщенные въ книжкѣ, можно сказать, что въ нихъ передаются приключенія, стояща „внѣ дѣйствительной жизни“, но такихъ не много: *Письмо призрака*, *Весна* и *Грѣза Триана*. Въ первомъ излагается какой-то ни съ чѣмъ несообразный спиритическій вздоръ, оправдываемый до нѣкоторой степени подзаголовкомъ:

„святочный рассказ“, но ничуть не оправдываемый ссылкой на „святочные рассказы“ Диккенса, до которыхъ *Письму призрака* такъ же далеко, какъ *Весня* г. Михеева до отрывка повѣсти Макколея изъ римской жизни... Сравненіе само напросилось, такъ какъ событіе, рассказанное авторомъ, приурочено ко времени императора Нерона, причемъ „супруга Цезаря“, знаменитая Поппея, названа авторомъ „Помпеей“, — конечно, опечатка. Самый же рассказъ такъ же плохъ и безсодержателенъ, какъ и *Грѣза Трианона*, подзаголовкомъ въ которому можно бы поставить: „пустословіе семидесяти-лѣтняго старика съ двадцатилѣтнею барышней въ тѣни каштановъ Трианона“. Лучшій рассказъ въ книжкѣ, единственный, въ которомъ есть мысль и живыя странички, озаглавленъ *Присяжный засѣдатель*. Онъ былъ бы совсѣмъ даже хорошъ, если бы не былъ такъ растянутъ, если бы поменьше было въ немъ повтореній, да еще... если бы авторъ, прежде чѣмъ пускаться въ свѣтъ это повѣствованіе, побывалъ въ окружномъ судѣ и присмотрѣлся къ тому, что и какъ тамъ происходитъ. Тогда авторъ не написалъ бы, что „предсѣдатель и члены суда *въ чпняхъ на груди* сѣли за большой столъ...“ и что за ними пришелъ „прокуроръ *во фракъ* съ золотыми пуговицами, также *съ чпню на груди*“. Это, вѣдь, курамъ на смѣхъ!... Не написалъ бы также г. Михеевъ, что явка 20 присяжныхъ засѣдателей считается достаточною для открытія засѣданія... Ну, да Богъ ему простить за доброе намѣреніе показать благотворное вліаніе суда присяжныхъ на умственное и нравственное развитіе всего русскаго общества. Такое же доброе намѣреніе искушаетъ слабость рассказа *Далекая панихида*, посвященная „памяти М. Е. Салтыкова“. Въ этомъ рассказѣ авторъ передаетъ о томъ, какое огромное и живительное впечатлѣніе производили писанія великаго сатирика на самыхъ далекихъ окраинахъ, въ глухихъ уголкахъ Сибири. Объ остальныхъ „очеркахъ и рассказахъ“ сказать рѣшительно нечего, — настолько они мало содержательны. Въ заключеніе можно отмѣтить лишь то, что г. Михеевъ, повидимому, большой любитель „посвященій“: вся книжка „посвящена дорогому учителю Михаилу Васильевичу Загоскину“, изъ двѣнадцати рассказовъ четыре „посвящены“ разнымъ лицамъ: В. П. Острогорскому, В. И. Островскому, Л. Б. Яворской, Н. Н. Златовратскому, затѣмъ одинъ — „памяти“ дѣдушки г. Михеева и послѣдній — „памяти М. Е. Салтыкова“. Книжка издана очень чисто и красиво.

Золоченая богема. Романъ изъ петербургской жизни. В. Свѣтлова. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р. 25 коп. — Кавказскія преданія и легенды. В. Свѣтлова. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р. 25 коп. Романъ „изъ петербургской жизни“ написанъ гладко, литературно, легко и... легко-вѣсно, по-фельетонному. Нѣтъ въ немъ ни одного новаго характера, ни одного лица или положенія, которыя не были бы знакомы русскимъ читателямъ изъ множества повѣстей и романовъ домашняго производства и переводныхъ съ иностранныхъ языковъ. Самое заглавіе звучитъ не русскимъ, да и нѣтъ у насъ, собственно говоря, настоящей богемы, на парижскій ладъ, а есть только разнаго званія заматавшіеся люди, давно и очень характерно изображенные А. Михайловымъ Шеллеромъ) въ весьма разнообразныхъ положеніяхъ, неизмѣримо болѣе интересныхъ, чѣмъ тѣ, въ которыя ставитъ своихъ героевъ и героинь г. Свѣтловъ. „Праздношатающіеся“ и „заматавшіеся“ господа и госпожи, изображенные въ романѣ *Золоченая богема*, не представляютъ собой ни одной черточки оригинальной, и во всей книжкѣ самое лучшее, это — описаніе Монте-Карло съ его игорнымъ домомъ, садами и

отелями, съ чудною природою и отвратительно-жалкими фигурами ограбленныхъ и крѣпко организованной шайки грабителей, гнѣздящихся въ этомъ притонѣ современныхъ пиратовъ.

Неизмѣримо лучше *Кавказскія преданія и легенды* того же автора, — семь рассказовъ, сложенныхъ на основаніи мѣстныхъ повѣствованій кавказскихъ горцевъ, преимущественно осетинъ и грузинъ. При самомъ вѣздѣ въ Дарьяльское ущелье, на лѣвомъ берегу Терека, на громадной скалѣ высятся хорошо сохранившіяся башни и стѣны „замка Тамары“, а затѣмъ, чѣмъ далѣе подвигаешься въ глубь Грузіи за бывшую ея столицу Мцхетъ, тѣмъ чаще попадаются то одинокія башни, то замки средневѣковаго типа, то цѣлыя крѣпости, то одиноко стоящія полуразрушенныя или разрушающіеся церкви и монастыри, невѣдомо кѣмъ и когда выстроенные. И каждый изъ этихъ памятниковъ многовѣковой старины имѣетъ свою легенду, нерѣдко вполне пригодную для превращенія въ романъ или драму. Надо только умѣть добратся до такой легенды, что не всегда легко, такъ какъ и мѣстное населеніе начинаетъ уже забывать ихъ подъ напоромъ новой жизни, захватившей страну со времени покоренія Кавказа русскими. Многія изъ такихъ легендъ и преданій, повидимому, и теперь должны считаться навсегда потерянными. Тѣмъ желательнѣе записать и собрать тѣ изъ нихъ, которыя еще сохранились въ памяти народа. Судя по образцу семи рассказовъ г. Свѣтлова, такой трудъ былъ бы для него болѣе подходящимъ, чѣмъ писанье „богемскихъ“ романовъ. Авторъ умѣетъ сохранить народный и мѣстный колоритъ въ своихъ пересказахъ, придавая имъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, надлежащую литературную форму. Начиная съ Мцхета, съ его монастырями и церквами, цѣлый рядъ замковъ и иныхъ развалинъ тянется по дорогѣ къ Кутаису и въ особенности по ущельямъ, мимо Боржома къ Ахалцыху и далѣе влѣво къ Ахалкалакамъ мимо Хертвиса и Вардзін, одного изъ любопытнѣйшихъ мѣстъ Закавказья. Вотъ гдѣ богатѣйшій матеріалъ для писателя, при условіи вѣрной передачи легендъ и умѣлой ихъ литературной обработки. Не бесполезно замѣтить, впрочемъ, что къ легендамъ о знаменитой Тамарѣ слѣдуетъ относиться съ большою осторожностью, такъ какъ, кромѣ исторической Тамары, бывшей замужемъ за сыномъ великаго князя Андрея Боголюбскаго, въ преданіяхъ Грузіи фигурируютъ еще двѣ царицы, носившія то же имя. И, насколько намъ извѣстно, легенда, связанная съ замкомъ въ Дарьяльскомъ ущельѣ, должна быть отнесена не къ исторической личности, бывшей во второмъ бракѣ за Давидомъ, подлинный портретъ которой пока еще цѣлъ въ церкви пещернаго города Вардзін.

Собраніе сочиненій Андерсена, переводъ съ датскаго подлинника А. и П. Ганзенъ. Выпуски 11—16. Спб., 1895 г. Цѣна за все изданіе (4 тома) 8 руб., съ пересылкой 10 руб. Шестнадцатымъ выпускомъ закончено *Собраніе сочиненій Андерсена* въ переводѣ г-жи и г. Ганзенъ, составивши четыре большихъ тома по 32 печатныхъ листа каждый. Въ это изданіе вошли не всѣ романы славнаго датскаго писателя, не всѣ его стихотворенія и лишь немногія драматическія произведенія. Противъ исключенія изъ русскаго изданія большинства драматическихъ произведеній мы ничего не имѣемъ, такъ какъ, вообще, произведенія эти не представляютъ собою ничего особенно выдающагося или интереснаго для русскихъ читателей, равно какъ многія стихотворенія датскаго поэта, образцы которыхъ собраны и переведены въ достаточномъ количествѣ. Собственно *сочиненія* Андерсе

т.-е. все (за вышеуказанными исключениями), созданное творческою фантазіей знаменитаго писателя, занимають три первыхъ тома изданія гг. Ганзенъ. Четвертый томъ сполна отведенъ біографіи Андерсена, причѣмъ двѣ трети этого тома заняты автобіографіей поэта, озаглавленной *Сказка моей жизни* и *Прибавленіе къ Сказкѣ моей жизни*. Первая часть написана въ 1855 г., когда Андерсенъ достигъ уже „цѣли своей жизни — стать знаменитымъ писателемъ“, *Прибавленіе* написано въ 1867 г., когда онъ уже былъ наверху своей славы. Далѣе слѣдуютъ избранныя переводчиками письма Андерсена, затѣмъ—письма къ Андерсену, потомъ—статья Эдварда Коллина *Г. Х. Андерсенъ и семья Коллинъ, Замѣтки для характеристики Г. Х. Андерсена*, статья профессора Вильяма Блока, въ концѣ—*Библиографическія свѣдѣнія* и *Къ читателямъ*,—нѣчто вродѣ „резюме“ П. Г. Ганзена, выводящаго заключение изъ всего предъидущаго и завершающаго характеристику Андерсена критическимъ разборомъ различныхъ мнѣній о немъ, уже не какъ о писателѣ, а какъ о человѣкѣ.

Вообще, принято, давая характеристику писателя и дѣлая оцѣнку его вліянія на современниковъ и потомство, ограничиваться разсмотрѣніемъ его литературной и общественной дѣятельности и не касаться его частной, интимной жизни, его личности, его отношеній къ людямъ,—словомъ, принято разбирать и критиковать писателя, а не человѣка. Не то мы видимъ по отношенію къ Гансу Христіану Андерсену, и поводъ къ этому, вполне достаточный, подавъ имъ самимъ написаніемъ и опубликованіемъ *Сказки моей жизни* и отчасти своихъ *Путевыхъ очерковъ*. Писатель самъ раскрываетъ передъ публикой свою частную и интимную жизнь съ самаго ранняго дѣтства шагъ за шагомъ до старости (Андерсенъ родился въ 1805 г., свою автобіографію заканчиваетъ 1867 годомъ), дѣлится съ читателями всѣми своими огорченіями и радостями, печалуется о неудачахъ, жалуется на причиненныя кѣмъ-либо и когда-либо обиды, на людскую несправедливость къ нему не только какъ къ писателю, но и какъ къ человѣку, искавшему сочувствія и участія и встрѣчавшему нерѣдко насмѣшки и злорадство... Все это Андерсенъ дѣлаетъ въ *Сказкѣ моей жизни* необыкновенно добродушно и простосердечно, какъ-то дѣтски-наивно, постоянно говорить о томъ, какъ былъ „счастливъ“ въ жизни, всѣхъ людей считаетъ добрыми и хорошими, вѣрять въ дружбу и расположение множества людей и обращается ко всѣмъ съ полною, довольно наивною вѣрой въ ихъ дружбу и, тѣмъ не менѣе, постоянно жалуется, огорчается, обижается, заподозриваетъ всякія злокозненности и этимъ, разумѣется, затрогиваетъ множество лицъ,—ничуть того не желая,—быть можетъ, набрасываетъ на нихъ соевѣмъ неблаговидную тѣнь. Къ разъясненію вотъ этой-то стороны характера Андерсена,—его страсти къ жалобамъ, его обидчивости, подозрительности, мнительности, доходящей до трусости, нерѣдко забавной, способности быстро утѣшаться, приходитъ въ чрезмѣрный восторгъ отъ выраженія сочувствія,—и посвящены статьи Эдварда Коллина, Вильяма Блока и П. Г. Ганзена. Эти статьи служатъ безусловно необходимымъ дополненіемъ къ *Сказкѣ моей жизни* и въ совокупности своей даютъ автобіографіи надлежащее освѣщеніе, служатъ къ правильному уясненію характера поэта, къ уразумѣнію истинныхъ причинъ его скорбей и радостей и, что не менѣе важно, причинъ огорчавшаго Андерсена отношенія къ нему современниковъ-датчанъ, особливо въ первую половину его литературной дѣятельности. Какъ справедливо замѣтилъ П. Г. Ганзенъ, Эдвардъ

Коллинъ, „другъ дѣтства“ Андерсена, оставшійся „другомъ“ его до самой смерти поэта, въ статьѣ своей Г. Х. Андерсенъ и семья Коллинъ на каждомъ шагѣ вступаетъ „въ полемику съ Андерсеномъ (уже умершимъ), направленную, главнымъ образомъ, противъ *Сказки моей жизни*“,—видимо чувствуетъ свою неправоту передъ другомъ въ дни его молодости, не безъ основанія принимаетъ отчасти на свой счетъ укоръ Андерсена въ томъ, что „всѣ хотѣли его, Андерсена, *воспитывать*, даже тогда, когда пора всякаго воспитанія уже миновала“, и старается значительную долю вины во всемъ свалить на самого Андерсена. Наоборотъ, П. Г. Ганзенъ въ своемъ заключеніи увлекается, по нашему мнѣнію, защитою Андерсена настолько, что не всегда остается вполнѣ беспристрастнымъ. Такъ, г. Ганзенъ горячо вступается за „особенную“ манеру писать Андерсена. Дѣло въ томъ, что много огорченій причинили Андерсену нападки критики и указанія друзей, „желавшихъ его воспитывать“, на неправильность его языка, слога. „Смѣлая претензія Андерсена *писать, какъ говорятъ*, не позволяла ему писать, *какъ пишутъ*, особенно какъ пишутъ нѣкоторые друзья его,—замѣчаетъ г. Ганзенъ.—Канцелярскимъ слогомъ писать сказки нельзя, и счастье Андерсена, что у него хватило „упрямства“ продолжать писать по-своему, не поддаваясь внушеніямъ своихъ систематически образованныхъ друзей и критиковъ“. Да, конечно, это счастье для Андерсена и для насъ, читающихъ его чудныя сказки, написанныя имъ „по-своему“, но совершенно правы были критики, разносившіе Андерсена, и друзья, пытавшіеся его „исправлять“, когда „смѣлая претензія“ проявлялась слишкомъ рано и далеко не въ одобрительной формѣ простой безграмотности, такъ какъ Андерсенъ началъ писать и даже въ славу входить человѣкомъ весьма малограмотнымъ. Вотъ почему въ чужихъ краяхъ, въ Германіи, Швеціи, во Франціи, гдѣ произведенія его читались въ переводахъ, слѣдовательно, въ „грамотномъ“ видѣ,—его вѣрно и по достоинству оцѣнили прежде, чѣмъ въ Даніи, гдѣ Андерсенъ претерпѣвалъ одни огорченія, приписывая ихъ людской несправедливости. Сказки нельзя писать канцелярскимъ слогомъ, какъ нельзя такимъ слогомъ и ничего писать, но для того, чтобы получить право писать не такъ, „какъ пишутъ“, а по-своему, для этого надо сначала доказать критикѣ и публикѣ, что писанье „по-своему“ выходитъ хорошо, производитъ надлежащее впечатлѣніе, что это „особенность“ автора, пригодная для извѣстнаго рода произведеній, а не есть результатъ малограмотности, манерничанья, чрезмѣрныхъ претензій. Разъ писатель убѣжденно сознаетъ, что ему должно слѣдовать своему влеченію писать не такъ, какъ принято всѣми въ данное время, тогда ему уже нечего обижаться на публику, на критику, на „друзей“, нечего огорчаться и плакаться на несправедливости, а надлежитъ доказать свою правду, убѣдить въ томъ, что въ такой-то „особенности“ и заключается одно изъ достоинствъ его писанья. Такъ бывало, есть и будетъ не въ одной Даніи, а во всѣхъ странахъ, гдѣ литература идетъ и развивается. „Полемика“, — какъ ее называетъ г. Ганзенъ Эдварда Коллина съ умершимъ Андерсеномъ разъясняетъ намъ, почему Андерсенъ оказывался столь болѣзненно-впечатлительнымъ къ лѣйшему порицанію, къ молчанію объ его произведеніяхъ и даже о нем самомъ.

Въ заключительныхъ строкахъ своей статьи г. Ганзенъ высказываетъ надежду, почти обѣщаніе—продолжать знакомить своими переводами русскую публику съ выдающимися произведеніями датской л

ратуры. Мы уже говорили о высокихъ достоинствахъ переводовъ г-жи и г. Ганзенъ и отъ души приветствуемъ такое намѣреніе уважаемыхъ переводчиковъ, въ успѣхъ же ихъ изданій нисколько не сомнѣваемся.

КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА.

„Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева“. В. Зелинскаго. — „Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“. П. А. Тверского. — „По тирьмамъ и вертелемъ“. А. И. Свирицаго.

Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. В. Зелинскаго. Выпускъ первый. Изд. 2-е. М., 1895 г. Значеніе сборниковъ г. Зелинскаго давно уже выяснилось: въ нихъ чувствовалась несомнѣнная потребность и этимъ объясняется ихъ большой успѣхъ. Еще недавно сочиненія Писарева и Чернышевскаго были вовсе недоступны для большинства, еще и теперь отдѣльныя критическія статьи Бѣлинскаго, Добролюбова, Ап. Григорьева, Дружинина, Анненкова могутъ только случайно залетѣть въ какой-нибудь глухой уголокъ провинціи. Мы не говоримъ уже о томъ значеніи, которое должны имѣть эти сборники для учащихся и учащихся: каковы бы ни были добрыя желанія учителя, ему невозможно было знакомить молодежь съ лучшими представителями нашей критической мысли до тѣхъ поръ, пока приходилось искать ихъ созданий въ старыхъ журналахъ. И это ненормальное положеніе несомнѣнно отразилось въ непониманіи эпохи 40-хъ и 60-хъ годовъ, которое такъ легко встрѣтить среди современной молодежи. Особенно важно было привести итоги критической оцѣнки дѣятельности Тургенева, такъ близко стоявшей къ дѣйствительности и потому вызывавшей подчасъ столь разнорѣчивые отзывы. Большинство молодежи, вступающей теперь въ жизнь, выросло на Тургеневѣ и ей далеко не лишнее разобраться въ своихъ юношескихъ впечатлѣніяхъ. Первый выпускъ *Собран. критич. статей* содержитъ общія литературныя характеристики Тургенева и отзывы объ его стихотвореніяхъ, драматическихъ произведеніяхъ, *Запискахъ охотника*, повѣстяхъ и о *Рудинѣ*. Разсматриваемое второе его изданіе значительно переработано и дополнено выдержками изъ позднѣйшихъ этюдовъ о Тургеневѣ (напр., г. Ю. Николаева). Не можемъ, однако, не высказать сожалѣнія по поводу того, что значеніе этой книги сильно умалывается ея цѣною: выпуская *второе изданіе*, г. Зелинскій могъ бы брать менѣе 2 р. за небольшой томикъ собранныхъ имъ чужихъ мыслей; мы скорѣе помирились бы съ болѣе скромнымъ (по внѣшности), но и болѣе доступнымъ для публики воспроизведеніемъ его труда.

Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. П. А. Тверского. Спб., 1895 г. Эта интересная книга состоитъ изъ цѣлаго ряда работъ г. Тверского, печатавшихся ранѣе въ различныхъ періодическихъ изданіяхъ. Хотя авторъ ея и не претендуетъ „на обстоятельное описаніе сѣверо-американскаго союза“, но *Очерки* его касаются почти всѣхъ сторонъ жизни въ великой за-атлантической республикѣ; набросаны они съ натуры, бойко, а подчасъ и талантливо. Понятно, что книга такого рода должна представлять захватывающій интересъ для русскаго читателя. Мы, по крайней мѣрѣ, пробѣгли раницу за страницей совершенно съ тѣмъ же чувствомъ, съ какимъ дѣтство слѣдили за подвигами героевъ Купера и Майнъ-Рида. Но

когда мы закрыли книгу, явились нѣкоторыя сомнѣнія. Полно, такъ ли ужь безоблачно небо Америки? Мы читаемъ постоянно о промышленныхъ кризисахъ, о паденіи солидныхъ банковъ, съ которыми гибнутъ сбереженія націи, о грандіозныхъ стачкахъ, цѣлыхъ сраженіяхъ безработныхъ съ милиціей, продажности администраціи, политиканствѣ, могущественныхъ обществахъ (вродѣ Тамани-Голла) съ сомнительными цѣлями и сомнительнымъ поведеніемъ, ханжествѣ, угнетенномъ положеніи негровъ, индѣйцевъ и китайцевъ, спекуляціи и аферѣ, какъ альфѣ и омегѣ всего американскаго міросозерцанія... развѣ все это не бросаетъ достаточно густой тѣни на прелести американской демократіи? Мы поступимъ несправедливо, если скажемъ, что въ книгѣ г. Тверского не встрѣчается указаній на всѣ эти язвы за-атлантической цивилизаціи; но это именно только указанія, намеки, которые тонуть въ общемъ хвалебномъ гимнѣ. И думается намъ, что Америка г. Тверского даетъ о дѣйствительной Америкѣ такое же понятіе, какъ, наприм., оперный хоръ въ 1-мъ дѣйствіи Евгенія Онѣгина—объ истинной крестьянской толпѣ: все чистенько, съ иголки, красиво и стройно... ни страданій, ни отчаянья, ни пьянаго разгула, ни жертвъ. Но помимо этого общаго недостатка разбираемой книги, происходящаго, очевидно, отъ чрезмѣрнаго увлеченія г. Тверского его новымъ отечествомъ, мы должны указать еще на нѣкую тенденціозность въ освѣщеніи даже и такихъ сторонъ американской дѣйствительности, на которыхъ авторъ поделугу и помногу останавливается. Мы не имѣемъ возможности провѣрить цифры, которыми такъ изобилуетъ трудъ г. Тверского, а потому и не позволимъ себѣ высказывать тѣ сомнѣнія, которыя часто онѣ въ насъ вызываютъ. Но возьмемъ въ видѣ примѣра отношеніе его къ двумъ большимъ политическимъ партіямъ, издавна дѣлящимъ Америку на два враждебныхъ лагеря. Г. Тверской примкнулъ къ республиканцамъ и по его свидѣтельству выходитъ такъ, что всѣ честные, порядочные и прогрессивные элементы населенія сосредоточились именно въ рядахъ этой партіи; демократы же, за немногими исключеніями,—сбородъ не стѣсняющихся средствами ультра-консервативныхъ плантаторовъ, до сихъ поръ злобствующихъ на сѣверянъ за свои неудачи 1861—65 гг. Такъ ли это въ дѣйствительности? Брайсъ въ своемъ прекрасномъ изслѣдованіи объ Америкѣ показалъ, что объ эти политическія партіи давно потеряли свое первоначальное значеніе: либерализмъ и консерватизмъ вовсе не играютъ въ нихъ теперь никакой роли; въ вопросахъ дня каждая партія руководится не столько отвлеченными принципами, сколько весьма прозаическою потребностью завербовать какъ можно болѣе избирательныхъ голосовъ; партіи эти борются за власть, которая даетъ должности и деньги, а потому большинство выдающихся людей въ Америкѣ давно махнули рукой на политику и вовсе не принимаютъ участія въ партійной борьбѣ. И какъ ни подгонялъ г. Тверской „платформу“ республиканцевъ подъ то, чтó у насъ въ Европѣ считается обыкновенно либеральнымъ, онъ долженъ былъ сознаться, что его партія проповѣдуетъ покровительственную систему. Хотя мы и не думаемъ, чтобъ она толпѣ этимъ отличалась, наприм., отъ англійскихъ радикаловъ, но остановимся на указанной самимъ г. Тверскимъ ея особенності. Тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ для страны преимущественно промышленной, какъ мы принимаемъ, конечно, читатель долженъ быть признанъ однимъ изъ существеннѣйшихъ. Такимъ считаетъ его и нашъ авторъ. Мало того, въ передраги, переживаемая страню за послѣднее время, онъ ставитъ въ счетъ демократической партіи, взявшей верхъ въ 1892 г. и яко

создавшей промышленный кризисъ своимъ тяготѣніемъ къ свободной торговлѣ. Онъ полагаетъ, что Америка находится въ этомъ отношеніи въ особыхъ условіяхъ: въ ней заработная плата такъ велика, что многіе американскіе товары не могутъ конкурировать съ европейскими. Между тѣмъ, благосостояніе рабочихъ зиждется именно на этой высокой платѣ, дающей массѣ народа не только безбѣдное существованіе, но и сравнительный комфортъ. И такъ, казалось бы, выводъ одинъ: надо всѣми силами поддерживать протекціонизмъ, что г. Тверской и дѣлаетъ по мѣрѣ возможности. Но, съ другой стороны, онъ во многихъ мѣстахъ книги указываетъ на все развивающуюся дѣятельность trust'овъ или синдикатовъ, охватывающихъ страну желѣзнымъ кольцомъ, задушающихъ частную предприимчивость, разоряющихъ жителей и успѣшно обходящихъ всѣ направленные противъ нихъ законодательныя ограниченія. Спрашивается: откуда же идутъ эти синдикаты и въ чемъ ихъ сила? Отвѣтъ, полагаемъ, ясенъ: гдѣ нѣтъ покровительственныхъ пошлинъ, тамъ цѣны регулируются мировымъ рынкомъ; протекціонизмъ же влечетъ за собой монополіи и синдикаты. И такъ, читатель видитъ, что вопросъ рѣшается далеко не такъ просто, какъ кажется г. Тверскому.

По тюрьмамъ и вертепамъ. Очерки А. И. Свирскаго. Изданіе Д. А. Александрова. М., 1895 г. Ц. 1 р. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что въ этой книгѣ имъ описаны „однѣ ростовскія трущобы, такъ какъ онѣ ничуть не уступаютъ вертепамъ болѣе густо населенныхъ городовъ Россіи. Что же касается московскихъ, харьковскихъ, одесскихъ и другихъ трущобъ, то описаніе ихъ выйдетъ въ скоромъ времени отдѣльнымъ изданіемъ“. Изъ этихъ строкъ и нѣкоторыхъ другихъ указаній автора надо заключить, что г. Свирскій задался цѣлью изучить быть „трущобъ и вертеповъ“ большихъ городовъ съ намѣреніемъ дать публикѣ ихъ вѣрное описаніе. Насколько мы можемъ судить по видѣннымъ нами московскимъ трущобамъ и нѣкоторымъ тюрьмамъ, описанія г. Свирскаго вполне вѣрны, но далеко не полны, если трущобы Ростова-на-Дону ничѣмъ не отличаются отъ таковыхъ же, имѣющихся въ другихъ городахъ. Въ *Очеркахъ* отведено много мѣста рассказамъ объ отдѣльныхъ личностяхъ, встрѣченныхъ авторомъ въ базарныхъ грязныхъ трактирахъ и ночлежныхъ домахъ, и недостаточно широко написана общая картина быта обслѣдованныхъ авторомъ приютовъ „нищеты и бездоля“. Главный же недостатокъ *Очерковъ* заключается въ томъ, что написаны они всѣ не ярко и не живо,—они производятъ впечатлѣніе сухихъ докладовъ чиновника, одержимаго литературными претензіями и покушающагося скрасить свои отчеты острословіемъ въ такомъ родѣ, напримѣръ: „тамъ засѣдаютъ босяки, титулющіе себя *дворянами*, должно быть, на томъ основаніи, что очень часто они ночуютъ на *дворѣ*“. Мѣстами въ *Очеркахъ* встрѣчаются неправдоподобности, подрывающія довѣріе читателя къ тому, что передаютъ авторъ. Такъ, г. Свирскій рассказываетъ объ арестѣ жандармса въ офицеромъ одного начальника желѣзно-дорожнаго депо на томъ основаніи, что этого господина обвиняли въ растратѣ, причѣмъ, за к панію, должно быть, капитанъ арестовалъ и пришедшаго въ гости и генерала, начальника дистанціи, на котораго, „благодаря его знакомс у съ обвиняемымъ, падало подозрѣніе“... въ чемъ подозрѣніе, не о явлено. И инженеръ покорно далъ себя арестовать, отправить подъ сѣ жей, не потребовавши отъ офицера никакихъ объясненій, хотя э ѣ арестъ „разбилъ“ всю карьеру, всю будущность молодого, ни

въ чемъ неповиннаго инженера, котораго все начальство знало „лично за честнаго человѣка“. Казусъ во всѣхъ статьяхъ невѣроятный и не выясненный авторомъ, а, между тѣмъ, на немъ-то и основанъ весь „очеркъ“. Въ одномъ разсказѣ изъ тюремной жизни авторъ говоритъ, что арестантъ никогда ничего не крадетъ у своего брата заключеннаго въ острогъ, что шулера не обыгрываютъ навѣрняка товарищей по заключенію, а въ другомъ очеркѣ, черезъ нѣсколько страницъ, мы читаемъ исторію, опровергающую такое мнѣніе. Авторъ не разъ говоритъ о „трусобныхъ дѣтяхъ“, а рассказываетъ лишь о томъ, какъ такіа дѣти бьются на-кулачки, оставляя въ сторонѣ всѣ другія стороны ужаснаго положенія дѣтей, ютящихся въ грязныхъ притонахъ нищихъ и воровъ. Относительно тюремной жизни г. Свирскій совершенно правильно говоритъ, что заключеніе въ общихъ тюрьмахъ и въ пересыльных арестантовъ разныхъ категорій,—закоренѣлыхъ преступниковъ и мелкихъ воришекъ, отчаянныхъ рецидивистовъ и случайно попавшихъ въ бѣду, иногда за просрочку паспорта,—причиняетъ злѣйшій вредъ, губить на вѣкъ множество несчастныхъ и жалкихъ людей, развращаетъ бѣдняковъ и малолѣтковъ, что тюремная праздность дѣйствуетъ самымъ пагубнымъ образомъ на всѣхъ заключенныхъ, и т. п. Но все это очень и очень не ново, всѣмъ давно извѣстно и г. Свирскимъ высказано въ его *Очеркахъ* довольно-таки вяло. Да и вообще ничего сколько-нибудь новаго и любопытнаго читатель не найдетъ въ этой книжкѣ, кромѣ развѣ нѣсколькихъ словъ, выхваченныхъ авторомъ изъ трусобоного и воровскаго жаргона.

ФИЛОСОФІЯ И ПСИХОЛОГІЯ.

„Трактатъ объ усовершенствованіи разума“. Бенедикта Спинозы. — „Les Caractères“, par Fr. Paulhan. — „Какъ надо жить“. Дж. Лейббока.

Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Бенедикта Спинозы. Переводъ съ латинскаго г. Поляковскаго. Съ приложеніемъ главы изъ „Исторіи новой философіи“ Куно Фишера. Одесса, 1893 г. Свѣтлый умъ и свѣтлая душа Спинозы, какъ извѣстно, съ особенною силой и яркостью выразились въ знаменитой *Этикѣ*. Съ этимъ главнымъ произведеніемъ голландскаго мыслителя имѣетъ тѣсную связь неоконченный, но богатый идеями *Трактатъ объ усовершенствованіи разума*, переводъ котораго и предлагаетъ читателямъ г. Поляковскій. Развитіе интеллекта Спиноза считалъ необходимымъ средствомъ для достиженія высокихъ нравственныхъ идеаловъ, и строгая логичность его философскихъ работъ вытекала изъ неуклоннаго стремленія къ чистой жизни; не для игры и забавы ума сплеталъ онъ тонкія нити своихъ теоремъ и силлогизмовъ, онъ хотѣлъ только, чтобы разумъ понялъ, гдѣ и въ чемъ слѣдуетъ ему искать высшаго блага, онъ хотѣлъ, чтобы философія служила опорой этики. Вотъ почему и *Трактатъ* начинается полными глубокаго лиризма страницами, на которыхъ Спиноза повѣствуетъ о своей тоскѣ по безмятежнымъ наслажденіямъ духа, не смущаемаго корыстью и чувственными призывами свѣта; вотъ почему и это небольшое и фрагментарное сочиненіе, подобно основному труду Спинозы, воскрешаетъ передъ нами духовный обликъ великаго еврея, и изъ-за стройныхъ рядовъ умозаключеній смотреть на насъ человѣкъ, который въ теченіе всей своей жизни осуществлялъ свои возвышенныя теоріи.

Въ своемъ переводѣ г. Полинковскій задался цѣлью „возможно ближе передать латинскій подлинникъ“. Онъ этого достигъ, но достигъ въ ущербъ ясности и красотѣ изложенія. Лапидарная и сжатая рѣчь, которая характеризуетъ латинскій языкъ вообще и слогъ Спинозы въ частности, не можетъ быть вполне передана по-русски безъ нарушенія элементарныхъ стилистическихъ требованій, и поэтому г. Полинковскій, въ своемъ желаніи во что бы то ни стало рабски слѣдовать оригиналу, не создалъ такого перевода, который, съ одной стороны, былъ бы достаточно близокъ къ подлиннику, а съ другой—читался бы легко и непринужденно; намъ кажется, что всякій переводъ непременно долженъ удовлетворять этимъ обоимъ условіямъ, а не только первому изъ нихъ. Ни на одну линію не уклоняясь отъ структуры латинской фразы, г. Полинковскій во многихъ мѣстахъ своей работы вступаетъ въ настоящій лабиринтъ безконечныхъ „что“ и „чтобы“, сталкивающихся другъ съ другомъ въ одномъ и томъ же предложеніи (см., напримѣръ, самое начало перевода), и нерѣдко выражается языкомъ такъ называемыхъ „подстрочниковъ“, при помощи которыхъ гимназисты коверкаютъ классическихъ авторовъ. Однако, надо замѣтить, что тотъ, кто ищетъ въ переводѣ одной лишь точности, будетъ вполне удовлетворенъ трудомъ г. Полинковского. Глава изъ Куно Фишера переведена очень хорошо, и приложение ея къ *Трактату* весьма умѣстно.

Les Caractères, par Fr. Paulhan. Paris, 1894. Говоря въ обыденной жизни о характерахъ нашихъ знакомыхъ, мы инстинктивно употребляемъ нѣсколько точекъ зрѣнія, которыя весьма пригодны для научной классификаціи характеровъ. Возьмемъ, наприм., тотъ случай, когда кто-нибудь говоритъ о другомъ, что это—человѣкъ *капризный*. Что хотя бы выразить этимъ терминомъ? Тотъ фактъ, что связь между различными стремленіями или желаніями такого человѣка весьма неустойчива. Иными словами, его „я“ настолько не организовано прочно, что трудно предсказать, какое изъ стремленій возьметъ верхъ въ его душѣ въ данный моментъ.

И такъ, этотъ первый приемъ состоитъ въ опредѣленіи *соотношенія* или *характера соотношенія* между различными психическими элементами даннаго субъекта.

Возьмемъ другую точку зрѣнія: мы говоримъ о томъ, что человѣкъ самолюбивъ или что онъ „гурманъ“ и т. п. Здѣсь дѣло идетъ не о характерѣ соотношенія элементовъ его души вообще, а о преобладаніи среди нихъ одного какого-либо элемента. Наприм., если человѣкъ самолюбивъ, въ немъ, очевидно, преобладаетъ стремленіе обращать вниманіе на мнѣніе другихъ. Если мы считаемъ его „гурманомъ“, мы, очевидно, считаемъ, что среди другихъ его стремленій выдѣляется стремленіе удовлетворять низшимъ или чувственнымъ аппетитамъ и т. п.

Въ третьемъ случаѣ мы говоримъ, наприм., о человѣкѣ, что онъ черезъ-чуръ мягокъ или, наоборотъ, что онъ очень упоренъ, энергиченъ. Здѣсь идетъ дѣло уже не о первомъ, не о второмъ соотношеніи, а о самой интензивности или энергіи стремленій.

Въ четвертомъ случаѣ мы говоримъ, что человѣкъ щекотливъ или обидчивъ. Здѣсь въ одномъ терминѣ заключается соединеніе всѣхъ точекъ зрѣнія, такъ какъ человѣкъ щекотливый и обидчивый долженъ быть, во-первыхъ, самолюбивъ, т.-е. мы обозначаемъ, что среди его стремленій преобладаетъ одно: стремленіе заботиться о мнѣніи другихъ. Но въ томъ же словѣ „обидчивый“ выражена и степень интензивности его стремленій: человѣкъ обидчивый,

щекотливый относится страстно, энергично къ нарушенію своего преобладающаго стремленія.

Но отсюда же слѣдуетъ и третье заключеніе, что соотношеніе разныхъ тенденцій въ душѣ этого человѣка болѣе или менѣе постоянно.

Изъ этихъ наглядныхъ примѣровъ уже не трудно вывести четыре категоріи нашихъ сужденій о характерахъ. Сообразно этимъ категоріямъ, намъ будетъ легко классифицировать всѣ характеры не въ одномъ какомъ-либо отношеніи, а въ нѣсколькихъ, наиболѣе интересующихъ людей.

И такъ, *первая* категорія будетъ опредѣлять *связь различныхъ тенденцій личности вообще*. Въ этомъ смыслѣ мы говоримъ, наприм., о характерахъ *уравновѣшенныхъ*. Это значить, что различные элементы ихъ души такъ организованы между собою, что ни одинъ изъ нихъ не нарушаетъ гармоніи цѣлаго. Такіе характеры рѣдки. Чаще встрѣчаются личности, у которыхъ эта гармонія достигнута преобладаніемъ или господствомъ одного или нѣсколькихъ стремленій надъ другими. Таковы художники, слѣдующіе непреодолимо съ дѣтства своему призванію; таковы ученые, расположившіе всю свою жизнь въ зависимости отъ своей основной трудной работы, и т. д.

Еще чаще характеры, у которыхъ равновѣсіе, хотя и неустойчиво само по себѣ, наприм., если въ нихъ постоянно борются двѣ враждебныхъ тенденціи, но гдѣ устойчивость достигается ихъ постоянными усиліями подавать одно изъ стремленій, берущихъ верхъ,—такихъ людей мы называемъ *сдержанными*, взявшими себя въ руки, разсудительными и т. п. Если, наоборотъ, противоположныя тенденціи борются въ нихъ съ одинаковою силой, причемъ верхъ беретъ то одна, то другая, мы говоримъ о такихъ людяхъ, что они нервичны, безлокойны, противорѣчивы. Спускаясь ниже, мы приходимъ къ характерамъ, лишеннымъ связности, у которыхъ личность, подъ вліяніемъ каждой случайности, мѣняетъ свою преобладающую тенденцію.

На самой низшей ступени, граница съ болѣзненными, находятся такъ называемые *импульсивные* типы, дѣятельность которыхъ почти не опредѣляется разумомъ. Соотвѣтственно ихъ французскому названію, „incoherentes“, „émiettes“ и т. п., можно принять русскія названія „развинченныхъ“, „раздерганныхъ“, „разбросанныхъ“. Крайнюю ихъ степень представляютъ особи истеричныя и психопатическія, представляющія полную внутреннюю дезорганизацію.

Перейдемъ ко *второй* категоріи свойствъ, состоящей въ энергіи или интензивности самыхъ стремленій.

Здѣсь высшая степень интензивности граничитъ съ болѣзненностью; таковы, наприм., одержимые какою-нибудь непреодолимою идеей или страстью. Характеры упорные и упрямые представляютъ слѣдующую стадію. Золотую середину занимаютъ такъ называемые „постоянные“ характеры. Низшую ступень занимаютъ „слабые“, „мягкіе“ типы.

Къ той же группѣ Полянъ относятъ и такія разновидности, какъ характеры „страстные“, „живые“, „скорые“ и, наоборотъ, „медленные“, „вялые“, „флегматическіе“; однако, правильнѣе было бы дать одну лишнюю категорію, въ которой дѣло шло бы не объ энергіи или интензивности элементовъ, а объ ихъ динамическомъ вліяніи. Можетъ быть характеръ очень упорный, но медлительный и, наоборотъ, очень страстный и энергичный на короткое время, но остывающій при болѣе продолжительномъ дѣйствіи.

Третья категорія, подмѣчающая *характеръ самыхъ стремлений*, преобладающихъ въ человѣкѣ.

Въ этой группѣ характеры могутъ, какъ и въ предыдущихъ, классифицироваться по степени моральнаго значенія ихъ свойствъ. Такъ, на низшей ступени стоятъ, очевидно, натуры, у которыхъ преобладаютъ надъ всѣми другими стремленіями потребности животно-физиологическія, а потому и узко-эгоистическія. Но и стремленія психическія имѣютъ свои градаціи. Такъ, наприм., художественныя потребности имѣютъ на своей низшей ступени наслажденія или шекотанія органовъ слуха и зрѣнія, а это граничить съ гастрономическими наслажденіями, которыя на своихъ высшихъ ступеняхъ не чужды извѣстнаго уродливаго эстетизма.

Общественныя и моральныя стремленія также имѣютъ стадіи снизу вверхъ, начинаясь любовью къ семьѣ и близкимъ друзьямъ и кончаясь настоящими общественными чувствами—любовью къ человѣчеству, справедливости, истинѣ и т. п.

Мы полагаемъ, что вышеприведенныхъ примѣровъ вполне достаточно для уясненія классификаціи Полава, а также для убѣжденія въ томъ, что эта классификація должна быть значительно развита и дополнена. Куда, наприм., отнести людей „разбѣянных“ или, наоборотъ, „сосредоточенныхъ“? Эти свойства опредѣляютъ характеръ *интеллекта* отдѣльно отъ стремленій личности и могутъ играть огромную роль въ характерѣ человѣка и въ его поведеніи. Сюда, наприм., относятся личности „изобрѣтательныя“, „геніальныя“, „просто умныя“, наконецъ, дураки со всевозможными ихъ отбѣнками. Такая категорія гораздо нужнѣе четвертой, представляющей смѣсь трехъ предыдущихъ категорій.

Какъ надо жить. Джона Леббока. Переводъ съ англійскаго. Изд. О. И. Поповой. Спб., 1895 г. Ц. 80 к. Книжка весьма извѣстнаго англійскаго ученаго есть книжка нравоучительная и довольно-таки скучная, несмотря на множество изреченій великихъ людей, тщательно подобранныхъ Леббокомъ. „Счастье и успѣхъ въ жизни, — говоритъ онъ, — зависятъ не отъ обстоятельствъ, а отъ насъ самихъ“. Въ этихъ словахъ слышится самодовольство и энергія англичанина, но отъ общественной истины они далеки.

Указывая на необходимость и важность самообразованія, Леббокъ замѣчаетъ, что лучшіе и величайшіе умы не довольствовались самоусовершенствованіемъ.

„Будьте осторожны и хладнокровны, — учитъ насъ Леббокъ. — Имѣть холодную голову такъ же необходимо, какъ и горячее сердце“. Въ этомъ и во многихъ другихъ совѣтахъ видѣнъ практической англичанинъ. Онъ говоритъ, напримѣръ: „Въ логическихъ доводахъ всегда есть нѣчто опасное, и они часто ведутъ къ охлажденію и недоразумѣніямъ. Вы можете восторжествовать въ спорѣ и потерять друга, *что будетъ невмодною сдѣлкой*“.

Оптимизмъ Леббока доходитъ до того, что, по его мнѣнію, „на самомъ дѣлѣ дурной погоды не бываетъ. Все, хотя и не одинаково, прекрасно вокругъ насъ. Погода иногда можетъ быть дурной для сельскаго хозяина, но для человѣка всѣ погоды одинаковы“. Странное утвержденіе!

Лучшая глава книжки посвящена народному образованію. Рядомъ неотразимыхъ данныхъ Леббокъ доказываетъ, что распространеніе образованія, помимо другихъ благъ, ведетъ къ подъему нравственно-

сти, къ уменьшенію преступленій. Леббокъ мѣтко нападаетъ на наше классическое образованіе и приводитъ по этому поводу остроумное сравненіе: многое въ нашемъ такъ называемомъ образованіи походить на чтеніе курса ботаники передъ цвѣточною грядой, чтобы заставить растение вырости.

Естественно, что Леббокъ, съ цифрами въ рукахъ, горько осуждаетъ разореніе, вносимое въ европейскую жизнь милитаризмомъ, и прославляетъ благодѣянія англійской общественной самодѣятельности.

Нѣкоторые изъ совѣтовъ и замѣчаній Леббока отличаются важностью. Онъ говоритъ, напримѣръ: „Приобрѣтайте хорошихъ друзей. Лучше вовсе не имѣть друга, чѣмъ имѣть дурного“. Въ общемъ книжка Леббока можетъ оказаться у насъ бесполезною. Стоитъ она дешево и издана хорошо.

ИСТОРИЯ И БИОГРАФИИ.

„Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ“. И. В. Лучицкаго. — „Жизнь замѣчательныхъ людей“. Изд. Ф. Павленкова.

Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ. И. В. Лучицкаго. Кіевъ, 1894 г. Декретами, изданными національнымъ и послѣдующими собраніями, почти половина земель Франціи, принадлежавшая церкви, эмигрантамъ и осужденнымъ, поступила въ продажу. Кто воспользовался этими землями—буржуазія или крестьяне? Какое вліяніе на распредѣленіе поземельной собственности имѣла революція? Наконецъ, въ какомъ направленіи до переворота шло естественное развитіе этого института? Все это вопросы, и до сихъ поръ весьма мало изслѣдованные. Долгое время держалось мнѣніе, что лишь революціи Франціи обязана созданиемъ мелкой крестьянской собственности. Противъ такого взгляда выступилъ Токвиль, полагавшій, что „если собственность и перемѣнила руки, за то число собственниковъ увеличилось въ гораздо меньшей степени, чѣмъ обыкновенно воображаютъ“. Онъ думалъ, на основаніи немногихъ разсмотрѣнныхъ имъ актовъ продажи національныхъ земель, что „большая часть послѣднихъ была куплена тѣмъ, кто владѣлъ уже землею“. Послѣдователи этого ученаго пошли еще далѣе въ своихъ выводахъ. Лавернь, Авенель, проф. Карѣвъ и, наконецъ, М. М. Ковалевскій, высказываясь по данному вопросу все рѣшительнѣе, пришли къ убѣжденію, что „не повторявшаяся еще въ исторіи земельная революція... пошла на пользу почти исключительно среднему сословію“. Однако, всѣ эти изслѣдователи основывали свой взглядъ не на изученіи самихъ *procès verbaux*, т.-е. актовъ продажи, а скорѣе на довѣрии къ авторитету Токвиля; послѣдній же могъ воспользоваться очень ограниченнымъ количествомъ означенныхъ документовъ. Только одинъ М. М. Ковалевскій опирался въ своей работѣ на трудъ Минцеса, дѣйствительно разобравшаго *procès verbaux* департамента Уазы и Уазы. Послѣдній, однако, находился, благодаря близости Парижа, въ условіяхъ исключительныхъ и самъ Минцесъ не дѣлаетъ въ своей работѣ обобщеній отъ него ко всей Франціи. На это обобщеніе не даютъ права и акты продажи національныхъ земель въ департаментѣ Сарты, на которые ссылается М. М. Ковалевскій. „Приведенный нами работами по исторіи крестьянской реформы въ Западной Европѣ...“

вопросу о революціи и о вліяніи ея на положеніе крестьянскаго вопроса во Франціи,—пишетъ г. Лучицкій,—и наткнувшись на указанныя противорѣчія и мало обоснованныя мнѣнія, я счелъ необходимымъ произвести изысканія на мѣстѣ, въ департаментскихъ архивахъ, въ нѣсколькихъ изъ нихъ, съ цѣлью хоть сколько-нибудь ориентироваться въ этомъ темномъ вопросѣ, собрать точныя данныя о ходѣ продажъ и въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ вліяніе города могло быть наименьшимъ, какъ и такихъ, гдѣ оно сказывалось съ большою силой. То была главная цѣль моей работы въ архивахъ въ теченіе четырехъ съ небольшимъ мѣсяцевъ, которыми я былъ въ состояніи располагать“. Но попутно профессора Лучицкаго интересовалъ и другой вопросъ: каково было распредѣленіе поземельной собственности до революціи? Точныхъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса въ наукѣ не существуетъ. Поэтому и здѣсь встрѣчаемся съ разногласіемъ: Токвилъ, Лавернь, Монттоже, Калоннъ, Матье и др. утверждаютъ, что мелкая крестьянская собственность была сильно развита во Франціи до революціи и что крестьяне владѣли значительнымъ количествомъ земли; наши изслѣдователи (гг. Карѣвъ и Ковалевскій) придерживаются противоположнаго взгляда. Такимъ образомъ, и въ этой области предстояло произвести архивныя изысканія. Но громадное количество относящихся сюда документовъ и беспорядокъ, въ которомъ многіе изъ нихъ находятся, заставили проф. Лучицкаго ограничиться только тремя архивами: департамента Côte d'Or, de la Haute Garenne (Тулуза), Pas de Calais (Аррасъ). Вотъ къ какимъ выводамъ приходитъ онъ на основаніи документовъ, представляемыхъ первымъ архивомъ: „Данныя по Бургундіи, не говоря о данныхъ другихъ областей (Артуа, Тулузской), показываютъ, что покупки земель крестьянами разныхъ категорій вовсе не были такъ рѣдки и незначительны, какъ это утверждаютъ, и что въ вышеназванныхъ областяхъ главнымъ (хотя и не исключительнымъ) образомъ лишь земли церковныя скупались буржуазіей и спекулянтами, земли же эмигрантовъ были распроданы по мелочамъ, скуплены болѣею частью крестьянами и продавались не менѣе бойко, чѣмъ земли, принадлежавшія церкви“. По второму вопросу проф. Лучицкому посчастливилось случайно открыть новый, весьма цѣнный родъ документовъ, именно *poiveaux pieds de tailles* или акты переоцѣнки недвижимаго и движимаго имущества обществъ въ видахъ болѣе правильнаго и равномернаго распредѣленія налоговъ. Описи эти касались времени съ 1768 по 1789—90 гг. Онѣ свидѣтельствуютъ, что процентъ безземельныхъ во Франціи (по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ ея частяхъ) до революціи былъ весьма низокъ, а участки земли, которыми владѣли крестьяне, вовсе не были такъ ничтожны, какъ думаютъ наши изслѣдователи. Почти къ такимъ же выводамъ пришелъ г. Лучицкій и въ остальныхъ двухъ архивахъ. Но изысканія въ послѣднемъ изъ нихъ (департ. Pas de Calais) натолкнули его на цѣлый рядъ земельныхъ описей, относящихся частью къ XVI, частью къ концу XVIII ст. На основаніи этихъ документовъ онъ приходитъ къ заключенію, что крестьянская собственность въ теченіе двухъ столѣтій *увеличилась*, хотя и незначительныхъ размѣрахъ. „Вмѣстѣ съ тѣмъ,—говоритъ онъ,—но видно, какъ, въ то же время, она все болѣе и болѣе мельчала, къ росло число собственниковъ, владѣвшихъ все меньшими и меньшими участками“. Брошюра г. Лучицкаго представляетъ отчетъ о командировкѣ его за границу, указываетъ на поставленные имъ себѣ вопросы и только намекаетъ на отвѣты, полученные путемъ архивныхъ

изысканій. Самъ авторъ вовсе не претендуетъ на рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ, приводя лишь примѣры и указывая, къ какимъ выводамъ пришелъ онъ на основаніи своей работы. Поэтому, передавая вкратцѣ содержаніе его брошюры, мы воздержимся пока отъ всякихъ къ ней комментариевъ и для оцѣнки его взглядовъ подождемъ общаго и капитальнаго труда.

Жизнь замѣчательныхъ людей. Біографическая бібліотека Ф. Павленкова. „Сервантесъ“ г. Цомакіона. Есть нѣсколько біографій, къ которымъ всегда приступаешь съ нѣкоторымъ опасеніемъ: факты, находящіеся въ распоряженіи автора, до такой степени скудны, что недоумѣваешь, какъ онъ выберется изъ затрудненія. Употребительный въ такихъ случаяхъ литературный приемъ—рисовать больше среду, чѣмъ героя. Такимъ образомъ, напримѣръ, несмотря на множество біографій Шекспира, мы гораздо больше знаемъ о его предшественникахъ, чѣмъ о немъ самомъ. Г. Цомакіонъ довольно счастливо справляется со своею задачей, хотя жизнь Сервантеса, въ сущности, тоже очень мало извѣстна. Мы даже можемъ упрекнуть его за то, что онъ мало останавливается на изображеніи общества, въ которомъ жилъ и работалъ творецъ *Донъ-Кихота*. Не избѣгнулъ авторъ и „босвеллизма“—этого общаго недостатка всѣхъ біографовъ: не находя пятенъ на своемъ героѣ, онъ иногда незаслуженно принимаетъ его противниковъ. Такъ, напримѣръ, характеристика Лопе-де-Вега кажется намъ черезчуръ прямолинейной. Укажемъ также и на то, что авторомъ почти ничего не сообщается о предшествовавшей Сервантесу литературѣ. Наконецъ, къ недостаткамъ біографіи нужно отнести приподнятый и подчасъ нѣсколько ходульный тонъ ея. Въ общемъ же книжка написана умѣлою рукой и займетъ не послѣднее мѣсто въ *Біографической бібліотекѣ* г. Павленкова.

ГЕОГРАФІЯ, ЭТНОГРАФІЯ И ПУТЕШЕСТВІЯ.

„Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1891—1893 гг.“.—„На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибири“. *Дюнео*.—„Очерки далекой Сибири“. *И. Гамова*.

Отчетъ совѣта общества любителей изслѣдованія Алтая за 1891—1893 гг. Томскъ, 1894 г. Всякому извѣстно то громадное значеніе, какое имѣетъ для Россіи Сибирь, особенно въ послѣднее время, когда туда ежегодно стремятся десятки тысячъ переселенцевъ изъ Европейской Россіи. Съ проложеніемъ желѣзной дороги значеніе Сибири еще болѣе возрастаетъ, а, между тѣмъ, о многихъ мѣстностяхъ Сибири у насъ имѣются довольно смутныя представленія; поэтому нельзя не привѣтствовать всякую серьезную попытку, направленную къ изученію Сибири, особенно Алтайскаго округа, слишкомъ мало изслѣдованнаго, а, между тѣмъ, полнаго высокаго интереса во многихъ отношеніяхъ.

Въ 1891 г. въ Барнаулѣ образовалось общество любителей изслѣдованія Алтая, которое задается цѣлью изученія не только прибрежнаго края, но и экономическихъ и вообще соціальныхъ условій жизни этой богатой области Сибири. Къ концу 1893 года общество состоитъ изъ 118 членовъ подъ предѣлательствомъ начальника Алтайскаго горнаго округа В. К. Болдырева, живо относящагося къ нуждѣ общества.

Изъ лежащаго передъ нами отчета ясно видно, съ какою энергіей

и любовью къ дѣлу вновь возникшее общество принялось за изученіе родного края. Первымъ дѣломъ общества была выработка программы изслѣдованія природы Алтая и условій жизни его жителей; выработанная коллективнымъ трудомъ всѣхъ членовъ совѣта общества, программа была отпечатана и разслана священникамъ, учителямъ и учительницамъ и другимъ мѣстнымъ интеллигентнымъ силамъ, отъ которыхъ можно было ожидать дѣятельнаго сочувствія дѣламъ общества. Очень скоро стали поступать въ распоряженіе совѣта частью совершенно сырые, а частью и вполне обработанные матеріалы, такъ что уже къ осени 1894 года предполагалось издать сборникъ этихъ матеріаловъ, заключающій въ себѣ до 20 печатныхъ листовъ. Совѣтъ общества входилъ въ сношенія по разнымъ вопросамъ со многими частными лицами и учеными обществами, организовавъ, совместно съ западно-сибирскимъ отдѣломъ географическаго общества, дѣлу съ метеорологическихъ наблюденій въ Алтайскомъ округѣ, задумалъ произвести санитарное изслѣдованіе и однодневную перепись городского населенія и, наконецъ, лѣтомъ 1893 года задался дѣломъ произвести еще болѣе сложную работу, имѣющую особенно крупное значеніе для Алтая, этого главнаго пункта стремленій переселенцевъ изъ центральныхъ губерній Россіи. Общество рѣшило предпринять подробное изученіе переселенческихъ поселеній во всемъ районѣ ихъ водворенія. Была выработана программа такого мѣстнаго обслѣдованія, а лѣтомъ 1894 года предположено было приступить и къ самой работѣ; мало того, обществу уже былъ переданъ богатый матеріалъ, касающійся части переселенцевъ, живущихъ въ качествѣ временныхъ арендаторовъ на земляхъ Кабинета; этотъ матеріалъ предполагалось обработать къ концу 1894 года и издать въ видѣ книги въ 20 печатныхъ листовъ. Дальнѣйшіе выпуски должны уже заключать свѣдѣнія о новоселахъ, поселившихся на надѣльной землѣ.

Понятно, если обществу удастся исполнить свои намѣренія, мы будемъ имѣть чрезвычайно цѣнные труды, полученные путемъ тщательнаго мѣстнаго изученія еще слишкомъ мало обслѣдованной и весьма интересной области обширной Сибири.

На крайнемъ сѣверо-востокѣ Сибирн. Діонео. Спб., 1895 г. Авторъ книги провелъ въ Колымскомъ краѣ четыре года. Рѣдко приходится слышать что-нибудь объ этой Богомъ забытой странѣ; еще рѣже удается знакомиться съ ней изъ первыхъ рукъ, отъ человѣка, только что оттуда вернушагося. Понятно поэтому, что разсматриваемые очерки уже по самому своему содержанію представляютъ большой интересъ. Но г. Діонео—не простой наблюдатель: онъ ознакомился съ литературой предмета и свои книжныя свѣдѣнія о странѣ и ея обитателяхъ пытается провѣрить на фактахъ дѣйствительности. Такимъ образомъ, изъ книги его мы могли бы получить полное понятіе о природѣ Колымскаго края, характерѣ и промыслахъ населенія. Можетъ быть, съ теченіемъ времени г. Діонео и дастъ намъ такую обстоятельную монографію: матеріаловъ у него, повидимому, вполне достаточно и для такой работы онъ находится въ особенно благоприятныхъ условіяхъ. Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ разбираемая книга. Это рядъ легкихъ, полубеллетристическихъ очерковъ, пересыпанныхъ экскурсіями въ область поэзіи. Г. Діонео писалъ ихъ не сразу и, притомъ, для большой публики. Этимъ опредѣляются и достоинства, и недостатки книги. Она доступна для каждаго, любопытна свѣдѣнія, въ ней сообщаемыя, проникнуть въ массу и во многихъ читателяхъ возбуждать желаніе бо-

лѣе серьезно познакомиться съ жизнью нашихъ далекихъ окраинъ. Но, съ другой стороны, именно такого серьезнаго знакомства не даетъ книга г. Діонео: она слишкомъ легковѣсна, въ цѣломъ—недостаточно продумана авторомъ и скопанована имъ черезъ-чуръ поспѣшно. Поэтому очерки его, набросанные безъ системы и не согласованные другъ съ другомъ, оставляютъ гораздо меньшее впечатлѣніе и принесутъ гораздо меньше пользы, чѣмъ можно было бы ожидать отъ особенностей предмета, подготовки и талантливости автора. Передъ нами огромная, пустынная страна, заселенная здѣсь и тамъ разбросанными группами дикарей. Десять мѣсяцевъ въ году скована она холодомъ. Температура колеблется между $-62,8^{\circ}$ и $+28^{\circ}$ Ц. Земля промерзла глубже, чѣмъ на 100 саж.; лѣтомъ она оттаиваетъ всего лишь на нѣсколько вершковъ. Земледѣліе поэтому немыслимо. Въ ноябрѣ уже начинается безконечная полярная ночь. „Въ концѣ XIX вѣка,—говоритъ г. Діонео,—тысячи людей ведутъ (здѣсь) жизнь троподитовъ: не знаютъ хлѣба, вынуждены обходиться безъ соли, добываютъ огонь первобытнымъ способомъ, треніемъ, не знаютъ употребленія мыла, обходятся безъ бѣлья, надѣвая мѣховую одежду прямо на голое тѣло. И такъ живутъ не только дивари, но и русскіе. Всѣ живутъ въ вѣчномъ трепетѣ, что поздно вскроется рѣка или же затопитъ вода тони, и тогда наступитъ голодь, со всѣми ужасами его, не исключая смерти“. Единственною пищею служатъ сырая, мерзлая рыба (строганина) безъ соли; вмѣсто чая, употребляются брусничные листья, а курить приходится крошеную ровдугу (замшу). Впереди дикарей ждетъ неизбѣжное угасаніе. Русскіе принесли сюда оспу, сифилисъ и водку, и эти три спутника цивилизаціи быстро дѣлаютъ свое дѣло. Оспа выкосила въ 1889 г. въ Колымскомъ краѣ все племя коряковъ; отъ чуваншевъ остался одинъ человекъ, отъ юкагирь—немногимъ болѣе. „Полное исчезновеніе людей въ округѣ лишь вопросъ времени“. Весь этотъ жалкій край отданъ во власть предприимчивымъ, но безчеловѣчнымъ купцамъ и ссыльно-поселенцамъ (хайлахамъ). Особенно ужасны послѣдніе. Въ Колымскій край, носящій оффиціальное названіе „мѣста, для жительства неудобныя“, попадаютъ только самые ужасные, самые закоренѣлые преступники: это—послѣдняя стадія наказанія, такъ какъ дальше уже ссылать некуда. Содержаніе ихъ ложится на дикарей страшнымъ бременемъ. По мѣстнымъ цѣнамъ содержаніе хайлаха обходится улусу въ мѣсяцъ рублей 11—12. „И это тогда,—воскликаетъ г. Діонео,—когда сами якуты цѣлыя сутки живутъ корой, въ которую для вкуса брошена ложка кислаго молока, когда въ Верхоянскомъ округѣ, чтобы не умереть съ голоду, большинство якутовъ питается полевыми мышами!“ „Близъ Нижне-Колымска есть кланъ якутовъ, состоящій изъ 18 человекъ, а, между тѣмъ, кланъ этотъ кормитъ 14 поселенцевъ“. Хайлахъ дѣлается полнымъ хозяиномъ въ селеніи добродушныхъ и миролюбивыхъ дикарей. Томится онъ среди нихъ страшно и можно себя представить, что онъ продѣлываетъ отъ скуки и озлобленія съ несчастными. „Когда я былъ въ Колымскомъ краѣ,—пишетъ г. Діонео,—одинъ поселенецъ бросилъ безъ всякаго повода ребенка „княжца“ въ топящійся комелекъ и придерживалъ его такъ кляукой, пока малютка не сгорѣла“ (?!). Центральная администрація совершенно безсила въ этой странѣ, гдѣ почта изъ Якутска въ Средн. Колымскъ приходитъ разъ въ четыре мѣсяца, а въ Нижне-Колымскъ разъ въ годъ. Вотъ обрачки воздѣйствія этой администраціи, говорящіе сами за себя: „Получилъ разъ В. (мѣстный исправникъ),—рассказываетъ нашъ авторъ,—изъ Якутска копченую рыбу и бумагу:“

виду недостатка въ соли, не найдеть ли возможнымъ исправникъ привить копченіе рыбы?“ Сейчасъ же были собраны обыватели. „Эй вы!... не смѣть больше солить рыбу! Коптите ее!“ — объявилъ В. Начался промыселъ. Весь уловъ сволокли на берегъ, гдѣ были устроены коптильни. Такъ какъ никто не зналъ, какъ приняться за дѣло, то рыбу *попекли*, но не прокоптили. Рыба испортилась; уже съ осени ѣли какую-то гниль“. Весной наступилъ настоящій голодъ. Къ счастью населенія, В. былъ отозванъ; пріѣхалъ другой исправникъ. „Не успѣлъ онъ еще выгѣзть изъ нартъ, какъ къ нему явилась депутація: „Ваше высочайшее благородіе, а мы рыбу коптить станемъ? — робко спросила она. — Это ваше дѣло. — Значить, можно солить? — еще не вѣря себѣ отъ радости крикнула депутація. — Какъ хотите! Это дѣло не исправника. — Солите, ребята, солите, солите! — стала, какъ сумасшедшая, кричать депутація, размахивая руками. Батюшку просили отслужить благодарственный молебень. Цѣлый день звонили въ колокола и палили изъ ружей. Теперь, когда колымчанинъ желаетъ датировать какое-нибудь событіе, онъ говоритъ: „это было столько-то лѣтъ *до* или *послѣ* того, какъ мы рыбу коптили“. Въ другой разъ въ Гижигинскомъ округѣ (находящемся сравнительно въ лучшихъ условіяхъ) мѣстный исправникъ сошелъ съ ума и провозгласилъ себя главнымъ богомъ ламутскаго и якутскаго пантеона. Въ него увѣровали не только обыватели, но и діаконъ мѣстной церкви. *Три юда* прошло, пока этого новаго бога удалось увезти во Владивостокъ и посадить въ домъ сумасшедшихъ.

Грустные мысли навѣвааетъ чтеніе книги г. Діонео: она способна расшевелить самаго сухого человѣка и, закрывая ее, читатель, какъ бы мало ни былъ онъ склоненъ къ сантиментальности, невольно воскликнетъ вмстѣ съ авторомъ: „Когда же солнце правды и любви засіяетъ надъ холоднымъ краемъ и обогрѣетъ этихъ жалкихъ дикарей? Неужели же тогда, когда весь край превратится въ могилу?“

Очерки далекой Сибири. И. Гамова. Изданіе книжнаго магазина Сыркина. 1894 г. Съ положеніемъ сибирскаго желѣзно-дорожнаго пути возросъ интересъ къ обширной части Россійской имперіи какъ въ средѣ науки, такъ и въ массѣ лицъ, стремящихся въ мало-изслѣдованную страну, какой является въ настоящую минуту далекая Сибирь. Число изслѣдованій, посвященныхъ ей, увеличивается, хотя нельзя не пожалѣть объ относительной незначительности ихъ, а зачастую и недоступности. Послѣдняго недостатка лишена небольшая книжка г. Гамова, знакомящая насъ съ Приленскимъ краемъ, совершенно необслѣдованнымъ и заброшеннымъ уголкомъ нашей родины, куда проникаютъ очень немногіе изслѣдователи. Книжка представляетъ собой собраніе статей, уже печатавшихся въ *Русской Мысли*, *Наблюдатель*, *Русскихъ Вѣдомостяхъ*, *Русской Жизни* и другихъ изданіяхъ. Авторъ рисуетъ картину пустынного плоскогорья съ высокими горами, дѣвственными безконечными лѣсами, широкими рѣками и неисчерпаемыми неральными богатствами. Край этотъ, обладая громадными сокровищами ископаемаго царства, почти не эксплуатируется. Винить сибирскихъ лотопромышленниковъ и горнозаводчиковъ можно только отчасти. Недостатокъ путей сообщенія, хотя бы примитивныхъ, дороговизна рабочихъ въ и припасовъ, короткій трехмѣсячный срокъ промывки при суровомъ яматѣ, — все это препятствуетъ разумной разработкѣ громадныхъ залежей золота, которыя эксплуатируются въ крайне ограниченныхъ разразахъ. Совсѣмъ не разрабатывается богатая серебряная руда, встречающаяся въ большомъ количествѣ желѣзная и магнитная руды, рѣдкій по

громадному содержанію желѣза такъ называемый сферосидеритъ (углекислое желѣзо), попадающійся цѣлыми горами. Такимъ образомъ, при современномъ положеніи дѣла горная промышленность Приленскаго края является „жалкимъ ковырянемъ“: количество добываемыхъ минеральныхъ богатствъ ничтожно въ сравненіи съ колоссальностью мѣсторожденій. Пока все дѣло находится въ рукахъ небольшой кучки искателей легкой наживы и приключеній, нечего думать объ улучшенной постановкѣ этой области промышленности. Авторъ возлагаетъ большія надежды на то, что въ скоромъ времени за это дѣло возьмутся наука, умѣлыя руки и иностранцы. По его мнѣнію, предоставить всевозможныя льготы въ этомъ краѣ иностранцамъ будетъ не безвыгодно и для правительства, и для русскихъ промышленниковъ. Тотчасъ же прильютъ въ нашу Калифорнію капиталы, проложатся дороги, проведены будутъ по устьямъ Лены флотиліи пароходовъ и баржъ и сторицей увеличится добываніе золота и другихъ богатствъ. Отъ этого выиграетъ и металлическій нашъ фондъ, и промышленники, которые затрачиваютъ капиталы только когда представляется возможнымъ выручить не меньше 50% чистаго дохода, а зачастую и рубль на рубль. Разумѣется, такая доходность русскаго капиталиста понизится, но за то впоследствии онъ же скажетъ спасибо иностранцу за проложеніе дорогъ, за доставку дешевыхъ орудій производства. Улучшить положеніе этого края возможно и проведеніемъ желѣзно-дорожной артеріи отъ Иркутска до мѣстечка Качуги, первой судоходной станціи въ верховьяхъ Лены. Помимо того, что эта вѣтвь (не проектированная еще до сихъ поръ, но надобность которой вскорѣ выяснится) увеличитъ подвозъ товаровъ въ Приленскій край, но въ значительной степени откроетъ дешевый сбытъ богатѣйшимъ въ мірѣ пушнымъ товарамъ, мамонтовой кости и другимъ сырымъ матеріаламъ, которые по дороговизнѣ доставки мало доступны для потребителей.

Кореннымъ населеніемъ этого края являются тунгусы, якуты и мѣстные буряты. Авторъ сообщаетъ много любопытныхъ свѣдѣній о культурахъ инородцевъ, ихъ обычаяхъ, вѣрованіяхъ и объ отношеніи туземнаго населенія къ русскому, состоящему преимущественно изъ ссыльныхъ, тяжкихъ преступниковъ, отбывшихъ срокъ каторги, а иногда и просто сосланныхъ по приговорамъ крестьянскихъ обществъ. Интересно, что почти всѣ русскіе обьякутились, т.-е. говорятъ и живутъ какъ настоящіе якуты. Даже обычаи, обряды, примѣты и другія бытовья черты представляютъ странную смѣсь русско-якутскаго культа. Съ другой стороны, якуты усвоили не мало русскихъ словъ, вошедшихъ цѣликомъ въ якутскій языкъ, множество повѣрій и примѣтъ. Во всякомъ случаѣ, обычное раздѣленіе націй и племенъ въ антропологическомъ отношеніи на болѣе сильныя и менѣе сильныя, неизбѣжно якобы поглощаемыя первыми, не подтверждается данными примѣрами. Въ процессѣ ассимиляціи, гдѣ первенство приходится на долю якутовъ, не мало слѣдуетъ отнести на долю простой неграмотности, непростоты русскаго крестьянина, а также неприспособленности его мѣстнымъ условіямъ края. Ибо тѣ же русскіе — козаки и сектанты — вполне сохранили родной языкъ и русскіе обычаи единственно потому, что старательно поддерживали въ своей средѣ грамотность.

Козачество, нѣкогда сильное, неустрашимо колонизовавшее обширныя пространства, теперь превратилось просто во внутреннюю стражу полицейско-военнаго характера. Число козаковъ не велико, но они представляютъ собой незамѣнимый для управленія края русскій элементъ.

Изъ новыхъ поселенцевъ русскими остаются скопцы, поселенія которыхъ расположены по всей Восточной Сибири и въ особенности по Якутской области. Какъ вообще всѣ сектанты, они трудолюбивы, живутъ опрятно, въ довольствѣ и являются искусными земледѣльцами, приносящими громадную пользу краю. Напримѣръ, здѣсь умудряются разводить огурцы, арбузы и дыни. Улучшенные породы скота принадлежатъ скопцамъ.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ И ФИНАНСЫ.

„Библиотека экономистовъ“.—„Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ“. Р. фонъ-Кауфмана.

Библиотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Пер. М. Щепкина. Москва, 1895 г. Редакторы *Библиотеки экономистовъ* слѣдующимъ образомъ приступили къ выполненію своей задачи: „Въ основу русскаго перевода *англійскихъ* экономистовъ положенъ *французскій* текстъ, установленный для извѣстнаго изданія Гильомена“. „Повѣрка этого текста съ другими переводами (sic!) убѣдила насъ“, что переводъ не грѣшитъ крупными ошибками. Обратиться къ англійскому оригиналу наши толковники, очевидно, не сочли нужнымъ. На самой же первой страницѣ, въ самыхъ первыхъ строкахъ читаемъ: „Годовой трудъ народа есть *персональный запасъ*, доставляющій“ etc. Нельзя даже понять великой мысли Смита объ универсальномъ значеніи труда въ этой бессмысленной формѣ. Словомъ „запасъ“, которое обозначается у Смита обыкновенно *stock*, здѣсь передано выраженіе: *the fund which originally* etc. *). Не знаемъ, на чьей совѣсти—русскаго или французскаго переводчика—должна лежать отвѣтственность за такую передачу. На стр. 6 опять: „Свойство тѣхъ запасовъ, которые въ разныя времена и у разныхъ народовъ составляли ихъ годовое потребленіе“; у Смита: „What has been the nature of those funds, which in different ages and nations, have supplied their annual consumption“. На стр. 65: „Трудомъ измѣряется цѣнность не только той части цѣны, которая приходится на долю рабочаго, но и той, которая приходится на долю землевладѣльца, а также и той, которая приходится на долю капиталиста“. Читатель недоумѣваетъ, что значить эта бессмыслица. А вотъ что: „Labour measures the value not only of that part of price which *resolves itself into labour*, but of that which *resolves itself into rent*, and of that which *resolves itself into profit*“. Приведеннаго достаточно. Знаменитый трактатъ Смита переведенъ съ значительными сокращеніями.

При книгѣ приложенъ недурно выполненный медальонный портретъ Смита. Издана она хорошо и стоитъ недорого (1 руб.). А, все-таки, пожелаемъ русской публикѣ поскорѣе дорости до *полнаго* перевода творенія Смита съ *англійскаго* языка.

Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ назначеніямъ. Р. Фонъ-Кауфмана. Переводъ съ 3 нѣмецкаго изданія А. Гурьева, ученаго секретаря ученаго комитета министерства финансовъ. Спб., 1895 г. Цѣна 1 руб. Первоначально эта книжка въ Германіи была напечатана въ видѣ статьи въ 1889 г. въ *Jahrbücher für Nationalöconomie und Statistik*. Она быстро обратила на себя вниманіе всего образованнаго міра, и

*) Сравниваемъ по 4-му изданію 1786 г.

финансисты-теоретики и практики принялись цитовать ее. Недавно она появилась третьимъ изданіемъ, значительно улучшеннымъ, гдѣ авторъ даетъ новыя цифры для 1892 и 189²/₃ годовъ, что, конечно, теперь еще болѣе поднимаетъ ея цѣну.

Книга состоитъ почти изъ однѣхъ таблицъ и цифръ, снабженныхъ лишь краткими замѣчаніями, а, между тѣмъ, стоить только научится понимать этотъ ея сухой цифровой языкъ, и она заговоритъ намъ краснорѣчивѣе цѣлыхъ десятковъ многотомныхъ книгъ: она дастъ намъ широкія обобщенія изъ области экономической и финансовой жизни страны, она поможетъ читателю разобраться въ причинахъ многихъ сложныхъ явленій общественной жизни, наконецъ, она точно, ярко и рельефно характеризуетъ намъ во многихъ отношеніяхъ внутреннюю жизнь главнѣйшихъ государствъ Европы, а именно: Пруссіи, Австріи, Италіи, Франціи, Великобританіи и Россіи.

Воспользуемся же нѣкоторыми данными этой книжки, чтобы на нѣсколькихъ примѣрахъ иллюстрировать все богатство содержанія послѣдней.

Такъ, печальная, мрачная картина возстаетъ передъ нами, если мы взглянемъ на одну табличку (стр. 148), гдѣ приведены данныя затратъ отдѣльныхъ государствъ на оборону страны и на уплату процентовъ и погашенія по государственнымъ долгамъ. Оказывается, что изъ общей массы своихъ государственныхъ доходовъ netto, т.-е. за вычетомъ уже издержекъ взиманія на этотъ предметъ, всего болѣе издерживаетъ Великобританія—74,64%, затѣмъ Италія—73,37%, Россія—64,33%, и всего менѣе Пруссія—55,01%. И такъ, на удовлетвореніе всѣхъ культурныхъ потребностей государства у Великобританіи остается только 25,36%, у Италіи—26,63%, у насъ—35,37%, у Пруссіи—44,99%; такимъ образомъ, оборона страны и государственный долгъ, также, главнымъ образомъ, заключенный ради обороны страны, поглощаютъ изъ общей массы средствъ отъ $\frac{3}{4}$ до $\frac{11}{20}$; слѣдовательно, изъ средствъ, которыя собираются съ такимъ трудомъ съ народа, лишь незначительная доля получаетъ производительное назначеніе. Общественный организъмъ питается все усиленнѣе и усиленнѣе, но эту пищу поглощаютъ два великіе паразита—государственный долгъ и оборона страны, а жизнь европейскихъ государствъ представляется чѣмъ-то вродѣ слезливой работы.

Единственнымъ исключеніемъ изъ этой общей картины является маленькая Пруссія, гдѣ государственный долгъ былъ заключенъ для производительныхъ цѣлей, главнымъ образомъ—для выкупа желѣзныхъ дорогъ, и расходы по нему вполне покрываются доходами отъ нихъ (154 стр.).

Любопытно взглянуть, какую минимальную долю тратятъ государства на образованіе. И здѣсь опять, однако, наиболѣе выгодное положеніе занимаетъ Пруссія, которая на это дѣло употребляетъ 3,34% всѣхъ государственныхъ и мѣстныхъ расходовъ (авторъ вполне справедливо дѣлаетъ, если онъ принимаетъ во вниманіе и мѣстные расходы, такъ какъ въ различныхъ странахъ распределеніе задачъ между государствомъ и другими принудительными общественными хозяйствами далеко не одинаково, и другой приѣмъ не далъ бы вѣрной картины положенія вещей. См. стр. 11 и 139), затѣмъ Великобританія—7,62%, наша же Россія занимаетъ послѣднее мѣсто всего—3,99%. На одного жителя Пруссія тратитъ на элементарное образованіе 5,91 маркъ, Великобританія—5,83 м., а мы всего—0,58 м.

Весьма интересна далѣе табличка, приводимая авторомъ на стр. 60, а именно о расходахъ на общее управленіе. Оказывается, что всего дороже, относительно, общее управленіе обходится намъ: оно поглощаетъ у насъ изъ бюджета 13,36%, между тѣмъ какъ въ Великобританіи всего 3,29%, въ Пруссіи 6,90%, и самый высокій процентъ послѣ Россіи выпадаетъ на долю Австріи—9,28%:

И такъ, много поучительнаго даетъ намъ эта маленькая книжка.

Мы могли бы замѣтить, что иногда авторъ нѣсколько произвольно относится къ даннымъ относительно Россіи. Такъ, напримѣръ, расходы городовъ по образованію, за наимѣнѣемъ точныхъ данныхъ въ его рукахъ, онъ принимаетъ въ $\frac{1}{3}$ всего бюджета всѣхъ нашихъ городовъ, что даетъ сумму въ 9,900 т. р. изъ 49,5 милл. руб.,—на нашъ взглядъ это слишкомъ преувеличено (стр. 87). Точно также расходы земствъ и городовъ на воспособленіе промысламъ имъ произвольно опредѣляются круглымъ счетомъ въ 6% общаго итога всѣхъ расходовъ городовъ и земствъ (стр. 102). Что подало поводъ автору опредѣлить расходы въ этомъ размѣрѣ, а не въ другомъ, онъ объ этомъ не говорить.

Точно также не совсѣмъ правильно игнорированіе авторомъ и расходовъ нашихъ деревенскихъ общинъ подъ тѣмъ предлогомъ, что будто бы, „въ виду примитивнаго состоянія русскаго сельскаго управленія, расходы эти едва ли могутъ составлять значительныя суммы“ (стр. 41); между тѣмъ, эти суммы составляютъ довольно солидную цифру, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ послѣднія изслѣдованія.

Все это на нашъ взглядъ обусловливало бы необходимость нѣкоторыхъ поправокъ въ книгѣ относительно Россіи, и только при этомъ условіи мы имѣли бы въ рукахъ точныя, а не приблизительныя данныя для сравненія статей нашихъ государственныхъ расходовъ съ западно-европейскими, а это выполнить г. Гурьеву, при занимаемомъ имъ официальномъ положеніи, думается намъ, было бы не трудно.

Переводъ, сдѣланный хорошо, и, во всякомъ случаѣ, за изданіе этого полезнаго труда мы должны быть очень признательны переводчику г. Гурьеву.

ЮРИДИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Задачи уголовной политики Франца фонъ-Листа“. Излож. Б. Гуревича.

Задачи уголовной политики Франца фонъ-Листа, въ изложеніи Бориса Гуревича. 1895 г. Имя Листа, професс. Гальскаго университета, пользуется почетною извѣстностью среди криминалистовъ не только Западной Европы, но и Россіи. Помимо оригинальнаго освѣщенія и разработки отдѣльныхъ вопросовъ уголовного права, внимательное изученіе современной литературы уголовного права, вплоть до знакомства съ лучшими работами русскихъ ученыхъ, доставляетъ ему имя добросовѣстнаго изслѣдователя. Русская наука уголовного права много обязана этому профессору: обширное знакомство съ трудами его въ области права вызвало проводниковъ его идей и среди русскихъ и изслѣдователей. Если прибавить къ этому, что Листъ принималъ живое и дѣятельное участіе въ критическомъ разборѣ новаго русскаго уложенія, то окажется, что изъ современныхъ западныхъ ученыхъ нѣтъ болѣе близкихъ къ наукѣ нашего уголовного права стоить проф. Листъ. Несмотря на все это, работы его отсутствуютъ въ переводѣ на русскій языкъ. Поэтому, естественной и небезынтересной пред-

ставляется попытка г. Гурвича, кандидата на судебныя должности, *изложить* на русскомъ языкѣ одну изъ работъ Листа — *Задачи уголовной политики*. Подъ такимъ общимъ заглавіемъ появлялся рядъ статей съ 1889 по 1894 гг. въ журналахъ *Zeitschrift für die gesamte Schtrafrechts wissenschaft* и въ извѣстіяхъ международнаго союза уголовного права *Bulletin de l'union internationale de droit pénal*. Остановимся въ общихъ чертахъ на содержаніи статей.

По мнѣнію Листа, постановка задачъ уголовного права должна быть измѣнена. Прежнее уголовное право, имѣвшее подъ собою преимущественно метафизическую почву, въ борьбѣ съ преступленіемъ не обращало вниманіе на главное: на условія, порождающія преступленіе. Устраненіе этихъ условій и должно быть дѣлю карательной системы при содѣйствіи разумной уголовной политики, т.-е. *рядъ рациональныхъ началъ борьбы съ отдѣльными видами преступности*. Основанная на научныхъ изслѣдованіяхъ *всѣхъ* причинъ преступности и дѣйствій, производимыхъ наказаніями, уголовная политика рекомендуетъ извлекать наибольшую пользу изъ гибкой природы наказанія и ставить борьбу съ преступностью въ зависимость отъ каждаго отдѣльнаго случая. Опредѣляя различія между новою и старою теоріей уголовного права, мы видимъ, что первая считаетъ существеннымъ элементомъ преступленіе и его послѣдствія, вторая видитъ центръ тяжести во внутреннихъ особенностяхъ преступника. Несомнѣнно, даже при постепенномъ торжествѣ новѣйшаго ученія, наказаніе должно остаться попрежнему, видоизмѣнится только характеръ его. Уголовные законы будутъ существовать ненарушимо, законодатель, какъ и теперь, будетъ опредѣлять условія примѣнимости наказанія, попрежнему въ особенной части уложенія будутъ перечислены и квалифицированы различныя преступленія, а въ общей изложены будутъ правила, относящіяся ко всѣмъ родамъ преступленій вообще. Но формализмъ и шаткія юридическія опредѣленія исчезнутъ. Такимъ образомъ, постановка вопроса объ уголовной политикѣ является не революціей уголовного права, а, скорѣе, реформой, стремящейся къ возможному упрощенію опредѣленій преступленія, къ устраненію большей части квалификаціи различныхъ специальныхъ преступленій, — словомъ, въ ограниченіи элемента чисто-логическаго и отвлеченнаго въ примѣненіи къ своеобразной сферѣ нашей жизни. Таково въ общихъ чертахъ содержаніе ученія Листа. Нельзя не отмѣтить современности духа этого ученія, по которому наказаніе не считается самымъ совершеннымъ и единственнымъ средствомъ борьбы съ преступленіемъ и многое относится на долю предупредительныхъ мѣръ. Какимъ бы парадоксальнымъ ни показалось мнѣніе автора *Задачъ уголовной политики* о томъ, что уголовное уложеніе должно быть *tabula charta* преступника, защищающая не общество, не правопорядокъ, а личность, которая возстала противъ нихъ, оно содержитъ въ себѣ много вѣрнаго. Уголовное право — это закономъ ограниченная карательная власть государства.

Несмотря на то, что мысли эти не могутъ претендовать на новизну какъ это и признано самимъ проф. Листомъ въ письмѣ, адресованномъ къ автору русской книги, тѣмъ не менѣе, заслуга дѣльнаго рація этихъ мыслей и популяризаціи ихъ остается за Листомъ. Назныя статьи представляютъ много интереснаго не только для занимающихся уголовнымъ правомъ, но и для неспеціалистовъ. Для послѣднихъ-то, главнымъ образомъ, и предназначено изданіе *Задачъ* на русскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, работа г. Гурвича не вполне удовлетворила

намѣченнымъ имъ въ предисловіи цѣлямъ. Отрывочность и разбросанность изложенія, спеціальныя частности, заставляющія читателя терять общую руководящую идею, и крайне тяжелый слогъ, часто затрудняющій возможность пониманія и связи мыслей, — все это значительно умаляетъ достоинство книги. Въ особенности неприятно дѣйствуютъ обороты рѣчи нерусскаго свойства, часто свидѣтельствующіе о томъ, что авторъ, иногда слишкомъ придерживаясь оригинала, превращалъ изложеніе въ плохой переводъ. Напримѣръ: „все сказанное такимъ образомъ убѣждаетъ всякаго зрящаго (?), что споръ о названіи извѣстной науки, въ виду недостатка въ одномъ общемъ подходящемъ словѣ, хотя и можетъ быть разсматриваемъ, какъ доказательство ея молодости, никогда, все-таки, не можетъ служить основаніемъ къ ея отрицанію“ (стр. 5); или: „она должна быть присуждена къ наказанію и принудительное воспитаніе (вмѣсто послѣдняго) исключается“ (стр. 114). Такихъ оборотовъ разсыпано въ книгѣ много.

ТЕХНИЧЕСКІЯ КНИГИ.

„Промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и современные приемы химической технологіи“. Д. Коновалова.

Промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и современные приемы химической технологіи. Д. Коновалова. Подъ этимъ широкимъ заглавіемъ скрывается довольно скромный по содержанію отчетъ профессора химіи Коновалова о поѣздкѣ его, въ качествѣ эксперта, на выставку въ Чикаго, причѣмъ отъ министерства финансовъ ему было поручено произвести изслѣдованіе положенія въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ нѣкоторыхъ отраслей химической промышленности. Разсматриваемый трудъ распадается на общую и спеціальную часть. Въ первой части авторъ останавливается на нѣкоторыхъ, преимущественно отрицательныхъ, сторонахъ американской культуры и даетъ общую характеристику мѣстной промышленной жизни. Вторая часть посвящена техническому состоянію американской промышленности.

По мнѣнію автора, промышленность Сѣверо-Американскихъ Штатовъ характеризуется двумя главными чертами: преимущественнымъ развитіемъ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ страны и такимъ же вниманіемъ къ замѣнѣ ручной работы человѣка работой механизма. „Въ настоящее время страна живетъ, прежде всего, на счетъ нетронутыхъ богатствъ почвы; все въ ней приспособлено къ тому, чтобы извлекать изъ нея въ данный моментъ наибольшую выгоду. Громадныя естественныя богатства Соединенныхъ Штатовъ были однимъ изъ главныхъ факторовъ, опредѣлившихъ характеръ промышленныхъ предприятий“, ихъ быстрый ростъ и крупную организацію. Но это же условіе было причиной неэкономнаго отношенія американцевъ къ своимъ естественнымъ богатствамъ. „Если принять за мѣру высокаго уровня промышленности... бережливую эксплуатацію естественныхъ богатствъ и возможно-полную утилизацію побочныхъ продуктовъ производства, то этимъ условіямъ американская промышленность удовлетворяетъ далеко не всегда. Неумолимыя требованія акціонерной системы, настаивающей, прежде всего, на расширеніи предпріятій съ цѣлью увеличенія прибылей и совершенно равнодушной къ связанному съ этимъ подчасъ бесполезною тратой природныхъ матеріаловъ, даютъ часто американ-

скою изобрѣтательности весьма одностороннее направленіе. Приемы американской техники во многихъ случаяхъ нельзя назвать хищническими“. Благодаря такому характеру промышленности, во-первыхъ, эксплуатация естественныхъ богатствъ совершается съ нарушеніемъ интересовъ будущихъ поколѣній (истребленіе лѣсовъ, наприм., даетъ себя знать уже настоящему поколѣнію янки), во-вторыхъ, чувствуется меньшая, чѣмъ въ Европѣ, зависимость промышленности отъ развитія научныхъ знаний. И дѣйствительно, въ области изобрѣтеній американскій гений выразился, наиглавнѣйшимъ образомъ, механическими открытіями; химическая же промышленность находится въ мало развитомъ состояніи. „А, между тѣмъ, химическія производства требуютъ познаний, недоступныхъ безъ предварительной научной подготовки“. Механическая же дѣятельность „часто не требуетъ вовсе высокаго общаго культурнаго уровня человѣка. Весьма часто изобрѣтателями этого рода являюся самоучки рабочіе, одаренные природными способностями и практическими свѣдѣніями специальности. Изобрѣтатель-самоучка вообще важный факторъ американской промышленности. Его значеніе опредѣляется новизной обстановки промышленной дѣятельности и обиліемъ естественныхъ источниковъ“. Такимъ образомъ, общій технологическій характеръ американской промышленности мало благоприятствуетъ тому, чтобы интеллигенція получила въ практической жизни большое значеніе. Въ томъ же направленіи вліяетъ и экономическая организація производства. „Громадная фабрика, работающая однообразными приемами и служащая массовому производству, выгодность котораго часто зиждется на размѣрахъ производства при возможной простотѣ техническихъ приемовъ, а не на совершенномъ веденіи самаго дѣла, не требуетъ большого числа интеллигентныхъ силъ“. Отсюда— „особенность американскаго промышленнаго строя—незначительная роль, принадлежащая въ немъ интеллигентнымъ силамъ“. Это отражается и на постановкѣ высшего образованія, и на культурномъ положеніи буржуазіи. „Положеніе (также и матеріальное) средняго интеллигентнаго класса незавидно, а это ослабляетъ значеніе фактора, созидающаго культурную обстановку жизни. Богатство, деньги приткаютъ (къ предпринимателямъ), а цѣны имъ мало“. Богачи не знаютъ, что дѣлать съ пріобрѣтенными богатствами: скупать ли картины европейскихъ мастеровъ, строить ли небывалый телескопъ, основывать ли новый университетъ, которыхъ и безъ того очень много, или по-просту переѣхать въ Европу, чтобы тамъ жить широкими и разнообразными интересами культурной жизни“. „Я былъ пораженъ значительнымъ числомъ лицъ изъ числа моихъ коллегъ, уѣхавшихъ на каникулы въ Европу“,—добавляетъ г. Коноваловъ.

Въ спеціальной части своего труда авторъ останавливается на производствахъ, имѣющихъ матеріаломъ металлы, нефть, дерево, и на химической промышленности. Эта часть не представляетъ систематическаго изслѣдованія съ болѣе или менѣе точными цифровыми данными. Авторъ ограничился характеристикой технической стороны на болѣе распространенныхъ отраслей промышленности и приемовъ производства, введенныхъ американцами.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

„Иллюстрированный сельско-хозяйственный словарь“. С. М. Богданова. — „Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ полтавскаго губернскаго земства“. — „Не по торному пути“. А. П. Мертваго. — „Сахарный кленъ и клено-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ“. Н. С. Нестерова. — „Оцѣнка имѣній“. А. А. Колесова.

Иллюстрированный сельско-хозяйственный словарь. Энциклопедія сельскаго хозяйства. Составилъ С. М. Богдановъ. Кіевъ, 1891—95 гг. Цѣна 8 р. Въ свое время мы отмѣчали (въ *Русской Мысли* 1891 г.) появленіе перваго выпуска этого словаря, составленнаго кіевскимъ профессоромъ агрономіи (бывшимъ слушателемъ Петровской академіи) С. М. Богдановымъ. Въ началѣ 1895 г. появился, наконецъ, тринадцатый и послѣдній выпускъ *Словаря*. Такое продолжительное печатаніе, помимо случайныхъ помѣхъ, объясняется, вѣроятно, тѣмъ, что *Словарь* составляетъ, главнымъ образомъ, единоличную работу проф. Богданова, который за тотъ же срокъ успѣлъ отпечатать 2 толстыхъ тома *Обзоровъ* сельско-хозяйственной литературы за два года. Главнымъ образцомъ для составителя явился нѣмецкій *Словарь* Краффта, но русское изданіе, уступающее нѣмецкому по изяществу рисунковъ, содержитъ въ текстѣ многочисленныя добавленія, касающіяся Россіи, вслѣдствіе чего *Словарь* является полезною справочною книгой и для лицъ, обладающихъ уже лексикономъ Краффта. *Словарь* представляетъ объемистую книгу въ 91 печатный листъ (въ два столбца) съ 955-ю рисунками. Все изданіе посвящено современному вожаку русскихъ агрономическихъ знаній, проф. И. А. Стебуту. Въ послѣднемъ выпускѣ помѣщены, между прочимъ, портреты Альбрехта Тэера, И. А. Стебута, А. В. Совѣтова, А. Н. Энгельгардта, В. В. Чернилева. Изъ біографическихъ пробѣловъ назовемъ непріятное отсутствіе свѣдѣній о К. А. Тимирязевѣ, педагогическая дѣятельность котораго тѣснѣйшимъ образомъ связана съ успѣхами русской агрономіи. Особый алфавитный указатель (котораго, впрочемъ, нѣтъ и у Краффта) былъ бы, кажется, не лишнимъ. Еще полезнѣе оказался бы систематическій указатель съ группировкою статей по содержанію (такимъ указателемъ, между прочимъ, былъ снабженъ терминологическій сельско-хозяйственный словарь Буриашева, изданный въ 1843—44 гг.). Привѣтствуя окончаніе сложной работы, желаемъ ей распространенія въ русской публикѣ.

Результаты семилѣтнихъ опытовъ на опытномъ полѣ полтавскаго губернскаго земства. Полтава, 1894 г. Можно держаться различныхъ взглядовъ на цѣлесообразность устройства научныхъ опытовъ на средства земскихъ учреждений, но, во всякомъ случаѣ, слѣдуетъ признать большое значеніе работъ полтавскаго опытнаго поля для русской агрономіи. Полтавской постановкѣ агрономическихъ экспериментовъ и особенно богатымъ выводами своду этихъ экспериментовъ могли бы позавидовать многія учебныя заведенія. Полтавское поле вполне исполнило право содержанія на государственный счетъ. Обязанность записей, ведущихся на полѣ, много обязана первоначальному подку, который былъ заведенъ первымъ директоромъ поля, Б. П. Чепухинымъ. Появившійся къ новому (1895) году семилѣтній отчетъ, составленъ, главнымъ образомъ, И. О. Широкихъ. Изъ 13 лицъ, занимавшихся опытами на полтавскомъ полѣ, десять — питомцы Петровской академіи, такъ что полтавское поле смѣло могло бы назваться черноною колоніей Петровскаго-Разумовскаго. Отдѣльныя главы отчета

посвящены описанію устройства опытовъ, вліянію видовъ пара и глубины обработки на влажность почвы и на урожай, дѣйствию удобрения, особымъ опытамъ съ кукурузою, картофелемъ и разнымъ опытамъ въ 10-ти польномъ сѣвооборотѣ. Отчетъ заслуживаетъ внимательнѣйшаго изученія со стороны южно-русскихъ образованныхъ хозяевъ и можетъ считаться полезнѣйшимъ пособіемъ для лицъ, занимающихся агрономіей. Введеніе къ отчету написано теперешнимъ директоромъ поля В. Н. Дьяковымъ.

Не по торному пути. Изъ воспоминаній (1878—1888 гг.). А. П. Мертваго. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к. Увлекательно написанные очерки А. П. Мертваго знакомятъ читателя, прежде всего, съ городскими мечтами автора о хозяйствѣ, затѣмъ съ ученничествомъ въ практической школѣ покойнаго А. Н. Энгельгардта, далѣе съ батрачествомъ на парижскихъ огородахъ, съ занятіями на батищевскомъ огородѣ и въ Буковскомъ пустошномъ хозяйствѣ. На всѣхъ позиціяхъ авторъ видимо сохранялъ вдумчивое отношеніе къ общимъ сельско-хозяйственнымъ вопросамъ. Имъ руководило сознаніе лежащей на русскомъ интеллигентѣ обязанности возвратитъ деревнѣ тѣ знанія, которыя были получены на счетъ деревни (стр. 64). Критическое положеніе землевладѣльческаго хозяйства въ нечерноземной Россіи мѣтко охарактеризовано въ разныхъ мѣстахъ книги, въ особенности на стр. 212—213, гдѣ сдѣланы основательныя указанія на завѣщанное крѣпостнымъ правомъ стремленіе землевладѣльцевъ жить не по средствамъ. Къ сожалѣнію, авторъ, мѣстами, высказываетъ (стр. 65) довольно безразличное отношеніе къ общественнымъ условіямъ сельско-хозяйственной работы, и это безразличіе не вяжется со многими страницами книги, изъ которыхъ ясно, что автору положеніе крестьянина-хозяина представляется болѣе нормальнымъ, чѣмъ положеніе батрака. Авторъ—сторонникъ распространенія русскаго хозяйства „въ ширь“ (стр. 215); еслибъ онъ не такъ отрицательно относился къ параллельно существующей необходимости распространять хозяйство и „въ глубь“, онъ, вѣроятно, вынесъ бы болѣе справедливый приговоръ 30-ти лѣтней дѣятельности Петровско-Разумовской фермы (стр. 225).

Во всякомъ случаѣ, книгу г. Мертваго съ большимъ интересомъ и пользою прочтутъ русскіе читатели, особенно такіе, которые вмѣстѣ съ авторомъ признаютъ, что на „торномъ пути“ находится только тотъ хозяинъ, который „заснулъ и не двигается съ мѣста“.

Сахарный кленъ и клено-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ. Н. С. Нестерова. Спб., 1895 г. Не сладко живется русскому человѣку въ буквальный смыслъ слова, т.-е. въ смыслъ средняго количества потребляемыхъ сахаристыхъ веществъ. Главная сладость нашей пищи—свекловичный сахаръ—несетъ на себѣ государственную повинность (1 р. на пудъ), да кромѣ того еще болѣе тяжелую обязанность—поддерживать существованіе почтенныхъ членовъ синдикта, и не удивительно поэтому слабое потребленіе сахара въ Россіи. По мнѣнію Н. С. Нестерова, ознакомившагося съ культурою сахарнаго клена въ Америкѣ, сахарный кленъ съ успѣхомъ можетъ произростать въ Россіи не только въ южныхъ и юго-западныхъ губерніяхъ, но и въ средней полосѣ. Въ казенныхъ лѣсничествахъ начались уже интересные опыты воздѣлыванія этого американскаго растенія. Сахарный клен способенъ произростать въ теченіе многихъ лѣтъ подъ болѣе или мѣнѣе густою тѣнью другихъ породъ; по живучести онъ напоминаетъ осину; стало быть, воздѣлываніе сахарнаго клена можетъ явиться вслѣдствіе

могательнымъ дѣломъ при обычныхъ формахъ правильнаго дѣснаго хозяйства. Кленъ весьма легко разводится сѣменами и успѣшно переноситъ пересадку. Боченокъ кленоваго сока въ 32 галлона даетъ около 8 фунтовъ сахара; для полученія такого количества сока достаточно двухъ деревьевъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ производство кленоваго сахара является въ видѣ кустарнаго промысла, связаннаго съ мелкимъ земледѣльческимъ хозяйствомъ. Желательно, чтобъ и у насъ въ Россіи оно возникло въ такой же формѣ. Несмотря на узкую, повидимому, специальность предмета, брошюра г. Нестерова написана очень живо и заслуживаетъ широкаго распространенія.

Оцѣнка имѣній. Краткое руководство. Изданіе второе. Составилъ А. А. Колесовъ. Харьковъ, 1895 г. Цѣна 50 коп. Сельско-хозяйственная таксація пользуется у насъ незаслуженно-слабымъ вниманіемъ общества; это отчасти объясняется тѣмъ, что къ оцѣнкѣ громаднаго большинства русскихъ хозяйствъ (хозяйствъ крестьянскихъ) не примѣнимы тѣ основы оцѣнокъ, которыя выработаны въ западно-европейской литературѣ. Но владѣльческое хозяйство ставитъ на каждомъ шагѣ требованіе таксаціонныхъ знаній и отъ самихъ владѣльцевъ, и отъ земельно-кредитныхъ и иныхъ учреждений. Первому ознакомленію съ правилами оцѣнокъ можетъ помочь кратко и просто написанное руководство г. Колесова. Во второмъ изданіи мы замѣтили исправленія сравнительно съ первымъ изданіемъ: такъ, несообразный примѣръ средняго размѣра налоговъ въ 1 рубль на владѣльческой десятинѣ замѣненъ гораздо болѣе соответствующимъ среднерусскому хозяйству примѣромъ 50 копѣекъ (стр. 30). На стр. 8 встрѣчается, однако, невѣрное замѣчаніе относительно „серій“. Въ одномъ изъ примѣчаній рекомендуется ежегодное отчисленіе изъ валоваго дохода небольшихъ суммъ на выдачу пенсій престарѣлымъ служащимъ и рабочимъ и справедливо указывается, что „такія заботы о низшей братіи не только не разорительны для нанимателей и хозяевъ, а прямо выгодны и въ матеріальномъ, и особливо въ нравственномъ отношеніи“ (стр. 16). Такіе взгляды не всегда встрѣтишь въ произведеніяхъ сторонниковъ наибольшаго чистаго дохода.

МЕДИЦИНА.

„Гигіеническія бесѣды“. Д-ра Мокіевскаго. — „Очерки русской народной медицины“. В. Ф. Демича.

Гигіеническія бесѣды. Д-ра Мокіевскаго. М., 1894 г. Ц. 30 к. Брошюра содержитъ нѣсколько очерковъ по гигиенѣ школьнаго возраста и гигиенѣ повседневной жизни. Чего-либо новаго авторъ не даетъ, но различныя свѣдѣнія по поводу одежды, обуви, приготовленія пищи, вліянія на здоровье спиртныхъ напитковъ и проч. изложены хотя и коротко, но довольно обстоятельно, а, главное, просто, понятно, безъ всякой претензіи на авторитетъ и проповѣдничество; это и отличаетъ названную брошюрку среди переводовъ различныхъ гигиенъ, издаваемыхъ въ послѣднее время почему-то въ невѣроятнo большомъ количествѣ.

Очерки русской народной медицины. Лихорадочныя заболѣванія и ихъ леченіе у русскаго народа. В. Ф. Демича. Спб., 1894 г. Авторъ, какъ видно изъ введенія, давно уже занятъ изслѣдованіями въ области народной медицины; ранѣе имъ были изданы из-

слѣдованія о главнѣйшихъ русскихъ народныхъ средствахъ изъ растительнаго царства, затѣмъ *Акушерство у народа, Гинекологія у русскаго народа, Педиатрія у русскаго народа*. Интереснымъ работамъ автора слѣдуетъ пожелать продолженія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не указать на нѣкоторые нежелательные недостатки настоящей брошюры. Планъ работы выдержанъ не строго: первыя главы посвящены изложенію народныхъ названій лихорадки, представленію народа о сущности, причинахъ и происхожденіи болѣзни; слѣдующія главы трактуютъ о гигиенѣ, діететикѣ и уходѣ за лихорадочными больными у народа, о суевѣрныхъ и симпатическихъ средствахъ отъ лихорадки, о механическихъ способахъ, о леченіи лихорадки страхомъ и водою и, наконецъ, объ эмпирическихъ народныхъ средствахъ отъ лихорадки. Факты, передаваемые авторомъ, находятся, однако, между собою въ случайной связи; нерѣдко при этомъ случаются повторенія: такъ, наприм., указаніе на употребленіе паутины мы находимъ на стр. 46 и 49 и на 60 и т. п., кромѣ того, безъ надлежащаго освѣщенія вся эта масса фактовъ теряетъ значеніе; выводы авторомъ не сдѣлано почти никакихъ, — не такъ, вѣдь, важно знать, что въ такой-то, положимъ, волости употребляется *adonis*, а въ такомъ-то заводѣ *lychnis*, гораздо важнѣе, почему создано убѣжденіе въ дѣйствительности этого средства; обобщеній также нѣтъ, а, между тѣмъ, они необходимы; кое-что, однако, въ этомъ отношеніи указано и авторомъ: такъ, на стр. 45 говорится, что раскольники исключительно пользуются средствами изъ растительнаго царства, считая грѣхомъ употребленіе лѣкарствъ металлическихъ; зная, очевидно, недостаточность простаго перечня, на 46 стр. авторъ говоритъ: „о легендахъ народа по поводу нѣкоторыхъ лечебныхъ травъ я думаю побесѣдовать съ читателями въ одной изъ слѣдующихъ статей, ибо легенды эти, по моему мнѣнію, не только поэтичны, но и весьма интересны во многихъ отношеніяхъ“. Но, кромѣ легендъ, объясняющихъ далеко не во всѣхъ случаяхъ употребленіе извѣстнаго средства въ данной мѣстности, могутъ имѣть вліяніе и другія условія, этнографическія, религіозныя и проч.; во всякомъ случаѣ, нельзя отказать народу и въ наблюдательности, и въ способности анализа, что можетъ быть доказано хотя бы тѣмъ обстоятельствомъ, что въ университетскую, дипломированную, такъ сказать, медицину пробиваются въ послѣднее время особенно часто народныя средства, наприм., *adonis*, брусника, пядсолнечникъ и т. п.

УЧЕБНИКИ И ДѢТСКІЯ КНИГИ.

„Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку“. Н. Н. Миронова. — „Темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ“. Е. Воскресенскаго. — „Русско-латинскій словарь“. В. Мусса-муса. — „Трагедія“ *Еврипида*. — „Голубыя сказки“. Э. Лабулэ.

Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку. (Теорія, примѣры, образцы пробныхъ уроковъ) Н. Н. Миронова. Рига, 1894 г. Цѣна 75 к. Для всѣхъ, кто интересуется обученіемъ русскому языку, книжка г. Миронова *Сознательное чтеніе* можетъ явиться чрезвычайно полезной и крайне поучительной. Правда, читатель не найдетъ въ ней какихъ-либо особенно оригинальныхъ взглядовъ или особенно новыхъ приемовъ, и она полна ссылками на труды авторитетныхъ педагоговъ нашихъ, но важно, что состав-

тель съумѣлъ толково воспользоваться этими трудами, съумѣлъ освѣтить свой предметъ во всю его величину, и потому книжка его не можетъ не пригодиться всякому учителю русскаго языка и словесности.

Мы не будемъ распространяться о томъ, до какой степени правиленъ взглядъ г. Миронова на сознательное чтеніе, какъ на главный предметъ обученія отечественному языку: взглядъ этотъ довольно прочно устанавливается въ современной педагогикѣ, и г. Мироновъ своею точкою зрѣнія на сознательное чтеніе доказалъ вполне ясно, что онъ любитъ свое дѣло и стоитъ въ рядахъ передовыхъ людей этого дѣла. Намъ, такимъ образомъ, наиболѣе существеннымъ кажется вопросъ о томъ, съ какихъ именно сторонъ разсматривается въ разбираемой книжкѣ сознательное чтеніе. Но и въ этомъ отношеніи книжка не оставляетъ желать ничего лучшаго. Мало того, что г. Мироновъ интересно толкуетъ о выборѣ матеріала для чтенія и подробно изслѣдуетъ основные приемы при веденіи сознательнаго чтенія, онъ, по его словамъ, „полагая въ основу занятій русскимъ языкомъ все то же сознательное чтеніе, выясняетъ взаимное отношеніе всѣхъ остальныхъ дисциплинъ къ этой главной дисциплинѣ преподаванія отечественнаго языка“ (стр. 57). Онъ довольно вѣрно оцѣниваетъ свойства существующихъ хрестоматій какъ для начальныхъ школъ, такъ и для средне-учебныхъ заведеній (стр. 6—15), обстоятельно выясняетъ цѣлесообразные способы веденія сознательнаго чтенія (стр. 15—41), горячо ратуетъ за правильную постановку выразительнаго чтенія въ школахъ (стр. 41—47) и настойчиво рекомендуетъ литературныя бесѣды съ самыхъ младшихъ классовъ (стр. 47—57). При этомъ не только цѣлыя разсужденія, но и отдѣльные тезисы, положенія и замѣчанія у г. Миронова постоянно опираются на примѣры и образцы, благодаря чему книжка его становится весьма убѣдительною. Наконецъ, тамъ, гдѣ онъ опредѣляетъ отношеніе сознательнаго чтенія къ другимъ занятіямъ въ области роднаго языка, онъ высказывается за такіе правила и приемы, достоинство которыхъ не можетъ подлежать никакому сомнѣнію. Примѣромъ подобныхъ правилъ можетъ служить хотя бы слѣдующее: „чтобы развить въ дѣтяхъ навыкъ къ правильному письму, необходимо не допускать ни одной ошибки въ диктуемомъ текстѣ“ (стр. 60).

Не можемъ не пожелать книжкѣ г. Миронова самаго широкаго распространенія, а стало быть и полнаго успѣха.

Темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ. Е. Воскресенскаго. Москва, 1895 г. Цѣна 30 коп. Г. Воскресенскій, который достаточно уже извѣстенъ изданіемъ такихъ полезныхъ учебныхъ пособій, каковы разборъ *Бориса Годунова* Пушкина, разборъ *Полтавы*, *Евгенія Онегина* и мног. друг., недавно издалъ новую брошюрку, гдѣ собраны темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ. Всѣхъ темъ и вопросовъ въ его сборникѣ 620. Главное мѣсто между ними занимаютъ историко-литературныя темы и темы по теоріи словесности; темы отвлеченныя встрѣчаются только изрѣдка. Русская литература выходитъ здѣсь изъ предѣловъ установленной программы средне-учебныхъ заведеній, такъ какъ г. Воскресенскій предлагаетъ темы и изъ произведеній Островскаго, Тургенева, гр. А. Толстого, гр. Л. Толстого и проч. Есть нѣсколько вопросовъ въ сборникѣ, касающихся произведеній Шекспира. Кое-гдѣ составитель дѣлаетъ указанія на тѣ или иные источники для сочиненій учащихся. Таковыми являются, на примѣръ, *Чтенія объ искусствѣ* Тэна, *Психологія* Владислав-

лева, *Самодѣтельность* Смайльса и проч. Нельзя сказать, чтобы въ сборникѣ г. Воскресенскаго была выдержана какая-либо строгая система, но, все-таки, онъ можетъ сослужить службу учителямъ русскаго языка и словесности, хотя бы по количеству заключающихся въ немъ темъ и вопросамъ.

Русско-латинскій словарь. Состав. В. Мусселиусъ. Спб. Обширный трудъ г. Мусселиуса, заключающій въ себѣ 424 стр., надъ которымъ онъ работалъ 12 лѣтъ, по заслугамъ удостоенъ большой петровской премии: это бесспорно самый лучший изъ небольшого, правда, числа имѣющихся у насъ русско-латинскихъ словарей. Прежніе словари наши (наприм., Ивашковского, Бѣликова, Орлова) всѣ, за исключеніемъ развѣ недоконченнаго лексикона Ходобая и Виноградова, неудовлетворительны въ томъ отношеніи, что они бѣдны фразеологіей и не дѣлаютъ различія при выборѣ словъ не только между языкомъ разныхъ періодовъ римской литературы, но даже и между языкомъ поэтическимъ и прозаическимъ. Г. Мусселиусъ обратилъ на эти стороны большое вниманіе, заимствуя приводимыя имъ латинскія слова и выраженія почти исключительно изъ языка классическаго періода и тщательно отмѣчая разными знаками слова и выраженія, которыя или принадлежатъ позднѣйшей латыни, или вовсе не встрѣчаются у древнихъ авторовъ (вродѣ, наприм., „студентъ“). Въ составъ словаря вошло около 15,000 русскихъ словъ, причеиъ выпущены слова рѣдко встрѣчающіяся, большинство словъ, обозначающихъ предметы и явленія, которыя не были извѣстны древнимъ, и собственныя имена. Впрочемъ, въ концѣ книги прибавленъ краткій списокъ наиболѣе употребительныхъ географическихъ именъ. Латинскій переводъ русскихъ словъ и выраженій дается вездѣ правильный и точный; мы можемъ указать лишь на нѣсколько ошибокъ, да и тѣ происходятъ по большей части отъ недостаточнаго знакомства автора съ русскимъ языкомъ. Такъ, наприм., „*lana*“ онъ переводитъ чрезъ *agnula*, что значитъ на самомъ дѣлѣ „копыто“; *ученый* (ученый въ примѣненіи къ вещи)—чрезъ *litteratus*, которое употребляется въ этомъ смыслѣ только въ выраженіи *otium litteratum*, а, наприм., „ученая книга“ чрезъ *liber litteratus* перевести никакъ нельзя; „*Кіевъ*“ онъ передаетъ чрезъ *Kiēvia*, между тѣмъ какъ, по старинной традиціи нашей, этотъ городъ по-латыни называютъ *Kiōvia* и т. д. Что касается внѣшняго вида книги, то онъ не оставляетъ желать ничего лучшаго: бумага отличная, печать отчетливая; каждое слово, начинающее статью, напечатано особымъ жирнымъ шрифтомъ, такъ что выдѣляется совершенно ясно.

Еврипидъ. Ионъ. Алкестиды. Вакханки. Съ греч. пер. В. Алексѣевъ. (Дешевая библ., №№ 218, 219, 220). Спб. Сцены изъ трагедій Еврипида Троянки. Перев. съ греческ. Ольги Вейсесъ. Москва, 1892 г. О трехъ переводахъ изъ Еврипида г. Алексѣева (*Гипполитъ*, *Ифигенія въ Авлидѣ*, *Ифигенія въ Тавридѣ*) мы уже имѣли случай говорить на страницахъ нашего журнала (октябрь 1890 г., стр. 477 и слѣд.). Вышедшіе съ тѣхъ поръ его переводы трехъ трагедій Еврипида по своимъ качествамъ подобны предыдущимъ. Хотя сдѣланы они прозой и не даютъ никакого представленія о изведеніяхъ великаго греческаго трагика, тѣмъ не менѣе, для ознакомленія публики съ *содержаніемъ* ихъ они являются не бесполезны. Жаль только, что переводчикъ по небрежности ли, или по другимъ причинамъ дѣлаетъ часто ошибки, иногда настолько крупныя, что бросаются въ глаза при чтеніи его перевода даже безъ сличенія

оригиналомъ. Приведемъ хоть два примѣра: Въ *Вакхангазъ* (ст. 1064) вѣстникъ разсказываетъ о томъ, какъ Діонисъ, сопровождавшій Пенеея, чтобы дать возможность ему посмотрѣть на вакханокъ, пригнулъ высокую ель къ землѣ и посадилъ туда Пенеея. Въ переводѣ (стр. 37) это выражено такъ: „тогда я замѣтилъ, что иностранецъ сдѣлалъ нѣчто удивительное: онъ схватилъ *верхушку* ели и пригнулъ ее къ черной землѣ“. Спрашивается: какъ могъ Діонисъ достать до верхушки дерева, когда онъ былъ въ образѣ простаго человѣка? У Еврипида говорится не о вершинѣ ели, а о „краѣ вѣтви, поднимающейся къ небу“: надо полагать, что Діонисъ взялся за нижній край вѣтви и постепенно такимъ образомъ пригибалъ дерево къ землѣ. Въ *Ажестидѣ* (ст. 897) (стр. 34) Адметъ, воротившись съ похоронъ своей жены, говорить у г. Алексѣева безъ смысла: „О безконечная грусть и тоска по усопшимъ дорогимъ для насъ людямъ! Почему помѣшала ты мнѣ броситься въ глубину могилы?...“ На самомъ дѣлѣ послѣдній вопросъ обращенъ къ хору, и надо было сказать: „зачѣмъ помѣшали вы?“

Послѣ переводовъ г. Алексѣева очень приятно прочесть переводъ *Троянокъ*, сдѣланный Ольгою Вейсъ. Переводъ этотъ стихотворный (діалогъ написанъ правильнымъ александрійскимъ стихомъ, лирическія части разными размѣрами съ римой), читается очень легко и вездѣ передаетъ вѣрно мысль подлинника.

Голубыя сказки. Эдуарда Лабулѣ. Изд. Девриѣна. Спб., 1895 г. Отлично изданный переводъ *Голубыхъ сказокъ* знаменитаго французскаго публициста украшенъ 150-ю рисунками. Не всѣ изъ этихъ сказокъ вполне доступны дѣтямъ (старшаго возраста), но и имъ, и взрослымъ онѣ доставятъ большое удовольствіе. Переводъ хорошъ. Иногда встрѣчаются галлицизмы (напримѣръ: „Приблизившись къ этой развалинѣ, принцу представилось“ и т. д. Переводчикъ мало знакомъ съ исторіей, иначе Жижку онъ не назвалъ бы Цискою (стр. 303). Выходъ въ свѣтъ *Голубыхъ сказокъ* напоминаетъ намъ о *Парижѣ въ Америкѣ* и о *Принцѣ-собачкѣ* того же автора. Было бы полезно, намъ кажется, переиздать эти переводы.

ИЗДАНІЯ ДЛЯ НАРОДА.

Изданія книжнаго склада П. К. Прянишникова.

П. Добротворскій. Большагъ. Его же. Простая душа. Цѣна 2½ коп. Пила и Сысойка. Ц. 5 коп. Иголка. Ц. 2 к. „Семущкинъ отецъ“ и „Веревочка“. Г. Мопассана. Ц. по 1½ коп. Некрасова М. Бѣшеный волкъ. Ц. 2½ коп. Малорусскія сказки. Ц. 2½ коп. Митя. Ц. 2½ коп. Е. Некрасова. Больше, чѣмъ родная. Ц. 2½ к. Денщикъ Канъ. С. Грэндъ. Ц. 2½ коп. Ея же. Дженни всему дому голова. Ц. 2½ коп. Андерсенъ. Она никуда не годилась. Ц. 2 коп. Его же. Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ. Ц. 2 коп. Сенкевичъ. Мальчикъ-геркулесъ. Ц. 2½ коп. Рескинъ. Царь лотой рѣки. Ц. 2½ коп. Л. Серебряковъ. Кометы и падающія звзды. Ц. 8 коп. Янишевскій. О воздухѣ. Ц. 5 к. М. Я. Обезьяны Старога и Новаго Свѣта. Ц. 10 коп. В. Самойлова. Спартакъ. Цѣна 7 к. Е. Некрасова. Ангерь Яковлевъ. Ц. 2½ коп. Простое слово о мудреной наукѣ. Я. Пасынкова. Ц. 24 к. Сперанскій. О бурной болѣзни. Ц. 2½ коп. Золотаревъ. О яблочномъ червѣ. Ц. 2½ коп. Дмитріевъ. Новое удобреніе. Ц. 2½ коп. Его же. По-

косы и пастбища. Ц. 2½, коп. На судъ присяжныхъ. Ц. 2½, коп. Народный календарь. Ц. 8 коп. Избр. произведенія русск. поэзіи. Ц. 1 р. 50 коп. О фирмѣ П. К. Прянишникова мы уже имѣли случай говорить, когда давали отчетъ о *Народной библиотекѣ* В. Н. Маракуева. За послѣднее время въ издательской дѣятельности г. Прянишникова произошли большія перемѣны, — надо сказать при этомъ, перемѣны къ лучшему. Прежде эта фирма издавала народныя книжки лишь случайно; теперь она принялась за изданіе ихъ весьма серьезно и въ короткое время поставила это дѣло довольно широко: менѣе чѣмъ въ годъ ею издано около 30 книжекъ самаго разнообразнаго содержанія. Въ настоящее время издательство г. Прянишникова нельзя уже смѣшивать съ издательствомъ В. Маракуева: у перваго и особая постановка дѣла, особый взглядъ на него, и особый редакторъ, В. Д. Бончъ-Бруевичъ, человѣкъ, повидимому, преданный дѣлу и энергичный. Вообще говоря, объ изданіяхъ книжнаго склада г. Прянишникова слѣдуетъ сказать, что они представляютъ собою крупное и пріятное явленіе на рынкѣ народныхъ изданій и заслуживаютъ полнаго вниманія и сочувствія со стороны всѣхъ тѣхъ, кому дороги интересы и кого радуютъ успѣхи народной литературы. Народная литература несомнѣнно оживляется, какъ говорится, не по днямъ, а по часамъ. Читатели *Русской Мысли* знаютъ изъ другихъ отдѣловъ журнала о явленіяхъ, характеризующихъ въ переживаемый нами моментъ жизнь народа. Здѣсь же мы хотимъ лишь обратить вниманіе читателя на то, что задачи и успѣхи народной литературы находятъ свое объясненіе и свой смыслъ именно въ состояніи души и жизни народной, въ экономическихъ, политическихъ и всякихъ иныхъ условіяхъ, въ которыя поставлена эта послѣдняя. Встрѣчая на рынкѣ народныхъ изданій какого-либо новаго дѣятеля, составителя, издателя или распространителя народныхъ книгъ, прежде всего, необходимо предъявить къ нему запросъ, что именно желаетъ въ данномъ случаѣ въ эту жизнь внести? Не нужно доказывать, что по мѣрѣ того, какъ народная литература дѣлаетъ все большіе и большіе успѣхи, становится все необходимымъ предъявлять къ ней болѣе и болѣе строгія требованія. Въ области народной литературы идетъ, а, быть можетъ, и хорошо, что идетъ, борьба друзей Ормузда съ Ариманомъ. Чтобы принимать въ этой борьбѣ сознательное и плодотворное участіе, нужно имѣть возможно-опредѣленный идеалъ. Сплошь и рядомъ приходится слышать, что народная литература должна проводить въ жизнь идеалы общечеловѣческіе. Это — очень хорошее слово, но не мѣшаетъ немного вдуматься въ его смыслъ. Этимъ словомъ „общечеловѣческихъ“ обыкновенно называютъ идеалы такіе общіе, отвлеченные, такіе туманные и неопредѣленные, что, право, и не разберешь, что собственно они собою прикрываютъ, такую ли мерзость, которая боится появиться передъ людьми въ своей гадкой наготѣ, или дѣйствительно нѣчто хорошее, „разумное, доброе, вѣчное“; не разберешь, что они принесутъ человѣчеству, — добро или зло. Вѣдь, князь Мещерскій издавалъ *Добро*, и г. Комаровъ распространяетъ *Святъ*, и г. Добродѣе *Сынъ Отечества*. Другіе же, какъ мы видѣли, наивно рекомендуютъ, — какую-то панацею, всѣмъ хорошимъ людямъ подставлять лбы всѣмъ худымъ, въ надеждѣ, что отъ такой разумной политики всякое зло приложится само собою. Если и безразличный человѣкъ будетъ знаемымъ свойствомъ подставлять лобъ, то 8 пансовъ изъ 10, что онъ не можетъ и не захочетъ воздержаться отъ щелчка и меня стукнетъ. Зачемъ же ужъ вводить людей въ соблазнъ? При такихъ этическихъ взглядахъ

пожалуй, и волки будутъ нравственнѣе, въ томъ смыслѣ, что надѣлаютъ меньше зла, меньше грѣховъ. Если волки берутъ на себя заботу о чужой душѣ, отчего же и другимъ не позаботиться объ ихъ душахъ? Отвѣтъ на этотъ вопросъ—отвѣтъ довольно-таки коренной и въ области народной литературы, и насколько можно судить по вышедшимъ книжкамъ, вопросъ этотъ рѣшается новою фирмой вполне правильно. Ею издано нѣсколько хорошихъ книжекъ, дающихъ и уму читателя кое-какой матеріалъ для разрѣшенія этого вопроса. Въ другихъ книжкахъ мы встрѣчаемъ странички, проникнутыя такою душевною теплотой, любовью къ народу и вѣрой въ него, которыя должны быть занесены въ активъ фирмы. Очень характеренъ для новой фирмы слѣдующій отрывокъ, который мы заимствуемъ изъ ея научно-популярнаго изданія: „Особенно дорога наука тѣмъ, кто учитъ человѣка думать и понимать не только то, что творится кругомъ него въ природѣ, но и то, что дѣлается въ повседневной жизни. А понимать это людямъ едва ли не важнѣе и полезнѣе, чѣмъ быть знакомымъ съ главными явленіями природы. Въдѣ, когда люди научатся понимать, какъ слѣдуетъ, свои интересы и будутъ жить въ мирѣ, любви и согласіи другъ съ другомъ, тогда и сама наука будетъ приносить имъ въ тысячу разъ больше пользы, чѣмъ она приноситъ теперь. И я вѣрю, что такое время наступитъ, когда наука широко разовьется въ народѣ и внесетъ съ собою свѣтъ и правду туда, гдѣ царятъ теперь мракъ, произволъ и невѣжество“. Вышедшія книжки даютъ достаточно матеріала, чтобъ отнестись къ этимъ довольно общимъ мѣстамъ съ полною симпатіей. Задача народной литературы заключается, прежде всего, въ томъ, чтобы, облегчая доступъ знанію, наукъ въ самые широкіе круги читающей публики, способствовать развитію мысли народной, доводить до ея свѣдѣнія тотъ матеріалъ, котораго ей, въ силу извѣстныхъ историческихъ условій, недостаетъ. Чтобъ эта работа была плодотворна, она должна быть сознательна. Необходимо поэтому намѣтить тѣ коренныя заблужденія, на которыя опирается непониманіе окружающей дѣятельности. Намѣтить ихъ помогаетъ исторія развитія мысли человечества. Эта мысль, въ теченіе исторической жизни, прошла извѣстные этапы. Исторія показываетъ, какіе именно шаги были особенно тяжелы и мучительны. Выборъ матеріала для народныхъ книжекъ долженъ обуславливаться именно изученіемъ этого хода развитія. Составитель народныхъ книжекъ не долженъ забывать основной задачи народной литературы—содѣйствовать міропониманію. Онъ не долженъ увлекаться стремленіемъ сообщать возможно больше знаній,—центр тяжести въ данномъ случаѣ лежитъ именно въ пониманіи основныхъ факторовъ всего окружающаго, а не въ количествѣ знаній о немъ. Положеніе земли въ пространствѣ, закономерность въ мірѣ физическихъ явленій, положеніе организмовъ на землѣ, положеніе человѣка среди другихъ организмовъ, вопросъ о критеріумѣ истины, механизмъ психической дѣятельности, вообще отношеніе человѣка къ природѣ и природы къ человѣку, отношеніе индивидуума къ обществу и общества къ индивидууму, основныя потребности человѣка и ихъ способы удовлетворенія, въ обществѣ и въ обществѣ общества, что оно даетъ и что можетъ дать,—вотъ *матрицы* изъ основныхъ вопросовъ, на которые и народная литература должна дать своему читателю отвѣтъ. Въ народной литературѣ полезно для успѣха дѣла комбинировать матеріалъ по *вопросамъ*, а не по *тематикѣ*, разсматривать одинъ какой-либо вопросъ съ точки зрѣнія наукъ одновременно, а не какую-либо одну сторону даннаго

цикла явленій, изучаемую такую-то наукой. Такой способ изложенія лучше поможет читателю понять жизнь въ ея цѣломъ. Впрочемъ, созданіе такой серіи книжекъ—дѣло будущаго (насколько намъ извѣстно, впрочемъ, самаго близкаго). Возвращаясь теперь къ книгоиздательству г. Прянишникова, отмѣтимъ еще слѣдующія двѣ особенности его: во-первыхъ, оно сумѣло привлечь къ своему дѣлу новыя силы, — силы свѣжія, живыя и подающія надежды на будущее (Янишевскій, Серебряковъ, В. Самойлова, Як. Пасынковъ). Во-вторыхъ, фирма обратила серьезное вниманіе на созданіе литературы научно-популярной. Таковы общія, основныя черты, какія опредѣляютъ въ настоящее время физономію новой фирмы, насколько ихъ можно замѣтить въ 30 вышедшихъ книжкахъ. Теперь дадимъ краткіе отчеты о каждой книжкѣ отдѣльно, указывая при этомъ и промахи издателя, которые, повидимому, объясняются его неопытностью и его горячностью. Наибольше богатъ отдѣлъ беллетристики (15 книжекъ). *Большакъ*, рассказъ П. Добротворскаго, очень недурная картинка изъ жизни крестьянской семьи, въ которой роль большака со славою справляетъ 12-ти лѣтній Петруха. *Простая душа* — рассказъ его же. Героиня рассказа — простая, добрая дѣвушка, которая, въ силу стеченія нѣкоторыхъ несчастныхъ обстоятельствъ, дошла до положенія проститутки, но затѣмъ сумѣла выйти изъ него. Рассказъ проникнутъ теплымъ чувствомъ состраданія къ падшимъ и показываетъ, какъ поднимаетъ и падшаго человѣка *человѣчное* отношеніе къ нему. Книжка хорошая и хорошо написанная. *Пила и Сысойка* — сокращенные и отчасти передѣланные извѣстные очерки Ѳ. Рѣшетникова (*Подмитовцы*). Какъ всякая передѣлка, оставляетъ желать многого, но, какъ первое произведеніе Ѳ. Рѣшетникова, изданное для народа, заслуживаетъ вниманія. *Иголка* (разск. изъ малорусской жизни) — очень поучительный и остроумный рассказъ изъ польской старины. Дѣйствующія лица — самодуръ, деспотъ и грабитель гетманъ Потоцкій и бѣдный шляхтичъ Кондратовичъ. Этому послѣдняго ограбилъ нѣкій панъ Тредульскій. Кондратовичъ пошелъ жаловаться Потоцкому. Встрѣчаетъ его на дорогѣ. „Кто ты?“ — спрашиваетъ Потоцкій. — „Шляхтичъ, ясновельможный панъ“, — отвѣчаетъ Кондратовичъ. — „А имѣешь иголку?“ — спрашиваетъ вдругъ Потоцкій. — Нѣтъ? Не имѣешь? Ахъ, негодяй, шалопай! Смотри, — я, графъ Потоцкій, имѣю сто городоръ, а у меня есть иголка, чтобы было чѣмъ зашить, если что разорвется, а ты, лѣнтяй, — у тебя ея нѣтъ. А ну-те, хлопцы, дайте ему взлупку!“ Дали Кондратовичу взлупку. Черезъ нѣсколько времени этотъ послѣдній встрѣтилъ Потоцкаго въ какой-то часовнѣ, куда тотъ приходилъ въ нищенскомъ одѣяніи каяться въ своихъ грѣхахъ, и, сдѣлавъ видъ, что принимаетъ гетмана за нищаго, тоже спросилъ у него, есть ли у него иголка. Когда иголки не оказалось, Кондратовичъ въ свою очередь вздулъ какъ иголку и Потоцкаго. „Вотъ батька нашъ гетманъ такъ велѣлъ дураковъ учить!“ Такимъ же способомъ поучилъ, съ помощью иголки, Кондратовичъ и пана Тредульскаго, и у того, и у другого такъ добился правды. И дѣла примѣру Кондратовича, когда нужно, слѣдовали... Рассказъ написанъ съ юморомъ и не грѣшитъ національнымъ челоѣконенавистничествомъ, которое въ народной книжкѣ не должно быть терпимо. *Мачикъ - чертулекъ*, извѣстный рассказъ г. Сенкевича, въ этомъ изданіи нѣсколько сокращенъ. *Семужкинъ отецъ* Г. Мопассана — прекрасный рассказъ, рисующій положеніе незаконнаго ребенка, котораго знаетъ, кто его отецъ. *Веревочка* — рассказъ того же автора

несправедливыхъ подозрѣній, способныхъ вогнать челоуѣка въ гробъ). Оба разсказа прелестны и по мысли, и по выполнению. Но переводъ ихъ, сдѣланный Павломъ Ленинымъ, плоховать, а шрифтъ и того хуже. *Бѣшеный волкъ*, былъ М. Некрасовой (впервые былъ напечатанъ въ *Чит. Нар. Школѣ*),—описание въ беллетристической формѣ того вреда, который надѣлалъ людямъ и животнымъ бѣшеный волкъ. Къ книжкѣ приложено описание примѣтъ бѣшеной собаки и исторія пастѣровскаго леченія гидрофобіи. Книжка не бесполезная. *Малорусскія сказки*—недурной сборникъ малорусскихъ народныхъ бытовыхъ сказокъ; рисующихъ, главнымъ образомъ, превосходство малорусской женщины сравнительно съ мужчиной. *Митя*, разск. Ч—го (по Диккенсу),—исторія одного добраго и честнаго 9-ти лѣтняго мальчика, который, будучи выброшенъ на улицу изъ воспитательнаго дома, попалъ въ притонъ уличныхъ воровъ и едва выбылъ изъ ихъ компаніи. Разсказъ былъ бы недуренъ, если бы г. Ч—ый не вздумалъ передѣлывать его на русскіе нравы, коснувшись при этомъ, главнымъ образомъ, однихъ фамилій. Получилась нѣкоторая нелѣпица (наприм., по русскимъ законамъ, воровъ не вѣшаютъ, а одно изъ дѣйствующихъ лицъ разсказа приговаривается къ висѣлицѣ). *Она нигуда не уходила*—сказка Андерсена. Этими словами молва говоритъ объ одной бѣдной, но честной женщинѣ, по профессіи прачкѣ, которая много страдала въ своей жизни, но все же осталась лучше тѣхъ богатыхъ и недоброжелательныхъ людей, которые признавали ее ни къ чему негодной. *Сказка выбрана для изданія удачно*. Былъ Е. Некрасовой *Больше, чѣмъ родная* и разск. С. Грандъ *Денщикъ Камъ* рисуютъ передъ читателемъ неприглядное положеніе прислуги и проповѣдуютъ челоуѣчное отношеніе къ ней. Такіе разсказы полезны не столько для народа, сколько для самой „чистой“ публики, которая, какъ извѣстно, до сего времени сохраняетъ крѣпостничскія отношенія къ своей прислугѣ. *Дженни всему дѣлу голова*—разск. Грандъ изъ жизни англійскаго рабочаго люда. Молодая дѣвушка Дженни, несмотря на то, что разбита параличомъ, представляетъ изъ себя опору всей семьи и помогаетъ ей больше, чѣмъ благотворительницы-барыни, посѣщающія бѣдняковъ *roug passer le temps*. *Царь золотой рыбки* Рескина—поэтичная легенда, въ основѣ которой лежитъ та мысль, что „вода, въ которой мы отказываемъ страждущему, не можетъ быть чиста, хотя бы ее далъ благочестивый старецъ; всегда свѣтла только вода изъ источника милосердія“. Легенда эта—первое произведеніе знаменитаго англійскаго автора, издаваемое у насъ для народа. Переводъ Л. П. Никифорова весьма хорошъ. *Дѣвочка, наступившая на хлѣбъ*, сказка Андерсена,—одно изъ слабѣйшихъ произведеній датскаго писателя, малопоэтичное, но полное всевозможной чертовщины, которая въ русской народной книжкѣ должна вызвать лишь отрицательное отношеніе къ себѣ. Напрасно эта сказка введена въ серію изданій почтенной фирмы. Таковъ отдѣлъ беллетристики. Изъ предвѣдущаго видно, что въ него вошло не мало книжекъ порядочныхъ, но очень мало выдающихся. Это ошибка со стороны издателя. Вместо того, чтобъ издавать малозначащія книжки, лучше бы издавать, сохранивъ силы и средства на пополненіе другихъ отраслей народной литературы. Въ настоящее время отдѣлъ беллетристики въ дѣловыхъ изданіяхъ не такъ ужъ бѣденъ, чтобы предьявлять снисходительныя требованія къ качеству выбираемаго матеріала. Отдѣлъ книжекъ научно-популярныхъ представляетъ собою лучшей отдѣлъ изданій г. Прияишнікова. На первомъ мѣстѣ стоятъ здѣсь изданія по

естествознанію. Таковы: 1) очень хорошія книжки М. Янишевскаго *О воздухе* (о его химическихъ и физическихъ свойствахъ, о значеніи его въ гигиеническомъ отношеніи, о свѣтовыхъ, звуковыхъ и другихъ явленіяхъ, происходящихъ въ атмосферѣ). Авторъ умѣетъ писать просто и интересно, а мѣстами даже увлекательно. 2) *Кометы и падающія звѣзды* Л. Серебрякова—тоже очень хорошая книжка. Авторъ даетъ въ своей книжкѣ не только много интереснаго и, въ области народной литературы, новаго матеріала, но и разъясняетъ основные принципы небесной механики. Изложеніе довольно просто, хотя мѣстами, къ сожалѣнію, и смахиваетъ на учебникъ. 3) *Обезьяны Старою Света* и 4) *Обезьяны Новою Света* А. Брэма, передѣл. М. Н. Я.,—двѣ недурныхъ книжки, трактующія о жизни и нравахъ разныхъ видовъ обезьянъ. Книжки были бы еще лучше, если бы г. М. Я. не такъ вдавался въ описаніе внѣшнихъ признаковъ той или другой породы, предоставивъ эту сторону дѣла рисункамъ, а сообщилъ бы побольше свѣдѣній о жизни обезьянъ и о географіи тѣхъ мѣстностей, гдѣ обезьяны эти живутъ. 5) *Простое слово о мудреной наукѣ*, Я. Пасынкова. Авторъ даетъ въ этой книжкѣ объясненіе основныхъ понятій химіи въ связи съ основными понятіями физики (атомъ, частица, физическія и химическія явленія, вѣчность силы и вещества, горѣніе, свѣтовые и тепловые явленія, соли, кислоты, щелочи, круговоротъ вещества и пр.). Насколько намъ извѣстно, книга г. Пасынкова — на русскомъ языкѣ наиболѣе популярная книга, въ которой разъясняются эти понятія, правда, не всегда съ научною строгостью, которая по возможности желательна и въ народной книжкѣ. Къ сожалѣнію, авторъ избралъ самый архаическій способъ изложенія—разговорный и вмѣстѣ съ химіей ввелъ въ свою книжку цѣлую фабулу: студентъ-медикъ 3-го курса, сынъ крестьянина, пріѣзжаетъ въ деревню послѣ смерти своихъ родителей, чтобы распорядиться своимъ достояніемъ, а также чтобъ устроить столовую. Сами крестьяне просятъ его разказать о химіи, что тотъ и дѣлаетъ. Все это изложено очень мило, интересно, занимательно; образъ молодого человѣка, желающаго послужить деревнѣ, разумѣется, очень желателенъ и въ народной книжкѣ. Но, соединивъ двѣ несоединимыя вещи, авторъ только испортилъ дѣло. Изъ отдѣла исторіи и біографіи издано пока двѣ книжки, во-первыхъ, очень хорошая историческая повѣсть, изложенная г-жею Самойловой, *Спартакъ* (по роману Джіованіолли). Составительница прекрасно воспользовалась историческимъ матеріаломъ и сумѣла сдѣлать книжку интересною, увлекательною и чуждою отступленій отъ исторической правды ради беллетристическихъ эффектовъ. Образъ Спартака настолько рельефенъ, что книжкой удовлетворится не только тотъ, кто не читалъ романа Джіованіолли (изъ котораго всѣ романтическіе вымыслы выброшены). Желательно, чтобы г-жа В. Самойлова обратила свое вниманіе и на другіе историческіе романы, находящіе не мало читателей въ народной средѣ*). Біографія актера-самоучки А. С. Яковлева, составленная г-жею Некрасовой, въ народной литературѣ не новинка. Г-жа Некрасова составляетъ народныя книжки не дурно, но темы для нихъ беретъ малоинтересныя. Желателъ чтобъ она дала намъ рядъ біографій лучшихъ людей человѣческихъ борцовъ за свободу мысли, совѣсти и личности,—борцовъ, о которъ

*) Списокъ этихъ романовъ былъ помѣщенъ намъ въ одной изъ книжекъ мою *Вѣстника*!

нашъ народъ знаетъ столько же, сколько о разныхъ дѣвицахъ Дуровыхъ, Яковлевыхъ и т. п., но о которыхъ ему надлежитъ знать. Отдѣлъ прикладныхъ знаній содержитъ, во-первыхъ, очень недурныя книжки Н. С. Сперанскаго (ординатора Мясницкой городской больницы) *О дурной болѣзни* и А. Золотарева *Что нужно дѣлать въ садахъ, чтобы не было червивыхъ яблокъ*. Обѣ книжки составлены съ полнымъ знаніемъ дѣла и написаны хорошимъ языкомъ. Что касается книжекъ „агронома-арендатора“ г. Дмитріева (*Покосы, пастбища и кашенныя кормы для скота* и *Новое удобреніе для неурожайныхъ земель*), то онѣ возбуждаютъ сомнѣніе, какъ и другія произведенія этого агронома. Дѣло въ томъ, что г. Дмитріевъ такъ доволенъ своимъ арендаторскимъ положеніемъ, что постоянно проповѣдуетъ объ обращеніи въ такое же положеніе всѣхъ російскихъ крестьянъ. Ему кажется недостаточнымъ, что въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи крестьяне арендуютъ болѣе 11 милліоновъ десятинъ, что платятъ за это землевладѣльцамъ болѣе 70 милліоновъ рублей въ годъ, г. Дмитріевъ желаетъ, чтобы російскіе помѣщики, всему свѣту извѣстные высокимъ уровнемъ своихъ агрономическихъ знаній, отдавали крестьянамъ въ аренду свою землю подъ условіемъ „хорошей обработки земли, достаточнаго ея удобренія, своевременнаго посѣва“ и проч. (стр. 46). „Кромѣ того, помѣщикъ долженъ выговорить себѣ право *присмотра за точнымъ выполненіемъ условій*, поставленныхъ въ его договорѣ съ арендаторами“ (стр. 76). И тутъ же г. Дмитріевъ ссылается, что вотъ г. Стебутъ такъ дѣлаетъ. Ахъ, г. Дмитріевъ, г. Дмитріевъ! Много ли у насъ Стебутовъ, и мало ли у насъ земскихъ начальниковъ, чающихъ движенія дореформенной воды? Появленіе такихъ книжекъ въ серіи изданій г. Прянишникова можно объяснить только неопытностью редактора. Отдѣлъ справочныхъ и юридическихъ знаній состоитъ пока изъ двухъ книжекъ. Книжка г. Хавскаго *На судѣ присяжныхъ* представляетъ собою популярное изложеніе законовъ объ уголовномъ судѣ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Въ виду скудости нашей популярной юридической литературы, книжечка эта не бесполезна. Жаль только, что о сущности и значеніи суда присяжныхъ, о томъ, насколько эти послѣдніе, по современному русскому законодательству, представляютъ собою дѣйствительно голосъ общественной совѣсти,—обо всемъ этомъ г. Хавскій не сказалъ ни слова. Составитель народныхъ книжекъ долженъ пользоваться всякимъ случаемъ для проведенія здравыхъ юридическихъ понятій въ жизнь. Что касается *Народнаго календаря* на 1895 годъ, то определенной фізіономіи онъ не представляетъ. Большая часть его занята статейками по сельскому хозяйству. Но въ этотъ календарь вошелъ очень полезный списокъ лучшихъ изданій для народа, съ указаніемъ ихъ цѣнъ (къ сожалѣнію, въ списокъ приведены не полныя заглавія книгъ, а издатели ихъ совсѣмъ не указаны).

Изъ предвѣдущаго видно, что новая издательская фирма дебютировала довольно удачно. Пожелаемъ ей успѣха и на будущее время, чтобы она и впредь привлекала къ народной литературѣ живыя, свѣтлыя силы, не боящаяся не только работы, но и борьбы.

Изъ заключеніе обратимъ еще вниманіе читателей на сборникъ *Извѣстныхъ произведеній русской поэзіи*, изящно изданный тою же фирмой (большой томъ, 472 стр., ц. 1 р. 50 к.) и составленный г. Бонч-Бруевичемъ. Достоинство этого сборника заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что составитель съумѣлъ подобрать въ немъ цѣлый

рядъ душевныхъ, а, главное, бодрящихъ стихотвореній, которыя въ наше время декадентства и нытья, быть можетъ, особенно полезны.

Вѣѣнность изданій г. Праняшниковъ, за нѣкоторыми исключеніями, вполнѣ удовлетворительна, если не считать плохой корректуры. Цѣна весьма невысокая (2½ коп. за печатный листъ).

ПЕРИОДИЧЕСКІЯ ИЗДАНІЯ.

„Русскій Вѣстникъ“, *апрѣль—июнь.*—„Сѣверный Вѣстникъ“, *июль.*—„Русское Богатство“, *май.*—„Дѣтское Чтеніе“, *кн. I—V.*—„Игрушечка“, *кн. I—V.*

Въ одномъ изъ нашихъ обзорнѣй, на основаніи нѣкоторыхъ литературныхъ произведеній или, вѣрнѣе сказать, на основаніи нѣкоторыхъ намековъ, мы говорили о появленіи въ нашей жизни „новыхъ“ практическихъ консерваторовъ и пытались опредѣлить характерныя черты этого типа своего рода „новыхъ людей“. Къ сожалѣнію, тѣ признаки, на основаніи которыхъ намъ приходилось дѣлать такое опредѣленіе, были настолько случайны и отрывочны, что наша характеристика типа „новаго консерватора“ вышла по необходимости блѣдной и, можетъ быть, не вполнѣ ясной. Изображеніе новыхъ типовъ, появившихся въ обществѣ, обыкновенно выпадаетъ на долю беллетристики, и критику-публицисту предоставляется только развитіе характерныхъ чертъ типа и указаніе того значенія, которое самъ типъ имѣетъ въ общественномъ движеніи. Но не всегда такъ бываетъ. Очень часто беллетристика проглядываетъ появленіе новыхъ типовъ и возсоздаетъ ихъ только тогда, когда они уже достигли въ обществѣ своего полного развитія и сыграли въ жизни опредѣленную роль. Въ этомъ случаѣ публицисту, какъ отиѣтчику происходящихъ въ жизни явленій, приходится ограничиться указаніемъ на тѣ или другія отрывочныя черты появившагося типа и попытаться установить между нимъ и другими жизненными явленіями ту или иную причинную связь. Это мы и пытались сдѣлать, говоря о „новыхъ“ консерваторахъ. Мы указывали, что этотъ типъ выросъ на почвѣ общественной безпринципности, шатанія мысли и полной и искренней разочарованности въ принципахъ и теоріяхъ вообще. Люди этого типа, обыкновенно по недоразумѣнію, декламируютъ противъ принциповъ извѣстнаго рода, въ данномъ случаѣ—либеральныхъ, признаваемыхъ ими „шаблонными“ и „деспотическими“. Но дѣло-то въ томъ, что они боются принципа вообще, и всякую теорію, всякій принципъ признаютъ если не утопией, то шаблономъ. Принципы консервативные для нихъ столь же неприятны, какъ и принципы либеральные. Они—практики и оппортунисты *par excellence*. Къ нимъ можно примѣнить извѣстное изреченіе Гамбетты, нѣсколько перифразируя его: не существуетъ никакого единаго, кардинальнаго общественнаго вопроса, обуславливающего собой всѣ другіе, и существуетъ множество общественныхъ вопросовъ, каждый изъ которыхъ долженъ рѣшаться сообразно здравому смыслу и въ направленіи общаго блага. Мы намѣренно указываемъ ихъ желаніе рѣшать вопросы въ направленіи общаго блага: дѣлать, что они, несомнѣнно, искренни, несомнѣнно, благонамѣренны, способны учиться у жизни; ихъ мысль работаетъ тяжело, неуклюже, нелогично, но, тѣмъ не менѣе, работаетъ. Всѣ эти качества кладутъ непроходимую пропасть между такими „новыми“ консерваторами и сѣрымъ консерватизмомъ, насквозь переполненнымъ челоѣководеніемъ челоѣконенавистничествомъ и фальшью. Съ другой стороны, эт-

качества въ нѣкоторой степени сближаютъ нашихъ новыхъ консерваторовъ (въ смыслѣ психологическомъ) съ европейскими. Во всякомъ случаѣ, появленіе такого направленія въ жизни и въ печати слѣдуетъ признать явленіемъ прогрессивнымъ. Правда, эти „люди здраваго смысла“ отнюдь не обладаютъ какими-либо творческими силами, но за то они не являются разрушителями всего созданнаго и пріобрѣтеннаго обществомъ, какими были всегда наши консерваторы. Въ самомъ дѣлѣ, что такое европейскій консерваторъ, какъ не охранитель остатковъ далекаго прошлаго, и діаметрально-противуположныхъ этому прошлому пріобрѣтеній новаго времени? Напримѣръ, теперешній премьеръ Англіи, Салисбюри, съ отчаяніемъ въ душѣ и съ искреннимъ порывомъ, умолялъ палату „не дѣлать скачка въ неизвѣстное“, т. е. не производить избирательной реформы, и даже разошелся съ своимъ шефомъ, Дизраэли, а когда эта реформа была принята и никакихъ особенныхъ бѣдствій отъ сего не произошло, онъ столь же искренне охраняетъ принятый палатами законъ, какъ и средневѣковья учрежденія Англіи. Ему рѣшительно нѣтъ дѣла до того, что принципы этой реформы, доведенные до своего логическаго конца, являются разрушительными для всѣхъ остатковъ средневѣковья: для него важны не принципы, а практика жизни. Нѣчто подобное совершается теперь и въ рядахъ нашихъ консерваторовъ какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ, и эта эволюція доказываетъ, что общественное сознаніе усвоило себѣ, и усвоило прочно и неотъемлемо, многое изъ того, что было сдѣлано въ эпоху реформъ. Въ самомъ дѣлѣ, челоѣконенавистничество и челоѣкояденіе, пригодныя для разрушенія, не составляютъ, однако, столь прочной основы, чтобы они могли долго владѣть даже среди небольшой группы людей. Въ силу условій нашего быта, борьба, веденная консерваторами, не могла быть борьбою общественной въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Она была только закулисной и, въ лучшемъ случаѣ, чисто-литературной. Трудно представить себѣ, чтобы люди, чувствующие какую-либо отвѣтственность, могли желать, напримѣръ, безграмотности населенія; трудно потому, что эта безграмотность сказывается тысячами явленій, до крайности невыгодныхъ, прежде всего, для самихъ отвѣтственныхъ людей. Выходъ изъ такого положенія былъ неизбеженъ, и новые консерваторы попытались найти этотъ принципъ, отринувъ всяческіе принципы, или, какъ они выражаются, всяческіе „шаблоны“.

Приведемъ нѣкоторые примѣры, предупреждая, однако, читателя, что эти примѣры не охватываютъ явленія во всей его полнотѣ и являются только отрывочными чертами довольно сильнаго, но не опредѣлившагося еще теченія. Въ томъ нашемъ обзорѣ, на которое мы теперь ссылаемся, мы говорили, что представителемъ этого теченія въ нашей журналистикѣ можетъ служить *Русскій Вѣстникъ*. Уже и раньше въ немъ замѣчалось стремленіе выразить это новое жизненное направленіе, а съ переходомъ журнала къ товариществу „Общественная Польза“ это стремленіе сдѣлалось совершенно яснымъ. Несомнѣнно, что тутъ главную роль сыграли и традиціи товарищества-издателя, на что довольно недвусмысленно указывается и въ самомъ журналѣ. Дѣятельность товарищества „Общественная Польза“ была вызвана тѣмъ *подъема духа* всей грамотной Россіи въ началѣ царствованія Александра II, который выразился призывомъ народа къ просвѣщенію... Въ ту эпоху не однихъ только государственныхъ преобразованій и нововведеній всѣ усилія напрягались къ тому, чтобы вывести

Росію изъ „застоя“... Явилась настоящая потребность въ изученіи общественныхъ наукъ... и быстро возникъ спросъ на переводы популярныхъ сочиненій... Для удовлетворенія спроса на такія изданія и образовалось... товарищество „Общественная Польза“. Но... широко развившаяся было въ этомъ направленіи дѣятельность товарищества внезапно оборвалась. Главною причиною остановки роста и благосостоянія предпріятія явился крутой, неожиданный поворотъ въ общей системѣ образованія въ Россіи. Книжная торговля товарищества упала, а вмѣстѣ съ нею должна была сократиться и его издательская дѣятельность“. Какъ видите, традиции у товарищества „Общественная Польза“ достаточно внушительны, и онѣ до известной степени обызываютъ. Но, конечно, дѣло не столько въ традиціяхъ, сколько въ наарѣвшейся потребности довольно значительной группы людей найти отраженіе для своего настроенія въ какомъ-нибудь органѣ печати. Понятно, что *Русскій Вѣстникъ* получаетъ теперь въ нашей журналистикѣ нѣкоторое значеніе, и читатель не посѣтуетъ на насъ, если мы будемъ отмѣчать нѣкоторыя черты этого, совершенно новаго въ нашемъ консерватизмѣ, настроенія.

Остановимся, наприм., на статьѣ редакціи журнала по поводу книги Л. Тихомирова *Конституціонализмъ въ эпоху 1881 года*. Рецензія безспорно ядовитая: „Свои обличенія сокровенныхъ для русской публики сторонъ конституціоннаго движенія, — замѣчаетъ рецензентъ, — авторъ черпаетъ изъ литературныхъ источниковъ заграничнаго изданія и придаетъ вѣру даже женовскому *Общему Дѣлу*. Поэтому многое остается ему совершенно неизвѣстнымъ, какъ, наприм., все дѣло о двухъ конституціонныхъ проектахъ, обсуждавшихся зимой 1879—80 гг., и многое представляется въ ложномъ свѣтѣ, какъ либеральная лига и „земскій союзъ“. Къ словамъ Л. Тихомирова: „то, что конституціонизмъ называется непосредственнымъ общеніемъ царя съ народомъ, есть именно замѣна непосредственнаго общенія посредственнымъ“, — рецензентъ прибавляетъ маленькій вопросъ: „Онъ ли?“ (т.-е. конституціонализмъ). На утвержденіе Л. Тихомирова, что „если бы интеллигенція стала играть роль представительства якобы народной воли, то дѣло монархіи и народа было бы кончено“, — рецензентъ замѣчаетъ: „почему же воли, а не мысли и желаній?“ Все это, можетъ быть, и не весьма вразумительно, но, тѣмъ не менѣе, за такія замѣчанія консерваторы стараго типа имѣютъ полное основаніе предать почтенный журналъ анаемѣ.

Гораздо важнѣе и любопытнѣе отношеніе журнала къ текущимъ общественнымъ вопросамъ, напримѣръ, къ вопросу о грамотности народа. Къ чести *Русскаго Вѣстника* слѣдуетъ сказать, что онъ никогда не являлся проповѣдникомъ безграмотности; но, тѣмъ не менѣе, читатель не забудь, конечно, какъ та группа людей, представителей которой былъ когда-то и этотъ журналъ, пыталась раздуть протворѣчіе, якобы существующее между земскими и церковно-приходскими школами, и какимъ нападкамъ подвергались первыя изъ нихъ. Прочтите же теперь разсужденія журнала по этому вопросу:

„Странно слушать толки и споры праздныхъ людей о полначальнаго обученія и возбуждаемыя ими въ печати сомнѣнія насчетъ, изъ приверженности, будто бы, къ воспитанію народа христіанской нравственности. Поистинѣ не вѣдаютъ, что творять и предлагающіе затруднить доступъ къ книгѣ православному русскому люду, когда и кочевой инородецъ стремится къ обученію грамотѣ. Миновало, и безвозвратно, то время, когда надо было прихо-

наукѣ разными соблазнами. Мы живемъ въ эпоху, когда юноша, не прошедшій школы, слыветъ въ обществѣ такимъ же неудачникомъ, изгоемъ, какимъ былъ встарину „поповъ сынъ, аще грамотѣ не умѣетъ“. Теперь никакіе соблазны и льготы не нужны, ихъ никто не требуетъ, просятъ только училищъ. Въ нихъ идутъ сами, устремляются толпами, и дѣти ждутъ не дождутся, пока откроется гдѣ-нибудь мѣсто на школьной скамьѣ. При такихъ условіяхъ правительство становится совсѣмъ въ иныя, противъ прежняго, отношенія къ дѣлу народнаго образованія. вмѣсто всякихъ поощреній, его заботы сводятся къ размноженію и дѣлесообразному устройству школъ. Его задачею, прямою обязанностью, является удовлетвореніе насущной народной потребности, уже готовому спросу на начальное образованіе. Остается, слѣдовательно, примѣниться къ этому спросу. На первый планъ выступаютъ не системы, которыми такъ любятъ заниматься въ нашихъ канцеляріяхъ, и не программы, кажется, уже достаточно разработанныя, а средства, и, главнымъ образомъ, средства матеріальныя. Давайте деньги, а все остальное приложится. Только надо рѣшить разъ навсегда, что грамотность не есть дѣло мѣстное; грамотность—дѣло всенародное, а потому и государственное. Заинтересованнымъ въ грамотности является все населеніе поголовно и все правительство въ полномъ составѣ. Коль скоро же грамотность признается дѣломъ государственнымъ, то и вопросъ о средствахъ разрѣшается довольно просто. Средства не ставятся болѣе въ зависимость отъ мѣстныхъ условій, а опредѣляются степенью состоятельности всего государства, его казны, и было бы удивительно, еслибъ оказалось невозможнымъ изъ государственнаго бюджета свыше 1,200 милл. удѣлять необходимыя средства на обученіе грамотѣ дѣтей плательщиковъ налоговъ,—другими словами, на отправленіе такой государственной функціи, безъ которой непонятнымъ становится въ концѣ XIX вѣка самый смыслъ существованія государственнаго обществя“.

Въ этомъ разсужденіи почтеннаго журнала для насъ въ особенности интересенъ самый методъ его. Авторъ исходитъ изъ соображеній чисто-практическаго свойства, — изъ соображеній о потребности, спросѣ, о государственной выгодѣ, объ общественной пользѣ, а отнюдь не изъ абстрактнаго принципа о правѣ личности на возможно широкое развитіе ея умственныхъ способностей.

Съ той же чисто-практической точки зрѣнія журналъ смотритъ и на вопросъ о свободѣ печати и о цензурѣ, и въ этомъ отношеніи его разсужденія отличаются значительною оригинальностью. Въ дѣлѣ печати,—говоритъ онъ,—матеріальныя издательскіе интересы близко соприкасаются съ духовными интересами общества, съ его политическою жизнью и значеніемъ въ ходѣ государственной машины. Независимость печати тѣсно обусловлена соотвѣтственною промысловою свободой; но промышленность и торговля сторонятся отъ дѣлъ съ крайне неопредѣленнымъ будущимъ, не обезпечивающихъ даже увѣренности въ завтрашнѣмъ днѣ. Коль скоро печать развивается на почвѣ частной предпримости и становится промышленнымъ предпріятіемъ, она требуетъ та же охраны закономъ капитала и труда, какъ и всякое другое промышленное предпріятіе. Иначе всякое періодическое изданіе, даже кое печатное сочиненіе будутъ явленіями болѣе или менѣе случайными, а такое положеніе вещей угнетаетъ не только типографскій пролетарь, но и авторское творчество. Очевидно, что цензурныя стѣсныя, еще болѣе, запрещенія помимо цензуры, неизбѣжно порождаютъ

казенныя субсидіи печати въ томъ или другомъ видѣ, дѣлають ихъ до нѣкоторой степени даже обязательными. Устанавливается „покровительственная система“ въ области творчества духа, т.-е. тамъ, гдѣ требуется наибольшей просторъ, полная независимость или свобода отъ всякихъ предвзятыхъ цѣлей. Трудно подыскать большее противорѣчіе, нежели то, которое существуетъ между предоставленіемъ печати частной предпримчивости и ея цензурными и вѣнцензурными ограниченіями. Этого можно не признавать открыто, но нельзя не сознавать, особенно въ наше время, когда явно замѣчается упадокъ литературнаго творчества“.

Довольно любопытны и характерны для описываемаго нами настроенія разсужденія *Русскаго Вѣстника* по поводу такъ называемаго „государственнаго социализма“. Въ качествѣ представителя „здраваго смысла“, отвергающаго всякіе „шаблоны“, онъ начинаетъ съ того, съ чего когда-то начала школа либеральныхъ экономистовъ, т.-е. съ полного и откровеннаго фритредерства и, опять-таки, на основаніи чисто-практическихъ соображеній. Читатель, вѣроятно, помнитъ, что когда въ Европѣ зашла рѣчь о государственныхъ промышленныхъ предпріятіяхъ, то среди многихъ группъ социалистической партіи было возбуждено сомнѣніе, не увеличитъ ли значительно силы буржуазнаго государства переходъ въ его руки крупныхъ промышленныхъ предпріятій. Въ данную минуту насъ совершенно не интересуетъ вопросъ, какъ было разрѣшено теоретически это сомнѣніе; но любопытно то обстоятельство, что наши новые консерваторы стали въ этомъ вопросѣ на совершенно ту же точку зрѣнія, само собою разумѣется, съ соответственными обстоятельствамъ измѣненіями. Понятно, что они не могутъ говорить объ усиленіи власти буржуазнаго государства; понятно также, что они, въ качествѣ консерваторовъ, не могутъ бояться усиленія власти государства вообще; но за то они боятся усиленія и упроченія бюрократически-канцелярскаго режима. „Весьма вѣроятно,—разсуждаютъ они,—что городское управленіе обставитъ и поведетъ нѣкоторыя изъ доходныхъ предпріятій не хуже разныхъ товариществъ на паяхъ. Но, извлекая даже милліоны изъ такихъ предпріятій, оно никакой пользы населенію не принесетъ. Повторится только исторія перехода желѣзныхъ дорогъ въ вѣдѣніе казны: не уменьшатся ни налоги, ни дороговизна жизни, являющаяся всегдашнимъ спутникомъ всякихъ монополій... Иное дѣло, когда государство, земство или городъ берутся за какое-нибудь предпріятіе не ради извлеченія изъ него выгодъ, но съ единственною цѣлью доставить населенію большія удобства при наименьшихъ съ его стороны затратахъ... Но тогда и рѣчи не будетъ объ увеличеніи самостоятельности *доходовъ* государства, земства или города... Гдѣ только исчезаетъ свобода промысла и водворяется монополія, хотя бы и казенная, потребителю приходится чесать себѣ затылокъ... Если же къ казенному хозяйству присоединяется еще бюрократическій порядокъ счетоводства и отчетности... то рациональное веденіе дѣла становится совершенно невозможнымъ. Мы полагаемъ поэтому, что всякое разреніе программы государственнаго социализма было бы для нашего чества величайшимъ бѣдствіемъ. Слишкомъ довольно уже и того сдѣлано“.

Довольно, однако, выписокъ. Мы полагаемъ, что и сдѣланныхъ, вѣршею достаточно для убѣжденія читателя въ томъ, что въ *Русси Вѣстникѣ* и въ представляемой имъ, довольно многочисленной, группѣ консерваторовъ происходитъ очень любопытная эволюція, которую

не можемъ не привѣтствовать, какъ признакъ пробудившагося сознания въ довольно широкихъ общественныхъ слояхъ. Правда, что „здравый смыслъ“, не сопровождаемый и не руководимый какими-либо основными принципами, не всегда является надежнымъ руководителемъ чловѣческихъ дѣйствій, и, тѣмъ не менѣе, при несомнѣнномъ присутствіи искренности и желанія думать, онъ открываетъ путь если не къ соглашенію, то къ безпристрастному обсужденію вопроса и ко взаимному уваженію, т.-е. къ такимъ явленіямъ, безъ которыхъ немыслимо правильное развитіе печати, какъ общественной силы.

О беллетристикѣ *Русскаго Вѣстника* сказать совершенно нечего. Она скучна, длинна, чинна, хотя и не правоучительна. Можно отмѣтить развѣ то обстоятельство, что въ ней совершенно отсутствуетъ,—и, будемъ надѣяться, навсегда,—та погоня за такъ называемою „красолой“ и обличеніе ея, которыми такъ преизобиловала беллетристика прежняго *Русскаго Вѣстника*. Во всякомъ случаѣ, и это—признакъ, имѣющій нѣкоторое практическое значеніе. Впрочемъ, изъ всѣхъ водянистыхъ беллетристическихъ произведеній *Русскаго Вѣстника* мы можемъ, до нѣкоторой степени, выдѣлить повѣсть г-жи Качуриной *Увлеченіе*. Авторъ, вѣроятно, начинающій беллетристъ, и его произведеніе переполнено всякими неуклюжестями. Но сюжетъ повѣсти,—запоздалая любовь женщины, пожертвовавшей всею своею жизнью долгу и любви къ дѣтямъ, вышедшей замужъ за чловѣка пошлаго и изменнаго не изъ любви къ нему, а изъ сожалѣнія къ его осиротѣвшей дочкѣ,—достаточно трогателенъ. Есть нѣкоторыя недурныя сцены. Сцена отреченія героини отъ своего запоздалаго чувства,—не въ силу какихъ-либо предразсудковъ и боязни общественнаго мнѣнія и, тѣмъ менѣе, въ силу какихъ-нибудь матеріальныхъ соображеній, а въ силу долга къ тѣмъ же дѣтямъ и къ самому любимому чловѣку, который моложе ея чуть не вдвое,—написана съ значительнымъ паеосомъ. Фигура этой женщины является передъ читателемъ совершенно живою, а не дѣланною, какъ это обыкновенно бываетъ въ правоучительныхъ романахъ. Съ горькимъ и чисто-чловѣческимъ стономъ: „Господи! Помню, что блаженство уготовано для претерпѣвшихъ; но я никогда не знала сладости объятій любимаго“,—прощается бѣдная женщина съ единственнымъ лучомъ, блеснувшимъ въ ея безотраднѣйшей жизни. То обстоятельство, что г-жа Качурина съумѣла очень немногими штрихами обрисовать жизненно нѣкоторыя второстепенныя лица, вроде Схоластикъ и эконома, шляхтича Шуки,—доказываетъ, что у автора есть нѣкоторые признаки беллетристическаго таланта; только автору слѣдовало бы поработать надъ своимъ языкомъ, черезъ-чуръ шероховатымъ и неуклюжимъ.

Изъ статей разбираемыхъ книгъ *Русскаго Вѣстника* укажемъ на очень серьезное изслѣдованіе г. Дубровина *Наполеонъ I въ современномъ ему русскомъ обществѣ и въ русской литературѣ*. Намъ чмчается только, что почтенный академикъ совершенно напрасно приписываетъ интригамъ Бонапарта существовавшее тогда въ народныхъ ссахъ „мутное и темное непатріотическое теченіе“. Для объясненія его теченія совершенно достаточно тѣхъ внутреннихъ порядковъ, горько съ такою яркостью изображаетъ г. Дубровинъ, а порядки были, вѣстительно, ужасны: по свидѣтельству Карамзина, большая часть ернаторовъ были люди безъ способностей или грабители. „Губернаны,—писалъ сенаторъ Ключаревъ,—съ намѣреніемъ возбуждаютъ дичи. сами дѣлаются доносителями для пристрастныхъ пользъ и хладно-

кровно тѣснять несчастных“. Если уголовная палата рѣшала дѣло не по желанію губернатора, то онъ, не стѣсняясь, приказывалъ перерѣшить его. Честные дворяне уклонялись отъ выбора въ судьи и исправники, зная, что они должны платить подати губернаторамъ и другимъ, а для этого—обирать народъ. Помѣщики Рязанской и Тамбовской губерній, „забывъ священнѣйшій долгъ свой и правила чести“, отправляли на Урюпинскую ярмарку крестьянъ и крестьянокъ и продавали ихъ поодиночкѣ „подобно бессловеснымъ скотамъ“. Самоволіе губернаторовъ было страшное. Напримеръ, кіевскій губернаторъ Фенъшъ, не докладывая вышему правительству, поставилъ и открылъ памятникъ св. Владиміру. Калужскій губернаторъ Лопухинъ ѣздилъ въ губернскомъ правленіи верхомъ на раздьяконѣ, присланномъ къ нему архіерею, и при этомъ приговаривалъ разныя прибаутки и неприличные слова. Не лучше были и „царскія очи“, прокуроры. Курскій прокуроръ изнурялъ колодниковъ, заставляя строить домъ, и не платилъ имъ денегъ; никогда не платилъ прогоновъ; по неудовольствію на дворянъ заключалъ ихъ въ тюрьму и, наконецъ, произвелъ своего выѣздного лакея въ чиновники. Для характеристики господствовавшего тогда фаворитизма очень интересно рекомендательное письмо Архарова къ одному своему пріятелю объ одномъ недорослѣ: „Онъ (рекомендуемый недоросль) большой простофиля и худо учился, а потому и нужно ему покровительство. Удиви милость свою на моемъ дуракѣ, запиши его въ канцелярію и при случаѣ не оставь наградить чинкомъ или двумя, если захочешь,—мы на это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что онъ его не стѣдитъ, да и отецъ его богатъ, а будетъ и еще богаче, потому что живетъ свиньей“. Понятно, что при подобныхъ порядкахъ люди томились въ тюрьмахъ по нѣсколькимъ десяткамъ лѣтъ. Понятно также, что, несмотря на строгое запрещеніе пытокъ, онѣ примѣнялись повсемѣстно. Одному мѣщанину, Яковлеву, подозрѣвавшемуся въ поджогѣ, „переодѣтые люди въ неосвѣщенномъ мѣстѣ стянули руки за спину, связали ноги, трясали и давили его и такимъ терзаніемъ вынудили признаніе“. Потомъ Яковлевъ отрекся отъ этого признанія, какъ вынужденнаго, и, тѣмъ не менѣе, былъ преданъ суду городского магистрата, гдѣ его опять пытали, и приговоренъ къ наказанію кнутомъ. Во время казни несчастный, при каждомъ ударѣ, повторялъ, что онъ невиненъ, и съ этими словами испустилъ духъ. Не удивительно, что Витовтовъ писалъ государю, что *подъ игомъ полиціи стонетъ все въ государствѣ*; не удивительно, что въ одномъ уличномъ листкѣ того времени попадаетъ такая страшная фраза: *терпѣніе скоро лопнетъ*; не удивительно, что кто-то, подъ псевдонимомъ Чистоправдина, писалъ Ростовичу: „Кабы я, батюшка, Сила Андреевичъ, былъ на твоёмъ мѣстѣ, я бы передъ надежей-государемъ все вывелъ на свѣжую воду. Написалъ бы ему такую грамотку, чтобъ онъ погодилъ управляться съ некрещеными басурманами, а поуправился бы съ крещеными. Вѣдь, и мы люди: терпи, терпи, и камень треснетъ. Мы больше всѣхъ трудимся, всѣхъ поимъ и кормимъ, насъ же считають хуже собакъ. Умилосердись, кормилецъ! Вступись за насъ, грѣшныя. Доложи о насъ государю, что, коли мы будемъ разорены въ концы то и матушкѣ-Руси не видать добра“. Не удивительно, что и въ всякихъ интригахъ Наполеона въ народной массѣ распространялись патріотическія теченія. Въ 1806 г. крѣпостной человекъ Спаровъ писалъ отцу: „Честь имѣю увѣдомить, что я въ скоромъ времени предлагаю видѣться съ вами черезъ посредство войны. Кажется, что и

въ Россіи будетъ вся несправедливость опровергнута“. На допросѣ Спировъ показалъ, что писалъ подъ вліяніемъ слуховъ, что французы покорятъ Россію, и тогда всѣ будутъ вольными. Крестьянинъ Лифляндской губерніи Янъ на допросѣ показывалъ слѣдующее: „Какъ скоро французы придутъ къ намъ, то мы, крестьяне, будемъ люди вольные и для своего спокойствія должны бить до-смерти всѣхъ нѣмцевъ, большихъ и малыхъ. Избѣненіе нѣмцевъ удобно произведено быть можетъ, ибо пришло настоящее для того время. Мы, крестьяне, должны спокойно подвергнуться набору въ земскую милицію. Теперь сами нѣмцы соберутъ насъ и дадутъ намъ все, что нужно для ихъ истребленія. Кто тогда возстанетъ противъ крестьянъ, когда столько тысячъ чловѣкъ соберется ихъ вмѣстѣ?“

Когда читаешь такіа документальныя данныя о дореформенной Россіи, съ невольною отрадой мысль обращается къ воспоминаніямъ о великой эпохѣ реформъ, и какъ отвратительно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, комично звучитъ призывъ нашихъ консерваторовъ: „домой“!

Въ разбираемой книгѣ *Свернаго Вѣстника* очень любопытны нѣкоторыя признанія г. Прозорова по поводу людей 80-хъ годовъ. Еще такъ недавно на страницахъ почтеннаго журнала раздавались яростныя вопли по адресу писателей предшествующаго періода: „прочъ съ дороги, очистите мѣсто, мы несемъ новое слово!“ Еще такъ недавно „восьмидесятники“ *Свернаго Вѣстника* провозглашали всенародно о присутствіи у нихъ какихъ-то „новыхъ мозговыхъ линій“, — и вдругъ такой оборотъ! Ближайшій сотрудникъ журнала и членъ редакціи произноситъ слѣдующія, роковыя для восьмидесятниковъ, слова: „Мы говоримъ о людяхъ двадцатыхъ, сороковыхъ и шестидесятыхъ годовъ, и связываемъ съ этими поколѣніями опредѣленные, характерныя и, притомъ, симпатичныя типы. Будетъ ли то же съ людьми восьмидесятыхъ годовъ? Возможно ли будетъ указать у нихъ ту живую ответственность съ людьми шестидесятыхъ годовъ, какую послѣдніе имѣли или имѣютъ съ людьми сороковыхъ годовъ? Это была идея движенія, которая до нѣкоторой степени и собирала, соединяла людей. *Поколѣніе же 80-хъ годовъ воспиталось среди разброда мысли въ разныя стороны*“. Какъ хотите, такое признаніе весьма неожиданно со стороны сотрудника *Свернаго Вѣстника*, и несомнѣнно, что оно представляетъ большой афронтъ для г. Вольнскаго и его присныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, какія ужъ тутъ „новыя мозговыя линіи“, какія ужъ тутъ „новыя слова“, когда „поколѣніе воспиталось среди разброда мысли“? Правда, г. Прозоровъ, въ дальнѣйшемъ разсужденіи, пытается ослабить значеніе своего признанія: новые люди, изволите ли видѣть, — люди молодые, еще не исполнившіе отвѣтственной задачи каждаго поколѣнія; потому-то они такъ ясно и видятъ слабости и ошибки отцовъ, и иногда впадаютъ въ ошибку, относя къ ущербу самой идеи отцовъ ихъ неуспѣхъ; но отживающее поколѣніе впадетъ въ еще худшую ошибку: у молодыхъ свѣтъ замѣстителей оно видитъ только отрицаніе идей людей, сходящихъ съ сцены, покушеніе на какой-то переворотъ во имя идей, еще не точно опредѣлившись“. Трудно понять, что именно хочеть сказать Прозоровъ этими послѣдними словами; да и самъ-то онъ, полноюшо ли понимаетъ, что онъ хочеть сказать? Въ самомъ дѣлѣ, пойдите только, въ чемъ же тутъ ошибка отживающаго поколѣнія, да оно у людей молодыхъ, воспитавшихся, какъ сказано, „среди бродя мысли“, видитъ только то, что въ нихъ есть, т.-е. „отрицаніе чуждой, сходящихъ со сцены“? Не принимать же ему, въ самомъ

дѣлѣ, во вниманіе идей, „недостаточно опредѣлившихся“, или, вѣрнѣе сказать, просто отсутствіе всякихъ идей. Вотъ, когда эти отсутствующія идеи появятся и опредѣлятся, тогда и разговаривать будемъ; а пока... какая ужъ тутъ ошибка? Это—горе, г. Прозоровъ, а не ошибка! Да и что за нелѣпость такая толковать о борьбѣ поколѣній, какъ о чемъ-то стихійномъ, будто бы заставляющемъ „новое“, каково бы оно ни было, расчищать себѣ мѣсто и критиковать „старое“? Отнимать у „новаго“ мѣсто—никакое старое не можетъ, въ силу чисто-естественныхъ причинъ; отъ самого новаго зависитъ, съумѣетъ оно или не съумѣетъ занять мѣсто стараго. Что касается „критики“, т.-е. отрицанія, то самъ же г. Прозоровъ говоритъ, наприм., о Кавелинѣ, что онъ всегда былъ другомъ молодежи; и несомнѣнно, что и молодежь, смѣнявшаяся при немъ въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія, была тоже его другомъ. Мы знаемъ, что и къ Кавелину извѣстная часть молодежи относилась критически; но это была именно критика, а не отрицаніе во имя какихъ-то неопредѣлившихся идей; наоборотъ, идеи-то были весьма опредѣленными; дѣло тутъ шло о борьбѣ убѣжденій—общественныхъ, экономическихъ и другихъ, причѣмъ преемственная связь идей никогда не забывалась и критикующею стороною. Ясное дѣло, что тутъ ни типъ, ни поколѣніе не имѣли никакого значенія. Да и, наконецъ, можно назвать другія имена, —людей, бывшихъ почти сверстниками Кавелина по возрасту, хотя бы, наприм., Елисеева, по отношенію къ которымъ даже у вышеупомянутой группы молодежи никогда не появлялось и тѣни отрицанія. Вообще, г. Прозоровъ сдѣлалъ бы гораздо лучше, еслибъ остановился на первой части своего признанія: воспиталось, молъ, поколѣніе среди разброда мыслей, и потому всякую старую чепуху гордость, именуя эту чепуху новымъ словомъ; и тогда, конечно, кромѣ жалости, такое поколѣніе ничего и возбудить не можетъ.

Г. Прозоровъ дѣлаетъ и другое весьма любопытное признаніе: онъ говоритъ, что въ провинціальныхъ газетахъ „скука стоитъ столбомъ, гуще, чѣмъ лондонскіе туманы, и потому несправедливо винить обзорнѣе провинціальной печати, если оно не паритъ надъ уровнемъ доступной ему дѣйствительности“, т.-е. если оно, попросту говоря, тоже наводитъ скуку на читателя. Ну, это—какъ сказать... Провинціальное культурное общество, дѣйствительно, заражено скукой настолько, что и теперь еще, какъ въ одномъ разсказѣ Глѣба Успенскаго, „ѣздитъ попова кобеля топить“. Но провинція и провинціальная печать постоянно предъявляли вниманію наблюдателей такіе, говоря словами Помяловскаго, „веселенькіе пейзажики“, вродѣ, наприм., той волости Вятской губерніи, въ которой на каждую деревню существуетъ по одной лошади и обыватели которой низведены почти до уровня крѣпостныхъ, что всякая скука пропадетъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, не одинъ же г. Прозоровъ пишетъ обзорнѣе провинціальной печати и жизни, и ни читатели, ни сами авторы на скуку что-то не жалуются. Г. Прозоровъ, напримѣръ, очень усердно занимается чистойю русскаго языка, искажаемаго провинціальными газетами: занятіе очень почтенное, но у конечно, не веселое. Читатель зѣваетъ во весь ротъ, да и самъ г. Прозоровъ, вѣроятно, позѣвываетъ. Недаромъ въ русской поговоркѣ говорится: „вольному—воля“.

Въ разбираемой книжкѣ закончены романъ г. Мережковскаго: *верженный* и очеркъ г-жи Шапиръ: *Законныя жены, записки му...* Мы уже указывали неоднократно на романъ г. Мережковскаго, къ на произведеніе, на которое авторъ потратилъ много труда, въ г-

ромъ онъ проявилъ очень большую эрудицію и въ которомъ очень много превосходныхъ, даже блестящихъ сценъ и картинъ, и, тѣмъ не менѣе, въ цѣломъ, мы не можемъ признать это произведеніе настоящимъ художественнымъ произведеніемъ: ужъ слишкомъ большою совершенностью отдаетъ отъ его главнаго героя, Юліана: это—совсѣмъ не послѣдній язычникъ-императоръ, ученикъ неоплатниковъ, совершенно искренно вѣрющій въ ихъ воплощенныя метафизическія абстракціи, а скорѣе современный декадентъ, или, еще вѣрнѣе, сверхчеловѣкъ Ницше. Многія изъ рѣчей Юліана въ романѣ г. Мережковского представляютъ чуть ли не простую перифразировку афоризмовъ этого философа. Именно такая предвзятая идея испортила отличный въ другихъ отношеніяхъ романъ г. Мережковского. Намъ думается также, что наврядъ ли идеи и настроенія, господствовавшія въ эпоху послѣдней борьбы христіанства съ язычествомъ, могли дать поводъ изучившему эту эпоху написать слѣдующія заключительныя слова: „въ сердцѣ Анатолія, Амміанна и Арсинни, какъ незаходящее солнце, уже было великое веселіе Возрожденія“.

О произведеніи г-жи Шапиръ мы не говорили до сихъ поръ ни одного слова, и, можетъ быть, было бы благоразумнѣе сохранять молчаніе и тогда, когда это произведеніе окончено. Но званіе рецензента всегда обязываетъ не только читать плохія произведенія, но и сказать послѣ прочтенія, что эти произведенія читать не стоить. Кому, въ самомъ дѣлѣ, какое дѣло до жалкихъ страданій и самонализа барчука, съ дѣтства избалованнаго, неспособнаго ни къ дѣятельности, ни къ мысли, бездушнаго эгоиста, совершенно спокойно оставившаго свою дѣвочку-жену и даже неспособнаго замѣтить ея страданій, такъ какъ на него, видите ли, налетѣлъ ураганъ страсти, почти сознательно покупающаго все время ласки своей второй жены, еще болѣе бездушной, чѣмъ онъ, куклы, въ награду за всѣ эти подвиги разореннаго этою куклой и ея семьей и, въ концѣ-концовъ, рѣшающагося, въ виду ея несомнѣнной измѣны, разстаться со своимъ кумиромъ, съ которымъ его связывало, очевидно, только низменное животное чувство? Изъ всѣхъ продуктовъ дворянскаго и, вообще, культурнаго разложенія этотъ продуктъ—наименѣе интересный, и отягощать имъ вниманіе читателя рѣшительно не стоить, да еще столь продолжительное время, въ нѣсколькихъ книгахъ журнала.

Въ предшествующемъ нашемъ обзорѣни мы указывали на помѣщенную въ *Русскомъ Богатствѣ* статью г. М. Н.: *Почему уменьшается народонаселеніе Франціи* и замѣтили, что, во-первыхъ, наврядъ ли авторъ статьи даетъ какіе-либо оригинальные выводы по этому вопросу, и что, во-вторыхъ, онъ, очевидно, принадлежитъ къ числу „русскихъ учениковъ“ (хотя самъ онъ, кажется, не русскій). Окончаніе статьи г. М. Н. не обмануло нашихъ ожиданій. На такъ называемое „малтузіанство“ (практическое) онъ смотритъ, какъ на результатъ существующаго экономическаго порядка, пагубно вліяющаго на личность. Этотъ экономическій поринокъ ведетъ къ искаженію человѣческой природы, большому или меньшему атрофированію его духовной стороны (любопытно бы, однако, узнать, какое отношеніе существуетъ между духовною стороною человѣческой природы и большимъ или меньшимъ процентомъ рождаемости) и къ развитію тѣхъ низшихъ свойствъ, которыя, при данномъ экономическомъ строѣ, необходимы для лучшаго матеріальнаго обезпеченія. Для автора трагизмъ положенія Франціи заключается въ томъ, что въ ней слишкомъ большое число мелкихъ соб-

ственниковъ и „слишкомъ большое число людей, не мнѣнныхъ всякихъ надеждъ на будущее... Приходится желать уменьшенія численности той части населенія, которую Франція до сихъ поръ такъ гордилась; приходится *сокрушаться* о медленномъ ростѣ концентраціи капитала и недостаточно быстромъ ходѣ общаго обѣднѣнія населенія“... (Странно читать это въ *Русскомъ Богатствѣ*). Какъ видите, все та же старая и изрядно уже надобѣвшая пѣсня о необходимости переварить мушкетера въ фабричномъ котлѣ. И хоть бы припомнили эти господа „ученики“ тѣ факты, которые приводятъ они же сами. Дюмонъ приводитъ, какъ примѣръ вліянія обобществляющей дѣятельности капитализма, кантонъ Мильбошъ, департамента нижней Сены: еще въ 20-хъ годахъ тамъ ткачи работали на дому, и какъ они, такъ и все земледѣльческое населеніе жили безбѣдно. Рождаемость была низкая, хотя уменьшенія народонаселенія не происходило. Появился капиталъ, обобщилъ немногихъ и разорилъ всѣхъ; но за то населеніе кантона стало плодовитымъ. Необыкновенно благотворное вліяніе обобществленія посредствомъ капитализма! И оно, очевидно, вездѣ одинаково. Чтобы недалеко ходить, мы бы посоветовали гг. „русскимъ ученикамъ“ прѣхаться по деревнямъ московскаго фабричнаго района. Г. М. Н., при изученіи такого сложнаго вопроса, какъ вопросъ объ уменьшеніи процента рождаемости, рѣшительно не принимаетъ во вниманіе какихъ-либо иныхъ факторовъ, кромѣ экономическихъ. При устраненіи фактора біологическаго (вырожденія) и фізіологическаго (антагонизмъ между функціями половыми и интеллектуальными), ему и въ голову не приходитъ подумать о существованіи факторовъ интеллектуальнаго и волевого. Онъ, правда, дѣлаетъ нѣкоторые замѣчанія, которыя могли бы привести его къ совершенно инымъ выводамъ. Онъ говоритъ, напримѣръ, что, въ противоположность экономическому режиму, развивающему у человѣка неуверенность, боязнь, демократическія учрежденія могутъ внушить ему вѣру въ свои силы, что, несмотря на весь консерватизмъ французскаго крестьянина, политическія формы начинаютъ оказывать на него свое дѣйствіе, особенно со времени введенія дароваго и обязательнаго обученія, что на мелкой и средней буржуазіи политическій режимъ отражается несравненно больше и что на той же, приблизительно, степени развитія стоятъ и болѣе обезпеченные рабочіе. „Вообще говоря, политическій режимъ способствуетъ развитію стремленій, прямо противоположныхъ мѣщанскимъ. Расширяя умственный горизонтъ личности, расширяя сферу ея интересовъ, онъ этимъ самымъ служитъ и къ искорененію въ человѣкѣ тѣхъ низкихъ инстинктовъ и тенденцій, которыя дѣлаютъ его способнымъ заглушать въ себѣ самые естественные порывы“. Далѣе онъ говоритъ, что пролетаріатъ, въ противоположность болѣе обезпеченнымъ рабочимъ, отличается большимъ стремленіемъ къ коллективности, т.-е. большимъ развитіемъ альтруистическихъ чувствъ. Всѣ эти замѣчанія автора могли бы привести его къ совершенно инымъ выводамъ, могли бы заставить его подумать о томъ, что въ занимающемъ его вопросѣ играютъ роль не однѣ только экономическія причины, но причины интеллектуальныя и волевыя. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ индивидуализмъ и эгоизмъ связываются съ воздержаніемъ для пользы если не общества, то семьи и рода, а стремленіе къ коллективности связывается съ чрезмѣрною плодовитостью? Во-вторыхъ намъ думается, что положеніе германскихъ крестьянъ-собственниковъ приблизительно таково же, какъ положеніе наиболее обезпеченныхъ

бочихъ Франціи; и, однако, въ Германіи среди этого класса не замѣчается паденія процента рождаемости или это паденіе ничтожно, но за то тамъ есть эмиграція, и эмиграція, сопряженная съ громадными потерями для страны. Вообще, не рѣшаясь сказать что-либо положительное по этому вопросу, мы, все-таки, полагаемъ, что гипотеза Уорда о стаціонарномъ состояніи общества (въ смыслѣ численности населенія), какъ о состояніи не регрессивномъ, а прогрессивномъ, имѣетъ за себя достаточное количество теоретическихъ соображеній.

Весьма интересна въ разбираемой книгѣ статья г. Лесевича: *Эволюція философіи и философскія переживанія*. Для тѣхъ, кто знакомъ съ его работой: *Что такое научная философія*, печатавшаяся сначала въ нашемъ журналѣ и изданною потомъ отдѣльною книгой, статья наврядъ ли представитъ что-либо новое и оригинальное. Но, тѣмъ не менѣе, повтореніе сказаннаго г. Лесевичемъ раньше въ болѣе краткой и простой формѣ является далеко не лишнимъ. Основная мысль, развитію и уясненію которой посвящена его статья, состоитъ въ томъ, что исправленіе преданія заключалось въ процессѣ его постепеннаго упраздненія. По отношенію къ философіи исправленіе преданія сказалося весьма выразительно въ принципиальномъ упраздненіи метафизики, какъ хранительницы преданій трансцендентности, абсолютности, апріорности и другихъ тщетныхъ усугубленій мысли человѣческой, а въ новѣйшее время и въ упраздненіи блѣдной тѣни метафизики—„философіи, какъ отдѣльной науки“,—тѣни, существованіе которой вызвано чисто-вышшими и, опять-таки, вытекающими изъ преданія условіями“.

Вопросъ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть впредь подъ философіей, переставшей быть метафизической, но еще не ставшей научной, былъ поставленъ въ 1844 г. нѣкимъ Иорданомъ, причѣмъ Герценъ въ свое время замѣтилъ статью Иордана и резюмировалъ ее въ своемъ дневникѣ слѣдующимъ образомъ: „Философія—не отдѣльная наука; на мѣсто ея должны быть поставлены разрозненные нунѣ науки“. Вопросъ былъ поставленъ правильно, но до разрѣшенія его было еще далеко. Оставалось совершенно неизвѣстнымъ, какимъ образомъ произойдетъ замѣщеніе философіи разрозненными нунѣ науками и что произойдетъ съ этими науками, когда разрозненность эта исчезнетъ. Около этого же времени, въ промежутокъ между 1841 и 1845 гг., Фейербахъ выдвинулъ и разрѣшилъ этотъ вопросъ съ такою ясностью и опредѣленностью, которая всегда отличала этого гениальнаго мыслителя. Мысли Фейербаха, изложенныя въ отрывочныхъ положеніяхъ, являлись поразительнымъ по проникательности предвосхищеніемъ того взгляда на философію, который получилъ свое полное обоснованіе только въ современной школѣ научной философіи. Приведемъ нѣкоторые изъ тезисовъ Фейербаха: „Истинная философія есть истинная и всеобщая эмпирія“. „Философія есть познаніе того, что есть. Мыслить вещи и существа, познавать ихъ такими, какими они суть,—вотъ высшій законъ, высшая задача философіи“. „То, что есть, какъ оно есть, т.-е. истинное высказывать истинно—кажется поверхностнымъ; то, что есть, какъ оно не есть, т.-е. истинное высказывать не истинно, извращать его, представляется глубокомысленнымъ“. „Правдивость, простота, опредѣленность—это формальные признаки дѣйствительной философіи“. „Философіи вновь предстоитъ вступить въ союзъ съ естествознаніемъ, естествознанію—съ философіей. Этотъ союзъ, основанный на взаимной потребности, на внутренней необходимости, будетъ прочіе, счастли-

вѣе и плодотворнѣе, нежели существовавшая до сихъ поръ *mesaillance* между философiей и традиционными доктринами“. Эти тезисы уясняютъ вопросъ, о какой философiи говорилъ Фейербахъ, когда онъ рѣзко заявлялъ: „Никакой философiи—вотъ моя философiя“. Для того, чтобы союзъ, о которомъ говорилъ гениальный философъ, осуществился, необходимо было, прежде всего, окончательное распаденiе философiи на отдѣльныя науки. И вотъ, когда одна за другой обособились: социологiя, психологiя, этика и, наконецъ, гносеологiя, все содержанiе старой философiи оказалось разобраннѣмъ, и пришлось дѣлать очень ужъ наивныя натяжки, чтобы повторенiе распределенныхъ по отдѣльнымъ наукамъ тезисовъ выдать за особую науку о мiрѣ, какъ цѣломъ. Вообще, по мнѣнiю нѣмецкихъ представителей школы научной философiи (Петпольдъ, Эрнстъ Махъ и Авенариусъ), философiя не принадлежитъ къ числу отдѣльныхъ наукъ. Она заключается исключительно въ томъ всеохватывающемъ, непредубѣжденномъ мышленiи, которое всѣ части цѣлаго связываетъ живыми отношенiями. Между истинною наукой и истинною философiей противорѣчiя не существуетъ. Выработка общаго понятiя не есть дѣло специфически-философской умственной дѣятельности, это — дѣло общей, совокупной работы специальныхъ наукъ. Отдѣльныя науки философiи, обладающей особенными средствами для выработки законченнаго мировоззрѣнiя безъ помощи наукъ о природѣ и посредствомъ предвосхищенiя ихъ результатовъ, не существуетъ; мышленiе же будетъ философскимъ только тогда, когда единичное будетъ охватываться взглядомъ, устремленнымъ на цѣлое, и когда представленiе цѣлаго, въ свою очередь, будетъ привлечено для изслѣдованiя единичнаго. Тѣ же, которые желаютъ удержать старыя преданiя, блѣдную тѣнь метафизики, обрекаютъ сами себя на слова, слова и слова...

Чрезвычайно тяжелое впечатлѣнiе произвела на насъ статья г. Южакова: *Просвѣтительная утопiя*. Прочитавъ ее, мы очень долго недоумѣвали, не шутитъ ли надъ читателями почтенный публицистъ. Но серьезность тона, солидная и детальная разработка вопроса, громадное количество цифирнаго матеріала, украшающаго его статью, и патетическія заключительныя слова: „проблема во всякомъ случаѣ стѣдитъ нѣкотораго вниманiя!... неужели не стоитъ?“—все это заставило насъ отказаться отъ своего предположенiя и серьезно отвѣтить на серьезно же поставленный авторомъ вопросъ. И мы серьезно рѣшаемся отвѣчать на него: да, не стѣдитъ. Мало этого: мы рѣшаемся утверждать, что въ настоящее время, при существующихъ условiяхъ, при томъ положенiи, въ которомъ находится громадное большинство населенiя нашей родины, серьезному публицисту заниматься подобными „просвѣтительными утопiями“ даже какъ-то... неловко. Можно, конечно, сидя въ какой-нибудь Заманиловкѣ, въ прекрасный майскій вечеръ, за стаканомъ чаю и съ сигарой въ зубахъ, забыть объ условiяхъ дѣйствительности, забыть о томъ, что почти 30% нашего крестьянскаго населенiя бѣдныхъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе 60% бездомовыхъ, безлошадныхъ, безхозяйныхъ и т. д., и мечтать о просвѣтительныхъ утопiяхъ. Можно даже издать цѣлую основательную работу, заключающую въ себѣ изложенiе этой утопiи, для изученiя будущимъ поколѣнiямъ. Но журнальный дѣятель, публицистъ, существенная и главная обязанность котораго состоитъ въ привлеченiи вниманiя общества къ существеннымъ и кардинальнымъ вопросамъ общественной жизни,—если онъ отвлекаетъ это вниманiе къ утопiямъ, хотя бы

„просвѣтительнымъ“,—поступаетъ по меньшей мѣрѣ безапатно. Тутъ дѣло, конечно, не въ принципѣ, а именно въ условіяхъ и обстоятельствевахъ. Принципъ обязательнаго и дароваго для всѣхъ средняго образованія, разумѣется, такой принципъ, подѣ которымъ мы подписываемся обѣими руками; но мы рѣшительно не понимаемъ, зачѣмъ связывать этотъ принципъ съ созданіемъ якобы ничего не стоящихъ населенію сельско-хозяйственныхъ и ремесленныхъ гимназій. Въ просвѣтительной утопіи г. Южакова высчитано все, до послѣдней мелочи; высчитано и то, что для 8,000 такихъ гимназій, заводимыхъ только въ земскихъ губерніяхъ, нужно ни много, ни мало—40 милліоновъ десятинъ земли, и это, по мнѣнію г. Южакова, означаетъ, что такіа гимназіи ничего не будутъ стоить населенію, что онѣ будутъ содержать себя и весь, какъ учительскій, такъ и служебный, персоналъ физическимъ трудомъ старшихъ учениковъ и ученицъ, а также и *обязательнымъ* трехлѣтнимъ трудомъ всѣхъ бывшихъ учениковъ, не призванныхъ къ отправленію воинской повинности. Ужъ мы и не говоримъ о деталяхъ, какъ, напримѣръ, о томъ, что г. Южаковъ довольно скромно называетъ „обѣмномъ земель“, т.-е., по-просту говоря, объ отобраніи у цѣлыхъ крестьянскихъ обществъ ихъ земель въ пользу „просвѣтительной утопіи“ г. Южакова и о переселеніи крестьянъ на казенныя земли сѣверо-восточныхъ окраинъ. Да и куда дѣнутся эти просвѣщенные земледѣльцы и ремесленники по окончаніи гимназіи и трехлѣтняго срока обязательной службы при гимназіи? Вѣдь, имъ придется идти въ ту самую деревню, въ которой „всего одна лошадь, да и та худая“, въ которой ихъ отцы и матери умираютъ съ голоду, и идти въ возрастѣ 20—24 лѣтъ. Нѣтъ, проблема г. Южакова не стоитъ никакого вниманія, и говорить о ней мы бы не стали, если бы намъ не было извѣстно, какою репутаціей серьезности и солидности пользуется его имя. Вѣдь, пожалуй, иной неопытный юнецъ, прочитавъ просвѣтительную утопію г. Южакова, только облизнется отъ удовольствія и возмнитъ, что это самое настоящее и есть, и ни о чемъ другомъ думать не стоитъ; а, вѣдь, такихъ юнцовъ у насъ очень много, и всякому серьезному писателю приходится думать о надлежащемъ на нихъ воздѣйствіи.

Да и вообще, чтѣ за ликованіе такое? Откуда оно снизошло на почтенный журналъ и главныхъ его столбовъ, г. Южакова и г. Михайловскаго? Этотъ послѣдній тоже увѣряетъ насъ, будто „о сѣдающемъ Россію невѣжествѣ, о необходимости облегчить доступъ знанія и, слѣд., книги въ народную школу и т. п. можно говорить не стѣняясь тѣмъ, что какой-нибудь кн. Мещерскій или другой сынъ отечества начнетъ обличать тебя въ злонамѣренности“.

„Дѣтское Чтеніе“, кн. I—V. Главное вниманіе читателей сосредоточивается на двухъ большихъ вѣщахъ, принадлежащихъ талантливымъ авторамъ: на повѣсти Вас. Ив. Немировича-Данченка и историческомъ разсказѣ Д. Л. Мордовцева. Первая еще не кончена. Со свойственнымъ г. Немировичу-Данченку умѣньемъ въ изящномъ разсказѣ знакомить читателей, какъ бы мимоходомъ, съ интересными этнографическими и бытовыми явленіями, здѣсь дается не мало свѣдѣній о Кавказѣ и его обитателяхъ. Авторъ невольно возбуждаетъ въ насъ сочувствіе къ этимъ дикимъ горцамъ, строго исполняющимъ законы своей вѣры и всякія нравственные и житейскія правила, завѣщанныя сѣдою стариной. Вы знакомитесь тутъ съ основными чертами этихъ народовъ,—ихъ неустранимостью и гордымъ нравомъ,— узнаете ихъ

вѣрованія, молитвы и пѣсни, переведенныя на русскій языкъ. Авторъ даетъ живое представленіе о томъ, какъ живутъ эти племена въ суровую зиму и въ знойное лѣто, чѣмъ питаются, во что одѣваются и т. п. И на ряду съ этимъ вы съ замираніемъ сердца слѣдите за участіемъ героя повѣсти, русскаго солдата Сергѣя Лопова, бѣжавшаго изъ плѣна и тщательно старавшагося скрыться отъ преслѣдованій врага: острый камень горныхъ тропинокъ рѣжетъ ему ноги, ноютъ колѣни у несчастнаго бѣглеца, грудь устала, плечи жалятся... Но отдохнуть нельзя. Только счастливою судьбой ему удалась страшная ночь бѣгства съ полнымъ благополучіемъ и онъ избѣжалъ мученической, варварской смерти. Описание его приключеній написано мастерски.

Г. Мордовцевъ беретъ сюжетъ для своего обширнаго разсказа изъ эпохи паденія Іерусалима. Нравственныя доблести, мужество и стойкость первыхъ христіанъ противопоставляются жестокости и правамъ римлянъ. Съ живымъ интересомъ читается описаніе гладиаторскаго боя и разсказъ о томъ, какъ одна христіанка съ ребенкомъ, обреченные на растерзаніе львомъ и уже стоящіе на одной аренѣ глазъ на глазъ противъ дикаго звѣря, неожиданно для всѣхъ и для себя остаются невредимыми: оказывается, что надсмотрщикомъ, приставленнымъ ко льву, былъ тайный христіанинъ. Желая спасти своихъ единовѣрцевъ отъ мучительнаго вѣнца, онъ къ этому дню въ теченіе нѣкотораго времени успѣлъ закормить льва до отвала. Тотъ, сытый по горло, ласково встрѣтилъ ребенка и не тронулъ его матери. „Увести ихъ!— вдругъ раздался повелительный голосъ императора.—Боги пощадили ребенка, а мы для него оставляемъ его мать... съ насъ довольно разрушеннаго Іерусалима“. Этими словами заканчивается повѣсть г. Мордовцева, которая съ пользой будетъ прочтена дѣтьми.

Талантливый педагогъ и извѣстный въ Москвѣ публичный лекторъ по географіи, С. П. Мечъ, помѣстилъ статью *Великій океанъ*, снабженную большимъ количествомъ поясняющихъ рисунковъ. Статья еще не окончена. Любовь къ наукѣ, сознаніе ея великой силы и представленія о ея новыхъ важныхъ задачахъ, еще не разрѣшенныхъ нашимъ вѣкомъ, но подлежащихъ разрѣшенію въ будущемъ,—вотъ что возбуждается чтеніемъ этой статьи.

Намъ кажется, что г. Ладыженскій для своихъ очерковъ *О книгахъ и сочинителяхъ* выбираетъ не совсѣмъ подходящій матеріалъ. Разсказывать вкратцѣ содержаніе произведеній древне-русской словесности, съ которыми, почти въ такой же краткой формѣ, читающіе познакомятся и безъ того на урокахъ литературы,—дѣло излишнее.

Сказка въ стихахъ г. Федорова-Давыдова *Жолудь* можетъ, вслѣдствіе неясности своей основной мысли, привести юныхъ читателей къ нѣкоторымъ нежелательнымъ заключеніямъ. Жолудь сорвался съ дуба и задумалъ путешествовать по свѣту, чтобы, подобно Колумбу, дѣлать открытія и прославить себя подвигами. Но ручей посовѣтовалъ ему „жить на свѣтѣ тихо, крикунамъ не подражая“, и не увлечься „бреднями“:

Вотъ здѣсь ямка небольшая,
Лягъ съ спокойною душою,
И лежи ты похъ землею,
Честно долгъ тѣмъ выполняя!

Жолудь отвѣчаетъ, что ему очень обидно отказать отъ своихъ мечтаній и съ облаковъ опуститься на землю. Однако, онъ согласенъ

со своимъ совѣтчикомъ, что надо жить тихо, не увлекаясь мечтами и не бороться противъ положеннаго ему предѣла. И вотъ онъ „честно“ выполняетъ свой долгъ: спокойно укладывается въ своей ямочкѣ

И отъ влаги разбухаетъ
И рооточекъ изъ-подъ шкурки
Осторожно выпускаетъ...

Какая же выходитъ отсюда мораль? Что, если дѣти объяснять ее себѣ такъ: надо жить тихо, спокойно, изо дня въ день, не увлекаясь никакими мечтами, не предпринимая никакихъ рискованныхъ, смѣлыхъ и отважныхъ замысловъ? Ну, словомъ, умѣренность, аккуратность и осторожность — вотъ добродѣтели, рекомендуемыя авторомъ. Если же онъ этого не хотѣлъ сказать, то онъ неясностью изложенія далъ широкій просторъ ложнымъ толкованіямъ.

Это въ бельгійской деревнѣ К. Барсова, по своему матеріалу, очень интересно для тѣхъ, кто желаетъ знать объ образѣ жизни крестьянъ въ Бельгій, о степени ихъ умственного развитія и образованія, объ экономическомъ бытѣ населенія и т. п. Изложеніе надо было сдѣлать болѣе живымъ, болѣе образнымъ, снабдивъ его, въ достаточномъ количествѣ, картинами жизни: сценами, разговорами и т. п.

Вообще говоря, стремленіе новой редакціи — дать своимъ читателямъ побольше серьезнаго воспитывающаго, образовательнаго чтенія — заслуживаетъ глубокой симпатіи. Журналъ можетъ быть признанъ однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ изданій.

„Игрушечка“, кн. I—V. Предназначенный для дѣтей младшаго возраста, журналъ этотъ успѣлъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ составить себѣ почетную репутацію и приобрести опредѣленную фізіономію. Къ числу сотрудниковъ его принадлежатъ почти всѣ тѣ писатели, которые приобрѣли имя въ современной литературѣ для взрослыхъ читателей. Въ послѣднее время каждый выпускъ *Игрушечки* открывался портретомъ кого-нибудь изъ этихъ сотрудниковъ, со снимкомъ съ его автографа. Всѣ эти „друзья дѣтей“ приписали подъ своими портретами свое душевное profession de foi. Въ послѣднемъ выпускѣ помѣщены портретъ и факсимиле И. И. Горбунова-Посадова. Вотъ его девизъ: „Я хотѣлъ бы только одною: написать такую книгу, прочтя которую каждый ребенокъ ясно понималъ бы, что самое величайшее счастье на свѣтѣ это — любить встѣхъ, а, главное, встѣхъ несчастныхъ, униженныхъ и обиженныхъ, и не только любить, но служить имъ всею жизнью своей“.

Совершенно въ соотвѣтствіи съ этимъ гуманнымъ принципомъ написанъ его рассказъ *Левъ и невольникъ* въ той же книгѣ журнала. Авторъ передаетъ извѣстную исторію про Андрокла и его льва. Въ Колизеѣ было назначено кровавое зрѣлище: въ присутствіи императора совершится травля дикихъ звѣрей, которыхъ выпускаютъ для растерзанія преступниковъ. Вотъ выступили на арену три африканскихъ льва. Одинъ изъ нихъ опередилъ другихъ и устремился по направленію къ тремъ преступникамъ. Двое изъ нихъ подняли копыя для защиты, но третій не поднялъ копыя и стоялъ, не двигаясь на мѣстѣ. Увидя его, левъ пошелъ прямо къ нему и радостно замахалъ хвостомъ, сталъ жаться къ нему и лизать его руки и лицо. Оказалось, что звѣрь и человѣкъ были когда-то хорошо знакомы другъ съ другомъ. Когда Андроклъ, — такъ звали этого человѣка, — бѣжалъ изъ тюрьмы, куда онъ былъ посаженъ несправедливо, — онъ скрылся въ пещерѣ. Туда вошелъ этотъ левъ, изнеможенный отъ раны въ погѣ.

Левъ уже умиралъ, но Андроклъ спасъ его отъ смерти, омывъ и перевязавъ его рану.

Съ тѣхъ поръ между ними возникла дружба: левъ приносилъ свою добычу въ видѣ убитыхъ имъ звѣрей, а нашъ бѣглець жарилъ ихъ на пескѣ подъ жгучими лучами солнца. Благородный звѣрь узналъ въ Колизеѣ своего товарища и нѣжною лаской показалъ ему, что помнитъ старую дружбу. Пораженная трогательнымъ зрѣлищемъ неслышанной дотолѣ дружбы между человѣкомъ и львомъ, публика громко взывала: „Пощады Андроклу!“ Императоръ подозвалъ его къ себѣ и осыпалъ вопросами о причинахъ изумительнаго явленія. Андроклъ сообщилъ ему всю печальную исторію своей жизни, рассказалъ о тѣхъ страданіяхъ, что выпали на долю такихъ, какъ онъ, злополучныхъ римскихъ рабовъ, о жестокостяхъ, которымъ они подвергаются со стороны своихъ повелителей, о томъ, какъ мучилась его душа, оплакивая горькую участь товарищей, и какъ онъ однажды, испивъ чашу терпѣнія всю до дна, смѣло выступилъ на защиту одного обиженнаго раба, укоряя его угнетателя, за что и попалъ въ тюрьму. Тамъ его подвергли звѣрскимъ истязаніямъ. И онъ не разъ убѣгалъ изъ темницы и вновь излавливался и подвергался все болѣшимъ мученіямъ,—вплоть до сего дня. Императоръ выпустилъ Андрокла на свободу. Рассказъ производитъ на юныхъ читателей доброе впечатлѣніе, вызывая въ нихъ сочувствіе къ „униженнымъ и оскорбленнымъ“ и попутно знакомя ихъ съ картиною нравовъ древняго Рима.

То же счастливое сочетаніе двухъ достоинствъ,—умѣнье интересно рассказать, способность попутно сообщить полезныя свѣдѣнія,—обнаруживается и у автора статейка *Скворушка*, г-жи Ходаковской. Это простой и симпатичный рассказъ, дающій читателямъ поучительныя свѣдѣнія объ образѣ жизни скворцовъ.

Письма изъ Америки Анны Мотлей вызываютъ удивленіе. Тутъ кратко и сухо, въ формѣ, напоминающей официальную реляцію или репортерскій отчетъ, сообщено о двухъ хорошихъ поступкахъ нѣкихъ Андрея Мура и Волнея. Прочитавъ эту статейку, занимающую строкъ сто съ чѣмъ-нибудь, невольно спрашиваешь себя: причѣмъ тутъ Америка? Авторъ не далъ здѣсь ничего, что могло бы характеризовать именно страну, ея природу, бытъ и нравы, и такъ и хочется замѣтить: для того, чтобы добывать такіе сюжеты, какъ газетныя сообщенія о томъ, какъ такой-то или иной мальчикъ проявилъ отвагу, зачѣмъ же ѣздить такъ далеко?

Въ заключеніе, не можемъ не пожелать дальнѣйшихъ успѣховъ почтенному журналу, такъ долго и упорному ведущему свою воспитательную миссію и окружившему себя дароватыми работниками слова, умѣющими любить дѣтей и согрѣвать ихъ души задушевною и серьезною бесѣдой.

**Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію жур-
нала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля
1895 г.**

- Аксаковъ, Н. П.** Душа не угашайте. Петроградъ, 1895 г.
- Tillaux, P.** Руководство къ тонографической анатоміи въ примѣненіи къ хирургіи. Изд. Риккера, второе. В. IV. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Денъ, Владиміръ.** Къ ученію о пѣвности. Три очерка. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Кронидовъ, М.** Монгольская старина. Книшневъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Статистика долгосрочнаго кредита въ Россіи 1894 г.** Вып. III. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Межеричеръ, П. И.** Геометрическое черченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.
- Отчетъ правленія павловской кустарной артели о ея дѣятельности въ 1894 г.**
- Зелинскій, В.** Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. П. М., 1895 г. Вып. II. Ц. 2 р.
- Емельяновъ-Коханскій, А. Н.** Обнаженные нервы. Сборникъ стихотвореній. Изд. А. С. Чернова. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Летопис матице српске.** Книга 182.
- О борьбѣ съ пожарными бѣдствіями въ селеніяхъ.**
- Маркъ, С. А.** О народныхъ санаторіяхъ для слабогрудыхъ. Изданіе Императорскаго кавказскаго медицинскаго общества. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. Вып. XXV. Изд. К. К. Бавза. М., 1895 г.
- Рибо, Т.** Исслѣдованіе аффективной памяти. Пер. съ франц. Е. Максимовой. Слб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Собраніе стихотвореній Виктора Гюго въ перев. русскихъ писателей.** Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Догель, И. М., проф.** Значеніе велосипеда съ точки зрѣнія врача-невропатолога. Изд. А. А. Дубровина. Казань, 1895 г. Ц. 30 к.
- Павловъ, Н.** Отчетъ систематическаго сборника задачъ. Ч. II. Казань, 1895 г. Ц. 25 к.
- Дело.** Листъ за науку, книжность и друшвени живот. Апрель, годіне друга. Београд, 1895 г.
- Фаминцынъ, Ал. С.** Начатки теоріи музыки. Слб., 1895 г. Ц. 85 к.
- Гертвигъ, Рихардъ.** Учебникъ зоологіи. Переводъ проф. Заленскаго. Изд. Глейхера. Одесса, 1895 г. Ц. 5 р. 40 к.
- Постановленія херсонскаго уѣзднаго земскаго собранія очередной сессіи 1894 г.** Херсонъ, 1895 г.
- Отчетъ о движеніи денежныхъ суммъ херсонской уѣзднои земской управы за 1893 г.** Херсонъ, 1894 г.
- Кальнингъ, И.** Комментарій къ четвертому изданію російской фармакопеи. Т. II. Вып. IX. М., 1895 г.
- Покотиловъ, Д. Д.** Китайскіе порты имѣющіе значеніе для русской торговли на дальнемъ Востоцкѣ. Части I и II. Слб., 1895 г.
- Шелгуновъ, Н. В., сочиненія.** Изданіе О. Н. Поповой; съ портретомъ автора и вступительной статьей Н. Михайловскаго. Слб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Энциклопедическій словарь.** Т. XV. Изд. Брокгауза и Ефрона. Слб., 1895 г.
- Гольденбергъ, А. И.** Собраніе арнеметическихъ упражненій для гимназій и реальныхъ училищъ. Курсъ приготовительный. 1895 г. Ц. 25 к.
- Дмитріевъ, В. Н.** Лечение морскими купаньями въ Ялтѣ и вообще на южномъ берегу Крыма. Изд. Москвича. Одесса, 1895 г. Ц. 1 р.

- Волгинъ, Ф.** Въ странѣ черныхъ христіанъ (очерки Абиссинія). Изданіе П. П. Соѣкина. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Scheff, J., и Грубе, В. О.** Руководство къ леченію зубныхъ болѣзней. Т. II, ч. II, вып. XV. Изд. д-ра Л. О. Фрейфельда. Харьковъ, 1896 г.
- Журналы уржумскаго уѣзднаго земскаго собранія XXVIII очерда. сессіи 1894 г.** Казань, 1895 г.
- Результаты отъ преброяваніе на вградитѣ, кто служатъ за живѣніе въ княжество Бѣгарія.** Софія, 1894 г.
- Результаты отъ преброяваніе на добитѣка, домашнѣи птицы и колаты въ княжество Бѣгарія.** Софія, 1894 г.
- Медицинскій отчетъ по Александровской больницѣ въ Москвѣ за 1894 г.** Москва, 1895 г.
- Отчетъ о дѣятельности станціи Пастѣра при Александровской больницѣ въ Москвѣ за 1884 г.** Москва, 1895 г.
- Ясинскій, А. Н.** Паденіе земскаго строя въ Чешскомъ государствѣ (X—XIII вв.). Кіевъ, 1895 г. Ц. 2 р.
- Петровъ, А. Н.** Кириллъ и Меводій. Изд. ред. журн. „Библиографъ“. Спб., 1895 г.
- Леббокъ, Джонъ.** Какъ надо жить. Изд. О. Поповой. Спб. Ц. 80 к.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Два разсказа. Изд. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 10 к.
- Лоскутовъ, П.** Духовный прогрессъ и счастье. Изд. Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Красновъ, П.** Сенека. (Биографическій очеркъ). Изданіе Ф. Павленкова. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Москвичъ, Г.** Путеводитель по Черному морю. 2-е изд. Одесса, 1895 г. Ц. 40 к.
- Селивановскій, И.** Доревенскія невзгоды. Изд. Е. Тихомирова. Москва, 1895 г. Ц. 10 к.
- Сборникъ свѣдѣній по плоховодству въ Закавказскомъ краѣ.** Вып. I. Тифлисъ, 1895 г.
- Черновъ, А. М.** Изъ волостной юстиціи. Гжатскъ, 1895 г.
- Литвинова, Е. Ф. Н. И.** Лобачевскій, его жизнь и ученая дѣятельность. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Келльнеръ, Л.** Мысли о школьномъ и домашнемъ воспитаніи. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вуйта Мих., д-ръ.** Крижанитева политика. Београд, 1895 г. Ц. 1. 50 дин.
- Nazarbek, Avetis.** The voice of the Armenian Revolutionists. London, 1895.
- Нетыкса, М.** Руководство столярнаго ремесла. Москва, 1895 г. Ц. 75 к.
- Чебышева-Дмитріева, Е. А.** Однѣ въ дѣсу. Война мышей и лагушекъ. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Рагозинъ, Е. И.** Желѣзо и уголь на югѣ Россіи. Спб., 1895 г. Ц. 3 р.
- Шенланкъ, Бруно.** Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Rollin.** Biographie de Cirus le Jeune. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 15 к.
- Семеновъ, Н.** Туземцы сѣверо-восточнаго Кавказа. Спб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Джабадари, И.** Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Спб., 1895 г.
- Ломброзо, Ц.** Геніальность и помѣшательство. Изд. Ф. Павленкова. Спб., Ц. 1 р.
- Шилтовъ, А., проф.** Среди безбожниковъ. Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
- Дрәперъ, Дж.** Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. подъ ред. проф. И. Лучицкаго. Изд. Югансона. Ц. 1 р. 50 к.
- Мункъ, У., и Уффельманъ, У., д-ра мед.** Руководство къ кормленію больныхъ. Пер. съ нѣмец. Изданіе Риккера. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к.
- Гаринъ, Н.** Очерки и разсказы. Томъ 2-й. Изд. журн. „Русское Богатство“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Besthorn, R. O.** Alexandre III, Nicolas II. Copenhagen, 1895.

ОГЛАВЛЕНИЕ

„БИБЛИОГРАФИЧЕСКАГО ОТДѢЛА“.

I. Книги.

	<i>Стр.</i>
Беллетристика: „Грезы“. <i>И. А. Салова</i> .—„Въ семьѣ и внѣ семьѣ“. <i>В. М. Михеева</i> .—„Золоченая богема“. <i>В. Сметлова</i> .—„Кавказскія преданія и легенды“. <i>Ело же</i> .—„Собраніе сочиненій“ <i>Андерсена</i>	815
Критика и публицистика: „Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній <i>И. С. Тургенева</i> “. <i>В. Зелинскаго</i> .—„Очерки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ“. <i>П. А. Тверского</i> .—„По тюрьмамъ и вертепамъ“. <i>А. И. Севирскаго</i>	321
Философія и психологія: „Трактатъ объ усовершенствованіи разума“. <i>Бенедикта Спинозы</i> .—„ <i>Les Caractères</i> “, <i>par Fr. Paulhan</i> .—„Какъ надо жить“. <i>Дж. Лейбока</i>	324
Исторія и біографія: „Вопросъ о крестьянской поземельной собственности во Франціи до революціи и продажѣ національныхъ имуществъ“. <i>И. В. Луцицкаго</i> .—„Жизнь замѣчательныхъ людей“. <i>Изд. Ф. Павленкова</i>	328
Географія, этнографія и путешествія: „Отчетъ совѣта общества любителей путешествія въ Сибирь“. <i>Дюноа</i> .—„Очерки далекой Сибири“. <i>И. Гамова</i>	330
Политическая экономія и финансы: „Библіотека экономистовъ“.—„Государственные и мѣстные расходы главнѣйшихъ европейскихъ странъ по ихъ значеніямъ“. <i>Р. фонъ-Кауфмана</i>	335
Юридическія книги: „Задачи уголовной политики Франца фонъ-Листа“. <i>Моск. Б. Гуревича</i>	337
Техническія книги: „Промышленность Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки и современные прѣемы химической технологіи“. <i>Д. Коновалова</i>	339

Сельское хозяйство: „Иллюстрированный сельско-хозяйственный словарь“. *М. С. Боданова*. — „Результаты семейных опытов на опытном полѣ полтавскаго губернскаго земства“. — „Не по торному пути“. *А. П. Муртаго*. — „Сахарный кленъ и клено-сахарное производство въ Сѣверной Америкѣ“. *Н. С. Нестерова*. — „Оцѣнка имѣній“. *А. А. Колосова* 341

Медицина: „Гигиеническія бесѣды“. *Д-ра Мокіевскаго*. — „Очерки русской народной медицины“. *В. Ф. Демича* 343

Учебники и дѣтскія книги: „Сознательное чтеніе, какъ главный предметъ обученія отечественному языку“. *Н. Н. Миронова*. — „Темы и вопросы для письменныхъ упражненій по русскому языку и литературныхъ бесѣдъ“. *Е. Воскресенскаго*. — „Русско-латинскій словарь“. *В. Мусселиуса*. — „Трагедіи“ *Еврипида*. — „Голубья сказка“. *Э. Лабуле* 344

Изданія для народа: Изданія книжнаго склада *П. К. Прянишникова*. 347

II. Периодическія изданія.

„Русскій Вѣстникъ“, апрѣль—іюнь. — „Сѣверный Вѣстникъ“, іюнь. — „Русское Богатство“, май. — „Дѣтское Чтеніе“, кн. I—V. — „Игрушечка“, кн. I—F. 354

III. Списокъ книгъ, поступившихъ въ редакцію журнала „Русская Мысль“ съ 1 іюня по 1 іюля 1896 г.

ПОДВИЖНОЙ КАТАЛОГЪ

нижнего магазина журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова,

коммисіонера общества любителей російской словесности

(Москва, уголъ Леонтьевского пер. и Большой Никитской, д. № 22—4).

Книжный магазинъ принимаетъ на коммисію постороннія изданія, подписку на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги. За пересылку книгъ берется по ея дѣйствительной стоимости. Книги могутъ быть высылаемы и наложеннымъ платежомъ.

Главный складъ изданій Московскаго комитета грамотности.

Изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

- Сенкевичъ, Генрикъ.** Повѣсти и рассказы. Перев. В. М. Лаврова, съ предисловіемъ В. А. Гольцева. Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 руб. 80 коп.
- Безъ догмата. Романъ. Перев. В. М. Лаврова. (Второе изданіе). Цѣна 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 80 к.
- Путевые очерки. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Потопъ. Переводъ В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб. съ пересылк.
- Семья Полавецкихъ. Перев. В. М. Лаврова. Цѣна 3 руб., съ перес. 3 р. 50 к.
- Ожешкова, Элиза.** Повѣсти и рассказы. Пер. В. М. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Мицкевичъ, Адамъ.** Крымскіе сочеты. Переводъ съ польскаго Л. Медвѣдева. М. 1895 г. Ц. 80 к.
- Додэ, Альфонсъ.** Портъ-Тарасконъ. (Последнія приключенія знаменитаго Тартарена). Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Маленькій приходъ. Перев. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 20 к.
- Юноша, Клеменсъ.** Сизифъ. Картинки деревенской жизни. Перев. съ польскаго В. М. Лаврова. Цѣна 50 к., съ пересылкою 65 к.
- Де-Мопассанъ, Гюи.** Наше сердце. романъ. Пер. М. Н. Ремезова. Цѣна 1 р.
- Эртель, А. И.** Гарденинн, ихъ двора, приверженцы и враги. Романъ. Ц. 2 р.
- Въ пользу воскресныхъ школъ.** Сборникъ. Цѣна 1 р.
- Послѣ Пушкина.** Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ, составленный и изданный редакціею журнала „Русская Мысль“. Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Подписчики „Русской Мысли“ на всѣ изданія редакціи, кромѣ народныхъ, пользуются уступкою 10%.

- Михайловскій, Н. К.** Щедринъ. (Критическій опытъ). Цѣна 1 руб.
- Короленко, Владиміръ.** Очерки и рассказы. (Шестое изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- Очерки и рассказы. Книга вторая. (Второе изданіе). Цѣна 1 руб. 50 коп. съ пересылкою.
- Слѣпой музыкантъ. Этюдъ. (Третье изданіе). Цѣна 75 коп. съ пересылкою.
- Д-ръ Алексѣевъ, П. С.** О пьянствѣ. Съ предисловіемъ графа Л. Н. Толстого: „Для чего люди одурманиваются?“ Цѣна 1 руб.
- Анютинъ, М. (М. Н. Ремезовъ).** Нашихъ колеѣ годы. Романъ. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
- Корелинъ, М. С.,** проф. Иллюстрированныя чтенія по культурной исторіи. Выпускъ I: Египетскіе боги. Выпускъ II: Средневѣковая церковная готика. Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія для учебническихъ старшаго возраста библиотекъ учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ. Цѣна 1-го вып. 50 коп., 2-го вып. 30 коп.
- Мачтетъ, Григорій.** Силуэты. Томъ второй. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1р. 80 к.
- Богословскій, В. С.,** проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Цѣна безъ пересылки 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 80 к.
- Гольцевъ, В. А.** Вопросы дня и жизни. Цѣна 1 р., съ пересылкою 1 р. 20 к.
- Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Цѣна 1 руб. съ пересылкою.
- Литературные очерки. Цѣна 1 руб. Пересылка за 1 фунтъ по разстоянію.
- Чеховъ, Мих.** Запромъ. Словарь для сельскихъ хозяевъ. Цѣна 1 руб.
- Чеховъ, Ан.** Островъ Сахалинъ. (Изъ путевыхъ записокъ). Ц. 2 р.

Народныя изданія редакціи журнала „Русская Мысль“.

Что такое подати и для чего их собирать? (3-е изданіе). Цѣна 1 коп.
Сенкевичъ, Генрикъ. Янко мутькайт. Цѣна 1 коп.
 — Пойдемъ за нимъ! Переводъ В. Лаврова. М., 1895 г. Ц. 4 коп.

Разсказъ про смутное время на Русь. Цѣна 1 1/2 коп.
Немировичъ-Данченко, Вас. И. Счастье Ивана Непомнящаго. Цѣна 5 к.
Короленко, В. Г. Убивецъ. Цѣна 1 1/2 коп.

Абламскій, Д. Всенощное бдѣніе, вечера и утра, и Божественная литургия св. Іоанна Златоустаго, св. Василия Великаго и Преждедшавящихъ Даровъ св. Григорія Двоеслова. Первый выпускъ круга обычнаго православнаго церковнаго пѣнія, положенаго на ноты на 8 голоса партитурою для хора, фисгармоніи и фортепіано. Кіевъ, 1888 Ц. 1 руб. 75 коп.

Агаповъ, Д. В. Новая тригонометрія. Оренбургъ, 1894 г. Ц. 85 к.

— Подробное рѣшеніе и объясненіе типическихъ задачъ по арифметикѣ. Ц. 50 к.

— Искусственные способы рѣшенія уравненій второй степени со многими неизвестными. Ц. 60 к.

— Рѣшеніе нѣкоторыхъ геометрическихъ задачъ помощью теоремы Агапова. Ц. 35 к.

Аданъ, Юлія. Дурнушка. Романъ. Слб., 1894 г. Ц. 60 к.

Алексѣевъ, А. А. Воспоминанія актера. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, его жизнь и сочиненія. Читаніе для юношества. М., 1877 г. Ц. 75 к.

Альбомъ. Русскіи гимн, М. ф. д. 50 к.; сред. ф. д. 60 к.; больш. ф. д. 75 к.

Альбомъ. Русскіе народы, съ текстомъ. 3 в. М. Ц. по 60 к.

Альбомъ копій съ картинъ русскихъ художниковъ. 2 вып. М. Ц. по 2 р.

Альгрентъ. Деньги. Романъ. Пер. со шведскаго. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Альмедингенъ. Химія. Слб., 1885 г. Ц. 2 р.

— Домашній опредѣлитель поддѣлокъ питательныхъ и др. веществъ. Слб., 1891 г. Ц. 60 к.

— На всякій случай. Научно-популярные софты. 2 ч. Слб., 1892 г. Ц. 50 к.

Аммонъ, д-ръ. Обязанности матери. Гигіена беременности. Уходъ за маленькимъ ребенкомъ. Золотая книжка. Переводъ съ 32 нѣмецкаго изданія. Слб., 1892 г. Ц. 1 р.

Амниторъ, Г., фонъ. За правду и за честь женщины. Противъ Крейдеровой сонаты Л. Н. Толстого. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.

Амфитеатровъ. Психопатъ. Правда и вымыселъ. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Анго, А. Физика. М. 1894 г. Ц. 2 р. 50 коп.

Андрѣ, М. Ф. Упраженія въ тригонометріи. Сборникъ задачъ съ подробными рѣшеніями. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Андерсенъ, Гансъ. Повѣсти и сказки. Новый полный пер. съ датскаго подлинника. 7 в. М., 1894 г. Ц. по 25 к.

Андерсенъ, И. Иллюстрированныя сказки въ 6 томахъ. Слб., 1894 г. Ц. 60 к. за томъ.

Анне, Ж. П. Практическое руководство къ устройству электрич. освѣщенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Анурьевъ, Іоаннъ. Столяръ-самоучка, опытъ, наставленія грамотныхъ поселянъ въ столярныя ремесла. Ц. 15 к.
 — Какъ дѣлаютъ простую мебель. Цѣна 45 к.

— Домашній переплетчикъ. Ц. 10 к.

— Всомогательная книга при возведеніи каменныхъ и деревянныхъ зданій. Вологда, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ардовъ, Е. И. Эскизы. М., 1893 г. Ц. 1 р.

Арендтсъ и Врандтъ. Атласъ естественной исторіи. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Арггеймъ. Математическая географія. Изд. 5-е. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.

Арсеньевъ. Изъ жизни и исторіи. Сборникъ разсказовъ для дѣтей. Слб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к. въ переплетѣ.

Бакина. Блуждающіе огоньки. Сборникъ дѣтскихъ разсказовъ, съ 44 картинками. Слб., 1891 г. Ц. 1 р.

Баранцевичъ, К. С. Родина картинки. М., 1895 г. Ц. 1 р.

— Картинки жизни. 39 разсказовъ Сармата. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Баратынскій, Е. А. Полное собр. соч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

— Полное собраніе сочиненій. Съ портретомъ автора, біографіей и его письмами. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.

Бахтгарова, А. По роднымъ краямъ. Валаамская обитель, съ 3 отдѣльными рисунками. Слб., 1893 г. Ц. 10 к.

Везобразовъ, П. В. Историческія статьи (вып. I). М. 1893 г. Ц. 1 р. 80

— Женскіи духъ невѣсть. Историческій романъ. М. 1894 г. Ц. 40 к.

— О правахъ женщины. М. 1895 г. 1 50 к.

— Публичныя лекціи о современномъ положеніи женщины (3-е изд.). М. 1894 г. Ц. 20 к.

— О назначеніи женщины (2-е изд.). Ц. 20 к.

— Сборникъ государственныхъ знаний, 8 томовъ. Слб., 1880 г. Ц. 24 р.

Везъ, Д-ръ. Построеніе деревянныхъ гѣстивць. 1890 г. Ц. 1 р.

Венциулъ, Альбертъ. Къ вопросу о школьныхъ свамъяхъ. Оффиа. докладъ, съ 22 рис. Пер. А. Федорова. Москва, 1893 г. Ц. 25 к.

Веръ, Альфредъ. Гигіена сифилиса. Общедоступное изложене, какъ предохранить и лечить себя отъ сифилиса. Киевъ, 1893 г. Ц. 50 к.

Вергергофъ, Г. Руководство для драпировщиковъ, обойщиковъ и декораторовъ. М., 1891 г. Ц. 2 р.

Вернетъ, Френсисъ. Исторія маленькаго лорда. Повѣсть для юношества. Слб., 1892 г. Цѣна въ переплетѣ 1 р. 50 к.

Бергеръ, Поль. Слутникъ малокровныхъ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.

Берксенъ, А. Краткій учебникъ химіи (органической). Слб., 1892 г. Ц. 3 р.

Бессонъ, А. Г. О нефтяномъ отопленіи паровыхъ котловъ. Слб., 1888 г. Ц. 1 р. 20 к.

Библиотека ремесленниковъ и кустарей. Окрашиваніе металловъ. М., 1892 г. Ц. 40 к.

— Золоченіе и серебреніе деревян. издѣлій. М., 1890 г. Ц. 1 р. 80 к.

Библиотека экономистовъ. Адамъ Смитъ. Исслѣдованіе о богатствѣ народовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.

Библиотека-крошка. Миниатюрное изданіе, роскошно-отпечатанное, содержащее въ себѣ отдѣльныя произведенія лучшихъ русскихъ писателей: Пушкина, Лермонтова, Грибоедова, фонъ-Визина, Кольцова, Карамзина, Богдановича и мн. др. Киевъ. Изданіе Ф. А. Иогансона. Цѣна 5, 10, 15 и 20 к. за книжку.

Бичеръ-Стоу. Хижина дяди Тома. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.

Благовѣщенскій. Винкельманъ и ходнія эпохи греческой скульптуры. Слб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Блекслей, Т. Т. Переменныя электрическія токи (Руководство для студентовъ и техникувъ). Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.

Блекки. Самовоспитаніе. Изд. 3-е. Слб., 1891 г. Ц. 75 к.

Блекловъ. За фактами и цифрами. М., 1894 г. Ц. 1 р.

Локъ, Морисъ. Матори великихъ людей. Пер. съ франц. Н. М. Дементевой, съ 33 рис. Москва, 1893 г. Ц. 60 к.

Локъ, Ю. Велосипедъ, его значеніе для здоровья, практическое примѣненіе, уходъ за машиною и пр. Изд. 2-ое. М., 1893 г. Ц. въ переплетѣ 2 р.

Оборыкинъ, П. Д. Трупъ. Разсказъ. Москва, 1893 г. Ц. 20 коп.

Богдановъ, профессоръ. Сельско-хозяйственный словарь. Киевъ, 1895 г. Ц. 8 р.

Богдановъ, И. Счетоводство и денежная отчетность земскихъ начальниковъ, городскихъ и мировыхъ судей. М., 1895 г. Ц. 70 к.

Вокль. Исторія цивилизаціи въ Англіи. Переводъ Буйничаго (въ 2-хъ томахъ). Слб., 1895 г. Ц. 2 р.

Вородинъ, И. Весна, русская жизнь и природа. Сборникъ для гѣтскаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

— Краткій учебникъ ботаники. (изд. 3-е). Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.

Воровичъ, Л. А. Практическое руководство къ построенію динамо-машинъ съ постоянными томовъ (Изд. 2-е). Слб., 1894 г. Ц. 3 р.

— Фабричныя паровыя котлы, устройство ихъ и уходъ за ними. Съ 172 пояснительными въ текстѣ. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 коп.

Воттонъ. Электрическія звонки. Практическое руководство для любителей. Слб., 1890 г. Ц. 1 р.

— Какъ сдѣлать простой фонографъ и микрофонъ. Руководство для любителей ремесла, искусства и научныхъ приложеній. М., 1895 г. Ц. 35 к.

Брайсъ, Джемсъ. Американская республика. Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 3 р. 50 к. М. 89; часть II. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.; часть III. Ц. 3 р. 50 к. М. 90 г.

Браунъ, М., проф. Какъ заражаются человекъ паразитами. Киевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

Брикнеръ. Потемкинъ. Слб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.

Бриксъ. Гидравлика. Слб., 1892 г. Ц. 2 р.

Брусилловскій, Е. Одесскіе лиманы и ихъ лечебныя средства 1895 г. Одесса, Ц. 50 к., на веленовой бум. 60 к.

Брюкке, Эрнестъ. Красота и недостатки человѣческихъ формъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 1 р.

Врѣмъ, А. Жизнь животныхъ. 180 выпусковъ. Одесса, 1893 г. Ц. 25 к. за вып.

— Жизнь на сѣверѣ и югѣ (Дополненіе къ соч. „Жизнь животн.“). Слб., 1891 года. Ц. 2 р.

Врѣмъ. Комнатныя пѣвчія птицы. М., 1876 г. Ц. 75 к.

Буанъ, Эмиль. Гальваноопластка, никелированіе, волоченіе, серебреніе и электрометаллургія. Съ 26 рис. Слб., 1895 г. Ц. 90 к.

Буасье, Гастонъ. Римская религія отъ Августа до Антониновъ. Перев. М. Корсака. Ц. 5 р. М., 1878 г.

— Цицеронъ и его друзья. Пер. М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1880 г.

— Паденіе язычества. Пер. кождъ рехъ и съ предисл. М. С. Корелина. Ц. 4 р. М., 1892 г.

- Бугаевъ, Н.** Задачникъ къ арифметикѣ цѣлыхъ чиселъ. М., 1876 г. Ц. 25 коп.
- Задачникъ къ арифметикѣ дробныхъ чиселъ. М., 1877 г. Ц. 30 к.
- Руководство къ арифметикѣ. Цѣлыя числа. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Арифметика дробныхъ чиселъ. Ц. 50 к.
- Бузольтъ, Георгъ.** Очеркъ государственныя и правовыя греческиа древностей. Харьковъ, 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Бутовскій, В. И.** Русское искусство и мнѣнія о немъ Е. Виле-ле-Дюка и Ѳ. И. Буслаява. М., 1879 г. Ц. 1 р.
- Бутсъ, Вильямъ.** Въ трущобахъ Англии. Слб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Бьернстьерне-Бьернсонъ.** 'Новыя вѣянія. Въ 2-хъ ч. Киевъ, 1893 г. Ц. каждой части 35 к.
- Леонарда (драма). Новая система (драма). Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Новобрачные (комедія). 1865 г. Сигурдъ крестоносецъ (драма). 1872 г. Банкротство (драма). 1874 г. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Повѣсти и рассказы. Киевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- По Божьему пути. Романъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Бѣлецкій, И.** Почвовѣдѣніе. Образование почвы, ея составъ и свойства. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Бэръ, Адольфъ.** Исторія всемірной торговли. Пер. Э. Циммермана. М., 1876 г., 8 части, цѣна за нихъ 7 руб. 50 к.
- Бэръ, Поль.** Первые понятія о зоологіи. (8-е изданіе). Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Бюрстенбиндеръ.** Раздѣлка и улучшеніе земель. Руководство для практическихъ хозяевъ. Киевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
- В. В. Артель** въ кустарномъ промислѣ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Очерки теоретической экономіи. Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Наши направленія. Слб., 1893 года. Ц. 1 р. 60 к.
- Прогрессивныя теченія въ крестьянскомъ хозяйствѣ. Слб., 1892 г. Цѣна 1 р. 35 к.
- Итоги экономическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I Крестьянская община. М., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Вагнеръ.** Химическая технологія. Слб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Какъ приобретаются болѣзни желудка. Слб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Вальтеръ-Скоттъ.** Иллюстр. романъ: 1) Замокъ Кенильвортъ; 2) Легенда о Монстроу; 3) Аббатъ; 4) Антикваріи; 5) Астрологъ; 6) Пресвитеріане; 7) Монастырь; 8) Ламермурская невѣста; 9) Черный карликъ; 10) Певерьи Пякъ; 11) Пиратъ; 12) Обрученныя; 13) Веверлей; 14) Карлъ Смэйлъ; 15) Квентинъ Дорвардъ; 16) Перская красавица; 17) Робъ-Рой; 18) Ричардъ Ливное Сердце; 19) Вудстокъ. Слб. 1892 г. Ц. каж. кн. 40 к.
- Квентинъ Дорвардъ. Романъ. М. 1835 г. Ц. 2 р.
- Ванковъ.** Полный карманный техникъ. Слб., 1893 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Турбины. Практическое руководство для техникувъ, сельскихъ хозяевъ (съ 46 рис.). Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Ванъ-Тигемъ.** Общая ботаника (морфологія, анатомія и физиологія растений). Подъ редакцію, съ примѣчаніями и дополненіями Ростовцева, съ предисловіемъ Тимирязева. 477 полт. М., 1895 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Ванклингъ, Альфредъ.** Химія каменноугольно-газового производства. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Варіо, Ж. Дѣтскій докторъ.** Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Вармингъ, д-ръ.** Систематика растений. М., 1893 г. Ц. 5 р.
- Вахтеровъ, В. П.** Всеобщее начальное обученіе. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Веберъ, Георгъ.** Всеобщая исторія. Т. 1. Переводъ Андреева. Ц. 4 р. М. 90 г. Т. 2. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 3. Перев. Андреева. Ц. 5 р. 50 к. М. 92 г. Т. 4. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 5. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 6. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 к. М. 93. Т. 7. Пер. Андреева. Ц. 5 р. М. 94. Т. 9. Пер. Андреева. Ц. 4 р. 50 коп. М. 1888. Т. 10. Пер. Андреева. Ц. 4 руб. М. 1888 г. Т. 11. Пер. Андреева. Ц. 5 руб. 50 коп. М. 1889 г. Т. 12. Пер. Андреева и Невѣдомскаго. Ц. 4 р. 50 к. М. 90. Т. 13. Пер. Циммермана. Ц. 5 р. 50 к. М. 91. Т. 14. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 6 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 1-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 92 г. Т. 15. Часть 2-я. Пер. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М. 93 г., съ портретомъ автора.
- Веберъ, К. К.** Практическое руководство по производству кирпича, черепицы и проч. лицевого товара съ атласомъ. Слб., 1893 г. Ц. 5 р.
- Двигатели и приводы. Практ. руководство къ постройкѣ вѣтровъ и водян. двигателей съ атласомъ. Слб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Канатное и веревочное производство (съ 58 рис. въ текстѣ). Слб., 1895 г. Ц. 75 к.
- Вегеле, Францъ.** Дантъ Алигъери жизнь и сочиненія. Пер. А. В. Ловскаго. Ц. 3 р. М., 1881 г.
- Вегетаріанская кухня.** Насленіе къ приготовленію болѣе 800 блюхъ хлѣбовъ и напитковъ для безубойнаго питанія, съ вступительною статьею значенія вегетаріанства. Изд. 2-е. Слб., 1894 г. Ц. 70 к.
- Вейнбергъ, Павелъ.** Новые

- сказы и сцены. Второе издание. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Вейсъ, Германъ.** Вѣшній бытъ народовъ съ древнѣйшихъ до нашихъ временъ (съ 1945-ю рис. въ текстѣ). Пер. В. Чаева и И. Васильева. Т. I, часть 1-я. Москва, 1873 г.; часть 2-я, Москва, 1874 г. Т. II, ч. 2-я. Москва, 1878 г. Т. III, ч. 1-я и часть 2-я. Москва, 1879 г. По 4 р. за каждую часть.
- Верецагинъ, В. В.** Литераторъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Дѣтство и отрочество. Т. I. М. 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Веселовскій, Ал.** Этюды и характеристики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 75 коп.
- Мюзантропъ. Этюды о Мольтерѣ. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Старинный театр въ Европѣ. Историческіе очерки. М., 1870 г. Ц. 2 р.
- Викторовъ, П.** Ученіе о личности, какъ нервно-психическомъ организмѣ. Вып. I. Ц. 1 р. М. 1887 г.
- Виноградовъ.** Extemporalla съ рус. яз. на латинскій. Кіевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Н. Федовъ.** Діалогъ объ идеѣ „бессмертіе“ философа классической древности Платона. М., 1892 г. Ц. 60 к.
- Виноградовъ, Павелъ.** Учебникъ всеобщей исторіи. Часть II. Средніе вѣка. Изд. 2-ое. М., 1894 г. Ц. 90 к.
- Виргилій, Маронъ.** Энеида, книги 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9. Кіевъ, 1887 г. Ц. 40 к.
- Книга 3-я. Кіевъ, 1892 г. Ц. 85 к.
- Книги 10, 11 и 12. Кіевъ, 1883 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Вирховъ.** Опытательныхъ веществахъ. Спб., 1891 Ц. 50 к.
- Владимірова, А. К. (А. Европеусъ).** Сказки, преданія и легенды всѣхъ временъ и народовъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Водозовъ, В. И.** Книга для первоначальнаго чтенія. Ч. I Ц. 45 к. Ч. II. Ц. 80 к.
- Книга для учителей. Ц. 60 к.
- Русская азбука для дѣтей. Ц. 30 к.
- Руководство къ русск. азбукѣ. Ц. 20 к.
- Дѣтскіе рассказы и стихотворенія съ картинками. Ц. 75 коп.
- Рассказы изъ русской исторіи Вып. I. Ц. 40 к. Вып. II. Ц. 60 к.
- Предметы обученія въ народной школѣ (для учителей). Ц. 70 к.
- Словесность въ образцахъ и разборахъ. Ц. 1 р. 25 к.
- Новая русская литература. Ц. 1 р. 25 к.
- Очерки изъ рус. исторіи XVIII в. Ц. 1 р. 50 к.
- Русскія сказки въ стихахъ съ картинками въ переплетѣ. Ц. 1 р. 50 к.
- Переводы въ стихахъ и оригинальными стихотворенія. Ц. 1 р. 50 к.
- Водозова, Е. Н.** Жизнь европейскіхъ народовъ. Ч. I. Жители юга (съ 26 рисунк.). Изд. 4-е. Ц. 3 р. 75 к., въ переплетѣ 4 р. 55 к. Ч. II. Жители сѣвера. (съ 24 рис.). Изд. 3-е. Ц. та же. Ч. III. Жители средней Европы. Спб.
- На отдыхѣ. Иллюстрирован. рассказы для мал. дѣтей. (40 рис.). Ц. 1 р.; въ папкѣ 1 р. 35 к. Спб.
- Изъ русской жизни и природы. Рассказы для дѣтей (изд. 6-е). Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. Спб.
- Умственное и нравственное развитіе дѣтей отъ перваго проявленія сознанія до школьнаго возраста (Изд. 4-е совершенно переработаное). Спб. Ц. 2 р.
- Одноголосныя дѣтскія пѣсни. (Музыка Рубца). Изд. 5-е. Спб., Ц. 1 р.
- Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ. Англичане. Ц. 40 к.
- Турки. Спб., Ц. 40 к.
- Войнаровский, П.** Устройство въ домахъ электрическаго освѣщенія, телефоновъ, электрическихъ звонковъ и другихъ примѣненія электричества въ домашнемъ быту. М., 1892 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Войславъ, С.** Развѣдки пластовыхъ мѣсторожденій полезныхъ ископаемыхъ посредствомъ шурфованія. Спб., 1886 г. Ц. 2 р. 40 к.
- Расчетъ и построение частей машинъ и передаточныхъ механизмовъ. Текстъ съ атласомъ въ 76 таблицъ. Спб., 1885 г. Ц. 4 р.
- Уходъ за паровыми котлами. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Волкенштейнъ, П. Е.** Садовый словарь. Спб., 1889 г. Ц. 4 р.
- Вориггоферъ, С.** Сказочная страна. Пер. съ нѣмецк. Ц. 2 р. 75 к. въ роскош. переплетѣ.
- Образовательное путешествіе (изд. 2-е). Спб., 1892 г., съ рисунками въ текстѣ. Ц. 2 р. 25 к.
- Черезъ дѣбри и пустыни. Скитанья молодого бѣглеца. Спб., 1894 г. (2-ое изд.). Ц. 1 р. 50 к.
- Приключеніе контрабандиста. Спб., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Вундтъ, Вильгельмъ.** Лекціи о душѣ человѣка и животныхъ (Пер. со 2-го нѣмецк. изд.). Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Душа и мозгъ. Одесса. 1895 г. Ц. 20 к.
- Гаварре, Ж.** Теорія Гаусса, примѣненная къ сферическимъ зеркаламъ и стекламъ. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гавкинъ, Н. Я.** Карманный словарь иностранныхъ словъ. Изд. 4-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Гаймъ, Р. Гердъ,** его жизнь и сочиненія. Перев. В. Н. Невѣдомскаго. Т. I. ц. 5 р. и Т. II ц. 5 р. М., 1888 г.
- Романтическая школа въ Германіи. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 5 р. М., 1891 г.
- Гамбургеръ, В.** Архитекторская команда. Очеркъ московскихъ учреждений по строительному дѣлу. Москва, 1894 г. Ц. 40 коп.

- Гано, А.** Полный курс физики (въ 2 ч.). Слб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Магнетизмъ и электричество. Слб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гарейсъ, Карлъ.** Германское торговое право. Краткій учебникъ дѣйствующаго въ Германіи торговаго, вексельнаго и морского права. Съ четвертаго, вновь переработаннаго и значительно измѣненнаго нѣмецкаго изданія 1892 г., перев. Н. И. Ржондковскій, товар. предсѣд. московскаго коммерческаго суда, подъ редакціей проф. Московскаго университета Н. О. Нерсевова. Вып. первый. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Гаринъ, Н.** Дѣтство Тѣмн. Москва, 1894 г. Ц. 60 к.
- Гартманъ, Эдуардъ.** Сущность мирового процесса или философія безсознательнаго. Пер. А. А. Козлова. Вып. 2-й. Ц. 2 р. 50 к. М., 1875 г.
- Гартвигъ.** Воздухъ и его жизнь. М., 1875 г. 2 р. 50 к.
- Гаспари, Альфредъ.** Исторія итальянской литературы. Т. I. Итальянская литература среднихъ вѣковъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Гегаръ-Альфредъ.** Половое влеченіе. Одесса, 1895 г. Ц. 75 к.
- Гейнце, Н. Э.** Коронованный рыцарь. Историческій романъ изъ временъ царствования императора Павла I. Въ 3 частяхъ. Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Князь тавриды. Историческій романъ. Въ 3 частяхъ. Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Аракчеевъ. Историческій романъ XIX столѣтія. Въ 2 томахъ и 6 частяхъ. Изданіе второе. Слб., 1895 г. Ц. за оба тома 2 р.
- Гервинусъ.** Автобіографія (съ 4 портретами) Москва, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Герценштейнъ, М.** Кредитъ для земствъ и городовъ. М., 1892 г. Ц. 75 к.
- Герценъ, А.** Общая физиологія души (2 изд.). 1894 г. Ц. 75 к.
- Гердеръ.** Нѣмецко-русскій словарь важнѣйшихъ техническихъ терминовъ употребленныхъ при описаніи и опредѣленіи растеній. Слб., 1881 г. Ц. 50 к.
- Германъ, Ф. Л., д-ръ.** Какъ глѣдѣлись московскіе цари. Медико-историческій очеркъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 45 к.
- Гертвигъ, Оскаръ.** Клетка и тканя. Основы общей анатоміи и физиологіи (168 рис. въ текстѣ). Слб., 1894 г. Ц. 3 р.
- Геттнеръ, Г.** Исторія всеобщей литературы XVIII в. Т. III, кн. 1. Пер. А. Пыпина и А. Плещеева. Ц. 2 р. М., 1872 г.
- Гефдингъ, Г.** Очерки психологіи. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гиббонъ, Эдуардъ.** Исторія упадка и разрушенія Римской имперіи (съ портретомъ автора). Пер. Невѣдомскаго. Часть I. Ц. 4 р. М. 83 г.; часть II. Ц. 4 р.; М. 83 г.; часть III. Ц. 4 р. М. 84 г. часть IV. Ц. 3 р. 50 к. М. 84 г.; часть V. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VI. Ц. 3 р. 50 к. М. 85 г.; часть VII. Ц. 3 р. 50 к. М. 86 г.
- Гизо.** Исторія цивилизаціи во Франціи. Т. III и IV. Пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1881 г.
- Гильти, К.** Счастье. Популярныя очерки по нравственной философіи. Изд. 2-е Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Гинтервальднеръ.** Руководство къ составленію естественно-научныхъ коллекцій. Слб., 1892 г. Ц. 3 р.
- Глинскій, Б.** Биографическій очеркъ о Николаѣ Мих. Ядринцевѣ. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Гнейстъ, Рудольфъ.** Исторія государственн. учрежд. въ Англіи. Перев. подъ редак. С. А. Венгерова. Ц. 4 р. 50 к. М., 1885 г.
- Говсѣева, А. А.** Симуляція душевныхъ болѣзней и патологическое притворство. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гоголь, Н. В.** Сочиненія въ 5-ти том. Изд. двѣнадцатое. Слб., 1894 г. Ц. 6 руб. Въ переплетѣ. Ц. 8 р. 50 к.
- Головачевъ.** Десять лѣтъ реформъ. Слб., 1872 г. Ц. 3 р.
- Исторія желѣзно-дорожнаго дѣла. Слб., 1881 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Вопросы государственнаго хозяйства. Слб., 1873 г. Ц. 1 р.
- Головачева-Панаева.** Русскіе писатели и артисты 1824—1870 гг. Слб., 1890 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Гольдсмитъ, Оливеръ.** Векфильдскій священникъ. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Гольцендорфъ, Ф., проф.** Общественное мнѣніе. Слб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Головъ, Д.** Двигатели малой силы для промышленности и сельскаго хозяйства (съ 95 рис. въ текстѣ). Слб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Гоніондзскій, Э. А.** Краткій очеркъ добыванія и обработки каучука и гуттаперчи. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Машины и станки для обработки картона. Съ 40 рис. М., 1894 г. Ц. 15 к., съ пер. 25 к.
- Гораций Сатиры.** Переводъ съ подстрочн. словаремъ. 2-е изд. Кіевъ, 1891 г. Ц. 60 к.
- Оды. Переводъ I-й и II-й книги. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- III и IV книги. Изд. 2-е, 60 к. Сахаровъ. Кіевъ, 1898 г. Ц. 60 к.
- Горбуновъ.** Программы мужскихъ и назвй и прогимназій. Изд. 2-е. М., 1891 Ц. 55 к.
- Программы городскихъ училищъ. II 4-е. М., 1893 г. Ц. 35 к.
- Программы реальныхъ училищъ. II 2-е. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Горкевичъ, Л.** Руководство къ преподаванію русскаго языка на латинс-

- Гай Саллюстий Криспъ. Югуртинская война. Борисоглбскъ, 1893 г. Ц. 45 к.
- Горнь, Винкель.** Исторія скандинавской литературы. Пер. К. Бальмонта. Ц. 2 р. 50 к. М., 1894 г.
- Госпиталье, Э.** Электричество въ домашнемъ быту (со многими рисунками). Слб., 1886 г. Ц. 2 р.
- Главнѣйшія приложенія электричества (2 изд.). Слб., 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Гофштеттеръ, И.** Доктринеры капитализма (по поводу книги г. Струве: „Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи). Слб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Грабинъ, А. Т.** Воздушные замки. Комическій этюдъ. 2-е изд. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Гравинкель.** Справочная книга для электротехниковъ. Слб., 1893 г. Ц. 4 р. 80 к.
- Гранатъ, А., и К^о.** Настольный энциклопедическій словарь, 8 т. или 108—115 вып. М., 1894 г. Ц. вып. на обыкновенной бумагѣ ц. 30 к., на лучшей бумагѣ ц. 40 к. Тому въ изящ. колен. пер., ц. 5 рублей, безъ переплета п. 4 р. 50 к., на лучшей бумагѣ безъ переплета ц. 5 р. 60 к., въ изящн. колен. пер. 6 р.
- Грегуаръ, Л.** Исторія Франціи въ XIX вѣкѣ. Пер. подъ редакціей Лучицкаго. Т. I. Ц. 4 р. М., 1893 г. Т. II. Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Григоровичъ, И. И.** Очерки новѣйшей исторіи (6-е изданіе). Слб., 1892 года. Ц. 2 р.
- Гриммъ.** Книжки I и II въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжки III и IV въ переплетѣ. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Книжка I млад. возр., безъ пер. М. 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка II млад. в., б. пер. М., 1893 г. Ц. 20 к.
- Книжка III, IV и V-я сред. воз. М., 1893 г. Ц. по 20 к.
- Гриммъ, братья.** Сказки. 13 вып. М., 1894 г. Ц. по 20 к. вып.
- Гриммъ, Д.** Очерки по ученію объ обогащеніи. Слб., 1893 г.
- Гринъ, Джонъ.** Исторія англійскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I. Ц. 3 р. М., 91 г. Т. II. Ц. 2 р. 50 к. М., 92 г. Т. III. Ц. 2 р. 50 к. М., 92. Т. IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 1892 г.
- Громека М. С.** О Л. Н. Толстомъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Гротъ, Н. Я.** Основные моменты въ развитіи новой философіи. Москва, 1894 г. Ц. 60 коп.
- Грэхэмъ, Ж. Ж.** Русо. Его жизнь, произведенія и окружающая среда. М., 1890 г. Ц. 1 р.
- Губеръ.** Механика. Изд. 2-е. Слб., Гулишамбаровъ. Нефтяное отопле-
- ніе пароходовъ, паровозовъ, котловъ и проч. (3-е исправлен. и дополнен изд. съ 150 рис.). Слб., 1894 г. Ц. 3 р. 1891 г. Ц. 3 р.
- Гурляндъ.** Римскій юристъ Гай и его сочиненія. Ярославль, 1894 г.
- Густафонъ, Р.** Сказки. Переводъ съ шведск. изданія. Слб., 1885 г. Ц. 1 р. 25 к., въ роск. перепл.—1 р. 75 к.
- Густавсонъ.** Двадцать лекцій агрономической химіи. Курсъ читанный въ Петровской земледѣльческой академіи. Второе изд. М., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гюббаръ, Гюставъ.** Исторія современной литературы въ Испаніи. Переводъ Ю. В. Дюпельмайеръ. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Гюго, Викторъ.** Сочиненія въ двухъ томахъ. Слб., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к. за оба тома.
- Собраніе стихотвореній въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. II. Центральная книжная торговля въ Тифлисѣ, 1895 г. Ц. 20 к. за каждый выпускъ.
- Отважный предводитель негровъ Бюгъ-Жаргаль. Слб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Собраніе стихотвореній, въ переводахъ русскихъ писателей. Вып. III. Тифлисъ, 1895 г. Ц. каждаго выпуска 20 к.
- Стихотворенія. Вып. IV. Тифлисъ, 1895 г. Ц. 20 к. за вып.
- Данилевскій, Г. П.** Сочиненія въ 9-ти томахъ. (Изд. 7-е). Слб., 1892 г. Ц. 15 руб.
- Данилевскій, Александръ.** Основное вещество протоплазмы и его видоизмѣненія живью. Слб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Данте, Алигьери.** Божественная комедія. Адъ. Съ 68 рис. французскихъ художниковъ. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Божественная комедія. Чистилище. Съ 72 рис. франц. худож. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Божественная комедія. Рай. Съ 74 рис. франц. худож. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Дебо, Эмиль.** Чудесное въ наукѣ. (Популярная физика). М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Декандолль, Альфонсъ.** Мѣсто-происхожденіе воздѣлываемыхъ растений. Слб., 1885 г. Ц. 3 р. 60 к.
- Дерюжинскій, В. Ф.** Habeas Corpus Актъ и его приостановка по англійскому праву. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Демосеенъ.** Оливескія рѣчи. Первая рѣчь противъ Филиппа. Изд. 3-е. Кіевъ, 1893 г. Ц. 65 к.
- Рѣчи противъ Филип. (2, 3 и 4). Кіевъ, 1889 г. Цѣна 60 к.
- Дефюэ.** Робинзонъ Крузо, 1 и 2 ч. М., 1888 г. Ц. за обѣ ч. 4 р.
- Джабадари, И. С.** Смертная казнь въ связи съ правомъ наказанія. Слб., 1895 г. Ц. 50 к.

- Джеромъ, К.** Праздныя мысли дѣтямъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 50 к.
- Диккенсъ, Чарльзъ.** Пол. соб. соч. 6 т. Спб., 1894 г. Ц. каждаго тома 1 р. 50 к.
- Длусскій.** Стенографія. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Добкевичъ, В.** Конспектъ по уголовному процессу. Составить примѣнительно къ программѣ юридической комиссіи по судебнымъ уставамъ императора Александра II. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Доброе дѣло.** Сборникъ повѣстей и рассказовъ К. Баранцевича, А. Барнковой, Н. Гарина, П. Засодимскаго, В. Короленка, Н. Лѣскова, Д. Мамина-Сибиряка, Н. Минскаго, И. Потапенка, Н. Рубакина, А. Стерня, С. Филиппова. Москва, 1894 г. Ц. 90 к.
- Добротворскій, П.** Рассказы, очерки и наброски. Спб., 1888 г. Ц. 1 р.
- Додоновъ, А. М.** Руководство къ правильной постановкѣ голоса и изученію искусства пѣнія. М., 1891 г. Ч. I. Ц. 50 к. Ч. II, практическая, М., 1895 г. Ц. 1 р. 80 к. Одобрено Петербургской и Московской консерваторіями.
- Дройзенъ, И. Г.** Исторія эллинизма. Пер. М. Шагунова. Т. I, ч. 8 р. 50 коп. М., 1891 г.; т. II, ч. 3 руб. М., 1893 г.; т. III, перев. Э. Циммермана. Ц. 4 р. 50 к. М., 1893 г.
- Дрперъ, Дж. В.** Исторія умственного развитія Европы, въ 2-хъ томахъ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Дѣтское Чтеніе.** XXV. Юбилейный номеръ. 1869—1894. Редакторъ П. В. Голяховскій. Спб., 1894 г.
- Дювернуа, А.** Словарь болгарскаго языка въ 9 т. М., 1889 г. Ц. 18 р.
- Объ историческомъ наслоеніи въ славянскомъ словообразованіи. М., 1867 г. Ц. 2 р.
- Станиславъ Зноемскій и Янъ Гусъ. М., 1871 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Блаженный Месодій, первоучитель славянской Рѣчи, произнесенная въ университетѣ на празднествѣ тысячелѣтія для кончины бл. Месодія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Матеріалы для словар. древне-русскаго языка. М., 1894 г. Ц. 8 р.
- Дюмуленъ.** Цвѣтная фотографія. Воспроизведеніе краснокъ фотографіей. М., 1895 г. Ц. 70 к.
- Евневичъ.** Гидравлика. Изд. 2-е. Спб., за два тома 6 р.
- Европейская бібліотека.** Генрихъ Ибсенъ. Стасливецъ. Спб. 1894 г. Ц. 40 к.
- Избранныя мысли Сафара. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Коппе, Франсуа: „Генриетта“. Спб., 1894 г. Ц. 25 к.
- Тенъ, Ипполитъ: „Бальвакъ“. Спб., 1894 г. Ц. 30 к.
- Золя, Эмиль: „Завѣтъ матери“. Спб., 1894 г. Ц. 40 к.
- Ежегодникъ.** Обзоръ книгъ для народнаго чтенія и народныхъ картинъ 1893 г. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Елпатьяевскій, С. Я.** Очерки Сибири. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Ечинацъ, А.** Методика новыхъ линковъ и американскій разговорный методъ. Для учителей, родителей и учениковъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.
- Жакъ, Э.** Сборникъ физическихъ задачъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Желанскій, А.** Скамья и кафедр. Рассказы изъ гимназической жизни семидесятихъ годовъ. М., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Женъ, Рудольфъ.** Шекспиръ, его жизнь, сочиненія. Переводъ А. Н. Веселовскаго, съ примѣчан. Н. Стороженка. М. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Жоржъ-Зандъ.** Замокъ Вильпра. М., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Жуковъ, Николай.** Электрометаллургія и обработка металловъ электрическимъ токомъ. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Жюль Вернъ.** Гекторъ Сервалакъ, путешествіе въ солнечномъ мірѣ. Пер. Самойловичъ. Москва, 1887 г. Цѣна 2 р. 50 коп.
- Жѣ.** Задачи по физикѣ. М., 1892 г. Ц. 2 руб.
- Заблудовскій и Таненбаумъ.** Другъ кочегара. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.
- Забѣлинъ, И.** Кунцево и древній Сѣтунскій станъ. М., 1873 г. Ц. 2 р.
- Замысловатый квадратъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 25 к., пересылка за 1 ф. по расстоянію.
- Записки желудка.** Переводъ съ 10-го англійскаго изданія. Спб., 1891 г. Ц. 50 к.
- Засодимскій, П. В.** Задумевныя рассказы въ 2-хъ томахъ (изд. 2-с). Спб., 1894 г. Ц. 1 т. 1 р. 50 к., II т. 2 р. въ роскошномъ перепл.
- Затруднительное путешествіе.** (Игра-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Спб., 1894 г. Цѣна 15 коп., съ пересылкой 25 коп.
- Законы о векселяхъ и упрощенный порядокъ судопроизводства.** (Изданіе неоффиц.). М., 1894 г. Ц. 30 коп.
- Зелинскій, В.** Собраніе критическихъ матеріаловъ для изученія произведеній И. С. Тургенева. Изд. 2-е. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Справочникъ по русскому правопінію. Вып. I, изд. 7-е. М., 1893 Ц. 50 к.
- Справочникъ по русскому правопінію. Вып. II. М., 1892 г. Ц. 50 к.
- Грамматическій задачникъ для именныхъ и устныхъ упражненій. II. 3-е. М., Ц. 25 к.

- Зрительный диктантъ. Ч. I, изд. 5-е. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Зрительный диктантъ. Ч. II, изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Справочный словарь буквѣ В. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Корнесловъ русскаго языка. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Хрестоматія для объяснительнаго чтенія. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Методическія указанія и образцовые уроки по преподаванію русской элементарной грамматики. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Методическія указанія и примѣрные уроки по объяснительному чтенію. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Обученіе грамотѣ по звуковому способу. М., 1893 г. Ц. 1 р.
- Критическій комментарий къ сочиненію Ф. М. Достоевскаго, три части. М., 1894 г. Цѣна по 1 руб.
- Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ, три части. М., 1887 г. Цѣна по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ С. Пушкина, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Л. Н. Толстого, три части. М., 1888 г. по 1 руб.
- Русская критическая литература о произведеніяхъ Н. В. Гоголя, двѣ части. М., 1889 г. Ц. по 1 руб.
- Критическіе разборы романа Тургенева „Отцы и дѣти“. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Критическіе разборы романа Достоевскаго „Братья Карамазовы“. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. I. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Критическіе комментаріи къ соч. А. Н. Островскаго. Ч. II. Ц. 1 р. М., 1895 г.
- Землеръ, Генрихъ.** Чай, разведеніе его въ Китаѣ, Индіи, Японіи и на Кавказѣ. М., 1890 г. Ц. 75 к.
- Земмерфельдъ, Т., д-ръ.** Какъ предохранить себя и своихъ дѣтей отъ скарлатины, дифтерита, чохотки, тифа и друг. заразныхъ болѣзней. Врачъ въ домѣ. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зиберъ, Н. И.** Очерки первобытно-экономической культуры. Ц. 4 р. 50 к. М., 1888 г.
- Златовратскій.** Новые рассказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Золя, Эмиль.** Серия романовъ Руоны-Макваръ. Кіевъ, 1894 г. Ц. 21 р.
- Зонтагъ.** Болѣзни желудка и кишечк. Одесса, 1895 г. Ц. 30 к.
- Зудерманъ, Г.** Честь. Комедія въ 4-хъ д. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Родина. Драма въ 4-хъ д. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Свадьба Юланты и др. рассказы. М., 1895 г. Ц. 40 коп.
- Зутнеръ, Берта.** Долой оружіе. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
- Ибсенъ, Генрикъ.** Привѣднія (Драма въ 3 актахъ), переводъ Бальмонта. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ивановъ, Ив.** Политическая роль французскаго театра въ связи съ философій XVIII-го вѣка. М. 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Иванюковъ, И.** Паденіе крѣпостного права въ Россіи. Спб., 1882 г. Ц. 3 руб.
- Политическая экономія. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 3 р.
- Основныя положенія теоріи экономической политики съ Адама Смита до настоящаго времени. Изд. 3-е. М., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Игерингъ, Рудольфъ.** Борьба за право. Пер. Волкова. М., 1874 г. Ц. 75 к.
- Изъ дневника Аміеля.** Пер. съ фр. М. Л. Толстой. Спб., 1894 г. Ц. 35 к.
- Иллюстрированная сказочная бібліотека.** 30 сказокъ Андерсена, въ переводѣ Порозовской, со множествомъ рисунковъ. Цѣна каждой книжки отъ 5 до 20 коп. 6 сказокъ Гауфа. Ц. та же. Спб., 1894/5 года.
- Иллюстрированная пушкинская бібліотека** (Изд. Павленкова), состоящая изъ 40 книжекъ со многими иллюстрац., цѣною отъ 2 к. и дороже (изд. 2). Спб., 1891 г.
- Иллюстрированная Лермонтовская бібліотека** (изд. Павленкова), состоящая изъ 30 книжекъ, цѣною отъ 2 коп. и дороже. Спб., 1891 г.
- Ингремъ, Джонъ.** Исторія политической экономіи. Пер. подъ редакціей Янжула. Ц. 1 р. 50 к. М., 1891 г.
- Капля.** Электричество. Изд. 3-е. Спб., 1894 г. Ц. 5 р.
- Казотъ.** Влюбленный дьяволъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Камаровскій, Л., проф.** Война или миръ? Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Канониковъ.** Руководство къ химическимъ изслѣдованіямъ питательныхъ и вкусовыхъ веществъ. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.
- Канторовичъ, Я.** Литературная собственность. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Кантъ, Иммануиль.** Прологомены ко всякой будущей метафизикѣ. Изд. 2-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Кандезъ, Ф.** Приключеніе сверчка. Спб., 1889 г. Цѣна въ роскошн. переплетѣ 2 р. 50 к.
- Карасевъ, А.** Музыкальная хрестоматія. Ч. I. Дѣтскій возрастъ. М. Ц. 40 к. Тоже часть II. Ц. 60 к.
- Каронинъ** (Петропавловскій). Рассказы. 8 т. М., 1890 г. Ц. каждого тома 1 р. 50 к.
- Каро, Ф.** Пессимизмъ въ XIX в. Изд. 2-ое. М. 1893 г. Ц. 1 р.,

- Современная критика и причины ея упадка. М. 1883 г. Ц. 30 к.
- Карышевъ, Ив. А.** Православно-христианскій взглядъ на основанія, принятія гр. Л. Н. Толстымъ для своего лжеученія, изложеннаго въ его сочин. „Въ чемъ моя вѣра“. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Духовно-нравственный мѣръ въ чело-вѣкъ по учению св. православной вѣры. М., 1891 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Каррьеръ, Морицъ.** Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры и идеаловъ чело-вѣка. Пер. Е. Корша. Т. I, ц. 3 р. Москва, 1870 г. Т. II, ц. 3 р. 50 к. Москва, 1871 г. Т. III, ц. 5 р. 50 к. Москва, 1874 г. Т. IV, ц. 4 р. Москва, 1874 г.
- Каръевъ, Н., проф.** Роль идей, учрежденій и личности въ исторіи. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Каццолино, Пр.** Гигіена уха. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- КВИКЪ.** Реформаторы воспитанія. Перев. и передѣлка З. Перцовой. Москва, 1893 г. Ц. 2 р.
- Квитка-Основьяненко.** Папъ Халавскій. Миниатюрное изданіе Ф. А. Югансона. Кіевъ, 1893 г. Ч. I-я и 2-я. Ц. 50 к.
- Драм. соч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 35 к.
- Малороссійскія повѣсти, рассказанныя Грычкомъ Основьяненко. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Кенигсбергъ, М. М.,** д-ръ медиц. Главныя основы анатоміи, физиологіи и гигиены въ научно-популярныхъ бесѣдахъ. Съ предисловіемъ профессора Эрисмана и 38 рисунками въ текстѣ. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 2 р.
- Кесслеръ.** Синтаксисъ латинскаго языка для гимназій. Изд. 6-е. 1888 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Киландъ, Александръ.** Ядъ. Фортунъ (два романа). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кингсфордъ, Анна, докт. мед.** Научныя основанія вегетарианства. Пер. съ англ. М., 1893 г. Ц. 30 коп.
- Кистяковский, А. Ѳ.** Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Третье изданіе. Кіевъ, 1891 г. Часть общая. Цѣна 4 р.
- Кнейпшъ, Севастьянъ.** Мое водоченіе. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Кобеко, Цесаревичъ Павелъ Петровичъ.** Изд. 3-е. Спб., 1887 г. Ц. 3 р.
- Кобельдъ.** Таблицы. Изд. 2-е. Спб. 1894 г. Ц. 1 р.
- Ковалевская, Софія, и Лефлеръ, А.** Борьба за счастье. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Ковалевскаго, М.** Очеркъ происхождения семьи и собственности. Лекціи, читанныя въ Стокгольмскомъ университетѣ. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Коломбо, маркиза.** Красавица. Рассказъ. Перев. съ итальян. М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Коломбъ, Ж.** Дѣдушкина внучка. Съ французскаго. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб. въ роскошн. переплетѣ.
- Кольбе.** Введеніе къ учению объ электричествѣ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Колъ, Л.** Дѣтство и юность великихъ людей (Важнѣйшіе эпизоды и выдающіяся приключенія въ ихъ жизни). Съ 57 рис. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Корелинъ, М. С.** Ранній итальянскій гуманизмъ и его историографія. Вып. I и 2. М., 1892 г. Ц. за оба выпуска 6 р.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь. 25 выпусковъ. Ц. каждаго вып. 40 к. М. 1892—1895 гг. (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнетъ, Г.** Какъ уберечь себя отъ чашочки. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.
- Коропчевскій, Д. А.** Люди. Этнографическіе очерки. Съ картой Африки. М., 1886 г. Ц. 65 к.
- Короленко.** Голодный годъ. Изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Въ дурномъ обществѣ. Москва, 1894 г. Ц. 35 к.
- Корсакъ, Марія.** Первоначальныя уроки русской грамматики. Ц. 60 коп. М., 1878 г.
- Коршъ.** Всеобщая исторія литературы. Томъ III. Спб., 1888 г. Ц. 5 р.
- Томъ IV. Спб., 1888 г. Ц. 6 р. 50 к.
- Коренблитъ, А. И.** Нѣмецко-русскій техническій словарь 5 вып. (1 г.). Ц. каждаго вып. 40 к. М., 1892—1895 года (всего будетъ 35—40 выпусковъ).
- Корнигъ.** Нервный вѣкъ и нервное поколѣніе. Одесса, 1894 г. Ц. 40 к.
- Гигіена цѣломудрія. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Корфъ, Н. А.** Нашъ другъ, книга для чтенія въ школь и дома (16 изд.). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Костычевъ, П.** Общедоступное руководство къ земледѣлію (Изд. 2). Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Обработка и удобрение чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Ученіе объ удобреніи почвъ. (Изд. 2). Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Котельниковъ, М. Г.** Справочная книжка по винокурению для лицъ эдизнаго надзора. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Котельниковъ.** Начальныя свѣдѣнія по скотоводству (Изд. 3). Спб., 1893 г. Ц. 40 к.
- Бѣсныя по земледѣлію. Вып. I. О пшѣ. 1893 г. Вып. II. Объ удобреніи. 1894 г. Вып. III. Травосѣяніе 1894 г. Вып. IV. О сѣменахъ и посѣвѣ, 1894 г. Вып. V. О воздѣлываніи хлѣбовъ. 1894 г. Вып. VI. Широколиствен. мучнистая стѣня. 1892 г. Вып. VII. О воздѣлываніи картофеля и корнеплодовъ. 1894 г. Цѣна кажд. вып. 30 к.
- Коченовскій.** Краткое руководство къ простому изслѣдованію сельско-

- зайственныхъ матеріаловъ и продуктовъ. Киевъ, 1894 г. Ц. 80 к.
- Краткій курсъ кожныхъ и венерическихъ болѣзней.** Составленный примѣнительно къ программѣ испытательной медицинской комиссіи. Киевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Краффтъ-Эбингъ.** О здоровьѣ и большихъ нервахъ. М., 1885 г. Ц. 75 к.
- Судебная психопатологія (Перевезъ А. Черемшанскій). Спб., 1895 г. Ц. 5 руб.
- Крестовскій, В.** (псевдонимъ). Альбомъ, группы и портреты. Спб., 1889 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Кривенко, Н.** Бесѣды о рогатомъ скотѣ. М., 1892 г. Ц. 70 к.
- Криста, М.** Конецъ крейцеровою сонаги Льва Толстого. Спб., Ц. 30 к.
- Криницкій, Маркъ.** Въ туманѣ. Москва, 1895 г. Ц. 40 к.
- Крихлеръ, Францъ.** Породы собакъ. Описание всѣхъ породъ собакъ: охотничьихъ, сторожевыхъ, защитныхъ и компаньихъ. Дрессировка собакъ. Лѣчебникъ собакъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Кругловъ, А. В.** Свои-чужіе. Романъ. Киевъ, 1893 г. Цѣна 1 р.
- Подъ колесомъ жизни. Повѣсти и рассказы. Киевъ, 1894 г. Цѣна 1 р.
- Незабудки. Рассказы и стихотворенія для дѣтей. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к., въ роскошн. перепл.—2 р.
- Вечерніе досуги. Сборникъ дѣтск. рассказ. и стихотвореній, съ 45 рисунк. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Добрымъ дѣтямъ иллюстрированныя рассказы въ прозѣ и стихахъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Крыловъ, И. А.** Избранныя басни для школы и народа. М., 1895 г. Ц. 8 к.
- Ксенофонтъ.** Анабазисъ. Подстрочн. пер. Кремера. Книга I-я, изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книга II-я, изд. 3-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Книга III-я, и IV-я, изд. 2-е. Киевъ, 1892 г. Ц. 60 к.
- Книга V-я, VI и VII. Киевъ, 1892 г. Ц. 1 р.
- Куглеръ, Францъ.** Руководство къ исторіи искусства, обработан. Любе. Пер. Е. Корша. Ч. I, съ 320 рисунк. въ текстѣ, ц. 5 р. М. 1869 г.; т. II, ц. 5 р. съ 167 рис. М. 1870 г.
- Руководство къ исторіи живописи со времени Константина Великаго. Перев. И. К. Васильева, съ портрет. автора. Ц. 7 р. М., 1872 г.
- Кузьминскій, К. Н.** Устройство сценъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Кулагинъ Н.** Настѣкомья, вредныя для сада и огорода въ средней и сѣверной Россіи (Изд. 2-е). Спб., 1894 г. Ц. 50 к.
- Кулешовъ, П.** Свиноводство. М. 1893 г. Ц. 1 р.
- Кошеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Научныя и практическія основанія подбора племенныхъ животныхъ въ овцеводствѣ. М. 1890 г. Ц. 2 р.
- Куно - Фишеръ.** Лессингъ, какъ преобразователь нѣмецкой литературы. Пер. И. П. Рассадина. Ц. 1 руб. 25 к. М., 1882 г.
- Аргуръ Шоненгауеръ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Курбскій, А. С.** Русскій рабочий у сѣверо-американскаго плантатора. Спб., 1875 г. Ц. 2 р.
- Курціусъ, Эрнстъ.** Т. II, пер. А. Веселовскаго. Ц. 5 р. М., 1883 г. Т. III, пер. М. Корсакъ. Ц. 4 р. М., 1880 г.
- Лабрюеръ, Жанъ.** Характеры или нравы этого вѣка (съ предисловіемъ Превю-Парадоля и Севтъ-Бѣва). Спб., 1890 г. Ц. 2 р.
- Лабула, Эдуардъ.** Голубія сказки. Въ роскошномъ переплетѣ съ 150 рисунк. Спб., 1894 г. Ц. 8 р.
- Лавелъ, Эмиль.** Балканскій полуостровъ. Пер. Н. Е. Васильева. Ц. 6 р. М., 1889 г.
- Лависъ, Э.** Общій очеркъ политической исторіи Европы. М., 1891 г. Ц. 50 к.
- Лампрехтъ, Карлъ.** Исторія германскаго народа. Пер. П. Николаева. Т. I (части 1 и 2). Ц. 4 р. М., 1894 г.
- Ландцертъ, В. П.** Спутникъ по Россіи. Дѣтнее движеніе. М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Леббокъ, Дж.** Красота природы и чудеса міра. Пер. подъ ред. А. М. Павлова, съ 36 полит. Ц. 1 р. 50 к. М., 1893 г.
- Радости жизни. Второе исправленное и дополненное изданіе. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лѣбе, В.** Молочное хозяйство, молочный скотъ, маслосѣдье и сыровареніе. Съ 42 рис. въ текстѣ. Спб., 1895 г. Ц. 90 к.
- Лѣвенфельдъ, Л.** Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.
- Левицкій, В. Н.** Временныя правила о волостномъ судѣ, преобразованномъ по закону 12 іюля 1889 года. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Левитовъ.** Собраніе сочиненій, съ портретомъ автора и статьей о его жизни Ф. Д. Нефедова. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. Т. II. Ц. 1 р. 50 к. М., 84.
- Ладвезъ.** Фото-сенія и фото-сангвинія. Руководство для фотографовъ-любителей. М., 1895 г. Ц. 35 к.
- Лейбницъ, Г. В.** Избранныя философскія сочиненія. Съ портретомъ. М., 1890 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Леонтьевъ, Н. І.** Указатель пьесъ для любительскихъ спектаклей. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Лермонтовъ, М. Ю.** Пол. собр. сочиненій. Спб. 1893 г. Ц. 1 р.
- Лессингъ, Г.** Мина фонъ-Баргельмъ.

- Перев. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Эмилія Галотти. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Натанъ Мудрый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Молодой ученый. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Гамбургская драматургія. Пер. И. П. Равсадина. Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Дрататч. соч.: Минна фонъ Барнгеймъ, Эмилія Галотти, Натанъ Мудрый. Слб. 1886 г. Ц. 2 р.
- Лесгафтъ, Ф.** Хлѣбопекарное производство (по Бирнбауму) и описание производства сахара и проч. на русскихъ заводахъ. Слб., 1880 г. Ч. I. Ц. 3 р.
- Ливій, Титъ.** Подстрочный переводъ 30-й книги сдѣл. Румянцева и Подгурскій. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Исторія Рима отъ основанія города. Книги I и II. Кіевъ, 1892 г. Ц. по 75 к.
- Римская исторія Кн. XXI, XXII. Изд. 2-е. Кіевъ, 1892 г. Цѣна 60 к.
- Липпертъ, Ю.** Исторія культуры. Слб., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Ли, Ионасъ.** Осужденный на вѣкъ. Рассказъ съ норвежск. М., 1894 г. Ц. 40 к. Лихіе набѣдники. (Шутка-задача для дѣтей). Изд. Вл. А. Попова. Цѣна 10 к.
- Лодыгинъ, П.** Дѣдушкины рассказы о лошади—кормилцѣ и объ уходѣ за нею въ сельскомъ быту. Слб., 1895 г. Ц. 20 к.
- Лотце, Германъ.** Микроковъ (мысли о естественной и бытовой исторіи человѣка, опытъ антропологія). Пер. Е. Корша. Часть I. Ц. 2 р. М., 64 г. Часть II. Ц. 2 р. М. 66 г. Часть III. Ц. 2 р. 50 к. М., 67 г.
- Луговой, А.** Добей его! (Pollice verso). Параллели. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Соч. Т. I. Слб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Сочиненія. Т. II-ой. Слб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Лункевичъ, В.** Наука о жизни. Общедоступная физиологія человѣка. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Лучицкій, И., проф.** Проповѣдникъ религіозной терпимости въ XVI вѣкѣ. М., 1895 г. Ц. 30 к.
- Льюисъ, Георгъ Генри.** На берегу моря (зоологическіе этюды). М., 1876 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Лѣтневъ, П.** Невидимый бѣтъ. Ром. Вѣсто хлѣба, камень. Ром. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р. 50 к.
- Бархатные когти. Ром. въ 2-хъ ч. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- На волостѣ. Ром. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Современный недугъ. Ром. въ 3-хъ ч. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Поперекъ дороги. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- На смѣну прошлаго. Ром. Безъ воли. Повѣсть. Кіевъ, 1894 г. Цѣна въ одномъ томѣ 1 р.
- Бѣшеная лошадь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Волчья яма. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р.
- Сочиненія. 10 томовъ. Кіевъ, 189 г. Ц. 8 р.
- Любке, Вильгельмъ.** Исторія пластики съ древѣйшихъ до нашихъ временъ. Перев. В. Чаева, съ 281 рис. въ текстѣ. Ц. 6 р. М., 1870 г.
- Магаффи, Дж.** Исторія классическаго періода греческой литературы. Пер. А. Веселовской. Т. I (позвія). Ц. 3 р. М., 1882 г. Т. II (проза). Ц. 3 р. М., 1883 г.
- Магнусъ Блаубергъ.** Русское виноградное вино и хересъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Маевскій, П.** Флора средней Россіи. Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растенія. М., 1895 г. Ц. 3 р. 50 к. Изд. 2-е исправленное и дополненное.
- Майеръ, Викторъ.** Задачи химіи нашего времени. Слб., 1890 г. Ц. 50 к.
- Мауринъ, К., и Высоцкій, В.** Формулъ по арифметикѣ, алгебрѣ, геометріи, тригонометріи, высшей алгебрѣ, дифференціальному и интегральному исчисленіямъ для рѣшенія задачъ по чистой математикѣ. М., 1887 г. Ц. 50 к.
- Макарова, С.** Отголоски старинны. Историческіе рассказы для дѣтей. М., 1894 г. Ц. въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Македонскій.** Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ. М., 1886 г. Ц. 1 р.
- Маклеодъ, Д. Г.** Основанія политической экономіи. Слб., 1866 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимъ Ковалевскій.** Происхожденіе современной демократіи. Т. I. М., 1895 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Максимовъ, С. В.** Годъ на сѣверѣ. М. 1890 г. Изд. 4-е. Ц. 3 р.
- Куль хлѣба и его похождения. Четвертое иллюстрированное изданіе. Слб., 1894 г. Ц. р. 50 к.
- Мальтущъ, Т. Р.** Опытъ закона о народонаселеніи. Вып. III. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Маминъ-Сибирякъ, Д.** Дѣтскія тѣни. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рассказы и сказки для дѣтей младшаго возраста. М., 1895 г. Ц. 60 к., въ папкѣ 75 к.
- Акъ-Боватъ. Рассказъ. М., 1895. Ц. 30 к.
- Мантегацца, П.** Физиологія люб. Второе исправленное изд. Слб., 1895. Ц. 1 р.
- Физиологія женщины. Слб., 1894 г. I 1 р. 50 к.
- Мартыновъ.** Anciens monuments d'environs de Moscou. М., 1889 г. Ц. 10
- Мартъ, Констанъ.** Философы и

- ти-моралисты во времена Римской имперіи. Переводъ М. Корсака. Ц. 2 р. М., 1879 г.
- Материалы для біографіи Добролюбова**, собран. въ 1861—1862 гг. Т. I. Ц. 2 р. М., 1890 г.
- Маракуевъ, Н. Н.** Элементарная алгебра въ 2-хъ ч. М., 1887 г. Ц. 4 р. — Галилей, его жизнь и ученые труды. М., 1888 г. Ц. 35 к.
- Масперо, Ж.** Древняя исторія народовъ Востока. Москва, 1895 г. Ц. 3 р.
- Массе.** Исторія кусочка хлѣба. Спб., 1877 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Масловичъ, Н.** Татьянинъ день 12 января. Харьковъ, 1895 г. Ц. 20 к.
- Маудсли, Генри.** Солъ и сновидѣнія. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Мауреръ, Людвигъ.** Введеніе въ исторію общинаго, подворнаго, сельскаго и городского устройства и общественной власти. Пер. В. Корша. Ц. 2 руб. 75 к. М., 1880 г.
- Мачтегъ, Григорій.** Баба и другіе рассказы. (Силуэты. Т. I.). Изд. 2-ое. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Влудный сынъ. Повесть. (Силуэты. Т. I.). Изданіе 2-ое. Москва, 1895 г. Ц. 1 р.
- Между прочимъ.** Сбор. рассказовъ. Изд. 2-е. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Международная бібліотека.** № 1. Ферд. Брюнетьеръ. Источники песенннзма, 2-е изд. Ц. 15 к. № 2. Кеттлеръ. Что такое женская эмкаспнація. 2-е изд. Ц. 15 к. № 3. Вундтъ. Связь философіи съ жизнью за послѣдніа 100 л. 2-е издан. Ц. 15 к. № 4. Леметръ. Этюды о русскихъ писателяхъ: Достоевскій, Островскій. 2-е изд. Ц. 15 к. № 5. Шенбахъ. Государственный строй С.-Амер. Соедин. Штатовъ. 2-е изд. Ц. 15 к. № 6. Брюнетьеръ. Отличительный характеръ французской литературы. Ц. 15 к. № 7. Шарль Рише. Геніальность и помѣшательство. Ц. 15 к. № 8. фонъ-Шелл. Самоубійство и современная цивилизація. Ц. 15 к. № 9. Й. Тэнъ. Шекспиръ. Ц. 15 к. № 10. Рене Думикъ. Литература и вырожденіе. Ц. 15 к. № 11. Луи Бретано. Причины экономическаго разстройства въ Европѣ. Ц. 15 коп. № 12. Брандесъ. Звѣрь въ человѣкѣ. Ц. 15 к. № 13. Лесли Стефенъ. Этика и борьба за существованіе. Ц. 15 к. № 14. Отто-Генне-амъ-Рингъ. Законы культуры. Ц. 15 к. № 15. Ф. Штрайкеръ. Происхожденіе семьи. Ц. 15 к. № 16—17. А. Фулье. Психологія мужчинъ и женщины и ея физиологическія основанія. Ц. 25 к. № 18. А. Шовенгауеръ о возрастахъ человѣка. Ц. 15 к. № 19. По Лабанду. Государственный строй германской имперіи. Ц. 15 к. № 20. Густавъ Шенбергъ. Новая политическая экономія. Ц. 15 к. № 21. Альфредъ Бинъ. Механизмъ мышленія. Ц. 15 к. № 22. Ф. Паульсенъ. Гамлетъ, какъ трагедія песенннзма. Ц. 15 к. Рюмъницъ. Что такое социальный законъ № 23. Ц. 15 к. Фердинандъ Лаграажъ. Реформа физическаго воспитанія № 24. Цѣна 20 к. Шарля Ферре. Наслѣдственность болѣзненнаго предрасположенія № 25. Ц. 15 к. Маттермайеръ. Судъ присяжныхъ и его значеніе № 26. Ц. 15 к. № 27. Сила и право. Меркали. № 28. Основы государственной критики. А. Гапфельдта. № 29. Государственный строй Франціи, во Лебону.
- Мёбусть, д-ръ.** Гигіена, діета и леченіе нервныхъ людей. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Мейеръ.** Основанія теоретической химіи. Спб., 1894 г. Ц. 2 р.
- Мекензи, Уоллестъ.** Россія. Т. I и II. Спб., 1880. Ц. 5 р.
- Мензбиръ, М.** Дарвинизмъ въ біологіи и близкихъ къ ней наукахъ. М., 1886 г. Ц. 75 к.
- Мессеръ.** Звѣздный атласъ. Изд. 2-е. Спб., 1891 г. Ц. 5 р.
- Металлодавильное дѣло** (выдавливаніе полныхъ металлическихъ издѣлій) съ 8 табл. М., 1893 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Микуличъ, В.** Зарянцы. М., 1895 г. Ц. 65 к.
- Миллеръ, В. П.** Акваріумъ. Краткое руководство къ уходу за акваріумомъ и его населеніемъ. Описаніе водяныхъ растений и рыбокъ. Съ 37 рис. въ текстѣ. Спб., 1894 г. Ц. 75 к.
- Милль, Джонъ-Стюартъ.** Основанія политической экономіи. Вып. IV. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- МИЛЬТОНЪ.** Потерянный и возвращенный рай. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Милюковъ, П. Н.** Государственное хозяйство въ Россіи и реформа Петра Великаго. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к. — Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Михайловъ-Викторовъ.** Собраніе анекдотовъ изъ жизни замѣчательныхъ людей. Т. 2. Спб., 1888 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Михайловскій, Н. К.** Литература и жизнь. Спб. 1892 г. Ц. 1 р.
- Критическіе опыты. Иванъ Грозный въ русской литературѣ. Герой безвременья. Спб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Михеевъ, В. М.** Художника. Очерки и рассказы. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Мольеръ,** Собр. соч. въ 3-хъ т. Спб., 1884 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Молло, М.** Правда адвокатской профессіи во Франціи. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Момсенъ, Ф.** Римская исторія. Перев. Невѣдомскаго. Т. I, и 6 р. М., 1887 г. Т. II и III, и 7 р. М., 1887 г. Т. V и 3 р. 50 к. М., 1885 г.

- Мопассанъ, Гюи.** Монтъ - Орюль. Москва, 1894 г. Ц. 70 коп.
- Сочиненія, избранныя Л. Н. Толстымъ. 1 т. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Т. 2-й. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- На водѣ, сборникъ разсказовъ. Пер. съ фр. Никифорова, съ предисловіемъ Л. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Морлей, Джонъ.** Вольтеръ. Переводъ съ 4-го англ. изд. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Руссо. Перев. съ англ. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1881 г.
- Дядро и энциклопедисты. Пер. В. Н. Невѣдомскаго. Ц. 2 р. 50 коп. М., 1882 г.
- Моръ.** Краткая этимологія греческаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Книга упражненій по греческому языку. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Москвичъ.** Путеводитель по Крыму (4 изд.). 1895 г. Ц. въ коленк. пер. 1 р.
- Мостовскій М.** Этнографическіе очерки Россіи. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Мотлей, Д. Л.** Исторія Нидерландской революціи. 8 т. Спб., 1865 г. Ц. 7 р. 50 к.
- Мусселиусъ, В.** Русско-латинскій словарь. Спб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Мудреный кругъ.** (Головоломка). Изд. Вл. А. Пошова. Цѣна 25 коп., пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Мятлевъ, И. П.** Полное собр. сочиненій. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Полное собраніе сочиненій. Изданіе иллюстрированное. М., 1894 г. Три тома. Ц. 1 р. 20 к.
- Мясницкій, Ив.** Замоскворѣцкія сваях. Юмористич. разсказы. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- „На добрую память“ изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. М., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к., составл. Никифоровымъ.
- Надсонъ, С. Я.** Литературные очерки (1883—1886 гг.). Спб., 1887 г. Изд. 2-е. Ц. 1 р.
- Наединъ.** Сборникъ переводныхъ повѣстей, разсказовъ и стихотвореній Матильды Серао, Альфонса Доде, Бьернсона - Бьернстерна, Генри Лонгфелло, Гюи де-Мопассана, Уйда, Поля Маргеритъ, Франсуа Коппа, Пьера Лоти, Жана Рашпена, Поля Бурже. М., 1894 г. Ц. 70 коп.
- Народныя русскія сказки и загадки.** Собраны сельскими учителями Тульск. губ. въ 1862 и 1863 годахъ. Редакція А. А. Эрленвейна. Изд. 2-е. М., 1892 г. Ц. въ ланкѣ 1 р.
- Неверъ, Эмилія.** Искусство быть красивой. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Немировичъ-Данченко. В. И.** Гроза. Ром. въ 2-хъ ч. Изд. седьмое. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Бѣломорье и Соловки. Изд. 4-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Оедьба-рудоконъ. Повѣсть для дѣтей старшаго возраста. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р.
- Контрабандисты. Романъ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 2 р.
- На краю свѣта. Другъ за друга. Изъ жизни на крайнемъ сѣверѣ. Повѣсть для дѣтей. Въ трехъ частяхъ. Москва, 1893 г. Ц. 1 р., въ переплетѣ 1 р. 30 к.
- Большое сердце. Повѣсть. Москва, 1894 г. Ц. 20 коп.
- Немировичъ-Данченко, Влад. Ив.** Старый домъ (Мертвая ткань). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Нетыкса, М. А.** Краткое руководство кузачнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Крат. руков. слесарнаго дѣла. М., 1894 г. Ц. 1 р. 60 к.
- Техника черченія (о томъ, какъ и чѣмъ чертить). Съ 433 политипаж. въ текстѣ и 4 литогр. табл. М., 1893 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Способы воздухонасыщенія комбатныхъ акваріумовъ. Съ 37 политипаж. въ текстѣ. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Нефедовъ, Ф. Д.** Сочиненія. Т. I. Ц. 1 р. 50 к. М., 1894 г.
- Томъ II. М., 1805 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Нивелирный планъ города Москвы,** съ указаниемъ раздѣленія города на судебномировые участки и съ описаніемъ ихъ. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Никитинъ, В. Н.** Обломки разбитаго корабля. Сцены у мировыхъ судей шестидесятихъ годовъ. Спб., 1891 г. Ц. 1 р.
- Николаевъ, П.** Активный прогрессъ и экономической матеріализмъ. Соціологическій этюдъ. Ц. 1 р. 50 коп. М., 1892 г.
- Николаевъ, Н.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Нордау, Максъ.** Вырожденіе. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Въ поискахъ за истиной (парадокс, изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Новѣйшая исторія Германіи 1866—1895 гг.** Краткій очеркъ событій. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Нурокъ.** Ключъ къ русскимъ упражн. грам. англійскаго языка. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Ньюкомбъ и Энгельманъ.** Астрономія въ общепонятномъ изложеніи. Спб., 1894 г. Ц. 1-му выпуску 1 р. 40 к., подписная цѣна за все соч. (4 р. 5 р. 60 к).
- Нюренбергъ, А. М.** Городовое изъясненіе (изд. 2-е). М., 1893 г. Ц. 80
- Правила о раздробительной торговлѣ крѣпкими напѣтками (изд. 2). М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Общедоступный лечебникъ домашнихъ вонныхъ при участи Э. К. Брандта** составл. Я. Н. Шмулевичемъ (Г. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

- Объ устройствѣ водяныхъ closetовъ (16 рис. въ текстѣ), изд. „Ремеслен. Газеты“. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Овидій, Назонъ.** Избранныя басни изъ „Метаморфозъ“. Изд. 2-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к. Пер. 8-й, 11-й, 12-й и 15-й книги „Метоморфозъ“.
- Переводъ 1-й и 2-й книги съ прилож. біографіи автора. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Пер. 6-й, 7-й и 13-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Переводъ 3-й, 10-й, 14-й книги. Кіевъ, 1894 г. Ц. 40 к.
- Огородниковъ, П.** Въ странѣ свободн. Библиотека современныхъ писателей. Въ 2-хъ т. Спб., 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Оже, Люсьенъ.** Семь чудесъ свѣта. Путешествіе къ семи чудесамъ свѣта съ научною цѣлью. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ольденбергъ, Германъ.** Вудла, его жизнь, ученіе и община. Перев. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Оржешко, Элиза.** Дикарка. Повѣсть. Пер. съ польскаго. М., 1894 г. Ц. 75 к.
- Орловъ, К. В., д-ръ мед.** Основы діагностики искусственныхъ и притворныхъ болѣзней у призываемыхъ къ военной службѣ солдатъ. Изд. 2 исправленное и дополненное. Спб., 1894 г. Ц. 2 руб.
- Оровичъ, Я.** Женщина въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 60 к.
- О свободѣ воли.** Рефераты и статьи членовъ психологическаго общества. М., 1889 г. Ц. 2 р.
- Освальдъ, Фридрихъ.** Лягавая собака. Руководство къ уходу за лягавою собакой. Ея воспитаніе, содержаніе и дрессировка безъ побоевъ. Лечебникъ собакъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Острогорскій, Викторъ.** Письма объ эстетическомъ воспитаніи. 1894 г. Ц. 40 к.
- Выразительное чтеніе. Пособіе для учащихся и учащихся. Изд. 3-е. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Изъ міра великихъ преданій. Рассказы для юношества. Изд. 5-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р.
- Этюды о русскихъ писателяхъ. IV. Художникъ русской пѣсни А. В. Кольцовъ. Москва, 1893 г. Ц. 50 к.
- Родные поэты. Для чтенія въ классѣ и дома. Изд. 2-е. Москва, 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Хорошіе люди. Сборникъ рассказъ съ 45 рисунк. (изд. 2-е). Спб., 1891 г. Ц. 1 р., въ роскошн. перепл.—1 р. 60 к.
- П., Г.** Стахотворенія. М., 1894 г. Ц. 35 к.
- Павленковъ, Ф.** „Жизнь замѣчательныхъ людей“ (Биографическая бібліотека). Авакумъ, Андерсенъ, Аристотель, Бальзакъ, Бахъ, Байронъ, Бентамъ, и Беккариа, Берне, Бэконъ, Бѣляскій, Карлъ Бэръ, Веранже, Ветховенъ, Богданъ Хмѣльницкій, Боккачіо, Бомар-

- ше, Боткинъ, Джордано Бруно, Рихардъ Вагнеръ, Леонардо-да-Винчи, Волковъ, Вольтеръ, Воронцовъ, Галилей, Гарсей, Гарибальди, Гарриксъ, Гегель, Гейне, Гёте, Гладстонъ, Глинка, Говардъ, Гоголь, Гракхи, Грибоѣдовъ, Григорій VII, А. Гумбольдъ, Гусъ, Гутенбергъ, Гюго, Дагерръ и Ніапсъ, Даламбергъ, Дантъ, Дарвинъ, Даргомыжскій, Дашкова, Демидовы, Державинъ, Дефо, Дженнеръ, Диккенсъ, Добролюбовъ, Достоевскій, Жоржъ-Зандъ, Жуковскій, Ивановъ (художн.), Іоаннъ Грозный, Кальвинъ, Канкринъ, Кантъ, Кантемиръ, Каразинъ, Карамзинъ, Карлейль, Кеплеръ, Кетле, Ковалевская, Колумбъ, Кольцовъ, Конфуцій, Кондорсэ, Контъ, Кошерникъ, баронъ Корфъ, Крамской, Кромвель, Крыловъ, Кювье, Лавуазье, Ланцадъ, Лейбницъ, Лермонтовъ, Лессепсъ, Лессингъ, Ливингстонъ, Линкольнъ, Лявье, Лобачевскій, Лойола, Локкъ, Ломоносовъ, Лейбелль, Маколей, Мейербергъ, Микель-Анжелло, Милль, Мильтонъ, Мирабо, Мицкевичъ, Мольтеръ, Монтегскій, Томасъ Моръ, Модартъ, Шикитинъ, Никонъ, Новиковъ, Ньютонъ, Робертъ Оуэнъ, Паскаль, Песталоцци, Перовъ, Пироговъ, Писемскій, Потемкинъ, Пржевальскій, Прудонъ, Пушкинъ, Рабае, Рафаэль, Рембрандтъ, Ришелье, Ротшильдъ, Руссо, Сазія-Муни, Салтыковъ, Савонарола, Свифтъ, Севковскій, Сервантесъ, Скобелевъ, Вальтеръ-Скоттъ, Адамъ Смитъ, С. Соловьевъ, Сперанскій, Стефенсонъ и Фультонъ, Струве, Стэнли, Сѣровъ, Теккерей, Толстой, Торквемада, Тургеневъ, Уаттъ, Ушинскій, Фарадей, Фонвизинъ, Франклинъ, Цвингли, Шевченко, Шиллеръ, Шопенгауэръ, Шопенъ, Шуманъ, Шопкина, Эдисонъ и Морзе, Джоржъ Эліотъ, Кюмъ, Фодотовъ
- Пальчикова.** Двѣ сказки для дѣтей. Спб., 1893 г. Ц. 50 коп.
- Парксъ, Генрихъ.** 50 лѣтъ общественной дѣятельности въ Австраліи, въ 2 ч., съ 2 портр. автора, пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 3 р. М., 1894 г.
- Паульсенъ, Фр.** Введеніе въ философію. Пер. Н. Титовскаго, подъ ред. В. Преображенскаго. Изд. редакціи журнала „Вопросы Философіи и Психологіи“. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- Паульсонъ.** Стенографія. Спб., 1892 г. Ц. за 2 части 1 р.
- Руководство для лицъ, ухаживающихъ за больными. Спб., 1893 г. Ц. 60 к.
- Пель.** Фальсификаціи и мѣры борьбы съ ними. Спб., 1889 г. Ц. 60 к.
- Пашкевичъ, В.** Культура лѣкарствен. растений. Спб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Пекаторосъ, Г. М.** Человѣческія расы. Народы Африки № 1. Серія II. Одесса, 1895 г. Ц. 25 к.
- Пелисье, Ж.** Французская литература XIX вѣка. М., 1895 г. Ц. 1 р.

- Пергаментъ, О.** Краткій историческій очеркъ развитія ученія объ электричествѣ. Кіевъ, 1890 г. Ц. 60 к.
- Персональный.** Учебникъ зоологіи. М., 1893 г. Ц. 85 к.
- Песоцкій, Н. А.** Древесная шерсть, ея употребленіе и производство (съ чертежами на отдѣльныхъ листахъ). М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Петровъ, А. Н.** Русская военная сила. Т. I и II. Изд. 2-е. М. 1892 г. Ц. за оба тома 6 р.
- Петрова, проф., съ продолженіемъ проф. Надлеръ.** Лекція по всемірной исторіи. Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р.
- Петуниниковъ, А.** Иллюстрированное руководство къ опредѣленію растений. М., 1890 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Пешель, Оскаръ.** Исторія эпохи открытій. Пер. Э. Циммермана. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Писаревъ, Д. И.** Пол. собр. соч., въ 6 т. Слб., 1894 г. Ц. 6 р.
- Платонъ.** Апологія Сократа. Подстрочн. пер. Изд. 3-е. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к. — Критонъ. Изд. 2-е. Кіевъ, 1890 г. Ц. 35 коп.
- Плутархъ.** Александръ Великій. М., 1893 г. Ц. 30 к.
— Юлій Цезарь. М., 1890 г. Ц. 25 к.
— Жизнь и дѣла знаменитыхъ людей древности. Въ 4-хъ т. М., 1893 г. Ц. за всѣ тома 3 р. 50 коп.
- Покровский, К.** Путеводитель по небу. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Покровский, Е. А.** Дѣтскія игры и гимнастика въ отношеніи воспитанія и здоровья. Ц. 20 к.
— Площадки для дѣтскихъ игръ и физическихъ упражненій. М., 1894 г. Ц. 20 к.
— Русскія дѣтскія подвижныя игры. М. 1892 г. Ц. 75 к.
— Первоначальное физическое воспитаніе дѣтей (Популярное руководство для матерей). М., 1895 г. Ц. 1 руб. 50 коп. (изд. 2-е).
- Покорни, д-ръ.** Общее землѣдѣніе. Ч. 3-я (послѣдняя). М. 1891 г. Ц. 2 р.
- Политикость.** Европейскіе монархи. Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Полонскій, Я. П.** На закатѣ. Стихотворенія. М., 1881 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Поповъ.** Курсъ общаго скотоводства. Казань. 1894 г. Ц. 2 р.
- Порошинъ, Ив.** Рассказы. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Потапенко, И. Н.** Повѣсти. 8 т. Слб., 1893 г. Ц. каждая т. 1 р.
- Починъ.** Сборникъ общества любителей Россійской словесности на 1895 годъ. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прейеръ, В.** О сохраненіи здоровья и продленіи жизни. Одесса, 1895 г. Ц. 60 коп.
- Прессъ.** Руководство въ борьбѣ съ огнемъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
— Защита жизни и здоровья рабочихъ. Вып. I и II. Слб., 1891 г. Ц. по 2 р.
- Прѣльсъ, Р.** Эстетика. Подъ редакціей и съ дополнителюю статей В. В. Чуйко. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. 20 к.
- Приготовление протравъ для дерева и подѣлка простыхъ породъ дерева.** Изд. „Ремеслен. Газеты“, 2-е дополнен. М., 1892 г. Ц. 40 к.
- Программы домашняго чтенія на 1894—1895 г.** Комиссія по организаціи домашняго чтенія. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Проблески.** Сборникъ произведеній русскихъ авторовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пругавинъ, А. С.** Запросы народа и обязанности интеллигенціи въ области просвѣщенія и воспитанія. Слб., 1895 г. Ц. 2 р.
- Прудонъ, П.** Искусство, его основанія и общественное назначеніе. Слб., 1866 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Птицынъ, Владиміръ.** Древніе адвокаты и наши присяжные цидероны. Слб., 1894 г. Ц. 50 к.
— Адвокатъ за адвокатуру. Слб., 1896 г. Ц. 30 коп.
— Пересмотръ нашихъ судебныхъ законовъ. Слб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Путешествія В. В. Юнкера по Африкѣ.** Изложен. Петри, съ 114 рисунками. Слб., 1893 г. 3 р. 50 к.
- Пушкинъ, А. С.** Пол. собр. сочиненій. Слб., 2 изд. Ц. 1 р. 50 к.
- Радда-Бай (Е. П. Блаватская).** Изъ пещеръ и дѣбрей Индіи. Загадочныя племена на „Голубыхъ горахъ“. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Раевскій, М. Н.** Плодовая школа и плодовой садъ. (Изд. 4-е). Слб., 1892 г. Ц. 1 р.
- Райтъ, Л.** Практическое птицеводство. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Жизнь первобытныхъ народовъ. Эскимсы и алеуты. М., 1888 г. Ц. 15 к.
- Регель.** Содержаніе и воспитаніе растений въ комнатахъ. Изд. 2-е. Слб., 1890 г. Ц. 5 р. 60 к.
— Однолѣтнія и двухлѣтнія цвѣтущія растенія. Изд. 3-е. Слб., 1885 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рейхъ.** Оптическая гигиена глазъ. Слб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Рекламъ, Карлъ.** Ключъ къ здоровью. Популярная гигиена. Кіевъ, 189 Ц. 60 к.
- Реклю, Э.** Современные политическіе дѣятели. Слб., 1876 г. Ц. 2 р.
- Рембольдтъ, д-ръ.** Школьная гигиена. Пер. съ нѣмецкаго д-ра И. М. Рамашинова. М., 1890 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Ренанъ, Эрнестъ.** Разореніе Іерусалима. М., 1886 г. Ц. 50 к.
— Историческіе и религіозные этюды. Изд. 3. Слб., 1894 г. Ц. 1 р.

- Рецептура. Составлена для студентовъ-медиковъ. Киевъ. Ц. 50 к.
- Рибо, Т. Современная английская психология. Подъ ред. П. Д. Боборыкина. М., 1881 г. Ц. 2 р.
- Память въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Слб., 1894 г. Ц. 80 коп.
- Воля въ ея нормальномъ и болѣзненномъ состояніяхъ. Перев. съ 8 доплн. франц. изд. Слб., 1894 г. Ц. 80 к.
- Рикардо, Давидъ. Начала политической экономіи. Вып. II. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Риль, А. Теорія науки и метафизика съ точки зрѣнія философскаго критицизма. Пер. Е. Корша. Ц. 2 руб. М., 1888 г.
- Ричардсонъ, Чарльзъ. О выборѣ книгъ. М., 1889 г. Ц. 50 к.
- Рише, Шарль. Черезъ сто лѣтъ. Слб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Розенбахъ. Современный мистицизмъ. Слб., 1891 г. Ц. 60 к.
- Розенбергъ-Липинскій. Практическое земледѣіе (Изд. 5). Слб. 1893 г. Ц. 8 р.
- Романовъ, С. И. Словарь ружейной охоты. М., 1877 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Ромашкевичъ, П. А. Полный русскій орографическій словарь. Настольная книга для всякаго, пишущаго по-русски. Составленъ по „русскому правописанію“ академика Як. Грота. Изд. третье исправл., доплн. и вновь обработанное. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рони, Ж. До потолка. Слб., 1892 г. Ц. 50 к.
- Ростовская, М. Э. Звѣздочки. Повѣсти и рассказы для дѣтей. Съ раскрашенными рисун. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Жучка. Рассказы для дѣтей. Съ литографированными рисун. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Четыре времени года. Рассказы изъ деревенскаго быта. Съ рисун. Изданіе третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Сельцо Лебяжье. Повѣсть для дѣтей. Съ хромолитографированными рисун. Изд. третье, исправлен. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Пони. Приключенія эмскаго осла. Повѣсть для дѣтей съ хромолитографированными рисунками. Изд. третье. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Рохау, А. Л. Исторія Франціи. Ч. I и II. Слб., 1866 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Рудскій, Ал. Лѣсная таксація. Пособіе для лѣсничихъ и лѣсопромышленниковъ. (Изд. 2). Слб., 1890 г. Ц. 3 р.
- Руководство для метеорологическихъ наблюденій. Изд. харьковскаго календаря. Харьковъ, 1894 г. Ц. 30 к.
- Руссо, Жанъ-Жакъ. Юлія или Новая Элоиза. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Русскій сельскій календарь. Годъ II. М. 1895 г. Ц. 20 к.
- Ручныя тѣни. (Любимая дѣтская забава) Изд. Вл. А. Попова. Слб., 1894 г. Ц. 15 к., съ перес. 25 к.
- Рѣшетниковъ, Э. М. Собраніе сочиненій, въ 2-хъ т. Слб., 1890 г. Ц. за 2 т. 2 р. 50 к.
- Рябининъ. Элеваторы и наше увлеченіе ими. Слб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Саади-Ширази. Гюлистанъ, „Цвѣтныя розы“. Пер. съ персидск. подлин. И. Холмогорова. Ц. 1 р. М., 1882 г.
- Сабатье, П. Жизнь Франциска Ассизскаго. Перев. съ франц. М., 1895 г. Ц. 90 к.
- Салтыковъ (Щедринъ). Полное собр. соч. 12 т. (Изд. 3-е). Ц. 18 р. Слб., 1894 г.
- Саловъ, И. Уютный уголокъ. М., 1894 г. Ц. 80 к.
- Суета мірская. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Съ натурн. Очерки и рассказы. М., Ц. 1 р.
- Саллюстій Криспъ. Пособіе къ изученію и чтенію „Заговора Катилины“. Состав. Логвиновъ. Киевъ, 1886 г. Ц. 60 коп.
- Сборникъ рисунковъ токарныхъ издѣлій. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сборникъ рисунковъ мебели и столѣрныхъ издѣлій. М. Ц. 2 р.
- Сборникъ общества любителей російской словесности на 1891 г. М., 1891 г. Ц. 4 руб.
- Свифтъ, Джонатанъ. Путешествія Леммюла Гулливера. Ч. I и II. М., 1889 г. Ц. за обѣ части 4 р. 40 к.
- Святловскій, В. В. Фабричная гигиена (153 рис.) Слб., 1891 г. Ц. 4 р.
- Севедъ, Риббингъ. Половая гигиена и ея нравственныя послѣдствія. Одесса, 1893 г. Ц. 1 р.
- Бракъ. Совѣты и предостереженія врача. Одесса, 1894 г. Ц. 30 к.
- Селли, Джемсъ. Геніальность и помѣшательство. Слб., 1895 г. Ц. 15 к.
- Семеновъ, С. Т. Крестьянскіе рассказы, съ предисловіемъ Л. Н. Толстого. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Сервао, Матильда. Прощай, любовь! Романъ. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Сервантесъ. Славный рыцарь Донъ-Кихотъ Лманчскій. Т. I. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Сигеле. Преступная толпа (опытъ коллективной психологіи). Слб., 1893 года. Ц. 30 к.
- Сикорскій. Занзаніе. Слб., 1889 г. Ц. 3 р.
- Симсонъ, Э. О невздатѣ собственныхъ подданыхъ. Слб., 1892 г. Ц. 4 р.
- Сиповскій, В. Д. Сохратъ и его время. Историческій очеркъ. II. Короленко, В. Г. Тѣни. (Фантазія). М., 1894 г. Ц. 35 коп.
- Скабичевскій, А. М. Исторія новѣй-

- шей русской литературы. 1848—1892 гт. 2-е изд. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Очерки истории русской цензуры (1700—1863 г.). Спб., 1892 г. Ц. 2 р.
- Сочинения: критические этюды, публицистические очерки, литературные характеристики (въ 2-хъ томахъ). Спб. 1895 г. Ц. 3 р. Издание 2-ое.
- Скворцовъ**, Гигиена. Спб., 1881 г.
- Скворонская, Марія**. Изъ жизни и фантази. М., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Скоровъ, А.** Сборникъ узаконеній и распоряженій правительства о крестьянахъ. Т. I (изд. 3-е). Уфа, 1891 г. Ц. 5 р. Т. П. М., 1893 г. (изд. 2-е). Ц. 4 руб.
- Уставъ горный. Т. I (изд. 3-е). М., 1895 г. Ц. 4 р. Т. П. Уставъ о частной золотопромышленности. М., 1893 г. Ц. 8 р. 50 к.
- Уставъ лечебныхъ заведеній вѣдомства министерства внутреннихъ дѣлъ. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Скоровъ**. Русскіе судебные ораторы въ извѣстныхъ уголовныхъ процессахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Скоровъ, А., и Богдановъ**. Руководство для волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ и сборщиковъ податей. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Формы приговоровъ сельскихъ и волостныхъ сходовъ. М., 1895 г. Ц. 1 р. 60 коп.
- Скоровъ и Полянскій**. Сводъ уставовъ о службѣ гражданской. Т. I. Уставъ о службѣ по опредѣленію отъ правительства. М., 1895 г. Ц. 2 р. Т. II. Уставы о пенсіяхъ. М., 1895 г. Ц. 2 руб.
- Сказки русскихъ писателей для дѣтей. Изд. 3-е. Кіевъ, 1894 г. Ц. 35 к.
- Сказки русскаго народа. 7 в. М., 1894 г. Ц. кажд. выпуска 25 к.
- Сказка про лису да про волка. М., 1892 г. Ц. 25 к.
- Складныя картинки, служащія иллюстраціямъ къ произведеніямъ русскихъ авторовъ, съ приложеніемъ портретовъ писателей, краткихъ ихъ біографій и самихъ произведеній: 1) „Цыгане“ Пушкина; 2) „Мавай и зайцы“ Некрасова и 3) „Дѣдушка“ Никитина. Изд. В. А. Попова. Цѣна каждой картинкѣ, заключенной въ изящную коробку, 45 коп.; пересылка за 1 ф. по разстоянію.
- Слезкинскій, А.** Бунтъ военныхъ поселенъ въ холеру 1831 г. Новг., 1894 г. Ц. 1 р.
- Словарь юридической терминологіи къ источникамъ римскаго права. Кіевъ, 1894 г. Ц. 60 к.
- Смайльсъ, Самуэль**. Путешествіе мальчика вокругъ свѣта. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Характеръ. Воспитаніе и образованіе. Изд. шестое. Спб., 1869 г. Ц. 90 к.
- Саморазвитію, умственное, нравственное и нравческое. Съ дополнительныхъ статей „Русскіе дѣятели“. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Умъ и энергія. Характеристики изъ жизни великихъ людей. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Долгъ (Нравственныя обязанности человека). Изд. второе, исправлен. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Смирновъ, А.** Живыя картинки сборникъ разсказовъ съ 50 рис. Спб., 1885 года. Ц. 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р.
- Москва-Самаркандъ. (Путевыя впечатлѣнія. М., 1895 г. Ц. 40 к.
- Соболевскій, А. И.** Фонетика перво-славянскаго языка. М., 1891 г. Ц. 1 р.
- Лекція по исторіи русскаго языка. Спб., 1891 г. Изд. 2-е. Ц. 2 р.
- Соболевскій, Н. И.** Собраніе алгебраическихъ задачъ. М., 1892 г. Ц. 40 к
- Соважо, Давидъ**. Реализмъ и натурализмъ въ литературѣ и искусствѣ. Пер. А. Серебряковой. Ц. 2 р. М., 1891 г.
- Совѣтовъ**. Итальянско-русскій словарь. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Соколовъ, В. Д.** Прошлое и настоящее земли. М., 1890 г. Ц. 50 к.
- Соннѣ**. Геометрія теоретическая и практическая. М., 1878 г. Ц. 4 р.
- Софоклѣ**. Эдипъ въ Колонѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Эдипъ-царь. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Филоктетъ. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Электра. Кіевъ, 1888 г. Ц. 40 к.
- Спенсеръ, Гербертъ**. Начала социологіи (обрядовыя учрежденія). Кіевъ, 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Основныя начала. Пер. Алексѣева. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Сперанскій, Сергѣй**. Нѣкоторыя изъ учреждений общественнаго благоустройства въ Западной Европѣ. Отчетъ по заграничной командировкѣ оставленнаго при Императорскомъ московскомъ университетѣ для приготовленія къ профессорскому званію по кафедрѣ полицейскаго права. М., 1895 г. Ц. 75 к.
- Спиноза, Бенедиктъ**. Этика, съ приложеніемъ портрета. М., 1892 г. Ц. 2 р.
- Трактатъ объ усовершенствованіи разума. Одесса, 1893 г. Ц. 75 к.
- Справочная книга для ремесленниковъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Ставровскій, Л.** Жизнь и соловей. Х., 1892 г. Ц. 1 р.
- Станюковичъ**. Безшабашный. (Изъ современныхъ правовъ). Разсказъ. Одесса, 1894 г. Ц. 20 к.
- Степовичъ, А.** Очерки изъ истории славянскихъ литературъ. Кіевъ, 1891 г. Ц. 75 к.
- Стенинъ, П. А.** Востокъ. Историко-географическое и этнографическое обозрѣніе леватокаго мира. Спб., 1891 г.

- Ц. въ роскошномъ переплетѣ 6 р., съ 200 рисунками.
- Стэнли, Г.** Какъ я отыскала Ливингстона. Спб., 1874 г. Ц. 3 р.
- Стернъ, А. В.** Бракъ по любви. Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 50 коп.
- Очулась. (Изъ дневника Натальи Сергѣевны). Повѣсть. Москва, 1893 г. Ц. 30 коп.
- Стокгэмъ, Алиса В., д-ръ медицины.** Токология или наука о дѣторожденіи. Гигіена беременныхъ и новорожденныхъ. Изд. 2-е, съ предисловіемъ гр. Л. Н. Толстого. Кіевъ, 1895 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Стопловская, Анна.** Очеркъ исторіи культуры китайскаго народа. Ц. 3 р. М., 1891 г.
- Стороженко, Н. И., проф.** Познъ мировой скорби. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Страбонъ.** Географія (въ 17 кн. въ 1 томѣ). Пер. съ греч. Ф. Г. Мищенко. Ц. 10 р. М., 1874 г.
- Строковскій, В.** Токарное и слесарное ремесла. М., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Струве, П.** Критическія замѣтки къ вопросу объ экономическомъ развитіи Россіи. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Судебныя драмы.** Жанъ Деладонжъ. Ц. 30 к.
- Грекъ Кетоло. Поэтическое сумасшествіе. Ц. 30 к.
- Убіиство Маріи Анны и ея дѣтей. Ц. 20 коп.
- Убіиство Бефани. Ц. 40 к.
- Шайка Лемера. Ц. 30 к.
- Сборникъ процессовъ всѣхъ странъ. Ц. 30 к.
- Дуэль Пушкина. Ц. 40 к.
- Сундквистъ, Оскаръ, и Марія Лазарева.** Учебникъ новой практической и первой научной методы кройки дамскаго, дѣтскаго и верхняго платья всѣхъ фасоновъ. М., 1892 г. Ц. съ атласомъ 3 р.
- Суриковъ, И. З.** Стихотворенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Сюзевъ, А.** Луженіе, цинкованіе и оцинкованіе. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Тайный порокъ.** Выпускъ I и II. М., 1895 г. Ц. 20 к. и 15 коп.
- Талдыкинъ, М.** Объяснительный текстъ къ атласу чертежей слесарно-токарныхъ работъ, составленному примѣнительно къ программамъ ремесленныхъ училищъ. М., 1892 г. Ц. атласа съ текстомъ 6 р.
- Тардъ, Ж.** Законы подражанія. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тардъ, Г.** Сущность искусства. Спб., 1895 г. Ц. 30 к.
- Терешкевичъ.** Дядя Червышъ. М., 1891 г. Ц. 60 к.
- Тикноръ.** Исторія испанской литературы. Пер. Н. И. Стороженко. Т. I. Ц. 3 р. М. 83 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1886 г. Т. III. Ц. 3 р. 50 к. М., 1891 г.
- Тимирязевъ, К.** Чарльзъ Дарвинъ и его ученіе. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Земледѣіе и физиология растений. Ч. I. Борьба растенія съ засухой. М., 1893 г. Ц. 50 к. Ч. II. Прокисхожденіе азота растеній. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тиндаль, Джонъ.** Теплота, разсматриваемая какъ родъ движенія. Изд. 2-е М., 1888 г. Ц. 3 р. 75 к.
- Тихомировъ, Д. И.** Опытъ плана и конспекта элементарныхъ занятій. Методическое пособие для преподавателя элементарной школы. Изд. 8-е. М., 1889 г. Ц. 55 к.
- Азбука правописанія. Ч. I. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія буквъ, съ приложеніемъ краткаго орографическаго указателя. Семнадцатое изданіе. Ц. 40 к. Ч. II. Сборникъ для диктовки примѣровъ и статей на главнѣйшіе случаи употребленія знаковъ препинанія. Девятое изданіе. Ц. 40 к. М., 1892 г.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Руководство для преподавателейъ начальныхъ училищъ. Изд. 3-е. М., 1892 г. Ц. 1 р.
- Азбука церковно-славянская для первоначальныхъ упражненій въ церковно-славянскомъ чтеніи. Изд. 6-е. М., 1892 г. Ц. 6 к.
- Какъ жить по слову Божию? Русскій сборникъ статей и изреченій, содержащихъ въ себѣ нравственное ученіе изъ книгъ Ветхаго и Новаго Завета. М., 1892 г. Ц. 5 к.
- Школа грамотности. Книга для первоначальнаго обученія русскому и церковно-славянскому чтенію, письму и ариметикѣ. Изд. 2-е. Москва, 1893 г. Ц. 30 к.
- Какъ учить читать, писать и считать на первой ступени обученія. Общедоступное руководство для учащихся по букварю. Изд. 12 е. М., 1893 г. Ц. 40 к.
- Изъ исторіи родной земли. Очерки и рассказы для школъ и народа. Ч. I. Древняя Россія. Ц. 50 к. Ч. II. Новая Россія. Ц. 40 к. М., 1893 г.
- Чему и какъ учить на урокахъ родного языка въ начальной школѣ. Методика обученія грамотѣ, объяснительному чтенію, толковому изложенію мыслей, грамматикѣ, правописанію и церковно-славянскому чтенію. Руководство для учителейъ подготовительной и пародной школы. Изд. 3-е. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Книга для церковно-славянскаго чтенія. Ч. I. Руководство для учениковъ начальныхъ училищъ. Изд. 8-е. Ц. 30 к. Ч. II. Руководство для учениковъ двуклассныхъ и городскихъ училищъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. М., 1894 г.
- Элементарный курсъ грамматики для го-

- родскихъ и двуклассныхъ училищъ. Изд. 45-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Начатки грамматики. Руководство для начальныхъ сельскихъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 8-е. М., 1894 г. Ц. 15 к.
- Тихомировъ, Д., и Зенбушъ, И.** Начатки географіи. Руководство для народныхъ училищъ и другихъ элементарныхъ школъ. Изд. 5-е. М., 1894 г. Ц. 30 к.
- Тихомировъ, Д., и Тихомирова, Е.** Букварь для совмѣстнаго обученія письму, русскому и церковно-славянскому чтенію и счету. Для народныхъ школъ. Изд. 60-е. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Годгенеръ, И.** Алгебра (съ обширными собраніемъ примѣровъ). Слб., 1891 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Токвиль, Алексисъ.** Воспоминанія. Пер. В. Невѣдомскаго. Ц. 2 руб. М., 1893 г.
- Толстой, Л. Н.** Плоди просвѣщенія. Комедія въ 4-хъ д. Кіевъ, 1892 г. Ц. 15 к.
- „Ходяте въ свѣтъ“ и другія произведенія, вошедшія въ XIV томъ полнаго собранія сочиненій. М., 1895 г. Ц. 60 к.
- Смерть Ивана Ильича. Кіевъ, 1891 г. Ц. 10 к.
- Торминъ.** Опытный маляръ и живописецъ. Подробное руководство къ исполненію всякаго рода домовыхъ и комнатныхъ малярныхъ работъ по камню, штукатуркѣ, дереву и металламъ. Различныя способы разрисовки и раздѣлки. Составленіе различнаго рода лаковъ и всевозможныхъ красокъ. Бронзировка. Писаніе вывѣсокъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Траутшольдъ, Г.** Основы геологіи. Ч. П. Палеонтологія. М., 1875 г. Ц. 2 р. 75 к.
- Часть III. Стратиграфія. М., 1877 г.
- Хозяинъ и работникъ. М., 1895 г. Ц. 20 к.
- Трачевскій.** Древняя исторія. Изд. 2-е. Слб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Новая исторія. Слб., 1889 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тренделенбургъ, Адольфъ.** Логическія изслѣдованія. Пер. Е. Корша. Ч. I, ц. 2 р.; ч. II, ц. 2 руб. М., 1868 г.
- Трефолевъ, Л. Н.** Стихотворенія (64—93 г.). М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Трояновскій.** Первая помощь у себя дома и на полѣ битвы въ отсутствіи врача. Изд. 2-е. Слб., 1893 г. Ц. 1 р. 30 к.
- Трубцкой, Евгений.** Религиозно-общественный идеалъ западнаго христіанства въ V-хъ вѣкѣ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Тумскій, К. И.** Алюминій и сплавы съ нимъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Противуварзаныя средства и дезинфекція. М., 1893 г. Ц. 50 к.
- Тургеневъ.** Стихотворенія. Изд. 2-е. Слб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Турскій, М.** Лѣсоводство. М., 1892 г. Ц. 2 р. 30 к.
- Лѣсоводственные орудія и инструменты. М., 1893 г. Ц. 60 к.
- Сборникъ статей по лѣсоразведенію. М., 1894 г. Ц. 70 к.
- Турскій, М., и Яшновъ, Л.** Определеніе древесныхъ, вѣтвей и сѣмянъ главнѣйшихъ древесныхъ и кустарныхъ породъ по таблицамъ. 2-е изд. М., 1893 г. Ц. 75 к.
- Тьюкъ, Хэкъ.** Духъ и тѣло, дѣйствіе психики и воображенія на физическую природу человѣка. Пер. П. Викторова. М., 1888 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Тягчеве** портреты русскихъ писателей. (Для впрѣзыванія и отраженія на стѣнѣ). Пушкинъ.—Лермонтовъ.—Гоголь.—Грибоедовъ.—Кольцовъ.—Крыловъ.—Тургеневъ.—Некрасовъ.—Гр. Л. Толстой. Изд. В. А. Попова. Цѣна 40 к.
- Тѣнь, Г.** Тѣть Ливій, критическое изслѣдованіе. Пер. А. Иванова и Е. Щекляна. Ц. 1 р. 50 к. М., 1885 г.
- Тѣнь, И.** Чтеніе общ. искусствъ. Пять курсовъ лекцій. Изд. третье, исправлен. Слб., 1889 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Тѣнь.** Критическіе опыты. Слб., 1869 г. Ц. 1 р. 75 к.
- Уерингъ, Рудольфъ.** Объ основаніи зашты владѣнія. М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній (перев. съ 4-го нѣмецкаго изд.). М., 1883 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Уильямсъ, Х.** Этика пицци или нравственныя основы безубойнаго питанія. Перев. съ англійск. Со статьей Л. Н. Толстого „Первая ступень“. М. 1893 г. Ц. 2 руб.
- Урусовъ.** Полицейскій урядникъ. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Усовъ, С. А.** Сочиненія. Томъ I. Статьи зоологическія. М. 1888 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Успѣнскій, П. П.** содержаніе растений въ комнатахъ. Слб., 1895 г. Ц. 1 р. (изд. 8-е).
- Уставъ акціонерныхъ земельныхъ банковъ съ разъясненіемъ вопросовъ, возникшихъ на практикѣ при его прижизненіи. Изд. 4-е. Слб. 1894 г. Ц. 2 р.**
- Файфъ, Ч. А.** Исторія Европы 19 в. Т. III, пер. подъ ред. Лучинскаго. Ц. 2 р. 50 к. М., 1890 г.
- Файнштейнъ, С.** Что такое мнемоника. Искусство укрѣпленія памяти (четвертое изданіе). Одесса, 1894 г. Ц. 2 р.
- Фарраръ, Ф. В.** Жизнь Иисуса Христа. Пер. съ англійскаго Ф. М. Матѣе. Изд. 2-е, исправленное и дополненное. Въ 2-хъ частяхъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 2 р.
- Фаусеттъ.** Популярная политическая экономія. Слб., 1895 г. Ц. 1 р.
- Федоровъ, П. А., техн.** Иллюстр.

- ровичий, домашній ремесленникъ. Школа работъ: плотничныхъ, изъ сучьевъ. Столярныхъ. Окрашивание дерева. Выпивочныхъ и мозаики. Токарныхъ. Ръзныхъ. Корвинныхъ. Кузнечныхъ. Слесарныхъ. Щеточныхъ. Гипсовыхъ и пальемаше. Картонажно-футлярныхъ и перешетныхъ. Съ 406 рисунокъ въ текстъ. Спб., 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Федоровъ**, Зубы и ихъ сохраненіе. Спб., 1889 г. Ц. 60 в.
- Федоровичъ, Флоріанъ**. Сельско-хозяйственная архитектура. Спб., 1893 г. Ц. съ атласомъ 5 р.
- Федосѣевъ, П. А.** Выборъ, установка и уходъ за фабричными паровыми котлами, машинами и приводами. Съ приложеніемъ новаго закона 30 іюля 1890 г. объ устройствѣ, установкѣ и содержаніи паровыхъ котловъ и о порядкѣ ихъ освидѣтельствованія. М., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Фельзбергъ, Матильда**. Химическая чистка платя и стирка бѣлья. М., 1894 г. Ц. 50 к.
- Ферьеръ, Э.** Дарвинизмъ (общедоступное изложеніе теории Дарвина), изд. 2-е. Спб., 1894 г. Ц. 60 к.
- Филипповъ, Сергій**. Подъ глѣнымъ небомъ. М., Ц. 1 р.
- Финлей, Георгъ**. Греція подъ римскимъ владычествомъ. Пер. Софьи Никитенко. Ц. 4 р. М., 1877 г.
- Филипповъ, Ал.** Исторія сената въ правленіе верховнаго тайнаго совѣта и кабинета. Юрьевъ, 1895 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Фиске, Джонъ**. Открытіе Америки, съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Пер. Николаева. Т. I. Ц. 2 р. М., 1892 г. Т. II. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фишеръ, Г.** Практическій мыловаръ. Практическое руководство къ фабриканціи всѣхъ сортовъ мыла по новѣйшимъ усовершенствованнымъ приемамъ. Съ 44 рисунокъ. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Фламмаріонъ, К.** По волнамъ безконечности. Спб., 1893 г. Ц. 80 к.
— Въ небесахъ. 2 изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.
— Рассказы о небѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
— Конецъ міра. 1895 г. Ц. 60 к.
— Общедоступная астрономія. Спб., 1894 года. Ц. 80 к.
- Флеровъ, А.** Грамматика древняго церковно-славянскаго языка сравнительно съ русскимъ. Одесса, 1894 г. Ц. 60 к.
— Грамматика древн. церковнаго языкъ. Одесса 1894 г. Ц. 50 к.
- Флейшнеръ, Л.** Исторія народнаго образованія въ Англіи. Одесса, 1895 г. Ц. 15 к.
- Фойгтъ, Георгъ**. Возрожденіе классической древности или первый вѣкъ гуманизма. Переводъ И. П. Расадина. Т. I. Ц. 3 р. 50 к. М., 1884 г. Т. II. Ц. 3 р. М., 1885 г.
- Фонвизинъ, С.** Конецъ дневника. Рассказъ. 1894 г. Ц. 30 к.
- Фортунатовъ, А.** Сельско-хозяйственная статистика Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
— Урожай ржи въ Европейской Россіи. М., 1893 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Французи и русские** въ Крыму. Письмо франц. офицера къ своей семьѣ во время восточной войны. Пер. съ фр. Халютина. Минскъ, 1894 г. Ц. 1 р.
- Фрикенъ**. Римскіе катакомбы и памятники первоначальнаго христіанскаго искусства. Часть I. Ц. 1 р. М. 72 г. Часть II. Ц. 1 р. 50 к. М. 77 г. Часть III. Ц. 1 р. 50 к. М. 80 г. Часть IV. Ц. 2 р. 50 к. М. 85 г.
- Фрикенъ, А.** Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. I. Ц. 2 руб. М., 1891 г. Итальянское искусство въ эпоху возрожденія, ч. 2-я. М., 1895 г. Ц. 2 р.
- Фриманъ, Эдуардъ**. Историческая географія Европы. Пер. подъ редакц. профес. И. К. Лучицкаго. Т. I. (текстъ). Т. II (карты). Цѣна 6 р. за оба тома. М., 1892 г.
— Методы изученія исторіи. Пер. П. Николаева. Ц. 2 р. М., 1893 г.
- Фулье, Альфонсъ**. Исторія философіи. Пер. П. Николаева. М., 1894 г. Ц. 3 р.
— Отрывки изъ сочиненій великихъ философовъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Фулье Альфредъ**. Декартъ. Пер. подъ редакціей профес. Грота. М., 1894 г. Ц. 80 коп.
— Страданіе и удовольствіе и о выраженіи душевныхъ волненій. Спб., 1895 г. Ц. 25 к.
- Фурнье, Альфредъ**. Лечение сифилиса. Переводъ Говсѣева. (изд. 2-е). Харьковъ, 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Фэйе**. Происхожденіе міра. Космогоническія теоріи, древнія и современныя, критика гипотезы Лапласа и собственная теорія автора. Съ добавленіемъ: космогоническія гипотезы К. Вольфа. Пер. со 2 дополнен. изд. Изд. второе. Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 95 к.
- Хвольсонъ, О.** Докторъ физики. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ (2-е изд.). Спб., 1886 г.
- Хиггинсонъ, Т.** Здравый смыслъ и женскій вопросъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Христіановичъ, П.** Опытъ устройства общеобразовательной школы съ цѣлью большей подготовки учащихся къ жизни. М., 1894 г. Ц. 40 к.
- Художественная Россія**. Т. I-й Спб. 1885 г. Изд. П. И. Полевого. Ц. вмѣсто 5 р.— 2 руб.
- Цвѣтковъ, А. А.** Новѣйшіе русскіе писатели (для старшихъ классовъ гимназій и домашняго чтенія), съ 27 портретами. Спб., 1883 г. Ц. 3 р.

- Электрическое освѣщеніе въ прижизненныхъ къ жизни и военному искусству, (151 рис.). Спб., 1885 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Курсъ государственной науки, ч. I. М., 1894 г. Ц. 3 р.
- ЦВѢТКОВЪ, Н.** Практическій курсъ русскаго правописанія (согласованъ съ "Руководствомъ Я. Грота"). Ч. I и II. Ц. по 50 коп. Тула, 1895 г.
- Цигенъ, Т.** Физиологическая психология. Спб., 1893 г. Ц. 75 к.
- Цицеронъ.** Рѣчь за царя Дейотара. Кіевъ, 1892 г. Ц. 40 к.
- Рѣчь противъ Верреса (о казняхъ). Ц. 60 к.
- Рѣчь за Архіа. поста 1891 г. Ц. 80 к.
- Рѣчь къ судьямъ за Т. Аннія Милона. 1892 г. Ц. 60 к.
- Первая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 30 к.
- Вторая филиппика противъ Марка-Антонія. Ц. 50 к.
- Рѣчь въ защиту Секста Росція Америкскаго. Ц. 60 к.
- Рѣчи противъ Калпурны. Ц. 50 к.
- Рѣчь за Луція Муруну. Ц. 40 к.
- Рѣчь за Квинта Лигарія. Ц. 30 к.
- Рѣчь о назначеніи Гнея Помпея полководцемъ. Ц. 50 к.
- Тускуланскія бесѣды. Книга I. О превращеніи къ смерти. Кіевъ, 1888 г. Ц. 60 к.
- Книги 2 и 3-я. О перенесеніи боли и объ угѣщеніи печали. 1889 г. Ц. 75 к.
- Книга 4-я. Объ остальныхъ душевныхъ волненіяхъ. Книга 5-я. О добродѣтели. 1889 г. Ц. за обѣ книги 75 к.
- Частный починъ въ дѣлѣ народнаго образованія.** М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Чеховъ, Ант. П.** Жена. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 25 к.
- Именины. Разсказъ. М., 1898 г. Ц. 20 коп.
- Палата № 6. Разсказъ. М., 1893 г. Ц. 35 коп.
- Въ сумеркахъ. Изд. 7-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Разсказы. Изд. 8-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Палата № 6. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 1 р.
- Кастанка. Изд. 3-е. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Дуэль. Изд. 4-е. Спб., 1894 г. Ц. 1 р.
- Чешихинъ, Евграфъ Вас.** Краткая исторія прабалтійскаго края. Изд. 2-е. Рига, 1894 г. Ц. 35 к.
- Чиколевъ, Д.** Руководство къ приготовленію и сжиганію фейерверковъ съ описаніемъ устройства электрическаго освѣщенія. М., 1884 г. Ц. 2 р.
- Чичеринъ, В. Н.** Положительная философія и единство науки. М., 1892 г. Ц. 3 р.
- Основанія логики и метафизики. М., 1894 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Чмыревъ, Н.** Кобзарь Т. Г. Шевченка. М., 1874 г. Ц. 1 р.
- Чудиновъ, А. Н.** Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка. Спб., 1894 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Чукмасовъ, К. А.** Практическое руководство по мыловаренію. М. 1893 г. Ц. 40 к.
- Шамуринъ-Макаръевскій, Н. В.** Сельское хозяйство. Съ 110 рис. Четвертое дополнен. изд. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 35 к.
- Шараповъ.** По русскимъ хозяйствамъ. М., 1893 г. Ц. 2 р.
- Шаховъ, А.** Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка. Лекція по исторіи французской литературы, читанныя на высшихъ женскихъ курсахъ въ Москвѣ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Швейеръ-Лерхенфельдъ, А. Ф.** Женщина. Ея жизнь, нравы и обществен. положеніе у всѣхъ народовъ земного шара. Переводъ съ нѣмец. Спб., 1892 г. Ц. въ роскошномъ переплетѣ съ 200 рисун. 3 р. 75 к.
- Швингаммеръ и Кикъ, Вильгельмъ.** Простѣйшая школа кройки для драпировщиковъ и декораторовъ. Съ рисунками на 10-ти отдѣльныхъ листахъ. М., 1895 г. Ц. 1 р.
- Шекспиръ.** Драматическія сочиненія, въ пер. Кетчера, въ 9 част. Ц. первыхъ 8 част. по 1 р.; ц. 9 ч. 2 р. М., 1862 г.
- Шелли.** Сочиненія. Вып. I и II. Спб., 1894 г. (изд. 3-е). Цѣна кажд. вып. 50 коп.
- Вып. III. Спб., 1895 г. Ц. 50 к.
- Шелгунова, Л. П.** "Звѣздочка". Разсказы для маленькихъ дѣтей. Съ рисун. Спб., Ц. 1 р. 25 к.
- Шенланкъ, Бруно.** Промысловые синдикаты. Одесса, 1895 г. Ц. 20 к.
- Шенрокъ, В. И.** Матеріалы для біографія Гоголя. М., 1895 г. т. I ц. 2 р., т. II ц. 2 р., т. III ц. 3.
- Шербюлье, Викторъ.** Искусство и природа. Новая теорія изящныхъ искусствъ. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шерръ, Іоганнъ.** Шиллеръ и его время. М., 1875 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Всеобщая исторія литературы. Т. I и II. Спб., 1879 г. Ц. 4 р.
- Шервинскій, М.** Образцы архитектурныхъ деталей (15 листовъ образцовъ). Спб., 1891 г. Цѣна 1 р. и атласъ 6 рублей.
- Шиллеръ, Ф. Вильгельмъ Телль.** Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
- Заговоръ Фіеско въ Генуѣ. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Орлеанская дѣва. Пер. Шереметевск. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Коварство и любовь. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1892 г. Ц. 25 к.
- Разбойники. Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.
- Пламенный-дядя. Пер. Гомберга. Кіевъ, 1893 г. Ц. 15 к.

- Шилтовъ, А., проф.** Среди безбожниковъ. (Посмертныя записки врача-философа). Харьковъ, 1895 г. Ц. 40 к.
- Шильдбахъ.** Дѣтская гимнастика. Изд. 2-е. Спб., 1887 г. Ц. 75 к.
- Шимко.** Патріаршіи казенный приказъ. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Шишкинъ, А. Н.** Сельско-хозяйственная экономія. Спб., 1894 г. Ц. 1 р. 25 к.
- Шлоссеръ, Ф. К.** Исторія XVIII столѣтія и XIX-го до паденія Французской имперіи. 8 томовъ. Спб., 1868 г. Ц. 10 р.
- Шмейдлеръ.** Желѣзно-дорожное дѣло. Спб., 1880 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шмидтъ, Карлъ.** Исторія педагогики, изложенная во всемірно-историческомъ развитіи и въ органической связи съ культурною жизнью народовъ. Пер. Э. Циммермана. Т. I, ц. 5 руб. М., 1890 г.; т. III, ц. 5 р. 50 к. М., 1880 г.; т. IV, двѣ части, цѣна имъ 7 р. М., 1881 г.
- Шольцъ, Фридрихъ.** Ненормальности дѣтскихъ характеровъ. Пер. съ нѣмецкаго Л. Л. Сченсновича. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шредеръ, Р. И.** Хмѣль и его разведеніе въ Россіи и заграничій (изд. 4-е). Спб., 1895 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Штаркенбургъ.** Горе отъ любви. Одесса, 1894 г. Ц. 50 к.
- Шопенгауэръ, Артуръ.** Лучи свѣта его философіи. Извлечено изъ его соч. Юліусомъ Фраунштедтомъ. М., 1887 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Шперкъ, Э.** Система Слинновъ. Спб., 1893 г.
- Шредеръ, Р. И.** Русскій огородъ, питомникъ и плодовой садъ. Спб., 1893 г. Ц. 2 руб. 50 к. (Изданіе 5-е).
- Штолль, Г. В.** Великіе греческіе писатели. Спб. 1880 г. Ц. 2 р.
- Мрамъ классической древности. М., 1880 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Герои Греціи въ войнѣ и мирѣ. Спб., 1879 г. Ц. 2 р.
- Великіе римскіе писатели. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
- Герои Рима въ войнѣ и мирѣ. Спб. 1877 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Шулинъ, Фридрихъ.** Учебникъ исторіи римскаго права. Въ 2-хъ вып. М., 1893 г. Ц. 3 р. 50 к.
- Шумковъ, И. В.** Верблюды какъ сельско-хозяйственное животное въ Россіи. Оренбургъ, 1893 г. Ц. 1 р. съ пересылкою.
- Шутце, Фр.** Училищевѣдѣніе. Практическое ученіе о воспитаніи и обученіи для семинарій и учителей народныхъ школъ. Кіевъ, 1893 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Ш., Л.** Незабъжное зло. Разсказъ. М., 1894 г. Ц. 20 к.
- Щепкина, А. В.** Родныя мѣста. Чтеніе для дѣтей. Изд. 2-е. М., 1882 г. Ц. 1 р.
- Эдвинсонъ, Г.** Руководство спайки и луженія. Съ 66 полнѣтшажами въ текстѣ. М., 1894 г. Ц. 85 к.
- Эдвинсонъ, Д.** Какъ дѣлается маленький электродвигатель. М., 1895 г. 2 изд. Ц. 40 к.
- Какъ сдѣлать маленькую динамо-электрическую машину. М., 1895 г. Второе исправлен. изд. Ц. 50 к.
- Эйдамъ,** Сохраненіе здоровья. (Общая гигиѣна въ примѣненіи къ обыденной жизни). Сбл., 1891 г. Ц. 40 к.
- Экштейнъ, І., проф.** № 1. Честь въ философіи и въ правѣ. Спб., 1895 г. Ц. 80 к.
- Элерсъ, Отто.** Популярная политическая экономія. Одесса, 1895 г. Ц. 50 к.
- Энгельгардтъ, А. Н.** Фосфориты и сидерация. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.
- Энцилеръ, К.** Уходъ за больными въ семьѣ. Спб., 1893 г. Ц. 50 к.
- Эртель, А. И.** Двѣ шары. Повѣсть. М., 1894 г. Ц. 60 к.
- Залиски степняка. Очерки и разсказы. I и II. Спб., 1883 г. Ц. 3 руб.
- Эсмархъ.** Первая помощь. Спб., 1890 г. Ц. 80 к.
- Эспинасъ, А.** Соціальная жизнь животныхъ. Спб. 1882 г. Ц. 2 р. 50 к.
- Южаконъ, С. Н.** Афганистанъ испредѣльнныя страны. Политико-историческій очеркъ. Спб., 1885 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Юровъ, А.** Систематическій курсъ логики для среднихъ учебныхъ заведеній. Спб., 1895 г. Ц. 60 к.
- Юрьевъ, Мих.** Мои письма (4 дек. 1893 г. — 15 мая 1894 г.). М., 1895 г. Ц. 50 к.
- Карлъ Пятый и его время. Этюдъ. М., 1894 г. Ц. 2 р.
- Спорные вопросы западно-европейской исторической науки. М., 1894 г. Ц. 1 р. 50 к.
- Юлій Цезарь.** Записки о междоусобной войнѣ. Кіевъ, 1895 г. Ц. 75 к.
- Якимовъ, Н. М.** Вѣднй Тунгатай. Разсказъ изъ жизни киргизскихъ дѣтей, для дѣтей младшаго возраста. Тифлисъ. 1894 г. Ц. 15 к.
- Яковлевъ, Е.** Французско-русскій карманный словарь. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
- Янжулъ, И. И., проф.** Изъ психологіи народовъ. Одесса, 1893 г. Ц. 20 к.
- Янъ.** Термохимія. Спб., 1893 г. Ц. 2 р.
- Федоровъ.** Стихотворенія. М., 1894 г. Ц. 1 р.
- Bow, R. H.** Графическія данныя раціональнаго расчета рѣшетчатыхъ фермъ. М., 1895 г. Ц. 3 р.
- Cornelii Nepotii. Vitae excellentium imperatorum cum vita Catonis et Attici.** Переводъ. Кіевъ, 1889 г. Ц. 75 к.
- C. Julii. Caesaris commentarium de bello Gallico. Liber quintus.** Кіевъ, 1892 г. Ц. 50 к.

- Записки о Гальской войнѣ. Книга 1-я
Кіевъ, 1890 г. Ц. 85 к.
— Книги 2, 3, 4, 5, 6 и 7 по 50 к.
Donjean, A. Офортъ. Руководство трав-
ленія крѣпкой водкой на мѣди, цинкѣ
и стади. М., 1893 г. Ц. 75 к.
Häusser. Исторія реформаци. М.,
1882 г. Ц. 5 р.
Herodoti historiarum. Книга первая
Кіевъ, 1893 г. Ц. 75 к.
— Книги 4, и 9. Ц. по 50 к.
— Книги 5, 6, 7 и 8. Ц. по 60 к.
Heitzmann, C., D-r. Анатомическій
атласъ съ 625 рѣзанными на деревѣ ри-
сунками. Переводъ съ 7-го нѣмецкаго
изданія. Вып. I. Кіевъ, 1895 г. Ц. 60 к.
Jordan, Dr. W. Руководство высшей
геодезіи. М., 1881 г. Ц. 8 р.
Joward, Alfred. Домашніе фильтры
для очищенія воды, ихъ приготовленіе
и уходъ за ними. М., 1894 г. Ц. 75 к.
Jul Parreidt. Зубы и уходъ за ними.
Популярная гигиена зубовъ. Кіевъ, 1894 г.
Ц. 50 к.
Kercoff A. G. Cours gradué de langue
française. Parties I, II. М., 1880 г. Ц.
1 р. 25 к. Шя IV parties. М. 1892 г.
Ц. 1 р. 25 коп.
Lehner, S. Клей и замазки. М., 1891 г.
Ц. 1 р. 60 к.
Lenhartz, H., проф. Микроскопиче-
скія и химическія изслѣдованія у по-
стели больного. Кіевъ, 1894 г. Ц. 1 р.
25 к.
Marissiaux, L., et. Nomdrah, C.

- R.** Простое устройство электрическихъ
часовъ и будильниковъ. Руководство
для электротехниковъ любителей. Съ 15
рисунками на отдѣльной табличкѣ. М.,
1895 г. Ц. 35 к.
**Moscou et ses environs, rues et monu-
ments. Nouveau guide du voyageur.** М.,
1891 г. Ц. 40 к.
Mörus, Paul, Dr. Гигіена нервныхъ
людей. Кіевъ, 1894 г. Ц. 50 к.
Paul Julius Mosbius. Общая діа-
гностика нервныхъ болѣзней. Пер. съ
нѣмец. подъ ред. Минора. М., 1886 г.
Ц. 2 р. 50 к.
Roux, D-r и его сотрудниковъ. Мате-
риалы для изученія дифтеріи. Бактеріо-
логическія и клиническія изслѣдованія.
М., 1895 г. Ц. 3 р. 25 к.
Sell, д-ръ. Спиртъ и его добываніе,
свойства и примѣсъ. Спб., 1889 г. Ц. 2 р.
Schamaus, Hans. Основы патологиче-
ской анатоміи. М., 1895 г. Ц. 6 р.
(199 рис. въ текстѣ).
Tedeschi, V. Пшма маленькихъ дѣтей.
Кіевъ, 1893 г. Ц. 25 к.
Unwin. Основы построения частей ма-
шинъ или изложеніе законовъ и усло-
вій, отъ которыхъ зависятъ размѣры и
форма частей машинъ. Руководство для
инженеровъ, механиковъ, строителей,
фабрикантовъ для техническихъ и реаль-
ныхъ училищъ. М., 1887 г. Ц. 3 р. 50 к.
Weil-Mantou, d-r. Руководство для
врачей по страхованію жизни. М.,
1894 г. Ц. 1 р. 25 к.

Иностранная книги, доставленныя книжнымъ магазиномъ Гросманъ и Кнебель въ Москвѣ.

Французскія дѣтскія книги.

Французскія азбуки:

- L'Abc des tout petits.** Couverture en cou-
leurs. Av. 6 grav. col. Цѣна 8 коп.
L'Abc du premier âge. Couvert. en
coul. Av. 24 grav. col. Цѣна 30 коп.
L'Alphabet usuel. Av. 24 grav par Ad-
rien-Marie. Цѣна 65 коп.
L'Album Alphabet. Av. 27 illust. eu
coul. et de nombreuses grav. en noir.
Цѣна 1 р. 25 к.

Французскія книжки съ раскрашенными карт. для маленькихъ дѣтей.

Первая серия.

Цѣна по 5-ти коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de tex-
te. Couverture en couleurs.
La Fête de Jeanne, ill. par Bouisset.
Le Mariage de Toto, ill. par Bouisset.
La Première Poupée, ill. par Bouisset.
Le Voyage de Lucie, ill. Godefray.
Le Jardin de Juliette, ill. par Godefray.
La Semaine de Noël, ill. par Bouisset.

- Le Bain de Minet,** ill. par Godefray.
La petite fermière, ill. par Bouisset.
La petite Ménagère ill. par Bouisset.

Вторая серия.

Цѣна по 8-ми коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de tex-
te. Couverture en couleurs.
Monsieur Dumolet, ill. par Vogel.
Mon père m'a donné un mari, ill
par Bouisset.
Saint-Nicolas et Guilleri, ill. par Vogel.
Gribouille, ill. par Steinlen.
Il était une bergère, ill. par Bouisset.
Le Chevalier du Roi, ill. par Vogel.
M. de la Palisse, ill. par Chovin.
Mal'braugh, ill. par Clérice.
Cadet Rousselle, ill. par Faria.
La Mère Michel, ill. par Faria.
Le Roi Dagobert, ill. Chovin.
Abe des tous petits, ill. par Bouisset
Le Renard et le Corbeau, ill. p
Gélibest.
Sur le pont du nord, ill. par Bouisset

Третья серия.

Цена по 13-ти коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 Cendrillon, ill. par Grivaz.
 Tome Pouce, ill. par Vogel.
 Folle journée, ill. par Steinlen.
 Barbe bleue, ill. par Vogel.
 Pierrot, ill. par Jozet.
 L'assaut du moulin, ill. par Tofani.
 Le Chat botté, ill. par Myrbach.
 Le prince Saphir, ill. par Gumery.
 Riquet à la houppe, ill. par Vogel.

Четвертая серия.

Цена по 20 коп.

- 6 gravures en couleurs et 8 pages de texte. Couverture en couleurs.
 Jean le Chanceux, ill. par Chovin.
 La Semaine de Julie, ill. par Martin.
 Gulgnol, ill. par Job.
 Jean L'ours, ill. par Massé.
 Paul dans la lune, ill. par Job.
 oiseau bleu, d'après M-me d'Aulnoy,
 L'ili. par Clérice.
 Sept d'un coup! D'après Grimm, ill. par Poirson.
 Le Baron de Krack, ill. par Chovin.

Пятая серия.

Цена по 40 коп.

- 16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
 Frère et soeur, ill. par Vogel.
 Gargantua, ill. par Myrbach.
 Petite Poucette, ill. par Job.
 Don Quichotte, ill. par Myrbach.
 Robinson Crusoe, ill. par Myrbach.

Шестая серия.

Цена по 65 коп.

- 16 pages imprimées en gros caractères sur papier fort. 8 gravures très fort. 7 gravures en couleurs. Couverture en carton souple avec or et couleurs.
 Le dormeur éveillé, ill. par Chovin.
 Les animaux domestiques, ill. par Gambard.
 Ali-Baba ou les 40 voleurs, ill. par Myrbach.
 Au Pays des fleurs, ill. par Gambard.

Седьмая серия.

Цена по 1 руб.

- Contenant vers 30 ill. en couleurs, cartonnage en couleurs.
 Le voyage de M-lle Rosalie, ill. par T. Marie.
 Bambins et bambines, ill. par Harding.

Восьмая серия.

Цена по 1 руб. 75 коп.

- Les jardins de Paris. 82 ill. de Grigny. Texte par Bonhomme.

- La journée de Bébé. 32 illustrat. de Bouisset. Texte par Arnaud.
 Album des enfants sages. Illust. par Harding.
 Heureux âge, ill. par Harding.

КНИЖКИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ ДЛЯ ДЕТЕЙ ОТЪ 5—8 ЛѢТЪ.
 Напечатанными крупнымъ шрифтомъ съ многочисленными иллюстраціями въ текстѣ.
 Цена каждая тома безъ перепл. 40 коп.
 съ перепл. 65 коп.

- Les histoires de tante Rose, par M-me de Bosguérard.
 Mémoires de Cigarette, par Théo-Sritt.
 Contes aux tout petits, par P. Andrievau.
 Bébés en vacances, par M-me Gameau.
 La chatte de M-lle Ilda, par M-me de Paloff.
 Petits amis, par M-me de Bosguérard.
 Les Bons points de Bébé, par M-me de de Sobol.
 Mignonnettes, par M-me Noémi Balleyguier.
 Scènes enfantines, par M-me de Bosguérard.
 Le petit monde, par M-me A. de Wailly.
 Moi et mes poupées, par M-me de Bosguérard.
 L'histoire d'une troupe de marionnettes, par M. A. de Bréville.
 Aimé pour son bon coeur, par M-lle Eva Gatouil.
 Les plage de Wimeraux, par Noéme Balleyguier.
 Les enfants de cigarette, par Theodor Cahu.

КНИЖКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ОТЪ 9—12 ЛѢТЪ.

Библиотека белая иллюстрированная.

Каждый томъ съ переплетомъ 1 руб.

- Bertin, M. Les deux côtés du mur
 Bignon, Un singulier petit homme.
 Chewille, de. Histoire d'un trop bon chien.
 Dickens Ch. L'Embranchement de Mugby.
 Dumas, A. La Bouillie de la comtesse Berthe.
 Durand, H. Histoire d'une bonne aiguille.
 Feuillet (Octave). La vie de Polichinelle.
 Lackroy, S. Les Fées de la famille.
 Mayne-Reid. Les Exploits des jeunes Boërs.
 Muller, Eugène. Récits enfantins.
 Musset, P. de. M. le Vent et M-me la Pluie.
 Ourliac, E. Le Prince Coqueluche.
 Perrault. Les Lunettes, de Grand'Maman.
 Sand, George. Gribouille.
 Stahl, P.—J. Les Aventures de Tom Pouce.
 Contes de la tante Judith.
 Verne, Jules. Un Hivernage dans les glaces.

КНИЖКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ОТЪ 10—13 ЛѢТЪ.

Библиотека для образования материнской школы иллюстрированная.

- Каждый томъ безъ перепл. 1 р. 15 к., съ перепл. 1 р. 75 к.*
- Anfostl. Le secret de sir William.
" Jacques l'abandonné.
Balleygièr. Aux garennes.
" Les Rogimbot.
" M-lle Trimbalmouche.
Bellaigue. La vengeance d'un haut coeur.
Bonhomme. Récis de l'oncle Paul.
Boret. Histoire d'un garçon.
Carnoy. La nuit de Noël.
" Hans Mertens.
Dumont. Fables pour les petits.
Le Conte. Ce bon Loff.
Jane. Le 28 jours de Suzanne.
Le Roy. Le fils de l'amiral.
Mesureur. Voyage à la mer.
" Histoire d'un enfant de Paris.
Mirzel. Notre ami Polly.
Monceau. Mon petit frère.
" L'enfant des Vosges.
Paloff. Echos des vacances.
Quantin. Histoire de Germaine.
Sobol. Bouton d'or.
Verne. Aventures d'enfants.
Witt. L'hiver à la campagne.
" Les héros modestes.

Книги для дѣтей отъ 12—14 лѣтъ.
Bibliothèque de la famille. In 8°. Illustrée.

- Каждый томъ съ переплеть 3 руб.*
- Carnoy. Les légendes de France, ill. par Zier.
Grafigny. Contes d'un vieux savant. Ill. par Nac.
Rochemont. Au pays des fées, ill. par. Mès
Cooper. Bas de cuir, arr. par Dubois, ill. en couleurs.
Mille et une nuits de la jeunesse Arr. par Dubois, ill. en couleurs.

НѢМЕЦКІЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ.

Крупная печать, хорошая бумага, изящныя иллюстраціи.

Новая изящная коллекція съ раскрашенными картинками по английскому способу.

отъ 25 коп. до 90 коп.

1. Serie à Band 25 kop.

- Glückliche Reise. — Tromm, Tromm, Dremm. — Puck — Mein Miezi. — Nach Helgoland. — Mutter Glaus und ihre Lieblinge — Frau Mieze — Eichhörnchen. — Müller Klaus — Fürs Herzblättchen — Das Haus das Haus, baute — Der Kinderomnibus — Im Freien.

2. Serie à Band 80 kop.

- Des Lieblings Bilderbuch — Kasperltheater. — Kätzchen zu Hause — Die En ten familie. — Tick-Tack für kleine Leute.

3. Serie à Band 45 kop.

- Am Strande — Noahs Arche — Durch Flur und Hain — Ringel, Ringel, Rosenkranz — Puppen-Gesellschaft — Die wunderliche Kutsche.

4. Serie à Band 60 kop.

Feierstündchen — Von Nah und Fern. — Kleine und grosse Freunde — Allerlei Gesellschaft.

5. Serie à Band 90 kop.

Gute Bekannte — Laterna Magica — Lustiger Reigen — Lieblings Kurzweil — Comitschs clowns — Unsere Lieblingsthiere.

НѢМЕЦКІЯ ДѢТСКІЯ КНИГИ ПО УДЕШЕВЛЕННЫМЪ ЦѢНАМЪ.

- Sturm, J. Neues Fabelbuch. Mit. Jll. nach Originalzeichnungen von F. Flinzer cartonirt statt 1 R. 20 K., nur 75 K.
Hey, Fabeln für Kinder. In Bildern gezeichnet von Otto Speckter (Original-Ausgabe des weltbekannten, klassischen Kinderbuches) 2 Bände („50 Fabeln“ und „Noch 50 Fabeln“) cartonirt zusammen statt 3 R. 60 K., nur 1 R. 50 K.
Scharz, 101 neue Fabeln. Mit Beiträgen von Bodenstedt. Lohmeyer, Sturm etc. Zahlreiche Illustrationen v. Flinzer. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Billier, Im Reich der Heiẗelmännchen oder Reiseabenteuer einer Puppe und eines Nussknackers. Mit vielen bunten Bildern, statt 3 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Deutsche Jugend. Gediegenste, Auswahl, von Bildern, Märchen, Reisegeschichten, Gedichten, Fabeln. statt 3 R. 50 K., nur 2 R.
Die Kinderlaube, Erzählungen, Märchen Schilderungen, Lebensbeschreibungen Gedichte etc. bearb. von. Th. Schäfl (Dresden). Mit zahlreichen bunten Volbildern und Textillustrationen. Jeder Band in 4° (über 380 Seiten). In elegantem Leinenband. Bd. 27, 28, 29. Jeder Band statt 3 R. 60 K., nur 2 R. 50 K.
Billier, E. Lieschens kluge Einfälle Hän-schens Reise durch die Stube. Mariele und die sieben Puppen. Wie es Fritzen auf seiner Schwester Hochzeit ging. Mit vielen farbigen Illustrationen v. Kleinmichel. 4 kurze Geschichten in einem Bande gebunden, statt 2 R., nur 85 K.
Frey, A. Schweizersagen. Mit Holzchnitten nach Original-zeichnungen deutscher Künstler, cartonirt. statt 1 R. 80 K., nur 1 R.
Lottka, Kinderträume. Mit zahlreichen prächtigen Illustrationen von Claudius, eleg. geb. statt 3 R., nur 1 R. 50 K.
Krüger, Märchen aus Heimat und Fremde. Mit 50 Original-Illustrationen. 4 Buntdruckbilder, 246 Seiten in eleganten Einband, statt 1 R. 50 K., nur 85 K.
Bern, M., Anthologie für die Kinder. Eine Auswahl der besten Ammenschen Spielverse, Puppengedichte, Rätsel, Fabeln, Neckmärchen Kindergebärberkömmlichen Reime, sowie fiersten Kinderlieder. Mit zahlreichen Illustrationen von Flinzer. Pletsch, J.

ter, Thumann und A. eleg. gebunden, statt 2 R. 50 K., nur 1 R. 50 K.
Kletke, Hermann. Die Kinderwelt. In Märchen und Liedern. Mit zahlreichen Holzschnitten nach Originalzeichnungen deutscher Künstler eleg. gebunden, statt 1 R. 80 K. nur R.
Strässle, Franz. Kleine illustrierte Naturgeschichte für die Jugend. sechste vermehrte und vielfach verbesserte Auflage Mit 179 Holzschnitten und 15 Tafeln Abbildungen in Farbendruck. Eleg. gebunden, statt 3 R., nur 1 R. 80 K.

Нѣмецкія азбуки.

Eisenbahn A. B. mit vielen bunten Bildern. 25 K.

Bilder A. B. C., oder der fleissige Leseschüler (mit bunten Bildern) cartonirt. 25 K.

Das goldene A. B. C., für kleine fleissige A. B. C. Schützen (mit vielen bunten Bildern) cartonirt. 80 K.

Hæstors, A. Fibel oder der Schreib-Lese-Unterricht. 85 K.

Gurcke, J. Schreib- und Lese Fibel. Mit Holzschnitten von Q. Speckter cartonirt. 45 K.

Dietlen, R. Des Kindes erstes Lesebuch. Illustrierte Fibel mit farbigen Bildern. Auf Grundlage des mit dem Anschauungsunterricht verbundenen ersten Sprech-, Schreib, u. Lese-Unterrichtes bearb. für Schule und Haus, cartonirt. 60 K.

Списокъ періодическихъ изданій, на которыя принимается подписка въ книжномъ магазинѣ журнала „Русская Мысль“ В. М. Лаврова.

Русскія.

Афиши театральныя. Ц. съ достав. 5 р., на лучшей бумагѣ 10 р.

Биржевыя Вѣдомости. Газета биржи, финансовъ, торговли, политики и обществ. жизни. Ц. съ доставк. и перес. на 1-е изд. 15 р., на 1/2 г. 9 р., на 2-е изд. 4 р. въ годъ.

Будильникъ. Журналъ сатирическій съ карикатурами. Москва. Ежедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.

Варшавскій Дневникъ. Ежедѣльная газета. Ц. съ пер. и дост. 12 р., на 1/2 г. 6 р.

Вокругъ Свѣта. Ежед. иллюстр. журналъ 4 р. съ пер.

Волгарь. Ежед. газ. Н.-Новгородъ. Ц. 8 р.

Волжскій Вѣстникъ. Ежедѣльный журн. съ прилож. сборника научно-беллетристическаго содерж. Казань. Ц. съ пер. 7 р.

Волынъ. Газета; 3 раза въ недѣлю. Житомиръ. Ц. съ дост. и пер. 5 р.

Воскресенье. Иллюстрированный ежедѣльный журналъ для народа. Ц. съ дост. и пер. 3 р.

Восточное Обзорѣніе. Интернационально-политическая газета. Иркутскъ. Ц. съ пер. 6 р.

Восходъ. Ежемѣсячный журналъ съ приложеніемъ „Ежедѣльной хроники“ Ц. съ дост. и пер. 10 р.; на 1/2 г. 6 р.

Всѣмирная Иллюстрація. Большой иллюстрированный журналъ. Выходитъ ежедѣльно съ ежемѣс. 1.—и прилож. „Трудъ“. Ц. съ дост. 17 р. съ пер. 18 р.

Вѣдомости Спб. Градоначальства. Ц. съ дост. 5 р.; съ пер. 7 р.

Вѣстникъ Европы. Журналъ исто-

рич., политики и литературн. 12 номер. въ годъ. Ц. 15 р. 50 к., съ дост. 16 р., съ пер. 17 р.

Вѣстникъ иностранной литературы. Ежемѣсячный журналъ. Ц. 4 р.

Вѣстникъ Кавказа. Газета ежедневная. Тифлисъ. Ц. съ пер. 10 р.

Гражданинъ. Ежедневная газета. Ц. 12 р. съ ежемѣс. прилож., съ дост. и пер. 15 р.

Донская Пчела. Газета; два раза въ недѣлю. Ростовъ-на-Дону. Ц. съ пер. и дост. 7 р.

Досугъ и Дѣло. Журналъ для солдатъ и народа. 6 выпущ. въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Екатеринбургская Недѣля. Ежедѣльная газета. Екатеринбургъ. Ц. съ перес. 6 р.

Живописное Обзорѣніе. Иллюстрированный беллетристическій журналъ. Ежедѣльно, съ ежемѣс. литер. прилож. Ц. съ дост. и пер. 8 р., на велен. бум. 15 р.

Journal de St.-Petersbourg. Ежедневная газета. Ц. съ дост. 18 р., съ пер. 22 р., 1/2 года: 10 р., съ пер. 12 р. 25 коп.

Journal d'Odessa. Ежедневная газета. Одесса. Ц. съ дост. и пер. 14 р.

Зодчій. Художественно-техническій журналъ ежемѣсячный. Ц. съ дост. 12 р., съ пер. 14 р.

Историческій Вѣстникъ. Ежемѣс. журн. Ц. съ дост. и пер. 10 р.

Кавказъ. Газета политич. и литерат. Ежед. Тифлисъ. Ц. съ дост. и пер. 13 р.

Кіевлянинъ. Газета юго-западнаго края. Ежед., выходитъ въ Кіевѣ. Ц. съ достав. и пер. 12 р., 1/2 г. 7 р.

- Книговѣдѣніе.** Цѣна съ дост. и перес. 6 руб.
- Край („Крај“).** Ежемѣсячная политическая и общественная газета на польскомъ языкѣ. Ц. съ дост. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р., съ пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Кронштадтскій Вѣстникъ.** Морская газета. Ц. съ доставк. и перес. 8 руб.
- Лучъ.** Газета. Три раза въ недѣлю. Ц. съ дост. и пер. 6 р., съ приложеніемъ еженедѣльнаго журнала „Иллюстрированный Миръ“. Безъ прилож. 3 р.
- Московскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная. Ц. съ дост. и пер. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р. 50 к.
- Moscauer deutsche Zeitung.** 6 разъ въ недѣлю. Ц. съ дост. и перес. 10 р.
- Московскій Листокъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 10 р.
- Наблюдатель.** Литературно-политич. журналъ. Ц. съ дост. 13 р., съ перес. 14 р.
- Недѣля.** Еженедѣльная газета съ приложеніемъ ежемѣсячнаго „Журнала романовъ и повѣстей“. Ц. съ пер. и дост. 9 р.
- Нива.** Иллюстрир. журналъ для семейнаго чтенія. 5 $\frac{1}{2}$ №№ въ годъ, съ ежем. литер. прилож. Ц. безъ дост. 5 р., съ дост. 6 р. 50 к., съ перес. 7 р.
- Новое Время.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. 16 р., съ перес. 17 р.; $\frac{1}{2}$ г. съ дост. 9 р., съ перес. 10 р.
- Новороссійскій Телеграфъ.** Газета политич., литер. и эконом. Ежедневно. Одесса. Ц. съ перес. и дост. 14 р.; $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Новости.** Ежедневн. политич. и литературн. газета. I-е изд.: съ дост. 16 р., $\frac{1}{2}$ г. 9 р.; съ перес. 17 р., $\frac{1}{2}$ г. 10 р.— II-е изд.: съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Новости Дня.** Ежедневная газета. М. Ц. съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.
- НОВЬ.** Иллюстрированный двухнедѣльн. вѣстникъ. Годовая подписная цѣна 14 р.
- Нуведлисть.** Музыкальный журналъ, съ музыкально-литературнымъ прибавл. 12 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и перес. 6 р.
- Осколки.** Еженедѣльн. иллюстр. журн. Ц. съ дост. и перес. 9 р.
- Петербургская Газета.** Газета обществен. жизни и литерат. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Петербургская Жизнь.** Иллюстр. еженедѣльн. журналъ. Ц. 6 р. съ дост. и перес.
- Петербургскій Листокъ.** Газета общественной жизни и литерат.; ежедн. Ц. съ дост. 9 р., $\frac{1}{2}$ г. 5 р. 50 к.; съ перес. 10 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Природа и люди.** Журналъ путешествій. Еженедѣльно. Ц. 5 р.
- Правительственн. Вѣстникъ.** Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 12 р., $\frac{1}{2}$ г. 8 р.
- Развѣдчикъ.** Журналъ библиографическій и научно-литературный, отъ 20 до 40 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 6 руб.
- Развлеченіе.** Журналъ литературы и юмористич., съ политинажами. Выходитъ еженедѣльно. Ц. съ пер. и дост. 6 р.
- Ребусъ.** Еженедѣльно. Ц. съ дост. и пер. 5 р.
- Родина.** Еженедѣльный иллюстрированный журналъ съ приложеніемъ романовъ. Ц. съ пер. 5 р. 60 к.
- Русское Богатство.** Ежемѣсячный журналъ. Ц. съ дост. и пер. 9 р.
- Русскій Вѣстникъ.** Журналъ литературный и политическій. 12 кн. въ годъ. Ц. съ дост. 16 руб., съ пер. 17 р.
- Русскій Инвалидъ.** Газета военная, ежедневная. Ц. съ дост. и пер. 9 р., вмѣстѣ съ „Военнымъ Сборникомъ“ 13 р.
- Русское Обзорѣніе.** Ежемѣсячный литературно-политич. журналъ. М. Ц. съ пер. 15 р. 50 к.
- Русскія Вѣдомости.** Газета политическая. Ц. съ дост. и пер. 11 р., $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Русь.** Газета политич. и литерат. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 3 р., съ еженедѣльными и ежемѣсячными приложеніями; п. 8 р.
- С.-Петербургскія Вѣдомости.** Газета политическая и литературная; выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. 17 р., съ пер. 18 р.
- St.-Petersb. Herald.** Ежедневно. Политическая и литературная газета. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.; за 6 м. 7 р. 50 к. съ дост. и пер.
- St.-Petersburg.Zeitung.** Газета политическая, ежедневная. Ц. съ дост. 13 р., съ пер. 14 р.
- СВѢТЪ.** Газета политическая и литературная. Ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 4 р., съ приложеніемъ романовъ и повѣстей 8 р.
- Сельскій Вѣстникъ.** Еженедѣльная народная газета. Ц. съ дост. 2 р., съ пер. 2 р. 60 к.
- Сенатскія Вѣдомости** съ собраніемъ указовъ. Ц. съ дост. и пер. 8 55 к.
- Стрекоза.** Художественно-юмористическій журналъ. Еженедѣльно. Ц. съ дост. 9 р., съ пер. 10 р.; $\frac{1}{2}$ г. 6 р.
- Судебная Газета.** Еженедѣльная газета. Ц. въ годъ 7 р.
- Сѣверный Вѣстникъ.** Литературно-научный и политическій журналъ. №№ въ годъ. Ц. съ дост. 12 р. 50 к. съ пер. 13 р. 50 к.

Съверъ. Литературный иллюстрированный журналъ. 52 №№ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 7 р.

Сынъ Отечества. Газета политич., ученая и литерат. Выходитъ ежедневно. Ц. съ дост. и пер. 8 р.

— Второе издание безъ приложен. 4 р.

Тифлиссій Листокъ. Ежедневная газета. Ц. съ дост. и пер. 6 р.

Чтеніе для солдатъ. 6 книгъ въ годъ. Ц. съ дост. и пер. 4 р.

Шахматы. Выходитъ 2 раза въ мѣсяцъ Ц. 5 р.

Школьное Образование съ приложеніемъ „Сборника“. Ежедневная общепедагогическая газета. Ц. съ пер. и доставкой 5 р.

Шутъ. Художественно-юмористическій журналъ каррикатуръ. Ежедневно. Ц. съ дост. и перес. 7 р., съ премією 7 р. 65 к.

П о л ь с к і я .

Atheneum. Pismo naukowe i literackie. Rocznie 12 zeszytów, rs. 12.

Biblioteka najcelniejszych utweroŭ literatury europejskiej. 12 zeszytów, rs. 6. — romansów i powiesci. 52 numera, rs. 6 kop. 80.

— Warszawska. 12 zeszytów, rs. 10.

Biesiada literaska. Pismo literackie illustrowane. 52 num, rs. 6 z dodatkiem powieści, rs. 8.

Bluszez. Pismo tygodniowe illustr. dla kobiet. 52 num., rs. 10. Z dodatkiem mód kolorowanych i krojów. Wydanie II rs. 13; wydanie III rs. 16.

Czasopismo Techniczne, miesięczne Kraków. Rs. 6 kop. 80.

Echo Muzyczne i Teatralne. Tygodnik literacko-artystyczny, zawiera utwory zagranicznych i krajowych kompozytorów. Z bezpłatnym dwutygodniowym dodatkiem not, rs. 10.

Gazeta Handlowa, codziennie, rs. 11.

Gazeta Lekarska. 52 numera. rs. 6.

Gazeta Polska, dziennik polityczny, rs. 12.

Gazeta przemysłowo - rzemieślnicza, pismo tygodniowe, rs. 5 k. 20.

Gazeta Rolnicza, rs. 9. Z Kurjerem rolniczym, rs. 13.

Gazeta Sadowa Warszawska. 52 numera, rs. 8.

Gazeta Świąteczna. 52 numera, rs. 3.

Gazeta Warszawska codziennie, rs. 12.

Izraelita. Organ poświęcony sprawom religii i oświaty. 22 numera. rs. 8.

Kolec. Tygodnik humorystyczny, rs. 8.

Kosmos. Czasopismo polskiego Towarzystwa przyrodników imienia „Kopernika“. Lwów, 21 reszytów, rs. 6.

Kraj, tygodnik polityczno-społeczny w Petersburgu, rs. 12.

Kronika Lekarska. Dwutygodnik naukowy, poświęcony przeglądowi postępów nauk lekarskich, rs. 6.

Kronika Rodzinna. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Codzienny, dziennik, rs. 9.

Kurjer Poranny. Wychodzi codziennie, rs. 8.

Kurjer Bolniczy. 52 numera, rs. 5.

Kurjer Świąteczny. Wychodzi co niedziela i święta, rs. 4.

Kurjer Warszawski, dziennik, rs. 12.

Kwartalnik Historyczny. 4 numera, rs. 6.

Medycyna, Tygodnik lekarski, pod redakcją d-ra Benni, rs. 6.

Mucha. Tygodnik humorystyczny illustrowany, rs. 5.

Niwa. Dwutygodnik naukowy, literacki i artystyczny, rs. 9.

Ogrodnik Polski. Dwutygodnik illustrowany, rs. 8.

Prawda. Tygodnik polityczny, społeczny i literacki. Pod redakcją Aleksandra Świętochowskiego. 6. rs. 10.

Przegląd tygodniowy życia społecznego, literatury i sztuk pięknych, rs. 10; z dodatkami rs. 12.

Przyjaciel dzieci. Pismo tygodniowe, rs. 5.

Przyjaciel zwierząt domowych i pożytecznych. Miesięcznik, rs. 3.

Rola. Tygodnik poświęcony sprawom społecznym, ekonomicznym i literackim, rs. 8.

Rolnik. Czasopismo dla gospodarzy wiejskich (Lwów). Rocznie 24 numerów, rs. 6.

Romans i Powiesc. 52 numera, rs. 4.

Słowo. Gazeta codzienna, rs. 12.

Sylwan pismo poświęcone leśnictwu, rs. 5.

Tygodnik illustrowany, poświęcony literaturze, nauce i sztuce pięknej, z tygodniowym dodatkiem powieści, rs. 12.

Tygodnik mód i powiesci. Z dodatkiem illustrowanych ubrań i robót kobiecych, rs. 5.

Tygodnik powiesci. Poznań, rs. 4.

Tygodnik Romansów i Powieści, rs. 4.

Wędrowiec. Pismo illustr., obejmujące podróże, rs. 8.

Wiadomości farmaceutyczne (tylko rocznie), rs. 5.

Wieczory rodzinne. Czasopismo tygodniowe illustrowane dla dzieci, rs. 5.

Wiek, dziennik polityczny i społeczny. rs. 12.

Wszelchświat. Tygodnik popularny, poświęcony naukom przyrodniczym. Pod redakcją B. Znatowicza, rs. 10.

Zdrowie, miesięcznik poświęcony higienie, rs. 5.

Zorza. Pismo dla miast i wiosek. Rocznie 52 Nr., rs. 4.

МОСКВА, С.-Петербургъ,
Одесса, Кокандъ, Варшава,
Екатеринбургъ.

Прейсъ - куранты высыла-
ются бесплатно. При запро-
сахъ просимъ упомянуть
настоящій журналъ.

Открыта подписка на второй полугодіе 1895 г.
НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ, ЛИТЕРАТУРНОЕ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОВРЕМЕННОЕ
ИЗДАНИЕ:

„РУССКАЯ БЕСѢДА“

(на годъ 6 руб., на полгода 3 руб.).

Въ вышедшихъ въ первомъ полугодіи шести книгахъ напечатаны, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Народное хозяйство съ точки зрѣнія нравственности и права. К. Одарченка.— Свобода, любовь и вѣра. Н. Аксакова.— О значеніи характера въ жизни народовъ. К. Толстого.— Естественный законъ въ духовномъ мірѣ. Проф. Г. Дрюмонда.— Евгений Овѣгинъ въ историческ. значеніи типа. Арс. Веденскаго.— Замѣтки изъ тюремнаго быта. И. Плетенева.— Памяти П. І. Шафарика. Проф. Пл. Кулаковскаго.— Къ столѣтію рожденія Грибоѣдова. А. Веденскаго.— Сельско-хозяйственное дѣло въ Россіи. Рцы.— По садамъ и огородамъ. С. Ѳ. Шарипова.— Тонеліусъ, какъ поэтъ и публицистъ. Г. Абова.— Зачатки расколоченія западнаго славянства. А. Вольтца.— Панфа. Разсказъ К. Баранцевича.— Милордъ. Повѣсть Элизы Ожешковой (перев. съ польскаго В. Лаврова).— Золотая нитка. Ѳ. Ожешковой.— Черные дни. Разсказъ фельдшерипы.— Страшная казнь. Гердеговинская быль.— Забайкальскіе воины. В. Вельснаго.— Селяне женицъ монаха. Разсказъ В. Врчевича.— Личное счастье. Разсказъ Н. Паюнова.— Невольница Злата. Повѣсть изъ сербской народной жизни.— Георгій Конисскій, архіеп. бѣлорусскій. Ѳ. Четыркина.— И. Д. Бѣльевъ. С. Гадзяцкаго.— Объ измѣненіи дух.-академич. устава. Проф. А. Гусева.— Объ отношеніяхъ полетики къ стратегіи. П. А. Гейсмана.— Московское городское кредитное общество въ настоящемъ, будущемъ и прошломъ. Б. И. Семеновича.— Культъ великаго въ исторіи. Рцы.— Вселенскій патріархъ Анонимъ VII.— Абхазія.— Волгеница Ирина Ѳедосова (съ портретомъ и нотами).— Зарубежное славянство: Прикарпатская Русь въ политико-національномъ и культурномъ отношеніяхъ. *.— Праздникъ „славн“ у черногорцевъ. П. Ровинскаго.— Боснія и Гердеговина. А. П. Липранди.— Положеніе дѣлъ въ Болгаріи. Герце—ова.— Сербія. *.— Борьба съ мадьярами угнетенныхъ народностей Венгрии. Давидовича.— Русско-буковинскіе дѣла. *.— Политическое обозрѣніе: Объ армянскомъ вопросѣ. Лео.— Къ вопросу о китайско-японскомъ столкновеніи. Д. Иловайскаго.— Россія, Китай и Японія. Черноморца.— Читраль и первые плоды англо-русской дружбы. Лео.— Вопросы внутренней жизни: Ближайшія задачи нашего покровительства. Д. Иловайскаго.— Орошеніе полей. Г. И. Аристова.— О измѣнскомъ землевладѣніи въ Россіи.— Наша учащаяся молодежь. М. Т.— О рабочемъ днѣ. Гофштетера.— О желѣзно-дорожныхъ тарифахъ.— Стихотворенія.— Библиографія и критика и т. д., и т. д.

Въ бесплатномъ приложеніи къ „Русской Бесѣдѣ“

„БЛАГОВѢСТЬ“

напечатаны статьи: 1) Взглядъ отцовъ Церкви на изученіе греческихъ классиковъ, Е. Апостолиды, и 2) Галаяцкая митрополія. Церковно-историческое изслѣдованіе Н. Д. Тихомірова.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою во все города Россіи: на годъ 6 руб., на полгода 3 руб.

Цѣна одной книги 1 руб. Можно требовать высылки изданія съ наложеннымъ платеніемъ. Новымъ годовымъ подписчикамъ высылается журналъ съ первой (январской) книги.

Подписка принимается: въ конторѣ редакціи „Русской Бесѣды“, С.-Петербургъ, Троицкая ул. д. 18,—въ Слб. Славянскомъ Обществѣ, а также въ книжныхъ магазинахъ: „Новаго Времени“, Карбасникова, Полова и другихъ.

Адресъ редакціи „Русской Бесѣды“: С.-Петербургъ, Гороховая ул., № 15.

Издатели: А. В. Васильевъ, Е. А. Евдокимовъ и В. С. Драгомирецкій.
Редакторъ В. Драгомирецкій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

Н А

НОВОЕ РОСКОШНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ

„ВСЕОВЩАЯ ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ“**Юганна Шерра**

въ двухъ объемистыхъ томахъ, со множествомъ гравюръ и картинъ, печатанныхъ черною и цвѣтными красками, портретовъ, автографовъ, факсимиле и отдѣльныхъ приложений. Всѣ клише для этого прекраснаго изданія заказаны издателями для художественнаго выполненія въ Штутгартѣ (Германія). Переводъ сдѣланъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія подъ редакціей и съ примѣчаніями **П. И. Вейнберга.**

Отдѣлы русской и славянской литературы будутъ обработаны болѣе подробно и самостоятельно.

Изданіе будетъ выходить выпусками съ 15 іюля 1895 г. и закончится весною 1896 г. Всѣхъ выпусковъ будетъ **20**, что составитъ два большихъ тома, около **1,000** страницъ.

Подписная цѣна на всѣ 20 выпусковъ:

Съ доставкою и пересылкою . . . . . **8** руб.
 Безъ доставки . . . . . **6** »

По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Допускается расрочка на слѣдующихъ условіяхъ:

При подпискѣ до 1 августа **два** рубля, а затѣмъ ежемѣсячно по **одному** рублю до уплаты полной стоимости.

Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга и въ конторахъ объявленій **Н. М. Печковски**

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться исключительно къ агенту, книгопродавцу **Д. В. Байкову**, Москва, Никольская.

Издатели Д. В. Байковъ и К^о

Въ книжномъ магазинѣ „РУССКОЙ МЫСЛИ“
 ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
 НОВАЯ КНИГА:
Григорій Москвитинъ.
„ПРАКТИЧЕСКІЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРЫМУ“.
4-е изданіе.
 1895 годъ.

Цѣна въ коленкоровомъ переплетѣ 1 руб.

МОСКОВСКІЙ БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЙ КРУЖОКЪ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1895 ГОДЪ.

Съ января мѣсяца 1894 года выходитъ въ Москвѣ ежемѣсячный библиографическій журналъ, органъ Московскаго Библиографическаго кружка, подъ названіемъ:

„КНИГОВѢДѢНІЕ“,

журналъ книгопечатанія въ обширномъ смыслѣ (книги, журналы, ноты, рисунки, фотографіи и т. п.), съ рисунками и отдѣльными приложениями.

Программа журнала, утвержденная г. министромъ внутреннихъ дѣлъ 3 іюля, слѣдующая:

I. Лѣтопись. 1) Полные списки всѣхъ вновь выходящихъ книгъ на русскомъ языкѣ въ систематическомъ порядкѣ, а также ноты, географическихъ картъ, плановъ, гравюръ и т. п.; 2) полные каталоги книгъ по разнымъ отраслямъ знанія, съ начала книгопечатанія до настоящаго времени; 3) матеріалы по библиографіи вообще.

II. Хроника. 1) Правительственныя распоряженія по дѣламъ печати; 2) разныя статьи по библиографіи; 3) библиотечовѣдѣніе; 4) издательское и книжно-торговое дѣло; 5) періодическая печать; 6) техника печати; 7) лѣтопись Московскаго Библиографическаго кружка.

III. Объявленія на всѣхъ языкахъ.

IV. Приложенія.

Подписная цѣна журнала, имѣющаго выходить 15 числа каждаго мѣсяца, книжками отъ 3 до 6 печатныхъ листовъ, формата 8° (19×26°), для членовъ кружка, уплатившихъ сполна годовой взносъ, бесплатно; для постороннихъ лицъ за годъ съ пересылкою и доставкою 6 рублей; на велевеной бумагѣ: для членовъ 3 рубля, для постороннихъ 10 рублей въ годъ.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

За 1 страницу для членовъ кружка.	4 р.
„ „ „ „ подписчиковъ на журналъ.	6 „
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ.	10 „
„ „ „ въ годъ для членовъ и подписчиковъ.	35 „
„ „ „ „ всѣхъ остальныхъ.	50 „

Для авторовъ и издателей, присылающихъ свои книги въ редакцію, отдѣльное объявленіе, въ размѣрѣ 1/4 страницы, стоитъ 1 рубль.

Подписка принимается только на цѣлый годъ, въ Москвѣ, въ помѣщеніи Московскаго Библиографическаго кружка (Тверская, уголъ Козницкаго пер., д. Ланкиной), въ магазинахъ: Н. И. Мамонтова, Н. П. Карбасникова, М. О. Вольфа и Д. В. Байкова; въ С.-Петербургѣ у Н. П. Карбасникова и Н. Г. Мартынова.

Отвѣтственный редакторъ *А. Д. Тороповъ.*

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ

О. Н. ПОПОВОЙ:

- Станюковичъ, К. М. «Откровенные». Романъ въ 2 ч. Спб., 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Рубакинъ, Н. А. Этюды о русской читающей публикѣ. (Читатель изъ «командующихъ классовъ». Читатель и писатель изъ народа. Книжное оскудѣніе). Спб., 1895 г. Цѣна 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.
- Леббокъ, Д. «Какъ надо жить» («The use of life»). Перев. съ англійск. Д. Боробчевскаго. Спб., 1895 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.
- Шелгуновъ, Н. В. Собраніе сочиненій. 2 т. Спб., 1895 г. Цѣна 3 р., съ перес. 3 р. 70 к.
- Гиббинсъ, Г. Промышленная исторія Англій. Перев. съ англійскаго А. В. Каменскаго. Спб., 1895 г. Цѣна 80 коп., съ перес. 1 руб.

Складъ изданій въ книжныхъ магазинахъ Н. П. Карбасникова:
С.-Петербургъ, Москва, Варшава.

ЖЕЛАЮЩЕ ПОДПИСАТЬСЯ ВЪ РАЗСРОЧКУ

(отъ 3-хъ руб. въ мѣсяць)

НА

„ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ“

БРОКГАУЗА и ЕФРОНА,

подъ редакціей К. К. Арсеньева и проф. Э. О. Петрушевскаго, при участіи редакторовъ отдѣловъ: проф. А. Н. Бекетова, С. А. Венгерова, проф. А. И. Воейкова, проф. Н. И. Карѣева, проф. Д. И. Менделѣева, пр. В. Т. Собичевскаго, В. С. Соловьева и проф. П. Э. Соловьева, благоволятъ сдѣлать заявленіе съ указаніемъ подробнаго адреса въ редакцію или въ книжный магазинъ „РУССКОЙ МЫСЛИ“, Москва, уголъ Леонтьевскаго и Б. Никитской, № 2—24.

Одновременно выдаются всѣ вышедшіе полутомы.

